

QUAESTIO ROSSICA

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

Ukraine, Georgia, the Urals,
and Siberia in the Midst
of the Civil War

Peter the Great, a Tsar and an Antichrist

The Royal Service of Decembrist
Stepan Nechayev

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

QUAESTIO ROSSICA

QR.URFU.RU

Vol. 9 | 2021 | № 1

Журнал основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год (апрель, июнь,
сентябрь, декабрь)

Established in 2013
Published 4 times a year (April, June,
September, December)

Учредитель – Уральский федераль-
ный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина
(УрФУ)
620000, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51

Founded by Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(UrFU)
51, Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg,
Russia

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013

Journal Registration Certificate
PI № FS77-56174 as of 15.11.2013

«Quaestio Rossica» – рецензируемый науч-
ный журнал, сферой интересов которого
являются исследования в области культуры,
искусства, истории, лингвистики и лите-
ратуры России. Задача журнала – расши-
рить представления о российском гумани-
тарном дискурсе в пространстве мировой
науки. Приоритет отдается публикациям,
в которых исследуются новые исторические
и литературные источники, выполняются
требования академизма и научной объектив-
ности, историографической полноты и по-
лемической направленности. К публикации
принимаются статьи на русском, английском,
немецком и французском языках. Полнотек-
стовая версия журнала находится в свобод-
ном доступе на сайте журнала и размещается
на платформе Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ) Российской универ-
сальной научной электронной библиотеки.
Полная информация о журнале и правила
оформления статей размещены на сайте:
<http://qr.urfu.ru>

“Quaestio Rossica” is a peer-reviewed
academic journal focusing on the study of
Russia's culture, art, history, literature and
linguistics. The journal aims to broaden the
idea of Russian studies within discourse in
the humanities to encompass an international
community of scholars. Priority is given
to articles that consider new historical
and literary sources, that observe rules of
academic writing and objectivity, and that
are characterized not only by their critical
approach but also their historiographic
completeness. The journal publishes articles
in Russian, English, German and French.
A fulltext version of the journal is available
free of charge on the journal's website and
is published in the database of the Russian
Science Citation Index of the Russian Universal
Scientific Electronic Library. For more
information on the journal and about article
submission, please consult the journal's
website: <http://qr.urfu.ru>

Журнал индексируется
в *AHCI Web of Science, Scopus*.

The journal is indexed
in *AHCI Web of Science, Scopus*.

Адрес редакции: Уральский федеральный
университет им. первого Президента Рос-
сии Б. Н. Ельцина. Россия, 620000,
Екатеринбург, пр. Ленина, 51, оф. 260
E-mail: qr_editor@urfu.ru

Editorial Board Address: Ural Federal
University named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin. Office 260, 51 Lenin Ave.,
620000, Yekaterinburg, Russia
E-mail: qr_editor@urfu.ru

Editorial Staff

Editor-in-Chief – Prof. **Larisa Soboleva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Deputy Chief Editors* – Prof. **Dmitry Redin** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS), Prof. **Tatiana Itskovich** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Executive Editor* – Prof. **Dmitry Timofeev** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); *Guest Editor* – Prof. **François-Xavier Nérard** (France, Pantheon-Sorbonne University); *Executive Secretary Associate* – Prof. **Alexey Antoshin** (Russia, Yekaterinburg, UrFU). *Translation Editors* – Dr **Tatiana Kuznetsova** (section ed.; Russia, Yekaterinburg, UrFU); PhD **James White** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); PhD **Malcolm Spencer** (Russia, Yekaterinburg, UrFU)

Editorial Board

Prof. **Vladimir Abashev** (Russia, Perm State National Research University); Prof. **Elena Dergacheva-Skop** (Russia, Novosibirsk State National Research University); Prof. **Simon Dixon** (UK, University College of London); Prof. **Fulvio Franchi** (Argentina, State University of Buenos Aires); Dr hab. **Artur Gorak** (Poland, Lublin, Maria Curie-Skłodowska University); Dr **Dmitry Katunin** (Russia, Tomsk State University); Prof. **Holger Kusse** (Germany, Dresden University of Technology); Prof. **Rina Lapidus** (Israel, Tel Aviv, Bar-Ilan University); Dr **Vladislav Rjeoutsky** (Russia, German Historical Institute in Moscow); Prof. **Seo Sangbeom** (Republic of Korea, Busan University of Foreign Studies); Prof. **Elena Sozina** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Dr **Dmitry Spiridonov** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Angelina Vacheva** (Bulgaria, Sofia University "St Kliment Ohridski"); Prof. **Daniel Waugh** (USA, Seattle, University of Washington); Prof. **Paul Werth** (USA, Las Vegas, University of Nevada); Dr **Julia Zapariy** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Andrey Zorin** (UK, University of Oxford)

Editorial Council

Prof. **Evgeniy Anisimov** (Russia, St Petersburg Institute of History of RAS); Prof. **Vladimir Arakcheev** (Russia, Moscow, RGADA); Dr **Eygeniy Artemov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Sergio Bertolissi** (Italy, University of Naples "L'Orientale"); Prof. **Paul Bushkovitch** (USA, New Haven, Yale University); Prof. **Igor Danilevsky** (Russia, Moscow, HSE University); Prof. **Chester Dunning** (USA, College Station, Texas A ; M University); Prof. **Natalia Fateyeva** (Russia, Moscow, The Russian Language Institute of RAS); Prof. **Boris Gasparov** (USA, New York, Columbia University); Prof. **Elena Glavatskaya** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Tatiana Krasavchenko** (Russia, Moscow, Institute for Scientific Information of Social Sciences of RAS); Prof. **Arto Mustajoki** (Finland, University of Helsinki); Prof. **Maureen Perrie** (UK, University of Birmingham); Prof. **Vladimir Petrukhin** (Russia, Moscow, Institute of Slavic Studies of RAS); Prof. **Rudolf Pihoya** (Russia, Moscow, Institute of Russian History of RAS); Dr **Igor' Poberezhnikov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Olga Porshneva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Gyula Szvak** (Hungary, Budapest, Eotvos Lorand University)

Logo; cover design – **Konstantin Pervukhin**

Редакционная коллегия

Главный редактор – проф. **Л. С. Соболева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); зам. главного редактора – проф. **Д. А. Редин** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **Т. В. Ицкович** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); выпускающий редактор – проф. **Д. В. Тимофеев** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); приглашенный редактор – проф. **Ф.-К. Нерар** (Франция, Париж 1 Пантеон-Сорбонна); ответственный секретарь – проф. **А. В. Антошин** (Россия, Екатеринбург, УрФУ).

Редакторы перевода – доц. **Т. С. Кузнецова** (отв. ред.; Россия, Екатеринбург, УрФУ); PhD **Дж. Уайт** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); PhD **М. Спенсер** (Россия, Екатеринбург, УрФУ)

Члены редколлегии

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермский государственный научно-исследовательский университет); проф. **А. Вачева** (Болгария, Софийский университет Св. Климента Охридского); проф. **П. Верт** (США, Лас-Вегас, Университет Невады); д. и. н. **А. Горак** (Польша, Люблин, Университет Марии Склодовской-Кюри); проф. **Е. И. Дергачева-Скоп** (Россия, Новосибирский государственный научно-исследовательский университет); проф. **С. Диксон** (Великобритания, Университетский колледж Лондона); к. и. н. **Ю. В. Запарий** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **А. Л. Зорин** (Великобритания, Оксфордский университет); к. ф. н. **Д. А. Катунин** (Россия, Томский государственный университет); проф. **Х. Куссе** (Германия, Дрезденский технический университет); проф. **Р. Лапидус** (Израиль, Тель-Авив, Университет Бар-Илан); к. и. н. **В. С. Ржеуцкий** (Россия, Германский исторический институт в Москве); проф. **Со Санбом** (Республика Корея, Пусанский университет иностранных языков); проф. **Е. К. Созина** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); доц. **Д. В. Спиридонов** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Д. Уо** (США, Сизл, Университет Вашингтона); проф. **Ф. Франчи** (Аргентина, Университет Буэнос-Айреса)

Редакционный совет

Проф. **Е. В. Анисимов** (Россия, Санкт-Петербургский институт истории РАН); проф. **В. А. Аракчеев** (Россия, Москва, РГАДА); д. и. н. **Е. Т. Артемов** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **С. Бертолисси** (Италия, Неаполитанский Восточный университет); проф. **П. Бушкович** (США, Нью-Хейвен, Йельский университет); проф. **Б. М. Гаспаров** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **Е. М. Главацкая** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **И. Н. Данилевский** (Россия, Москва, Высшая школа экономики); проф. **Ч. Даннинг** (США, Колледж-Стейшен, Техасский университет A&M); проф. **Т. Н. Красавченко** (Россия, Москва, ИНИОН РАН); проф. **А. Мустайоки** (Финляндия, Хельсинкский университет); проф. **М. Перри** (Великобритания, Университет Бирменгема); проф. **В. Я. Петрухин** (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН); проф. **Р. Г. Пихоя** (Россия, Москва, Институт российской истории РАН); д. и. н. **И. В. Побережников** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **О. С. Поршнева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Д. Свак** (Венгрия, Будапешт, Университет им. Лорана Этвёша); проф. **Н. А. Фатеева** (Россия, Москва, Институт русского языка РАН)

Логотип и дизайн обложки – **Константин Первухин**

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Vox redactoris

<p><i>François-Xavier Nérard, Dmitry Redin, Éric Aunoble, Jean-François Fayet.</i> The Russian Empire from Dawn to Dusk 7</p>	<p><i>François-Xavier Nérard, Dmitry Redin, Éric Aunoble, Jean-François Fayet.</i> The Russian Empire from Dawn to Dusk 7</p>
---	---

Scientia et vita

<p><i>Дюла Свак.</i> «Русскую историю должны писать русские, и зачем в это дело вмешиваются венгры?» Микроисториографический этюд . . . 23</p>	<p><i>Gyula Szvák.</i> “Russian History Should Be Written by Russians, Why Are Hungarians Interfering?” A Microhistoriographical Study 23</p>
--	---

Problema voluminis

<p>Гражданская война от Днестра до Тихого океана – свершившийся апокалипсис</p> <p><i>Александр Шубин.</i> Комитет членов Учредительного собрания как леводемократическая альтернатива коммунистам и белым в Гражданской войне 57</p> <p><i>Francis King.</i> Valiko Jugeli and the Cult of the People’s Guard in Georgia 74</p> <p><i>Éric Aunoble.</i> From Militants to Secret Agents: Ukrainian Communists under General Denikin 91</p> <p><i>Антон Чемакин.</i> Украинская народная громада в Гражданской войне: украинские консерваторы, русские государственники или малороссийские патриоты? . . . 109</p> <p><i>Алексей Антошин.</i> Демократическая пресса Гражданской войны в условиях белого движения на Урале и в Зауралье 123</p> <p><i>François-Xavier Nérard.</i> Red Corpses: A Microhistory of Mass Graves, Dead Bodies, and Their Public Uses . . 138</p> <p><i>Anastasia Papushina.</i> Funeral Reform and the Materiality of Death in the Russian Civil War 155</p> <p><i>Михаил Ходяков.</i> «Классовый паек» и бронированное снабжение продовольствием в годы Гражданской войны 169</p> <p><i>Jean-François Fayet.</i> The Russian Red Cross in the Civil War 188</p> <p><i>Евгений Крестьянников.</i> Томский судья Александр Левберг: грани пособничества большевикам в начале Гражданской войны 203</p>	<p>The Civil War from the Dniester to the Pacific: An Accomplished Apocalypse</p> <p><i>Alexander Shubin.</i> The Committee of Members of the Constituent Assembly as a Left-Democratic Alternative to the Communists and the Whites in the Civil War 57</p> <p><i>Francis King.</i> Valiko Jugeli and the Cult of the People’s Guard in Georgia 74</p> <p><i>Éric Aunoble.</i> From Militants to Secret Agents: Ukrainian Communists under General Denikin 91</p> <p><i>Anton Chemakin.</i> The Ukrainian People’s Gromada in the Civil War: Ukrainian Conservatives, Russian Statists, or Little Russian Patriots? 109</p> <p><i>Alexey Antoshin.</i> The Democratic Press of the Civil War during the White Movement in the Urals and Trans-Urals 123</p> <p><i>François-Xavier Nérard.</i> Red Corpses: A Microhistory of Mass Graves, Dead Bodies, and Their Public Uses . . 138</p> <p><i>Anastasia Papushina.</i> Funeral Reform and the Materiality of Death in the Russian Civil War 155</p> <p><i>Mikhail Khodyakov.</i> The “Class Ration” and Food Reserves during the Civil War 169</p> <p><i>Jean-François Fayet.</i> The Russian Red Cross in the Civil War 188</p> <p><i>Evgeny Krestyannikov.</i> Tomsk Judge Alexander Levberg: The Facets of Collaboration with Bolsheviks at the Beginning of the Civil War 203</p>
---	---

СОДЕРЖАНИЕ

Петр Великий:
сотворение империи

Elżbieta Olzacka. The Role of the Cultural Context in the Russian Military Revolution 218

Andrei Zakharov. The Traditional Ranks in the Petrine Epoch: Between Afterlife and Innovation 236

Денис Ляпин. Ландратские книги: характеристика источника и его информационный потенциал. 254

Александр Петров, Алексей Ермолаев, Мария Коскина. Петр I и рост интереса России к освоению Тихого океана, 1711–1722 265

Maureen Perrie. Peter the Great as Antichrist: The Secular Sources of an Old Believer *Compilation from Holy Scripture* 281

Origines

Юлия Галкина. Письмо самарского «консула» премьер-министру Франции о событиях Гражданской войны: долг гражданина и личный интерес. 297

CONTENTS

Peter the Great:
The Creation of the Empire

Elżbieta Olzacka. The Role of the Cultural Context in the Russian Military Revolution 218

Andrei Zakharov. The Traditional Ranks in the Petrine Epoch: Between Afterlife and Innovation 236

Denis Lyapin. Landrat Books: Characterising a Source and Its Potential. 254

Alexander Petrov, Alexey Yermolaev, Maria Koskina. Peter the Great and Russia's Growing Interest in the Exploration of the Pacific Ocean, 1711–1722. 265

Maureen Perrie. Peter the Great as Antichrist: The Secular Sources of an Old Believer *Compilation from Holy Scripture* 281

Yulia Galkina. A Letter from the Samara “Consul” to the Prime Minister of France about the events of the Civil War: A Citizen's Duty and Self-Interest 297

Disputatio

Владимир Шкерин. Первая половина жизни Степана Нечаева: литератор и декабрист. 311

Анастасия Туманова, Александр Сафонов. Политика в неполитическом: идеология конституционных реформ в программатике профессиональных съездов начала XX века. 325

Дина Аманжолова. Заложить непременно собственно киргизский центр: национально-территориальное размежевание и столицы Казахстана 341

Анастасия Голубцова. Большевизм и религия в итальянских травелогах о Советской России 1920–1930-х годов. 361

Vladimir Shkerin. The First Half of Stepan Nechayev's Life: Writer and Decembrist. 311

Anastasia Tumanova, Alexander Safonov. Politics in the Non-Political: The Ideology of Constitutional Reforms in Professional Congresses in the Early 20th Century 325

Dina Amanzholova. To Establish a Proper Kyrgyz Centre: National and Territorial Delimitation and the Capitals of Kazakhstan 341

Anastasia Golubtsova. Bolshevism and Religion in Italian Travelogues about Soviet Russia from the 1920s and 1930s 361

Controversiae et recensiones

Амиран Урушадзе, Вячеслав Шербаков. Грузинское общество в XIX веке: особенности интеграции в пространство Российской империи 381

Об авторах. 390

Сокращения 396

Amiran Urushadze, Vyacheslav Shcherbakov. Georgian Society in the Nineteenth Century: Features of Integration into the Space of the Russian Empire. 381

On the Authors. 390

Abbreviations 396

THE RUSSIAN EMPIRE FROM DAWN TO DUSK

There was no bread. There was no iron.
 There was hunger, death, lies,
 horror and terror – it was the year nineteen.

Boris Pilnyak. The Naked Year. 1920

Three hundred years ago, with the adoption of the imperial title by Tsar Peter I, Russia was officially declared an empire. Four years short of its bicentennial anniversary, this empire ceased to exist, plunging into the chaos of civil war. The centenary of this conflict has, for several years now, served as an impulse for reviving academic discussions about the causes of the catastrophe in Russia, as well as about the nature, course, chronology, and various aspects of “life in the catastrophe” (to use Igor Narsky’s vivid definition [Нарский]). The life of the subsequent empire proved to be yet briefer, collapsing 30 years ago. In this fascinating magic of numbers, one can hear Ecclesiastes’ refrain about the vanity and futility of life; however, it does not deliver us from the search for answers to questions of why and how empires are born and die, are reborn and perish again.

Abandoning the usual chronology, we begin the main section of the journal, *Problema voluminis*, with the events that ended the history of the empire. In 1919, the former Russian Empire entered the ‘Naked Year,’ a paroxysm of the civil war that erupted after the 1917 revolutions. For a long time, this war was considered a fight for power between the ‘Reds’ and the ‘Whites.’ This description is now challenged by interpretations using a far more diverse colour chart: historians currently use shades of red and white, not forgetting the ‘green’ of the rebel peasants and the colours of the different national movements that emerged. Today, these times of trouble are understood as much as an infinite fragmentation of the space between concurring powers and authorities as a fight for power. The decay and the subsequent disappearance of the imperial state made way for the emergence of multiple institutions (not only states) created on the basis of limited territories, political, social, or ethnic groups.

This complexity challenges historians to use new tools and concepts. Big concepts need to be deconstructed for better comprehension. Should we speak about *the* civil war or civil wars (as J. Smele does [Smele])? What was this ‘war’? Was it the sum of several conflicts? What were the groups usually referred to as ‘Reds,’ ‘Whites,’ ‘Anarchists,’ ‘Nationalists,’ ‘Democrats’? How can we define these actors? What were their practices?

Furthermore, we need to work at different levels of analysis. A vertical approach encourages us to think about the role of leaders and rulers

without neglecting simple soldiers and activists. Geographical variations are also crucial, as the vastness of the post-imperial space and the historical and sociological specificities of each territory presume multiple situations, each of which merits study and comparison in order to avoid the unified narrative that participants tried to put forward, especially after the events.

The question of violence – sparked by revolution and counter-revolution – was at the centre of scholarly attention after the ‘end of communism’, as most studies focused on institutional coercion. It is now understood in a more plural way (including rapes, pogroms...) and placed in a broader post-World War I context. This approach allows us to compare the situation in the former tsarist empire with other countries so as to investigate interactions and interference between countries and to point out similarities and specificities.

Different chronological frameworks are also useful for understanding the civil war in depth. Analysis might be centred on single events or include a larger period. The conflict can be traced in its enduring representations in images, sounds, objects, individual behaviours, and social relationships. It was a ‘formative experience’ (Sheila Fitzpatrick) not only for the Soviet regime and its actors, but also for society, one which for a long time gave shape to interactions and practices. These years of deprivation, arbitrariness, and violence caused traumas that individuals, families, social groups, and institutions had to overcome either by producing various narratives or sometimes by trying to forget the tragic events.

It is this very diversity of approaches that an international conference¹ held in Paris in December 2019 aimed at studying. The above special section devoted to the civil war brings together some of the works written by participants in the conference and some new research. These eleven papers, by Russian, French, British and Swiss researchers, aim to take part in this historiographical renewal. They show convincingly how different levels of analysis (time, space, individuals, institutions, and communities) may be fruitfully combined.

They may be grouped into three parts. In the first, two articles, written by *Aleksandr Shubin* (Moscow, Russia) and *Alexey Antoshin* (Yekaterinburg, Russia), try to loosen the grip of the interpretation of the civil war as a conflict between Red and White. The doomed attempts to promote a democratic alternative are studied in two different ways. Shubin proposes a stimulating analysis of the Komuch. Antoshin opts for a grassroots study of the press in different Ural urban centres not under Bolshevik rule. He shows decisively how difficult it was to express heterodox views in this context, but the existence of this pluralism and its role are nevertheless a central contribution of his paper.

A critical part of the second group of papers is devoted to the definition of identities. At a micro-level, the individual had to react to the conflict depending on his/her social determinants (class, gender, nationality).

¹ We would like to thank the participants to the conference for the very fruitful exchanges and the different institutions that made this project possible : the program “Writing a New History of Europe” – Laboratory of Excellence EHNE, the Swiss Embassy in Moscow and personally his Excellency Ambassador Yves Rossier, the Global Studies Institute – University of Geneva, the ISP Research Team – University of Nanterre, The SIRICE Research Team.

The understanding of personal trajectories, how people got involved in the conflict or refused to take part, how they tried to adapt themselves and to survive, is crucial. The civil war represented a turning point in the life of many individuals and could even create opportunities for social promotion.

Yulia Galkina (Yekaterinburg, Russia) publishes for the first time a letter kept in the French military archives. It allows us to become acquainted with the quite extraordinary life of L. Jeannot, a so-called French 'consul' in Samara. Having lived in Russia for fifteen years, the Frenchman assumed a rather undefined role during the civil war, never fully officially recognised by the French authorities but always present. Dealing with huge amounts of money, spending time with major personalities, and threatened with court martial, he tried to adapt and take advantage of the new situation. This kind of *aventurier* is also part of the life of countries at war.

Francis King (Norwich, UK) highlights how Georgian Mensheviks, once Marxist militants, turned themselves into heralds of democracy and national independence. He focuses on the fate of Valiko Jugeli, who set up a workers' militia, the Red Guard, in 1917. Leading the fight against the Bolsheviks and other alien forces, the People's Guard became a national symbol, even though its real role and values were far from the myth.

The study of the Ukrainian People's Gromada by *Anton Chemakin* (St Petersburg, Russia) also challenges the notion of national identity. As an organisation of Ukrainian conservatives, it was thought of as instrumental in Skoropadsky's regime and its attempt at right-wing Ukrainian state-building. Still, its role has been exaggerated considerably. Furthermore, the Gromada members had pre-modern views, seeing themselves more as little Russians than as Ukrainians.

Éric Aunoble (Geneva, Switzerland) aims to study the reaction of Ukrainian communists in 1919 after Denikin took control over the country. Some 800 activists were sent behind enemy lines from July to November 1919. In the underground, they had to switch from political militancy to espionage and insurgency. Under the constant threat of repression, they adapted not only their practices, but also their ideological views.

The study of the legal profession in Siberia by *Evgeny Krestyannikov* (Tyumen, Russia) is particularly revealing. People were confronted with professional dilemmas as power changed hands numerous times: should you collaborate with the new authorities? Were you ready to risk your career? But these choices were once more questioned in terms of loyalty when the authorities changed. Did judge Aleksandr Levberg become a traitor when he agreed to work for the Bolshevik courts? Krestyannikov's paper reveals the multiple strategies developed by actors in order to justify their choices. It raises the question of the reliability of individuals that was so important for the Bolsheviks after their victory [Fitzpatrick, 2002; Fitzpatrick, 2005].

The last part of the section deals with the trauma of the war and its materiality. Surviving the war was the aim of most people caught in this turmoil. Besides violence, hunger and diseases were the main threats. Two papers describe the efforts to deal with the consequences of the war. *Jean-François*

Fayet (Fribourg, Switzerland) focuses on the civil war as a laboratory for the practices and laws of modern humanitarianism. The rise of the Bolsheviks to power led to the break-up of the Russian Red Cross Society (RRCS) into a multitude of national and political associations. In view of their experience and infrastructure, the so-called Moscow, Omsk, and Kiev RC organisations quickly became decisive players in the civil war. In many fields, these RC organisations acted as a substitute for the state. In addition to the tasks common to all RCs, the paper highlights the specific features of each front.

Mikhail Khodyakov (St Petersburg, Russia) proposes a very precise and inspiring study of food provisioning in Petrograd. He shows how the differentiation between groups of people with access to the food was organised. Here again, the civil war proved to be the crucible of Bolshevik Russia. The hierarchy of consumption found its roots, or at least an echo, during the first months of Bolshevik rule.

Death was omnipresent in this bloody conflict. Two articles offer an insight into this question, focusing their attention on the materiality of dead bodies. *Anastasia Papushina* (Budapest, Hungary; Vienna, Austria) works on the funeral industry. She shows how the Soviet authorities had the ambition to offer the same services to all people, irrespective of their social status. In the dire conditions of the civil war, however, the reform led to major disruptions. Papushina questions the space for privacy during times of mass deaths. *François-Xavier Nérard* (Paris, France), on the other hand, works on the public uses of dead bodies. He describes a ‘politics of corpses’ by showing how the bodies of fallen soldiers were used to mark public space, tenuously controlled by Bolsheviks. Public ceremonies, monuments, and even the display of mutilated comrades gave a material dimension to the creation of the new state.

Pilnyak’s words about “hunger, death, lies, horror, and terror” still resonate a century after they were written. The articles the reader will discover try to observe individuals caught in this turmoil and to study their fate, their ideas, their strategies for survival, and their deaths. They aim at being a new step in the further understanding of these appalling, yet fascinating, times.

The two articles by *Anastasia Golubtsova* and *Dina Amanzholova* (Moscow, Russia) in the *Disputatio* section are a kind of epilogue to the section on the civil war. The first article analyses Bolshevism and religion in the travelogues of Italian writers and journalists visiting Soviet Russia in the 1920s and 1930s. The “accomplished apocalypse” of the war was still alive in memories and often in the surrounding reality. Biblical analogies were more than appropriate, and the new government, trying to construct a new world out of the chaos which it itself had caused, was perceived by observers from fascist Italy in a clearly religious context, despite all the ideological differences. The second article looks at the process of reformatting the administrative-territorial and political structure of the former empire, providing a “blueprint” to create a new managerial reality. The transformation of Kazakh autonomy into a union republic, the focus of the author’s attention, is shown as a complex history of the struggle of regional and ethnic elites, the contradictions of the centre and the periphery, the ideology

of internationalism, and archaic survivals. The central government had to return to a search for a compromise between diversity and unity – the eternal problem of heterogeneous imperial states.

From the grand finale to the beginning: the second block of the *Problema voluminis* section discusses the “dawn of the empire”, the reign of Peter the Great.² While the destruction of an empire means its fragmentation and the emergence of contradictory and often mutually hostile differences, the opposite process, the creation of an empire, is a collecting of sorts, an expansion, the art of managing diversity, constantly tempted by the possibility (or necessity?) for unification. In such terms, *Alexander Petrov* (Moscow, Russia), *Alexey Yermolaev* (Kemerovo, Russia), and *Maria Koskina* (Yaroslavl, Russia) examine the emergence of the state’s interest in the development of the Pacific coast in the first quarter of the eighteenth century, while *Denis Lyapin* (Yelets, Russia) looks at the documentation for the last household census (“landrat books”) of the 1710s. Despite all the differences in their content and methods, the two articles are united by their attention to imperial aspirations, whether in terms of the appropriation and development of geographical space (the territorial body of the empire) or the appropriation of social space. While the government’s interest in Far Eastern lands was based on the idea of maintaining imperial status in the international arena, the search for an optimal system for the population census was dictated by the desire to create more effective taxation. The latter article also demonstrates the potential of landrat books, which as sources provide first-rate material for studying social stratification in Russia.

Peter’s reforms, however, did not come from nowhere. The discontinuity and continuity of Russian state institutions under Peter with those during the pre-Petrine era is one of the key issues in modern academic literature on this topic. The articles of *Elzbieta Olzacka* (Krakow, Poland), describing the historical and cultural context of the Military Revolution in early modern Russia, and *Andrey Zakharov* (Chelyabinsk, Russia), proving the long coexistence of traditional court ranks with the new ranks introduced by the Table of Ranks (1722), try to solve important aspects of this problem. The reasons for the prestige of old ranks in Petrine Russia and the pragmatic attitude of the tsar to them are revealed in a thorough analysis of the practices of grants between 1700 and 1722. A paradoxical synthesis of the old and the new is presented in an article by *Maureen Perry* (Birmingham, England). The subject of her study is the Old Believer polemical work *A Compilation from Holy Scripture about the Antichrist*, dated to the beginning of the nineteenth century. The identification of the reforming tsar with the Antichrist was already widespread during Peter’s lifetime. This compilation (probably created among the Old Believer wanderers or “runners”) about the impious character of the first Russian emperor is based largely on secular anecdotes published at the end of the eighteenth century.

² This work was supported by a grant from the RSF (project 19-18-00186 “Culture of the Spirit” vs “Culture of the Mind”: intellectuals and power in Britain and Russia in the era of change (17th – 18th centuries)).

The imperial theme is continued in the *Disputatio* and *Controversiae et recensiones* sections. The search for a richer palette of interpretations that go beyond “black-white” or “white-red” antitheses is characteristic of the article by *Vladimir Shkerin* (Yekaterinburg, Russia), which relates the evolution of the views of Stepan Nechayev, once a member of the Union of Prosperity and later a high-ranking official in Russia under Nicholas I. This approach is also taken in the review by *Amiran Urushadze* and *Vyacheslav Shcherbakov* (Rostov-on-Don, Russia) on a book by the German historian P. Ammon. The authors prove the fallacy of defining imperial policy in Georgia as an occupation policy and “Russification” as a practice aimed at the eradication of national identity and culture. The series of events that Ammon defines as “Russification” instead may be viewed as a system of integrating local elites into the general imperial space, one which did not infringe on their ethno-cultural identities. *Anastasia Tumanova* and *Alexander Safonov* (Moscow, Russia) focus on professional congresses of doctors, teachers, and engineers on the eve of the First Russian Revolution. Describing the programmes and discussions at the congresses, the authors demonstrate how in a very short time the professional and civil positions of the participants of such congresses were filled with political overtones, awareness of the impossibility of effective professional activity without serious changes in domestic policy. The representatives of the Russian intelligentsia, who initially did not share radical sentiments, later became sincerely concerned about the participation of civil forces in political decision-making, overcoming bureaucratic inertia and archaic class restrictions. Such public tension, caused, among other things, by the inability of the ruling elite to engage in dialogue with civil institutions, was one of the harbingers of the end of the empire.

The *Scientia et vita* section of this issue offers a special place to an essay by *Gyula Szvák* (Budapest, Hungary). The essay is based on the story of the detrimental discussion of the PhD thesis of Sándor Szili, a Hungarian graduate student of R. G. Skrynnikov at the department of Russian history at St Petersburg State University in the summer of 1992. Interpreted in the context of the dramatic global changes associated with the collapse of the Soviet Union and the socialist bloc, this quite ordinary event (within the framework of a large historiography, not for the author of the dissertation) proves very instructive, since it gives food for thought both about the fate of historical scholarship and about the tragedy of the destruction of a large state, which led to civil confrontation.

François-Xavier Nérard
Université Paris 1 Panthéon-Sorbonne,
Paris, France

Dmitry Redin
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Éric Aunoble
University of Geneva,
Geneva, Switzerland

Jean-François Fayet
University of Fribourg,
Fribourg, Switzerland

Не было хлеба. Не было железа.
Были голод, смерть, ложь, жуть, ужас –
шел девятнадцатый год.

Борис Пильняк. Голый год. 1920

300 лет назад, с принятием Петром I императорского титула, Россия официально была провозглашена империей. Не дожив четыре года до своего двухсотлетнего юбилея, империя прекратила существование, погрузившись в хаос Гражданской войны, столетие которой вот уже несколько лет служит импульсом к оживлению научных дискуссий как о причинах государственной катастрофы в России, так и о характере, ходе, хронологии и различных аспектах «жизни в катастрофе» (пользуясь ярким определением Игоря Нарского [Нарский]). Более краткой оказалась жизнь последующей империи, распавшейся 30 лет назад. В завораживающей магии цифр звучит рефрен Экклезиаста о суетности и тщете коловращения жизни, но это не избавляет от поиска ответов на вопросы, почему и как рождаются и умирают, и снова рождаются и умирают империи. Отказываясь от привычного следования хронологии, мы начинаем основную рубрику *Problema voluminis* с событий, завершающих историю империи.

В 1919 г. в бывшей Российской империи начался «Голый год» – пароксизм Гражданской войны, разразившейся после революций 1917 г. Долгое время эта война считалась борьбой за власть между красными и белыми. Такая интерпретация теперь оспаривается – современные историки используют более разнообразную цветовую схему, говоря об оттенках красного и белого, не забывая о «зеленом» мятежных крестьян и различных цветах многочисленных национальных движений, возникших в этот период. Сегодня эти смутные времена понимаются как борьба за власть, как бесконечное дробление пространства между противостоящими силами и авторитетами. Распад и последующее исчезновение империи привели к учреждению многочисленных институтов (государств, но не только их), создающихся на основе ограниченных территорий, а также политических, социальных или этнических групп.

Выявленная сложность заставляет историков пользоваться новыми инструментами исследования и концепциями. Большие концепты часто необходимо деконструировать для лучшего понимания и изучения. Можем ли мы говорить об одной Гражданской войне или о гражданских войнах во множественном числе (как это делает Дж. Смеле [Smele])? Какова эта война? Является ли она суммой нескольких конфликтов? Каковы те группы, что обычно именуют красными, белыми, анархистами, националистами, демократами и т. д.? Как мы можем определить этих акторов? Каковы их действия?

Более того, нам необходимо работать на разных уровнях анализа. Вертикальный подход поощряет размышления о роли лидеров и правителей, не пренебрегая в то же время простыми солдатами

и активистами. Географические различия также имеют решающее значение, поскольку обширность постимперского пространства, историческая и социологическая специфика каждой территории предполагают множество ситуаций, каждая из которых индивидуальна и заслуживает изучения и сравнения во избежание единого нарратива, который пытались создавать участники событий, особенно после их окончания.

Вопрос о насилии, вызванном революцией и контрреволюцией, был в центре внимания ученых после «краха коммунизма», поскольку большинство исторических исследований того времени было сосредоточено на институциональном принуждении. Сейчас такое насилие понимается в контексте более широкого разнообразия его форм (включая изнасилования, погромы и др.), а также рассматривается в расширенный период после Первой мировой войны. Такой подход позволяет сравнить ситуацию в бывшей Российской империи с другими странами с целью изучения межгосударственных взаимодействий, а также выявить сходства и различия этих ситуаций.

Различные хронологические рамки также полезны для углубленного понимания Гражданской войны. Анализ может быть сосредоточен непосредственно на событиях войны или включать больший период. Конфликт можно проследить в его устойчивых репрезентациях в образах, звуках и предметах, а также в индивидуальном поведении участников и социальных отношениях между ними. Это был «формирующий опыт» (Шейла Фицпатрик) не только для советского режима и его акторов, но и для общества в целом, и он долгое время способствовал формированию взаимодействий и практик внутри советского общества. Эти годы лишений, произвола и насилия вызвали травмы, которые отдельные люди, семьи, а также социальные группы и институты должны были преодолевать, создавая различные нарративы о войне, но иногда просто забывая или пытаясь забыть трагические события.

Именно этому многообразию подходов и была посвящена международная конференция, состоявшаяся в Париже в декабре 2019 г.¹ Специальный раздел, посвященный в журнале *Quaestio Rossica* Гражданской войне, объединяет как некоторые работы участников конференции, так и новые исследования. Эти 11 статей, написанных российскими, французскими, британскими и швейцарскими исследователями, пытаются стать частью такого историографического обновления. Они убедительно показывают, как можно плодотворно

¹ Мы хотели бы поблагодарить участников конференции за очень плодотворный обмен мнениями и с благодарностью упомянуть различные институты, которые сделали возможным этот проект: программу «Написание новой истории Европы» – Лабораторию передового опыта EHNE, посольство Швейцарии в Москве и лично его преемственность посла Ива Россье, Институт глобальных исследований – Женевский университет, Исследовательскую группу ISP – Нантерский университет, Исследовательскую группу SIRICE.

объединить различные уровни анализа (время, пространство, индивидов, институты и сообщества).

Публикуемые статьи можно условно разделить на три части. Две статьи, написанные *Александром Шубиным* (Москва, Россия) и *Алексеем Антошиным* (Екатеринбург, Россия), пытаются ослабить хватку сложившейся интерпретации Гражданской войны в красно-белых тонах. Обреченные попытки продвижения демократической альтернативы некоторыми участниками конфликта изучаются двумя различными способами. Шубин предлагает интересный анализ КОМУЧа, в то время как Антошин делает выбор в пользу подробного изучения прессы в различных городских центрах Урала, не находившихся под властью большевиков. Исследователь убедительно показывает, насколько трудно было выражать в этом контексте неортодоксальные взгляды. Существование плюрализма мнений в уральской прессе и его роль, без сомнения, являются центральным вкладом его статьи.

Критическая часть второй группы работ посвящена определению индивидуальных и групповых идентичностей. На микроуровне человек должен был реагировать на конфликт в зависимости от своих социальных детерминант (класс, пол, национальность и т. д.). В таком исследовании решающее значение имеет понимание личностных траекторий участников войны, того, как люди вовлекались в конфликт или отказывались в нем участвовать, пытались адаптироваться и выжить. Для некоторых людей Гражданская война представляла собой поворотный момент в жизни и даже создавала возможности для социального продвижения.

Так, *Юлия Галкина* (Екатеринбург, Россия) впервые публикует письмо, хранящееся в Военном архиве Франции. Опубликованный материал позволяет познакомиться с совершенно неординарной, но для военного времени, возможно, совсем обычной жизнью Л. Жанно, так называемого французского «консула» в Самаре. Прожив 15 лет в России, этот француз стал довольно непредвиденным актором во время Гражданской войны, никогда полностью официально не признанным французскими властями, но всегда присутствовавшим. Имея дело с огромными суммами денег, проводя время с крупными деятелями того времени, он под угрозой военного трибунала пытался приспособиться и извлечь выгоду из новой ситуации. Подобные авантюристы – тоже часть жизни тех стран, что находятся в состоянии войны.

Фрэнсис Кинг (Норидж, Англия) исследует, как грузинские меньшевики, некогда марксистские боевики, превратились в защитников демократии и национальной независимости. В центре его внимания – судьба Валико Джугели, создавшего в 1917 г. рабочую милицию – Красную (Народную) гвардию. Возглавляя борьбу с большевиками и другими чуждыми силами, Народная гвардия стала национальным символом, хотя ее реальная роль и ценности были далеки от современного мифологизированного образа.

Исследование *Антон Чемакина* (Санкт-Петербург, Россия) также ставит под сомнение понятие национальной идентичности. Как организация украинских консерваторов Громада считалась важным инструментом режима Скоропадского в его попытке правого государственного строительства на Украине. Тем не менее, ее роль была значительно преувеличена. Интересно, что члены Громады придерживались несовременных взглядов, считая себя скорее малороссами, чем украинцами.

Эрик Онобль (Женева, Швейцария) в своей статье изучает реакцию украинских коммунистов в 1919 г. после того, как Деникин захватил власть в стране. С июля по ноябрь 1919 г. в тыл врага было отправлено около 800 активистов. В подполье им пришлось перейти от политической войны к шпионажу и мятежам. Под постоянной угрозой репрессий они адаптировали не только свою практику, но и свою идеологию.

Особенно показательным исследование *Евгения Крестьянникова* (Тюмень, Россия) о юридической профессии в Сибири. При многочисленных сменах власти люди рано или поздно сталкивались с профессиональной дилеммой: стоит ли сотрудничать с новой властью? Готовы ли они рискнуть своей карьерой? Но любой такой выбор снова подвергался сомнению с точки зрения лояльности, когда власть менялась. Стал ли предателем судья Александр Левберг, согласившись работать на большевистские суды? В статье раскрываются многочисленные стратегии, разработанные участниками тех событий для обоснования своего выбора. Автор ставит вопрос о надежности отдельных лиц, что станет так важно для большевиков после их победы [Fitzpatrick, 2002; Fitzpatrick, 2005].

Последняя часть раздела посвящена травмам войны и ее материальности. Выжить в войне было конечной целью большинства людей, оказавшихся в этих перипетиях. Помимо насилия, основной угрозой для людей в военное время стали голод и болезни.

В двух следующих работах описываются попытки преодоления последствий войны. *Жан-Франсуа Файе* (Фрибург, Швейцария) рассматривает Гражданскую войну как лабораторию для создания практик и законов современного гуманизма. Приход большевиков к власти привел к распаду Российского общества Красного Креста на множество национальных и политических объединений. Но благодаря своему опыту и инфраструктуре московские, омские и киевские организации РККА быстро стали решающими игроками в Гражданской войне на стороне Красной и белых армий. Во многих областях организации Красного Креста выступали в качестве замены государству. В дополнение к задачам, общим для всех них, в статье освещаются специфические особенности каждого фронта с точки зрения гуманитарных организаций.

Михаил Ходяков (Санкт-Петербург, Россия) предлагает исследование продовольственного обеспечения Петрограда. Он показыва-

ет, как была организована дифференциация между группами людей в доступе к продовольствию. И здесь Гражданская война вновь оказалась горнилом большевистской России. Иерархия потребления также уходит корнями или, по крайней мере, вершками в первые месяцы большевистского правления.

Смерть, конечно, была вездесущей в этом кровавом конфликте. Две следующие статьи исследуют тему смерти, акцентируя внимание на материальности мертвых тел. Работа *Анастасии Папушиной* (Будапешт, Венгрия; Вена, Австрия) сосредоточена на похоронной индустрии. Она показывает, как советская власть стремилась предлагать одинаковые услуги всем людям, независимо от их социального статуса, однако в тяжелых условиях Гражданской войны такая реформа унификации услуг привела к серьезным потрясениям. Автор исследует пространство для уединения во времена массовых смертей. *Франсуа-Ксавье Нерар* (Париж, Франция), с другой стороны, работает над смыслом и практиками публичного использования мертвых тел. Он описывает «политику трупов», показывая, как тела павших солдат использовались для обозначения публичного пространства, слабо контролировавшегося большевиками. Публичные церемонии, памятники или даже демонстрация изувеченных товарищей придавали новой власти материальное измерение.

Слова Пильняка о «голоде, смерти, лжи, жути и ужасе» отзываются и спустя столетие после написания. В статьях, которые читатель собирается открыть для себя, их авторы пытаются наблюдать за людьми, оказавшимися в этих перипетиях, и изучать их судьбы, их идеи, их стратегии выживания, их смерть. Они нацелены на то, чтобы стать новым шагом в дальнейшем понимании этих ужасных, но захватывающих времен.

Своеобразным эпилогом к разделу о Гражданской войне служат статьи *Анастасии Голубцовой* и *Дины Аманжоловой* (Москва, Россия) в рубрике *Disputatio*. В первой анализируются темы большевизма и религии, читаемые в травелогах итальянских писателей и журналистов, побывавших в Советской России в 1920–1930-х гг. «Свершившийся апокалипсис» еще жил не только в воспоминаниях – порой в окружавшей реальности, библейские аналогии были более чем уместны, а новая власть, строившая новый мир из хаоса, к которому сама была причастна, воспринималась наблюдателями из фашистской Италии (при всех личных идеологических различиях) в религиозном контексте. Во второй речь идет о процессе переформатирования административно-территориальной и политической структуры бывшей империи, «черновой работе» для создания новой управленческой реальности. Трансформация казахской автономии в союзную республику, находящаяся в центре внимания автора, являет сложную рутинную историю борьбы региональных и этнических элит, противоречий центра и периферии, идеологии интернационализма и прорывов архаики, вновь возвра-

щающую центральную власть к поиску компромисса между многообразием и унификацией – вечной проблеме гетерогенных государств имперского типа.

От финала – к началу: второй блок *Problema voluminis* отсылает читателя к «рассвету империи» – правлению Петра Великого². Если разрушение империи – это фрагментация и появление противоречивых и зачастую взаимовраждебных разностей, то созидание империи – собирание, расширение, искусство управления разнообразием, постоянно искушаемое соблазном (или необходимостью?) унификации. Этим темам посвящены статьи *Александра Петрова* (Москва, Россия), *Алексея Ермолаева* (Кемерово, Россия) и *Марии Коскиной* (Ярославль, Россия) о формировании государственного интереса к освоению Тихоокеанского побережья в первой четверти XVIII в. и *Дениса Ляпина* (Елец, Россия) об источниковедческих характеристиках документации последней подворной переписи (ландратских книгах) 1710-х гг. При всех различиях содержания и методов двух статей их объединяют упомянутые выше имперские стремления к собиранию: идет ли речь о присвоении и освоении географического пространства – территориального тела империи или об освоении пространства социального. И если интерес правительства к дальневосточным рубежам основывался на идее поддержания имперского статуса в международном аспекте, то поиски оптимальной системы учета населения диктовались стремлением к созданию наиболее эффективной системы налогообложения – одной из основ внутренней прочности. В статье показан источниковый потенциал ландратских книг, дающих первоклассный материал для изучения социальной стратификации России того времени.

Петровские реформы возникли не на пустом месте. Проблема разрыва и континуальности российских институтов при Петре с допетровской эпохой – одна из ключевых в современной научной литературе по данной теме. Решению важных аспектов этой проблемы посвящены статьи *Эльжбеты Ольжацки* (Краков, Польша), характеризующей историко-культурный контекст военной революции в России раннего Нового времени, и *Андрея Захарова* (Челябинск, Россия), доказывающего длительную традицию сосуществования традиционных придворных чинов с новыми чинами, вводимыми Табелем о рангах (1722). Причины престижа старых чинов в новой петровской России и прагматическое отношение к ним самого царя раскрываются на тщательном анализе практик пожалований 1700–1722 гг. Парадоксальный синтез старого и нового предстает в статье *Морин Перри* (Бирмингем, Англия). Предметом исследования британского историка стало старообрядческое полемическое произведе-

² Работа над рубрикой поддержана грантом РФФ (проект № 19-18-00186 «Культура Духа» vs «Культура Разума»: интеллектуалы и власть в Британии и России в эпоху перемен (XVII–XVIII вв.)).

дение «Собрание от Священного Писания на Антихриста», датируемое началом XIX в. Отождествление царя-реформатора с Антихристом было широко распространено уже при жизни Петра. Спецификой же данного компилята (созданного, вероятно, в среде старообрядцев-странников, или бегунов) является то, что доказательства о нечестивой природе первого российского императора основываются во многом на светских анекдотах из жизни Петра I, изданных к концу XVIII в.

Имперская тема находит продолжение и в материалах рубрик *Disputatio* и *Controversiae et recensiones*. Поиск более богатой палитры исследовательских интерпретаций, выходящих за рамки антитезы «черного – белого» или «белого – красного», характерен для статьи *Владимира Шкерина* (Екатеринбург, Россия), повествующей о судьбе и эволюции взглядов Степана Нечаева, некогда члена Союза благоденствия, а впоследствии высокопоставленного чиновника николаевской России. Столь же конструктивен подход в рецензии *Амираана Урушадзе* и *Вячеслава Щербакова* (Ростов-на-Дону, Россия) на книгу немецкого историка Ф. Аммона. Авторы доказывают ошибочность определения имперской политики в Грузии как оккупационной, а «русификации» – как практики, направленной на искоренение национальной самобытности и культуры. То, что Ф. Аммон характеризует как «русификацию», скорее можно рассматривать в качестве системы интеграционных механизмов местных элит в общеимперское пространство, не ущемлявшей их этнокультурных особенностей.

В фокусе внимания *Анастасии Тумановой* и *Александра Сафонова* (Москва, Россия) находится деятельность профессиональных съездов врачей, учителей и инженеров кануна Первой русской революции. Характеризуя программные установки и дискуссии съездов, авторы демонстрируют, как в очень короткие сроки профессиональные и общегражданские позиции участников съездов наполнялись политическими интонациями, осознанием невозможности эффективной профессиональной деятельности без серьезных перемен в сфере внутренней политики. Представители русской интеллигенции, изначально не проявлявшие радикальных настроений, были искренне озабочены вопросами участия гражданских сил в принятии политических решений, преодоления бюрократической косности и архаики сословных ограничений. Общественная напряженность, вызванная в том числе неспособностью правящей элиты к диалогу с гражданскими институтами, стала одним из предвестников конца империи. Круг замыкался.

Особое место в номере занимает эссе *Дюлы Свака* (Будапешт, Венгрия) в рубрике *Scientia et vita*. Его сюжетной основой послужило разгромное обсуждение кандидатской диссертации Шандора Сили, венгерского аспиранта профессора Р. Г. Скрынникова, на кафедре истории России Санкт-Петербургского университета летом 1992 г. Достаточно рядовое (не для автора диссертации) это событие, будучи

интерпретировано в контексте глобальных и драматических перемен, связанных с распадом Советского Союза и социалистического блока, дает пищу для размышлений как о судьбах исторической науки, так и о трагедии разрушения большого целого, что может вылиться в гражданское противостояние.

Франсуа-Ксавье Нерар
 Университет Париж 1 Пантеон-Сорбонна,
 Париж, Франция

Дмитрий Редин
 Уральский федеральный университет,
 Екатеринбург, Россия

Эрик Онобль
 Женевский университет,
 Женева, Швейцария

Жан-Франсуа Файе
 Фрибургский университет,
 Фрибург, Швейцария

Список литературы

Нарский И. В. Жизнь в катастрофе : Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М. : РОССПЭН, 2001. 632 с.

Fitzpatrick Sh. The World of Ostap Bender: Soviet Confidence Men in the Stalin Period // *Slavic Rev.* 2002. Vol. 61. Iss. 3. P. 535–557. DOI 10.2307/3090301.

Fitzpatrick Sh. *Tear off the masks! : Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia.* Princeton : Princeton Univ. Press, 2005. 352 p.

Smele J. D. *The ‘Russian’ Civil Wars 1916–1926: Ten Years That Shook the World.* Oxford : Oxford Univ. Press, 2016. 464 p.

References

Fitzpatrick, Sh. (2002). The World of Ostap Bender: Soviet Confidence Men in the Stalin Period. In *Slavic Rev.* Vol. 61. Iss. 3, pp. 535–557. DOI 10.2307/3090301.

Fitzpatrick, Sh. (2005). *Tear off the masks! : Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia.* Princeton, Princeton Univ. Press. 352 p.

Narskii, I. V. (2001). *Zhizn' v katastrofe. Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg.* [Life in a Catastrophe. Everyday Life of the Population of the Urals in 1917–1922]. Moscow, ROSSPEN. 632 p.

Smele, J. D. (2016). *The ‘Russian’ Civil Wars 1916–1926: Ten Years That Shook the World.* Oxford, Oxford Univ. Press. 464 p.

Scientia
et vita

Scientia
et vita

**«РУССКУЮ ИСТОРИЮ ДОЛЖНЫ ПИСАТЬ РУССКИЕ,
И ЗАЧЕМ В ЭТО ДЕЛО ВМЕШИВАЮТСЯ ВЕНГРЫ?»***

МИКРОИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ЭТЮД

Дюла Свак

Будапештский университет,
Будапешт, Венгрия

**“RUSSIAN HISTORY SHOULD BE WRITTEN BY RUSSIANS,
WHY ARE HUNGARIANS INTERFERING?”**

A MICROHISTORIOGRAPHICAL STUDY

Gyula Szvák

Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

This article is based on the discussion (mock defense) of *Key Issues of Russia's Annexation of Siberia in the Late 16th – 17th Centuries in Russian and Soviet Historiography (The Development of the Concept of the Trans-Urals' Entry into the Muscovy State)*, the PhD thesis by Sándor Szili, a young Hungarian historian (supervised by R. G. Skrynnikov). The discussion took place at the department of Russian history at St Petersburg State University in the summer of 1992 and resulted in a devastating critique of the dissertation. This ordinary event is presented and analysed in the broad context of the global political changes associated with the collapse of the Soviet Union and the socialist camp. The author recreates the atmosphere of uncertainty, deprivation, loss of life guidelines, and radical change in values that dominated both in Hungary and in post-Soviet Russia. The destruction of the habitual way of life of tens of millions of people and the catastrophic breakdown on a geopolitical scale could not but affect the state of historical studies. The

* *Citation*: Szvák, G. (2021). “Russian History Should Be Written by Russians, Why Are Hungarians Interfering?”: A Microhistoriographical Study. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 1. P. 23–54. DOI 10.15826/qr.2021.1.564.

Цитирование: Szvák G. “Russian History Should Be Written by Russians, Why Are Hungarians Interfering?”: A Microhistoriographical Study // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 1. P. 23–54. DOI 10.15826/qr.2021.1.564 / Свак Д. «Русскую историю должны писать русские, и зачем в это дело вмешиваются венгры?» : микроисториографический этюд // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 1. С. 23–54. DOI 10.15826/qr.2021.1.564.

theoretical and methodological vacuum formed as a result of the collapse of Marxist-Leninist ideology and the feeling of catastrophe, the death of the nation and the state, caused a reaction among some historians in the form of a bizarre mixture of neo-imperial, radical communist, and xenophobic views on the historical process and their awareness of Russia's role and place in that process. The author demonstrates that the bearers of such views set the tone for the discussion of the dissertation. Even though it is not devoid of many shortcomings, at another time and in another place the dissertation could have well been presented for defense. This is evinced by very calm and constructive external feedback received from well-known specialists who were not members of the department. But in the process of public discussion the scholarly debate turned into politicised criticism from the very beginning, and the PhD candidate had no allies. The situation took on a paradoxical character: having got rid of the shackles of the dominant ideology, the participants in the discussion behaved much more harshly and irreconcilably than during the Soviet "stagnation". The story described in the article is a vivid concrete manifestation of the crisis of Russian historical studies, which had to be overcome between the late 1980s and 1990s.

Keywords: historiography, collapse of the USSR, crisis of historical studies, Sándor Szili, history of Siberia, russophobia, R. G. Skrynnikov, I. Ya. Froyanov, St Petersburg University, Faculty of History

Сюжетной основой статьи послужила история обсуждения (предзащиты) кандидатской диссертации аспиранта Р. Г. Скрынникова, молодого венгерского историка Шандора Сили «Ключевые вопросы присоединения Сибири к России в конце XVI – XVII в. в русской и советской историографии (развитие концепции вхождения Зауралья в состав Московского государства)». Обсуждение состоялось на кафедре истории России Санкт-Петербургского государственного университета летом 1992 г. и превратилось в разгром представленной диссертации. В общем-то рядовое событие излагается и анализируется в статье в широком контексте глобальных политических изменений, связанных с распадом Советского Союза и социалистического лагеря. Автор воссоздает атмосферу неуверенности, бытовой неустроенности, утраты жизненных ориентиров и радикальной смены ценностных установок, царившую в то время как в Венгрии, так и в постсоветской России. Разрушение привычного уклада жизни десятков миллионов людей и катастрофическая ломка геополитического масштаба не могли не сказаться на состоянии исторической науки. Теоретико-методологический вакуум, образовавшийся в результате краха марксистско-ленинской идеологии, и ощущение катастрофы, гибели нации и государства вызвали у части историков реакцию в виде причудливой смеси неоимперских, радикально-коммунистических и ксенофобских воззрений на ход исторического процесса, на осознание роли и места России в этом процессе. Носители таких воззрений, как показывает автор, задавали

тон при обсуждении диссертации. Последняя, не лишенная многих недостатков, в другое время и в другом месте вполне могла бы быть представлена к защите. Об этом свидетельствуют и весьма спокойные и конструктивные внешние отзывы, поступившие от известных специалистов, не являвшихся членами выпускающей кафедры. Но именно в процессе публичного обсуждения научная дискуссия с самого начала превратилась в политизированную критику, против которой у диссертанта не оказалось союзников. Ситуация приобрела парадоксальный характер: избавившись от оков господствовавшей идеологии, участники обсуждения повели себя гораздо жестче и непримиримей, чем во времена советского «застоя». История, изложенная в статье, являет собой один из ярких примеров конкретного проявления того самого кризиса российской исторической науки, преодолеть который пришлось в конце 1980-х – в 1990-е гг.

Ключевые слова: историография, распад СССР, кризис исторической науки, Шандор Сили, история Сибири, русофобия, Р. Г. Скрынников, И. Я. Фроянов, Санкт-Петербургский университет, исторический факультет

Concerto (1992)

Первая часть. Mosso

В 1984 г. я защитил в Ленинградском университете, носившем имя А. А. Жданова, кандидатскую диссертацию по советской историографии правления Ивана IV [Свак, 1984]¹. Спустя всего лишь восемь лет после этого в Венгрии рухнул режим «партии-государства», наступил второй год после первых свободных выборов. Сильная эйфория свободы быстро сменилась удрученностью, «были подорваны последние жизненные опоры традиционной социалистической крупной промышленности, в январе объявил о своем банкротстве металлургический завод в городе Озд, позже не избежал этой судьбы и завод в Диошдьёре. В этом же месяце правительство договорилось с заинтересованными сторонами и о порядке закрытия большинства венгерских шахт. <...> В течение года были свернуты целые отрасли экономики, и это непосредственно затронуло четвертую часть всех работающих. Неудивительно, что к концу года число лиц, потерявших работу, приблизилось к 700 000 человек, что намного превысило предварительные ожидания. <...> В том году на улицу вышли пред-

¹ Эта статья не могла бы быть написана, если бы Шандор Сили не сохранил свои заметки и документы о предварительной защите диссертации и не предоставил их в мое распоряжение. Сразу должен отметить, что в 1984 г. на историческом факультете Ленинградского государственного университета никого не смущало, что венгр написал работу о советской историографии правления Ивана IV, больше того, мне была оказана немалая поддержка.

ставители практически всех крупных социальных групп – от раздраженных медицинских работников до разочарованных ветеранов революции 1956 г., от снова обманутых сельских хозяев до опасавшейся за судьбу демократии интеллигенции больших городов. Улица принадлежит всем... В 1992 г. демократия в этом традиционном смысле оказалась полностью осуществленной» [Kéri].

Киноискусство быстро среагировало на перемены. В 1992 г. был показан фильм Иштвана Сабо «Милая Эмма, дорогая Бёбе», в котором на примере трагических мытарств преподавателей русского языка, у которых отняли их предмет, было дано почувствовать, что новый мир, вероятно, не будет ни совершенно новым, ни прекрасным, так что нужно отказаться от связанных с этим иллюзий [Békés].

Все это совершенно не отражалось на самодовольном и снисходительном выражении лица Билла Клинтона, когда он, например, водил дружбу с Борисом Ельциным. Бывало, что он прямо насмеялся над своим русским коллегой, который, конечно, оказался вполне подходящим объектом для этого, но, по всей видимости, американский президент не поэтому стал человеком года по версии журнала *Time*. А может быть, отчасти и поэтому, ведь трудно было красноречивее продемонстрировать новую позицию США, их превосходство в мире.

В том году кубок горького разочарования, вызванного бурным переходом от государственного социализма к капитализму, пришлось осушить не только венграм и русским. Были и такие, кому пришлось еще хуже. Распалась Югославия, в южнославянском регионе началась война, перешедшая в массовые этнические чистки. Геноцида не избежали и народы бывшего СССР: вспыхнули кровавые столкновения за обладание Нагорным Карабахом.

Нам, венграм, трудно было полюбить тот год, а русские просто ненавидели его. Даже по прошествии четверти века один из блогеров так вспоминал о нем:

Четверть века, однако. Юбилей. 1992 год оказался одним из самых убойных и беспросветных в постсоветском периоде и первым полным годом так называемой Новой России. Чего стоила только инфляция, достигшая по итогам 2600 %. Впрочем, уже в первые постновогодние дни, очнувшись от недолгих праздников, дорогие россияне очумело разглядывали в магазинах новые ценники. Граждане получили первые ударные инъекции шоковой терапии, однако падать навзничь никак не собирались [Россия в 1992 году].

Конечно, с тех пор целая армия ученых изучала год распада СССР, шоковую терапию, развал экономики, массовое обнищание, вырвавшиеся на свободу цены, инфляцию и грабительскую ваучерную приватизацию. Наш основанный как раз 30 лет назад Венгерский институт русистики тоже выступил с рядом экспертных обзоров, опубликованных в запущенной тогда серии «Советские тетради» [Krausz, 1991a; Petrov; Krausz, 1991b; Krausz, 1992a; Krausz, 1992b; Krausz, Máté;

Ельцинщина]². Важность этих событий в виде исключения была быстро осознана и венгерскими СМИ³. Например, газета «Magyar Nemzet» уже в номере от 2 января 1992 г. подготавливала читателя к ожидаемым в России потрясениям [Vida, 1992, január 2]⁴. Однако для меня наиболее достоверными были известия, полученные от моего бывшего научного руководителя Р. Г. Скрынникова:

Дорогой Дюла! У нас начались каникулы, но не совсем начались, так как университет не заплатил еще денег преподавателям за июнь месяц и за летние месяцы. У университета большие финансовые затруднения. О своих трудностях я не буду писать: это трудности всей научной интеллигенции... [Письмо Р. Г. Скрынникова Дюле Сваку от 12 июля 1992 г.].

На фотографиях того времени видны толпы бабушек, заполнивших территории, прилегающие к станциям метро [Россия в 1992 году], и торговавших своими скромными пожитками - кто подержанными лампочками, кто двумя морковками или стоптанными сапогами. Удивительнее всего, что в ряды торговавших встали и хорошо одетые молодые женщины, вынесшие на продажу всякую всячину [Там же]. Из магазинов исчезли товары, развернулась самая примитивная меновая и теневая торговля. Позже, конечно, появились и продукты, столь недоступные и поэтому мистические и желанные для советского человека, но по слишком высоким для простых людей ценам. А между тем Борис Ельцин и его оппозиция пустились во все тяжкие - началось трагическое политическое представление со все более абсурдными шагами, дешевыми политическими трюками, с быстро заключаемыми и разрушающимися союзами, с перебежками, предательством и человеческой подлостью, и это представление продолжалось годами, утвердив в российском обществе апокалиптическое чувство переходности и неуверенности [Россия в 1992–1999 гг.]. Перестройке и Советскому Союзу пришел конец, но исход борьбы «старого» с «новым» был непредсказуем. Неожиданно для советского человека в осязаемой близости оказался распад не только СССР, но и России. Вчерашняя империя теперь вызывала воспоминания о начале XVII в., наступило время второго издания «Смуты» [Свак, 1999, с. 7–11].

² Одна из этих брошюр, «Ельцинщина», получила такую известность, что 200 ее экземпляров, так или иначе переправленные в Москву, молниеносно разошлись. Позже ее процитировал И. Я. Фроянов в своей работе «Погружение в бездну (Россия на исходе XX века)» [Фроянов, 1999]. В 1997 г. директор Института российской истории РАН А. Н. Сахаров тоже представил меня ученому совету как одного из создателей этой брошюры (хотя мой доклад был посвящен историографии русского феодализма), см.: [Navas, Krausz, p. 8].

³ В то время в Москве еще работали представители крупных газет, Венгерского телеграфного агентства, Венгерского телевидения и Венгерского радио.

⁴ Автор заметки, московский корреспондент газеты Ласло Вида, ныне работает в венгерском посольстве в Москве заместителем главы миссии.

Нетрудно представить, что в общем кризисе находилась и историческая наука. Представителей этой профессии охватила неуверенность не только в России, но и во всем мире. В Венгрии ее состояние определялось бесцветностью – смена политического строя не принесла новых выдающихся работ, что в общем может быть воспринято и как похвала предыдущему периоду времени, ведь «с наступлением свободы» из ящиков письменных столов не появились сенсационные труды. Парадоксальным образом это было характерно и для «новой» российской исторической науки. В 1992 г. и ранее напрасно ждали появления крупных творений, их не было⁵. «Страсти улеглись», – писал об этом историограф той эпохи, по крайней мере, по сравнению со второй половиной 1980-х гг. [Логунов, с. 447]. Конечно, это был сильный эвфемизм, потому что дискуссии продолжались [Исторические исследования в России], но обещали довольно безнадежный сценарий перестроечному «радикально-реформистскому» течению, возглавлявшемуся Ю. Н. Афанасьевым, ведь в конце упомянутой выше статьи ее автор был вынужден заметить: «Все это не может не рождать порой чувство уныния и пессимизма...» [Там же, с. 479]. В тот момент несомненным казалось лишь то, что «наиболее легко, как оказалось, было менять плюсы на минусы и минусы на плюсы в оценке прошлого» [Там же, с. 435]⁶. В этом отношении типичным примером стал генерал Волкогонов. «Синдром Волкогонова» был остроумно проанализирован Тамашем Краусом [Krausz, 1996, p. 15–17], это освобождает меня от диагностики предательства интеллектуалов. Во всяком случае, российская историческая наука уже почувствовала постмодернистскую угрозу, однако процесс выработки новой методологии к 1992 г. дошел лишь до того, что наиболее часто цитируемым автором в научной литературе по истории стал Бердяев [Логунов, с. 473].

Рассматривая историческую литературу по наиболее хорошо известным мне эпохам и темам, можно прийти к, казалось бы, ошеломляющему, но для меня отнюдь не неожиданному выводу, что, например, об эпохах Ивана IV и Петра I в 1992 г. вышел в свет один единственный значительный труд – большая монография Р. Г. Скрынникова «Царство террора». Ее значимость лучше всего подтверждается тем, что спустя много времени после смерти автора она была опубликована и в английском переводе [Skrynnikov]. Итак, сделаем вывод, что 1992 г. не слишком благоприятствовал развитию российской исторической науки, и важнейшей причиной этого все же было то, что, как писал А. П. Логунов, «кризис исторической науки есть прежде всего кризис условий ее существования» [Логунов, с. 476].

⁵ Их трудно было ожидать уже потому, что научных работ тогда публиковалось крайне мало: например, количество исследований по российской истории сократилось с 955 в 1991 г. до 282 (!) в 1992 г. См.: [Невежин, Пруцкова].

⁶ На одной из проходивших у нас конференций академик В. В. Алексеев сформулировал это так: «огульная замена плюсов на минусы» [Алексеев, с. 20].

Несмотря на то, что этот год во всех отношениях демонстрировал симптомы кризиса, менее всего это было заметно именно в сфере венгерско-российских отношений. Правда, новое правое правительство сократило отношения с Россией, а мышление нового премьер-министра, типичного представителя возродившегося христианско-националистического курса, определялось коренившимся в истории страхом перед русскими, что привело к потере восточного рынка из-за невозможности финансирования, но парадоксальным образом 1992 г. все же стал годом нового оживления внешнеполитических связей.

Главной причиной этого было стесненное внутривнутриполитическое положение лидеров обеих стран, которое требовало от них демонстрации дипломатических успехов. Хорошей основой для этого стало то, что к июню 1991 г. последний русский солдат покинул территорию Венгрии, а также то, что во время августовского путча Йожеф Анталл немедленно (вторым после президента США) заверил Бориса Ельцина в своей поддержке [Keskeny, p. 89] и до самого конца придерживался этого обещания, опасаясь дестабилизации положения в России, ее отклонения от «демократического» (понимай – западного) пути [Ibid., p. 87]. Результатом такой позиции стало одно из самых пикантных событий во всемирной истории дипломатии: в ходе своего визита в Москву 6 декабря 1991 г. Й. Анталл в один день подписал в Кремле двусторонние основополагающие договоры с президентом распавшегося сразу после этого СССР М. С. Горбачевым и президентом России Б. Н. Ельциным. Больше того, в тот же день на обратном пути он сумел подписать такой договор и с украинцами в Киеве [Ibid., p. 92].

Вследствие этого венгры с надеждой ожидали «исторического» визита Ельцина в Венгрию, намеченного на 10–11 ноября 1992 г. и обещавшего заключение новых договоров⁷. Этот визит состоялся в благоприятной дипломатической атмосфере⁸. Нельзя утверждать, что венгерское общественное мнение сильно расчувствовалось, услышав произнесенное в парламенте извинение за преступления, совершенные в 1956 г. (правда, из-за неисправности оборудования для синхронного перевода венгры услышали его только на русском языке) [Sáringér]⁹. Русофобская кампания победившей на выборах партии оказала соответствующее воздействие [Kecskeméthy].

⁷ См. передовицу Ласло Види в газете «Magyar Nemzet» от 10 ноября 1992 г., в которой он пишет: «Теперь соседи, осознавшие последствия разрыва и одновременно протрезвевшие от опьянения иллюзией помощи Запада, снова обрели друг друга» [Vida, 1992, november 10].

⁸ Однако из-за постоянной угрозы памятнику советским воинам-освободителям на площади Свободы понадобились и чрезвычайные меры безопасности. См.: [Népszabadság, 1992, november 11].

⁹ Не соответствует действительности утверждение автора этой ретроспективной статьи, что венгерская пресса не сообщила подробно о речи Ельцина.

Но правда и то, что отрицательная оценка стала гораздо более нейтральной из-за слабости России [Könczöl]: «Настроение общества сложилось, как на футбольной трибуне, где, если играют нейтральные команды, то люди рано или поздно начинают болеть за ту, которая послабее» [Szvák, 2018, p. 24].

Об этом свидетельствует, между прочим, и общественная акция нашего Института русистики, функционирующего в качестве независимого научного общества, которая в марте 1992 г. была нацелена на возобновление трансляции передач российского телевидения и при значительной поддержке СМИ в конечном итоге привела к успеху¹⁰.

Вторая часть. Furioso

3 июля 1992 г. на той же кафедре, где в 1984 г. проходила моя защита, состоялось обсуждение кандидатской диссертации моего бывшего студента Шандора Сили, окончившего заочную аспирантуру в Ленинграде (позже – Санкт-Петербурге)¹¹. Этот день тоже был небезынтересен для читателей венгерской прессы. В газете «Magyar Hírlap» можно было прочитать материал о посвященном русским документальном фильме под многозначительным названием «Bye, bye, Szása, kitoltál velem» («Bye, bye, Саша, ты надул меня»)¹², и в том же самом номере, на шестой странице, рекламировала себя газета «Коммерсантъ». На следующий день в субботнем приложении к газете «Népszabadság» появились большое эссе Акоша Силади «Csók-csatatér lovagjai» («Рыцари поцелуйных сражений»)¹³ и репортаж Ласло М. Лендьела «Támadás a “Szojvetunió” ellen» («Нападение на СССР») о демонстрации у Останкинского телецентра. В субботнем номере газеты «Magyar Nemzet» была опубликована красноречивая карикатура на Бориса Ельцина, изображенного укротителем, который, пощелкивая кнутом, держит горящий обруч перед распластанным медведем (имелась в виду запрещенная КПСС).

Предварительная защита началась без десяти пять пополудни и продолжалась примерно два часа. В ней приняли участие 14 че-

¹⁰ Другой вопрос, что из-за приватизации каналов телевидения удалось добиться лишь полугодовой отсрочки.

¹¹ В 1985 г. я был научным руководителем его дипломной работы «Вооруженное покорение Западной Сибири и его предпосылки», при написании которой моего научного руководства не потребовалось (после определения темы мы ни разу не консультировались), но которая была безупречной в своем жанре.

¹² Это название отсылало к веселому шлягеру того времени, «идейное содержание» которого состояло в том, что с тех пор, как Саша уехал, оставшаяся с носом девушка все время ищет свои пропавшие часы и хлещет водку.

¹³ На иллюстрирующей статью фотографии крупным планом виден привычный теплый приветственный поцелуй Брежнева и Хонеккера.

ловец, в том числе такие знаменитые профессора, как Ю. Д. Марголис или член-корреспондент РАН Б. В. Ананьич¹⁴. Научный руководитель Р. Г. Скрынников отсутствовал (к предыстории этого обсуждения относится то, что, по воспоминаниям Шандора Сили [Письмо Шандора Сили Дюле Сваку от 14 апреля 2020 г.], которые подтверждаются цитированным выше письмом Р. Г. Скрынникова, по инициативе последнего состоялась предварительная личная встреча между Сили и одним из его оппонентов, который попытался уговорить диссертанта отозвать представленную работу). Председествовавший на обсуждении И. Я. Фроянов, который в то время был одновременно заведующим кафедрой и деканом, сначала предоставил слово диссертанту.

Шандор Сили, по его собственным воспоминаниям, за 20 минут обобщил главные цели и выводы своей диссертации [Письмо Шандора Сили Дюле Сваку от 21 апреля 2020 г.]. Новизну своей работы он видел в том, что до него не было осуществлено систематического монографического исследования истории концепций вхождения Сибири в состав России. Возникновение и смену основных концепций, которые могут быть обозначены терминами «завоевание», «колонизация» и «присоединение» и включены в рамки новой историографической хронологии, Сили изложил, практически сгруппировав материал вокруг деятельности трех главных личностей. Согласно его интерпретации, первый русский профессиональный историк, немец Г. Ф. Миллер, уже в середине XVIII в. изучил тему и разработал концептуальные рамки истории вхождения Сибири в состав Российской империи. Его концепцию, по существу сохранившую свое значение до наших дней, в определенных отношениях развил С. В. Бахрушин, а позже, практически по заданию партии, попытался подтасовать В. И. Шунков. Опираясь на этот печальный опыт, Сили завершил свое выступление, сказав, что для него главное положение диссертации заключается в том, что внешнее, особенно политическое воздействие на науку наносит ей вред, поэтому заслуживают уважения те русские историки, которые боролись/борются против этого.

¹⁴ Эти данные взяты из собственноручных заметок диссертанта о предварительной защите (здесь и в дальнейшем – «Заметки Шандора Сили»). Не будучи ни графологом, ни судебным почерковедческим экспертом, я на свой любительский манер по характеру почерка сделал вывод, что «Заметки» были написаны не задним числом, а немедленно по ходу событий. Их автор, видимо, точно конспектировал и, быть может, имел возможность заглянуть в какой-то составленный на кафедре протокол, после чего переписал все начисто, так как в пылу дискуссии он вряд ли смог бы не наскоро, а содержательно и грамматически точно реконструировать диалоги. Однако я не хочу углубляться в дальнейшие «расследования», да и не считаю, что это было бы этично. Также по этическим соображениям я не публикую имен всех участников дискуссии, поскольку многие из них активно работают и ныне, к тому же меня интересуют не *кто* сказал, а *что* было сказано, то есть не лица, а само явление.

Также, по воспоминаниям автора диссертации, это приподнятое выступление не растрогало присутствующих, которые едва следили за ним [Письмо Шандора Сили Дюле Сваку от 21 апреля 2020 г.]. Таким образом, пока все шло в соответствии с привычным в таких случаях сценарием заседаний кафедр, в какой бы части света они ни проводились. Однако первый же вопрос задал тон всей защите, и даже непосвященным стало ясно, что здесь состоится вовсе не традиционное, зачастую изматывающе скучное событие:

– Скажите, пожалуйста, может ли быть, что здесь, в России, до иностранцев ничего не было, даже зародыша исторического мышления? [Заметки Шандора Сили, л. 2].

За этим явно риторическим вопросом последовал вежливый ответ, но это не остудило задора историков, до той минуты погруженных в свои бумаги (и хотя бы на пару минут заглянувших в диссертацию). Дело в том, что большинство присутствовавших не читало этого объемистого текста (некоторые даже признались в этом, ведь и в других местах обычно, помимо приглашенных оппонентов, мало кто знакомится с защищаемой диссертацией). Зато мнение о ней у них сложилось еще до того, как прозвучали отзывы оппонентов.

По свидетельству «Заметок», диспут, связанный с одним из главнейших персонажей диссертации, точнее, с его смертью, носил чуть ли не юмористический характер.

Участник дискуссии. Откуда вы взяли, что Шунков скончался самоубийством? Я его знал. Он был порядочным и честным человеком. Я не могу представить, что он покончил бы с собой. Это не похоже на него.

Ш. С. Когда я познакомился с материалами деятельности Шункова, мне казалось, что это негативная фигура. Но все воспоминания о нем говорили совершенно другое, вспоминали его как честного человека. Мне мешало это противоречие (*смех в зале*), и поэтому я поехал в Москву поговорить с человеком, который знал его. Он, правда, не говорил, что Шунков покончил жизнь самоубийством, но внушал это следующими словами: он умер при очень трагических условиях. (*Смех в зале.*)

Участник дискуссии (улыбаясь). А что мотивировало бы самоубийство Шункова?

Ш. С. Сибиреведы ему доказали, что он ошибся и был не прав. А сверху на Шункова в 1967 г. давили, чтобы он опять занял старую позицию. В 1966 г. была опубликована в г. «Правда» статья от имени трех лиц. Среди них был и Шунков. Эта статья покончила с процессом десталинизации в исторической науке.

Участник дискуссии. Да, эта статья была. Но Шунков и Трухановский сопротивлялись, не хотели подписывать. Их заставили. Но Шунков маловероятно, что покончил бы с собой. (*Смех в зале.*)

Третье лицо. В 1967 г. мой друг написал мне письмо из Москвы. Он хорошо знал Шункова. Он писал, что Шунков застрелился.

Участник дискуссии. Этого я не знал. (*Выходит из зала*) [Заметки Ш. Сили, л. 3–4].

И наконец, череду вопросов, как в пьесе с рамочной композицией, завершил еще один риторический вопрос:

3-й спрашивающий. Скажите мне, пожалуйста, как человек человеку, когда мы, здесь сидящие в зале, встали на свои ноги, когда приобрели свободу и перестали служить государству? *Хотя служить государству, на мой взгляд, очень почетно* (выделено мной. – Д. С.). Когда это произошло? До путча или в августе прошлого года? Или, может быть, до сегодняшнего дня мы служим? [Заметки Ш. Сили, л. 5–6].

Третья часть: Appassionato

Итак, «разминка» состоялась, наступила очередь официально приглашенного оппонента, зачитавшего текст объемом в 19 машинописных страниц, то есть примерно в целый авторский лист. Отзыв сразу начинался с похвалы:

Следует сразу же отметить, что диссертация написана хорошим русским языком, свободное владение которым составляет немалую заслугу нашего коллеги из Венгрии и не может не вызвать к нему уважения [Отзыв, с. 1].

На этом, однако, перечень положительных черт диссертации был исчерпан. Уже к введению были предъявлены серьезные претензии:

Вообще говоря, уже во «Введении» к диссертации проявляется ее характерная черта – категоричность и недостаточная доказанность суждений [Там же, с. 4].

По мнению оппонента, «нигилизм» Шандора Сили,

...может быть, объясняется тем, что он далеко не в полной мере понимает существо марксистской методологии. В отличие от дворянско-буржуазной историографии, прочитаем на 9 стр., «марксистские ученые строго придерживались философии диалектического материализма и рассматривали все прошлое под углом зрения борьбы классов». О том, что марксистская социальная философия есть исторический материализм и что она отнюдь не сводится к тезису о «борьбе классов», автор, судя по цитированному заключению, не догадывается [Там же, с. 3].

Это замечание свидетельствует о том, что, несмотря на ликвидацию партии и попытки скомпрометировать официальную идеологию, в данном коллективе историков марксистская методология все

еще непоколебимо сохраняла свои позиции, что напомнило автору этих строк критику «на ленинской основе», высказанную на защите его собственной диссертации в 1984 г.

Главное критическое замечание в отношении первой главы диссертации состояло в том, что в ней «до невероятных пределов раздуто значение труда и личности Миллера», которого оппонент – видимо, для восстановления равновесия – характеризует так:

Кто же он таков? В молодости Г. Миллер принадлежал к категории немецких студентов, которые, по словам Шлёцера, полагали, что нельзя легче сделать себе счастье, чем в России [Отзыв, с. 4].

Мнение диссертанта о Миллере побудило оппонента обратиться к Бердяеву, а, опираясь на него, он приходит к следующему умозаключению:

Отсутствие любви к предмету своего исследования – русской истории, а то и высокомерное отношение к нему, способно исказить видение данного предмета, какие бы клятвы и заверения в беспристрастности при этом ни произносились (не совсем ясно, кого имеет в виду оппонент. – Д. С.). К России и у Миллера, и у Байера со Шлёцером было своеобразное отношение. И если диссертант все время противопоставляет «беспристрастное исследование... патриотическому свидетельству» (стр. 42), то разница между беспристрастным исследованием и трудами немецких историков XVIII в., где порой пробивались русофобские настроения, им осталась не замеченной [Там же, с. 5].

Остановимся здесь на минуту, потому что в этом рассуждении, с одной стороны, выражено убеждение, что тот, кто не любит русской истории, по определению не может быть беспристрастным историком, а, с другой стороны, здесь впервые появляется определение «русофобский». Содержание 70-й страницы диссертации подверглось следующей критике:

...Перечисляются «негативные следствия, вытекавшие из российской действительности» и тормозившие исторические исследования. Многие формулировки утрированы, а то и вовсе ошибочны (о «многовековой культурной изоляции России», о «самодержавном характере правления, сформировавшемся в ходе оборонительных и наступательных войн XVI-XVII вв», о «замкнутости духовной культуры России», об «осознании особой миссии русской нации», об односторонней вине православия в культурной изоляции от «окружных народов» (непонятно что имеется здесь в виду), о «чувстве национальной гордости», усиленном бряцанием оружием, «компенсировавшем у русских людей чувство неполноценности», о том, что «идея соревнования с ведущими мировыми державами и достижение превосходства над ними сформировались и на уровне

официальной политики»). Все эти тезисы поданы без доказательств или ссылок на те научные труды, где бы они аргументировались. Да и таких трудов у серьезных специалистов не найти. Столь примитивные утверждения гуляют главным образом на страницах публицистических произведений, иногда русофобского характера [Отзыв, с. 7–8].

Собранные в один букет, эти утверждения действительно могут показаться патриоту-русифилу (не историку) страшно русофобскими, однако сразу нужно отметить, что подобные мысли уже высказывались не только Ш. Сили, не только в примитивных и публицистических и прежде всего не только в русофобских произведениях. Больше того, можно долго перечислять и соответствующие ссылки, на отсутствие которых указал оппонент.

Оппонент, более или менее удовлетворенный содержанием второй главы, сразу начинает свой отзыв о третьей главе с выражения недовольства:

Третья глава диссертации, посвященная отечественной историографии 1930–90 гг., оставляет наибольшую неудовлетворенность. Так же не доказанные исходные постулаты, заимствованные из публицистики, отражающей крайности радикалистского сознания, перемежаются с описательностью. Вместо атрибутов аналитического научного исследования текст 3 главы отличается признаками излишне заостренного публицистического памфлета [Там же, с. 9].

Рассмотрим по порядку, что имел в виду оппонент.

Первая сентенция (замечу, что, все же чувствуя дуновение ветра новых времен, оппонент на этот раз позаимствовал амуницию не у Бердяева, а у А. Ципко): *Сили считает всю советскую эпоху неделимым целым.*

Безусловно, политическая конъюнктура оказывала определенное влияние на историческую науку. Это было известно давно. Но говорить о ней как о первоочередном факторе развития историографии – это значит совершать насилие над историографическим материалом. Нельзя из одной крайности впадать в другую. <...>

Поскольку данная убийственная формула отнесена автором ко всему периоду 30–90 гг., названному им периодом «тоталитарного режима» (стр. 126), то под нее автоматически подпадают и современные исследования, в том числе и работы Р. Г. Скрынникова, с такой характеристикой решительно невозможно согласиться [Там же, с. 10].

В этом случае спорить с оппонентом было бы трудно, но он, несомненно, безжалостно использовал созданный ему голевой момент, ведь в действительности автор диссертации, как это понятно из подробного изложения, явно не имел в виду всей советской историографии, и уж тем более своего научного руководителя.

Вторая сентенция: *Сили не вполне понимает, что большевикам было наплевать на русскую нацию.*

Тут должно остаться что-то одно: либо автаркия, либо «мировая революция». Не могла «партийная элита» проводить одновременно две взаимоисключающие политики. Нетрудно догадаться, что большевикам, особенно в первое время их владычества, было наплевать на русскую нацию, русскую культуру, на Россию, они думали только о своей «мировой революции» [Отзыв, с. 11].

Третья сентенция: *Сили постоянно политизирует исторический материал.*

На стр. 140 и др. излишне политизируется дискуссия в Институте истории. С другой стороны, сам факт противодействия целого ряда ученых «волюнтаристским концепциям русской истории», олицетворяемым А. В. Шестаковым, работает против утверждения диссертанта о полной придалженности партии и государством научной мысли в конце 30-х гг. [Там же, с. 12].

Четвертая сентенция: *Сили не способен прочувствовать высокий патриотизм Сталина.*

Невозможно согласиться с тезисом диссертанта, согласно которому с окончанием Великой Отечественной войны русский патриотизм стал перерастать в «ярый национализм, обращенный уже не только против внешнего мира, но и против неславянских народов СССР». В качестве «первого симптома этого нового явления» Сили Шандор выдвигает знаменитый тост И. В. Сталина 24.V.45 г. («Я пью за здоровье русского народа»), который полностью приведен в диссертации на стр. 143. Никакого «ярого национализма» здесь нет и быть не может. Речь шла о благодарности нации, вынесшей на своих плечах основную тяжесть войны и спасшей все человечество от фашизма. Писать в данном случае так, как написал Сили Шандор, не только неправильно, но и очень жестоко. Следование Миллерову тезису, что историк не должен иметь Отечества, веры, государя, привело русского историка Сили Шандора к непониманию исторического и нравственного смысла важнейшего события русской истории [Там же, с. 13].

Ошибка в тексте очень красноречива. Из-за явной описки Шандор Сили фигурирует здесь как русский историк, и это является наибольшей подсознательной похвалой со стороны оппонента. Последний произвольно требует от Сили любви к русскому началу как от русского историка, этим и объясняется его повышенная пылкость, ведь «чужак», «непосвященный», стоящий вне русской истории, вряд ли удостоился бы такой реакции.

Пятая сентенция: *Сили считает Шункова честолюбивым «карьеристом».*

На стр. 149 В. И. Шунков назван «честолюбивым историком», чья связь с высшими партийными кругами обусловила ему стремительную служебную карьеру. Такого рода заявлений в научной работе надо бы избегать. О «честолюбии» и «карьеризме» Шункова, равно как любого другого, имеют право говорить либо ученые, хорошо его знавшие, либо авторы, могущие подтвердить свои слова ссылками на источники – мемуарные свидетельства или иные документы... [Отзыв, с. 14].

Шестая сентенция: *По мнению Сили, русские – погромщики.*

Создается впечатление, надеюсь, ошибочное, что Сили Шандору очень хочется, чтобы русские выглядели завоевателями и погромщиками, не принесшими ничего положительного народам Сибири, а только регресс и разрушения. Поэтому все другие оценки для него тенденциозны... Но еще одну цитату я хотел бы привести. Это слова лорда Керзона, которого нельзя назвать русским патриотом: «Россия бесспорно обладает замечательным даром добиваться верности и даже дружбы тех, кого она подчинила» [Там же, с. 14–15].

Седьмая сентенция: *Сили любой ценой навязывает термин «завоевание» Сибири.*

На мой взгляд, признание, за которое ратует Сили Шандор, явилось бы упрощением исторической действительности, характеризовавшейся в данном случае различными процессами, и стало бы шагом назад в отечественной историографии... Более того, по мнению Сили Шандора, «именно тезис о “присоединении” Сибири вкупе с положением о “прогрессивном значении” включения туземных народностей в состав России считался до последних минут существования советской власти одним из цементирующих факторов идеи единства СССР». В этих словах политизация научной дискуссии доведена до предела. Можно сказать даже, что научный характер обсуждения проблемы в понимании диссертанта отсутствовал в историографии последних десятилетий, а доминировали чисто политические дефиниции. По существу, около 50 лет нашей историографии вычеркивается из истории отечественной исторической науки [Там же, с. 16–17].

Восьмая сентенция: *Сили всего лишь меняет знаки.*

Сама по себе мысль об искажающем влиянии государственно-идеологического контроля над наукой, взятая в общем плане, не вызывает возражений, но конкретное приложение этой мысли к истории отечественной исторической науки в диссертации не получилось. Если ранее

у нас было принято не анализировать развитие историографии в едином потоке, а разделять ее на «научную» – марксистскую, советскую и «ненаучную» – буржуазную, то Сили Шандор, сохранив принцип деления на «научную – ненаучную», поменял лишь знаки. В диссертации советской историографии достается за «ненаучность» [Отзыв, с. 18].

Итоговый приговор: диссертация не удалась, нуждается в существенной переработке и в данном виде не может быть допущена к защите [Там же, с. 19]. Это, конечно, не вызывает удивления, если учесть, что оппонент видел главное достоинство автора в хорошем владении русским языком и не согласился практически ни с одним из его выводов, утверждений, считая их тенденциозными, несправедливыми, слишком категоричными, упрощающими, безосновательными, иногда примитивными, безмерно политизированными, предубежденными и практически русофобскими, а самого автора – «нигилистом», который, как кажется, главным образом стремится представить русских погромщиками.

В таком же духе высказался и другой кафедральный квазиоппонент, который озвучил свое мнение устно, но никого не удивил, так как уже авансировал свою идейную позицию процитированными выше риторическими вопросами. Зачитав первый абзац диссертации, он сразу перешел к конечным выводам:

Эта диссертация могла быть рассчитана только на наш мазохизм! Нельзя ее принимать, даже больше! Я против любой формы этой диссертации. А сейчас еще хотят отпраздновать открытие Америки! Безобразие! Я не намерен участвовать в этом! [Заметки Ш. Сили, л. 8].

Это был тот самый человек, который еще до предварительной защиты поделился с Р. Г. Скрынниковым своим мнением, что «русскую историю должны писать русские, и зачем в это дело вмешиваются венгры?» [Письмо Р. Скрынникова Д. Сваку от 12 июля 1992 г.].

Нашелся еще и третий «идеологически подкованный» участник дискуссии, которому выпала сомнительная честь поставить точку над *i*:

Эта диссертация политизированная – зародилась под прессом перестроечной историографии, что не что иное, как историческая вакханалия. Я к этому возрасту пришел к выводу, что история не может быть без политики. *Русская история должна быть национальной, а диссертация скорее есть налет западничества с выпадами против русской идеи.* Просто оскорбительно. *Эту диссертацию по-русски нельзя напечатать. Это противоречит русскому национальному духу.* Даже больше скажу. Нужно принимать меры, чтобы эту работу нельзя было напечатать ни в Венгрии на венгерском, ни на Западе (курсив мой. – Д. С.) [Заметки Шандора Сили, л. 7–8].

Четвертая часть. Calmato

Как видно, после выступления официального оппонента, отзыв которого был задуман как уничижительный, но который, по крайней мере, содержал профессиональную аргументацию, страсти и эмоции выплеснулись наружу. Быть может, имеет смысл остановиться на минуту в нашем повествовании, чтобы посмотреть, где же происходила эта мини-драма и кто играл в ней главные роли?

Исторический факультет Ленинградского, а позже Санкт-Петербургского государственного университета обязан своим существованием партийному постановлению 1934 г., которое проанализировал и Шандор Сили. Как и в других университетах, здесь тоже были восстановлены преподавание истории и его организационные рамки. Конечно, традиции «петербургской школы» коренятся в гораздо более далеком прошлом, в Петербургском университете преподавали многие классики русской и советской исторической науки [Szvák, 2011, р. 303–325; Корзун, Мягков, с. 386–397]. Наиболее знаменитым, знаковым руководителем факультета был В. В. Мавродин [Дворниченко], карьера которого была далеко не прямой, но которому удалось наполнить свою организационную единицу и руководимую им кафедру истории СССР хорошими специалистами, превратив ее в профессиональный коллектив, пользовавшийся признанием в советской системе высшего образования¹⁵. Когда я в 1981 г. начал учебу в аспирантуре, на кафедре, помимо В. В. Мавродина, работали такие авторитетные профессора, как А. Л. Шапиро, Р. Г. Скрынников, И. Я. Фроянов, Ю. Д. Марголис, и в эти годы она пользовалась большим престижем¹⁶. Ко времени предварительной защиты Шандора Сили, то есть примерно по прошествии десятилетия, положение значительно изменилось. Тогда уже деканом и заведующим кафедрой был в течение продолжительного времени И. Я. Фроянов, В. В. Мавродина уже не было в живых, А. Л. Шапиро был тяжело болен, а Р. Г. Скрынников ушел с кафедры, хотя и оставался профессором университета. Наиболее талантливые из учеников И. Я. Фроянова стали сотрудниками

¹⁵ «История кафедры отечественной истории на историческом факультете в 40–70-е годы – целая эпоха. Все это время, пусть с перерывами по не зависящим от него обстоятельствам, кафедрой руководил В. В. Мавродин. Надо сказать, что ему удалось создать (или, если хотите, воссоздать) кафедру после разрухи 40–50-х годов. Ко времени ухода Мавродина с поста заведующего кафедрой (в 1982 г. он передал кафедру своему ученику И. Я. Фроянову) кафедра стала вполне сильным, жизнеспособным научно-педагогическим организмом» [Исторический факультет Санкт-Петербургского университета, с. 70].

¹⁶ «К 1986 г. профессорско-преподавательский состав факультета насчитывал 63 штатных сотрудника, из которых 21 имел степень доктора исторических наук, а 36 – кандидата наук... Факультет неоднократно был признан лучшим среди гуманитарных факультетов университета и пользовался популярностью среди абитуриентов: так, в отдельные годы конкурс при приеме достигал 15 человек на место» [Исторический факультет Санкт-Петербургского университета, с. 23]. В 1983 г. я тоже написал о нем ознакомительную статью, в которой назвал его лучшей творческой лабораторией в области истории русского Средневековья. См.: [Szvák, 1983].

факультета, значительно омоложив преподавательский состав кафедры истории СССР. Эти сравнительно недавно защитившие диссертации специалисты, понятным образом, занимались историей Древней Руси, и их исследования тогда еще не распространялись на историю XVI–XVII вв. или на историографию. Они и были оппонентами и задавали тон на обсуждении.

Естественно, ключевой фигурой был декан и заведующий кафедрой И. Я. Фроянов, хотя он и не вмешивался в дискуссию. Настоящая статья посвящена не ему, поэтому здесь я поделюсь только информацией, необходимой для понимания описываемых событий, разбор деятельности И. Я. Фроянова не входит в мою задачу. Кстати сказать, я отношусь к нему с пристрастием как к первому советскому ученому, с которым я лично встретился, и уже ранее я написал его субъективный портрет [Свак, 2014, с. 168–170]¹⁷.

Описанные выше события имеют и такое прочтение, которое объясняет происшедшее конфликтом между Фрояновым и Скрынниковым¹⁸. Сам Р. Г. Скрынников думал иначе. Он видел причину в переломе, который произошел в жизни кафедры и примером которого еще до защиты Сили было обвинение, брошенное вернувшейся из Канады аспирантке Ю. Д. Марголиса о том, что она якобы дудит в одну дудку с украинскими националистами [Письмо Р. Г. Скрынникова Дюле Сваку от 12 июля 1992 г., с. 2]. И. Я. Фроянов был твердым руководителем, определявшим дух и облик кафедры. Крайне вероятно, что распад СССР и навязанная Западом ведущая к тяжелым кризисам неолиберальная политика, сопровождавшаяся катастрофами, привели к усилению на кафедре воинствующей «великорусской» политики, политики «защиты русских», которая по настоящему «созрела» к концу десятилетия и привела к кризису кафедры и удалению И. Я. Фроянова с поста декана, а потом и заведующего кафедрой. Это время было обременено упразднением и слиянием кафедр, увольнениями, открытыми письмами, доносами, газетными статьями, клеветнической и оправдательной публицистикой, пылками и богатыми на эмоции выступлениями внутри

¹⁷ Между прочим, я всегда был убежденным сторонником и венгерским пропагандистом революционной/еретической концепции истории Киевской Руси, созданной И. Я. Фрояновым, см.: [Szvák, 1978, p. 142–143; Szvák, 1982, p. 1098–1101]. Я уже после подачи моей статьи в редакцию 17 декабря 2020 г. получил горестную весть о кончине И. Я. Фроянова от А. Ю. Дворниченко, на письмо которого ответил так: «Мне дошла уже горестная весть. Искреннее соболезнование дочери, Вам и коллегам! Я очень высоко оценивал и уважал Игоря Яковлевича, в свое время мы были в тесном сотрудничестве. Я всегда считал и считаю до сих пор его великим историком истории Киевской Руси. В пантеоне медиевистов России у него особое место и вечный покой».

¹⁸ «Ни Скрынников, ни Александр Лавров ничего не сказали мне после защиты, потому что я был заинтересованным лицом и иностранцем. Они рассматривали этот случай как местное внутрирусское дело и сообщили лишь то, что речь не идет ни обо мне, ни о диссертации, это просто была возможность ударить по Скрынникову» [Письмо Шандора Сили Дюле Сваку от 14 апреля 2020 г.].

и вне университета¹⁹, поэтому здесь я процитирую только официальное мнение, оценку в юбилейном томе, выпущенном к 70-летию факультета, ответственным редактором которого был тогдашний декан и заведующий кафедрой, бывший ученик И. Я. Фроянова:

Во второй половине 90-х годов мы наблюдаем нарастание негативных тенденций в деятельности кафедры. В конце 90-х годов уже истекшего столетия кафедра вместе с факультетом пережила трудные времена. Те изменения, которые пришлось претерпеть кафедре, происходили на фоне конфликтов, сотрясавших весь исторический факультет. <...> Увлечение заведующего кафедрой политикой, разжигание внутри факультета тяжелого конфликта не способствовали развитию кафедры. Пуская пыль в глаза парадными «научными отчетами», заведующий кафедрой не сосредоточивался на совершенствовании научной и педагогической деятельности кафедры. Она оказалась в стороне от инновационных направлений исторической науки, получивших широкое распространение на Западе. Это и понятно – контакты кафедры с миром были сведены к нулю ввиду опасений нападения со стороны «мировой закулисы» [Исторический факультет Санкт-Петербургского университета, с. 90–91].

Оглядываясь на то время, можно предположить, что концепция опубликованных в конце 90-х гг. XX в. книг И. Я. Фроянова, открыто внушавших читателю политические симпатии и антипатии автора, завернутые в обертку научности [Фроянов, 1997; Фроянов, 1999], деятельность историка в Российской коммунистической партии, затем использование научной деятельности для пропаганды «конспирологических теорий» [Фроянов, 2007]²⁰, а также безмерное антизападничество и противостояние так называемой «мировой закулисе», – все это объясняет происшедшее в 1992 г. Личные, семейные трагедии, по всей вероятности, только усилили боль и отчаяние историка по поводу того, что его страна движется в неверном направлении, даже, быть может, в сторону распада.

Р. Г. Скрынников писал, что И. Я. Фроянов – «хороший режиссер. Он поручил своим молодцам разгромить диссертацию Шандора, что они и сделали» [Письмо Р. Г. Скрынникова Дюле Сваку от 12 июля 1992 г.]. Таким образом, он не считал, что речь идет о направленной против него мелочной мести, а предполагал наличие более веских,

¹⁹ Все это описано, по признанию самого автора, в защиту И. Я. Фроянова его коллегой по кафедре В. С. Брачевым, который тогда уже специализировался на изучении масонства [Брачев, 2006а]. См. также: [Брачев, 2006б, ч. 4].

²⁰ В этом объемистом произведении И. Я. Фроянов показывает Ивана IV и Сталина прогрессивными деятелями русской истории и в получившейся вместе с двумя предыдущими книгами трилогии рисует образ «дьявольского» Запада, смотрящего на Россию как на потенциальную добычу, прослеживая линию «иноземного заговора», которая, как он считает, тянется от ереси «жидовствующих» к масонам, революционным вождям еврейского происхождения, немецкому и американскому финансовому капиталу и нынешней «мировой закулисе».

принципиальных причин. И если посмотреть на дальнейшую деятельность не только И. Я. Фроянова, но и его коллег, то нужно констатировать, что начальнику вовсе не нужно было принуждать подчиненных. Большинство из них разделяли его «философию истории», некоторые даже в еще более радикальном виде.

Вместе с тем нашлись и специалисты, поддержавшие Шандора Сили, но никто из них не был членом кафедры И. Я. Фроянова. Авторами двух письменных отзывов были бывшие ученики Скрынникова, начинающие ученые, получившие кандидатские степени за работы по русской истории XVII в. Позже, но в том же году, поступили еще четыре положительных отзыва, написанные крупными авторитетами в своей области науки²¹.

Ни один из них не выразил сомнения в том, что диссертация может быть допущена к защите. Все они оценили ее как самостоятельное, оригинальное, концептуально обоснованное, необычайно основательное и опирающееся на широкую информацию исследование, которое не только имеет право на существование, но и внесло новые результаты в историографию вопроса:

Автору пришлось проанализировать огромный материал (в приложенной к диссертации «Библиографии» около четырехсот названий), весьма разнородный, нередко трудный для восприятия даже русскоязычного исследователя диапазон рассматриваемых вопросов потребовал от диссертанта обращения не только к научной литературе, но и к архивным материалам (из архива АН СССР), а временами и к документальным публикациям по истории Сибири. <...> Полагаю, что главная цель работы Ш. Сили достигнута: ему удалось представить на защиту вполне профессионально выполненное оригинальное законченное исследование [Никитин, с. 1]²².

Помимо общих замечаний, авторы положительных отзывов выделяли прежде всего новую хронологию, предложенную диссертантом, реконструкцию развития и последовательной смены концепций присоединения Сибири, удачное изображение деятельности Миллера и заслуг Бахрушина, а также анализ наблюдавшегося уже с XVIII в. сильного государственного вмешательства в область формирования исторической памяти и необычайно информативное изложение этого вмешательства и его институциональных форм в советское время²³.

²¹ Двое из них были тогда ведущими специалистами по истории Сибири, двое – историографами, трое – докторами исторических наук.

²² А. С. Лавров писал: «Работу Ш. Сили отличает хороший литературный язык, свободный от штампов и трафаретов, характерных для историографической литературы. Сильной стороной работы является жесткая логическая структура, позволяющая автору отбросить все лишнее, не превращая свой труд в сборник цитат и библиографических справок. Концепция автора носит при этом вполне самостоятельный характер» [Лавров, с. 5].

²³ «Раскрытие государственнического “служилого”, если можно так сказать, характера отечественной историографии Сибири – несомненная заслуга автора» [Лавров, с. 2].

Эти отзывы отнюдь не были не критичными. Больше того, Н. И. Никитин, например, писал о диссертанте:

...Им, вероятно, недостаточно учтено то обстоятельство, что наука, какой бы «забюрократизированной» она ни была, имеет свою логику, свои законы развития, которые никто, пока наука остается наукой, не может отменить – ни Политбюро ЦК, ни отдельно взятые «диктаторы»... [Никитин, с. 4].

Надо отметить, что и остальные оппоненты – А. С. Лавров, П. В. Седов [Седов, с. 5], Б. М. Свердлов [Свердлов, с. 2, 6] – подчеркнули чрезмерно упрощенную интерпретацию историографии советского периода²⁴. Критике подверглись также оценка диссертантом русской «культурной миссии» и его настойчивая приверженность термину «завоевание»: «я считаю, что исследования, проведенные русскими исследователями в 1950–80-х гг... опровергли прямолинейные утверждения о завоевании Сибири и теории сибирских областников о вымирании сибирских народов», – написал в своем отзыве В. А. Александров [Александров, с. 3]; на то, что тема «культуртрегерской роли России в Азии» оказалась в диссертации «несколько скомканной», обратил внимание А. С. Лавров [Лавров, с. 3]. Вместе с тем, мнение шести специалистов о диссертации можно было обобщить словами А. Н. Цамутали следующим образом:

Полагаю, что основные ее положения обоснованы, а ряд частных оценок, если и может быть предметом дискуссии, споров, тем не менее, имеет право на существование и дает толчок к дальнейшей плодотворной разработке проблемы [Цамутали, с. 2].

Это, однако, не имело значения. В искусственно накаленной атмосфере предварительной защиты диссертант подвергся публичному бичеванию, а диссертация была, можно сказать, сметена со стола. В свете этого вызвало удивление, что председательствовавший И. Я. Фроянов в конце концов не инициировал решение о недопуске к защите и по крайней мере в принципе оставил открытым вопрос о дальнейшей судьбе диссертации²⁵, хотя на самом деле срок аспирантуры Ш. Сили к тому времени уже истек [Письмо Шандора Сили Дюле Сваку от 21 мая 2020 г.]. Для полноты картины нужно добавить, что наряду с запальчивыми выступлениями на обсуждении прозвуч-

²⁴ А. С. Лавров, например, писал: «Отвергая тем самым понимание истории как “политики, обращенной в прошлое”, автор порой сам склоняется к тому, чтобы видеть в советской историографии отражение идеологических партийных установок. Здесь необходимо умение видеть контекст эпохи, учитывать и изменение со временем самой источниковой базы, на основании которой делались выводы» [Лавров, с. 4].

²⁵ Это, несомненно, отличалось от столь выразительно описанной Ш. Сили практики советских (сталинских) времен, поскольку здесь не ставилась цель лишить диссертанта средств к существованию.

чал и трезвый голос. Профессор Марголис настойчиво попросил официального оппонента сократить количество определений «руссофобский» в протоколе обсуждения [Письмо Р. Г. Скрынникова Дюле Сваку от 12 июля 1992 г., с. 2; Заметки Шандора Сили, л. 9].

Пятая часть. Ordinario

Ознакомившись с диссертацией, отзывами и выступлениями на предварительной защите, Ю. Д. Марголис, я думаю, удачно схватил суть проблемы. На предварительной защите не было профессиональной дискуссии, на самом деле на кону стояла честь русских (включая и советских) историков, и в широком смысле – всей России. По крайней мере, так чувствовали участвовавшие в этом заседании «фрояновцы», то есть кафедральный официоз. Они не приняли во внимание профессиональных достоинств диссертации, а, движимые чувством обиды и затравленности, бросились в лобовую атаку, превратив случай Сили в показательный пример для остальных. Предлогом для этого, несомненно, стали некоторые резкие категоричные утверждения диссертанта, которые подверглись критике и со стороны авторов положительных отзывов. И все же ясно, что главной в этой истории была не личность Шандора Сили, не его венгерская национальность и даже не профессор-«европеец» Р. Г. Скрынников. Сейчас уже кажется странным, насколько невнятно (иногда в прямом значении этого слова) высказывали свое мнение выступавшие молодые люди, в целом хорошо подготовленные, хотя и не по теме диссертации. Пафосная обидчивость никогда не благоприятствует профессиональной аргументации. Даже официальный оппонент, черпавший из крайне эклектичных источников (Маркс, Бердяев, Сталин, Ципко) и больше остальных связавший себя соблюдением научных норм, постоянно использовал в качестве козыря одно и то же определение «руссофобский»²⁶.

Ш. Сили оказался в плохое время в плохом месте. И не сориентировался, несмотря на предварительные предупреждения [Письмо Шандора Сили Дюле Сваку от 14 апреля 2020 г.]. Россия находилась в отчаянном положении, а на петербургском факультете истории сложилось и оказалось в большинстве твердое ядро решительных людей, возглавляемых деканом и не желавших примириться с распадом СССР, с тем, что руководство их собственной страны вместе с Западом втаптывает в грязь величие и гордость нации. В такой накаленной атмосфере мнение, что отцом русской исторической науки был

²⁶ В этой дискуссии данное определение играло роль «идеологической дубинки», хотя я вовсе не утверждаю, что боязнь руссофобских проявлений у русских *ab ovo* не обоснована. Подробнее см.: [Свак, 2009]. Однако несомненно и то, что, опасаясь руссофобии, русские иногда склонны компенсировать это «великорусским» негодованием, от которого может вести прямая дорога к ксенофобии и антисемитизму, как это и показывает позднейший жизненный путь некоторых участников предварительной защиты.

немец Миллер, а вся советская историческая наука была служанкой партии, равнялось пощечине. Сили, оказавшийся во власти наивного «неблагоразумного упрямства», не склонен был принять это во внимание, пошел на конфронтацию, хотя и понимал, чем это кончится. Больше того, он по праву чувствовал, что одержал моральную победу и, кроме того, на собственном примере доказал справедливость диагноза, поставленного им в своей диссертации. Собственно говоря, он был прав, ведь исправление нескольких неудачно сформулированных предложений или определений не изменило бы сути дела, состоявшейся в том, что, по мнению кафедральных оппонентов, имело место русофобское выступление против русской/советской исторической науки, а на самом деле – против всего народа.

В этой статье моей задачей является не анализ и оценка работы Шандора Сили. Я сделал это осенью 1992 г., когда после безуспешной предварительной защиты в Петербурге мы провели обсуждение диссертации в руководимом мной автономном Институте русистики²⁷. Я разделял мнение Т. Крауса, который в своем оппонентском отзыве писал:

Эта работа создана в неудачный с точки зрения науки период времени. Она – типичный продукт «смены режима» в том смысле, что Шандор Сили на протяжении всего текста «сражается» с противником, который ныне уже является «дохлым львом», который не способен ответить в научно-теоретическом плане [цит. по: Jegyzőkönyv, p. 1].

Несмотря на это, мы признали научное значение работы и единогласно предложили допустить ее к защите [Ibid., p. 10].

Оглядываясь назад по прошествии стольких лет, мы видим, что «дохлый лев» действительно не мог ответить в научно-теоретическом плане, зато вполне сумел дать административный ответ. Диссертант тоже извлек соответствующие выводы, его книга, увидевшая свет в 2005 г., превратилась по сравнению с текстом диссертации в хорошо обоснованную в теоретическом и методологическом плане монографию, в которой была учтена конструктивная критика и которая уже не была пронизана идеалистической романтикой 1992 г., когда автор видел свою главную «боевую» задачу в разоблачении влияния Русского государства на русскую/советскую историческую науку. Ведь, с одной стороны, мы знали об этом влиянии и раньше, а, с другой стороны, к счастью, это было не всегда одинаково верно в разные периоды времени. Оглядываясь ныне на прошлое, надо сказать, что противостоящая всякому насилию, «стоящая на собственных ногах», функционирующая на основе своих внутренних закономерностей историческая наука, «примеры неподатливости» некоторых ее представителей заслуживали большего

²⁷ «В своем отзыве Дюла Свак указал на существенные методологические ошибки и считал возможным допустить кандидатскую диссертацию к защите только после радикальной переработки введения и заключения» [Jegyzőkönyv, p. 4].

внимания. Ведь как проблема чрезмерной власти, так и сопротивление ей остаются актуальными и поныне.

В наши дни получила неожиданную актуальность и другая центральная проблема диссертации – вопрос о «колониальном» статусе Сибири. Как убедительно показал в своей работе Ш. Сили, эта тема на самом деле никогда не покидала поля зрения политиков [Szili, 2016, p. 61–74]²⁸. За последние месяцы в мире развернулось движение за искреннее переосмысление колониального наследия, в ходе которого наблюдались и случаи уничтожения и оскорбления памятников. Это предсказуемо окажет воздействие и на российскую рецепцию. Можно ожидать нового усиления официального нарратива о «мирном заселении» Сибири в противовес кровавой колониальной политике западных держав. Но и его надо анализировать взвешенно, как этого требовали в свое время от Сили. Даже с учетом политического вмешательства раскрытие различий между западной и русской колонизацией является вполне разумной задачей исторической науки. Таким образом, историки, которые в будущем станут писать об относительно мирном присоединении сибирских народов, не обязательно будут делать это по приказу. Всякая национальная, а особенно имперская историческая наука по убеждению более снисходительна к собственному историческому прошлому, даже если и не признается себе в этом.

Ш. Сили с глубокой симпатией цитировал кредо Г. Миллера, согласно которому историк «должен казаться без отечества, без веры, без государя». Намерение использовать этот девиз в качестве путеводной нити представляется иллюзией, поскольку историк приходит в свою профессию не младенцем и находит в ней не чистый лист. Историческая наука объединяет специалистов различной веры и национальности, различных партийных пристрастий, придерживающихся собственных традиций, норм и правил. Настоящая историографическая задача состоит как раз в том, чтобы разобраться в этом сплетении индивидуальных плюсов и минусов.

В конечном итоге работе Сили пошло на пользу то, что он удалил из нее ведущий мотив отвергнутой диссертации²⁹ и, опираясь на теорию смены научных парадигм Томаса Куна, в своей монографии нашел для своего исследования более дифференцированные и структурированные методологические рамки: «Приведенный выше “сибирский пример” создания исторических концепций свидетельствует о том, что решающую роль в этом процессе играют три фактора: смена методологических воззрений, изменение социокуль-

²⁸ См., например, анализ наиболее дискуссионных проблем истории Сибири в статье [Никитин, Петров] в журнале «Вестник российской нации». В этом репрезентативном издании первую статью написал В. В. Путин.

²⁹ «Основная мысль моей диссертации – это категорическое отрицание любого вмешательства в науку извне, особенно со стороны политических и административных структур» [Сили, с. 13].

турной среды, а также – в случае отсутствия или слабости автономных научных учреждений – влияние политики» [Szili, 2005, p. 231]. И в России 1992 г. еще не пришло время для смены парадигмы в области исторического подхода. Больше того, если сравнить обстоятельства защиты в 1984 и в 1992 гг., то в тот конкретный исторический момент на историческом факультете Санкт-Петербургского университета дела диссертанта обстояли даже хуже, чем в 1984 г., в советское время. Вопреки тому, что в 1992 г. мы уже прошли через «гласность», в описанном случае свобода слова и научного исследования принесла с собой в качестве нового явления лишь ксенофобию. Правда, это тоже относилось не ко всем – прозвучало и мнение, что, несмотря на жесткую критику, диссертация может быть опубликована [Свердлов, с. 7]. В 1992 г. степень национализма русской исторической науки была не выше, чем во многих других странах. Конечно, с тех пор утекло много воды в Неве и в Дунае. И было бы крайне интересно знать, как обошлись бы с русским диссертантом, который, скажем, пожелал бы защитить в венгерском казенном институте «Veritas» диссертацию под названием «Венгерские оккупационные войска на территории СССР»?

Финал

Спустя 28 лет после предварительной защиты диссертации Ш. Сили, быть может, небезынтересно посмотреть, что произошло с тех пор с героями нашей истории.

«Молодцы» И. Я. Фроянова (пятеро из участников обсуждения) стали профессорами факультета (который с тех пор получил название института), единственным, кто не добрался до звания профессора, был самый пламенный оратор на защите диссертации Сили (назовем его ХУ). Ему пришлось покинуть сначала свой пост, а потом и институт вскоре после его начальника. Он – уникальная личность, в свое время пресса и студенты рассказывали о нем массу «интересных» историй³⁰. Поскольку мы не можем проверить истинность этой информации, удовлетворимся вступившим в законную силу решением Смольненского районного суда по поданному ХУ иску о защите чести и достоинства. В нем говорится:

³⁰ Вот лишь одна из них из передачи «Петербургский университет в борьбе за историю»: «ХУ – это такой чистый пример “антисемитизма в квадрате”. Однажды я был свидетелем случая потрясающего, когда ХУ, ведя лекцию студентам и рассказывая о событиях Смутного времени, очень подробно остановился на этническом происхождении Лжедмитрия Второго. Сказал, что Лжедмитрий был жидом, и потом в течение тридцати минут описывал, как в то время на Руси относились к жидам и какую разрушительную роль жида сыграли в истории русского государства» [Петербургский университет в борьбе за историю]. Замечу, что его научный руководитель и ментор А. И. Шапиро, согласно его военной служебной характеристике, был евреем [Алексеев, Воробьев и др., с. 3].

Суд пришел к выводу, что ответчиками представлено достаточно доказательств соответствия действительности сведений, сообщенных в статье «Призрак коммунизма прописан на Менделеевской?..» И, руководствуясь статьей 191-197 ГК РСФСР, решил в удовлетворении иска ХУ... о защите чести, достоинства и деловой репутации, компенсации морального вреда отказать [цит. по: Токарева].

Между прочим, докторами наук стали и два поддерживавших Сили молодых человека. Один из них с тех пор занял должность профессора в Сорбонне, а другой работает одним из руководителей Санкт-Петербургского института истории РАН.

Ну а что же произошло с Шандором Сили? Он не стал профессором. Ни в Венгрии, ни где-то еще. Сам он пишет об этом периоде своей жизни следующее:

Продолжению работы над диссертацией помешали материальные проблемы... Так продолжалось до 1996 г., когда я пришел на работу в Министерство иностранных дел, а оттуда был послан в Москву. Годы дипломатической работы в Москве я использовал для перевода книг Скрынникова и сбора материалов для углубления некоторых подтем своей диссертации. <...> В 2000 г. я вернулся из дипломатической командировки... и окончил докторантуру PhD Будапештского университета, чтобы наконец защитить диссертацию. После этого я стал ассистентом научно-исследовательской группы... И все же... это был самый счастливый период в моей жизни [Письмо Шандора Сили Дюле Сваку от 4 мая 2020 г.].

Тогда Шандору Сили уже исполнилось 40 лет, и он снова стал начинающим ученым, но вместе с тем успешно защитил диссертацию на степень PhD, на основе которой была (с основательностью его «наставника» Г. Миллера) подготовлена превосходная книга, и обогатил преподавание русистики в Венгрии, в котором и сам принимал участие³¹, важными пособиями [A középkori orosz történelem forrásai; A normann kérdés az orosz történelemben]. Однако на 500 евро в месяц невозможно создать и содержать семью. В результате ему опять пришлось оставить свою профессию.

Думается, что скорее профессия оставила его.

³¹ Один из студентов дал ему следующую характеристику: «За угрюмой внешностью скрывается гений, хороший лектор с более чем огромными знаниями, читающий очень занимательные лекции. Фантастически хорош и в методологическом плане, не навязывает конечных истин, а всегда интересуется чужими мнениями, идеями, на которые реагирует по существу; на всех семинарах шла настоящая совместная работа. Я страшно любил его занятия. Он всегда готов помочь! К его занятиям нужно много читать и размышлять, но ведь это и есть дело гуманитария» [Tanár adatlap].

* * *

В истории советской исторической науки Шандор Сили изучал много неудавшихся судеб историков. Были и такие, кому пришлось еще хуже – их казнили. Некоторые были вынуждены эмигрировать. Кто-то очутился в лагерях, кого-то позже реабилитировали, и они продолжали работать, но всегда не там и не так, где и как работали до этого.

Другая эпоха – другая развязка. Однако в конце этих историй никогда не испытываешь катарсиса.

Список литературы

Александров В. А. Отзыв на диссертацию Ш. Сили «Ключевые вопросы присоединения Сибири к России в конце XVI – XVII в. в русской и советской историографии (развитие концепции вхождения Зауралья в состав Московского государства)»: рукопись. [М.], 1992. 3 с. // Личный архив Ш. Сили.

Алексеев В. В. Уральская школа историков // Региональные школы русской историографии / под ред. Д. Свака. Budapest: Russica Pannonicana, 2007. С. 12–20.

Алексеев Ю. Г., Воробьев В. М. и др. Памяти Александра Львовича Шапиро // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2: История. 2005. Вып. 4. С. 3–17.

Брачев В. С. Масыны у власти. М.: Алгоритм: ЭКСМО, 2006а. 640 с.

Брачев В. С. Травля русских историков. М.: Алгоритм, 2006б. 320 с.

Дворниченко А. Ю. Владимир Васильевич Мавродин: Страницы жизни и творчества. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2001. 192 с.

Ельцинщина / ред. Д. Свак. Будапешт: Венгер. ин-т русистики, 1993. 103 с.

Заметки Шандора Сили: рукопись. 1992. 11 с. // Личный архив Ш. Сили.

Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / под ред. Г. А. Бордюгова. М.: АИРО-XX, 1996. 463 с.

Исторический факультет Санкт-Петербургского университета (1934–2004): очерк истории / отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 390 с.

Корзун В. П., Мязков Г. П. Научные школы в российской исторической науке: (Опыт историографического осмысления последних десятилетий) // Профессия – историк: К юбилею Л. П. Репиной / отв. ред. О. В. Воробьева. М.: Аквилон, 2017. С. 364–409.

Лавров А. С. Рецензия на рукопись кандидатской диссертации Шандора Сили «Ключевые вопросы присоединения Сибири к России в конце XVI – XVII в. в русской и советской историографии (развитие концепции вхождения Зауралья в состав Московского государства)»: рукопись. [СПб.], 1992. 5 с. // Личный архив Ш. Сили.

Логунов А. П. Кризис исторической науки, или Наука в условиях общественного кризиса: историография второй половины 80-х – начала 90-х гг. // Советская историография / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева; науч. ред. А. П. Логунов. М.: Изд-во РГГУ, 1996. С. 447–487.

Невежин В. А., Пруцкова О. А. Издание исторической литературы: кризис или стабилизация? // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / под ред. Г. А. Бордюгова. М.: АИРО-XX, 1996. С. 22–36.

Никитин Н. И. Отзыв на рукопись кандидатской диссертации Шандора Сили «Ключевые вопросы присоединения Сибири к России в конце XVI – XVII в. в русской и советской историографии (развитие концепции вхождения Зауралья в состав Московского государства)» (Санкт-Петербург, 1992): рукопись. [М.], 1992. 11 с. // Личный архив Ш. Сили.

Никитин Н., Петров Ю. Русская колонизация Сибири и Америки: дискуссионные проблемы // Вестн. Рос. нации. 2012. № 4–5. С. 35–49.

Отзыв на кандидатскую диссертацию Сили Шандора «Ключевые вопросы присоединения Сибири к России в конце XVI – XVII в. в русской и советской историографии (развитие концепции вхождения Зауралья в состав Московского государства)»: рукопись. [СПб.], 1992. 19 с. // Личный архив Ш. Сили.

Петербургский университет в борьбе за историю : ведущий Иван Толстой. 01.01.2000 // Радио «Свобода» : [сайт]. URL: <https://www.svoboda.org/a/24200527.html> (дата обращения: 26.06.2020).

Письмо Р. Г. Скрынникова Дюле Сваку от 12 июля 1992 г. 3 с. // Личный архив Д. Свака.

Письмо Шандора Сили Дюле Сваку от 14 апреля 2020 г. // Личный архив Д. Свака.

Письмо Шандора Сили Дюле Сваку от 21 апреля 2020 г. // Личный архив Д. Свака.

Письмо Шандора Сили Дюле Сваку от 4 мая 2020 г. // Личный архив Д. Свака.

Письмо Шандора Сили Дюле Сваку от 21 мая 2020 г. // Личный архив Д. Свака.

Россия в 1992 году. Мы выжили как могли // Кликабол : [сайт]. URL: <https://klikabol.com/2017/09/rossiya-v-1992-godu-my-vyzhivali-kak-mogli.html> (дата обращения: 30.04.2020).

Россия в 1992–1999 гг.: внутренняя политика // Онлайн-школа Фоксфорд : [сайт]. URL: <https://foxford.ru/wiki/istoriya/rossiya-v-1992-1999-gg-vnutrennyaya-politika> (дата обращения: 02.05.2020).

Свак Д. Ключевые проблемы социально-политической истории России второй половины XVI века в русской и советской историографии (реформы и опричнина Ивана IV) : дис. ... канд. ист. наук. Л. : [Б. и.], 1984. 195 с.

Свак Д. Президент Борис – царь Борис // Конец Ельцинщины / ред. Т. Краус. Будапешт : Венгер. ин-т русистики, 1999. С. 7–11.

Свак Д. К вопросу о генезисе русофобии // Государство и нация в России и Центрально-Восточной Европе. Budapest : Russica Pannonicana, 2009. С. 21–29.

Свак Д. Историк и казак // На службе у Клио и у власть предержащих : (Этюды по русиеведению). Budapest : Russica Pannonicana, 2014. С. 168–170.

Свердлов М. Б. Отзыв о кандидатской диссертации Шандора Сили «Ключевые вопросы присоединения Сибири к России в конце XVI – XVII в. в русской и советской историографии (развитие концепции вхождения Зауралья в состав Московского государства)» : рукопись. [СПб.], 1992. 7 с. // Личный архив Ш. Сили.

Седов П. В. Отзыв на кандидатскую диссертацию Шандора Сили «Ключевые вопросы присоединения Сибири к России в конце XVI – XVII в. в русской и советской историографии (развитие концепции вхождения Зауралья в состав Московского государства)» : рукопись. [СПб.], 1992. 6 с. // Личный архив Ш. Сили.

Токарева М. Иск отклонен, история продолжается. Петербургский истфак нуждается в радикальном обновлении // Русская народная линия : [интернет-портал]. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2002/06/25/isk_otklonen_istoriya_prodolzhaetsya (дата обращения: 26.06.2020).

Фроянов И. Я. Октябрь семнадцатого (глядя из настоящего). СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. 159 с.

Фроянов И. Я. Погружение в бездну (Россия на исходе XX века). СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. 800 с.

Фроянов И. Я. Драма русской истории : На путях к Опричнине. М. : Парад, 2007. 952 с.

Цамутали А. Н. Отзыв о кандидатской диссертации Шандора Сили «Ключевые вопросы присоединения Сибири к России в конце XVI – XVII в. в русской и советской историографии (развитие концепции вхождения Зауралья в состав Московского государства)» : рукопись. [СПб.], 1992. 3 с. // Личный архив Ш. Сили.

A középkori orosz történelem forrásai / ed. by G. Szvák, S. Szili. Budapest : Pannonica Kiadó, 2005. 318 p.

A normann kérdés az orosz történelemben. I. Források / ed. by G. Szvák, S. Szili. Budapest : Russica Pannonicana, 2009. 327 p.

Békés P. Hazafelé, félúton // Filmvilág. 1992. Iss. 4. P. 19–20.

Havas F., Krausz T. Dokumentumok történeti ruszisztikánk tárgyköréből. Budapest : Magyar Ruszisztikai Intézet, 2000. 199 p.

Jegyzőkönyv Szili Sándor “Szibéria meghódításának koncepciói az orosz és szovjet historiográfiában” című kandidátusi értekezésének műhelyvitájáról : Record of the Workshop Discussion of Sándor Szili’s Candidate’s Dissertation Entitled “Concepts of the Conquest of Siberia in Russian and Soviet Historiography” : manuscript. Budapest, Nov. 5. 10 p. // Архив Венгерского ин-та русистики.

Kecskeméthy G. Tovarisi könyec // Beszélő : [website]. URL: <http://beszelo.c3.hu/cikkek/tovarisi-konyec> (accessed: 23.06.2020).

- Kéri L. Húszéves a rendszer. 1992 a reménytelen diskurzusok éve // Népszabadság. 2009. Március 9.
- Keskeny E. A magyar-orosz kapcsolatok. 1989–2002. Budapest : Századvég Kiadó, 2012. 282 p.
- Könczöl C. A BBC a magyarországi russyofóbiáról // Népszabadság. 1992. Június 5.
- Krausz T. A peresztrojka vége? : Kerekasztal-beszélgetés. Budapest : Magyar Ruzsisztikai Intézet, 1991a. 62 p.
- Krausz T. Van-e alternatívája az orosz konzervatívizmusnak? // A Szovjetunió vége? (Szakértői gyorsjelentés) / ed. by T. Krausz. Budapest : Magyar Ruzsisztikai Intézet, 1991b. P. 7–25.
- Krausz T. Előszó // A jelcini gazdaságpolitika alternatívái (Szakértői jelentés) / ed. by T. Krausz. Budapest : Magyar Ruzsisztikai Intézet, 1992a. P. 3–5.
- Krausz T. Előszó // Jelcin és a jelcinizmus (Szakértői jelentés) / ed. by T. Krausz. Budapest : Magyar Ruzsisztikai Intézet, 1992b. P. 3–5.
- Krausz T. Szovjet Thermidor. A sztálini fordulat szellemi előzményei, 1917–1928. Budapest : Napvilág Kiadó, 1996. 255 p.
- Krausz T., Máté I. A rendszerváltás a tények tükrében (1989–1991). Budapest : Magyar Ruzsisztikai Intézet, 1993. 107 p.
- Népszabadság. 1992. Nov. 11.
- Nikitin, N., Petrov, Yu. (2012). Russkaya kolonizatsiya Sibiri i Ameriki: diskussionnye problemy [Russian Colonization of Siberia and America: Controversial Issues]. In *Vestnik rossijskoi natsii*. No. 4–5, pp. 35–49.
- Petrov A. Privatizálás a Szovjetunióban. Budapest : Magyar Ruzsisztikai Intézet, 1991. 73 p.
- Sáringner J. Az orosz elnök látogatása – Antall József és Borisz Jelcin – Moszkva bocsánatkérése 1956-ért és a “nullszaldós” megoldás // Magyar Hírlap : [website]. URL: http://www.magyarhirlap.hu/tudomany/Az_orosz_elnok_latogatasa (accessed: 04.05.2020).
- Skrynnikov R. G. Reign of Terror: Ivan IV. Leiden ; Boston : Brill, 2016. 630 p.
- Szili S. Szibéria birtokbavételének koncepciói az orosz és a szovjet történetírásban. Budapest : Magyar Ruzsisztikai Intézet, 2005. 235 p.
- Szili S. A szibériai frontier a 17. században // Az orosz birodalom születései, szerk. Budapest : Gondolat Kiadó, 2016. P. 61–74.
- Szvák G. I. Ja. Frojanov: Kijevszkaja Rusz. Ocserki szocialno-polityiceszkoy isztorii Leningrád, 1980 // Századok. 1982. Iss. 5. P. 1098–1101.
- Szvák G. A leningrádi történészműhely // Egyetemi Lapok: Eötvös Loránd Tudományegyetem lapja. 1983. Iss. 4. P. 2–5.
- Szvák G. The Golden Age of Russian Historical Writing: The Nineteenth Century // The Oxford History of Historical Writing : 5 Vols. / ed. by S. Macintyre, J. Maigushca, A. Pók. Oxford : Oxford Univ. Press, 2011. Vol. 4. 1800–1945. P. 303–325.
- Szvák G. „Nem lelkendezhetek főállásban”. Beszélgetések Oroszországról. Budapest : Gondolat Kiadó, 2018. 220 p.
- Tanár adatlap // Mark My Professor : [website]. URL: <http://www.markmyprofessor.com/tanar/adatlap/8709.html> (accessed: 28.06.2020).
- Vida L. Ordas indulatok lelekednek. Birodalmi reformok // Magyar Nemzet. 1992. Január 2; november 11.

References

- Aleksandrov, V. A. (1992). Otyzv na dissertatsiyu Sh. Sili “Klyuchevye voprosy prisodineniya Sibiri k Rossii v kontse XVI–XVII vv. v russkoi i sovetskoi istoriografii (razvitiie kontseptsii vkhozhdeniya Zaural’ya v sostav Moskovskogo gosudarstva)” [Review of the PhD Thesis of S. Szili *Key Issues of Russia’s Annexation of Siberia in the Late 16th – 17th Centuries in Russian and Soviet Historiography (The Development of the Concept of the Trans-Urals’ Entry into the Muscovite State)*]. Manuscript. [Moscow]. 3 p. In *Lichnyi arkhiv Sh. Sili*.
- Alekseev, V. V. Ural’skaya shkola istorikov [The Ural School of Historians]. In Szvák, G. (Ed.). *Regional’nye shkoly russkoi istoriografii*. Budapest, Russica Pannonicana, pp. 12–20.
- Alekseev, Yu. G., Vorob’ev, V. M. et al. (2005). Pamyati Aleksandra L’vovicha Shapiro [In Memory of Alexander Lvovich Shapiro]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2: Istoriya*. Iss. 4, pp. 3–17.

- Békés, P. (1992). Hazafelé, félúton. In *Filmvilág*. Iss. 4, pp. 19–20.
- Bordyugov, G. A. (Ed.). (1996). *Istoricheskie issledovaniya v Rossii. Tendentsii poslednikh let* [Historical Research in Russia. Trends in Recent Years]. Moscow, AIRO-XX. 463 p.
- Brachev, V. S. (2006a). *Masonry u vlasti* [Masons in Power]. Moscow, Algoritm, EKSMO. 640 p.
- Brachev, V. S. (2006b). *Travlya russkikh istorikov* [The Persecution of Russian Historians]. Moscow, Algoritm. 320 p.
- Dvornichenko, A. Yu. (2001). *Vladimir Vasil'evich Mavrodin. Stranitsy zhizni i tvorchestva* [Vladimir Vasilievich Mavrodin. Pages from His Life and Works]. St Petersburg, Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 192 p.
- Dvornichenko, A. Yu. (Ed.). (2004). *Istoricheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo universiteta (1934–2004). Ocherk istorii* [Faculty of History, St Petersburg University (1934–2004). An Essay on History]. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 390 p.
- Froyanov, I. Ya. (1997). *Oktyabr' semnadsatogo (glyadya iz nastoyashchego)* [October 17th (Looking from the Present)]. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 159 p.
- Froyanov, I. Ya. (1999). *Pogruzhenie v bezdnu (Rossiya na iskhode XX veka)* [Diving into the Abyss (Russia in the Late 20th Century)]. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 800 p.
- Froyanov, I. Ya. (2007). *Drama russkoi istorii. Na putyakh k Oprichnine* [The Drama of Russian History. On the Way to the Oprichnina]. Moscow, Parad. 952 p.
- Havas, F., Krausz, T. (2000). *Dokumentumok történeti ruszisztikánk tárgyköréből*. Budapest, Magyar Ruszisztikai Intézet. 199 p.
- Jegyzőkönyv Szili Sándor “Szibéria meghódításának koncepciói az orosz és szovjet historiográfiában” című kandidátusi értekezésének műhelyvitájáról : Record of the Workshop Discussion of Sándor Szili's Candidate's Dissertation Entitled “Concepts of the Conquest of Siberia in Russian and Soviet Historiography” : manuscript. Budapest, Nov. 5. 10 p. In *Arkhiv Vengerskogo instituta rusistiki*.
- Kecskeméthy, G. (N. d.). Tovarisi konyec. In *Beszélő* [website]. URL: <http://beszelo.c3.hu/cikkek/tovarisi-konyec> (accessed: 23.06.2020).
- Kéri, L. (2009). Húszéves a rendszer. 1992 a reménytelen diskurzusok éve. In *Népszabadság*. Március 9.
- Keskeny, E. (2012). *A magyar-orosz kapcsolatok. 1989–2002*. Budapest, Századvég Kiadó. 282 p.
- Könczöl, C. (1992). A BBC a magyarországi russzofóbiáról. In *Népszabadság*. Június 5.
- Korzun, V. P., Myagkov, G. P. (2017). Nauchnye shkoly v rossiiskoi istoricheskoi nauke. (Opyt istoriograficheskogo osmysleniya poslednikh desyatiletii [Academic Schools in Russian Historical Studies (An Attempt at an Historiographical Understanding of Recent Decades)]. In Vorob'eva, O. V. (Ed.). *Professiya – istorik. K yubileyu L. P. Repinai*. Moscow, Akvilon, pp. 364–409.
- Krausz, T. (1991a). *A peresztrojka vége? : Kerekasztal-beszélgetés*. Budapest, Magyar Ruszisztikai Intézet. 62 p.
- Krausz, T. (1991b). Van-e alternatívája az orosz konzervatívizmusnak? In Krausz, T. (Ed.). *A Szovjetunió vége? (Szakértői gyorsjelentés)*. Budapest, Magyar Ruszisztikai Intézet, pp. 7–25.
- Krausz, T. (1992a). Előszó. In Krausz, T. (Ed.). *A jelicini gazdaságpolitika alternatívái (Szakértői jelentés)*. Budapest, Magyar Ruszisztikai Intézet, pp. 3–5.
- Krausz, T. (1992b). Előszó. In Krausz, T. (Ed.). *Jelcin és a jelicinizmus (Szakértői jelentés)*. Budapest, Magyar Ruszisztikai Intézet, pp. 3–5.
- Krausz, T. (1996). *Szovjet Thermidor. A sztálini fordulat szellemi előzményei, 1917–1928*. Budapest, Napvilág Kiadó. 255 p.
- Krausz, T., Máté, I. (1993). *A rendszerváltás a tények tükrében (1989–1991)*. Budapest, Magyar Ruszisztikai Intézet. 107 p.
- Lavrov, A. S. (1992). Retenziya na rukopis' kandidatskoi dissertatsii Shandora Sili “Klyucheveye voprosy prisoedineniya Sibiri k Rossii v kontse XVI–XVII vv. v russkoi i sovetskoi istoriografii (razvitie kontseptsii vkhozhdeniya Zaural'ya v sostav Moskovskogo gosudarstva)” [Review of the Manuscript of Sándor Szili's PhD Thesis *Key Issues of Russia's Annexation of Siberia in the Late 16th – 17th Centuries in Russian and Soviet Historiography (The Development of the Concept of the Trans-Urals' Entry into the Muscovite State)*]. Manuscript. [St Petersburg]. 5 p. In *Lichnyi arkhiv Sh. Sili*.

Logunov, A. P. (1996). Krizis istoricheskoi nauki, ili Nauka v usloviyakh obshchestvenno-gozhiznaya krizisa: istoriografiya vtoroi poloviny 80-kh – nachala 90-kh gg. [The Crisis of Historical Studies, or Scholarship in the Conditions of Social Crisis: Historiography in the Second Half of the 80s – Early 90s]. In Afanas'ev, Yu. N., Logunov, A. P. (Eds.). *Sovetskaya istoriografiya*. Moscow, Izdatel'stvo Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, pp. 447–487.

Népszabadság. (1992). Nov. 11.

Nevezhin, V. A., Prutskova, O. A. (1996). Izdanie istoricheskoi literatury: krizis ili stabilizatsiya? [The Publication of Historical Literature: Crisis or Stabilisation?]. In Bordyugov, G. A. (Ed.). *Istoricheskie issledovaniya v Rossii. Tendentsii poslednikh let*. Moscow, AIRO-XX, pp. 22–36.

Nikitin, N. I. (1992). Otzyv na rukopis' kandidatskoi dissertatsii Shandora Sili “Klyuchevevy voprosy prisoedineniya Sibiri k Rossii v kontse XVI–XVII vv. v russkoi i sovetskoi istoriografii (razvitiye kontseptsii vkhozheniya Zaural'ya v sostav Moskovskogo gosudarstva)” (Sankt-Peterburg, 1992) [Review of the Manuscript of Sándor Szili's PhD Thesis *Key Issues of Russia's Annexation of Siberia in the Late 16th – 17th Centuries in Russian and Soviet Historiography (The Development of the Concept of the Trans-Urals' Entry into the Muscovite State)* (St Petersburg, 1992)]. Manuscript. [Moscow]. 11 p. In *Lichnyi arkhiv Sh. Sili*.

Otzyv na kandidatskuyu dissertatsiyu Sili Shandora “Klyuchevevy voprosy prisoedineniya Sibiri k Rossii v kontse XVI–XVII vv. v russkoi i sovetskoi istoriografii (razvitiye kontseptsii vkhozheniya Zaural'ya v sostav Moskovskogo gosudarstva)” [Review of Sándor Szili's PhD Thesis *Key Issues of Russia's Annexation of Siberia in the Late 16th – 17th Centuries in Russian and Soviet Historiography (The Development of the Concept of the Trans-Urals' Entry into the Muscovite State)*]. Manuscript. [St Petersburg]. 19 p. In *Lichnyi arkhiv Sh. Sili*.

Peterburgskii universitet v bor'be za istoriyu. Vedushchii Ivan Tolstoy [Petersburg University in the Struggle for History. Hosted by Ivan Tolstoy]. In *Radio “Svoboda”* [website]. January 1. URL: <https://www.svoboda.org/a/24200527.html> (accessed: 26.06.2020).

Petrov, A. (1991). *Privatizálás a Szovjetunióban*. Budapest, Magyar Ruzsisztikai Intézet. 73 p.

Pis'mo R. G. Skrynnikova Dyule Svaku ot 12 iyulya 1992 g. [R. G. Skrynnikov's Letter to Gyula Szvák, 12 July 1992]. (1992). 3 p. In *Lichnyi arkhiv Sh. Sili*.

Pis'mo Shandora Sili Dyule Svaku ot 14 aprelya 2020 g. [Sándor Szili's Letter to Gyula Szvák, April 14, 2020]. (2020). In *Lichnyi arkhiv Sh. Sili*.

Pis'mo Shandora Sili Dyule Svaku ot 21 aprelya 2020 g. [Sándor Szili's Letter to Gyula Szvák, April 21, 2020]. In *Lichnyi arkhiv Sh. Sili*.

Pis'mo Shandora Sili Dyule Svaku ot 4 maya 2020 g. [Sándor Szili's Letter to Gyula Szvák, May 4, 2020]. In *Lichnyi arkhiv Sh. Sili*.

Pis'mo Shandora Sili Dyule Svaku ot 21 maya 2020 g. [Sándor Szili's Letter to Gyula Szvák, May 21, 2020]. In *Lichnyi arkhiv Sh. Sili*.

Rossiya v 1992 godu. My vyzhivali kak mogli [Russia in 1992. We Survived as Best We Could]. (N. d.). In *Klikabol* [website]. URL: <https://klikabol.com/2017/09/rossiya-v-1992-godu-my-vyzhivali-kak-mogli.html> (accessed: 30.04.2020).

Rossiya v 1992–1999 gg.: vnutrennyaya politika [Russia in 1992–1999: Internal Policy]. (N. d.). In *Online-shkola Foksford* [website]. URL: <https://foxford.ru/wiki/istoriya/rossiya-v-1992-1999-gg-vnutrennyaya-politika> (accessed: 02.05.2020).

Sáringér, J. (N. d.). Az orosz elnök látogatása – Antall József és Borisz Jelcin – Moszkva becsánatkérése 1956-ért és a “nullszaldós” megoldás. In *Magyar Hírlap* [website]. URL: http://http://www.magyarhirnap.hu/tudomany/Az_orsz_elnok_latogatasa (accessed: 04.05.2020).

Sedov, P. V. (1992). Otzyv na kandidatskuyu dissertatsiyu Shandora Sili “Klyuchevevy voprosy prisoedineniya Sibiri k Rossii v kontse XVI–XVII vv. v russkoi i sovetskoi istoriografii (razvitiye kontseptsii vkhozheniya Zaural'ya v sostav Moskovskogo gosudarstva)” [Review of the PhD Thesis by Sándor Szili *Key Issues of Russia's Annexation of Siberia in the Late 16th – 17th Centuries in Russian and Soviet Historiography (The Development of the Concept of the Trans-Urals' Entry into the Muscovite State)*]. Manuscript. [St Petersburg]. 6 p. In *Lichnyi arkhiv Sh. Sili*.

Skrynnikov, R. G. (2016). *Reign of Terror: Ivan IV*. Leiden, Boston, Brill. 630 p.

Sverdlov, M. B. (1992). Otzyv o kandidatskoi dissertatsii Shandora Sili “Klyuchevevy voprosy prisoedineniya Sibiri k Rossii v kontse XVI–XVII vv. v russkoi i sovetskoi istoriografii (razvitiye kontseptsii vkhozheniya Zaural'ya v sostav Moskovskogo gosudarstva)” [Review of the PhD Thesis by Sándor Szili *Key Issues of Russia's Annexation of Siberia in*

the Late 16th – 17th Centuries in Russian and Soviet Historiography (The Development of the Concept of the Trans-Urals' Entry into the Muscovite State)]. Manuscript. [St Petersburg]. 7 p. In *Lichnyi arkhiv Sh. Sili*.

Szili, S. (2005). *Szibéria birtokbavételének koncepciói az orosz és a szovjet történetírásban*. Budapest, Magyar Ruzsisztikai Intézet. 235 p.

Szili, S. (2016). A szibériai frontier a 17. században. In *Az orosz birodalom születései, szerk.* Budapest, Gondolat Kiadó, pp. 61–74.

Szvák, G. (1982). I. Ja. Frojanov: Kijevszkaja Rusz. Ocserki szocialno-polityiceszkoi izstorii Leningrád, 1980. In *Századok*. Iss. 5, pp. 1098–1101.

Szvák, G. (1983). A leningrádi történezműhely. In *Egyetemi Lapok: Eötvös Loránd Tudományegyetem lapja*. Iss. 4, pp. 2–5.

Szvák, G. (1984). *Klyuchevye problemy sotsial'no-politicheskoi istorii Rossii vtoroi poloviny XVI veka v russkoi i sovetskoi istoriografii (reformy i oprichnina Ivana IV)* [Key Problems of the Socio-Political History of Russia in the Second Half of the 16th Century in Russian and Soviet Historiography (The Reforms and Oprichnina of Ivan IV)]. Dis. ... kand. ist. nauk. Leningrad, S. n. 195 p.

Szvák, G. (Ed.). (1993). *El'tsinshchina* [Yeltsinism]. Budapest, Vengerskii institut rusisztiki. 103 p.

Szvák, G. (1999). Prezident Boris – tsar' Boris [President Boris – Tsar Boris]. In Krausz, T. (Ed.). *Konets El'tsinshchiny*. Budapest, Vengerskii institut rusisztiki, pp. 7–11.

Szvák, G. (2009). K voprosu o genezise rusofobii [On the Genesis of Russophobia]. In *Gosudarstvo i natsiya v Rossii i Tsentral'no-Vostochnoi Evrope*. Budapest, Russica Pannonicana, pp. 21–29.

Szvák, G. (2011). The Golden Age of Russian Historical Writing: The Nineteenth Century. In Macintyre, S., Maigushca, J., Pók, A. (Eds.). *The Oxford History of Historical Writing. 5 Vols.* Oxford, Oxford Univ. Press. Vol. 4. 1800–1945, pp. 303–325.

Szvák, G. (2014). Istorik i kazak [Historian and Cossack]. In *Na sluzhbe u Klio i u vlast' prederzhashchikh. (Etudy po rossievedeniyu)*. Budapest, Russica Pannonicana, pp. 168–170.

Szvák, G. (2018). „Nem lelkendezhetek főállásban”. *Beszélgések Oroszországról*. Budapest, Gondolat Kiadó. 220 p.

Szvák, G., Szili S. (Eds.). (2005). *A középkori orosz történelem forrásai*. Budapest, Pannonica Kiadó. 318 p.

Szvák, G., Szili S. (Eds.). (2009). *A normann kérdés az orosz történelemben. I. Források*. Budapest, Russica Pannonicana. 327 p.

Tanár adatlap. (N. d.). In *Mark My Professor* [website]. URL: <http://www.markmyprofessor.com/tanar/adatlap/8709.html> (accessed: 28.06.2020).

Tokareva, M. (N. d.). Isk otklonen, istoriya prodolzhaetsya. Peterburgskii istfak nu-zhdaetsya v radikal'nom obnovlenii [The Claim Was Rejected, the Story Continues. St Petersburg History Department Needs a Radical Renovation]. In *Russkaya narodnaya liniya* [internet-portal]. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2002/06/25/isk_otklonen_istoriya_prodolzhaetsya (accessed: 26.06.2020).

Tsamutali, A. N. (1992). Otzyv o kandidatskoi dissertatsii Shandora Sili “Klyuchevye voprosy prisoedineniya Sibiri k Rossii v kontse XVI–XVII vv. v russkoi i sovetskoi istoriografii (razvitie kontseptsii vkhozheniya Zaural'ya v sostav Moskovskogo gosudarstva)” [Review of the PhD Thesis by Sándor Szili *Key Issues of Russia's Annexation of Siberia in the Late 16th – 17th Centuries in Russian and Soviet Historiography (The Development of the Concept of the Trans-Urals' Entry into the Muscovite State)*]. Manuscript. [St Petersburg]. 3 p. In *Lichnyi arkhiv Sh. Sili*.

Vida, L. (1992). Ordas indulatok leselkednek. Birodalmi reformok. In *Magyar Nemzet*. Január 2; november 11.

Zamетки Shandora Sili [Notes by Sandor Szili]. (1992). Manuscript. 11 p. In *Lichnyi arkhiv Sh. Sili*.

Problema voluminis

THE CIVIL WAR FROM THE DNIESTER TO THE PACIFIC:
AN ACCOMPLISHED APOCALYPSE
PETER THE GREAT: THE CREATION OF THE EMPIRE

Комитет членов всероссийского Учредительного собрания (Комуч). Первый состав (слева направо): Б. К. Фортунатов, П. Д. Климушкин, И. М. Брушвит, В. К. Вольский (председатель), И. П. Нестеров. Фото. 1918

Committee of Members of the Constituent Assembly (Komuch). Initial members (from left to right): B. K. Fortunatov, P. D. Klimushkin, I. M. Brushvit, V. K. Volsky (chairman), I. P. Nesterov. Photograph. 1918

Problema voluminis

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ОТ ДНЕСТРА ДО ТИХОГО ОКЕАНА –
СВЕРШИВШИЙСЯ АПОКАЛИПСИС

ПЕТР ВЕЛИКИЙ: СОТВОРЕНИЕ ИМПЕРИИ

THE CIVIL WAR FROM THE DNIESTER TO THE PACIFIC: AN ACCOMPLISHED APOCALYPSE

DOI 10.15826/qr.2021.1.565

УДК 94(470)"1917/1920" + 329.7(09) + 329:0/9

КОМИТЕТ ЧЛЕНОВ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ КАК ЛЕВОДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА КОММУНИСТАМ И БЕЛЫМ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ*

Александр Шубин

Институт всеобщей истории РАН,
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия

THE COMMITTEE OF MEMBERS OF THE CONSTITUENT ASSEMBLY AS A LEFT-DEMOCRATIC ALTERNATIVE TO THE COMMUNISTS AND THE WHITES IN THE CIVIL WAR

Alexander Shubin

Institute of World History
of the Russian Academy of Sciences,
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia

The Committee of Members of the Constituent Assembly (*Komuch*) was an option in the Civil War that was essentially distinct from both the Soviet and the White alternatives. Komuch differed from the Soviet and the White authorities, as it was characterised by a combination of advanced socioeconomic policy and a dogmatically principled commitment to parliamentary democracy. In the event of the military victory of such a power, the success of the social democratic model was not guaranteed (as the history of Europe during the interwar period demonstrated), but Russia's chances of moving along a path that combined

* *Citation*: Shubin, A. (2021). The Committee of Members of the Constituent Assembly as a Left-Democratic Alternative to the Communists and the Whites in the Civil War. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 1. P. 57–73. DOI 10.15826/qr.2021.1.565.

Цитирование: Шубин А. Комитет членов Учредительного собрания как леводемократическая альтернатива коммунистам и белым в Гражданской войне // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 1. С. 57–73. DOI 10.15826/qr.2021.1.565.

a social state and democratic institutions would have increased markedly. While criticising, and in many respects rightly so, the military policy of the Bolsheviks, the Social Revolutionaries and Mensheviks had to partially restore market capitalist relations. Their successful development was possible with the cooperation of the government and the bourgeoisie. The bourgeoisie demanded the dismantlement of “socialist conquests”, which Komuch was not going to do – both for ideological reasons and because the capitalist economy had begun to disintegrate during World War I and the Revolution. Komuch’s path involved the combination of a market economy (not necessarily just capitalist), state regulation, and broad social rights. After the Bolshevik promises, the workers and peasants took it quite calmly, fearing the possible cancellation of the social gains of the Revolution and expressing dissatisfaction with violations of promised civil rights. But the bourgeoisie, convinced of the “inconsistency” of dismantling institutions that infringed on the right of private property, stood in sharp opposition to Komuch, betting on its opponents in the anti-Soviet camp. At the same time, Komuch did not have time to build a state system for monitoring compliance with social rights and had to rely on the activity of trade unions, which, due to their social function, were critical of the government – in this case, Komuch. Komuch followed the law regulating the socialisation of land adopted by the Constituent Assembly and proposed a relatively successful version of regulating the food supply for the cities. Initially, the people’s army created by Komuch was also successful (enjoying support from the Czechoslovak Corps). However, Komuch faced a blockade by the Provisional Siberian Government. It was the opposition of more right-wing forces in the rear that predetermined the defeat of the Komuch alternative.

Keywords: Committee of Members of the Constituent Assembly, Soviets, people’s army, social state, agrarian and food issues

Рассмотрена деятельность Комитета членов Учредительного собрания (Комуча), проводившего в условиях Гражданской войны вариант политики, которая качественно отличается как от советской, так и от предложенной белыми альтернативы. От советской и белой властей Комуч отличался сочетанием передовой для того времени социально-экономической политики с принципиальной до догматизма приверженностью идеям парламентской демократии. В случае военной победы такой власти успех социал-демократической модели, по мнению автора, еще не был гарантирован, но все же заметно увеличивались шансы России на развитие по пути, сочетавшему социальное государство и демократические институты. Критикуя, и во многом справедливо, военно-коммунистическую политику большевиков, эсеры и меньшевики должны были частично восстанавливать рыночно-капиталистические отношения, успешное развитие которых было возможно при сотрудничестве власти и буржуазии. Буржуазия же требовала демонтажа «социалистических завоеваний», на что Комуч идти не собирался как по идейным причинам, так и в силу того, что капиталистическая экономика в ходе Первой мировой войны и революции стала распадаться. Путь Комуча предполагал сочетание рыночной

экономики (не обязательно только капиталистической), государственного регулирования и широких социальных прав. Рабочие и крестьяне после большевистских обещаний отнеслись к этому довольно спокойно, опасаясь возможной отмены социальных завоеваний революции и выражая недовольство нарушениями обещанных гражданских прав. Буржуазия, убедившись в «непоследовательности» демонтажа институтов, ущемляющих право частной собственности, встала в резкую оппозицию Комучу, делая ставку на его противников в антисоветском лагере. Комуч, следуя принятому Учредительным собранием закону о социализации земли, предложил относительно успешный вариант регулирования продовольственного снабжения городов. Первоначально успешно действовала и созданная Комучем Народная армия (при поддержке войск Чехословацкого корпуса). Однако Комуч столкнулся с блокадой со стороны Временного сибирского правительства. Именно это противодействие более правых сил в тылу и предопределило его поражение.

Ключевые слова: Комитет членов Учредительного собрания, Советы, Народная армия, социальное государство, аграрно-продовольственный вопрос

В конце 1917 – начале 1918 г. наибольшей популярностью в России пользовались сторонники демократического социализма. Разгон Учредительного собрания и начало широкомасштабной Гражданской войны уменьшили шансы на успех этой альтернативы, но не свели их к нулю.

Победа большевизма и широкомасштабная затяжная Гражданская война – оборотная сторона и результат поражения именно социалистической альтернативы в 1917–1918 гг. В экстремальных условиях Гражданской войны эсеры и отчасти меньшевики попытались продолжить борьбу за свои принципы, насколько их воплощение было возможно на территории нескольких губерний, вовлеченных в войну. Эта попытка отстоять перспективу демократического социализма связана с Комитетом членов Учредительного собрания (Комучем).

Некоторые участники Комитета членов Учредительного собрания оставили воспоминания об этих событиях [Гражданская война на Волге]. При этом в мемуаристике преобладают враждебные отзывы со стороны красного и белого лагерей [Знаменский; Скитания русского офицера; Терехин]. Ренегатом социалистического движения стал министр труда Комуча И. Майский, после перехода в коммунисты написавший разоблачительные мемуары [Майский]. Имея монопольный доступ к архивным материалам, авторы советского времени изучение истории феномена сводили к разоблачению «ничтожества и жестокости» «демократической контрреволюции» [Гармиза; Попов]. Зарубежная историография, испытывая дефицит источников, обычно трактовала Комуч либо с жалостливой симпатией, либо представляя его как что-то переходное к белому движению, имевшему для большевиков значение действительно серьезной угрозы [Перейра].

Историографическая революция 1990-х гг. вызвала взрыв интереса к партии эсеров и Учредительному собранию, который затмил тему Комуча, несмотря на ее важность для понимания пути эсеров в революции. Именно Комуч стал практическим проявлением политики партии эсеров в условиях Гражданской войны. Отношение современной российской историографии закономерно определялось идеологией авторов, что давало перевес его критикам как «слева», так и «справа» [Калягин, Парамонов; Кондрашин; Ратьковский]. Но присутствовала и точка зрения, защищавшая Комуч как предпочтительную власть и перспективу для России того времени [Трукан]. Расширение доступа к разнородным источникам позволяет перейти от общих оценок и многочисленных критических «придинок» к комплексному анализу событий революции и Гражданской войны, в том числе и политики Комуча [Лапандин, 2003; Лапандин, 2006; Прайсман; Шубин]. Большим событием для исследователей Комуча стало издание журналов его заседаний и других документов [Журнал заседаний].

Возникновение

В самом начале июня в Самаре эсеры-депутаты Учредительного собрания П. Климушкин, К. Фортунатов, В. Вольский, И. Нестеров и В. Филипповский возглавили подпольную антисоветскую группу, которая готовилась помочь наступающим войскам восставшего против советской власти Чехословацкого корпуса. Однако чехословацкие солдаты 8 июня ворвались в город быстро, и помощь изнутри не понадобилась. Климушкин так описал это в своем докладе 14 ноября 1918 г.:

Жители Самары увидели автомобиль, проехавший под охраной чехов (пока еще не русских солдат) в здание городского самоуправления. В автомобиле сидел Комитет членов Учредительного собрания [Журнал заседаний, с. 434].

В него вошел также присоединившийся к чехословацким войскам И. Брушвит [Там же, с. 444]. Все эти первые члены комитета (Комуча) были эсерами. В него должны были входить только депутаты Учредительного собрания, среди которых эсеры составляли большинство. 8 июня Комуч принял Приказ № 1, в котором говорилось:

Призываем всех граждан сплотиться вокруг великого и всенародного Учредительного собрания, дабы восстановить в стране закон, покой и порядок. Единая, независимая, свободная Россия. Вся власть – Учредительному собранию. Вот лозунги и цели – новой революционной власти [Там же, с. 142].

Уже в этом приказе было заложено основное противоречие политики Комуча: с одной стороны, устанавливалась новая революционная власть, которая должна была принадлежать Учредительному

собранию с социалистическим большинством, с другой – задача продолжить начатые им реформы плохо согласовывалась с восстановлением покоя и порядка.

Идеологи Комуча пытались совместить две популярные темы – национальную и социальную. Этот идеологический синтез прослеживается и в дальнейшем развитии официальной позиции Комуча [Журнал заседаний, с. 394–395].

Основой легитимности Комуч считал тот факт, что он состоит из депутатов Учредительного собрания. Однако, чтобы продолжить формирование законной власти России и начать принятие законов, нужно было собрать кворум парламента. В Самаре находились до 120 членов собрания, но в итоге в комитете остались 93 [Там же, с. 10, 432], что до кворума Учредительного собрания – 400 депутатов – было далеко. Даже если вычесть из общего количества избранных депутатов (767) большевиков и левых эсеров как «самоисключившихся» (около 220), то половина составит около 280. 23 июля Комуч постановил, что в списке эсеров левые эсеры считаются выбывшими и замещаются следующими по списку кандидатами [Там же, с. 39]. Верность тени Учредительного собрания гарантировала легитимность эсеровскому руководству, потому что партия эсеров выиграла именно выборы 1917 г. А теперь на власть претендовали те, кто эти выборы проиграла, но имели значительные ресурсы – финансовые и силовые.

Конструкция власти

Во главе Комуча стояли председатель В. Вольский и президиум, в который, помимо председателя, входили два заместителя и два секретаря. Председатель и президиум переизбирались ежемесячно, но Вольский все время избирался на этот пост. 14 августа был учрежден отдельный исполнительный орган Комуча – Совет управляющих ведомствами (СУВ) во главе с эсером Е. Роговским. Президиум Комуча мог приостановить любое решение СУВ и передать его на обсуждение Комуча.

Органы Комуча действовали от имени Российской Федеративной Демократической Республики [Журнал заседаний, с. 60]. Комуч признавал право тюркских народов как на национально-культурную автономию, так и на территориальную автономию (это касалось Туркестана, Алаш-Орды (Казахстана) и Башкирии). Окончательно вопрос о границах автономий должно было решить Учредительное собрание [Там же, с. 406–409]. Комуч допускал формирование национальных воинских формирований.

Комуч стремился восстановить местное самоуправление. 19 июля П. Климушкин провел через Комуч предложение о волостном земстве и сельской власти. Кворум земских собраний снижался до четверти депутатов. Земства должны были восстанавливаться до нормального состава за счет замещения выбывших следующими по списку кандидатами. Поскольку выбывали прежде всего большевики и левые эсе-

ры, земства по политической позиции смещались существенно вправо по сравнению с результатами выборов [Журнал заседаний, с. 34].

Перевыборы органов самоуправления в городах дали преимущество в основном социалистам, за исключением Уфы, где победил список приходов. Социалисты (включая правых из Союза возрождения России) составляли самые крупные фракции и на других выборах в городское самоуправление, кроме Уфы [Прайсман, с. 302–303]. Однако административная власть на местах передавалась уполномоченным Комуча. Они могли производить аресты, распускать съезды и собрания [Журнал заседаний, с. 165, 179] (то есть как таковые съезды и собрания допускались и, как мы увидим, не всегда разгонялись даже при активной агитации против властей Комуча).

26 июля было принято разъяснение местным властям о том, что они не имеют права вмешиваться в деятельность судов [Там же, с. 44]. Это иногда препятствовало проведению левого курса Комуча, так как судьи, вступившие в должность в 1917 г., по своим взглядам были «правее».

Уровень репрессий

Важный критерий для характеристики политики Комуча – уровень масштаба репрессий. По данным, оглашенным на рабочей конференции Самары 11–15 июня, в городе было арестовано около 1,5 тыс. чел. Делегаты конференции требовали освободить всех политзаключенных, кроме советских руководителей [Прайсман, с. 221]. В дальнейшем, по официальным данным, в Самаре при Комуче по политическим причинам были арестованы 268 чел. [Журнал заседаний, с. 528].

20 июня Комуч издал приказ о привлечении гражданских лиц к военному суду, что допускалось только на территориях, на которых было объявлено военное положение. Могли привлекаться (что с высокой степенью вероятности означало расстрел) лица, виновные в восстании, приготовлении и подстрекательстве к нему (под это положение можно было подвести агитацию за советскую власть), сопротивлении властям, шпионаже, умышленных поджогах и истреблении военного имущества, продовольствия и фуража, хранении оружия без разрешения, умышленном повреждении коммуникаций, вооруженном нападении или сопротивлении солдатам, находящимся на посту, и милиционерам, разбое и грабеже [Там же, с. 157]. Как видим, в приказе были перечислены разнопорядковые преступления с возможностью широкого толкования его положений.

Пиком террора со стороны Комуча стал расстрел пленных в Казани. Погибли несколько сот человек [Ратьковский, с. 124–125]. Но вскоре под давлением рабочей конференции Казани был выпущен приказ о том, что расстрел может производиться только по приговору суда, а в губернской тюрьме, как вспоминает один из ее узников, «офицерские караулы были заменены рабочими» [Терехин, с. 34]. Затем в Казани было расстреляно не менее 60 чел. [Знаменский, с. 142].

Только 18 сентября Комуч учредил чрезвычайный суд в Самаре из четырех человек, представлявших чехословацкие войска, Народную армию и Ведомство юстиции. Этот суд мог рассматривать дела, которые «не требуют предварительного следствия», но достойны смертной казни (от восстания до убийства, спекуляции предметами первой необходимости и даже призыва к уклонению от воинской службы) [Журнал заседаний, с. 300–301].

И. С. Ратьковский опубликовал сборник сообщений об антисоветском терроре – в основном из советских публикаций, некоторые из которых даже по его мнению заведомо преувеличены. Эта «коллекция» позволяет подтвердить несколько сотен жертв структур Комуча и более тысячи – солдат Чехословацкого корпуса. С учетом гибели ижевско-воткинских повстанцев можно уверенно говорить примерно о 2 тыс. жертв [Ратьковский, с. 74–174]. При этом нужно учитывать, что сам Комуч боролся с произволом своих офицеров, создавших военно-полевые суды, и принял решение:

Военно-полевые суды не должны существовать как органы постоянные, а назначаются каждый раз с особого разрешения Комитета членов Учредительного собрания. Только в действующих частях армии и в случаях военного бунта военно-полевые суды возникают самостоятельно при условии немедленного сообщения об этом в Комитет членов Учредительного собрания [Журнал заседаний, с. 42].

«Народная армия»

Комуч приступил к формированию добровольческих военных формирований, названных «Народная армия». Штаб армии возглавил подполковник Н. Галкин, его членом был один из основателей Комуча Б. Фортунатов. 22 июля командующим российскими частями, действующими на фронте, был назначен В. Каппель, 24 августа произведенный в полковники. 29 июля Галкин, уже в чине полковника, был назначен управляющим военным ведомством, а штаб был упразднен.

Член Центрального комитета Партии социалистов-революционеров и член СУВ М. Веденяпин докладывал 29 апреля 1919 г. на его заседании:

...Для борьбы с большевиками комитет решил, что можно пользоваться только добровольцами, а не армией, составленной по набору; последняя предназначалась для борьбы с германцами. Призваны были молодые года (2 года) и отведены в тыл на обучение [Журнал заседаний, с. 452].

Мобилизация неминуемо вела к недовольству, но без нее создать достаточно многочисленную армию было невозможно. Часть мобилизованных была направлена на фронт.

По оценке Климушкина в докладе 14 ноября 1918 г., Народная армия составила 15 тыс. бойцов, на которых хватило оружия. Было мобилизовано еще 46 тыс., но «мы не могли вооружить и пятой части солдат. Остальная масса бездействовала и, бездействуя, разлагалась» [Журнал заседаний, с. 435].

Вольский в докладе IX Совету партии эсеров в 1919 г. утверждает, что к концу существования Комуча на Поволжском фронте было около 22 тыс. солдат, из них 5,5 тыс. чехословацких, 6 тыс. добровольцев, около 2 тыс. казаков и 8–9 тыс. мобилизованных [Там же, с. 477]. По другим данным, у Дутова было уже около 20 тыс. бойцов [Там же, с. 506]. Историк Л. Г. Прайсман оценивает общую численность вооруженных бойцов Народной армии в 40 тыс. чел. плюс 6 тыс. чехословацких солдат [Прайсман, с. 134].

Комуч в своем военном строительстве сделал ставку на офицерство. В заявлении от имени Комуча указывалось на необходимость передачи «военного дела исключительно в руки военных авторитетов – офицеров с боевым прошлым» [Журнал заседаний, с. 388]. Ослабив идеологический контроль над армией, Комуч облегчил преобразование ее в инструмент правых политических сил.

В июне-августе 1918 г. под контроль Комуча попали Самарская, части Казанской, Уфимской, Симбирской, Саратовской и Пензенской губерний.

Наиболее боеспособной частью Народной армии был «Добровольческий партизанский отряд» под командованием подполковника В. Каппеля. Человек монархических взглядов, Каппель сохранял лояльность Комучу. Концентрация войск на театре военных действий была низкой, как и устойчивость частей формирующейся РККА. Каппель проводил глубокие рейды то с помощью пароходов по Волге, то на подводах. 10 июля Народная армия отбила у красных Сызрань, 21 июля вместе с чехословацкими войсками – Симбирск. 6 августа была взята Казань. Наступление на север вызвало серьезные разногласия в руководстве Комуча, так как не было им санкционировано. Товарищ главы военного ведомства В. Лебедев надеялся, что, если продолжить наступление, то можно при поддержке сормовских рабочих взять Нижний. Он писал в дневнике:

Сегодня пришла пробравшаяся делегация от сормовских рабочих из Нижнего Новгорода. 15 тыс. рабочих ждут нас с нетерпением. В Нижнем у большевиков паника. Все силы двинуты на усмирение вспыхнувших к северу крестьянских восстаний [цит. по: Прайсман, с. 217].

Финансовые ресурсы

Благодаря взятию Казани у Комуча возник шанс получить финансовые ресурсы, столь остро необходимые для закупок оружия и для социальной политики. В Казани была захвачена значительная часть

золотого запаса России. Законнический догматизм лидеров Комуча оказался сильнее прагматизма. Комуч был готов скорее проиграть войну, чем потратить что-то из средств, принадлежавших Учредительному собранию и России в целом. В результате было решено этих денег не тратить, и при сдаче дел Комуч осенью передал Директории 40 тыс. пудов золота, 30 тыс. пудов серебра, платину и значительную часть захваченных в Казани денежных средств [Журнал заседаний, с. 19]. Затем эти средства достались Колчаку, который начал их тратить на нужды своего режима.

Комучу остро требовались средства. В месяц на Народную армию уходило около 100 млн руб. [Там же, с. 18]. Деньги требовались и на нужды Чехословацкого корпуса. Комуч оплачивал работу восстанавливавшихся земств, которые по мере сил налаживали решение местных проблем, субсидировал региональные правительства. За неимением иных денежных знаков Комуч стал выпускать свои облигации, известные как раковки (по имени управляющего финансовым ведомством Ф. Ракова), но их ценность в глазах жителей была невелика. Если бы Комуч рискнул потратить на их обеспечение хотя бы небольшую часть золота, ситуация могла быть другой. Также использовались билеты Займа свободы 1917 г. В конце существования Комуча были выпущены его собственные деньги на 130 млн руб., еще 70 млн выпустил Оренбург [Там же, с. 450–451].

17 сентября, когда Совет управляющих ведомствами комитета признал финансовое положение катастрофическим и решил приступить к продаже серебряных монет из захваченных в Казани государственных запасов по цене в пять раз выше их номинальной стоимости [Попов, с. 216], было уже поздно.

Экономическая политика

Одна из важных черт социальной политики Комуча – нежелание отрицать все, что сделала советская власть. Он стремился быть не контрреволюцией, а коррекцией пути революции. Вольский говорил в докладе IX Совету партии эсеров в 1919 г.:

Комитет считал бессмысленным возврат к законам правительства коалиции и вышвыривание вместе с большевистской властью того социально-ценного, что имелось в ее декретах [цит. по: Журнал заседаний, с. 427].

26 июня Комуч решил:

Движимое и недвижимое имущество частных лиц, находящееся в различных советских учреждениях, временно, впредь до особого распоряжения, не должно быть возвращаемо этим лицам, так как подобное возвращение может лишить эти учреждения возможности продолжать свою работу [Там же, с. 32].

В приказе от 10 июня Комуч разъяснил, что выданные советской властью документы на жилье сохраняют силу, и занимающие помещения жильцы выселятся не будут [Журнал заседаний, с. 144].

Регулировать торгово-промышленную деятельность должен был Торгово-промышленный совет при Комуче, в который должно было входить более 20 представителей от заинтересованных общественных организаций и ведомств [Там же, с. 343–345]. Государственные структуры (Совнархоз, комитеты при ведомстве торговли и промышленности) распределяли топливо и металлы, которые могли выдаваться только по нарядам. 9 июля была учреждена комиссия по денационализации, которая работала медленно, обуславливая свою деятельность множеством причин [Там же, с. 345–347].

Особое совещание по обороне, состоявшее из представителей ведомств и Совета торговли и промышленности, имело право преимущественного исполнения своих заказов предприятиями, а также могло секвестировать их в зоне военного положения и сменять управляющих и членов правлений [Там же, с. 281–282].

На процессе эсеров 1922 г. Д. Раков утверждал:

Вся та политика, которая проводилась Комучем, вряд ли чем отличалась от той политики, которую сейчас проводит советская власть, ибо она свою прежнюю политику назвала ошибкой. А мы этой политики не совершали – за что же нас винить? [цит. по: Трукан, с. 38].

Как отмечает Г. А. Трукан, «самарская модель социализма являлась реальной альтернативой не только “военному коммунизму”, но и последующему ленинскому НЭПу» [Там же]. Комуч обеспечивал гораздо большие свободы, чем коммунисты в 1920-е гг.

Социальное государство

Ключевой фигурой в проведении социальных реформ Комуча стал меньшевик И. Майский, будущий советский дипломат и академик. 10 августа он был назначен управляющим ведомством труда.

Майский надеялся провести целую серию законов: о 8-часовом рабочем дне, о минимальной зарплате, о свободе профсоюзов, о страховании от безработицы, несчастных случаев и по болезни, о промысловых (промышленных) и арбитражных судах, о трудовой инспекции и трудовом договоре [Майский, с. 37].

Осуществление такой программы означало бы создание в России наиболее совершенного социального государства Европы. Эта модель предвосхищала реформы Рузвельта и шведских социал-демократов. В условиях, когда территория Комуча находилась в кольце фронтов и блокады, реализовать этот план во всей полноте было очень сложно хотя бы по финансовым соображениям. Но социальный вектор развития России, за который Комуч боролся, был определен в его мероприятиях.

4 сентября был принят приказ о 8-часовом рабочем дне, который предусматривал, что рабочий не может трудиться больше 48 часов в неделю, а работник в возрасте до 16 лет – 36 часов. Рабочим должен был предоставляться еженедельный выходной и ежедневный часовой перерыв для приема пищи. Устанавливался перечень выходных. Замена работы в праздник на работу в будни могла производиться по добровольному соглашению и с разрешения ведомства труда и его местных органов. Сверхурочная работа допускалась по добровольному соглашению, ограничивалась во времени 16 часами в месяц и должна была оплачиваться не менее, чем в полуторном размере. Работники в возрасте до 16 лет к ней не допускались. Отклонения от этого приказа во время войны могли устанавливаться на предприятиях, работающих на оборону, совместным решением ведомств труда, военного и того, которому принадлежит предприятие, и только в случае утверждения Комучем [Журнал заседаний, с. 291–293].

7 июля последовал приказ, запрещающий локауты. Лица, их использовавшие, подлежали военному суду. Нарушители социального законодательства Комуча подвергались судебному преследованию [Там же, с. 258].

Комуч следил за уровнем безработицы. «Предусматривалось развитие системы общественных работ и создание общественных столовых, деятельность которых должна была начаться с 1 июля. Пока же Комуч выделил 133 тыс. руб. на выдачу безработным. К началу июля из них было выдано около 65 тыс. руб. 25 июня последовал приказ о создании кассы безработных», – пишут А. В. Калягин и В. Н. Парамонов, весьма критически настроенные в отношении Комуча [Калягин, Парамонов].

Помимо общих идеологических мотивов, социальные меры были призваны обеспечить Комучу поддержку со стороны рабочих. Однако их волновали не только социальные права, но и гражданские, прежде всего произвольные репрессии. Рабочие Самары и Казани могли выразить свое отношение к Комучу на рабочих конференциях. Там звучала критика, но большинство поддерживало политику Комуча.

Приказ Комуча 8 июня распускал существующие Советы, но с возможностью избрать новые как общественные органы [Журнал заседаний, с. 142]. В начале августа в Самаре был созван новый Совет рабочих депутатов из 201 представителя. Политическое лидерство здесь принадлежало меньшевикам, и председателем Совета был выбран меньшевик А. Кабцан. Однако 30 августа Совет принял резолюцию «беспартийных», которую поддерживали большевики. На территории Комуча существовал настолько широкий политический плюрализм, что рабочие могли выражать ту позицию, которую считали нужным. На советской территории рабочий класс в это время терял такую возможность.

Аграрно-продовольственный вопрос

Одним из важнейших вопросов внутренней политики в условиях Великой российской революции был аграрно-продовольственный. Для Комуча аграрный вопрос был в принципе решен Учредительным собранием. 22 июля была принята следующая формула о земле:

Земля бесповоротно перешла в народное достояние, и никаких попыток к возврату ее в руки помещиков комитет не допускает. Сделки купли-продажи и залога на земли сельскохозяйственного назначения и лесные угодья запрещаются, а тайные и фиктивные сделки объявляются недействительными. Виновные в нарушении сего будут подлежать строжайшей ответственности [Журнал заседаний, с. 338–339].

25 июня Комуч восстановил систему земельных комитетов, предписав им руководствоваться первыми десятью пунктами земельного закона, которые успело принять Учредительное собрание. Земля перешла в распоряжение этих комитетов [Там же, с. 161–177]. При этом право снять озимые получал тот, кто их произвел (если крестьяне уже сняли чужие озимые, то должны были платить компенсацию), и государство получало преимущественные права на приобретение продовольствия у крупных хозяйств. Однако инвентарь, уже отнятый у помещиков крестьянами, оставался в их распоряжении или в распоряжении земельных комитетов [Там же, с. 198–199], так что рассчитывать на уборку силами крупных частных владельцев было затруднительно.

Первоначально Комуч ввел свободную торговлю хлебом. Крестьяне, укрывавшие хлеб от большевиков, охотно продавали его. Было заготовлено достаточно хлеба даже для того, чтобы везти его в центральные губернии по мере наступления [Там же, с. 450]. Сохранялись советские нормы выдачи хлеба горожанам [Кондрашин, с. 115]. На рынках возникло продовольственное изобилие [Майский, с. 32]. Но для лидеров Комуча свобода торговли была временным тактическим шагом. Они понимали: в условиях свободной торговли продовольственное изобилие является временным. Во-первых, август – время урожая. Во-вторых, крестьяне, скрывавшие продовольственные запасы от большевиков, теперь торопились их распродать. А кормить жителей города нужно будет и поздней осенью, и зимой. Нельзя избежать дефицита без целенаправленных заготовок впрок и регулирования поставок продовольствия, тем более в условиях падения производства товарного хлеба и необходимости кормить войска. А значит, неизбежен быстрый рост цен на рынке, который сделает продовольствие недоступным для городских низов. Обратной стороной свободного рынка в условиях дезорганизации экономики является дороговизна. Так, в августе в Казани хлеб стоил до 80 руб. за пуд [Знаменский, с. 167].

Комуч не отказался от продовольственной монополии. Модель его продовольственной политики сформировалась к 5 сентября, когда СУВ отменил свободную торговлю хлебом и перешел к регу-

лированию цен. Постановление совета гласило: «Весь заготовленный не для личных потребностей хлеб берется правительственными организациями на учет», хлебные запасы затем распределяются для нужд армии и потребляющих губерний, причем центральный продовольственный орган может запрещать вывоз хлеба из некоторых уездов.

Продовольственным органам предоставляется право принудительного отчуждения хлеба, исключительное право распределения хлебных запасов и право регулирования транспорта продовольственных грузов [Знаменский, с. 163–164].

Продовольственные органы получили широкие права по регулированию хлебных потоков. Но, в отличие от советской продовольственной диктатуры, принудительное отчуждение хлеба предусматривалось как возможность, а не система. Хлеб приобретался за деньги по цене ниже рыночной, но сопоставимой с ней (в отличие от советских твердых цен). Государство и кооперативы замещали хлеботорговцев, так что крестьянин получал оплату своего труда.

Как рассказывал Вольский в докладе IX Совету партии эсеров в 1919 г.:

...На опыте обнаружилось, что частная торговля почти ничего не дает в создании хлебных запасов, и главная масса хлеба поступает через кооперативы и продовольственную управу... Отсутствие денег сильно мешало развить продовольственные операции, но все же при падении Самары осталось несколько тысяч пудов хлеба в элеваторе по цене около 30 рублей пуд [цит. по: Там же, с. 485].

В июле на рынке хлеб стоил вдвое дороже [Кондрашин, с. 115]. Так что регулирование хлебного рынка Комучем оказалось удачной альтернативой большевистской продовольственной политике.

20 сентября Климушкин направил специальный циркуляр волостным земствам о том, что требования о возвращении земли помещикам или выплаты компенсации исполнению не подлежат, а Галкин издал приказ начальникам гарнизонов в случае необходимости пресекать подобные действия против крестьян военной силой [Там же, с. 112–113]. Поскольку Комуч объявил, что возвращение земли помещикам признано не будет, шансы вернуть землю у них были только при условии ликвидации власти Комуча.

Политика Комуча была направлена на умиротворение широких масс, недовольство которых катастрофической ситуацией Гражданской войны и любым правительством в таких условиях было практически неизбежно. Тем не менее, как пишет В. В. Кондрашин, настроенный крайне критически в отношении Комуча, «по сравнению с крестьянским движением на территории Поволожья, контролируе-

мой большевиками, крестьянские выступления на территории Комуча в целом были менее активными» [Кондрашин, с. 126]. Это мягко сказано. Протесты были на порядок менее активными. И направлены они были не против аграрно-продовольственной политики Комуча (что было важнейшим мотивом протестов на территории РСФСР), а прежде всего против мобилизации и репрессий (также куда более скромных, чем на советской территории).

Итоги крестьянской политики Комуча обсуждал VI Самарский крестьянский съезд, проходивший 15–23 сентября. Обстановка на нем была плюралистичная, выступали и сторонники, и противники Комуча. Несмотря на всю критику в адрес Комуча, резолюция в его поддержку, предложенная Климушкиным, получила более половины голосов [Там же, с. 123]. Комуч не смог (и объективно не мог при сохранении политического плюрализма) заручиться поддержкой подавляющего большинства крестьянских представителей, но большинство оставалось на его стороне.

Удар в спину

В июне 1918 г. казалось, что Комуч, находившийся на острие борьбы с большевизмом, получит надежный тыл в лице других правительств, возникших в Сибири и на Урале. Особенно много зависело от Временного сибирского правительства (ВСП). Там возобладали более правые политики, чем в Комуче.

Климушкин в своем докладе о работе Комуча 14 ноября 1918 г. бросил тяжелое обвинение:

...Когда наша армия умирала, Сибирь в критический момент не оказала содействия... Перед нами были большевики, но позади в первый же день не союзники, а враждебный лагерь [цит. по: Журнал заседаний, с. 436].

Военный министр ВСП А. Гришин-Алмазов так оправдывал бездействие Сибирской армии: «Мы считаем, что, пока не развернутся силы союзников, за Волгу отправить наши силы было бы величайшей авантюрой» [Там же, с. 459]. Отсиживаться в Сибири в решающие месяцы борьбы за инициативу на Волге было гораздо «практичнее». Часть сибирских сил вышла на фронт на Урале, но была пассивна. Более того, сибирское командование стало переманивать офицеров из Народной армии, вызвав у них живой отклик [Скитания русского офицера, с. 308, 315]. Не желая сражаться на восточном фронте летом 1918 г., праволиберальные и консервативные офицеры не понимали, что шанса вернуться на Волгу с востока больше не будет.

Создав таможенный пункт на ст. Полетаево под Челябинском, Сибирское правительство стало блокировать движение в сторону Самары товаров с востока, в том числе и помощи Антанты, которая распределялась на территории, подконтрольной Сибирскому правительству [Журналы заседаний, с. 457]. 3–18 июля Сибирское прави-

тельство, вопреки географии, передвинуло границу Сибири за Урал. Комуч протестовал [Там же, с. 31, 457].

Комуч готов был идти на уступки, чтобы снять угрозу с тыла. В условиях наступления Красной армии и давления со стороны более правых сил, в том числе Временного сибирского правительства, Комуч принял участие в Уфимском государственном совещании и создании 23 сентября Временного всероссийского правительства, к которому перешли полномочия Всероссийского правительства. Комуч, переехавший в Екатеринбург, превратился в общественную организацию – Съезд членов всероссийского Учредительного собрания, которую возглавил прибывший в Самару В. Чернов. После переворота 18 ноября 1918 г. съезд и его структуры были разогнаны сторонниками А. Колчака [см. Шубин, с. 491–530].

Выстраивая систему демократического социального государства, Комуч в условиях Гражданской войны во многих отношениях не соответствовал этой модели в ее идеальном понимании. Но он шел по этому пути, пока имел шансы на военно-политический успех.

Список литературы

- Гармиза В. В.* Крушение эсеровских правительств. М. : Мысль, 1970. 294 с.
- Гражданская война на Волге в 1918 г. Сб. 1. Прага : О-во участников Волжского движения, 1930. 286 с.
- Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь – октябрь 1918 года // Архив новейшей истории России. Т. 11. М. : РОССПЭН, 2011. 631 с.
- Знаменский Н.* Время чехов // Борьба за Казань : сб. материалов о чехо-учредительской интервенции в 1918 г. № 1. Казань : Истпарт, 1924. С. 113–179.
- Калягин А. В., Парамонов В. Н.* Социально-экономическая политика Самарского Комуча (торгово-промышленный аспект) // Вестн. Самар. гос. ун-та : [сайт]. 1998. № 1. URL: <http://vestniksamgu.ssau.ru/gum/1998web1/hist/199810901.html> (дата обращения: 12.06.2019).
- Кондрашин В. В.* Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М. : РОССПЭН, 2009. 575 с.
- Лапандин В. А.* Комитет членов Учредительного собрания: структура власти и политическая деятельность (июнь 1918 – январь 1919 г.). Самара : Самар. центр аналит. истории и ист. информатики, 2003. 212 с.
- Лапандин В. А.* Эсеровские политико-государственные образования в России в годы Гражданской войны: историко-библиографическое исследование отечественной литературы 1918–2002 гг. Самара : Самар. центр аналит. истории и ист. информатики, 2006. 196 с.
- Майский И. М.* Демократическая контрреволюция. М. ; Пг. : Гос. изд-во, 1923. 360 с.
- Перейра Н. Г. О.* Сибирь: политика и общество в Гражданской войне. М. : Ин-т рос. ист., 1996. 197 с.
- Попов Ф. Г.* 1918 год в Самарской губернии : Хроника событий. Куйбышев : Кн. изд-во, 1972. 325 с.
- Прайсман Л. Г.* Третий путь в Гражданской войне : Демократическая революция 1918 года на Волге. СПб. : Изд-во им. Н. И. Новикова, 2015. 530 с.
- Ратьковский И. С.* Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). М. : Алгоритм, 2017. 464 с.

Скитания русского офицера : Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920 / подг. текста и вступ. ст. В. П. Жобер. М. : Книжница : Рус. путь, 2016. 480 с.

Терехин Ф. Красная армия в Казани с момента формирования до налета чехов // Борьба за Казань : сб. материалов о чехо-учредилловской интервенции в 1918 г. № 1. Казань : Истпарт, 1924. С. 19–36.

Трукан Г. А. Антибольшевистские правительства России. М. : Ин-т рос. ист., 2000. 255 с.

Шубин А. В. 1918 год. Революция, кровью омытая. М. : Академ. проект, 2018. 598 с.

References

Garmiza, V. V. (1970). *Krushenie eserovskikh pravitel'stv* [The Collapse of the Socialist-Revolutionary Governments]. Moscow, Mysl', 294 p.

Grazhdanskaya voyna na Volge v 1918 g. [Civil War on the Volga in 1918]. (1930). Coll. 1. Praga, Obshchestvo uchastnikov Volzhskogo dvizheniya. 286 p.

Kalyagin, A. V., Paramonov, V. N. (1998). Sotsial'no-ekonomicheskaya politika Samarskogo Komucha (torgovo-promyshlennyi aspekt) [The Socio-Economic Policy of the Samara Komuch (Commercial and Industrial Aspect)]. In *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [website]. No. 1.

Kondrashin, V. V. (2009). *Krest'yanstvo Rossii v Grazhdanskoi voine: k voprosu ob istokakh stalinizma* [The Russian Peasantry in the Civil War: On the Origins of Stalinism]. Moscow, ROSSPEN. 575 p.

Lapandin, V. A. (2003). *Komitet chlenov Uchreditel'nogo sobraniya: struktura vlasti i politicheskaya deyatel'nost' (iyun' 1918 – yanvar' 1919 gg.)* [Committee of Members of the Constituent Assembly: Power Structure and Political Activity (June 1918 – January 1919)]. Samara, Samarskii tsentr analiticheskoi istorii i istoricheskoi informatiki. 212 p.

Lapandin, V. A. (2006). *Eserovskie politiko-gosudarstvennye obrazovaniya v Rossii v gody Grazhdanskoi voiny: istoriko-bibliograficheskoe issledovanie otechestvennoi literatury 1918–2002 gg.* [Socialist-Revolutionary Political and State Formations in Russia during the Civil War: A Historical and Bibliographic Study of Russian Literature in 1918–2002]. Samara, Samarskii tsentr analiticheskoi istorii i istoricheskoi informatiki. 196 p.

Maiskii, I. M. (1923). *Demokraticeskaya kontrrevolyutsiya* [Democratic Counter-Revolution]. Moscow, Petrograd, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 360 p.

Pereira, N. G. O. (1996). *Sibir': politika i obshchestvo v Grazhdanskoi voine* [Siberia: Politics and Society in the Civil War.]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii. 197 p.

Popov, F. G. (1972). *1918 god v Samarskoj gubernii. Khronika sobytii* [1918 in Samara Province. Chronicle of Events]. Kuibyshev, Knizhnoe izdatel'stvo. 325 p.

Praisman, L. G. (2015). *Tretii put' v Grazhdanskoi voine. Demokraticeskaya revolyutsiya 1918 goda na Volge* [The Third Way in the Civil War. The Democratic Revolution of 1918 on the Volga]. St Peterburg, Izdatel'stvo imeni N. I. Novikova. 530 p.

Rat'kovskii, I. S. (2017). *Khronika belogo terrora v Rossii. Repressii i samosudy (1917–1920 gg.)* [Chronicle of the White Terror in Russia. Repression and Lynching (1917–1920)]. Moscow, Algoritm. 464 p.

Shubin, A. V. (2018). *1918 god. Revolyutsiya, krov'yu omytaya* [1918. Blood-Washed Revolution]. Moscow, Akademicheskii proekt. 598 p.

Terekhin, F. (1924). *Krasnaya armiya v Kazani s momenta formirovaniya do naleta chekhov* [The Red Army in Kazan from the Moment of Formation to the Czech Raid]. In *Bor'ba za Kazan'. Sbornik materialov o chekho-uchredillovskoi interventsii v 1918 g.* No. 1. Kazan, Istpart, pp. 19–36.

Trukan, G. A. (2000). *Antibol'shevistskie pravitel'stva Rossii.* [Anti-Bolshevik Governments of Russia]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii. 255 p.

Zhober, V. P. (Ed.). (2016). *Skitaniya russkogo ofitsera. Dnevnik Iosifa Il'ina. 1914–1920* [Wanderings of a Russian Officer. Diary of Iosif Ilyin. 1914–1920]. Moscow, Knizhit-sa, Russkii put'. 480 p.

Zhurnaly zasedanii, prikazy i materialy Komiteta chlenov Vserossiiskogo Uchreditel'nogo sobraniya. Iyun'-oktyabr' 1918 goda [Minute Books, Orders, and Materials of the Committee of Members of the All-Russian Constituent Assembly. June-October 1918]. (2011). In *Arkhiv noveishei istorii Rossii*. Vol. 11. Moscow, ROSSPEN. 631 p.

Znamenskii, N. (1924). Vremya chekhov [Time of the Czechs]. In *Bor'ba za Kazan'*. *Sbornik materialov o chekho-uchredilovskoi interventsii v 1918 g.* No. 1. Kazan, Istpart, pp. 113–179.

The article was submitted on 15.06.2020

VALIKO JUGELI AND THE CULT OF THE PEOPLE'S GUARD IN GEORGIA*

Francis King

University of East Anglia,
Norwich, UK

This article looks at the semiofficial cult of the Red (People's) Guard in Georgia from 1917 to 1921. The guard originated in the chaos and uncertainty of late 1917 and played a key role in securing the power of Noy Zhordania and the social democrats in Georgia against Bolshevik and other challenges. It also served as the power base for its undisputed leader, Valiko Jugeli. The official and party press fostered a heroic cult around the Guard, its exploits, and its leadership, reflected in Jugeli's diary-style memoir, *A Heavy Cross* (1920). The guard's cultivated image was selfless, politically conscious, internationalist, and devoted to the revolution. Its many critics saw it as thuggish, undisciplined, chauvinistic, corrupt, and militarily ineffective. The mutual dependency between Zhordania and Jugeli ensured that the guard was politically untouchable in Georgia. The need to maintain the loyalty of the guard, and gain the support of Jugeli, was at times a crucial factor in the politics of the country. Ultimately, the power and influence of the guard eroded the effectiveness of Georgia's armed forces, and its treatment of national minorities, particularly Armenians and Ossetians, helped Bolsheviks inside and outside Georgia undermine and then overthrow the Democratic Republic. After the Sovietisation of Georgia in 1921, the record of the guard was used to discredit the social democrats' democratic credentials domestically and internationally. Since around 1990, the guard's South Ossetia campaigns of 1918–1920 have been used to underpin the area's claims for independence from rule by Tbilisi.

Keywords: Valiko Jugeli, Noy Zhordania, Georgiy Kvintadze, Democratic Republic of Georgia, Red (People's) Guard, *A Heavy Cross*, Ossetia

Рассматривается официальный культ Красной (Народной) гвардии в Грузии с 1917 по 1921 г. Гвардия возникла в хаосе и неопределенности конца 1917 г. и играла ключевую роль в подкреплении власти Ноя Жордании и грузинских социал-демократов перед лицом большевистских и других угроз. Она служила базой политической власти своего бессменного вожака Валико Джугели. Официальная партийная пресса создавала героический культ гвардии, ее подвиги и ее руководства, который отразился в дневни-

* *Citation:* King, F. (2021). Valiko Jugeli and the Cult of the People's Guard in Georgia. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 1. P. 74–90. DOI 10.15826/qr.2021.1.566.

Цитирование: King F. Valiko Jugeli and the Cult of the People's Guard in Georgia // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 1. P. 74–90. DOI 10.15826/qr.2021.1.566.

ках-мемуарах Джугели «Тяжелый крест» (1920). Гвардия предстает в них как интернациональная сила, самоотверженная, политически сознательная и преданная революции. Однако в глазах многих она была скорее недисциплинированной шовинистической коррумпированной шайкой разбойников, причем малоэффективной в военном отношении. Ввиду взаимной зависимости Жордании и Джугели гвардия была политически неприкосновенной. Необходимость обеспечивать ее лояльность и поддержку Джугели являлась подчас ключевым фактором в политике республики. Однако мощь и влияние гвардии снижали эффективность вооруженных сил Грузии, а факты жестокого обращения гвардии с представителями национальных меньшинств, в особенности армян и осетин, помогли большевикам внутри и вне страны подорвать основы и затем ликвидировать демократическую республику. После советизации Грузии в 1921 г. большевики ссылались на деятельность гвардии для того, чтобы уничтожить демократическую репутацию социал-демократов как внутри Грузии, так и за ее пределами. В частности, в Южной Осетии начиная с 1990 г. местные политики используют историю гвардейских кампаний в этом регионе в поддержку претензий на независимость от Тбилиси.

Ключевые слова: Валико Джугели, Ной Жордания, Георгий Квинтадзе, Грузинская Демократическая Республика, Красная (Народная) гвардия, «Тяжелый крест», Осетия

On 1/14 December 1917, the *Izvestiya* of the Tiflis Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies carried a statement from the soviet's executive committee, headed 'Events in Tiflis' and dated '30 November, at 11.00 a. m.':

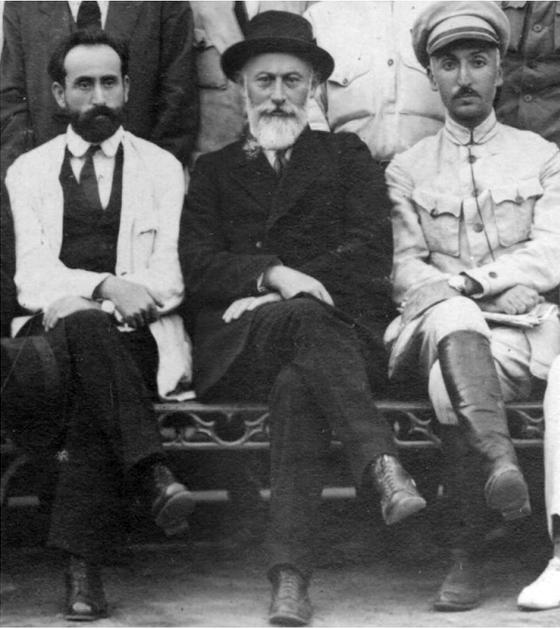
Yesterday, on the morning of 29 November, the Executive Committee presented the arsenal with an order for 2000 rifles for the needs of the Red Guard, which is under the command of the committee. The arsenal command refused to issue any weapons. The EC then resolved to enforce compliance. To this end, on the evening of that same day, it took possession of the arsenal by armed force, without a shot being fired. This caused a stir in the Bolshevik units of the garrison, and some individuals from the 4th Battalion of the 218th Reserve Regiment made their way to the arsenal one by one in the course of the night. This morning, this group of up to 150 people opened fire in a disorderly fashion. But this Bolshevik group, acting against the instructions of the EC found no support from anyone and was obliged to return to barracks.

There is complete calm in the garrison.

Further updates will be given later¹ [Известия Совета рабочих и солдатских депутатов, 1917, 1 дек., с. 1].

One year later, the anniversary of this event (12 December) had become a national holiday. The official and social-democratic press was packed with celebratory articles and greetings, while Tiflis hosted a massive pageant

¹ All translations from Russian and French into English are by Francis King.

1. G. Lordkipanidze, Minister of War of the Democratic Republic of Georgia; N. Zhordania, Head of Government; V. Jugeli, Chairman of the General Staff of the People's Guard of the Republic. Photograph. 1920

of People's Guardsmen from across Georgia. A raid involving just over 200 people to seize 2000 rifles had become Georgia's 'storming of the Bastille'.

Using mainly Russian-language newspapers published in Georgia and other contemporary accounts, this article explores the official mythologisation of the Red (later 'People's') Guard during Georgia's brief period of independence from Russia, from the end of 1917 to early 1921. It argues that this heroic cult of the guard played a key role in the ideology and politics

of the social-democratic regime throughout its existence. Contemporary observers noted and remarked upon the political and social importance of the guard. The British journalist Carl Bechhofer, the French-Armenian diplomat Jean Loris-Mélicof, and the German General Friedrich Freiherr Kress von Kressenstein, all highlighted the great influence, material privileges and indiscipline of this armed militia, [Bechhofer, p. 58; Loris-Mélicof, p. 164; Kress von Kressenstein, p. 42] as did numerous Bolshevik apologists for the Red Army's reannexation of Georgia, published in 1921 and after [см., например: Махарадзе; Trotsky]. But apart from one brief sour remark by Bechhofer about 'soul-inspiring' press coverage [Bechhofer, p. 59], there was little attention paid at the time to the cult fostered around the guard and its exploits. Subsequent literature in the major European languages on this period of Georgian history has generally focused attention on other aspects of the story, with the exception of the memoirs of General Kvintadze, a professional soldier and trenchant critic of the guard throughout the independence period [Квинтадзе]. Since 1991, the guard has again featured in Russian-language works, particularly in relation to its punitive missions in Ossetia. Most recently, V. M. Mukhanov has discussed military policy and the relation between the guard and the regular army in his detailed history of independent Georgia, but without much attention to the guard's heroic self-presentation [Муханов, с. 230–267].

Background: Georgia after March 1917

Tiflis was the administrative and military centre for all Transcaucasia. From 1914 Russia's war effort against the Ottoman empire was run from Tiflis, reserve troops were garrisoned there, and troops returning from the southern front passed through the city. After the fall of Tsarism in March 1917, the key regional political figure in Tiflis became Noy Zhordania, the charismatic Menshevik-aligned leader of the regional committee of the Russian Social-Democratic Workers' Party (RSDRP) and chair of the Tiflis Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies.

Years of patient political work and struggle had made the RSDRP the predominant political force among intellectuals, workers and peasants in Georgia. Most Georgian social democrats identified with the Mensheviks – so much so, that in early April 1917 the local Bolsheviks opted to work with the Mensheviks in united RSDRP organisations, rather than risk striking out on their own [Кавказский рабочий, 1917, 2 апр., с. 3].

Among the Armenians, the RSDRP could not dislodge the nationalist Dashnaktsutiun, and in the Moslem Tatar (Azeri) population it had little influence outside Baku. Nonetheless, the RSDRP's superior organisation, dominance in Georgia and presence throughout Transcaucasia gave it a hegemonic position in the region after March 1917. The Provisional Government in Petrograd replaced the Tsar's viceroy with a Transcaucasus Commission known as OZAKOM, but the real authority in Georgia and much of Transcaucasia lay with the Tiflis Soviet, headed by Zhordania. The only other city in Transcaucasia with a soviet body of comparable weight was Baku, the cosmopolitan capital city of Azerbaijan.

All political institutions across Russia in 1917 were provisional, pending the election and convocation of the all-Russia Constituent Assembly, which was to decide on the future constitutional structure of the post-revolution Russian empire. The Transcaucasian political leaderships all shared this perspective. None of them envisaged seceding from Russia, which since the revolution held out the prospect of much freer national development within the Russian state. The very real political disagreements between Georgia, Armenia and Azerbaijan – not least concerning their national boundaries – could be shelved until the Assembly could rule on them.

Although Transcaucasia experienced the same deterioration in political, economic and social stability as the rest of Russia during 1917, the Mensheviks in Georgia retained their grip on the main political institutions and the loyalty of their working-class base. They did not lose many supporters

2. General G. I. Kvintadze (Chikovani). Photograph. 1921

to the Bolsheviks. Their tacit transformation into an increasingly national Georgian political force played an important part here.

October and after

On 25/26 October (7/8 November) 1917, the Bolsheviks overthrew the Provisional Government in Petrograd and proclaimed 'Soviet power' across the empire. They called on soviets everywhere to recognise the 'Council of People's Commissars' (Sovnarkom) and its various decrees, including on land and peace. There was no 'October revolution' in Transcaucasia. Anticipating the Sovnarkom's speedy collapse, the leading politicians of Georgia, Armenia and Azerbaijan all refused to recognise it. Even in Georgia, where the socialist movement was predominant, the Bolshevik appeals received little response among ethnic-Georgian workers and peasants. However, the largely ethnic-Russian soldiers of the southern front and its rear garrisons *were* far more inclined to recognise the Sovnarkom – a Russian government which promised an end to the war, and rapid demobilisation.

October created a power vacuum in Transcaucasia, which several bodies attempted to fill. OZAKOM was replaced on 15/28 November 1917 by a Transcaucasian Commissariat – a temporary government composed of leading figures from the main parties of Georgia, Armenia and Azerbaijan, pending the convocation of the All-Russia Constituent Assembly. At the same time, 'national councils' for Georgia and Armenia were created, which sought to play increasingly political roles. But the key institution remained the Tiflis Soviet. As the social democrats' Russian-language paper *Bor'ba* put it on 1/14 December, 'everyone knows that all power in Tiflis is in the hands of the Tiflis Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies'. [Борьба, 1917, 1 дек., с. 1]. Paradoxically, the Bolsheviks' overthrow of the Provisional Government had brought about 'soviet power' in Tiflis, even though the Tiflis soviet leaders and the commissars in Petrograd, refused to recognise one another. But 'power' needs resources and forces, and so Zhordania's party looked for the means to defend itself and its conception of 'the revolution'.

The Tiflis Soviet and the regional soviet organisations were the social democrats' firmest power base, and the main arena for their struggle against the Bolshevik challenge. Bolshevik agitators were particularly active among the soldiers. The back pages of the local Bolshevik paper, *Kavkazskiy rabochiy*, were filled with resolutions from soldiers' meetings greeting the Sovnarkom, denouncing the existing leadership of the Tiflis Soviet, and ending with demands like '1) arming the groups of soldiers which have no arms; 2) immediate new elections for all committees of all soldiers' units, and 3) immediate calling of a congress of delegates of the Caucasus army', or 'We demand immediate new elections for the Tiflis Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies' and 'We demand that power pass into the hands of the soviets' [Кавказский рабочий, 1917, № 200, нояб., с. 4].

Supporters of Lenin's government across Russia had sought to topple non-Bolshevik local leaderships after October, and Tiflis in November 1917 was on a knife-edge, expecting some kind of *vystuplenie*. But Zhor-

dania's party was not about to surrender power without a fight, particularly since Bolshevik strength in the region was concentrated mainly among Russian soldiers keen to be demobilised and leave Transcaucasia for good. The Georgian Mensheviks took the initiative. On the pretext that local Bolsheviks were planning to seize power under instruction from Petrograd, the Executive Committee of the Tiflis Soviet declared a state of martial law in Tiflis on 26 November/9 December 1917. [Сеф, с. 336–337]. The next day the 'workers' Red Guard' was mobilised to 'preserve revolutionary order' in Tiflis and their usual employers were ordered to pay them for the time they took off work to accomplish this [Известия Совета рабочих и солдатских депутатов, 1917, 30 нояб., с. 1]. But this poorly-armed band needed more weapons for this task, and therefore the soviet determined to acquire them from the arsenal, voluntarily or otherwise.

Enter Valiko Jugeli

This mission was entrusted to Valiko Jugeli (1887–1924), a young, but experienced RSDRP activist and a prominent figure in the Tiflis Soviet. In early 1917, when all social democrats were still in the same party, Jugeli had identified as a Bolshevik, and wrote leader articles for *Kavkazskiy rabochiy* [Кавказский рабочий, 1917, 30 марта, с. 1]. But by the end of May he had alienated other local Bolshevik leaders and was denounced over two issues of the same paper as 'a little man with a big opinion of himself'. [Кавказский рабочий, 1917, 30 мая, с. 2, 3; 31 мая, с. 2, 3]. He had subsequently transferred his loyalty to Noy Zhordania and the leadership of the Tiflis Soviet, even though he would still sometimes claim to be a Bolshevik. [Джугели, с. XII]. Impetuous, daring and charismatic, Jugeli was the natural leader of the Red Guard, able to command the loyalty of his men. He knew his organisation was one of the lynchpins of social-democratic power in a period of political, administrative and military chaos. It was the only reliable force at Zhordania's disposal, and this underpinned Jugeli's rapid rise to become one of the most powerful figures in Georgia, if not, for a time, in Transcaucasia.

Political authority in Transcaucasia was completely chaotic at this time. There was a 'government', the Transcaucasian Commissariat, which had almost no apparatus, armed forces or budget. It claimed still to be part of Russia, but did not recognise the government in Petrograd, nor any other government in Russia. There was a fragile ceasefire on the Ottoman front, still manned by remnants of the Russian army, but neither the Bolshevik-influenced soldiers nor those outside their group recognised any authority in Tiflis. The National Councils were trying to organise locally-recruited armies to take the place of the departing Russian forces, but with neither resources nor discipline these 'national' units were a poor substitute for the Russian army, and frequently degenerated into groups of bandits. Without the Red Guard, loyal to the soviet and its leaders, and led by the reliable and capable Jugeli, Zhordania's party might have been swept away. Moreover, as it was a volunteer force, comprised of workers whose employers had

to keep paying their wages while the guards were mobilised, the soviet did not need to pay for its upkeep [Известия Совета рабочих и солдатских депутатов, 1917, 30 нояб., с. 1].

Early Red Guard campaigns

In late 1917 and early 1918, the Red Guard was mainly concerned with internal security. The initial threats came from groups of Russian soldiers in Tiflis, some seeking to overthrow the local authorities in favour of the Sovnarkom, others simply looking for a chance to loot. As Jugeli put it, in a speech to mark the first anniversary of the seizure of the arsenal

Taking the arsenal protected Tiflis from Bolshevised bands, from disorganised soldiers who were on their way home and fancied stopping off in Tiflis to poke about a bit there. After the armed action of the Tiflis proletariat, they no longer wanted to make a detour to Tiflis, because they knew that there they would meet armed resistance from the workers [Джугели, с. XVI].

But even if the soldiers could be deterred from marauding in Georgia's cities on their way back from the southern front, how were they to get back to Russia? How much weaponry and equipment should they take with them – and who was to take charge of the weaponry left behind? The rail route back to Russia passed through Georgia, and then Azerbaijan. The slow-moving trains on the unguarded railway were a sitting target for Tatar (Azeri) armed bands seeking more weapons. In one notorious incident, the 'Shamkhor massacre' of 9/22 January 1918, a train full of soldiers returning to Russia, already largely disarmed by Georgian national military forces, was then attacked and massacred in Azerbaijan by Tatar forces aiming to seize their remaining arms [ИККЦ, 1918, 12 янв., с. 3]. This caused an immediate scandal in Georgia. At a session of the soviet Regional Centre, Jugeli denounced both the massacre and the preceding 'looting' of the soldiers by the Georgian national forces. To Jugeli, the 'national' military forces were both a rival to the Red Guard and a hotbed of nationalism and counterrevolution [ИККЦ, 1918, 14 янв., с. 3]. The Red Guard's 'militia' model, in contrast, provided a 'reliable guarantee that the question of armed forces for Transcaucasia will be resolved in full accord with the demands and interests of democracy' [Там же, с. 2]. A fortnight later, at the Regional Centre, Jugeli clashed with his party comrade, Noy Ramishvili, who argued for nationally-based armed forces within Transcaucasia. [ИККЦ, 1918, 28 янв., с. 3]. Jugeli positioned himself and the guard as defenders of the gains of the revolution, rather than defenders of the nation.

Army or guard?

On 8/21 February the soviet paper published an article, 'Red Guard', with the byline 'He' – almost certainly Jugeli – which declared:

The creation of the National Councils and their regiments, which have already started out along the road of defending narrowly-national interests, the departure homewards of the frontline Russian forces, the growing anarchy, the lack of any firm power – all this, taken together, is evidently a threat to the revolution and its gains.

The presence of this threat made it essential to organise the Red Guard quickly [ИККЦ, 1918, 8 февр., с. 2].

It called for both military and political education for the Red Guard, the better to defend the revolution. This notion that national armies were a source of counterrevolution would have a profound effect on Georgia's subsequent fate.

At this stage, however, the Red Guard was more a militia than an army, mainly concerned with quashing local disorders and rooting out bandits. Its mettle was tested on 10/23 February 1918, when the Sejm – a new parliament for Transcaucasia, based on the deputies elected from the region to the all-Russia Constituent Assembly – opened in Tiflis. The local Bolsheviks called a mass rally in the Alexander Gardens in Tiflis, in front of the Sejm, to protest this 'counterrevolutionary' move. Convinced that local Bolshevik leaders Stepan Shaumyan and Nikolay Kuznetsov were going to use this rally to storm the Sejm and declare 'soviet power', the Tiflis Soviet allowed the Red Guard to help disperse the rally. Armed clashes left one policeman and seven demonstrators dead. [ИККЦ, 1918, 14 февр., с. 4]. The soviet appointed a commission to investigate the events, but, as Zhordania later admitted, 'we knew in advance that its findings would be kept quiet'. [Жордания, с. 84].

As the Red Guard expanded its operations and became more firmly entrenched, at least in Georgia and on its periphery, its mythology developed. In early March 1918 it held a major rally outside the Sejm in Tiflis, with speeches from regional social-democratic leaders, including Nikolay Chkeidze, Isidor Ramishvili, Evgeniy Gegechkori and Vladimir Voytinsky, as well as Jugeli, who concluded:

Our Red Guard is an international force. We do not recognise divisions into Muslims, Armenians, Russians and Georgians. For us there is just one revolutionary proletariat ... This international is not limited to Tiflis. It spreads across Transcaucasia, across Russia, across the whole world. Long live the international Red Guard! [ИККЦ, 1918, 2 марта, с. 4].

In mid-March, official regulations for the guard were issued. Its purpose was defined as 'defence of the revolution and decisive struggle against counter-revolution and anarchy'; it admitted 'all workers who have a class and internationalist standpoint', with 'strict filtration' to exclude unsuitable elements. Red Guards were 'obliged to observe the strictest revolutionary discipline', any violations of which were 'a crime against the revolution'. Point 9 obliged Red Guards to 'present an example of high revolutionary

morality and, struggling decisively against all antirevolutionary and anti-socialist phenomena around them, above all fight mercilessly against all such phenomena in their own midst'. [ИККЦ, 1918, 13 марта, с. 4]. Such ideals probably had a greater effect on the guards' self-image than on their behaviour.

In the latter part of March 1918 the Red Guard was despatched to suppress disorders in and around Tskhinvali, South Ossetia. It was reported that the first group of guards sent there was overwhelmed and disarmed by 'an armed band of Ossetians and Georgians, composed entirely of former soldiers', characterised as 'Bolshevik elements, hooligan elements and landowner elements'. [ИККЦ, 1918, 23 марта, с. 3, 4]. Several guards were killed or taken prisoner, and in response a large mixed force of Red Guards, regular troops, gunners and machine gunners was sent to crush the rebellion with 'unwavering decisiveness'. At the same time, Jugeli called for 'the greatest care and tact, in order not to deepen the terrible gulf which this provocation has opened up between us and the unenlightened local masses'. [ИККЦ, 1918, 24 марта, с. 3]. The gulf would prove hard to close.

Quashing internal disorder within Georgia was one matter, but war against a traditional, well-funded army was another. The shaky ceasefire on the southern front with the Ottoman empire was crumbling in April 1918, and although Armenia was getting the worst of the Turkish advances, Georgia was also threatened. Early that month, Jugeli addressed the Sejm to a standing ovation with calls of 'Long live the Red Guard!', although his rousing speech denouncing Turcophilia said little about how best to resist the Ottoman forces. [ИККЦ, 1918, 4 апр., с. 4]. In fact, the main resistance came from the regular troops of the Transcaucasian Commissariat, organised into national formations with the Armenians taking on the brunt of the fighting [Квинтадзе, с. 32].

The relentless Ottoman advance of spring 1918 drove the very rapid changes which took place in Transcaucasia in April and May 1918. On 9/22 April 1918, on Turkish insistence, Transcaucasia finally declared itself a sovereign state, independent from Russia and competent to negotiate with Turkey. Five weeks later, also as a result of Turkish pressure, Georgia broke from its neighbours, declared 'independence' on 26 May 1918, and immediately invited in German troops for protection against Turkish encroachments. Independent Georgia's new government was led at first by the veteran social democrat Noy Ramishvili, while Zhordania remained in his own power base of the regional soviet centre. On 4 June, Ramishvili signed a peace treaty with Turkey, ceding significant territory, including control of the important port of Batum.

The Red Guard leadership protested vigorously against this treaty, proposing a motion at the regional soviet centre on 5 June that

...*such* a treaty should not have been signed without one final, desperate attempt at armed resistance. We should have fought. ... It would have been better to perish, than to give in to the enemy without one last attempt to resist.

It would have cost us our heads, but the enemy would not have bought victory over us so cheaply, and would have taken our country more seriously in the future [Борьба, 1918, 8 июня, с. 2].

The motion was lost by a margin of just two votes. It was notable that *Bor'ba*, the Russian-language paper of the ruling Georgian social democrats, clearly sympathised with this criticism of Ramishvili. The paper had long championed the Red Guards, and did much to foster the cult of the organisation. The issue of 15 June, for example, devoted half a page to the memory of Valiko Sherashidze, one of Jugeli's closest comrades, killed in action on an operation against Azeri (Tatar) fighters in Borchalo district, in the south. Almost in passing, the article stated:

The news of the death of our beloved comrade and leader led to grief, and anger, and a call for vengeance.

The village, in which Sherashidze was killed, was razed to the ground... [Борьба, 1918, 15 июня, с. 2].

Despite Jugeli's call in April for 'care and tact' in dealing with rebellious areas, the destruction of settlements where armed resistance was encountered would increasingly become a standard practice.

Red Guard to People's Guard

Building an independent nation state in Georgia after May 1918, albeit initially under German tutelage, required a single set of state institutions, including armed forces. The Tiflis and regional soviet centres no longer needed to exercise state functions. But the soviet's Red Guard had become an important political force, and the social democrat leaders, not least Noy Zhordania, wanted to keep an armed body that served as a guarantor of 'the revolution' and as a political counterweight to the regular army. After all, most of Georgia's professional army officers were not friends of social democracy.

The transformation of the Red Guard had certain aspects of a coup d'état. On 8 June, the regional soviet centre resolved to 'renounce all "functions of a state character" and hand over its armed forces to the government'. [Социал-демократ, 1918, 17 июня, с. 1]. Jugeli, in turn, protested, declaring that

he would agree to such a diminution of the rights of the Executive Committee on condition that N. N. Zhordania (chair of the EC of the Soviet of Workers' Deputies) became head of the government, because only in that case would it be possible to trust the government fully [Там же, с. 1].

In other words, the Red Guard would only submit to a government which was to its taste. Jugeli's condition could not be met immediately. The views of the German occupying forces, and the Georgian generals tasked with

building the regular army, needed to be considered. [Квинтадзе, с. 46–47]. In mid-June, the social democrat members of the Georgian National Council proposed a law, which ‘declared the existing Red Guard to be the People’s Guard of the Democratic Republic of Georgia’. [Квинтадзе, с. 48–49]. All its structures and personnel were to be transferred unchanged. Writing in *Bor’ba*, Vladimir Voytinsky stressed:

It is important that state recognition should not suck the vital spirit out of our Red Guard, and that the Red Guard, having become a state body, should remain the same as it was beforehand – a fraternal league of people loyal to the revolution, who have taken up arms to defend ideals dear and sacred to them [Борьба, 1918, 15 июня, с. 2].

The draft law entrenched the civilian character of the People’s Guard. Unlike the regular army, the guard would not be answerable to the Minister of War but directly to the head of government. ‘In short,’ Voytinsky summed up, ‘it affirms the People’s Guard’s role as a *revolutionary civilian militia*’ [Там же].

This scheme met with some serious criticism. General Kvintadze, assistant to the Minister of War in June 1918 and one of the most competent professional army officers in Georgia, sought to amend it so that the regular army took precedence in terms of call-up and mobilisation, but he was also against the entire concept of the People’s Guard, arguing that ‘as an armed force, it was completely unfit for purpose on the battlefield’. [Квинтадзе, с. 51]. His outspokenness on this matter earned him a sharp rebuke from Noy Zhordania and immediate dismissal from the ministry. [Квинтадзе, с. 51].

In the National Council debate on the People’s Guard, Jugeli, with his characteristic frankness, argued for retaining the guard because ‘the hand of reaction’ might ‘turn the regular army to its side’ and, therefore, ‘democracy should have its own, more reliable military apparatus’. [Борьба, 1918, 23 июня, с. 3]. The representatives of the liberal-nationalist National Democrats in the National Council seized on this distinction. V. Tsereteli (not to be confused with the social democrat Iraklii Tsereteli), did not mince his words:

The Red Guard is neither chosen by the people nor responsible to it. It is a party organisation, a state within a state. Troops which are separate from the people are a dangerous thing. It consists of socialists. Jugeli openly said, that the Red Guard is needed to take action against the regular army. This is the start of civil war. The people does not love the Red Guard; it detests it. All the time we have this Red Guard, there will be no end to the chaos [Там же].

V. Tsereteli put the National Democrats’ case that ‘we need to create regular armed forces and abolish the Red Guard’. [Кавказ, 1918, 26 июня, с. 2]. However, his party was a small minority in the council, and the social democrats had no difficulty in getting the People’s Guard approved.

The 'coup' was completed on 24 June, when Iraklii Tsereteli addressed the National Council on behalf of the social democrats proposing the creation of a 'strong government, around which all the democratic forces can unite ... The person who enjoys the trust of the majority is N. N. Zhordania, who should be at the head of the new government'. [Там же, с. 2]. Jugeli was jubilant at the news:

My dream has come true: N. N. Zhordania has become head of the government. He has brought certain members of the bureau of the [soviet] Executive Committee into his government. This is good: I can serve such a government without question... They have offered me the post of deputy war minister. But I refused categorically, I don't want to lose the guard, or the guard to lose me... [Джугели, с. 27].

The cult develops

The newly-renamed People's Guard continued to enjoy extensive and sympathetic coverage in *Bor'ba* and the official press, and could now also mobilise state resources to boost its profile. The first anniversary of the seizure of the arsenal was marked in style. On 6 December 1918, the front page editorial in *Bor'ba* recounted the heroic seizure of the arsenal. It described how '250 Tiflis workers took over the arsenal against a 20 thousand strong "Bolshevistically" inclined garrison' because they 'expressed the united will of the organised proletariat of Georgia'. Moreover, this united will 'has been expressed in all the subsequent heroic struggle of the People's Guard'. [Борьба, 1918, 6 дек., с. 1]. The issue of 11 December carried details of the 'heroes' trains, bringing guards in from all over the country for their grand parade in the centre of Tiflis. [Борьба, 1918, 11 дек., с. 4]. Finally, on the anniversary itself (12 December), much of the paper was devoted to panegyrics to the People's Guard, reprints of speeches that Zhordania and Jugeli had given at the time the arsenal was seized, poems extolling the guard, and suchlike. Vladimir Voytinsky lauded the multi-ethnic composition of the guard, the fact that devotion to the revolution was the only criterion for membership, and that 'it has always been and remains the most reliable keeper of the ideals of internationalism' [Борьба, 1918, 12 дек., с. 2].

This anniversary issue of *Bor'ba* also carried the first instalment of 'A Heavy Cross' (*Тяжелый крест*) – Jugeli's frank and unvarnished memoir of the campaigns of the guard, written in the form of a diary. Further instalments of this memoir became an irregular feature in the paper, often on special occasions, and in 1920 these extracts were republished as a book – a work which secured Jugeli's reputation.

Sotsial-demokrat, the paper of the 'internationalists' who rejected the Georgian social democrats' breakaway from Russia and the RSDRP, took a sourer view of the People's Guard and its anniversary festivities:

Red flags, troop movements, artillery on the streets of Tiflis, processions, welcome speeches, triumphant spectacles, a military band, the cheery sound of the zurna being played – there was all of this on 12 December, the day of the People's Guard.

There was all of this, but one thing was missing – a festive atmosphere...

It is enough to compare the festival of 12 December with the solemn tribute to the memory of the fallen in the revolution which took place in Tiflis on 23 March last year to see how far removed today's celebrations are from the ceremony of *all the people* of last year... [Социал-демократ, 1918, 16 дек., с. 4].

General Kvintadze, meanwhile, was exasperated that such celebrations were taking place at all while there was a war going on. Clashes with Armenian armed bands over border areas had been flaring up since the first week of December 1918, but the People's Guard in Tiflis was more concerned with organising its festivities, even bringing its cavalry away from the battle zone at Ekaterinenfeld to take part in the parade [Квинтадзе, с. 59].

A test of 'internationalism' – war with Armenia

The skirmishes on the border with Armenia on the Borchalo River rapidly turned into a war between the two states. On 14 December 1918, around the start of hostilities, Jugeli noted in his diary that 'the enemies of democracy and socialism can easily give the Borchalo difficulties a nationalist character'. [Джугели, с. 88]. Sure enough, by 31 December, Jugeli was fretting that the ceasefire due to come into effect at midnight might prevent his forces from taking the village of Bolnis, as 'the vital interests of our country demand this! <...> We must bring our country a splendid new year's present!' [Там же, с. 108–109]. It was not just on the border that nationalism flourished. Georgia's Armenian population became the enemy within, to be arrested, expropriated, looted or expelled at will. So indiscriminate was the campaign that on 25 December Arshak Zurabov, an old social democrat of Armenian ethnicity was given a special pass to certify that 'he, as an Armenian, is not liable to detention or arrest'. [НАГ. Ф. 1832. Оп. 1. Д. 1. Л. 1]. For his part, Zurabov expressed his feelings in a very bitter open letter to Zhordania. [Социал-демократ, 1919, 13 янв., с. 1–2]. A letter in the next issue of *Sotsial-demokrat* signed 'Arrestee' told the story of a group of Armenians, arrested at a railway station near Gori on 23 December by the local People's Guard on account of their nationality. They were held for 20 days in appalling conditions, before being handed charge sheets, filled out with bogus charges. [Социал-демократ, 1919, 20 янв., с. 4]. Jugeli's own assessment of the war was altogether more benign: 'we fought this war not against the Armenian people, but just against monstrous Armenian nationalism...' [Джугели, с. 110–111].

Jugeli's "Heavy Cross"

This series of diary-style vignettes, first published in *Bor'ba*, constitute the main text of the People's Guard cult. They appeared some months after the events they described, were written for public consumption, but are still quite revealing. The title reflects Jugeli's self-presentation as a reluctant warrior motivated by an overriding sense of duty. He was clearly a very emotional man, sincerely devoted to Zhordania and a certain conception of revolution. He could be calculating – on 13 July 1919 he demonstratively resigned from the People's Guard in protest against a repeat move by the social-democratic group in the Constituent Assembly to subordinate the guard to the War Ministry rather than to the head of government. This paid off, in that by 19 July he could announce that 'my "incident" with the fraction is exhausted, our amendment has been accepted... we are once again independent from the generals, and once again free in our democratism!' [Джугели, с. 165].

The section of *Heavy Cross* which earned the book and its author lasting notoriety concerned the 'South Ossetian Vendée' of June 1920. South Ossetia had been restive throughout the DRG's existence, and, encouraged by local Bolsheviks, there was a large-scale rising there from May 1920. Jugeli's forces joined the effort to repress the rebellion, which he blamed on 'Ossetian nationalists – our worst and tireless enemies' [Там же, с. 231]. On 12 June he noted that 'among the guards there is serious annoyance... and therefore several houses have already been set on fire. It's night now. You can see fires everywhere! But I'm used to it now and can look at it almost calmly' [Там же, с. 235]. The next day he expressed his contempt:

The Ossetians, those silent slaves of the old autocracy, those faithful lackeys of our landowners and old police-officers, those born watchmen – now they are donning red mantles and posing as revolutionaries. <...> We love freedom, our democracy and our republic. We are fighting for the liberation of the working class. And in the interests of the struggling working class, in the interests of the socialism of the future we shall be harsh! [Там же].

A view from the army

General Kvintadze was commanding army operations alongside the People's Guard in the South Ossetian campaign, and observed the guards' uncontrolled rampaging and killing sprees. Kvintadze remarked in his own memoirs:

I cannot understand... how anyone can imagine that an organisation like the Guard, with such appalling practices and morals can be a threat to the enemy or useful to the motherland. <...> They were scared to touch the Guard. It dominated the state. The Guard was the institution which held the real power in the state [Квинтадзе, с. 205].

More than once Kvintadze was brought into the top military command in times of dire military crisis, and then dismissed again once the crisis was over because of his hostility to social democracy and the People's Guard. Four days after the Red Army invaded Georgia, on 15 February 1921, Kvintadze was again summoned to help direct the war effort, although by this time he realised that the war was already lost. His view of the military usefulness of the People's Guard was scathing:

They were Praetorians. They filled the same position under our rulers as the Praetorians did under the Roman emperors. They were just as privileged, and it was as necessary to take account of them and bow to their demands, as it was with the Praetorians [Квинтадзе, с. 368].

The cult of the People's Guard in history

Just as the Bolshevik invasion was putting an end to the DRG, Voytinsky published *La Démocratie Géorgienne* in Paris, aimed at a French labour movement audience. A short section on the People's Guard carried a glowing portrait of Jugeli:

Young, handsome, energetic, an excellent speaker... calm and cautious when he prepares an operation, imperturbable and courageous in combat, always leading the assault... [his] word is law for the guardsmen... [Woytinsky, p. 103].

But it was too late to export the cult of the People's Guard. With the successful Red Army takeover of Georgia, the bitter recriminations among the Georgian exiles, including General Kvintadze's damning assessment of the usefulness of the guard militarily and its organisational principles, the assiduously fostered cult came to nought. Jugeli's arrest by the Cheka in August 1924, while on a clandestine mission to organise a national anti-Bolshevik rising in Georgia, the cunning way Lavrenti Beria subsequently sought to use him to forestall the rebellion, and his eventual execution on 30 August, all represented a sad end to a remarkable career [Лурье, Маляров, с. 91–104].

However, Jugeli's *Heavy Cross* ensured that he was not forgotten. Its incautiously frank descriptions of People's Guard operations, especially the suppression of the rebellion in South Ossetia in 1920, were seized on by Bolshevik publicists to besmirch the 'democratic' credentials of the DRG. In *Between Red and White*, Trotsky damned Jugeli as a 'repulsive mountebank' [Trotsky, p. 69], while the Georgian Bolshevik leader Filipp Makharadze, in *The Menshevik Dictatorship in Georgia*, characterised the guards as not merely Praetorians, but 'oprichniki' [Махарадзе, с. 103]. Since 1991, the break-up of the USSR and the ethnic conflicts on the territory of the former Georgian SSR, *Heavy Cross* has been much used in support of South Ossetia's claim for independence from Georgia. In 2016, a South Ossetian propaganda film *Iron Vendée* selectively quoted Jugeli's book to present him

as nothing more than a malevolent, sadistic villain [Iron Vendée]. Cults and mythologies have a life of their own, and their evolution may sometimes surprise their creators.

Список литературы

- Борьба. 1917. 1 дек.; 1918. 8, 15, 23 июня, 6, 11, 12 дек.
Джугели В. Тяжелый крест : (Записки Народноговардейца), Тифлис : Ал. Арабидзе и Ко., 1920. XXXII, 246, 249–250, 283 с.
Жордания Н. Моя жизнь / пер. с груз. И. Жордания. Stanford, CA : The Hoover Inst. on War, Revolution and Peace, 1968. XIV, 130 с.
 Известия Совета рабочих и солдатских депутатов г. Тифлис. 1917. 30 нояб., 1 дек.
 ИККЦ – Известия Кавказского краевого центра советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Тифлисского совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 12, 14, 28 янв., 8, 14 февр., 2, 13, 23, 24 марта, 4 апр.
 Кавказ. 1918. 26 июня.
 Кавказский рабочий. 1917. 30 марта, 2 апр., 30, 31 мая, № 200 (нояб.).
Квинтадзе Г. И. Мои воспоминания в годы независимости Грузии 1917–1921. Париж : YMCA-Press, 1985. 470 с.
Лурье Л., Маляров Л. Лаврентий Берия : Кровавый прагматик. СПб. : БХВ-Петербург, 2015. 528 с.
Махарадзе Ф. Диктатура меньшевистской партии в Грузии. М. : Госиздат, 1921. 112 с.
Муханов В. М. «Социализм виноградарей», или История Первой Грузинской республики: 1917–1921. М. : Кучково поле, 2019. 928 с.
 НАГ. Ф. 1832. Оп. 1. Д. 1.
Сеф С. Е. Революция 1917 года и Закавказье. Тифлис : Заккнига, 1927, 392 с.
 Социал-демократ. 1918. 17 июня, 16 дек.; 1919. 13, 20 янв.
Bechhofer C. E. In Denikin's Russia and the Caucasus, 1919–1920. L. : Wm. Collins, 1921. 344 p.
 Iron Vandée : док. фильм / реж. Г. Мамиев. Республика Южная Осетия : Гос. теле-радиокомпания «Ир», 2016. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4-mLN9atN84> (дата обращения: 20.05.2020).
Kress von Kressenstein F. Meine Mission im Kaukasus. Tbilisi : Samschoblo, 2001. 161 p.
Loris-Mélicof J. La Révolution Russe et les Nouvelles Républiques transcaucasiennes. Paris : Félix Alcan, 1920. 224 p.
Trotsky L. Between Red and White. L. : CPGB, 1922. 104 p.
Woytinsky W. La Démocratie Géorgienne. Paris : Librairie Alcan Lévy, 1921. 312 p.

References

- Bechhofer, C. E. (1921). *In Denikin's Russia and the Caucasus, 1919–1920*. L., Wm. Collins. 344 p.
Bor'ba [Bor'ba]. (1917). December 1. (1918). June 8, 15, 23; December 6, 11, 12.
 Dzhugeli, V. (1920). *Tyazhelyi krest. (Zapiski Narodnogvardeitsa)* [A Heavy Cross. (Notes of a People's Guardsman)]. Tiflis, Al. Arabidze i Co. XXXII, 246, 249–250, 283 p.
 IKKTs – *Izvestiya Kavkazskogo kraevogo tsentra sovetov rabochikh, soldatskikh i krest'yanskikh deputatov i Tiflisskogo soвета rabochikh i soldatskikh deputatov* [*Izvestiya Kavkazskogo Kraevogo Tsentra Sovetov Rabochikh, Soldatskikh i Krest'yanskikh Deputatov i Tiflisskogo Soveta Rabochikh i Soldatskikh Deputatov*]. (1918). Jan. 12, 14, 28; Febr. 8, 14; March 2, 13, 23, 24; Apr. 4.
Izvestiya Soveta rabochikh i soldatskikh deputatov g. Tiflis [*Izvestiya Soveta Rabochikh i Soldatskikh Deputatov g. Tiflis*]. (1917). Nov. 30, Dec. 1.
Kavkaz [Kavkaz]. (1918). June 26.

- Kavkazskii rabochii* [*Kavkazskii Rabochii*]. (1917). March 30; Apr. 2; May 30, 31; No. 200 (Nov.).
- Kress von Kressenstein, F. (2001). *Meine Mission im Kaukasus*. Tbilisi, Samschoblo. 161 p.
- Kvintadze, G. I. (1985). *Moi vospominaniya v gody nezavisimosti Gruzii 1917–1921* [My Memoirs of the Years of Georgia's Independence 1917–1921]. Paris, YMCA-Press. 470 p.
- Loris-Mélicof, J. (1920). *La Révolution Russe et les Nouvelles Républiques transcaucasiennes*. Paris, Félix Alcan. 224 p.
- Lurie, L., Malyarov, L. (2015). *Lavrentii Beriia. Krovavyi pragmatik* [Lavrenti Beria. Bloody Pragmatist]. St Petersburg, BKhV-Peterburg. 528 p.
- Makharadze, F., (1921). *Diktatura men'shevistskoi partii v Gruzii* [The Dictatorship of the Menshevik Party in Georgia]. Moscow, Gosizdat. 112 p.
- Mamiev, G. (Dir.). (2016). *Iron Vandée*. Documentary Film. Republic of South Ossetia, Gosudarstvennaya teleradiokompaniya "Ir". URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4-mLN9atN84> (accessed: 20.05.2020).
- Mukhanov, V. M., (2019). 'Sotsializm vinogradarei', ili Istoriiya Pervoi Gruzinskoi respubliki. 1917–1921 ['Winegrowers Socialism', or the History of the First Georgian Republic. 1917–1921]. Moscow, Kuchkovo pole. 928 p.
- NAG [National Archive of Georgia]. Stock 1832. List 1. Dos. 1.
- Sef, S. E., (1927). *Revolutsiya 1917 goda v Zakavkaz'e* [The Revolution of 1917 and Transcaucasia]. Tiflis, Zakkniga. 392 p.
- Sotsial-demokrat* [*Sotsial-Demokrat*]. (1918). June 17; Dec. 16. (1919). Jan. 13, 20.
- Trotsky, L. (1922). *Between Red and White*. L., CPGB. 104 p.
- Woytinsky, W. (1921). *La Démocratie Géorgienne*. Paris, Librairie Alcan Lévy. 312 p.
- Zhordania, N. (1968). *Moya zhizn'* [My Life] / transl. by I. Zhordania. Stanford, CA, Hoover Inst. on War, Revolution and Peace. XIV, 130 p.

The article was submitted on 29.06.2020

FROM MILITANTS TO SECRET AGENTS: UKRAINIAN COMMUNISTS UNDER GENERAL DENIKIN*

Éric Aunoble

University of Geneva,
Geneva, Switzerland

During the Civil War, the Communist Party and its activists had to constantly adapt to ever-changing situations. This paper aims to study their reaction in Ukraine in 1919 after Denikin took control of the country. It will focus on the 800 activists sent behind enemy lines from July to November 1919. Using the paperwork of special bodies created by the Central Committee (CC) of the Communist Party (Bolshevik) of Ukraine (CP(b)U) to tackle this task (*Zafrontbyuro* – rearguard bureau; *Voenotdel* – military department; *Otdel Svjazi* – communications department), the article will first question the way underground activists were selected. Second, it will highlight how missions behind enemy lines were designed and organized. Third, it will consider the missions themselves and the hardships endured once activists reached Denikin-controlled territory. Fourth, one has to wonder what activists tried to do, questioning what they thought about their dangerous job and what their missions effectively brought to the Bolsheviks. This will help us understand how the Civil War was indeed a “formative experience” (in Sheila Fitzpatrick’s words) for the communists, shaping their worldview and behavior.

Keywords: Civil War, Ukraine, 1919, General Denikin, Communist Party, White Terror, repression, Bolshevik underground

Во время Гражданской войны Коммунистической партии и ее активистам приходилось постоянно приспосабливаться к быстро меняющимся обстоятельствам. Целью настоящей статьи является изучение их реакции на захват власти Деникиным на Украине в 1919 г. Речь идет о 800 активистах, которые были отправлены в тыл врага с июля по ноябрь 1919 г. На основе архивных материалов специальных органов (Зафронтбюро, Военотдела, Отдела связи), созданных при ЦК КП(б) Украины, изучается вопрос о том, как отбирались кандидаты в подпольщики и каким образом организовывались миссии в стане врага. Статья описывает сами миссии, трудности и риски, с которыми сталкивались активисты, оказавшись на контролируру-

* *Citation:* Aunoble, É. (2021). From Militants to Secret Agents: Ukrainian Communists under General Denikin. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 1. P. 91–108. DOI 10.15826/qr.2021.1.567.

Цитирование: Aunoble É. From Militants to Secret Agents: Ukrainian Communists under General Denikin // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 1. P. 91–108. DOI 10.15826/qr.2021.1.567.

емой Деникиным территории, их мнения о своей задаче, а также то, какую пользу из их действий извлекали большевики. Все вышеизложенное позволяет понять, что делало Гражданскую войну подлинным «формирующим опытом» (по словам Шейлы Фицпатрик) для коммунистов, определяющим их мировоззрение и поведение.

Ключевые слова: Гражданская война, Украина, 1919, Деникин, Коммунистическая партия, белый террор, репрессии, большевистское подполье

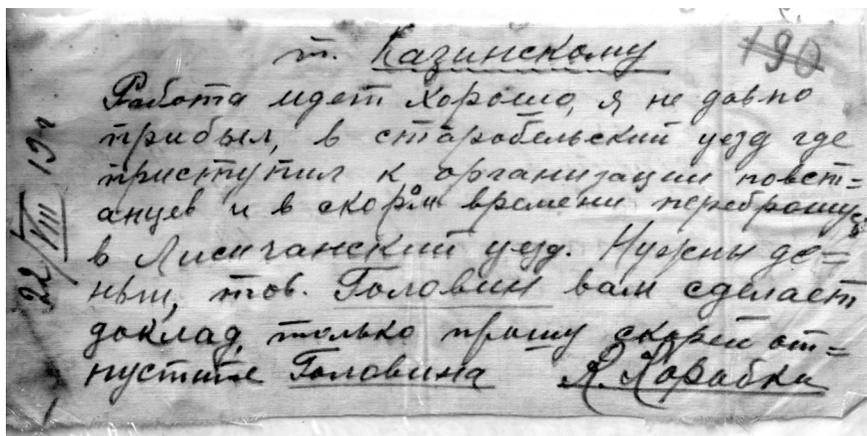
The deeds of the communists were beyond history according to Stalin, who stated “that the Bolsheviks remind us of the hero of Greek mythology, Antæus” [History of the Communist Party of the Soviet Union (Bolsheviks), p. 362–363]. From an opposite point of view, Adam B. Ulam agreed that “the story of the Bolsheviks... is one of drama and success unparalleled in modern history”, although it bore “the seeds of future totalitarianism” [Ulam, p. VII]. A view from the periphery confirms that Bolshevism’s rise to power meant the end of freedom for the people. As Ivan Maistrenko puts it, “the history of the Communist Party of Ukraine is also the history of Ukraine after it was conquered by Soviet Russia” [Майстренко, с. 5]. Since “success” turned into failure in 1991, Russian and Ukrainian archive-based studies alike have focused on the way Bolsheviks constituted a new elite taking control over the country [Фролов], the *nomenklatura* [Дорошко], which had common traits with the medieval “brotherhood of the sword” [Павлюченков].

Still, few scholars have tackled a key issue: how a militant group that had been a part of the “liberation movement” against tsarist autocracy and relied on radicalized workers became a ruling bureaucracy. Alexander Rabinowitch has traced this process in Petrograd from early 1917 to late 1918 [Rabinowitch, 1968; Rabinowitch, 1976; Rabinowitch, 2007]. At this time, the Civil War had begun but the worst was yet to come, as its flames burnt across all the former empire for two more years. This period was a source of multiple experiences for activists. An early Bolshevik did not live through these events in the same way as someone who had joined the Party after October, just as a militant from Petrograd or Moscow, the heart of Soviet Russia, was surely in a different position from a communist in Ukraine, where “Soviet power” was not firmly established until 1920. People and party structures had to constantly adapt to ever-changing situations, making their ideas and practices evolve rapidly several times.

We can observe this phenomenon in Ukraine in 1919. Ukrainian Bolsheviks were so self-confident when they seized power over eastern Ukraine in late 1918 – early 1919 that they implemented very radical policies, particularly in the countryside. After a few months of Red rule, they suddenly realized that they were short of support, especially among the peasantry. Thanks to this, the White Voluntary Army of General Denikin took over eastern Ukraine in the late spring of 1919 and started moving north toward Moscow. This was the beginning of the most difficult period for Soviet power during the Civil War, when the *Sovdepiya*, under the threat of

several enemies, was nearly reduced to the territory of ancient Muscovy. The occupation of Ukraine by the White Army was also a deep shock for the Ukrainian Bolsheviks, who fell from the heights of power to the status of persecuted outlaws.

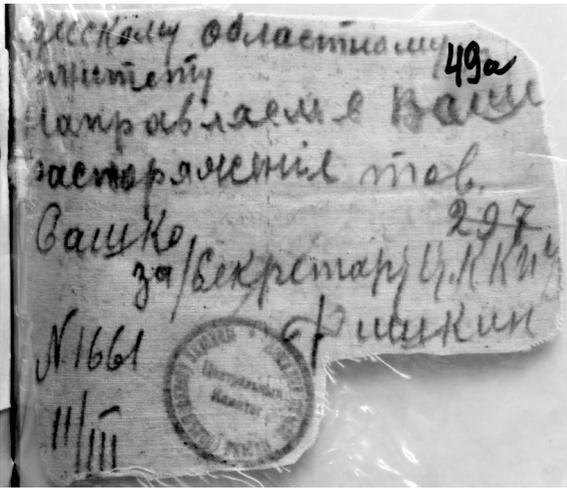
This paper aims to study the reaction in Ukraine of the apparatus of the Communist Party (Bolshevik) of Ukraine (CP(b)U) and its activists to this distressing situation. Three special bodies designed to tackle were created by

1. Report about the organisation of partisan units by Korobkin in the Donbass uyezds of Starobel'sk and Lisichansk in August 1919 // TsDAGOU. Stock 1. List 18. Dos. 33. F. 10

the Central Committee (CC) of the CP(b)U: the *Zafrontbyuro* (literally “beyond-the-front-line bureau” or “rearguard bureau” in Yaroslav Bilinsky’s words [Hunczak, p. 121]), the *Voentdel* (military department) and the *Otdel Svjazi* (communications department) organized a web of underground militants acting under Denikin. Among the paperwork these departments produced [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18], one can find some impressive tables regarding 800 activists sent behind enemy lines from July to November 1919. The reports kept about their activity tell a slightly different story: every mission could fail, as an activist could fall ill with typhus or be arrested and shot on the spot. In the 1920s and early 1930s, when the new elite could still publicly remember its glorious past, some of this material was published in the Ukrainian *Istpart*¹ journal, *Letopis Revolyutsii*. After this, one had to wait until the mid-1960s to read the first scholarly study on the topic. Written in the Soviet style, it had to prove that the *Zafrontbyuro* “followed Lenin’s advice” and “created the necessary conditions for the activity of underground activists and partisan units.” Nonetheless, it is a rather reliable factual account, as it tells us much about the roles of Vladimir Zatonsky and Stanislav Kossior, who were rehabilitated in the late 1950s after having been eliminated as “enemies of the

¹ *Istpart*: Commission for the History of the October Revolution and of the Communist Party.

2. Mandate of comrade Sashko sent by the CC of the CP(b)U to the Odessa underground Party Committee // TsDAGOU. Stock 1. List 18. Dos. 5. F. 49A

people” in 1936–1938 [Случевская, с. 5, 305].

The emphasis of this paper will focus on activists’ experiences. Thanks to both published and previously unreleased material, it will first question the way underground activists were selected. Second, it will highlight how missions behind enemy lines were designed and organized. Third, it will consider the missions themselves and the hardships endured once

activists reached Denikin-controlled territory. Fourth, one has to wonder what activists tried to do, questioning what they thought about their dangerous job and what their missions effectively brought to the Bolsheviks. This will help us understand how the Civil War was indeed a “formative experience” (in Sheila Fitzpatrick’s words) for the communists, shaping their worldview and behavior.

The Selection of Underground Activists

The defeat of the Reds in the spring and summer of 1919 was two-fold. Eastern Ukraine was under threat from Denikin from April, when the Voluntary Army started to conquer the Donbass, until late June, as White troops took over Khar’kov (Kharkiv) and Yekaterinoslav (Dnipro). In Central Ukraine, the Bolsheviks were forced out of Kiev (Kyiv)² in the closing days of August: Petlyuras’s soldiers, coming from the west, entered the city the same day as Denikin’s, coming from the east. When reading Soviet historiography, one might think that the Reds retreated in an orderly fashion while preparing a counteroffensive. Members of the Communist Party were mobilized by decree into the Red Army or local armed units as soon as the White troops approached the Donbass and then the Kiev region [Случевская, с. 14–17, 32–34]. Other sources show a rather different picture, one of panic and escape: “The people rushing north cannot be described as a united, structured or organized whole. It was a ramshackle collection of people. Some communists’ fathers and mothers... some com-

² The contemporary Ukrainian names are mentioned in brackets when employed for the first time. Otherwise, the 1919 Russian form is used in this paper (as it is done in primary sources).

munards... various adventurers were also fleeing. In a word, all sorts of people were fleeing to the north, in those stifling days of the terrible year nineteen” [Хвильовий, с. 398].

In such an atmosphere, only two local Bolshevik organizations in the whole of Ukraine were able to set up in advance a web of underground activists who would stay when the area was occupied by the enemy: in Kremenchuk (Kremenchuk) and Odessa (Odesa), which were conquered by the Whites in August [КП(б)У за Денікінщини, 1929, № 5–6, с. 290; 1930, № 1, с. 226–233]. Earlier, such local initiatives were impossible. This highlighted the need for central bodies created by the CC that could coordinate underground activity. The *Zafrontbyuro* was established on 30 June, a few days earlier than the other departments. They had to call for volunteers, who were more or less recommended by local party committees or high party officials. As a consequence, “not all of the enrolled staff members fit their task and a lot of them are completely casual towards the revolution” [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 40, Л. 11, 33–37 (lists of volunteers)].

Besides the lack of preparation, random recruitment also resulted from a situation which was awkward in itself. As an activist sent to Nezhin (Nizhyn) summed it up: “Those who were left by the [local] party committee to go underground could not show up as everybody knew them as communists”. In contrast, an undercover Bolshevik envoy “did not even know where the party committee was for all the time of his stay in Nezhin” [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 16. Л. 93]. In other words, the choice was either to use activists with local connections who risked being arrested or outsiders who would be safer but unable to act. In Odessa, “it [was] decided in advance that all communists who were not under physical threat, that is those who would not be prosecuted, [would be] strongly recommended to stay” which meant especially that “women [were] strongly recommended to stay” [КП(б)У за денікінщини, 1930, № 1, с. 230]. Although they seem to have been a minority among the underground activists³, the participation of women is indeed noteworthy, as they accomplished missions just as risky as those of their male counterparts.

Other subaltern categories were also especially committed to undermining Denikin’s victory. Dedicated party organizations like the Young Communists’ League and the head committee of the Jewish Communist Union encouraged them to do so. The latter provided the CC of the CP(b)U with the names of 13 volunteers from among its senior activists. [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 5, Л. 29, 33]. When we note in another document that one Jewish activist’s monicker was Spinoza, one can imagine the ideals that moti-

³ For instance, among the 49 names authoring reports, there are four feminine ones [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 16]. Still, it is difficult to be sure of the gender of the activists. Statistical records mention the number of envoys per region and city, but do not say a word about people’s profiles. In their turn, the reports relate about missions and how they were completed and give only scarce information about the activists themselves. One might guess the agent’s gender whenever it is mentioned as being relevant to the fact or by his/her name, although monikers can be misleading.

vated them to risk their lives [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 16. Л. 17]. However, the dedication of Jews and youngsters eventually proved to be a problem for underground organizers. As one stated, central party bodies “left [behind enemy lines] thousands of little boys and girls who did not at all suit the job and impeded it... they mainly left Jew[ish] com[rades], who are just not suitable for Ukraine in this atmosphere of pogroms. <...> Jews are thrown out of railway coaches or just killed” [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 5. Л. 11в; КП(б)У за Денікінщини, с. 281]. The peak of anti-Semitic atrocities was indeed reached in Ukraine in the summer of 1919 [Abramson, p. 114]. On the one hand, anti-Semitism was strong among peasants who feared that “behind Soviet power Jews will stand” [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 20. Л. 8–9 об.]. On the other, the Whites treated their Red prisoners along political, national, and racial criteria: “Communists are shot on the spot. Commanders are beaten or killed. The same goes for Jews, Latvians, and Chinese. <...> First of all, the Cossacks demanded ‘Yid nurses’ be handed over” [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 5. Л. 16]. As a consequence, one organizer bluntly expressed “the urgent need for Russian (only Russian) activists” to be sent.

In fact, they had to be satisfied with the people on hand, be they “deserters who did not want to follow the Red Army’s retreat and who remained as parasites” or “devoted and honest revolutionaries” [КП(б)У за Денікінщини, 1929, с. 295]. Besides moral qualities, skills and efficiency could be victims to the loose recruitment structure. An agent shot another comrade by accident during a secret meeting in Yekaterinoslav, perhaps because they were not used to weapons [Там же, с. 290]. Amateurism could have less tragic and even funny consequences. In late summer 1919, a group of activists from Bakhmut had the wonderful idea of setting up a peculiar form of underground activity: four of them joined a Ukrainian touring theatre company in order to cross the frontline and then travel freely in the White territory. Eventually, after various setbacks (including learning how to act), their plan failed and they had to wait for the Red Army’s decisive offensive in December to go back to Ukraine [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 20. Л. 14–15]. Among the mishaps that delayed them was also the tardiness of some party structures when it came to helping volunteers, which was sharply criticized by other activists as early as July [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 47. Л. 1].

The Organization of Underground Missions

The impression of negligence is confirmed when considering the organization of missions: “The CC did not have a defined point of view concerning the underground work under Denikin. <...> They gave certain instructions to some envoys and different ones to other envoys, and for us, remaining in the deep rear... it was difficult to choose an option” [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 16. Л. 18–19; КП(б)У и Деникинщина, с. 33–34]. Furthermore, “there was no general plan in order to build underground organizations” and “throughout the four months of reaction, all in all only two directives [were sent] from the center, and only very recently” [КП(б)У за Денікінщини, 1929, с. 303, 307].

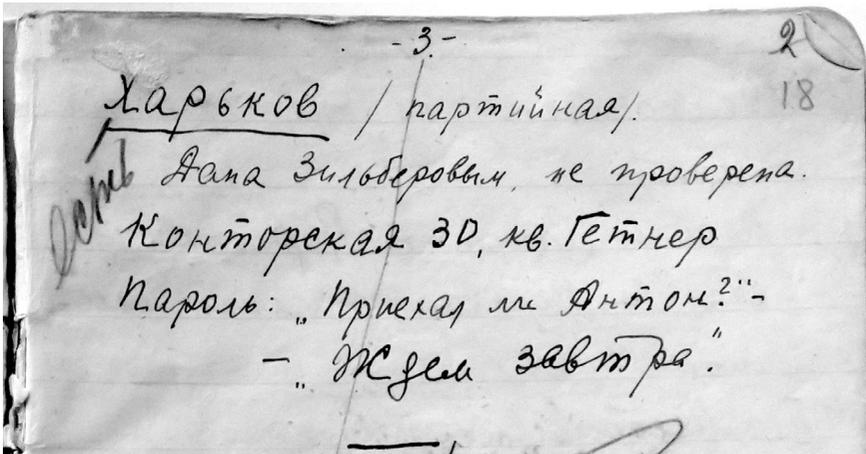
Apart from technical and political matters, which will be dealt with later, disorganization appears to have been the result of poor coordination among the many different organizations tackling the issue: “The several different existing *Zafrontbyuros* and committees to transfer people do not do anything good” [КП(б)У за Денікінщини, 1929, с. 304]. If we try to list the different bodies dealing with underground activists behind enemy lines, we find that the Central Committee of the CP(b)U alone established the organization bureau (*orgbyuro*), the *Zafrontbyuro*, the military department (*Voenotdel*), and the latter’s communications department (*Otdel svyazi*). The *Voenotdel*, which was specialized in setting up insurgent units, and the *Zafrontbyuro* were supposed to work together under the supervision of the *Orgbyuro* [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 40. Л. 11]. The *Otdel svyazi* was meant to keep in touch with the HQs of insurgent units in order to share political information and guidance, as well as provide material support [Там же. Л. 16]. Alongside the inner bodies of the CP(b)U’s CC, military intelligence (*Registrup RVSR*) was also interested in collecting information about White-occupied territories; however, it was not connected with the CP(b)U, but rather with the foreign bureaus of the Russian Communist Party (Bolsheviks) [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 5. Л. 25]. This reminds us of the special status of the CP(b)U as both a self-standing party and a branch of the RCP(b). This means that a communist from Ukraine could switch from an organ of the CP(b)U to a Ukrainian body of the RCP(b) if the former’s policy did not please him [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 16. Л. 59 об.]. Moreover, as the frontline moved westward in late 1919, party structures, whatever they were, had to coordinate with the Red Army [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 5. Л. 26; КП(б)У за Денікінщини, 1929, с. 273–274].

What can be described as chaos in the decision-making is also typical of what Marc Ferro has called the “polymorphous power” and “institutional polymorphism” that left an imprint on the Soviet state from its revolutionary origins [Ferro]. And one must not forget that this was an adaptation to real difficulties. As the frontline moved throughout the second half of 1919, so too did the *Zafrontbyuro*, from Kiev to Kremenchug, Bryansk, Moscow and eventually Serpukhov [Мишкіс, с. 248–249; КП(б)У за Денікінщини, 1929, с. 269]. Activists at its disposal were sought to enter local party cells before being sent behind enemy lines: this added to the institutional complexity and made untimely individual initiatives possible [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 16. Л. 57 об.; Ф. 1. Оп. 18. Д. 20. Л. 14; КП(б)У за Денікінщини, 1929, с. 267].

All this was a consequence of the specific type of war going on. Andrei Bubnov, a high-ranking Ukrainian Bolshevik, was aware of this: “under today’s circumstances, work behind the frontline [...must] combine the methods of ‘great’ and ‘little’ wars” [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 42. Л. 58]. Thus, three types of missions were envisaged for Bolsheviks sent behind enemy lines. First, intelligence missions would gather information of a military and, above all, political character through envoy observations and col-

lected White newspapers⁴. Second, organizational missions would aim at connecting with existing underground Bolshevik groups or setting up and strengthening such groups. Third, military missions would create and coordinate partisan units. There were two categories of envoys, “senior officials” (700 *otvetstvennyye rabotniki*) with political responsibilities and “technical workers” (100 *tekhniccheskie rabotniki*, mainly printers or military specialists) [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 5, Л. 43–45; Мишкис, с. 250].

The different bodies that organized the missions prepared lists and tables in order to manage the envoys, but their main logistical task was to provide them with money, mandates, false documents, and the addresses of *yavki* (hideouts). Money was needed to fund underground activity, but it made the envoys vulnerable to theft and ransom [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 5. Л. 51а, 51б; Ф. 1. Оп. 18. Д. 16. Л. 42]. Mandates, which had to be hidden until being exhibited as credentials to local comrades, were usually printed on fabric

3. A *yavka* (safe house) in Kharkov and its password // TsDAGOU. Stock 1. List 18. Dos. 41. F. 18

and sewn into the linings of garments. False documents were also a sensitive issue, as envoys relied on them when they were checked by the *Strazha*. Unfortunately, these were weak spots in the Central Committee’s technical organization: “three-foot-long mandates” were not suitable for secrecy, and “more than one comrade was shot because of ‘little inaccuracies’ in passports”, such as a non-existent address or an implausible date of issue [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 16. Л. 19; КП(б)У и Деникинщина, с. 34].

Many of these complaints are known thanks to envoys’ reports. Before the reconquest of Ukraine, these reports were the minutes of formal debrief-

⁴ A man caught by Denikin’s police, the *Strazha*, with a collection of newspapers would be suspected of being a Bolshevik; and if caught by the Reds, they would consider him a white agent [КП(б)У за Деникинщина, 1929, с. 268–269; ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 16. Л. 31].

ings held upon the envoy's return: a secretary wrote down the contents of the interview and the envoy signed. Those who were still in Ukraine when the Red Army came wrote their reports after the victory. Both these sources offer a very colorful picture of the missions completed by the activists.

Underground Missions under Denikin

Activists faced a very ambitious agenda, but most of them succeeded regardless of the difficulties. Among the reports of intelligence and organizational missions we examined for this study, a quarter failed⁵. Some activists were not able to pass through the frontline. Others were arrested as soon as they arrived in the White territory or became seriously ill with influenza or typhus. In some cases, envoys could not make contact with anyone during their time behind enemy lines [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 16. 20, 21, 42]. In any case, three-quarters of the reports tell how activists succeeded and embarked on what looked like very adventurous journeys. For instance, one traveled from Kiev to Krivoy Rog (Kryvyi Rih), Yekaterinoslav, Khar'kov, Kiev, Glukhov (Hlukhiv) and Briansk (1 800 km), while another left from Gomel to Poltava, Yuzovka (Donetsk), Armavir, Rostov, Lozovaya, Khar'kov, Kursk and L'gov (2 600 km), all in enemy territory except for the cities of departure and arrival. As undercover agents, they had to play roles: a railway mechanic or, more ironically, a bagger (*meshochnik*) or speculator (considered the most secure) [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 16. Л. 64, 68, 73].

The main risk was being arrested, and the reports give an interesting insight into a much-discussed topic, the counter-revolutionary repression under Denikin. The first difficult step was to cross the frontline, where one could be shot if one's papers were proven false or if one was caught by chance [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 21. Л. 1; Ф. 1. Оп. 18. Д. 42. Л. 4]. Nevertheless, the frontline was not an insurmountable barrier: the most dangerous places for underground Bolsheviks were trains and railway stations, especially due to the aforementioned persecution of "Jewish-looking" activists. This sounds quite logical for various reasons. To the astonishment of underground Bolsheviks, Denikin did not leave that many soldiers or policemen in the rear [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 5. Л. 2–5, 11; Ф. 1. Оп. 18. Д. 16. Л. 18–19]. Coaches and railway premises were much easier places to control and lockdown. Furthermore, all dubious people, thieves, smugglers, and revolutionaries alike, would be more likely to travel than the average *obyvatel'* (man on the street). When the latter went by train, they would be eager to report suspicious people to the railway guard, as they feared for their own life and security. As all society was under the stress of civil war, mutual fear and antagonism contributed to a pogrom-like atmosphere where people resorted to violence against "Jewish – looking" individuals as an outlet. Last but not least, railway guards arrested people randomly in order to ask them for bribes.

⁵ As dead people do not write accounts, reports of failures do not include the shooting of envoys.

Once in operation, an underground activist could also be arrested when the enemy carried out roundups, especially after a place had been conquered [КП(б)У за Денікінщини, 1929, с. 292]. Even the Makhnovists did so against communists [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 16. Л. 40]. Of course, the most dangerous moment was when taking action, be it leafleting or trying to steal money for the cause [КП(б)У за Денікінщини, 1929, с. 297–298]. Equally, Bolsheviks could also be arrested as soon as they were recognized as such on the street. This could happen by chance [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 16. Л. 47]⁶, but underground activists were particularly vulnerable to provocateurs. The latter were mainly former supporters of the Soviet regime who had changed sides (including Red Army officers and *Cheka* officials) [КП(б)У за Денікінщини, 1929, с. 295, 301; ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 16. Л. 16–16 об., 63, 97 об.]. Communists tried to counteract this by setting up locally some counter-counter-intelligence service through their underground organizations [КП(б)У за Денікінщини, 1929, с. 289]. Later, after the Red victory, identified provocateurs were listed, seemingly to be searched and prosecuted [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 5. Л. 48].

Once arrested, a communist risked being beaten up and being shot on the spot. One activist recalled: “I saw how those who had arrested my comrade led him across the railway line, from where one shot of a revolver was heard. I do not know about his further fate” [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 16. Л. 65]. If not executed right away, a Bolshevik could be confronted with quite varied situations after having been arrested. One saved his life by pretending he was a criminal and not a revolutionary [КП(б)У за Денікінщини, 1929, с. 297]. When identified as a communist, one could be “bestly tortured” in order to make one confess and give away one’s comrades. Nonetheless, there was a fairly simple and reliable means to save jailed comrades: to buy their lives and freedom by giving bribes to Denikin’s policemen or prison wardens. This could be done by the inmate himself if he had enough money. It could also be negotiated by a dedicated branch of the underground Bolshevik organization in town, the “Political Red Cross” [КП(б)У за Денікінщини, 1929, с. 285–286, 296; 1930, № 1, с. 238]. Hence, arrested Reds were considered “money bags” [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 42. Л. 46]: the price for freedom ranged from 2000 to 40000 rubles according to different sources. Thus, underground Bolshevik groups faced financial pressure: “Due to the lack of financial resources... comrades surely died; with money, we could have bought them back” [КП(б)У за Денікінщини, 1929, с. 297].

The possibility of buying back arrested revolutionaries shows just how loose discipline and moral standards were among the White security forces. It also suggests paradoxically that Bolshevik activists had some individual value that was recognized by their enemies, albeit in a monetary way. This contrasts sharply with other forms of “White Terror”, which was perpetrated-

⁶ Or due to mishaps of the Reds: Denikin’s intelligence found lists of Soviet officials, which were published in the press: and arrests were ordered on this basis [КП(б)У за Денікінщини, 1929, с. 302].

ed *en masse* against Red Army prisoners, petty collaborators of the defeated Soviet regime or rioting villagers⁷. The sense of one's worth can also be felt in the envoys' reports when they recall their adventurous deeds and heroic gestures. One envoy who was about to be searched shot the enemy agent with the latter's own Browning [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 20. Л. 6 об.]. Another, who was imprisoned, managed to save a fellow inmate's life by arguing that she was a very young girl and the daughter of a priest⁸. He was then beaten with sabers and bayonets and left for dead... allowing him to escape [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 16. Л. 93–93 об.]. When reading these accounts, one might think that such bravado better fits a spy or war novel than a narrative of class struggle.

From Disillusionment to Policy Shift

The social and political situation in Ukraine after the Red Army's retreat had an impact on the Bolsheviks' views and practices, as we can read in the intelligence reports written by the Party's envoys. As they considered themselves activists of "the party of the proletariat", we will concentrate mainly on the accounts they wrote about the most industrialized places, eastern Ukraine and the Donbass⁹, to see how their Marxist patterns of analysis could fit reality.

The envoys wrote captivating pieces of literature, not only when they relate their risky adventures, but also when they describe everyday life in White territory, as if they were explorers in some wild land or, more properly, time travelers in the pre-revolutionary past. Just after he had crossed the frontline, one first noticed "constables (*zhandarmy*) dressed as under the tsar". Then, peasants told him about the return of their landlords, backed by Cossacks. Further into the Donbass, he met "starved and ragged workers forced out of their houses to go to work by a bailiff (*pristav*) with a whip (*nagayka*) in his hands". This picture of brutal exploitation in the Donbass is confirmed by other Bolshevik envoys describing the "heavy situation (shooting, arrests, insufficient wages)" and workers trying to flee the region [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 20. Л. 2–2 об., 6; see also: Куромія, с. 158–159].

However, reports also describe some more disturbing facts for the Bolshevik doxa. Envoys agree in stating that markets were flourishing again after the Reds had gone: food products reappeared and prices fell [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 16. Л. 32 об., 38–39]. Although the drop in wages was

⁷ About the ill treatment of Red Army prisoners, see [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 20. Л. 4; КП(б)У и Деникинщина, с. 29]. Concerning the Judicial Inquiry Commissions against "participants of the Bolshevik sedition", see: [ЦДАГОУ. Ф. 998. Оп. 1. Д. 1; Полтавская судебно-следовательная комиссия начальника гарнизона Добровольческой армии, 1919; Ф. 1012, Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 6. Харьковская судебно-следовательная комиссия, 1919]. About "punitive units" (*karatel'nye otrjady*) in the countryside, see reports by Bolshevik envoys: [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 16. Л. 34, 55 об.; Д. 20. Л. 2; Д. 33. Л. 3, 5]. For a discussion about White Terror, see: [Bortnevski; Цветков].

⁸ She was Jewish.

⁹ Including its Russian part around Rostov.

cruelly felt, abundance had an impact on the workers' mood. Interviewed refugees from Kharkov who fled to the Reds reported that "great discontent against Denikin cannot be observed" and the local newspaper published "workers' resolutions backing Denikin" [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 5, Л. 9, 15]. Even though socialist parties were forbidden, trade unions still existed and gave shelter to leftist activists. Mensheviks headed them and dared to oppose the Whites' power by organizing (or being allowed to organize) strikes, although on a purely economic basis. [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 5. Л. 3, 6, 7; Ф. 1. Оп. 18. Д. 16. Л. 15, 32 об., 68; КП(б)У и Деникинщина, с. 29; КП(б)У за Денікінщини, 1929, с. 302, 311].

Menshevik leaders avoided raising the flag of revolution and respected the existing laws. In turn, "Denikin could play with urban democracy"¹⁰ [КП(б)У за Денікінщини, 1929, с. 310]. Menshevik leadership in the labor movement was not only based on the fact that they were less persecuted than the Bolsheviks. Envoys had to admit that this moderate policy suited the workers better. Reading some reports, communists might even think that Menshevism was a lesser evil in the political evolution of the Ukrainian working class. Railway workers were said to be on the Whites' side [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 16. Л. 32], which might have been the consequence of the conflict that sparked between the Bolsheviks and the *Vikzhel*, the railway workers' union, as early as October 1917 [see: Augustine; Rosenberg].

However, the workers' hostility toward Bolsheviks existed beyond the proletarian aristocracy of railway workers. The account of Afonin, a skilled worker and a revolutionary since 1905, is of particular interest. In 1917, he was working at the Gartman factory in Lugansk (Luhansk), a heavy steam-engine factory employing 5,000 workers. He was the secretary of a Bolshevik organization, was elected to the local soviet, and worked closely with Voroshilov. In early 1918, the factory was a Bolshevik stronghold, providing Red guards to fight against the Germans. Thus, Afonin became a Red soldier and fought at Tsaritsyn later that same year [Гражданская война, с. 140–141; Великий Жовтень, с. 45, 132]. He was in Kiev when the city fell into the hands of Denikin's troops in August 1919. After 150 Kievian Bolsheviks were arrested and shot, he headed to the Donbass and managed to get hired back at the Gartman factory. He proposed setting up a Bolshevik group to two colleagues: "They refused to work for the party cell, invoking the workers' anti-Soviet counter-revolutionary mood, which I had noticed; I saw how some comrades had been grabbed from their workbenches by White policemen and how some workers were pleased about it. <...> Red Lugansk was red until conscious comrades retreated, but, under Denikin, Lugansk was bright white" [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 20. Л. 10].

Being uprooted from the toiling masses, Bolshevik underground groups could not rely on a web of sympathizers and were more vulnerable to re-

¹⁰ "Democracy" is used in the meaning coined in February 1917, as a synonym for socialist parties.

pression. This explains the successive *provaly* (collapses) of illegal party and revolutionary committees in various cities. Organizational failures and the inability to influence the working class provoked bitter discussions and political reassessments in the underground. In Khar'kov, some recently dispatched activists stuck to the old party line, highlighting the need to strengthen party groups first, whereas locals stated that "along with organizational work, the military department must be instructed to help disorganize the enemy's rear by all means necessary" [КП(б)У и Деникинщина, с. 26]. This course toward the organization of sabotage and insurgent groups could not be implemented in Khar'kov, where most party committee members were soon arrested. However, in Lugansk after the failure of factory militancy, "people were sent to nearby environs... and it was soon possible to organize 18 villages and four mining communities, aiming at setting up groups of fighters rather than of party members" [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 16. Л. 16 об.]. Lugansk insurgents succeeded, for instance, in sabotaging the railway [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 20. Л. 12 об.]. Similarly, the party cell in Potok, a suburb of Kremenchug, decided to hinder the Whites' war effort "by means of terror", "despite the fact that a partisan group is contrary to the program of the party, but taking into account today's situation". Nonetheless, they would at least "try to form a purely communist group" [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 5. Л. 79–80].

In fact, although they thought they were straying from the Party's program, the Bolsheviks from Potok were sticking to the Party line, or at least to the line of some party bodies. Since the summer, the military department of the CP(b)U had been enforcing the establishment of partisan units in Denikin's rear. This was no easy task. The war-like reaction of the White forces was even more bloody than the repression in towns. Peasants were defiant towards commissars, Jews, and "the commune" and were thus more inclined to follow Petlyurists or Makhnovists than communists [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 5. Л. 20a–20б. Д. 16. Л. 13 об. Д. 20. Л. 8–9 об. Д. 42. Л. 5–6]. Still, the reports about Bolshevik leadership in peasant partisan units are impressive. Envoys with no local connections could become the commanders of spontaneous groups made up of left nationalists (*borot'bysty*) or socialists, even if they arrived straight from Moscow [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 42. Л. 7, 53, 62]. This means that whereas the urban working class was apathetic in the second half of 1919, the Ukrainian peasantry was rising once again, looking for cadres able to guide the insurgency. The Bolsheviks proved to have both the organizational and political skills for this.

* * *

The *Zafrontbyuro* and the communications department of the CP(b)U's CC called the activists sent behind enemy lines "agents", a term that activists themselves used [КП(б)У за Денікінщини, с. 264; ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 16. Л. 62 об.; Ф. 1. Оп. 18. Д. 42. Л. 16–17]. It was an accurate word, as the activists were mostly involved in spying and setting up irreg-

ular armed units. By doing so, they contributed to ousting Denikin from Ukraine. However, this was a sharp shift from their original class-oriented militancy. The CP and Red Army apparatuses exercised objective pressure in this direction. Subjectively, political reality proved to be different from their Marxist blueprint: "We are welcomed by peasants whereas workers are indifferent" [КП(б)У за Денікінщини, 1929, с. 310].

This forced the Bolsheviks to adapt not only their political practices but also their worldview, which had long-lasting consequences, beginning with the last days of 1919. Henceforth, the CP(b)U's course sharply differed from that a year earlier. First, a new personnel policy was implemented by instruction of the RCP(b) in order to prevent "the inundation of Soviet institutions with elements of the Ukrainian urban petty bourgeoisie, devoid of understanding of the living conditions of the broad peasant masses and often cloaking themselves with the banner of communism". In plain words, this meant cutting off the flux of Jewish communists [Pavliuchenkov, p. 34]. Meanwhile, the radical and equalitarian agrarian policy of early 1919 was dropped in favor of "striving for reconciliation with the middle peasantry" [Раковский, с. 19; see: Aunoble, 2008, p. 178–184]. In turn, this peasant-friendly orientation also strengthened the Ukrainian national-communist current. An envoy in western Ukraine reported in late 1919 about the positive reception of Bolshevism in nationalist milieus [ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 16. Л. 3–9 об., 50–50 об.; the report was published at the peak of the Ukrainisation policy: Попов, с. 43–50].

On the complex stage of Ukrainian society, the Bolsheviks now played a quite new role. "Proletarian revolutionaries" led armed peasants (as partisans or Red soldiers) to penetrate Ukrainian industrial cities just like conquerors invading foreign soil [Кульчицкий, т. 1, с. 414–415]. Although Ukrainian peasant support for the Reds would not outlast the winter of 1919–1920, the Bolsheviks' mistrust towards the mass of workers also became permanent. In December 1919, Zatonsky declared that Donbass miners' "proletarian consciousness, which was already low, is now completely crushed" [Quoted by Куромія, с. 172–173]. A Khar'kov activist would later remember that "at the first party meeting [after the liberation of the city], there were 300 people claiming to be communists and considering that hiding and not doing anything had been a great help for us" under Denikin [ДАХО. Ф. П10. Оп. 1. Д. 344. Л. 34]. Thus, the communist activists worked and lived more and more amongst themselves, just like the aristocracy they thought they were [Aunoble, 2015, p. 243–245].

Closed to the surrounding population, the communist elite was nonetheless far from united. The defiance of field activists toward the Party's apparatus, which sent them with improper credentials, and the way some ignored the leadership's directives was not forgotten in the Communist Party of Ukraine, which was always bitterly divided into competing factions. The publication of archival material recalling some people's failures easily became a weapon in internal squabbles, as footnotes explained that such and such had become oppositionists [КП(б)У за Денікінщини, 1929, с. 322–323].

Last but not least, peasant guerrilla warfare became a tool in the communist toolbox. The experience of Siberian [see: Pereira] and Ukrainian partisans was taught in the Soviet Union [Дробов, с. 110–160]. In 1936, the Komintern senior activist Walter (Tito) probably attended “courses in guerrilla warfare and espionage organized by the Cadres Department at the so-called ‘Partisan Academy’ in Riazan in reaction to the Spanish Civil War” [Pirjevec, p. 26]. During World War Two, Soviet and Yugoslavian communists would make partisan warfare a distinctive trait of communist struggle, and Chinese communists would soon control the most populous country on Earth by these means. Ukraine in 1919 was one of the first laboratories where this move from labor militancy to peasant insurgency was experimented with.

Список литературы

Великий Жовтень і громадянська війна на Україні : Енцикл. довід / відп. ред. І. Ф. Курас. Київ : Гол. ред. УРЕ, 1987. 630 с.

Гражданская война и военная интервенция в СССР : энциклопедия / гл. ред. С. С. Хромов. 2-е изд. М. : Сов. энцикл., 1987. 720 с.

ДАХО. Ф. П10. Оп. 1. Д. 344.

Дорошко М. Номенклатура: керівна верхівка Радянської України (1917–1938 рр.). Київ : Ніка-Центр, 2008. 365 с.

Дробов М. А. Малая война: партизанство и диверсии. 1931. М. : Альм. «Вымпел», 1998. 416 с.

КП(б)У за Денікінщини : [документи] // Летопись революции. 1929. № 5–6. С. 254–324.

КП(б)У и Деникинщина – Из материалов Зафронтбюро // Летопись революции. 1925. № 1. С. 25–36.

Кульчицкий С. Червоний виклик : Історія комунізму в Україні від його народження до загибелі : в 3 т. Київ : Темпора, 2013. Т. 1. 503 с.

Куромія Г. Свобода і терор у Донбасі : Українсько-російське прикордоння, 1870–1990-і роки. Київ : Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2002. 510 с.

КП(б)У за денікінщини : Місцеві підпільні парторганізації – київська та одеська : [документи] // Летопись революции. 1930. № 1. С. 221–241.

Майстренко І. Історія комуністичної партії України. Нью-Йорк : Сучасність, 1979. 259 с.

Мишкис Х. КП(б)У за Денікінщини до документів // Летопись революции. 1929. № 5–6. С. 248–253.

Павлюченков С. «Орден меченосцев» : Партия и власть после революции. 1917–1928. М. : Собрание, 2008. 463 с.

Попов П. Петлюровское подполье на правобережной Украине – Путишествие в УНР (доклад в Зафронтбюро ЦК КП(б)) // Летопись революции. 1926. № 2. С. 31–50.

Раковский Х. Отчет рабоче-крестьянского правительства Украины IV-му Всеукраинскому съезду советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 16–20 мая 1920 г. : с прил. резолюции Съезда и резолюций Центрального исполнительного комитета. Харьков : Всеукр. изд-во, 1920. 35 с.

Случевская С. Я. Деятельность Зафронтбюро ЦК КП(б)У (июль – декабрь 1919 года) : дис. канд. ист. наук. Киев : [Б. и.], 1966. 310, XXVIII с.

Фролов М. О. Компартійно-радянська еліта в УСРР (1917–1922 рр.) : Становлення і функціонування. Запоріжжя : Прем’єр, 2003. 448 с.

Хвильовий М. Из Варіної біографії [1928] // Хвильовий М. Новели, оповідання. Київ : Наукова думка, 1995. С. 389–410.

Цветков В. Ж. Репрессивное законодательство белых правительств // Вопр. истории. 2007. № 4. С. 16–26.

- ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 5, 16, 20, 21, 40, 42, 47.
- Abramson H.* A Prayer for the Government: Ukrainians and Jews in Revolutionary Times, 1917–1920. Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Press, 1999. 255 p.
- Augustine W. R.* Russia's Railwaymen, July – October 1917 // *Slavic Rev.* 1965. Vol. 24. № 4. P. 666–679.
- Aunoble É.* « Le communisme tout de suite ! », Le mouvement de communes en Ukraine soviétique 1919–1920. Paris : Les Nuits Rouges, 2008. 286 p.
- Aunoble É.* « Communistes, aux armes ! » : les unités à destination spéciale (TchON) au sortir de la guerre civile en Ukraine (1920–1924) // *Hispania Nova.* 2015. №13 / Amnis. 2015. № 14. P. 232–246. DOI 10.4000/amnis.2392.
- Bortnevski V.* White Administration and White Terror (the Denikin Period) // *Russian Rev.* 1993. № 3. P. 354–366. DOI 10.2307/130735.
- Ferro M. Y.* a-t-il « trop de démocratie » en URSS ? // *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations.* 1985. № 4. P. 811–827.
- History of the Communist Party of the Soviet Union (Bolsheviks) : Short Course / ed. by Commission of the Central Committee of the CPSU(b). N. Y. : Intern. Publ., 1939. 364 p.
- Hunczak T.* The Ukraine, 1917–1921: A Study in Revolution. Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Press, 1977. 424 p.
- Pavliuchenkov S.* The Jewish Question in the Russian Revolution, or Concerning the Reasons for the Bolsheviks' Defeat in the Ukraine in 1919 // *Revolutionary Russia.* 1997. № 10.2. P. 25–36. DOI 10.1080/09546549708575671.
- Pereira N. G. O.* The Partisan Movement in Western Siberia, 1918–1920 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 1990. Neue Folge. Bd. 38. H. 1. P. 87–97.
- Pirjevec J.* Tito and His Comrades. Madison, Wisconsin : Univ. of Wisconsin Press, 2018. 535 p.
- Rabinowitch A.* Prelude to Revolution: The Petrograd Bolsheviks and the July 1917 Uprising. Bloomington ; L. : Indiana Univ. Press, 1968. 229 p.
- Rabinowitch A.* The Bolsheviks Come to Power. Vol. 2: The Revolution of 1917 in Petrograd. N. Y. : W. W. Norton & Co., 1976. XXXIII, 393 p.
- Rabinowitch A.* The Bolsheviks in Power: The First Year of Soviet Rule in Petrograd. Bloomington : Indiana Univ. Press, 2007. 495 p.
- Rosenberg W. G.* The Democratization of Russia's Railroads in 1917 // *The Am. Historical Rev.* 1981. Vol. 86. № 5. P. 983–1008.
- Ulam A.* The Bolsheviks: The Intellectual and Political History of the Origins of the Triumph of Communism in Russia. N. Y. : Macmillan ; L. : Collier-Macmillan, 1965. IX, 598 p.

References

- Abramson, H. (1999). *A Prayer for the Government: Ukrainians and Jews in Revolutionary Times, 1917–1920*. Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press. 255 p.
- Augustine, W. R. (1965). Russia's Railwaymen, July – October 1917. In *Slavic Rev.* Vol. 24. No. 4, pp. 666–679.
- Aunoble, É. (2008). “*Le communisme tout de suite !*”, *Le mouvement de communes en Ukraine soviétique 1919–1920*. Paris, Les Nuits Rouges. 286 p.
- Aunoble, É. (2015). “Communistes, aux armes!” : les unités à destination spéciale (TchON) au sortir de la guerre civile en Ukraine (1920–1924). In *Hispania Nova*. No. 13 / Amnis. No. 14, pp. 232–246. DOI 10.4000/amnis.2392.
- Bortnevski, V. (1993). White Administration and White Terror (the Denikin Period). In *Russian Rev.* No. 3, pp. 354–366. DOI 10.2307/130735.
- Commission of the Central Committee of the CPSU(b). (Eds.). (1939). *History of the Communist Party of the Soviet Union (Bolsheviks). Short Course*. N. Y., Intern. Publ. 364 p.

- DAKhO [State Archive of the Kharkiv Region]. Stock P10. List 1. Dos. 344.
- Doroshko, M. (2008) *Nomenklatura: kerivna verkhivka Radyans'koï Ukraïni (1917–1938 rr.)* [Nomenklatura: The Top Leadership of Soviet Ukraine (1917–1938)]. Kiïv, Nika-Tsentr. 365 p.
- Drobov, M. A. (1998). *Malaya voïna: partizanstvo i diversii. 1931* [The Little War: Resistance Movement and Subversion. 1931]. Moscow, Al'manakh "Vympel". 416 p.
- Ferro, M. (1985). Y a-t-il "trop de démocratie" en URSS? In *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*. No. 4, pp. 811–827.
- Frolov, M. O. (2003). *Kompartiino-radyans'ka elita v USRR (1917–1922 rr.). Stanovlennya i funktsionuvannya* [The Communist-Soviet Elite in Soviet Ukraine (1917–1922). Establishment and Functioning]. Zaporizhzhya, Prem'yer. 448 p.
- Hunczak, T. (1977). *The Ukraine, 1917–1921: A Study in Revolution*. Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press. 424 p.
- Khromov, S. S. (Ed). (1987). *Grazhdanskaya voïna i voennaya interventsia v SSSR. Entsiklopediya* [The Civil War and the Military Intervention in the USSR. Encyclopaedia], 2nd Ed. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. 720 p.
- Khvil'ovii, M. (1995). Iz Varinoï biografii [From Varvara's Biography]. In Khvil'ovii, M. *Noveli, opovidannya*. Kiïv, Naukova dumka, pp. 389–410.
- KP(b)U i Denikinshchina – Iz materialov Zafrontbyuro [The CP(b)U and Denikin's Rule – From the Materials of the Zafrontbyuro]. (1925). In *Letopis' revolyutsii*. No. 1, pp. 25–36.
- KP(b)U za Denikinshchini. Dokumenti [The CP(b)U under Denikin. Documents]. (1929). In *Letopis' revolyutsii*. No. 5–6, pp. 254–324.
- Kul'chitskii, S. (2013). *Chervonii viklik. Istoriya komunizmu v Ukraïni vid iogo narodzhennya do zagibeli v 3 t.* [The Red Challenge. The History of Communism in Ukraine from Birth to Death. 3 Vols.]. Kiïv, Tempora. Vol. 1. 503 p.
- Kuras, I. F. (Ed). (1987). *Velikii Zhovten' i gromadyans'ka viïna na Ukraïni. Entsiklopedichnii dovid* [Great October and the Civil War in Ukraine. An Encyclopaedic Reference Book]. Kiïv, Golovna redaktsiya Ukraïns'koï radyans'koï entsiklopedii. 630 p.
- Kuromiya, G. (2002). *Svoboda i teror u Donbasi: Ukraïns'ko-rosiï's'ke prikordonna 1870–1990-i roki* [Freedom and Terror in the Donbass: The Ukrainian-Russian Borderland, 1870–1990s]. Kiïv, Vidavnitstvo Solomii Pavlichko "Osnovi". 510 p.
- KP(b)U za Denikinshchini. Mistsevi pidpil'ni partorganizatsii – kiïvs'ka ta odes'ka. Dokumenti [The CP(b)U under Denikin. Local underground Party organizations in Kyiv and Odesa]. Documents (1930). In *Letopis' revolyutsii*. No. 1, pp. 221–241. [Annals of the Revolution]. (1930). No. 1.
- Maistrenko, I. (1979). *Istoriya komunistichnoi partii Ukraïni* [History of the Communist Party of Ukraine]. N. Y., Suchasnist'. 259 p.
- Mishkis, Kh. (1929). KP(b)U za Denikinshchini do dokumentiv [The CP(b)U under Denikin – Foreword to Documents]. In *Letopis' revolyutsii*. No. 5–6, pp. 248–253.
- Pavliuchenkov, S. (1997). The Jewish Question in the Russian Revolution, or Concerning the Reasons for the Bolsheviks' Defeat in the Ukraine in 1919. In *Revolutionary Russia*. No. 10.2, pp. 25–36. DOI 10.1080/09546549708575671.
- Pavliuchenkov, S. (2008). "Orden mechenostsev". *Partiya i vlast' posle revolyutsii. 1917–1928* [The "Brotherhood of the Sword". The Party and Power after the Revolution. 1917–1928]. Moscow, Sobranie. 463 p.
- Pereira, N. G. O. (1990). The Partisan Movement in Western Siberia, 1918–1920. In *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Neue Folge. Bd. 38. H. 1, pp. 87–97.
- Pirjevéc, J. (2018). *Tito and His Comrades*. Madison, Wisconsin, Univ. of Wisconsin Press. 535 p.
- Popov, P. (1926). Petlyurovskoe podpol'e na pravoberezhnoi Ukraïne – Putishchestvie v UNR (doklad v Zafrontbyuro TsK KP(b)) [The Petlyurist Underground in Right-Bank Ukraine – A Journey in the Ukrainian People's Republic (Report to the Zafrontbyuro)]. In *Letopis' revolyutsii*. No. 2, pp. 31–50.

- Rabinowitch, A. (1968). *Prelude to Revolution: The Petrograd Bolsheviks and the July 1917 Uprising*. Bloomington, L., Indiana Univ. Press. 229 p.
- Rabinowitch, A. (1976). *The Bolsheviks Come to Power: Vol. 2: The Revolution of 1917 in Petrograd*. N. Y., W. W. Norton & Co. XXXIII, 393 p.
- Rabinowitch, A. (2007). *The Bolsheviks in Power: The First Year of Soviet Rule in Petrograd*. Bloomington, Indiana Univ. Press. 495 p.
- Rakovskii, Kh. (1920). *Otchet raboche-krest'yanskogo pravitel'stva Ukrainy IV-mu Vseukrainskomu s"ezdu sovetov rabochikh, krest'yanskikh i krasnoarmeiskikh deputatov 16–20 maya 1920 g. S prilozheniem rezolyutsii S"ezda i rezolyutsii Tsentral'nogo ispolnitel'nogo komiteta* [Report of the Workers' and Peasants' Government... 16–20 May 1920]. Kharkov, Vseukrainskoe izdatel'stvo. 35 p.
- Rosenberg, W. G. (1981). The Democratization of Russia's Railroads in 1917. In *The Am. Historical Rev.* Vol. 86. No. 5, pp. 983–1008.
- Sluchevskaya, S. Ya. (1966). *Deyatel'nost' Zafrontbyuro TsK KP(b)U (iyul' – dekabr' 1919 goda)* [The Activities of the Zafrontbyuro by the CC of the CP(b)U]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Kiïv, S. n. 310, XXVIII p.
- TsDAGOU* [Central State Archive of the Public Associations of Ukraine]. Stock 1. List 18. Dos. 5, 16, 20, 21, 40, 42, 47.
- Tsvetkov, V. Zh. (2007). Repressivnoe zakonodatel'stvo belykh pravitel'stv [The Repressive Laws of the White Governments]. In *Voprosy istorii*. No. 4, pp. 16–26.
- Ulam, A. (1965). *The Bolsheviks: The Intellectual and Political History of the Origins of the Triumph of Communism in Russia*. N. Y., Macmillan, L., Collier-Macmillan. IX, 598 p.

The article was submitted on 11.06.2020

**УКРАИНСКАЯ НАРОДНАЯ ГРОМАДА
В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ: УКРАИНСКИЕ
КОНСЕРВАТОРЫ, РУССКИЕ ГОСУДАРСТВЕННИКИ
ИЛИ МАЛОРОССИЙСКИЕ ПАТРИОТЫ?***

Антон Чемакин

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

**THE UKRAINIAN PEOPLE'S GROMADA
IN THE CIVIL WAR: UKRAINIAN CONSERVATIVES,
RUSSIAN STATISTS, OR LITTLE RUSSIAN PATRIOTS?*****

Anton Chemakin

St Petersburg State University,
St Petersburg, Russia

This article is devoted to the Ukrainian People's Gromada (UPG), the organisation of Little Russian landlords which played a prominent part in the political life of Ukraine and South Russia during the Civil War. Ukrainian historiography treats the UPG as an organisation of Ukrainian conservatives and assigns it the key role in the Hetman coup d'état of April 1918. There is also a widespread opinion that the Gromada was dissolved immediately after Hetman P. P. Skoropadsky took power. This work aims to reconsider traditional views on UPG and, with reference to new archival sources, prove the following: the role of the Gromada in the coup d'état was exaggerated considerably; the UPG continued to exist after Skoropadsky took power; and one can doubt the "Ukrainian" nature of the organisation, despite its name. Based on Skoropadsky's memoirs and the accounts of other witnesses,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00414 «Богдановцы против мазепинцев»: русское движение Киева в 1917–1919 гг.». Автор выражает искреннюю признательность С. В. Машкевичу и А. И. Миллеру за помощь, ценные советы и замечания.

** *Citation*: Chemakin, A. (2021). The Ukrainian People's Gromada in the Civil War: Ukrainian Conservatives, Russian Statists, or Little Russian Patriots? In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 1. P. 109–122. DOI 10.15826/qr.2021.1.568.

Цитирование: Chemakin A. The Ukrainian People's Gromada in the Civil War: Ukrainian Conservatives, Russian Statists, or Little Russian Patriots? // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 1. P. 109–122. DOI 10.15826/qr.2021.1.568 / Чемакин А. Украинская народная громада в Гражданской войне: украинские консерваторы, русские государственники или малороссийские патриоты? // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 1. С. 109–122. DOI 10.15826/qr.2021.1.568.

as well as some German sources, the author proves that the Gromada was not the leading force in the coup d'état, but only the organisation which prepared lists of candidates to be included in the new government. The sources kept in the Central State Archives of the Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine and the Hoover Institution Archives that are devoted to the activities of the UPG from the summer of 1918 to the spring of 1919 have not been made public previously. After the directorate seized power, the leaders of the Gromada fled from Kiev to Odessa. There they took part in local political intrigues and tried to distance themselves from Hetman Skoropadsky and the project of the Ukrainian state. The UPG leaders, who had previously viewed themselves as Ukrainian "samostiyniks", now proclaimed that they were not Ukrainians, but Little Russians and "Russian statist". An attempt is made to analyse the reasons why UPG members moved from the Russian political camp to the Ukrainian one and back several times in a comparatively short period. Based on research in the field of "nationalism studies", the author concludes that the Gromada members had traditional, pre-modern views on the nation (in this case as a corporation of Little Russian nobility), which, together with their desire to adapt to the ever-changing political situation and fight for their privileges and economic interests, made it possible for them to keep joining Russian and Ukrainian nationalists interchangeably without perceiving their actions as national treason. The study of this topic makes it possible to address the Little Russian nobility's behaviour in the Civil War and their attempts to integrate into Ukrainian or Russian national projects.

Keywords: Ukrainian People's Gromada, Ukrainian Nationalism, Russian Nationalism, Little Russia, Ukrainian State, Russian Civil War

Статья посвящена Украинской народной громаде (УНГ) – организации малороссийских помещиков, игравшей заметную роль в политической жизни Украины и Юга России в годы Гражданской войны. Украинская историография рассматривает УНГ как организацию украинских консерваторов и отводит ей ключевую роль в гетманском перевороте апреля 1918 г. Распространено мнение, что Громада прекратила свое существование сразу же после прихода к власти гетмана П. П. Скоропадского. Цель работы – рассмотреть масштаб участия Громады в перевороте 1918 г., временные границы ее существования и вопрос о том, можно ли поставить под сомнение национально-этнический характер организации. В статье с привлечением немецких источников и свидетелей событий (воспоминаний П. П. Скоропадского) доказывается, что Громада была не движущей силой переворота, а всего лишь организацией, готовившей списки кандидатов в новое правительство. Впервые вводимые в научный оборот источники из Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины и Гуверовского архива показывают деятельность УНГ летом 1918 – весной 1919 г. Бежав в Одессу из Киева после прихода к власти Директории, руководители Громады приняли активное участие в местных политических интригах, попытались всячески отмежеваться от своей связи с гетманом Скоропадским и проектом Украинской державы. Вожди УНГ, ранее позиционировавшие себя как украинских самостийников, заявляли, что они не украинцы, а мало-

россы и «русские государственники». В статье предложено объяснение того, чем руководствовались участники УНГ, несколько раз переходившие из русского лагеря в украинский и обратно за сравнительно короткий промежуток времени. С опорой на исследования в области «nationalism studies» делается вывод, что для членов Громады были характерны традиционные представления о нации (в данном случае – как о корпорации малороссийских дворян), что вкупе с желанием приспособиться к изменяющейся политической конъюнктуре и стремлением отстоять свои привилегии и экономические интересы предопределяло переход от украинских националистов к русским, не трактуя эти действия как национальную измену. Изучение данной темы позволяет обратиться к вопросам поведения малороссийского дворянства в условиях Гражданской войны и его попыток встроиться в украинский или русский национальные проекты.

Ключевые слова: Украинская народная громада, украинский национализм, русский национализм, Малороссия, Украинская держава, Гражданская война в России

Ни одно исследование, посвященное режиму гетмана Украинской державы П. П. Скоропадского, не обходится без упоминания Украинской народной громады (УНГ) – структуры, якобы организовавшей гетманский переворот 29 апреля 1918 г. и воплощавшей в себе идеи украинского консерватизма [Геращенко; Папакін; Гай-Нижник; Любовец, с. 376–383]. В статье, опубликованной в «Энциклопедии истории Украины» (2019) и, по большому счету, подводящей определенную черту под исследованиями данной темы в украинской историографии, утверждается, что УНГ – это «политическая организация консервативного направления, созданная в конце марта 1918 [г.] в Киеве с целью смены государственного устройства Украины». В середине апреля 1918 г. Громада «вошла в контакт с немецким оккупационным командованием, при его содействии разработала и осуществила гетманский переворот 29 апреля 1918 [г.], после которого прекратила существование» [Бойко].

На наш взгляд, роль УНГ в гетманском перевороте сильно преувеличивается украинскими исследователями, занимающимися данной темой, – эта традиция идет еще от министра иностранных дел Украинской державы Д. И. Дорошенко, утверждавшего в «Истории Украины» (1930), что переворот был подготовлен членами УНГ [Дорошенко, с. 35]. Однако Громада не распалась в конце весны 1918 г., а просуществовала как минимум до начала 1919 г. Обнаруженные нами источники позволяют по-новому взглянуть на историю данной «партии» и даже задать вопрос: а можно ли вообще считать Украинскую народную громаду собственно украинской организацией?

Украинская народная громада была создана в марте 1918 г. после изгнания большевиков из Киева немцами. Генерал-лейтенант Павел Петрович Скоропадский, ясно понимавший абсолютную

недееспособность Центральной рады и украинских социалистических партий, пришел к решению создать умеренно-правую демократическую, но не социалистическую украинскую партию [Скоропадський, с. 123–124]. Он вошел в контакт с группой консервативно настроенных общественных деятелей, разделявших его взгляды, и в течение первой половины марта 1918 г. появилась на свет программа УНГ, написанная на русском языке и состоявшая из 39 пунктов. Среди прочего Громада ставила своей задачей «создание твердых основ для достижения самобытности, процветания, единства и самостоятельности вновь возрожденной Украины», а также «развитие идеи национального единства всех украинцев». Провозглашалось, что дело-производство во всех государственных учреждениях должно вестись на «украинском народном языке как государственном», но для частных лиц наряду с украинским допускался русский язык, а в Юго-Западном крае также и польский [ГАКО. Ф. Р-2793. Оп. 2. Д. 748. Л. 1; VArch-MA. N46/172. Bl. 59]. Программа УНГ носила умеренный характер и, по большому счету, не очень сильно отличалась от кадетской, за исключением определенного уклона в сторону украинского национализма.

Первое собрание УНГ состоялось на квартире богатого полтавского помещика Николая Николаевича Сахно-Устимовича, принадлежавшего к старинному малороссийскому казацкому роду. Он, очевидно, симпатизировал украинству, впрочем, не столько в политическом смысле, сколько в культурном, но до 1917 г. никакого отношения к организованному украинскому национальному движению не имел и придерживался монархических взглядов, за что известный украинский деятель Е. Х. Чикаленко называл его «украинским черносотенным помещиком» [Чикаленко, с. 70]. Именно Сахно-Устимович, а не Скоропадский стал первым председателем УНГ. Идея необходимости избрания гетмана с диктаторскими полномочиями появилась лишь во второй половине марта – в Громаде ее начал проповедовать член Товарищества украинских юристов Парчевский. Скоропадский вспоминал:

Я полагал, что партия разрастется, укрепится, голос ее будет слышен в стране, а затем думал, что можно будет постепенно перейти к идее гетманства. Никаких переворотов я не хотел в то время и о них не думал [Скоропадський, с. 133–135].

Это подтверждает и интервью гетманского секретаря И. В. Полтавца-Острияницы, опубликованное в новочеркасском «Вечернем времени» в начале лета 1918 г. Описывая события, предшествовавшие перевороту, Полтавец-Острияница рассказал, что первоначально Скоропадский не думал о свержении Рады, а «его намерения клонились к тому, чтобы смягчить социальные противоречия и объединить все украинские партии в одной “общеукраинской громаде”» [Пиленко].

В рядах Громады практически не было людей, принадлежавших до 1917 г. к украинскому движению, зато имелись выходцы из черно-сотенно-монархических кругов, после революции мимикрировавших под украинцев. Одним из них был Ефим Емельянович Котов-Коношенко, бывший председатель харьковского отдела Союза русского народа, познакомившийся со Скоропадским в начале 1918 г. Гетман вспоминал:

Он сообщил мне, что он украинский помещик Харьковской губернии, организовал казаков в Харьковщине, был где-то украинским комиссаром, но одновременно с этим принадлежал, я это потом узнал, к каким-то правым организациям [Скоропадский, с. 104].

Другой видный член УНГ киевский помещик Михаил Львович Гижицкий был двоюродным племянником одного из лидеров Всероссийского национального союза А. С. Гижицкого. В начале 1918 г. Гижицкий, по словам сотрудника «Киевлянина» В. А. Лазаревского, готовил переворот против «этой сволочи» из Центральной рады. Он и его соратники на деньги, полученные от «союзников» (по-видимости, от французской миссии генерала Табуи) формировали «кош», лишь формально подчинявшийся украинским властям. Монархист Гижицкий рассказывал о своей задумке:

Прежде всего мы ненавидим социализм... Мы не можем строить планов для всей России. Теперь каждый должен работать для того края, где он родился и живет. Мы хотим восстановить порядок на Украине. А там видно будет [Лазаревский, с. 8].

Впрочем, его появление в украинском лагере у старых украинских активистов никакого воодушевления явно не вызывало. Особенно их возмущало то, что люди наподобие Гижицкого называли себя украинцами, но при этом не знали украинского языка [Чикаленко, с. 67].

В середине апреля 1918 г. стало известно, что на 12 мая назначено открытие Украинского учредительного собрания, в котором доминировали украинские эсеры. Возникла идея опередить социалистов и в противовес им провести съезд хлеборобов [Скоропадский, с. 138]. Роль УНГ в осуществлении переворота была, на наш взгляд, второстепенной. К этому моменту уже ходили разговоры о смене министерства и замене министров-социалистов более культурными и работоспособными людьми. Разные партии предлагали своих кандидатов в министры, вступали в контакты с немцами, но первоначально все же предполагалось, что замена министерства произойдет более или менее мирным путем, без переворота. Свой список предложила и УНГ. Согласно свидетельству Скоропадского, председателем Совета министров должен был стать Н. Н. Сахно-Устимович, министром народного здоровья – В. Ю. Любинский, министром путей

сообщения – Б. А. Бутенко. М. Л. Гижицкий также хотел быть министром, «но из-за его нрава и нескольких неминистерских выходов этот номер не проходил». Скоропадскому предлагали роль военного министра, но он отказался, сославшись на то, что всегда был строевым начальником [Скоропадский, с. 139]¹.

Хотя механизм переворота был уже запущен, Громада стояла несколько в стороне от основных событий, да и Скоропадский не был ее безоговорочным лидером. Несмотря на активное участие отдельных деятелей УНГ в свержении Центральной рады, вряд ли можно говорить, что переворот был совершен Громадой. В заговоре, организованном при благосклонном отношении немцев, но без прямых указаний из Берлина [Ланник, с. 284–289], участвовала коалиция различных организаций и групп, порой совершенно противоположных по своей национальной и социальной ориентации, объединила которые – и то уже на позднем этапе, в последние дни апреля – лишь фигура Скоропадского. Весьма показателен следующий эпизод: заговорщики боялись, что Н. Н. Сахно-Устимович, которому Скоропадский после некоторых сомнений все же решил предложить пост премьер-министра уже в своем собственном «гетманском» правительстве, расскажет кому-нибудь о готовящемся перевороте и тем самым повредит делу, и именно поэтому долгое время председатель Громады даже не знал, что планируются разгон Рады и провозглашение гетманства, думая, что речь идет всего лишь о новом составе министерства Украинской Народной Республики (УНР). В курс дела его ввели чуть ли не в самый последний момент [Скоропадский, с. 151]. Таким образом, участники УНГ были лишь одной из множества групп, участвовавших в заговоре против Центральной рады, а роль Громады как организации свелась к составлению списка кандидатов в министры.

29 апреля 1918 г. Скоропадский на съезде хлеборобов был провозглашен гетманом, Центральная рада была свергнута, а УНР превратилась в Украинскую державу. После прихода гетмана к власти некоторые видные деятели Громады, как и планировалось, получили министерские посты: Любинский стал министром народного здоровья и попечительства, Бутенко – министром путей сообщения. Председатель Громады Сахно-Устимович в течение одного дня был председателем (атаманом) Совета министров, но он совершенно не годился на эту должность. Не справившись с формированием кабинета министров, он был вынужден под предлогом болезни отойти от дел. Возможно, он продолжал оставаться председателем Громады, но никакой активности в политических вопросах больше не проявлял, и фактически с лета

¹ Сохранился черновой вариант списка нового правительства на немецком языке от 23 апреля 1918 г., в котором Скоропадский фигурирует в качестве военного министра, Бутенко – министра путей сообщения, Сахно-Устимович – министра-президента (председателя). В списке нет Любинского, зато есть Гижицкий в качестве министра сельского хозяйства, причем про него отдельно отмечено, что он выдвинут «von der Gromada Partei» [BArch-MA. N 46/172. Bl. 83–83].

1918 г. руководство организацией перешло в руки Е. Е. Котова-Коношенко, ставшего бунчуковым товарищем гетмана и членом президиума Генеральной казацкой рады, и Гижицкого, непродолжительное время занимавшего пост государственного секретаря Украинской державы. Впрочем, инициативы, выдвигаемые новыми лидерами Громады, особой поддержки не получали. Однажды Котов-Коношенко подал составленное им совместно с историком А. В. Стороженко прошение, в котором предлагалось организовать при гетмане совет из представителей видных и знатных родов, живущих на Украине, но гетман отказался, заявив, что пока что такой «звездной палаты» при себе иметь не желает [Скоропадський, с. 252]. Новое «черносотенное» руководство Громады реальных властных полномочий не имело, а вместо этого занималось различными проектами воссоздания казачества и пыталось отстаивать интересы малороссийского дворянского сословия.

По сведениям одного из лидеров киевских русских националистов А. И. Савенко, группа Гижицкого и Котова-Коношенко занимала настолько крайнюю позицию, что даже обвиняла других правых и монархистов в «кадетизме» и «соглашательстве» [НІА. Р. N. Vrangell Coll. В. 35. F. 13]. Долгое время между различными течениями в правой среде Киева шла борьба, и лишь в конце лета 1918 г. был образован Монархический блок Украины, в который вошла и УНГ. Другими участниками Монархического блока стали сохранившиеся отделы Союза русского народа, Союза Михаила Архангела, Союза русских людей, Союза русских рабочих, Союза русской молодежи, «Двуглавого орла» и ряд других правых организаций. В руководство Монархического блока в качестве представителей Громады были включены Гижицкий и Котов-Коношенко [ЦГАВО. Ф. 4401. Оп. 1. Д. 6. Л. 1].

Первое публичное выступление УНГ произошло в конце осени 1918 г. после провозглашения Скоропадским федерации с небольшевистской Россией и начала антигетманского восстания. Центральный уряд УНГ выпустил воззвание к населению Украины, в котором объяснялось, что украинцы, установив порядок у себя, теперь должны помочь великороссам освободиться от большевиков, но вместо этого члены новоявленной Директории, воспользовавшиеся уходом австрийцев и государственным переворотом в Германии, призвали к восстанию. Воззвание завершалось призывом к соотечественникам не допустить возвращения к власти «предателей» Винниченко и Петлюры:

Братья-громадяне, на нас лежит долг, завещанный доблестными традициями запорожского казачества, – всем стать на защиту святой православной веры, первого народного гетмана родной матери-Украины [Воззвание].

Таким образом, Громада, сохраняя украинскую фразеологию и не выдвигая открыто монархических лозунгов, начала осторожно проводить идею восстановления России. Воззвание УНГ вызвало

недоумение украинской общественности. В газете «Нова рада» даже было опубликовано письмо читателя, сообщавшего, что он впервые услышал о такой организации. Редакция газеты в примечании отметила, что и она впервые слышит про УНГ и поэтому просит читателей, знающих что-либо, поделиться сведениями [Лист до редакції].

После падения гетманского режима большая часть членов УНГ бежала из Киева в Одессу и в январе 1919 г. возобновила деятельность организации. К этому времени идеология Громады продолжала трансформироваться, теперь ее члены старались всячески отмежеваться от своего недавнего «украинствования» и упирали на собственную «малороссийскость». В начале февраля 1919 г. заведующий политическим розыском при одесском градоначальнике генерал-майор К. И. Глобачев на основании информации, полученной от кого-то из членов Громады, составил обзор ее деятельности:

Украинская народная громада – это союз консервативных элементов Украины или, правильнее, Малороссии, так как члены Громады никогда не оперировали термином «украинский», являясь по своей сути русскими государственниками. Разгадка появления на исторической сцене Громады относится к тому моменту, когда творческо-хозяйственные силы Малороссии попытались в эпоху разрушительно-большевистских действий Центральной рады создать под флагом местных этнографических особенностей консервативное ядро.

Деятели Украинской народной громады стали на точку зрения необходимости избрания гетмана, потому что потребовалась наличность единой государственной воли. Если этот выбор оказался в лице Павла Скоропадского неудачным и даже трагическим по своим последствиям, то вина лежит отчасти на немцах, отчасти на самом Скоропадском. Немцы втянули Скоропадского целиком в орбиту австро-германской ориентации и превратили его в послушного проводника мазепинства, т. е. ориентации, глубоко враждебной общерусским началам. Громада (малорусское начало) бессильна сделать что-либо реальное. Все пожелания отгородиться от австро-галицийского влияния совершенно игнорировались, равно как попадал под сукно кардинальнейший проект Громады и отдельных групп хлеборобов об образовании классовой хлеборобческой армии.

В настоящий момент Украинская народная громада задалась мыслью вывести родной край из того ужасного тупика, в какой политические сумасброды и авантюристы загнали все население Малороссии. В Одессу прибыл ряд деятелей Громады, пробравшихся сюда нелегально под угрозой расстрела петлюровскими бандами. Краткая политическая программа съехавшихся такова: создание в Малороссии какой бы то ни было буржуазной власти, могущей обеспечить порядок и право собственности и идущей в полном контакте с державами Согласия и Добровольческой армией [НІА. Р. N. Vrangell Coll. В. 30. F. 26].

На первом собрании УНГ, состоявшемся в начале 1919 г., среди присутствующих были Е. Е. Котов-Коношенко, князь Г. И. Трубецкой, князь Гагарин, граф Коновницын, граф С. А. Игнатъев, генерал-майор В. В. Бискупский, экс-комендант гетманского дворца генерал-майор К. А. Присовский, полковник А. А. Сахно-Устимович, помещики П. А. Мацко и М. М. Ханенко, крестьянин-«хлебороб» из Херсонской губернии Г. М. Сидоренко, присяжный поверенный и публицист, бывший сотрудник близкой к Всероссийскому национальному союзу газеты «Голос Руси» С. Н. Дурасович, бывший белгородский повитовый староста В. Н. Куколь-Яснопольский, журналист Зарицкий и др. На следующих заседаниях в ряды УНГ вступили представители «Протофиса» (Союза промышленности, торговли, финансов и сельского хозяйства) князь А. Д. Голицын и Колосовский, а также некоторые крестьяне из Союза хлеборобов-собственников. В избранный Исполнительный комитет УНГ вошли восемь человек: Котов-Коношенко, Присовский, А. Сахно-Устимович, Дурасович, князь Трубецкой, Мацко, Куколь-Яснопольский, Зарицкий [НИА. Р. N. Vrangell Coll. В. 30. F. 26]. Первого председателя Громады Н. Н. Сахно-Устимовича к этому времени уже не было в живых – его убили петлюровцы в конце 1918 г. М. Л. Гижицкий находился в Одессе, участвовал в различных монархических собраниях, но по какой-то причине в новое руководство УНГ не вошел. Фактически же новым руководителем Громады стал Котов-Коношенко, выдававший себя, по информации А. И. Савенко, за потомка гетмана Сагайдачного [Ibid. F. 30]. Общественный деятель М. С. Маргулиес, также находившийся в Одессе, вспоминал о том, что «хлеборобы» набирают офицеров в Гетманский полк, а в гетманы прочат «не то Сагайдачного, не то Кочубея» [Маргулиес, с. 176]. Таким образом, родство с Сагайдачным – вероятнее всего, мнимое – и дало Котову-Коношенко формальное право на возглавление Громады. Впрочем, идея провозгласить его новым гетманом была быстро отброшена. Этому способствовало и сообщение состоявшего при союзном командовании графа Игнатъева о заявлении французов: «За одно слово “гетман” будем сажать в тюрьму» [НИА. Р. N. Vrangell Coll. В. 30. F. 26]. Возобладал другой проект – избрать новую «буржуазную» Директорию из трех лиц, кандидатами в которую считались Котов-Коношенко, хлебороб Сидоренко и архиепископ Василий (Богдашевский) [Ibid.]. Свою программу в разговорах с представителями «русской партии», возглавлявшейся В. В. Шульгиным и ориентировавшейся на Добровольческую армию, представители УНГ характеризовали так:

Мы стоим за единую Россию и за единую русскую церковь, государственным языком у нас будет русский язык; но мы будем отдавать дань малорусскому романтизму и будем любовно беречь местные особенности [НИА. Р. N. Vrangell Coll. В. 31. F. 1].

По сведениям генерала А. И. Деникина, Котов-Коношенко от имени Громады и Всеукраинского союза хлеборобов-собственников подал французскому командованию и одесскому представителю Добровольческой армии докладную записку, в которой излагались чаяния «широкого фронта русско-украинской реакции». Согласно этой программе, верховная власть в Малороссии должна была принадлежать «гетману, воеводе или Верховной краевой раде», состоявшей из представителей Добровольческой армии, Громады и хлеборобов-собственников. Предполагалось создание «краевой армии» под лозунгом неприкосновенности собственности на землю и с офицерским составом из местных хлеборобов. Предложения Котова-Коношенко не вызвали сочувствия у деникинцев, но французское командование начало оживленные переговоры с представителями Громады и хлеборобов, которые, с одной стороны, были связаны с русскими монархическими организациями, с другой – с Директорией УНР [Деникин, с. 30–31]. Сначала предполагалось оставить малороссийские губернии за Директорией, а в новороссийских образовать Южно-Русский край под русской властью, но этот проект не состоялся из-за протестов хлеборобов против сохранения С. В. Петлюры в составе Директории. Затем французы рассматривали план замены Директории УНР на новую Директорию из семи лиц, в которую должны были войти военный министр УНР А. П. Греков, Е. Е. Котов-Коношенко, один из лидеров Союза хлеборобов-собственников киевский помещик-монархист Б. Ф. Григоренко, П. А. Мацко, Мацевич, Колосовский; седьмую кандидатуру белой агентуре установить не удалось, но, предположительно, это место планировалось отдать Г. М. Сидоренко. Главой же новой Директории должен был стать Котов-Коношенко [НИА. Р. N. Vrangeli Coll. B. 30. F. 30]. По образному выражению Деникина, получалась «русская фальсификация украинской Директории» при верховенстве французов [Деникин, с. 34]. Но и данный проект, по сведениям добровольческой агентуры, провалился из-за разногласий между УНГ и Грековым. Это произошло в конце февраля 1919 г., после чего Громада как организация особых признаков жизни не подавала вплоть до эвакуации Одессы.

Имеются сведения, согласно которым некоторые из экс-лидеров УНГ в 1920 г. находились в Германии, примыкая к русским монархическим кругам, тесно сотрудничавшим с немецкими правыми. При этом якобы Котов-Коношенко поддерживал связь с Украиной через Гижицкого, жившего в Праге. Эта группа придерживалась немецкой ориентации и по тактическим причинам стояла за независимость Украины [Русская военная эмиграция, т. 1, кн. 1, с. 176–177]. Если данные сведения верны, получается, что члены Громады в очередной раз совершили идеологический кульбит и вернулись к лозунгам о самостоятельной Украине.

Были ли деятели УНГ искренни в своих действиях? Имели ли они какие-то устоявшиеся политические взгляды? Сторонники Добро-

вольческой армии склонны были считать их изменниками и предателями русского дела, перебежавшими в украинский лагерь и готовыми на все ради своекорыстных интересов. Один из сотрудников В. В. Шульгина писал, что деятели Громады – это люди, «лишенные чувства чести, долга и патриотизма» [НІА. Р. N. Vrangeli Coll. В. 31. F. 1]. Действительно, многие члены УНГ руководствовались в первую очередь корыстными мотивами, стремясь сохранить земельные владения и свое привилегированное положение. Но, на наш взгляд, все же нельзя скатываться в вульгарный «экономизм», представлять всех деятелей Громады в виде безыдейных приспособленцев и отказывать им в наличии искренности и определенного мировоззрения. У некоторых членов УНГ сохранялись чувство местного патриотизма и желание обеспечить своей родной земле спокойное развитие, оградив ее от социалистических экспериментов. И многие из них так и не смогли выбрать, на какой они стороне – русской или украинской, разрываясь между двумя лагерями. Так, например, член УНГ генерал К. А. Присовский, послуживший и в украинской армии, и в белой, был, по словам Скоропадского, «безукоризненный человек», который до последней минуты «исполнял свой долг, невзирая на то, что рисковал многим» [Скоропадський, с. 214].

Но как тогда объяснить столь стремительные изменения во взглядах членов Громады? Сегодня мы украинцы, завтра – малороссы, послезавтра – опять украинцы. Сегодня – за самостийную Украину, завтра – за Малороссию в составе единой неделимой России. Необходимо обратить внимание, что главные деятели Громады были выходцами из дворянско-помещичьей среды, потомками старинных казачьих родов. В принципе, их устраивали и самодержавная Российская империя, и консервативный проект гетманской Украинской державы, и некое украинское или южнорусское государственное образование под протекторатом Франции, но при этом они выступали категорически против социалистических проектов как большевистской России, так и Украины Грушевского, Винниченко и Петлюры. И в этом смысле статус малороссийского дворянства, сохранение его привилегированного положения в крае, гарантии прав собственности для них были намного важнее, чем вопросы формальной независимости или языка, на котором будут учиться дети из крестьянских семей. Вопрос о том, являются ли они, помещики и потомки запорожских казаков, частью отдельного украинского народа или малороссами, ветвью единого русского народа, для них в принципе не стоял.

Украинский историк В. Ф. Верстюк выдвинул концепцию Украинской державы Скоропадского как «малороссийского проекта», устраивавшего «лишь незначительную группу крупной буржуазии и землевладельцев, которые таким образом готовы были защищать свои сословные интересы, сформированные еще во времена империи, когда элита имела донациональные ценности и способ мышления» [Верстюк, с. 464]. Соглашаясь с концепцией Верстюка и отталкиваясь

от нее, можно считать членов Громады не «украинскими консерваторами» или «русскими государственниками», а «малороссийскими патриотами», но с одной важной оговоркой: речь идет о малороссах в традиционном понимании, характерном скорее для XVIII–XIX вв., а не о модерном малороссийском национальном проекте, представителями которого были В. В. Шульгин и А. И. Савенко. Для Шульгина и большинства его соратников из числа русских националистов сознательный малоросс – это не украинец, одно исключает другое, так же как для украинских националистов с видомый украинец – это не малоросс, это человек, отрицающий «малороссийщину».

До революции многие украинские активисты, в своем кругу именовавшие друг друга украинцами, для «внешней» публики вполне могли позиционировать себя и как малороссов [Миллер, с. 392], очевидно, не желая отталкивать потенциальных симпатизантов из кругов российской интеллигенции и идти на конфликт с властями. Но после революции 1917 г. ситуация радикальным образом изменилась, и слово «малоросс» было вытеснено из украинского политического дискурса, приобретая пейоративное значение. Даже те украинские деятели, которые были готовы договариваться с белыми о возможном вхождении Украины в состав федеративной России, принципиально не шли на отказ от «украинской» терминологии. Для членов же УНГ оба термина – «украинец» и «малоросс» – являлись вполне легитимными, это были, по сути, синонимичные обозначения населения, традиционную элиту которого они, помещики и потомки запорожских казаков, составляли. И поэтому деятели Громады не видели противоречия в том, что сначала они объявляли себя украинцами и выступали за украинский язык как единственный государственный, а полгода спустя заверяли, что их просто не так поняли, а на самом деле они малороссы и «русские государственники», которые хотели спасти свой родной край от обрушившихся на него несчастий. По большому счету, во взглядах членов УНГ традиционные, домодерные представления о нации, память о казацких традициях переплетались с сословно-экономическими интересами помещичьего класса. Для них нацией, к которой они принадлежали, были все еще не украинцы или русские, а своя собственная корпорация малороссийских дворян, и поэтому воззрения интеллигентской среды, расколовшейся на идейных украинцев и малороссов и считавшей переход из одного лагеря в другой национальной изменой, многим деятелям Громады, которая на самом деле являлась не «народной», а «малороссийской помещичьей», были попросту непонятны. Подобное «легкомысленное» отношение к русско-украинскому конфликту и позволяло им ситуативно примыкать то к одному, то к другому национальному проекту.

Список литературы

Бойко О. Д. Українська народна громада // Енциклопедія історії України : в 11 т. Т. Україна – українці. Кн. 2. Київ : Наукова думка, 2019. С. 601.

Верстюк В. Ф. Провал проекту малоросійської України // Верстюк В. Ф., Горобець В. М., Толочко О. П. Україна і Росія в історичній ретроспективі : в 3 т. Київ : Наукова думка, 2004. Т. 1. Українські проекти в Російській імперії. С. 448–464.

Воззвание украинской громады // *Голос Киева*. № 157. 1918. 17 (4) нояб. С. 4.

Гай-Нижник П. П. Державний переворот 29 квітня 1918 р.: причини та перебіг захоплення влади П. Скоропадським // Український історичний журнал. 2011. № 4. С. 132–164. ГАКО (ДАКО). Ф. Р-2793. Оп. 2. Д. 748.

Герашенко Т. С. Українська народна громада // Український консерватизм і гетьманський рух: історія, ідеологія, політика = Вісник Київського державного лінгвістичного університету. Сер.: Історія. Економіка. Філософія. 2000. Вип. 4. С. 196–213.

Деникин А. И. Очерки Русской Смуты : в 5 т. Берлин : Медный всадник, 1926. Т. 5. Вооруженные силы Юга России. 367 с.

Дорошенко Д. Історія України 1917–1923 рр. : в 2 т. Ужгород : Накладом О. Цюпки, 1930. Т. 2. Українська гетьманська держава 1918 року. 500 с.

Лазаревский В. Начало гетманшфта // *Студенческие годы*. 1925. № 3 (20). С. 8–12.

Ланник Л. В. После Российской империи: германская оккупация 1918 г. СПб. : Евразия, 2020. 528 с.

Лист до редакції // *Нова рада*. 1918. 21 (8) листопада. № 218. С. 3.

Любовець О. М. Українські партії революційної доби 1917–1920 рр. : Нариси історії та програмні документи. Київ : Парламентське видавництво, 2012. 612 с.

Марулиес М. С. Год интервенции : в 3 кн. Берлин : Изд-во З. И. Гржебина, 1923. Кн. 1. Сентябрь 1918 – апрель 1919 г. 364 с.

Миллер А. Украинский вопрос в Российской империи. Киев : Laurus, 2013. 416 с.

Папакін Г. Українська народна громада і Павло Скоропадський навесні 1918 р. // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І. Ф. Кураса НАН України. 2008. Вип. 39. С. 129–150.

Пиленко А. Как произошел переворот на Украине // *Вечернее время*. № 10. 1918. 19 июня. С. 2.

Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов : Документы и материалы : в 10 т. М. : Гея, 1998. Т. 1. Кн. 1. Исход. 426 с.

Скоропадський П. Спогади. Кінець 1917 – грудень 1918. Київ : Філадельфія, 1995. 494 с.

ЦГАВО (ЦДАВО). Ф. 4401. Оп. 1. Д. 6.

Чикаленко Є. Щоденник (1918–1919). Київ : Темпора, 2011. 424 с.

ВArch-MA. N46/172.

НІА. Р. N. Vrangell Coll. Box 30. Folder 26 (Обзор деятельности Украинской народной громады); Folder 30 (Информация одесского отдела Национального центра 13 (26) февраля 1919 г.; Сообщение «Аза» 3 (16) февраля 1919 г.); Box 31. Folder 1 (Сообщение «Азбуки» 1 марта 1919 г.); Box 35. Folder 13 (Сообщение «Аза» 11 (24) ноября 1918 г.).

References

ВArch-MA. N46/172.

Boiko, O. D. (2019). *Ukrains'ka narodna gromada* [Ukrainian People's Gromada]. In *Entsiklopediya istorii Ukraini v 11 t.* Kiev, Naukova dumka. Vol. Ukraina – ukraintsi. Book 2, p. 601.

Chikalenko, E. (2011). *Shchodennik (1918–1919)* [Diary (1918–1919)]. Kiev, Tempora. 424 p.

Denikin, A. I. (1926). *Ocherki Russkoi Smuty v 5 t.* [Sketches of the Russian Time of Trouble. 5 Vols.]. Berlin, Mednyi vsadnik. Vol. 5. Vooruzhennye sily Yuga Rossii. 367 p.

Doroshenko, D. (1930). *Istoriya Ukraini 1917–1923 rr. v 2 t.* [A History of Ukraine, 1917–1923. 2 Vols.]. Uzhgorod, Nakladom O. Tsyupki. Vol. 2. *Ukrains'ka get'mans'ka derzhava 1918 roku*. 500 p.

Gai-Nizhnik, P. P. (2011). Derzhavnii perevorot 29 kvitnya 1918 r.: prichini ta perebig zakhoplennya vladi P. Skoropads'kim [Coup D'état on 29 April 1918: The Causes and Course of the Seizure of Power by P. Skoropadsky]. In *Ukrains'kii istorichnii zhurnal*. No. 4, pp. 132–164.

GAKO (DAKO) [State Archive of Kiev Oblast]. Stock R-2793. List 2. Dos. 748.

Gerashchenko, T. S. (2000). Ukrain's'ka narodna gromada [Ukrainian People's Gromada]. In *Ukrains'kii konservativizm i get'mans'kii rukh: istoriya, ideologiya, politika = Visnik Kiivs'kogo derzhavnogo lingvistichnogo universitetu. Seriya: Istoriya. Ekonomika. Filosofiya*. Iss. 4, pp. 196–213.

HIA. P. N. Vrangell Coll. Box 30. Folder 26 (Obzor deyatel'nosti Ukrainskoi narodnoi gromady [Review of the Activities of the Ukrainian People's Gromada]); Folder 30 (Informatsiya odes'skogo otdela Natsional'nogo tsentra 13 (26) fevralya 1919 g. [Information from the Odessa National Centre, February 13 (26), 1919]; Soobshchenie "Aza" 3 (16) fevralya 1919 g. [Message from "Az", February 3 (16), 1919]); Box 31. Folder 1 (Soobshchenie "Azbuki" 1 marta 1919 g. [Message from "Azbuka", March 1, 1919]); Box 35. Folder 13 (Soobshchenie "Aza" 11 (24) noyabrya 1918 g. [Message from "Az", November 11 (24), 1918]).

Lannik, L. V. (2020). *Posle Rossiiskoi imperii: germanskaya okkupatsiya 1918 g.* [After the Russian Empire: German Occupation 1918]. St Petersburg, Evraziya. 528 p.

Lazarevskii, V. (1925). Nachalo getmanshafta [The Beginning of the Hetmanschaft]. In *Studencheskie gody*. No. 3 (20), pp. 8–12.

List do redaktsii [A Letter to the Editor]. (1918). In *Nova rada*. November 21 (8). No. 218, p. 3.

Lyubovets', O. M. (2012). *Ukrains'ki partii revolyutsiinoi dobi 1917–1920 pp. Narisi istorii ta programni dokumenti* [Ukrainian Parties of the Revolutionary Era of 1917–1920. Historical Essays and Programme Documents]. Kiev, Parlament'ske vidavnitstvo. 612 p.

Margulies, M. S. (1923). *God interventsii v 3 kn.* [Year of the Intervention. 3 Books]. Berlin, Izdatel'stvo Z. I. Grzhebina. Book 1. Sentyabr' 1918 – aprel' 1919 g. 364 p.

Miller, A. (2013). *Ukrainskii vopros v Rossiiskoi imperii* [The Ukrainian Question in the Russian Empire]. Kiev, Laurus. 416 p.

Papakin, G. (2008). Ukrain's'ka narodna gromada i Pavlo Skoropads'kii navesni 1918 r. [Ukrainian People's Gromada and Pavel Skoropadsky in the Spring of 1918]. In *Naukovi zapiski Institutu politichnikh i etnonatsional'nikh doslidzhen' imeni I. F. Kurasa NAN Ukraini*. Iss. 39, pp. 129–150.

Pilenko, A. (1918). Kak proizoshel perevorot na Ukraine [How the Coup D'état Took Place in Ukraine]. In *Vechnee vremya*. June 19. No. 10, p. 2.

Russkaya voennaya emigratsiya 20-kh – 40-kh godov. *Dokumenty i materialy v 10 t.* [Russian Military Emigration from the 1920s to the 1940s. Documents and Materials. 10 Vols.]. (1998). Moscow, Geya. Vol. 1. Book 1. Iskhod. 426 p.

Skoropads'kii, P. (1995). *Spogadi. Kinets' 1917 – grudn' 1918* [Memoirs. Late 1917 – December 1918]. Kiev, Philadelphia. 494 p.

TsGAVO (TsDAVO) [Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine]. Stock 4401. List 1. Dos. 6.

Verstyuk, V. F. (2004). Proval proektu malorosiis'koï Ukraini [The Failure of the Project of Little Russian Ukraine]. In Verstyuk, V. F., Gorobets', V. M., Tolochko, O. P. (Eds.). *Ukraina i Rosiya v istorichnii retrospektivi v 3 t.* Kiev, Naukova dumka. Vol. 1. Ukrain's'ki proekti v Rosiis'kii imperii, pp. 448–464.

Vozzvanie ukrainskoi gromady [Proclamation of the Ukrainian Gromada]. (1918). In *Golos Kieva*. November 17 (4). No. 157, p. 4.

The article was submitted on 17.07.2020

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПРЕССА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В УСЛОВИЯХ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ НА УРАЛЕ И В ЗАУРАЛЬЕ*

Алексей Антошин

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

THE DEMOCRATIC PRESS OF THE CIVIL WAR DURING THE WHITE MOVEMENT IN THE URALS AND TRANS-URALS

Alexey Antoshin

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article considers the functioning of the opposition democratic press in conditions of non-communist authoritarianism during the Civil War. The author focuses on the democratic press of the Urals and Trans-Urals (Perm, Orenburg, Ufa, and Tobolsk provinces). Traditionally, historiography mostly focuses on the anti-Bolshevik activities of democratic forces during the Civil War. The novelty of this study lies in the fact that the author carries out a comprehensive analysis of the evolution of the situation of the democratic press in the Urals and Trans-Urals in territories controlled by the White movement between 1918 and 1919, which has not been done before. Previously, this problem was only fragmentarily touched upon by general studies of the history of socialist parties in the Urals (primarily, the works of A. N. Aldashov and V. V. Moskovkin). The main sources for this article are the leading democratic periodicals of the region: *Narodnoe Delo* (Ufa), *Narodnoe Delo* (Orenburg), *Narodovlastie* (Tyumen), *Bor'ba* (Orenburg), *Zemlya i Trud* (Kurgan), and *Nash Ural* (Yekaterinburg). For the first time, the author shows the role of these periodicals in the struggle of the democratic forces of the Urals and Trans-Urals against the so-called "revolutions on the right". The author relies on conceptual studies of political com-

* Citation: Antoshin, A. (2021). The Democratic Press of the Civil War during the White Movement in the Urals and Trans-Urals. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 1. P. 123–137. DOI 10.15826/qr.2021.1.569.

Цитирование: Антошин А. Демократическая пресса Гражданской войны в условиях белого движения на Урале и в Зауралье // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 1. С. 123–137. DOI 10.15826/qr.2021.1.569.

munication and media theory. It has been proved that one should not exaggerate the differences between stages in the history of the White movement, like the “democratic counter-revolution” and the “Kolchak dictatorship”. As evidenced by the analysis carried out here, both before and after the Kolchak coup d'état, the democratic press actively fought against the “revolution on the right”, facing pressure from various government bodies and conservative forces. The article identifies the key factors that contributed to the long-term existence of democratic periodicals: the desire to act as a “systemic opposition”, the lack of direct communication with the leadership of the left-wing parties, and the specificity of the political atmosphere in certain regions and settlements. At the same time, the author demonstrates that the transition from non-communist authoritarianism to Bolshevism meant the destruction of the democratic alternative in Russia.

Keywords: Civil War, White movement, Socialist Revolutionaries, opposition democratic press, Urals, Trans-Urals

Рассмотрена проблема функционирования оппозиционной демократической прессы Урала и Зауралья (Пермской, Оренбургской, Уфимской, Тобольской губерний) эпохи Гражданской войны в условиях антибольшевистского авторитаризма. Основное внимание в существующей историографии уделяется вопросу об антибольшевистской деятельности демократических сил в годы Гражданской войны. Впервые проведен комплексный анализ положения демократической прессы Урала и Зауралья на территориях, подконтрольных белому движению в 1918–1919 гг. Ранее данная проблема лишь фрагментарно затрагивалась в общих исследованиях истории социалистических партий на Урале. Основными источниками послужили ведущие демократические издания региона: «Народное дело» (Уфа), «Народное дело» (Оренбург), «Народовластие» (Тюмень), «Борьба» (Оренбург), «Земля и труд» (Курган), «Наш Урал» (Екатеринбург). Впервые проанализирована роль данных изданий в борьбе демократических сил Урала и Зауралья против «революции справа». Автор опирается на концептуальные разработки в области политической коммуникации и теории СМИ. Доказано, что различия между такими двумя этапами истории белого движения, как «демократическая контрреволюция» и «диктатура А. В. Колчака», преувеличены. Проведенный анализ свидетельствует, что и до переворота А. В. Колчака, и после этих событий демократическая пресса активно боролась против «революции справа», сталкиваясь с давлением со стороны различных органов власти и консервативных сил. Выявлены ключевые факторы, способствовавшие долговременному существованию демократических изданий: стремление выступать в качестве системной оппозиции, отсутствие прямой связи с руководством левых партий, специфика политической атмосферы в отдельных регионах и населенных пунктах. В дальнейшем переход от некоммунистического авторитаризма к большевизму означал полное уничтожение демократической альтернативы развития России.

Ключевые слова: Гражданская война, белое движение, эсеры, оппозиционная демократическая пресса, Урал, Зауралье

Российские демократические силы, которые в общественном сознании эпохи Гражданской войны ассоциировались с умеренно-социалистическими партиями, традиционно характеризуются как «третья сила». Концептуальные основы такого подхода были заложены еще в 1919 г. в известной книге эсера А. А. Аргунова, название которой – «Между двумя большевизмами» – чрезвычайно удачно передавало восприятие лидерами российских демократов своего положения в условиях внутреннего противостояния [Аргунов]. Вместе с тем в историографии сохраняется сильный крен в сторону изучения собственно антибольшевистской деятельности умеренных социалистов в условиях Гражданской войны. В советской историографии [Гусев; Спиринов; Гармиза и др.] господствовал термин «демократическая контрреволюция», впервые употребленный бывшим меньшевиком И. М. Майским, впоследствии ставшим известным советским дипломатом. В советское время он стал основным инструментом при интерпретации политической линии эсеров и меньшевиков в условиях Гражданской войны.

Этот же аспект интересовал и тех эмигрантских авторов, которые формировали альтернативную версию истории Гражданской войны в России. В западной историографии сюжеты, связанные с противостоянием коммунизму, также вызвали особый интерес и получали разнообразную поддержку, особенно в условиях холодной войны. Не случайно, например, С. Берк использовал тот же концепт «демократическая контрреволюция», что и советские историки [Berk].

На этом фоне выделялись труды американского историка В. Н. Бровкина 1980–1990-х гг., которые внесли немалый вклад в ликвидацию дисбаланса в исследовании политического поведения эсеров и меньшевиков в Гражданской войне. В его работах дана широкая картина деятельности умеренных социалистов в 1918–1922 гг. и сделан вывод о многообразии тех социально-политических ролей, в которых приходилось выступать российским демократам в условиях противостояния [Brovkin, 1987; Brovkin, 1994].

В конце 1980-х – 1990-е гг. в посткоммунистической России ожили изучение истории политических партий России. Однако, несмотря на обилие трудов, посвященных эсерам и меньшевикам в Гражданской войне (обстоятельный анализ см. в ряде историографических сочинений [Коробкин; Ожиганов; Сулов и др.]), приоритет по-прежнему отдавался изучению антибольшевистской деятельности российских демократов, что отражало общую атмосферу в российском обществе и исторической науке тех лет. Особый интерес к тем силам, которые представляли собой альтернативу советскому варианту развития страны, отразился, например, в названии работы Д. В. Бутрова «Оппоненты большевизма на Урале» [Бутров].

В то же время данная тенденция приводит к тому, что по-прежнему весьма слабо изучено положение, которое занимали демократические силы на территориях, подконтрольных белым

правительствам, где реализовывался вариант некоммунистического авторитаризма – явления, ставшего исключительно актуальным в современной России. Одним из таких регионов был Урал, где в 1918–1919 гг. возникали территории, подконтрольные Верховному правителю России А. В. Колчаку. Ведущую роль в демократическом лагере традиционно играла партия социалистов-революционеров (эсеров), осенью 1917 г. получившая большинство голосов на выборах в Учредительное собрание.

Важнейшим инструментом, который использовали демократические силы для воздействия на общественное сознание, была периодическая печать. Основные теоретические подходы к исследованию проблемы функционирования оппозиционной прессы в России были охарактеризованы в работе Д. Ю. Татарковой [Татаркова]. Важным объяснительным механизмом при анализе данной проблемы выступает теория политической коммуникации, разработка которой была связана с исследованиями Г. Лассуэлла [Лассуэлл]. Как указывает К. В. Симонов, исторически СМИ преимущественно анализировали политическую ситуацию [Симонов, с. 53]. При этом, по мнению Л. Р. Дускаевой, СМИ выработали информирующие классы текстов, которые можно разделить на три основные группы сообщений: о динамике происходящего, о наблюдаемой статике, об участниках политической жизни [Дускаева].

Осень 1918: от «демократической контрреволюции» к «колчаковской диктатуре»

Советская историография заложила традиционное противопоставление двух периодов истории Гражданской войны – «демократической контрреволюции» (июнь – октябрь 1918 г.) и «колчаковской диктатуры» (ноябрь 1918 – январь 1920 г.). При всей специфике каждого из этих периодов, давно отмеченной исследователями, следует видеть и генетическую связь между ними. Те тенденции, которые были характерны для режима А. В. Колчака, были отчетливо выражены уже в предшествующий период, что отражало сложность антибольшевистского лагеря в Гражданской войне.

События, связанные с восстанием Чехословацкого корпуса, падением советской власти и формированием системы антибольшевистских правительств к востоку от Волги, многократно освещались в трудах исследователей. Хорошо известна и та значительная роль, которую играла в этих событиях демократическая интеллигенция. С учетом того, что в дореволюционной России центрами консолидации приверженцев тех или иных идейно-политических установок являлись газеты и журналы, не случайно в различных губерниях Урала и Зауралья летом 1918 г. начали издаваться (или возобновили выход после закрытия при большевистском режиме) различные газеты продемократической направленности. Характерны названия данных периодических изданий: «Народное дело» (Уфа), «Народное дело»

(Оренбург), «Народовластие» (Тюмень), «Борьба» (Оренбург), «Земля и труд» (Курган) и др.¹

Особняком стоит екатеринбургская газета «Наш Урал», в названии которой акцентировалась региональная специфика. Идеи уральского «областничества», подчеркивание особой уральской идентичности были весьма популярны в регионе в годы Гражданской войны. Кроме того, избегая употребления таких слов-маркеров, традиционно обозначавших в России принадлежность к левым демократическим группировкам, как «народ» (и производные от него), «борьба» и т. п., редакция дистанцировалась от той или иной политической идеологии. Такая политика способствовала более длительному существованию этого периодического издания в условиях некоммунистического авторитаризма.

Одним из тех регионов Урала, где демократические силы имели наиболее прочные позиции, была Уфимская губерния. После падения советской власти в июле 1918 г. местная организация Партии социалистов-революционеров (ПСР) вновь получила возможность вести легальную работу, был возобновлен выпуск газеты «Народное дело». Анализ трансформаций контента в данном издании летом-осенью 1918 г. позволяет выявить тенденции, характерные для демократической прессы региона.

Первоначально публикации «Народного дела» содержали призывы к сплочению общественных сил для борьбы против большевизма. Однако постепенно газета все более активно начала бороться «на два фронта» – против большевизма и набиравшей силу «реакции». Так, уже в статье «Старые приемы» (август 1918 г.) указывалось на то, что белые власти прибегают к репрессиям в адрес социалистов [Старые приемы]. Эти нотки в публикациях «Народного дела» усилились в октябре 1918 г. в связи с перенесением в Уфу Совета управляющих ведомств Комитета членов Учредительного собрания (Комуча).

Осенью 1918 г. есеровская газета все активнее стала формировать у читателя представление, что демократическим ценностям авторитаризм белого движения угрожает в не меньшей степени, чем большевизм. В статье «Сеющие ветер» отмечалось, что большевики и черносотенцы – это «два политических близнеца, два могильщика всех свобод и надежд русского народа» [Сеющие ветер]. В другой статье, опубликованной 30 октября, подчеркивалось:

Окрепший за последние месяцы большевизм наступает с Запада. Обнаглевшая реакция наступает с Востока. В страшных тисках, сдавленная с двух сторон, бьется вокруг знамени Учредительного собрания оставшаяся верной ему обессиленная тяжелой борьбой и обескровленная русская демократия [Народное дело (Уфа), 1918, 30 окт., с. 1].

¹ Следует обратить внимание на выделительно-идентифицирующую функцию гемеронимов, которая доминировала в годы Гражданской войны. Сами названия данных периодических изданий уже сигнализировали читателям, что их редакции отстаивали идеалы демократии [Мухаметзянова].

Характерны лексические особенности публикаций «Народного дела», связанные с газетно-публицистическим стилем, регулярное использование идеологизированной лексики, таких эмоционально-негативных клише, как «реакция», «черносотенцы» и т. д. [Солганик]. Сторонники авторитаризма, по заявлениям эсеровских публицистов, «разлагали тыл», действовали как «предатели и изменники» [Предательство тыла].

Демократические силы играли значительную роль и в общественно-политической жизни Оренбуржья летом и осенью 1918 г. Лидер оренбургских эсеров П. П. Гусев был одним из главных ораторов на общем собрании рабочих и служащих предприятий Оренбурга, состоявшемся 5 июля 1918 г., вскоре после освобождения города от красных. Его выступление было опубликовано на страницах оренбургской газеты «Народное дело», которая формально не являлась печатным органом демократических партий, но ее редакция имела тесные связи с их деятелями. В этот момент демократы стремились консолидировать общество вокруг идеи борьбы с большевизмом, не отделяя себя от других групп участников. П. П. Гусев пафосно заявлял, что «казачество проявило полную гражданственность» [Общее собрание рабочих и служащих предприятий Оренбурга]. Однако уже в этом выступлении лидер местных демократов призвал «остерегаться от той травли на евреев, которой занимаются некоторые темные элементы». В итоге была принята резолюция в поддержку идеи Учредительного собрания и одновременно было выражено «сожаление», что новая военная власть «встала на путь репрессий и массовых арестов рабочего населения Оренбурга» [Там же].

Уже летом 1918 г. демократические силы Оренбургской губернии вынуждены были действовать в условиях усиливавшегося давления со стороны консервативно настроенных казачьих кругов. Данное обстоятельство непосредственно отражалось на положении прессы. Как отмечало «Народное дело», «в Оренбурге сейчас нет полной свободы слова. Полная она лишь для “Оренбургского казачьего вестника” – голоса неприкрытой черной сотни» [Народное дело (Оренбург), 1918, 14 июля, с. 1]. В июле 1918 г. в Оренбурге были заметны тенденции к установлению военной диктатуры, цензура не пропускала некоторые телеграммы, приходившие от самарского Комуча. 17 июля 1918 г. открылась Оренбургская рабочая конференция, в президиум которой вошли лидеры местных демократов П. П. Гусев и Л. В. Кеарский. Конференция выразила протест против репрессий власти. Некоторые выступления участников были настолько жесткими, что военная цензура не пропустила их публикацию в «Народном деле».

С 8 августа 1918 г. официальным печатным органом Оренбургской организации ПСР стала газета «Борьба», которая также последовательно боролась «на два фронта» – против большевизма и «реакции справа». Объясняя происхождение названия газеты, ее редакция подчеркивала:

Борьба – этим все сказано. Борьба беспощадная с захватчиками власти народной, откуда бы покушение на захват власти ни исходило: слева ли, от большевиков, присвоивших себе право на всенародную власть, или справа – из лагеря кадетов германской ориентации и сущих с ними элементов черносотенства и плакальщиков великой русской революции [Борьба, 1918, 8 авг., с. 1].

«Борьба» активно противостояла консервативным тенденциям в белом движении, протестовала против репрессий в адрес социалистов на подконтрольной белым территории. Так, 21 августа 1918 г. она писала: «Большевизм побежден. Побежден окончательно. И вновь началось избиение интеллигенции» [Избиение интеллигенции]. Этому же была посвящена статья «Крепостники пробуждаются» [Крепостники пробуждаются].

Действительно, уже в августе 1918 г. оренбургские демократы испытывали мощное давление со стороны военных властей. 12 августа казаки обыскали дом П. П. Гусева, он был предан военно-полевому суду и не смог лично присутствовать на заседании Оренбургского уездного земского собрания, где было оглашено его письмо, опубликованное на страницах газеты «Борьба». В нем лидер эсеров заявлял: «Поднимают и подняли головы старые наши угнетатели, помещики и денежные тузы» [Письмо П. П. Гусева].

В августе 1918 г. властями был чуть не арестован председатель Орской уездной земской управы, популярный лидер местных демократов В. П. Правдухин. Его товарищам, к счастью, удалось связаться с генералом А. И. Дутовым, и тот заявил, что «произошло недоразумение». Несмотря на преследования, В. П. Правдухин продолжал резкую критику военных властей. 30 августа 1918 г. на страницах газеты «Борьба» он выступил против «злостной анархии справа», «внеправовых мечтаний о диктатуре» [Правдухин].

Цензурные ограничения демократической прессы усиливаются к концу августа 1918 г. «Борьба» пыталась противостоять этим тенденциям. Редакцией был выражен протест против полученного ею распоряжения доставлять все изданные материалы генералу А. И. Дутову:

Либо свобода печати, либо цензура, а то получается игра, которую мы видели уже, когда властвовали большевики: свободу печати они признавали, а выходили только большевистские газеты [Свобода печати и обязательная повинность].

Несмотря на все препятствия, демократический блок одержал победу на выборах в Оренбургскую городскую думу. Однако это событие совпало с усилением преследований оппозиционной прессы военными властями. 10 сентября 1918 г. редактор газеты «Борьба» А. А. Чукин был вызван к прокурору, и вскоре ее издание было прекращено.

В схожем положении находилась продемократическая пресса и в зауральской Тобольской губернии. Так, 5 июля 1918 г. курганские организации ПСР и РСДРП возобновили (после запрещения большевистским режимом) выпуск газеты «Земля и труд». Уже передовая статья первого номера подчеркивала закономерность настороженного отношения части общественности к сформированному в Омске Временному сибирскому правительству:

Что знаменовал собой переворот? Только ли падение большевизма, а, быть может, полнейшую отмену всех завоеваний и приобретений рабочего класса, восстановление «доброе старого порядка», частичную реставрацию монархии... [Земля и труд, 1918, 5 июля, с. 1].

Летом 1918 г. на страницах газеты подвергалась критике буржуазия, «стремящаяся к диктатуре, сознательно глушая на социалистов» [Земля и труд, 1918, 18 авг., с. 1]. В августе 1918 г. властями была распущена Курганская городская дума, в которой большинство имели сторонники демократических сил.

В этих условиях в сентябре 1918 г. «Земля и труд» перестала быть официальным органом курганских организаций ПСР и РСДРП, превратившись в издание Курганского союза потребительских кооперативов. Фактически была предпринята попытка замаскировать оппозиционный характер издания, прикрывшись учредителем, формально не имевшим отношения к политике. Данный прием активно использовался оппозиционной прессой в годы Гражданской войны на различных территориях, подконтрольных как белым, так и красным. Однако чаще всего это давало лишь временный эффект: подобные издания быстро начинали вновь подвергаться репрессиям. Так, редактора газеты «Земля и труд» В. А. Рябкова неоднократно вызывали военные власти для объяснений по поводу некоторых опубликованных там заметок.

Эсеры Тюмени с июля 1918 г. выпускали газету «Народовластие», которая также постепенно усилила свою критику тенденций к некоммунистическому авторитаризму. Уже в одном из первых номеров в статье В. Рудина эмоционально заявлялось:

Прошла всего одна неделя. Плачущие матери погибших сыновей от большевистской казни еще не успели осушить от слез своих глаз, а наши тюменские мужья уже вполне оправились... Они, победоносно подняв голову, уже принимаются за свое старое испытанное дело, дело разрушения рабочего класса [Рудин].

Эту линию, используя отработанные клише, редакция «Народовластия» продолжала и далее. Так, в начале сентября 1918 г. заявлялось о «черных силах реакции», которые угрожали «завоеваниям Февральской революции» [Наступают]. Однако усиление консервативных сил,

сопровождавшееся ужесточением репрессий в отношении демократической прессы, привело к прекращению издания газеты осенью 1918 г.

Продемократическая оппозиция диктатуре А. В. Колчака

Вряд ли следует проводить слишком резкую грань между периодами «демократической контрреволюции» и диктатуры А. В. Колчака. Тем не менее, переворот 18 ноября 1918 г. стал важной вехой в истории Гражданской войны. Авторитаризм, являвшийся одной из тенденций развития белого движения, превратился в доминировавший идейно-политический феномен. Особенности социально-экономического и внутривластного развития подконтрольных Колчаку территорий Урала в конце 1918 – середине 1919 г. многократно анализировались в научной литературе. Так, вопрос о присутствии демократической оппозиции в публичном пространстве диктатуры Колчака затрагивался, например, в работах В. В. Московкина [Московкин], однако некоторые его аспекты требуют уточнения.

В конце 1918 г. в орбиту влияния антибольшевистского лагеря попадает Прикамье: 25 декабря 1918 г. в Перми была свергнута советская власть. В первые месяцы 1919 г. представители демократических сил играли существенную роль в деятельности органов местного самоуправления на территориях, освобожденных от красных, в частности, входили в состав Пермской городской управы. Несмотря на это, в Перми долгое время не удавалось организовать издание демократического органа печати.

Ведущим демократическим изданием горнозаводского Урала в 1919 г. фактически являлась екатеринбургская газета «Наш Урал». Ее достаточно стабильное длительное функционирование было связано с рядом факторов. Прежде всего газета умела отмежеваться от обвинений в прямой связи с определенными политическими группировками. Политический климат в Екатеринбурге отличался готовностью значительной части либерально настроенной деловой элиты и чиновничества к достижению компромисса с левыми группировками, поиском общественного консенсуса на основе широкой программы демократических реформ.

В сложном положении находились в условиях режима Колчака демократические силы Зауралья, давление власти на них усилилось. Народный дом в Кургане, в правление которого входили представители демократической общественности, был занят «для военных целей». Офицеры Сибирской армии потребовали убрать из находящегося рядом с ним книжного киоска портрет лидера эсеров В. М. Чернова. В итоге к концу 1918 г. местные организации демократических партий вынуждены были фактически свернуть открытую деятельность [Московкин, с. 120].

Одним из последних органов оппозиционной прессы в регионе оставалась курганская газета «Земля и труд». Анализ издания показывает, что в конце 1918 г. произошло резкое усиление цензурных

ограничений, которым оно подвергалось. Уже через четыре дня после переворота Колчака газета выступила против инициаторов этих событий, однако цензура не пропустила часть передовицы. 29 ноября 1918 г. цензура изъяла часть статьи, содержащей призывы к борьбе с «большевизмом справа» [Земля и труд, 1918, 29 нояб., с. 1].

В отличие от некоторых других демократических изданий, «Земля и труд» продолжала издаваться, что было возможно во многом благодаря тому, что ее редакция пыталась занимать линию «системной оппозиции». В передовой статье газета призывала демократов к компромиссам с правительством Колчака:

Всякий беспорядок в настоящее время лишь способствует усилению реакции, в наших же собственных интересах и морально, и материально помочь власти воссоздать Родину [Земля и труд, 1918, 29 дек., с. 1].

Аналогичный фактор – стремление выступать в качестве «системной оппозиции» – способствовал и долговечности оренбургской демократической газеты «Народное дело». Тем не менее, и в Оренбуржье демократам приходилось существовать в очень сложных условиях. Ведущий автор «Народного дела» М. М. Фиш ходатайствовал перед военными властями об улучшении положения заключенных в оренбургской тюрьме. Однако уже в конце ноября 1918 г. он сложил с себя полномочия председателя Оренбургской городской думы. Его преемник Л. В. Ке-нарский на заседании Думы 12 декабря 1918 г. указал на «ненормальные и тяжелые условия, при которых невозможно спокойно работать» [Заседание городской думы]. Важно, что подобные заявления публиковались (и пропускались цензурой!) на страницах «Народного дела».

Иной вариант – жесткая критика режима Колчака – обычно приводил к невозможности дальнейшего существования демократического издания. Такова оказалась судьба тюменской газеты «Народовластие». Ее автор Е. А. Трупп писал:

Падение Казани, Симбирска и Самары не могло не отразиться на устойчивости нашего внутреннего политического положения. Чем больше сокращался и подавался назад Поволжский фронт Учредительного собрания, фронт русской демократии, тем выше поднимала голову, тем решительнее говорила сибирская реакция... Страшной черной волной покатила с Востока торжествующая реакция. В Омске закрыты все социалистические газеты... Тюрьмы переполнены. Систематически арестуют социалистов [Трупп].

Газета продолжала писать о преследованиях омским правительством демократических сил, и в итоге 8 декабря 1918 г. ее выпуск был прекращен.

По аналогичному сценарию развивалась ситуация в Уфимской губернии. Так, на следующий день после переворота Колчака уфимские

эсеры выступили против этой акции. В результате уже в начале декабря 1918 г. военные власти приказали им покинуть Уфу, 8 декабря 1918 г. было принято решение о прекращении издания газеты «Народное дело» [Кононенко, с. 120].

Кризис колчаковского режима весной 1919 г. привел к активизации деятельности левых партий. Созданные при участии их деятелей демократические блоки боролись на выборах в органы городского самоуправления весной-летом 1919 г. В этих условиях особенно актуальной стала проблема крайнего дефицита подконтрольных демократам периодических изданий, которые могли бы выступать в качестве инструментов воздействия на общественное сознание. Газеты являлись ведущим формальным каналом политической коммуникации, которому в условиях Гражданской войны фактически не было альтернативы. Закрытие большинства оппозиционных изданий в конце 1918 г. привело к тому, что информационная повестка дня в основном формировалась официальными печатными органами либерально-консервативной направленности.

Так, демократы Перми долгое время не имели необходимых ресурсов для издания своего печатного органа. Характеризуя ситуацию в Перми, екатеринбургская газета «Наш Урал» отмечала:

Беда демократического блока – отсутствие возможности агитации, не может наладиться дело с изданием своей газеты. Есть средства (дает кооперация), сформировалась редакция (с.-р., меньшевик и кооператор), есть бумага, и нет немногого – типографии [Наш Урал, 1919, 17 апр., с. 1].

Лишь к июню 1919 г. РСР, РСДРП и профсоюзы смогли организовать в Перми издание газеты «Народная мысль». Однако 1 июля 1919 г. красные отвоевали Пермь, и всякие возможности для функционирования в регионе демократической прессы были потеряны.

В Уфимской губернии демократические организации не имели возможности нормально функционировать в период кратковременного (март – начало июня 1919 г.) второго прихода на эту территорию белой армии. В апреле 1919 г. в газете «Наш Урал» за подписью «Уфимец» была опубликована статья о ситуации в освобожденной Уфе, где отмечалось: «Начинается под видом юдофобства демагогия с другого конца... Кроме штабной газеты “Великая Россия”, до сих пор еще не издается газет». Подчеркивалось, что власть должна опираться на органы местного самоуправления, «а не создавать условия, при которых они вынуждены будут стать в оппозицию к представителям центральной власти» [Уфимец].

Курганская газета «Земля и труд» в условиях кризиса колчаковского режима оставалась одним из немногих демократических органов печати региона, которые продолжили свое существование. Издание газеты прекратилось лишь после захвата Кургана частями Красной армии.

Подчеркнем, что крушение некоммунистического авторитаризма на Урале привело к окончательной ликвидации демократической альтернативы. Демократы оказались одной из первых жертв большевистской диктатуры. Те из них, кто пошли на соглашение с большевизмом, быстро пожалели об этом. Так, группе бывших златоустовских эсеров в 1919 г. удалось установить контакты с большевистским подпольем в Сибири, они вошли в состав Томского ревкома, организованного перед приходом в город частей Красной армии. Однако, вернувшись в Златоуст, они оказались обвиняемыми на процессе, организованном властями против местной организации ПСР в 1920 г. Как писал впоследствии берлинский журнал «Революционная Россия», в октябре 1920 г. «по Уфе шли повальные обыски и аресты, арестовано было около 400 чел., в Златоусте 300 чел., преимущественно с.-р.» [В Уфе]. Ряд бывших эсеров вступили в РКП(б), однако это во многом было вынужденной мерой. По словам одного из свидетелей на организованном большевиками судебном процессе, подавший заявление о вступлении в партию большевиков бывший лидер эсеров Златоуста В. А. Филатов говорил при этом: «Хотя в груди болит, но придется переломить... Никогда я в жизни не буду коммунистом» [Материал о Златоустовской организации ПСР].

Исторический опыт Гражданской войны дает возможность определить ряд факторов, которые способствовали относительно стабильному функционированию оппозиционной демократической прессы на Урале и в Зауралье. Прежде всего это попытки отдельных изданий адаптироваться к политическим условиям некоммунистического авторитаризма, выступая в качестве системной оппозиции. Значительную роль играла специфика ситуации в отдельных населенных пунктах, где издавались газеты, стремление местных политических и экономических элит к диалогу с оппозицией на основе широкой программы демократических реформ. Такой шаг, как смена учредителя печатного издания, желание «замаскироваться», продемонстрировать отсутствие прямых связей с оппозиционными политическими группировками, редко давал долговременный эффект: подобные газеты все равно продолжали подвергаться давлению со стороны властей.

Вместе с тем опыт эпохи Гражданской войны позволяет говорить, что в условиях некоммунистического авторитаризма при наличии ряда указанных выше факторов функционирование демократической прессы все-таки оказывалось возможным. В публичном пространстве диктатуры А. В. Колчака могли существовать альтернативные средства массовой информации, которые доносили до своих читателей иные, чем у власти, точки зрения на ситуацию в регионе. Разгром белого движения и большевизация публичного пространства означали быстрое уничтожение институтов гражданского общества как в Уральском регионе, так и в России в целом.

Список литературы

- Аргунов А. А.* Между двумя большевиками. Париж : Union, 1919. 47 с.
- Борьба. Оренбург, 1918. 8 авг.
- Бугров Д. В.* Оппоненты большевизма на Урале в 1917 г. Вып. 1. Умеренные социалисты Пермской губернии. Свердловск : [Б. и.], 1991. 98 с.
- В Уфе // Революционная Россия. Берлин, 1921. № 7. С. 31–32.
- Гармиза В. В.* Крушение эсеровских правительств. М. : Мысль, 1970. 294 с.
- Гусев К. В.* Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М. : Мысль, 1975. 383 с.
- Дускаева Л. Р.* Политический анализ в прессе: жанрово-стилистический аспект // Язык СМИ и политика / под ред. Г. Я. Солганика. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2012. С. 441–496.
- Заседание городской думы // Народное дело. Оренбург, 1918. 24 дек. С. 4.
- Земля и труд. Курган, 1918. 5 июля; 18 авг.; 29 нояб.; 29 дек.
- Избиение интеллигенции // Борьба. Оренбург, 1918. 21 авг. С. 2.
- Конonenko А. А.* Социалисты в политической жизни Урала (1917–1918 гг.). Тюмень : Мандр и К, 2003. 144 с.
- Коробкин А. А.* Отечественная историография «демократической контрреволюции» (лето-осень 1918 г.) в России : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург : [Б. и.], 2003. 33 с.
- Крепостники пробуждаются // Борьба. Оренбург, 1918. 22 авг. С. 2.
- Лассуэлл Г.* Психопатология и политика. М. : РАГС, 2005. 352 с.
- Материал о Златоустовской организации ПСР // ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 77. Л. 176–179.
- Московкин В. В.* Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири в период революции и Гражданской войны (1917–1921 гг.). Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999. 215 с.
- Мухаметзянова Л. Р.* Названия газет и журналов: функционально-прагматический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань : [Б. и.], 2018. 28 с.
- Народное дело. Оренбург, 1918. 14 июля.
- Народное дело. Уфа, 1918. 30 окт.
- Наступают // Народовластие. Тюмень, 1918. 1 сент. С. 2.
- Наш Урал. Екатеринбург, 1919. 17 апр.
- Общее собрание рабочих и служащих предприятий Оренбурга // Народное дело. Оренбург, 1918. 6 июля. С. 3.
- Ожиганов А. Л.* Отечественная историография колчаковского режима (ноябрь 1918 – январь 1920 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург : [Б. и.], 2003. 33 с.
- Письмо П. П. Гусева // Борьба. Оренбург, 1918. 24 авг. С. 3.
- Правдухин В. П.* Камо грядеши // Борьба. Оренбург, 1918. 30 авг. С. 3.
- Предательство тыла // Народное дело. Уфа, 1918. 29 окт. С. 2.
- Рудин В.* Не слишком ли зарвались? // Народовластие. Тюмень, 1918. 1 авг. С. 2.
- Свобода печати и обязательная повинность // Борьба. Оренбург, 1918. 28 авг. С. 3.
- Сеющие ветер // Народное дело. Уфа, 1918. 29 окт. С. 2.
- Симонов К. В.* Политический анализ. М. : Логос, 2002. 152 с.
- Солганик Г. Я.* О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ) // Язык современной публицистики. М. : Наука, 2005. С. 13–30.
- Спирин Л. М.* Классы и партии в Гражданской войне в России (1917–1920 гг.). М. : Мысль, 1967. 438 с.
- Старые приемы // Народное дело. Уфа, 1918. 21 авг. С. 1.
- Суслов А. Ю.* Социалистические партии в Советской России: отечественная историография. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2006. 292 с.
- Татаркова Д. Ю.* Несистемная оппозиция как предмет изучения политической журналистики // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. Сер.: Филология. Искусствоведение. 2013. Вып. 81. С. 196–200.

- Трунн Е. А. Сибирская реакция и чехословаки // Народовластие. Тюмень, 1918. 8 нояб. С. 2.
- Уфимец. В Уфе // Наш Урал. Екатеринбург, 1919. 17 апр. С. 4.
- Berk S. The Democratic Counterrevolution: Komuch and the Civil War on the Volga // *Canad.-Am. Slavic Studies*. 1973. No. 4. P. 443–459.
- Brovkin V. The Mensheviks after October: Socialist Opposition and the Rise of the Bolshevik Dictatorship. Ithaca ; L. : Cornell Univ. Press, 1987. 329 p.
- Brovkin V. Behind the Front Lines of the Civil War: Political Parties and Social Movements in Russia, 1918–1922. Princeton : Princeton Univ. Press, 1994. 455 p.

References

- Argunov, A. A. (1919). *Mezhdv dvumya bol'shevizmami* [Between Two Bolshevisms]. Paris, Union. 47 p.
- Berk, S. (1973). The Democratic Counterrevolution: Komuch and the Civil War on the Volga. In *Canad.-Am. Slavic Studies*. No. 4, pp. 443–459.
- Bor'ba [Bor'ba]. Orenburg. (1918). August 8.
- Brovkin, V. (1987). *The Mensheviks after October: Socialist Opposition and the Rise of the Bolshevik Dictatorship*. Ithaca, L., Cornell Univ. Press. 329 p.
- Brovkin, V. (1994). *Behind the Front Lines of the Civil War: Political Parties and Social Movements in Russia, 1918–1922*. Princeton, Princeton Univ. Press. 455 p.
- Bugrov, D. V. (1991). *Opponenty bol'shevizma na Urale. Iss. 1. Umerennye sotzialisty Permskoi gubernii* [Opponents to Bolshevism in Ural. Iss. 1. Moderate Socialists in Perm Province]. Sverdlovsk, S. n. 98 p.
- Duskaeva, L. R. (2012). Politicheskii analiz v presse: zhanrovo-stilisticheskii aspekt [Political Analysis in the Press: Genre and Stylistic Aspect]. In Solganik, G. Ya. (Ed.). *Yazyk SMI i politika*. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, pp. 441–496.
- Garmiza, V. V. (1970). *Krushenie eserovskikh pravitel'stv* [The Breaking of the S. R. Governments]. Moscow, Mysl'. 294 p.
- Gusev, K. V. (1975). *Partiya eserov: ot melkoburzhuznogo revolyutsionarisma k kontrevolyutsii* [The S. R. Party: From Lower Middle Class Revolutionarism to Counterrevolution]. Moscow, Mysl'. 383 p.
- Izbienie intelligentsii [The Massacre of Intellectuals]. (1918). In *Bor'ba*. Orenburg. August 21, p. 2.
- Kononenko, A. A. (2003). *Sotsialisty v politicheskoi zhizni Urala (1917–1918)* [Socialists in Ural Political Life (1917–1918)]. Tyumen, Mandr i Co. 144 p.
- Korobkin, A. A. (2003). *Otechestvennaya istoriografiya "demokraticeskoi kontrevolyutsii" (letosen' 1918 g.) v Rossii* [Russian Historiography of the Democratic Counterrevolution in Russia (Summer – Autumn 1918)]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Yekaterinburg, S. n. 33 p.
- Krepostniki probuzhdayutsya [Serf Owners Wake Up]. (1918). In *Bor'ba*. Orenburg. Aug. 22, p. 2.
- Lasswell, H. (2005). *Psikhopatologiya i politika* [Psychopathology and Politics]. Moscow, Rossiiskaya akademiya gosudarstvennoi sluzhby. 352 p.
- Material o Zlatoustovskoi organizatsii PSR [Material on the Zlatoust S. R. Organisation]. In *TsDOOSO* [Centre of Documents of Public Organisations in Sverdlovsk Region]. Stock 41. List I. Dos. 77, list. 176–179.
- Moskovkin, V. V. (1999). *Protivoborstvo politicheskikh sil na Urale i v Zapadnoi Sibiri v period revolyutsii i Grazhdanskoi voiny (1917–1921 gg.)* [The Struggle between Political Powers in the Urals and Western Siberia during the Revolution and Civil War]. Tyumen, Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 215 p.
- Mukhametzhanova, L. R. (2018). *Nazvaniya gazet i zhurnalov: funktsional'no-pragmaticeskii aspekt* [The Titles of Newspapers and Magazines: The Functional-Pragmatic Aspect]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kazan, S. n. 28 p.
- Narodnoe delo [Narodnoe delo]. (1918). Orenburg. July 14.

- Narodnoe delo* [*Narodnoe Delo*]. (1918). Ufa. Oct. 30.
- Nash Ural* [*Nash Ural*]. (1919). Yekaterinburg. Apr. 17.
- Nastupayut [They are Approaching]. (1918). In *Narodovlastie*. Tyumen. Sept. 1, p. 2.
- Obshchee sobranie rabochikh i sluzhashchikh predpriyatii Orenburga [General Meeting of Workers and Officials in Orenburg]. (1918). In *Narodnoe delo*. Orenburg. July 6, p. 3.
- Ozhiganov, A. L. (2003). *Otechestvennaya istoriografiya kolchakovskogo rezhima (noyabr' 1918 – yanvar' 1920)* [Russian Historiography of the Kolchak Regime (November 1918 – January 1920)]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Yekaterinburg, S. n. 33 p.
- Pis'mo P. P. Guseva [A Letter from P. P. Gusev]. (1918). In *Bor'ba*. Orenburg. Aug. 24, p. 3.
- Pravdukhin, V. P. (1918). Kamo gryadeshi [Quo Vadis]. In *Bor'ba*. Orenburg. Aug. 30, p. 3.
- Predatel'stvo tyla [The Betrayal of the Rear]. (1918). In *Narodnoe delo*. Ufa. Oct. 29, p. 2.
- Rudin, V. (1918). Ne slishkom li zarvalis'? [Haven't They Overreached Themselves?]. In *Narodovlastie*. Tyumen. Aug. 1, p. 2.
- Seyushchie veter [Sowing the Wind]. (1918). In *Narodnoe delo*. Ufa. Oct. 29, p. 2.
- Simonov, K. V. (2002). *Politicheskii analiz* [Political Analysis]. Moscow, Logos. 152 p.
- Solganik, G. Ya. (2005). O strukture i vazhneishikh parametrah publitsisticheskoi rechi (yazyka SMI) [On the Structure and Key Aspects of Media Language]. In *Yazyk sovremennoi publitsistiki*. Moscow, Nauka, pp. 13–30.
- Spirin, L. M. (1967). *Klassy i partii v Grazhdanskoi voine v Rossii (1917–1920)* [Classes and Parties in the Russian Civil War (1917–1920)]. Moscow, Mysl'. 438 p.
- Starye priemy [The Old Methods]. (1918). In *Narodnoe delo*. Ufa. August 21, p. 1.
- Suslov, A. Yu. (2006). *Sotsialisticheskie partii v sovetsskoi Rossii: otechestvennaya istoriografiya* [Socialist Parties in Soviet Russia: National Historiography]. Kazan, Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta. 292 p.
- Svoboda pechati i obyazatel'naya povinnost' [The Freedom of the Press and Compulsory Service]. (1918). In *Bor'ba*. Orenburg. Aug. 28, p. 3.
- Tatarkova, D. Yu. (2013). Nesistemnaya oppozitsiya kak predmet izucheniya politicheskoi zhurnalistiki [Non-System Opposition as an Object of Political Journalism Studies]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie*. Iss. 81, pp. 196–200.
- Trupp, E. A. (1918). Sibirskaya reaktsiya i chekhoslovaki [Siberian Reaction and the Czechs]. In *Narodovlastie*. Tyumen. Nov. 8, p. 2.
- Ufimets. (1919). V Ufe [In Ufa]. In *Nash Ural*. Yekaterinburg. April 17, p. 4.
- V Ufe [In Ufa]. (1921). In *Revolyutsionnaya Rossiya*. Berlin. No. 7, pp. 31–32.
- Zasedanie gorodskoi dumy [A Session of the City Duma]. (1918). In *Narodnoe delo*. Orenburg. Dec. 24, p. 4.
- Zemlya i trud* [*Zemlya i Trud*]. Kurgan. (1918). July 5; Aug. 18; Nov. 29; Dec. 29.

The article was submitted on 11.12.2020

RED CORPSES: A MICROHISTORY OF MASS GRAVES, DEAD BODIES, AND THEIR PUBLIC USES* **

François-Xavier Nérard

Université Paris 1 Pantheon-Sorbonne, CRHS – SIRICE,
Paris, France

What happens to corpses produced by armed conflicts? This question may seem simple: most bodies are buried, more or less quickly, in mass graves. However, the time between death and the moment when the human remains are inhumed deserves to be studied. This article focuses on the situation in the Urals at the end of the Civil War (1918–1919). The fights between the Bolsheviks and their opponents resulted in many casualties. The Bolsheviks gave a fundamental, and rather unusual, importance to the bodies of ‘their’ dead and attached a specific political significance to them. They developed a politics of corpses, using them in public space to assert their power. The bodies of dead Red fighters were brought back to symbolic places, resulting in impressive public funerals across the city of Yekaterinburg in 1918. Their burial sites became contested territories, protected by the authorities but derided by their opponents. After their final victory in 1919, Bolsheviks displayed their dead as proof of the cost of their struggle. Mutilated bodies were shown to carry the stigmata of sacrifice. The inventory and identification of victims became a central and immediate requirement. Inquiry commissions questioned witnesses and looked for mass burials and abandoned corpses. Mass graves were searched, cadavers exhumed and made visible. The public use of corpses was, however, not limited to identification purposes. The display of dead bodies, which is not unusual in Orthodox culture, took on a special political dimension. There was mass dissemination of the sight of death through these public monuments and the use of photography. We must especially stress the topographical importance of the displayed death: the exhumed bodies were used to tell of victory, to make control of the territory explicit. The memorialisation of some mass graves completed the process. In Yekaterinburg, but also in more distant localities, monuments were erected. They were meant to materialise the sacrifice of so-called ‘communards’ and the peculiar place of the Civil War in the

* I would like to thank Evgeny Burdenkov and Konstantin Bugrov for their very appreciated help in finding certain materials for this article.

** *Citation*: Nérard, F.-X. (2021). Red Corpses: A Microhistory of Mass Graves, Dead Bodies, and Their Public Uses. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 1. P. 138–154. DOI 10.15826/qr.2021.1.570.

Цитирование: Nérard F.-X. Red Corpses: A Microhistory of Mass Graves, Dead Bodies, and Their Public Uses // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 1. P. 138–154. DOI 10.15826/qr.2021.1.570.

narrative of the new Bolshevik regime, honouring the memory of the dead and mobilising the living.

Keywords: death studies, mass graves, civil war, Urals

Что делать с телами убитых во время вооруженного конфликта? Этот вопрос может показаться простым: большинство их более или менее быстро закопают в массовых захоронениях. Однако время между смертью и моментом погребения останков не всегда совпадает. Данная статья посвящена ситуации на Урале в период Гражданской войны (1918–1919). Бои между большевиками и их противниками привели к многочисленным жертвам. Большевики придавали фундаментальное и довольно необычное политическое значение телам «своих» погибших. Они разработали настоящую политику в отношении их тел, используя их в публичном пространстве для утверждения своей власти. Тела погибших красных привозились в символические места, что привело к впечатляющим общественным похоронам в Екатеринбурге в 1918 г. Их места захоронения стали оспариваемыми территориями, охраняемыми властями, но высмеиваемыми противниками. После окончательной победы в 1919 г. большевики выставили своих погибших в качестве доказательства цены своей борьбы. Искалеченные тела были показаны как стигматы их жертвоприношения. Составление списков и идентификация жертв стали центральным и непосредственным требованием новой власти. Следственные комиссии допрашивали свидетелей, искали массовые захоронения и брошенные тела. Однако их использование не ограничивалось целью идентификации. Их показ (в определенном смысле принятый в православной культуре) получил беспрецедентное распространение в общественном пространстве посредством этих публичных акций и использования фотографий. Таким образом мертвые тела приобрели особое политическое измерение. Особо следует подчеркнуть топографическое значение таких акций: эксгумированные трупы использовались для того, чтобы рассказать о победе, сделать явным контроль над территорией. Увековечивание памяти о некоторых массовых захоронениях завершило этот процесс. Не только в Екатеринбурге, но и в более отдаленных местах были установлены памятники и переименованы улицы. Они должны были материализовать самопожертвование тех, кого в повествовании о новом большевистском режиме называли коммунарами, и стать своеобразными сакральными местами Гражданской войны.

Ключевые слова: исследования смерти, массовые захоронения, Гражданская война, Урал

“Bare your head, workers of the Urals! Today we honour the bright memory of the Ural communards who fell in the struggle for the triumph of the Workers’ and Peasants’ Revolution!”¹ On 3 August 1919, *Ural’skiy Rabochiy*, the newspaper of the Yekaterinburg Communist Party regional

¹ The Russian texts were translated by the author.

committee, resumed publication. A fortnight had passed since 15 July when the city was liberated as the Whites were forced to withdraw. The Bolshevik daily was still a modest paper of two pages, but nevertheless chose to devote the “first word of the born-again paper” to the martyrs of the revolution, to those who fell for victory. The whole issue was made up of articles singing the praises of activists and fighters like Ivan Malyshev, shot by the enemies of the Bolsheviks in June 1918, Leonid Vainer, who died during the fighting a month later, and Yakov Sverdlov, one of the main actors in the revolution in the Urals who died in Moscow from the Spanish flu on 16 March 1919. A poem, published on page two in a black frame, draws our attention. It is an old text with a new title, *1918–1919*. Formerly *Requiem*, it had been written by Liodor Palmin in 1865 and was popular in militant circles:

Не плачьте над трупами павших борцов,
 Погибших с оружием в руках,
 Не пойте над ними надгробных стихов,
 Слезой не скверните их прах.
 Не нужно ни гимнов, ни слез мертвецам,
 Отдайте им лучший почет:
 Шагайте без страха по мертвым телам,
 Несите их знамя вперед!
 С врагом их, под знаменем тех же идей
 Ведите их бой до конца!
 Нет почести лучшей, нет тризны святей
 Для тени, достойной борца!²

[Искра, 1865, № 11].

Unusually, although bluntly, this poem deals with corpses and their materiality. “Walk without fear over the dead bodies”, the poet suggests, using the cadavers as material (not symbolic) support to “carry forward” the flag and the cause of the revolution. The image is striking, especially in an issue devoted to the glorification of fallen comrades.

There was no shortage of corpses during the Russian Civil War in general³ and in the Urals in 1919 in particular [Вебер, с. 105]. What was to be

² Don't mourn over the corpses of dead fighters,
 Dead with a gun in their hands,
 Don't read them funeral verses,
 Don't spoil their remains with your tears
 Corpses don't need hymns or tears,
 Pay a better tribute to them,
 Walk without fear over the dead bodies
 Carry forward their flag.
 Against their enemies, with the flag of their ideas
 Fight until the end!
 There is no better tribute, no funeral meal that would be more sacred
 For the shadow of the dignified fighter!

³ The overall human cost for the Civil War in the former Russian Empire is difficult to establish. Jonathan Smele gives an estimate of 10 million victims of military actions, excluding 5 million victims of the famine [Smele, p. 3].

done with them? The opposition between Antigone and Diogenes has often helped us to question practices with regards to corpses. Thomas Laqueur begins his essential work on the uses of mortal remains by citing the cynical philosopher answering the question about what should be done with his body after his death: “Throw it over the walls so that it is devoured by birds and beasts” [Laqueur, p. 1]. Antigone had exactly the opposite attitude. She chose to pay respect to her brother’s remains at the cost of her own life. In times of peace, the respect due to remains is crucial. Attitudes to dead bodies were, however, dramatically affected by the war. The large number of dead made the usual rituals more difficult to perform. Most were hastily buried in mass graves. Urgency sometimes provoked the disturbing uses of corpses: Ivan Strod, a Red officer, recalled in his memoirs how he used his comrades’ frozen corpses to build a barricade in the heart of Yakutia when he was besieged by White rebels [Строд, с. 133–134]. Antigone’s standards did not seem capable of standing up to the necessities of war.

Therefore, the publication of Palmin’s poem seems to confirm that the Diogenes paradigm was prevalent. It illustrates a choice to assert the pre-eminence of life over death, of the living over the dead. Is this, however, truly accurate? Were Bolshevik practices during the Civil War limited to the symbolic celebration of heroes and the pragmatic neglect of their material bodies? What happened to the corpses of the Reds who died in the Civil War? What role was assigned to them? What meaning? Limiting this study to Bolshevik practices will allow it to encompass a larger chronological scope because they won the war and mastered the space and the narrative. While a lot of literature has already been written on symbolic celebrations of the dead, this article aims rather to deal with the material and physical presence of dead bodies during the civil war. I will argue that the attitude to bodies and mass graves in the Urals was structured around two fundamental periods, before and after July 1919, when the Bolsheviks secured their victory. Following Emmanuel Fureix, the period from 1918 to 1919 could be called a “necrophile time”, redefining “the relationship between the living and the dead, and the expression of mourning, right down to the treatment of the corpse and its fragments, [allowing] new public and political gestures or rituals to emerge” [Fureix, p. 23]. I will study the new public uses of corpses, their significations and the changes brought about by victory. After 1920, corpses disappeared physically and symbolically from Soviet public space, changing fundamentally the practices of commemoration.

Uncertain Times of Struggle

From October 1917 to July 1919, Bolshevik positions were very fragile in the Urals, as in most of the country. Their authority was quickly weakened and contested as they came up against armed opposition and popular insurrections. Support faded rapidly: for example, the historian Mikhail Veber mentions that there were four times fewer communists in Izhevsk at the end of May 1918 than at the beginning of April (1700 and 400, respectively) [Вебер, с. 46]. In Orenburg region, a Cossack rebellion led by Ataman Alek-

sandr Dutov⁴ began gaining momentum from January 1918 onwards, although the Bolsheviks repelled rebel assaults twice, in January and in March. The rebellion of the Czech and Slovak legionnaires in Chelyabinsk on 14 May 1918 further complicated the situation. The need to mobilise new soldiers led the Bolsheviks to often use force, which provoked increased hostility from the population. The Bolsheviks therefore had to face both local riots, sometimes violent, and armed insurrections (in Kurgan, Shadrinsk, Perm, and Yekaterinburg). In July 1918, both Orenburg and Yekaterinburg fell to the anti-Bolshevik forces. This marked the end of this period, when pressure was very high on the new masters of the country. Effective control of space and power was a question of life or death, especially in Yekaterinburg, the city where, by the end of April, the tsar's family was kept as prisoners. Surprisingly, funerals and the display of fallen Red fighters were part of these efforts.

The public use of dead bodies during wars is not unusual. However, it is often the body of the enemy that is shown as proof of victory. This was often the case in colonial wars, leading sometimes to gruesome practices [Arzel, Foliard]. Showing one's own dead is less common. Certainly, the workers' movement had a long history of celebrating the vanquished [Traverso], therefore paying special attention to death and its commemoration. It is therefore even more interesting to study what happened in Yekaterinburg in 1918. Twice, at the end of January and at the beginning of April, the bodies of Red fighters who had died in the fights against Dutov were shown and buried with pomp in the city. Both ceremonies constituted more than political mourning: the Bolshevik "politics of corpses" [Fureix, p. 48–59] was literally meant to "tame" public space, which was far from being under firm control. These demonstrations were made of people, sounds, and colours: each element was part of filling urban space, as one discovers when reading the idealised account of the ceremonies in *Ural'skiy Rabochiy* [Уральский рабочий, 1918, 17 февр., с. 2; Там же, 1918, 7 апр., с. 2].

First of all, crowds were mobilised. On 31 January, according to some estimates, there were "thousands" of participants, although the exact number is difficult to assess⁵. The journalist mentions, however, only, "a small group of relatives". The majority of attendees were thus activists or soldiers, supporters and manifestations of Soviet power in all its diversity. This visual effect was enhanced by the relatively long route of the cortege, chosen in order to be seen by as many people possible. From the former train station in the north of Yekaterinburg, the coffins, wrapped in red fabric, were moved through half of the city to the municipal soviet⁶ (on Pokrovsky Ave.) and then back to Cathedral Square.

The square was central and symbolic for the old regime. It drew its name from the eighteenth-century Theophany church, one of the city's

⁴ To learn more about the head of the Cossacks in Orenburg region, see: [Ганин].

⁵ A postcard reproducing a photograph from the funerals published by the Ural Regional Museum of Revolution shows hundreds of people, not thousands.

⁶ Former mansion of the millionaire Alphonse Fomič Poklevskij-Kozell.

1. The Statue of Liberty and the memorial complex. Yekaterinburg. 1918

religious landmarks. It was also marked by a monument to Alexander II (built in 1906), which was pulled down during the February Revolution. It was therefore significant for the new authorities to organise the burial precisely on this site. The cortege came to an end at the pedestal of the former monument to Alexander II: “the wreaths are laid on the grave, on the steps of the pedestal, on which not so long ago proudly towered over the square the figure of the tsar, symbol of the old regime” [Уральский рабочий, 1918, 17 февр., с. 2]. This funeral tactic conveys a sense of revenge, as does the mass grave dug in the immediate vicinity of the former monument. The new heroes were not former rulers but fallen red soldiers.

This material occupation of space was complemented by visual elements displaying colours and political symbols. Each political group had its own flags [Znamensky, Gallice]. At that time, the political arena was still relatively pluralist: present were the Soviet of worker and soldier delegates, the sailors of the Gangut fighting in Orenburg, young socialists, the Left SR, the Ural Association of Anarchists, trade union organisations (printers, tailors, tanners or mill workers). The red of socialism and the black of mourning were visible on the route across the city.

The occupation of space had also an aural dimension. An orchestra accompanied the procession throughout, playing funeral marches. After the coffins were laid in the grave, some soldiers, former comrades of the dead, fired a salvo, followed by the crowd shouting “Hurrah!” in honour of the fallen. Speeches were delivered, once again demonstrating the diversity of organisations present. The sounds included the silence of mourning and the pattering of earth thrown onto the coffins by the participants. The story told by the Bolshevik press is one of courage and martial vir-

tue, where weakness and despair had no place. The mourning is regarded as a display of strength.

The unity of the revolutionary forces was key to understanding this demonstration of strength, while funerals were a kind of synecdoche. The dead soldiers, the part, represented sacrifice for the Revolution, the whole. Their actual bodies were not significant, they were not really displayed. All four of them were buried in a collective grave. Their names were written in the newspaper, but they were mostly referred to as “comrade Red soldiers”, an indistinct formula. Moreover, as the historian Evgeny Burdenkov demonstrates, there is no certainty that this information was accurate. The individualisation of death, a process well described for early nineteenth-century France by Emmanuel Fureix, is not the point here [Fureix, p. 50]. On the contrary, the message conveyed was one of unity and cohesion. On the grave, a temporary monument was erected but bore no names, only a verse (*Sleep Combat Eagles*) from a poem written by Konstantin Olenin⁷ in memory of the soldiers of the Russo-Japanese War, which became a popular song with music by Ivan Kornilov⁸.

This symbolic demonstration of force was meant to mask, or to compensate for, the fragility of the Bolshevik hold on the city. We should not forget that at the end of January 1918, the October Revolution was barely three months old. An article published two days later by the very same *Ural'skiy Rabochiy* and signed by “Berezovski” reveals, in an outraged tone, how the Bolshevik presence in Yekaterinburg was contested.

Even though it is not its aim, this paper makes it possible to get a better understanding of what happened during the funerals. First of all, the context was far more tense than one might think. The city was abuzz with rumours: according to them, it was not four bodies that were to be brought back to the city, but four carriages of corpses. The synecdoche that the Bolsheviks were trying to use was turned against them: the four corpses were not part of the Revolution, but part of the greater loss. The Bolshevik writer was concerned about the risk of panic and anxiety among “the wives, sisters and mothers” of soldiers sent to Orenburg. Even the place where the four were buried and the ceremony itself were turned upside down by the rumour-mongers. Why such honours when most of the dead were “buried hastily on the front in on-site mass graves”? The very symbolic dimension of the ceremony was thus undermined. Rumours circulated even among the crowd on Cathedral Square. “Berezovski” gives the impression of fearing a potential coup from the soldiers of the 124th reserve infantry regiment. He reports a rumour that he supposedly personally heard in the square, according to which soldiers were going to come and shoot all the people present [Уральский рабочий, 1918, 19 февр., с. 1].

⁷ During the Civil War, Olenin fought for the Whites.

⁸ These words were quite common on military monuments.

2. The funeral of the first victims from Dutov's front. Yekaterinburg, 1918

Downgrading words of dissent or hostility to “rumours”⁹ might have been a strategy of the paper. It seeks to give the impression that opponents were forced into hiding, compelled to use “weapons of the weak” [Scott]. The reality might have been more nuanced, as the journalist himself seems to actually take the threat seriously. He asks “the soldiers from the 124th regiment not to allow any bastard to discredit revolutionary honour” and to “publicly deny any hint of armed rebellion.” The presence of contestation at the very heart of the commemoration is emphasised even more by another detail told by the journalist. Just after the funerals, a “dame from ‘society’” snapped at the participants from her carriage: “They are obviously telling you that they are fighting for liberty, but they are carrying guns and even machine guns: what kind of liberty is this?” She receives answers and finally leaves, but the very fact that she felt strong enough to yell at the crowd during a supposedly important event is highly significant. The Bolshevik hold was not that firm: the pomp of the ceremony was therefore far more than a mere commemoration. The honours given to the corpses were a way to materially inscribe the relatively new Bolshevik order into the space of the city. But this was not enough, as anti-Bolshevik city dwellers fully understood this strategy: in the following days, the mass grave on Cathedral Square was frequently desecrated. According to the descriptions of the banker Vladimir Petrovitch Anichkov, in memoirs written in the US after his emigration, such incidents were common: the grave was opened and “filled with discharge sewage”, decorations substituted with a “dead cat or dog”, and epitaphs replaced by “swear words of three or five letters” [Аничков, с. 158–159].

A few weeks later, renewed fighting against Dutov's Cossacks took place not far away from Troitsk, south of Chelyabinsk. On 5 April, the bodies of

⁹ Usually studied for Stalin's era: [Johnston; Слухи в России XIX–XX веков].

nine killed workers were brought back to the city and buried two days later [Уральский рабочий, 1918, 27 апр., с. 2]. The ceremony was pretty much the same: a cortege moving from the train station to the burial site, the colours of flags, the sounds of salvoes fired from rifles and revolvers, the music of a funeral march sung by the participants, the cadence of speeches. The only difference lay in the fact that the bodies were apparently buried in individual graves (the press spoke of *mogily*, plural), and not in the centre of the city but in front of their former factory, Verkh-Iset Zavod (VIZ). The territorial dimension of the funerals was still important: symbolic places were bolshevized. The choice of a factory on the periphery rather than the central city square is nevertheless significant: the show of force was, probably, less crucial than in January. Once again, single individuals faded in front of a more political representation of sacrifice for the future. “Rest in peace, your names will live forever in the memory of the workers of Yekaterinburg”, wrote a journalist from *Ural’skiy Rabochiy*, only mentioning, however, a single surname. The bodies and funerals were definitely more political than material.

These efforts meant to appropriate city space found their post-factum justification a few months later. On 25 July, the White Army took control of Yekaterinburg. One of the first things they did was to erase the mass graves. Vladimir Anichkov described the extreme excitement of the crowd gathering around the pedestal: “Someone was haranguing the crowd and demanded that the bodies of the scoundrels be dug up and the monument restored. The crowd applauded wildly” [Аничков, с. 159]. The corpses were exhumed the next night and reburied in an unknown place at the order of the new commandant of the city. The same thing happened to the graves in front of the VIZ factory. Red corpses disappeared as Bolshevik power vanished.

They were immediately replaced by victims of the Bolshevik terror. In the very same square, the bodies of 19 *intelligenty* and *burzhui* were honoured in the cathedral. Remembering the event, Anichkov mentions the size of the crowd, “a sea of heads”, the colours of the flowers on the coffins, but also, as it was summer, an “unbearable smell”¹⁰ that forced him to leave. The meaning of these funerals seems, however, significantly different, more classical. The religious dimension is essential here. This is Antigone’s ambition: not to leave the bodies of martyrs without rites. The same practice can be found in the town of Kasli in September 1918 after the forced departure of the Bolsheviks. The bodies of several opponents¹¹ who had been shot and thrown into mine pits were exhumed, together with 37 other victims¹² [Власть народа, 1918, 1 сент., с. 3], and brought back with a procession to the city centre: they were buried on the grounds of the Cathedral of the Ascension.

¹⁰ One of the dead was Aleksandr Ivanovich Fadeev, a mining engineer executed by the *Cheka* on 26 June, one month prior. His body must have been decaying.

¹¹ More particularly, the priests Borodintsev, Belaev, and Miropolski.

¹² On the events of Kasli, see: [Берер, с. 106–108].

The Underpinning of Bolshevik Power

The Bolsheviks regained control of Yekaterinburg on 15 July 1919. Only five days later, the first burials of “heroic fighters who died for the liberation of proletariat” took place [Музей истории Екатерининбурга. Ед. хр. 1075]¹³. City dwellers were called (“all to the funerals, all outside, death to the White Guard!”) to take part in a demonstration bringing the corpses from the city hospital to the square in front of the Verkh-Iset factory. The meaning of this moment was, however, very different from those that took place in 1918, as close as they might have seemed. The materiality of the corpses this time played a central role. Aleksandr Medvedev¹⁴ described the ceremony and his feelings in his memoirs:¹⁵

Next to the dug mass grave, on a platform there were open coffins, with mutilated, shredded bodies. It was impossible to recognise my comrades who I had met and spoken to every day [Медведев, 1960, с. 138].

Another, less edited, version of the text is even more explicit:

In front of the mass grave on the platform there was a series of coffins upholstered in red cloth. The coffins were not closed. In these bodies, mutilated, chopped and streaked with ramrods, it was difficult to recognise those I had known well, I had met every day... but in one of the coffins bright red curls shone, not yet touched by decay. Was it really Sasha Smanovsky? <...> And here's another... The face cannot be recognised, not a face, but a wound... Black braids, a brown gymnasium dress... Ripa... Ripa Polezhaeva... [Медведев, 1964, с. 189–190].

Showing mutilated corpses was a political act. The materiality of wounds, the stigmata they displayed were part of the discourse of sacrifice and victory¹⁶. Death itself was not enough anymore: it was the way in which death occurred that mattered, above all its materiality.

Other remains were exposed in Bolshevik-controlled territories. Between February and May, the Bolsheviks ran a campaign against the cult of relics in the central part of Russia under their control [Nérard, 2014; Smith]. They decided to expose saints' relics from numerous churches and monasteries in order to demonstrate the inanity of beliefs about the bodies of saints. According to tradition, the corpses of dead saints were supposed to stay intact, untouched by natural decay. Shrines containing holy relics were thus publicly opened by the new authorities, revealing bones and not

¹³ Thanks to E. Burdenkov for providing this source.

¹⁴ A young Red army soldier, a worker at the VIZ and a future worker at the Uralsmash Plant.

¹⁵ He recalls the ceremony at 3 pm, while the aforementioned poster mentions time around 4 pm. There were several editions of these memoirs. The first was published in Sverdlovsk in 1939.

¹⁶ The same practice can be found in Tomsk in January 1920 when the Bolsheviks reburied their dead in Cathedral Square after the liberation of the city [Nérard, 2017, p. 79].

corpses. For the Bolsheviks, this campaign was a way to show the rest of the population that they were the new masters and that they were fearless. They were able to do what they wanted, to break any taboo, to defy even God's law. Photographs and even films of Bolsheviks surrounding open shrines were common. The near coincidence of the timing was not accidental, even if no text makes an explicit comparison between both practices. Both uses of open coffins were a way for the Bolsheviks to display their strength. The Bolshevik dead were the exact opposite of relics. They were real people, material bodies decaying after their death, stinking. They were human heroes who had died for the sake of the revolution. Dead bodies in public spaces were thus among the symbolic foundations on which the Bolsheviks built their power and legitimacy.

This politics of corpses also had another dimension. At the beginning of August, the Bolsheviks, faithful epigones of Antigone, set off in search of their dead in zones abandoned by the Whites in order to honour them. Collecting testimonies, they located massacre sites and mass graves, exhumed the corpses trying to identify them, and called relatives if needed. These operations were publicised: according to the Bolsheviks, the Whites had written a "book of blood and horrors" [Уральский рабочий, 1919, 6 авг., с. 3] that had to be made known. Readers of *Ural'skiy Rabochiy* could find a new, almost daily, section called "along the bloody trails", where the crimes of the defeated opponents were exposed and the fate of their victims very vividly told with extensive use of names. Very thorough inquiries were made: hundreds of pages were filled with data on the victims of the White terror or those "under the command of Kolchak" [ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 82, 235]. The authorities tried to learn exactly who had been killed and why.

The desire to name dead fighters is not new. It has even been reinforced by the characteristics of modern wars, where "individuals were swallowed up by mass death", as Reinhart Koselleck points it [Koselleck, p. 155]. The American Civil War and the First World War marked the first attempts to identify soldiers with individual plaques or documents. This did not prevent the anonymisation of death, a major consequence of the scale and technique of slaughter: millions of corpses are difficult to identify and modern weapons tend to destroy the integrity of bodies. Part of the answer can be found in the installation of monuments to the "fallen soldier" or to the "soldat inconnu" in Paris. The age of necronominalism, described by Thomas Laqueur, is the other side of the same coin [Laqueur, p. 414–446]. Names were a way to ward off the prospect of a lonely and nameless death. A civil war, where the victims are not necessarily regular fighters, reinforces that necessity of nomination.

Corpses were central in these processes of identification, as exhumations took place only a few weeks after the massacres, when the bodies were still recognisable. On 12 August, such mass graves were revealed in the region of Kamyshlov, some 130 km east of Yekaterinburg [Уральский рабочий, 1919, 12 авг., с. 2]. During their July 1919 retreat, the Whites took some

150 prisoners from the local prison as they headed along the Siberian road to Tyumen. But this huge number of prisoners slowed them and they decided to get rid of them, killing most of them on the spot. The massacre did not remain a secret due to the testimonies of those who had escaped the slaughter. An inquiry commission was rapidly set up, probably on 1 August, to find the corpses. It was headed by Khokryakov, a communist and member of the Kamyshlov revolutionary committee. The commission exhumed the bodies from the mass grave on 6 August [ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 126. Л. 114].

The minutes of the exhumation allow us to describe what happened and to understand the aims of the Bolsheviks. This was a very political moment. The exhumation was mostly conducted by grassroots activists: beside Khokhryakov, there were Meskidov, mentioned as a member of the commission, two presidents of rural revolutionary committees, and Suklesish, head of the volost revolutionary committee of Nikolski. The only professional linked with medicine was Zuev, a nurse practitioner from Kamyshlov hospital, far from a forensic specialist.

We carried out excavations, medical examinations, and burials of comrades, former captives in Kamyshlov and other prisons, victims of the evacuation to Siberia of the White Guard gangs, mercenaries of capitalists and here is what happened: there was a grave with 90 corpses, at the fifth kilometre of the Siberian road from the village of Nikolsky towards the village of Chereshnisky, three *sazhen'* (six metres) off the roadside. Not far from this grave, one person was buried in one grave and three people in the other. All these corpses were taken from the graves for examination and photography and placed in the middle of the road; after washing the corpses and undressing them, medical examination and examination by relatives started in order to identify them, and the following corpses were recognised... [ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 126. Л. 114].

126 corpses were found in different graves. Only a small minority were identified by relatives (28 out of 90 in the former example). Even fewer were claimed by their families. The others were reburied on the same site. There was clearly something more to the whole operation than identifying and honouring the dead. The display of the washed corpses alongside the road does not seem to be merely technical. Corpses were photographed. Each body was meticulously described (height, sex, estimated age), especially with regards to the wounds. Most of them had been inflicted with bladed weapons (sabre or bayonet) although some had bullet wounds. The bodies were horribly mutilated: skulls were chopped, chests and limbs stabbed. For example:

Citizen Matvei Konstantinovich Cheremnykh, aged 53, from Nikolskaya volost and factory, head smashed, right arm cut off from the shoulder at a length of 20 centimetres, two wounds on the right leg, bullet wound in the back on the right, height 2 arshin 6 vershok (1m 70).

This politics of bodies was a way of demonstrating sacrifice. This was not only an Antigone-style approach, aimed at paying due tribute to the dead, or a Diogenes-style one, not really caring about the material side of things, but a third way where the corporality of corpses was central: they were a powerful embodiment of sacrifice. They became therefore not an immaterial symbol, but a concrete incarnation of victory. This is why they had to have a name, to be shown and seen.

Times of Memorialisation and Disappearance

Corpses soon disappeared, however, for obvious and natural reasons: they were reburied and turned to dust. A new era began, one no less political but with a different materiality: the era of memorialisation. Bones and flesh were replaced by stone and metal. Red victims were now names on monuments. A link was, however, preserved with the former politics of corpses, as the sites of mass graves were often chosen as the focus of memorialisation.

Monuments were built relatively rapidly. One of them was inaugurated in Yekaterinburg on 1 May 1920, not far from the VIZ factory, where some bodies had been re-inhomed. Others could be found across the region: in Revda¹⁷ (1922), Nizhny Ufaley (1924), Verkhny Ufaley, Lysva (1924), and Sysert. In Kamyshlov, a modest pyramid was built in 1924 [Камышловские известия, 2018, 26 июля, с. 4]. As in the new regional capital, however, the monuments were built on the sites of former mass graves. In the city of Kasli, as well as in Nizhny Ufaley, the victims of the Kolchak army were buried in front of a factory entrance, where a new statue was erected in 1922. It represented a young fighter, dressed in a worker's apron, holding a rifle and a hammer: it was dedicated "to the heroes fallen for the revolution, 1918–1922". This monument was pretty much standard and can be found elsewhere in the region. The new monuments also had another aim. In most of these little factory towns, there were mass graves created by the Bolsheviks after anti-Bolshevik rebellions. The new monuments and the new mass graves were also meant to conceal the traces of Bolshevik violence, to once again mark the territory.

However, this change in materiality proved difficult to manage, as commemoration during reconstruction was not a priority¹⁸. After the Civil War, Soviet people were looking more to the future than to the past. Monuments were built but failed to fully capture the interest of the population. They were what Pierre Nora has called "dominant *lieux de mémoire*", places ordered "from above" that "one attends rather than visits" [Nora, p. 23]. In Yekaterinburg, the monument itself was changed several times: at first, it was a globe topped by a naked woman holding a flag and

¹⁷ In Revda, the tsarist repression of worker protests in the first half of the nineteenth century was commemorated: the dedication was therefore dated 1841–1922.

¹⁸ See the way mass graves in Leningrad were neglected before the establishment of Piskarevo cemetery [El Kénz, Nérard, p. 197–214].

a slogan “to the Ural communards fallen for liberation...” But, maybe because of the naked figure, the monument was rapidly removed and replaced with a cast-iron hero, a symbolic proletarian defeating tsarism. The site nevertheless was neglected as the memory of the Civil War faded away. In May 1924, an anonymous correspondent (“Old Guard”) of *Ural'skiy Rabochiy* wrote a short article denouncing the state of the mass graves: there were no flowers and the surfaces of some had collapsed due to a phenomenon connected with the decay of corpses: “The graves of the fighters for the proletarian revolution cannot be forgotten” [Уральский рабочий, 1924, 25 мая, с. 5]. Such articles can also be found in 1927. However, the authorities made every effort to ensure the permanence of commemoration: several new versions of the monument were inaugurated until a final version was erected in 1959, a work by the architects Yu. Potapov and B. Izmodenov.

The monument's continual evolution ended up masking the grave itself. When, in 2015, excavations were conducted due to the forthcoming world football championship, nothing was found: according to documents from the party archive, up to 200 bodies were supposed to be buried there. The remains may have been removed during the reconstruction of the memorial in 1959. This disappearance is more than symbolic: what is left of the memory of the Civil War? The monument is today surrounded on both sides by busy roads, making access anything but simple.

* * *

The Bolsheviks had to answer a very practical question during a murderous war. What was to be done with the corpses of fallen fighters? In most places, dead bodies were buried where they were killed, in anonymous mass graves. But the Bolsheviks did not content themselves with that. They developed a real politics of corpses, using dead bodies in public space. Some of them were carried through public space to deal with different demands. During the tense and fragile atmosphere of 1917–1918, the Bolsheviks felt a need to demonstrate their strength given that they were actually weak and threatened. Fallen soldiers were displayed across the city with pomp, music, and flags. Monuments were erected. But all this proved fragile: their monuments were mocked, their dead ignored and promptly reburied as soon as they lost the control of the city.

When their grip on power tightened after 1919, they still used a political grammar based on corpses, although different from the previous iteration. Corpses had to be shown in all their ugliness in order to emphasise the violence of the Whites and the scale of the sacrifice for the revolution. Wounds and mutilated bodies became the stigmata of the new authorities. The population had to see the price paid for victory.

Bodies, however, eventually disappeared for natural reasons. On the site of mass graves, monuments were erected. They were meant to become landmarks in the mental landscape of city dwellers. But as time passed, the memory of the Civil War became blurred. During the 1920s, people

wanted to go forward and forget about the horrors of war. These monuments were sometimes forgotten even though the political authorities always maintained them. The materiality, however, faded away, as the population did not seem to appropriate the monuments. They still exist, but most of their necessity has disappeared.

The materiality of corpses was crucial. It was a tool in the foundation of a new society. Knowing this, it is difficult not to think about what happened less than 20 years later during Stalin's Great Terror, a core element of which was precisely the total disappearance of bodies. The victims of repression were arrested and then disappeared. Relatives were not informed of their deaths; they were even lied to and consequently were deprived of the bodies. Stalin and his henchmen had probably learned the lesson of the naked year Pilnyak mentions and the political power of corpses.

Список литературы

- Аничков В. П.* Екатеринбург – Владивосток (1917–1922). М. : Рус. путь, 1998. 364 с.
- Вебер М. И.* Антибольшевистское повстанчество на Урале в годы Гражданской войны (1918–1919) : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург : [Б. и.], 2014. 309 с.
- Власть народа. 1918. 1 сент.
- Ганин А. В.* Атаман А. И. Дутов. М. : Центрполиграф, 2006. 622 с.
- ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 82, 235.
- Искра. 1865. № 11.
- Камышловские известия. 2018. 26 июля.
- Медведев А. И.* По долинам и по взгорьям. М. : Воениздат, 1960. 152 р.
- Медведев А. И.* По долинам и по взгорьям. Свердловск : Сред.-Урал. книж. изд-во, 1964. 219 с.
- Музей истории Екатеринбурга. Ед. хр. 1075.
- Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории. Челябинск : Каменный пояс, 2011. 362 с.
- Строд И. Я.* В якутской тайге. М. : Воениздат, 1961. 185 с.
- Уральский рабочий. 1918. 17, 19 февр., 7 апр.; 1919. 6, 12 авг.; 1924. 25 мая.
- ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 126.
- Arzel L., Foliard D.* Tristes trophées : Objets et restes humains dans les conquêtes coloniales (XIXe – début XXe siècle) // *Monde(s)*. 2020. № 17. P. 9–31.
- El Kenz D., Nérard F.-X.* Commémorer les victimes en Europe : XVIe–XXIe siècles. Seyssel : Champ Vallon, 2011. 339 p.
- Fureix E.* La France des larmes : deuils politiques à l'âge romantique (1814–1840). Seyssel : Champ Vallon, 2013. 515 p.
- Johnston T.* Being Soviet. Identity, Rumour, and Everyday Life under Stalin. Oxford : Oxford Univ. Press, 2011. 240 p.
- Koselleck R.* Les monuments aux morts, lieu de formation de l'identité des survivants : L'expérience de l'histoire. Paris : Hautes Etudes; Gallimard, Le Seuil, 2011. P. 135–160.
- Laqueur T. W.* The Work of the Dead: A Cultural History of Mortal Remains. Princeton, New Jersey : Princeton Univ. Press, 2015. 711 p.
- Nérard F.-X.* Détruire les croyances en dévoilant les reliques : un épisode de l'icônoclasmе bolchevique après 1917 // *Iconoclasmе et révolutions de 1789 à nos jours* / ed. E. Fureix. Seyssel : Champ Vallon, 2014. P. 222–231.
- Nérard F.-X.* Of Time and Things: Uses of Objects from Soviet Mass Graves // *Les Cahiers Sirice*. 2017. Vol. 2. № 19. P. 77–92.
- Nora P.* Between Memory and History : les lieux de mémoire // *Representations*. 1989. № 26. P. 7–24.

Scott J. C. *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. N. Haven : Yale Univ. Press, 1985. 389 p.

Smele J. D. *The “Russian” Civil Wars, 1916–1926: Ten Years That Shook the World*. Oxford ; N. Y. : Oxford Univ. Press, 2015. 423 p.

Smith S. A. *Bones of Contention: Bolsheviks and the Struggle against Relics 1918–1930 // Past and Present*. 2009. Vol. 204. № 4. P. 155–194. DOI 10.1093/pastj/gtp023.

Traverso E. *Mélancolie de gauche : la force d’une tradition cachée (XIXe – XXIe siècle)*. Paris : La découverte, 2018. 232 p.

Znamensky P., Gallice G. *Sous les plis du drapeau rouge*. Paris : Ed. du Rouergue, 2010. 348 p.

References

Anichkov, V. P. (1998). *Yekaterinburg – Vladivostok (1917–1922)* [Yekaterinburg – Vladivostok (1917–1922)]. Moscow, Russkii put'. 364 p.

Arzel, L., Foliard, D. (2020). Tristes trophées. Objets et restes humains dans les conquêtes coloniales (XIXe – début XXe siècle). In *Monde(s)*. No. 17, pp. 9–31.

El Kenz, D., Nérard, F.-X. (2011). *Commémorer les victimes en Europe : XVIIe–XXIe siècles*. Seyssel, Champ Vallon. 339 p.

Fureix, E. (2013). *La France des larmes : deuils politiques à l’âge romantique (1814–1840)*. Seyssel, Champ Vallon. 515 p.

Ganin, A. V. (2006). *Ataman A. I. Dutov* [Ataman A. I. Dutov]. Moscow, Tsentrpoligraf. 622 p.

GASO [State Archive of Sverdlovsk Region]. Stock R-511. List 1. Dos. 82, 235.

Iskra [Iskra]. (1865). No. 11.

Johnston, T. (2011). *Being Soviet. Identity, Rumour, and Everyday Life under Stalin*. Oxford, Oxford Univ. Press. 240 p.

Kamyshlovskie izvestiya [Kamyshlovskie Izvestiya]. (2018). July 26.

Koselleck, R. (2011). *Les monuments aux morts, lieu de formation de l’identité des survivants. L’expérience de l’histoire*. Paris, Hautes Etudes, Gallimard, Le Seuil, pp. 135–160.

Laqueur, T. W. (2015). *The Work of the Dead: A Cultural History of Mortal Remains*. Princeton, New Jersey, Princeton Univ. Press. 711 p.

Medvedev, A. I. (1960). *Po dolinam i po vzhgor' yam* [In the Valleys and on the Hills]. Moscow, Voenizdat. 152 p.

Medvedev, A. I. (1964). *Po dolinam i po vzhgor' yam* [In the Valleys and on the Hills]. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 219 p.

Muzei istorii Ekaterinburga [Museum of the History of Yekaterinburg]. Ed. khr. 1075.

Nérard, F.-X. (2014). Détruire les croyances en dévoilant les reliques : un épisode de l’iconoclasme bolchevique après 1917. In Fureix, E. (Ed.). *Iconoclasme et révolutions de 1789 à nos jours*. Seyssel, Champ Vallon, pp. 222–231.

Nérard, F.-X. (2017). Of Time and Things: Uses of Objects from Soviet Mass Graves. In *Les Cahiers Sirice*. Vol. 2. No. 19, pp. 77–92.

Nora, P. (1989). Between Memory and History : les lieux de mémoire. In *Representations*. No. 26, pp. 7–24.

Scott, J. C. (1985). *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. N. Haven, Yale Univ. Press. 389 p.

Slukhi v Rossii XIX–XX vekov. Neofitsial'naya kommunikatsiya i “krutye povoroty” rossiiskoi istorii [Rumours in Russia in the 19th–20th Centuries. Non-Official Communication and the “Big Twists” of Russian History]. (2011). Chelyabinsk, Kamennyi poiyas. 362 p.

Smele, J. D. (2015). *The “Russian” Civil Wars, 1916–1926: Ten Years That Shook the World*. Oxford, N. Y., Oxford Univ. Press. 423 p.

Smith, S. A. (2009). Bones of Contention: Bolsheviks and the Struggle against Relics 1918–1930. In *Past and Present*. Vol. 204. No. 4, pp. 155–194. DOI 10.1093/pastj/gtp023.

- Strod, I. Ya. (1961). *V yakutskoi taige* [In the Yakutsk Taiga]. Moscow, Voenizdat. 185 p.
- Traverso, E. (2018). *Mélancolie de gauche : la force d'une tradition cachée (XIXe – XXIe siècle)*. Paris, La découverte. 232 p.
- TsDOOSO* [Centre for Documentation of Public Organisations of Sverdlovsk Region]. Stock 41. List 1. Dos. 126.
- Ural'skii rabochii* [*Ural'skii Rabochii*]. (1918). Febr. 17, 19; Apr. 7. (1919). Aug. 6, 12. (1924). May 25.
- Veber, M. I. (2014). *Antibol'shevistskoe povstanchestvo na Urale v gody Grazhdanskoi voiny (1918–1919)* [The Antibolshevik Rebellions in the Urals during the Years of the Civil War (1918–1919)]. Dis. ... kand. ist. nauk. Yekaterinburg, S. n. 309 p.
- Vlast' naroda* [*Vlast' Naroda*]. (1918). September 1.
- Znamensky, P., Gallice, G. (2010). *Sous les plis du drapeau rouge*. Paris, Ed. du Rouergue. 348 p.

The article was submitted on 29.09.2020

FUNERAL REFORM AND THE MATERIALITY OF DEATH IN THE RUSSIAN CIVIL WAR* **

Anastasia Papushina

Central European University,
Budapest, Hungary / Vienna, Austria

Based on documents produced by various Soviet institutions in Moscow, Ivanovo-Voznesensk, and Yaroslavl' in 1917–1922, this paper looks at the transformations of the Soviet funeral industry during the Civil War. After the October Revolution, a series of decrees proclaimed the secularization of funeral practices and attempted to purify them of monetary relations and hierarchy. The funeral ranks, or *razryady*, were eliminated, and Soviet institutions were obliged to provide equal services for all citizens regardless of their social background. This initiative was part of a larger project of creating a new man with new values by changing everyday practices. Due to administrative difficulties caused by the regime change and wartime challenges, the implementation of the funeral reform was fraught with perturbations at state, local, and family level. In Moscow, these problems led to the full-fledged “funeral crisis” of 1919, when the rise in mortality, serious shortages in supplies, and bureaucratic prevarications resulted in dead bodies being left unburied for prolonged periods of time. In the smaller towns of Ivanovo-Voznesensk and Yaroslavl', the crisis was less intense, and the funeral industry, while being transformed in accordance with the decrees, could still cope with popular demands. Several factors might explain this difference, including town size and the less rigid attitude of the provincial authorities to the implementation of funeral innovations. The ambitious funeral reform was not entirely successful: this paper argues that the attempts to change this death-related industry did not concern the fundamental norms of dealing with the dead, namely the idea shared by both the Soviet officials and the population that a dead body deserves personal space, privacy, and respect.

Keywords: Soviet Russia, Civil War, funeral reform, everyday norms, secularization, death-related practices

* The author would like to thank Marsha Siefert and Eszter Timar for their valuable input. This research was partially funded by the CEU Foundation.

** *Citation:* Papushina, A. (2021). Funeral Reform and the Materiality of Death in the Russian Civil War. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 1. P. 155–168. DOI 10.15826/qr.2021.1.571.

Цитирование: Papushina A. Funeral Reform and the Materiality of Death in the Russian Civil War // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 1. P. 155–168. DOI 10.15826/qr.2021.1.571.

В исследовании, выполненном на базе официальных источников из Москвы, Ярославля и Иваново-Вознесенска, рассматриваются изменения раннесоветской похоронной сферы в годы Гражданской войны. После Октябрьской революции ряд декретов секуляризовал похороны и сделал их формально бесплатными и равными для всех. Были упразднены разряды похорон, а советские учреждения, заменившие церковь, должны были обеспечить одинаковые минимальные условия похорон для всех категорий населения. Эта инициатива была частью более обширного проекта по созданию «нового человека» через внедрение новых повседневных практик. Однако в силу условий военного времени и административных сложностей, вызванных сменой режима, проведение похоронной реформы в жизнь было сопряжено с трудностями на государственном, местном и семейном уровнях. В Москве эти сложности вылились в так называемый «кладбищенский кризис» 1919 г. Тогда рост смертности, перебои с материалами и бюрократические проволочки привели к тому, что тела умерших в течение длительного времени оставались непогребенными. В маленьких городах (Иваново-Вознесенске и Ярославле) кризис был выражен слабее, и похоронная индустрия смогла справиться с запросами населения, несмотря на сложности, связанные с реформой, что объясняется размером населенных пунктов и менее пристальным вниманием провинциальных властей к проведению реформы. В статье утверждается, что попытки изменить погребальную сферу не затронули фундаментальных норм, касающихся обращения с покойными. В частности, представление о том, что покойнику необходимы собственное место, приватность и уважение, сохранилось как у населения, так и у советских служащих.

Ключевые слова: Советская Россия, Гражданская война, похоронная реформа, повседневные нормы, секуляризация, погребальные практики

On 16 January 1919, the legal department of the Moscow branch of the People's Commissariat of State Control initiated an inspection of city cemeteries after receiving alarming reports about "masses of unburied bodies lying in a few places across the city"¹ [ГАРФ. Ф. Р4390. Оп. 12. Д. 40. Л. 3]. State controller Anatoly Yakubovich visited the mortuary of the Rzhevsky hospital to find about 150 unburied bodies "lying partly on shelves and partly right on the ground", "on one another across the entire barn area." [Там же. Л. 17]. Yakubovich was enraged (several words in his typewritten inspection report are thickly underlined in pencil): the picture he witnessed was a flagrant violation of norms related to the treatment of the dead. But in 1919, the case of Rzhevsky hospital was far from unique. In the Civil War years, the Soviet funeral industry in Moscow and, to a lesser extent, in the smaller cities of Central Russia found itself in an uneasy situation caused by regime change, funeral reform, and economic collapse against a background of ongoing military action.

¹ Translations of all documents are made by the author of the article.

The political intention behind the funeral reform was to curtail the influence of the Church over everyday practices and to push forward a new way of living based on Marxist ideology and lay values. The reform and tough wartime conditions seem to have significantly transformed the way funerals were organized in Russia.

This research is based on typewritten and handwritten sources produced by various Soviet institutions. The sources include letters, minutes, reports from communal departments, inspection results, legislative documents and similar texts. While the Moscow archival holdings are quite well-known to scholars [Мальшева; Sokolova], provincial cases often remain understudied, although they provide informative counterexamples to the situation in the capital².

The Funeral Reforms (1917–1918)

Before 1917, Russian funerals were intrinsically bound to religion and were fundamentally hierarchical. When a person died, their family members were obliged to inform the local priest; without a religious ceremony, the funeral was not deemed to be legal [Булгаков, с. 1296–1301; see also: Сафонов]. Administratively, noting the fact in a church registry book was the only way to register a death. Economically, the Church was the major beneficiary and administrator of death-related funds. The priests performing the service received offerings from the families, and the cemetery clergy controlled the assets for maintaining cemetery plots: the land in the graveyards also belonged to the Church [Булгаков, с. 950–951]. The Church controlled formally independent funeral homes, which, in urban contexts, were the major providers of funeral accessories (clothes, shoes, flowers, and garlands) and arrangements (coffins, carriers, diggers, carts, and horses) [Sokolova, p. 252].

The funeral hierarchy lay at the intersection of economic and normative considerations. The scope of funeral arrangements correlated with the wealth and social status of the deceased. There were seven ranks, or *razryady*, of which the first was the most luxurious funeral service, while the seventh awaited those who could barely afford a coffin. Funeral ranks manifested themselves in the quality and quantity of funeral accessories, the scope of the procession, and the choice of the cemetery plot: the further away from the church or the entrance to the cemetery, the cheaper the places and the poorer the graves [Григорьев, с. 235–245; Засосов, Пызин, с. 45–48]. The cheapest funerals were sponsored by parish churches, mostly using funds collected from top-rank ceremonies.

These two foundational principles of pre-revolutionary Russian funerals were challenged in 1917. Vladimir Bonch-Bruевич called for a reform to separate church and state, resulting in the “civil marriage and the civil funeral that have long been awaited by all free-thinking people” [Бонч-

² I have been able to identify only a few works specifically concerning the provincial funeral industries and necropolises, among which [Панин; Миронова].

Бруевич, с. 13]. After the October Revolution, the Bolsheviks took a series of steps towards abolishing both the religious character of the funerals and their inequality. In December 1917, the decree “On civil marriage, children, and introducing civil act registration books,” transferred the registration of death from the Church to newly organized lay bureaus [Собрание узаконений, с. 161–163]. About a month later, the decree “On the separation of church from state, and the school from the church” (January 23, 1918) secularized the public sphere and definitively deprived the Church of the right to register civil statuses, including deaths. Registry books were to be handed over to the bureaus for registering civil acts (*organy zapisi aktov grazhdanskogo sostoyania*, ZAGS) [Собрание узаконений, с. 849–858].

On 7 December 1918, the Council of People’s Commissars issued a decree “On cemeteries and funerals.” The decree transferred “all cemeteries, crematoriums, and morgues, as well as organizational aspects of funerals” to the local Soviets of Deputies (art. 1); introduced equal funerals for all citizens and eliminated the hierarchy of burial plots and funeral ceremonies, all while permitting families to organize church services at their own expense (art. 2); forbade paying for cemetery plots (art. 3); tied burials to formal permits from local ZAGS (art. 4); and municipalized funeral homes while obliging them to continue operations (art. 5) [Декрет о кладбищах и похоронах].

Following these reforms, the civil authorities were supposed to step in and take over the funeral procedures, replacing the Church, a responsibility they had never had before the revolution. Soviet officials were to supervise the administrative and material sides of funerals and ensure that all citizens received the same minimal service irrespective of their financial and social situation. Importantly, during the first post-revolutionary years, the Church was not eliminated from the equation: families were allowed to organize religious ceremonies if they wished. Families remained essential in the process: except for vulnerable social groups that the social security departments of the local Soviets catered for, it was the relatives of the deceased that initiated the process, paid for the funerals, and arranged for all the extras, ranging from the religious service to ceremonial accessories [Там же, ст. 6].

Administrative Consequences of the Funeral Reforms

In the absence of clear operational instructions, the ongoing redistribution of the death-related duties of the Church among Soviet institutions caused a visible administrative imbalance. For example, in Moscow, after being generally transferred from the Church to lay institutions, the registration of civil statuses was passed from local notary departments to the jurisdiction of the People’s Commissariat for Internal Affairs [Кодекс законов об актах гражданского состояния; see also Галкин, с. 6]. The registration of deaths was accompanied by unfamiliar formalities. One should “make a note... in the legal department of the local Soviet of Deputies, and after that, petition the local commissariat to obtain a burial certificate.”

The certificate was necessary for contacting the cemetery committee in order to arrange a cemetery plot [ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 682. Л. 21 об.]. Extensive bureaucracy made funerals an extremely time- and effort-consuming affair for families and authorities alike. According to an official report in 1919, the “registration of each individual death case was accompanied by needless bureaucratic formalities, the completion of which would hold back the very act of the interment of each particular body sometimes for weeks” [Там же].

Daily death-related activities were formally the responsibility of communal departments (*kommunal'nye otdeley*): they were to control all “utility enterprises of local importance,” including cemeteries, funeral bureaus, and crematoriums (to note, there were not any in Russia at the time). In Moscow, a specialized Department for Funeral and Sanitary Arrangements was established under the jurisdiction of the Moscow Soviet. The municipalization of Moscow funeral homes was intermittently controlled by the Economic Department of the Moscow Soviet and the Department of Social Security; the People’s Commissariat for Public Health and the People’s Commissariat for Internal Affairs sometimes made recommendations. Supplies for funerals – fabrics, wood, tools, accessories – were to be obtained at *Prodotel*, *Gorprodukt*, *Predrasmet*, *Tsentrotekstil*, or some other centralized entity that redistributed nationalized or municipalized goods. The Department of Transport had to provide horses, carts, or trucks if requested [ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 306. Л. 54; ГАРФ. Ф. Р4390. Оп. 12. Д. 40. Л. 37 об.]

In the provinces, the overlapping of responsibilities of different administrative bodies and the “dispersal of functions” of the communal department among other institutions was one of the reasons for the delayed implementation of the new death-related legislation. In the rapidly growing industrial town of Ivanovo-Voznesensk, 300 km north-east of Moscow, the funeral sub-sections were definitively attached to communal departments by a decree of the Council of People’s Commissars as late as April 1920, while all other communal functions were united under the jurisdiction of a single department as late as the second half of 1922 [ГАИО. Ф. Р139. Оп. 1. Д. 40. Л. 45; ГАЯО. Ф. Р208. Оп. 1. Д. 23. Л. 1].

Other small towns managed to adapt faster. In Yaroslavl’ (270 km north-east of Moscow), the formal reorganization of the funeral industry took only a few months. In February 1919, a commission was elected at the Communal Department of the City Soviet to “urgently get to the organization of the funeral business” [ГАЯО Ф. Р122. Оп. 1. Д. 6. Л. 70]. By June, private funeral homes were municipalized, two new ones founded, and the whole business “ran strictly in the prescribed manner,” providing the population with all the necessary services [ГАЯО. Ф. Р122. Оп. 1. Д. 119. Л. 14 об., 22 об., 28 об., 36].

As the exact order of distributing responsibilities was not prescribed, some funeral bureaus supervised both administrative and practical tasks. Upon receiving the death report from the notarial department, the newly organized bureaus in Yaroslavl’ were responsible for issuing burial orders

and work tickets for transportation and digging graves [ГАЯО. Ф. Р122. Оп. 1. Д. 133. Л. 97]. In the latter, they continued the business of older funeral homes, also selling funeral apparel, flowers, and other accessories. There was a somewhat similar consistency in operations in Ivanovo. In the winter of 1920, the Ivanovo communal department took formal control over the Consumer Society's business of making coffins and funeral accessories. Their distribution, however, remained the responsibility of the society [ГАИО. Ф. Р31. Оп. 1. Д. 193. Л. 31 об., 47].

It appears that with growing distance from the capital, funeral reforms gradually lost fervor. Moscow served as a testing ground for innovations, and the implementation of death-related decrees was controlled more attentively. Due to this heightened attention – and to the city's size – implementing novelties involved more competing actors and took more time [ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 306. Л. 47]. In smaller towns, the funeral business tended to run as usual, just under a different name. Judging by the sources from Yaroslavl' and Ivanovo-Voznesensk, provincial authorities wanted to report the successful implementation of the reforms rather than push for fundamental changes in this domain. Popular demand for new procedures was also low: in Ivanovo, by March 1918, there was not a single case of a civil marriage, and the civil registration of deaths did not even come up in discussions [ГАИО. Ф. Р31. Оп. 1. Д. 52. Л. 2, 4, 4 об.]. Initiative usually came from the capital.

War-Related Obstacles to the Funeral Reform

Judging by the sources from Moscow, Yaroslavl', and Ivanovo-Voznesensk, the funeral industry in Central Russia would have been able to demonstrate at least superficial compliance with the new regulations relatively quickly. However, continuous military action and the associated circumstances complicated the implementation of the 1917–1918 funeral reforms. Russia had been at war since 1914; after signing the Treaty of Brest-Litovsk, fighting continued within the territory of the former Romanov Empire until at least 1922. During this period, one major consequence of the war for the funeral industry was a colossal rise in mortality. Due to the unreliable and incomplete statistical data, administrative issues related to the regime change, and methodological complications, the estimates of Russian death rates during these years vary greatly. Based on various estimates, the First World War, the Civil War, war-associated epidemics, and other diseases, as well as political executions and terror, might have taken 8 to 18 million lives³.

³ The estimate of 8 million is given in [Гражданская война и иностранная интервенция в СССР, с. 14]. Boris Uralnis believes that in 1917–1920, the number of deaths accounted for 10–11 million [Урланис, с. 26]. Sergey Maksudov estimates that between 1913 and 1922, the Russian population lost about 15.5 million people, including those dead from 1921 famine [Максудов, с. 187]. Vadim Erlikhman, summarizing losses from the First World War, the Civil War, political terror (about 2 million people), epidemics (about 5 million people), and emigration (about 2 million people), concludes that “direct population losses in 1914–1922 account for 18,5 million people” [Эрлихман, с. 12].

In the cities and towns of Central Russia, it was not the fighting itself, but war-related diseases that took on the most menacing proportions. In winter, the main killers were typhus and diseases of the respiratory system: pneumonia, influenza, and the Spanish flu. In summer, the heat and humidity helped spread gastro-intestinal infections, cholera, and dysentery. The spread of infections was associated with social migrations. "It is known that typhus is brought to Moscow from the outside, and this time, epidemics are spread along the railroads, mostly by soldiers coming back from the front," *Krasnaya Moskva* wrote in 1920 [Красная Москва, с. 76]. In the overcrowded barracks of soldiers and war prisoners, infections were numerous and ever more threatening for civilian populations given that they were often situated within the city's reach. Permanent migrations of armies, refugees, and seasonal workers running to their native villages away from hunger and conscription helped to spread diseases out into the provinces. Hindered access to sanitation and medicine aggravated the situation and further increased mortality.

For the funeral industry, the rise in mortality was a major impact factor. It meant that an increasingly high number of bodies had to be buried, and due to migrations, many of those bodies belonged to people who had died away from home, not having their families to take care of them. The burdensome task of burial fell on the state administrations and institutions.

Conscription was another factor influencing the funeral industry. Military duty was among the major leaks of potential Soviet personnel that, along with desertion and agricultural mobility, caused in summer a significant backflow of men of peasant origin to their native villages. Still, the urban funeral process needed day laborers for basic tasks: digging graves, carrying bodies, driving funeral carts. The Soviet funeral institutions tried to protect their workers from military duty. Thus, in July 1919, the Moscow Department for Funeral and Sanitary Arrangements proclaimed funeral-related jobs "labor conscription," and asked the presidium of the Moscow Soviet to consider all staff members of the department "enlisted in the military." As such, they would be banned from leaving their jobs [ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 682. Л. 53, 53 об.]⁴

Transportation issues also hit the funeral industry hard. Most horses and automobiles were mobilized for the war. The remaining animals, carts, and trucks either belonged to private owners – and therefore had to be rented at exorbitant prices – or were at the disposal of several Soviet institutions, which caused never-ending protractedions and made the means of transportation almost inaccessible for funerals. The horses often suffered from malnutrition and poor living conditions. An inspection of the Mos-

⁴ The lack of personnel was partly due to a popular disgust towards carrying dead bodies and digging graves. These types of jobs were considered dirty and sometimes dangerous, and the staff turnover was high even in less tense times. In 1919, the Yaroslavl funeral bureau had only nine carriers, and it was "not possible to supplement the staff due to the unwillingness of candidates sent... by the Labor Exchange" to take up the job [ГАЯО. Ф. P122. Оп. 1. Д. 133. Л. 97].

cow funeral department's stable in winter 1919 showed that all eighteen horses were undernourished, and seven of them were sick with mange [ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 682. Л. 8 об.].

Finally, the war demanded all material resources available, including wood, textiles, and ironware of all sorts. The remaining supplies were offered to several competing Soviet institutions, and the funeral sections of communal departments were not first on the list. As a result, the funeral industry had a serious shortage of coffins, nails, shrouds, shoes, and other accessories deemed necessary for a decent funeral.

These effects of war were felt in the capital as well as in the provinces. In Moscow, with epidemics following one another and death rates breaking records, the combination of wartime challenges and administrative novelties caused in 1919 what was referred to as "the funeral crisis." Day laborers were hard to find (they were either being conscripted into the army or fled the city). In an attempt to force them to stay, the Department for Funeral and Sanitary Arrangements decided that its employees were "working under combat conditions, and therefore any non-fulfilment by workers and employees of orders... should be considered a violation of combat discipline" [ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 306. Л. 96 об.]. This measure did not help. Transportation caused major problems as well: horses were few, centralized institutions had nothing to offer, and when the Department for Funeral and Sanitary Arrangements tried, in the winter of 1919, to rent carts from private owners, it "incurred such fantastic expenditures that we had to renounce this idea the very next day" [ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 682. Л. 28 об.].

Tools and materials, even shovels and nails, were in short supply. When the stocks of both the communal department and *Gorprodukt* ran out, tools were purchased from private sellers at exorbitant prices [ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 306. Л. 54]. As for coffins, it suddenly turned out that they were not in stock in Moscow, and the necessary number could not be produced due to the "absence of the necessary workforce for making them" and the "shortage of materials, planks, nails for making them" [ГАРФ. Ф. Р4390. Оп. 12. Д. 40. Л. 24].

As a result, the city had no means to clothe, cover, transport, and bury its dead, although their number was increasing daily. Throughout 1919, unburied bodies "accumulated in hospitals, clinics, morgues, commissariats, and private apartments in such numbers that there appeared a serious threat to the public order regarding the health of the citizens of Moscow" [ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 682. Л. 16]. Other bodies were buried, but scandalously: they arrived in cemeteries "in a disgraceful condition: naked, in horrible postures; they were put not only inside streetcar carriages but also on the platforms." At the cemeteries, they were laid to rest – often in communal graves (only tolerated in extreme conditions such as during war), often without coffins [ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 682. Л. 25 об.; ГАРФ. Ф. Р4390. Оп. 12. Д. 40. Л. 32 об.]. Such disorder lasted in Moscow for over a year and only started to ease in mid to late 1920.

The smaller cities of Central Russia went through the Civil War period with lesser shocks, although not effortlessly. In Yaroslavl, wartime hardships hit the funeral industry in the same way as other branches of the communal economy. Horses were dying, men were leaving or unwilling to take on the unpleasant responsibilities in the burial process [ГАЯО. Ф. Р122. Оп. 1. Д. 119. Л. 14, 14 об.]. From December 1918 to April 1920, there were four increases in the costs of funeral services and in the price of “all accessories related to funerals,” each time going up by 20 to 50 per cent [ГАЯО. Ф. Р122. Оп. 1. Д. 7. Л. 80 об., 189, 189 об.]. The variety of funeral accessories available in the warehouse of the communal department was scarce: the two bureaus, despite their alleged smooth functioning, could only offer mousseline for shrouds, as “there was nothing else.” A special statement also admitted that “catafalques did not function due to the absence of horses” – but one could ask for a carrier to take the body to the cemetery [ГАЯО. Ф. Р122. Оп. 1. Д. 133. Л. 9 об.]. Violations of burial norms were similar to those in Moscow but were infrequent. Thus, in March 1919, a squadron commander of a railroad defense regiment called the sanitary department’s attention to the “inadmissible occurrences:” bodies taken to a cholera cemetery were not buried, but simply piled up “as if at a wood yard” [Там же. Л. 5]. Still, according to a report from late 1919, “the population was getting all the services they wanted,” and the situation was far from critical. Importantly, after a short period of reorganization, individual artisans resumed their businesses, producing accessories for the deceased. The funeral department acted as their employer and as an intermediary between them and their clients [ГАЯО. Ф. Р208. Оп. 1. Д. 56; Ф. Р122. Оп. 1. Д. 214].

Similarly, in Ivanovo, the shortage of materials, manpower, and supplies was tangible in the communal department. The dirtiest work caused most problems: the sanitation brigade suffered from the loss of horses and “absence (crossed out) shortage of manpower and abse (crossed out) shortage of shoes for workers” [ГАИО. Ф. Р1175. Оп. 1. Д. 52а. Л. 4, 11]. Compared to this, the situation in the funeral department was regular. It generally “satisfied all citizens’ requests for coffins,” even though the coffin workshop was often “in urgent need of battens for making coffins and of upholsterer’s sundries” [Там же]. A Moscow-like crisis did not happen.

Monetary Relations, Hierarchy, and The Persistence of Older Norms

It is clear that during an acute economic and political situation, the Soviet state proved unable to cope with the challenges in the funeral sphere it was partly responsible for. Taking control over cemeteries and municipalizing funeral supplies was not enough to respond to increased mortality and wartime scarcity; the cost of materials and services was ever-rising as private suppliers used the situation for their own benefit. State allocations for maintaining the funeral industry were close to nothing: as late as January 1919, the head of the Moscow Vagan’kovskoe Cemetery Workers’ Committee explained that “the decree on nationalizing the funeral industry has

not been implemented yet” because the cemetery did not receive any state funding [ГАРФ. Ф. Р4390. Оп. 12. Д. 40. Л. 30]. Funeral administrations were forced to spend increasingly high sums from their tight budgets on transportation, workers’ remuneration, and supplies.

Consequently, institutions tried to share their responsibilities with the population, which seemed especially appropriate given the traditionally high level of family engagement in the funeral process. By the decrees of 1917 and 1918, families were allowed to organize extra services and arrangements at their own expense; in 1919–1920, they were also being forced to cover the basics that were supposed to come free of charge to all citizens. Cemetery management and funeral departments charged for their services, as this was often the only way to keep the business running and to ensure the provision of even the modest supplies they could offer. Cemetery committees continued the pre-revolutionary practice of selling grave plots, which was formally prohibited in 1919.

In such circumstances, feeble efforts to keep funerals free of charge or at least affordable – for instance, by exchanging payments for coupons that were then to be remunerated in cash at the social security department after the funeral⁵ – were doomed. Funerals remained a service to be purchased. This automatically brought back the hierarchy: some families could afford more sophisticated services (in more fortunate cases, this would cover the costs for burying the poorest) [ГАРФ. Ф. Р4390. Оп. 12. Д. 40. Л. 30]. For some, however, the financial barrier completely blocked off burials. This was one of the reasons for the emergence of the funeral crisis in Moscow: for the authorities and the population alike, the cost of funeral necessities was often unsurmountable. As one report pointed out, prices for carrying the body to the cemetery and digging the grave could be so high that the “horrified” relatives of the deceased, “unable to satisfy the appetites of cemetery bureaus and gravediggers due to the stringency in money, left the bodies of their relatives in the institutions where death had taken them” [ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 682. Л. 22].

These critical situations, however, were never considered a new norm – either by the Soviet authorities that condemned them in internal reports and letter exchanges or by the people, who, according to the official papers, openly expressed their discontent at the sight of a communal grave or an unburied body. Secularizing the funeral ritual was provocative, but the possibility of arranging a religious service privately mitigated the irritation. But a departure from the basic norms of dealing with the dead was intolerable.

Judging by the sources cited above, these norms were related to the privacy and decency of the dead body and its personal space. For the funeral to be considered proper, the deceased had to have specially made apparel and shoes, an individual coffin, and an individual grave. Communal graves were unwanted but tolerated in extreme situations. Crematoriums, although mentioned in the 1918 decree and different circular letters coming

⁵ The scheme was discussed in: [ГАЯО. Ф. Р122. Оп. 1. Д. 133. Л. 3].

to communal departments “from above,” were rarely, if ever, seriously considered “on the ground.” In Moscow, where the first debate about building a crematorium took place in 1919, the enterprise was considered not only too expensive, but “extremely harmful for the psychology” of the population, who could see the smoke coming up from its chimney [ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 682. Л. 30 об.]. In Ivanovo and Yaroslavl, building a crematorium was never discussed during the period in question. The only way to deal with bodies was to lay them in the ground.

Cemetery grounds, even under the new Soviet management, were respected. While in Moscow there were suggestions that monastery cemeteries in the city center should be used for the “public good,” such as rearranging them into children’s playgrounds or public parks, these ideas often met with strong disapproval from the local population. In the provinces, I found no mention of reusing cemetery lands for civil purposes. On the contrary, the Soviet funeral institutions discussed building new fences and arranging the grounds so that the cemetery “looked proper,” with pathways swept and monuments cleaned [ГАИО. Ф. Р139. Оп. 1. Д. 17. Л. 105].

* * *

The funeral reform of 1917 and 1918 brought ambiguous results. Excluding the Church from participation in the funeral process was the first step in the reform. Administratively, this was completed in the European part of Russia by the end of the Civil War: church registry books were passed to Soviet institutions, the population got used to new formalities. As for the ritual component, religion was pushed from the official sphere into the private realm, but it certainly did not disappear. Families of the deceased continued to arrange funeral liturgies and pay the priests for performing the funeral service well into the 1920s⁶. It is also noteworthy that, a few years later, the Bolsheviks came up with a set of alternative rituals accompanying the funeral: it turned out that a purely pragmatic procedure felt wrong. These efforts were part of the polemics about “the new everyday” (*novyj byt*).

The role of Soviet institutions in the funeral industry was complex. Formally, the funeral departments in the framework of the communal departments of the local Soviets managed the process, and workers’ committees replaced the clergy in cemetery management. After the initial difficulties, these institutions began to cope with the task. At the same time, the funeral departments often preferred to act as intermediaries between artisans, private bureaus, individual workers, and other independent suppliers, on the one hand, and the families of the deceased, on the other. The pre-revolutionary mechanics continued working, only now there was one more agent

⁶ As late as 1925, the antireligious magazine *Безбожник у станка* (*Atheist at the Workbench*) criticized those – mostly older women – who continued to bring their last eggs and butter to the priests to pay them for funeral services.

between the artisans and their clients. The funeral departments' staff could include former owners of funeral homes or other specialists in the area; under a different sign, they maintained their duties and responsibilities. This distribution of responsibilities makes one ask how innovative the changes to funerals were.

As for the principles introduced by the decree of 7 December 1918, they did not stand the test of wartime. The free-of-charge basis of funerals was the first to fall, despite repeated calls to preserve it. Given the near absence of state allocations for the industry, local authorities had to manage on their own, thus quickly reintroducing costs for their services. The elimination of the free service brought back the inequality of funerals.

In maneuvering between ideology, norms, and the material considerations of the moment, the latter often prevailed, but when it came to violation of fundamental death-related norms – such as leaving bodies unburied or burying them without a proper coffin in a communal grave – these norms were never questioned. Rather, the population and Soviet officials regarded these cases as abnormalities that had to be eliminated for the situation to come *back* to normal, not to continue in a new materialist direction.

The role of families in the funeral procedure remained essential. The public authorities strongly counted on the participation of families; otherwise, the system was prone to collapse, as the Moscow example showed. In the absence of those personally involved in the funeral procedure, and under the severe pressure of socioeconomic hardships, centralized Soviet institutions were likely to choose pragmatic considerations over ethical ones. The violation of death-related norms was strongly felt, and when the wartime crisis was over, the norms were restored.

Список литературы

Бонч-Бруевич В. Отделение церкви от государства // Деятели Октября о религии и церкви. М. : Мысль, 1968. С. 12–13.

Булгаков С. Настольная книга для священно-церковно-служителей. 3-е изд., испр. и доп. Киев : Тип. Киево-Печер. Успен. лавры, 1913. 1772 с.

ГАИО. Ф. Р31. Оп. 1. Д. 52, 193; Ф. Р139. Оп. 1. Д. 17, 40; Ф. Р1175. Оп. 1. Д. 52а. ГАРФ. Ф. Р4390. Оп. 12. Д. 40.

ГАЯО. Ф. Р122. Оп. 1. Д. 6, 7, 119, 133, 214; Ф. Р208. Оп. 1. Д. 23, 56.

Галкин М. Акты состояний (продолжение). Новое законодательство и сообщения с мест // Революция и церковь. 1919. № 2. С. 5–9.

Гражданская война и иностранная интервенция в СССР. М. : Сов. энцикл., 1983. 704 с.

Григорьев М. А. Петербург 1910-х годов : Прогулки в прошлое. СПб. : Рос. ин-т истории искусств, 2005. 280 с.

Декрет о кладбищах и похоронах. От 7 декабря 1918 года // Библиотека нормативно-правовых актов СССР : [сайт]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_414.htm (дата обращения: 01.05.2020).

Засосов Д. А., Пызин В. И. Повседневная жизнь Петербурга на рубеже XIX–XX веков. М. : Молодая гвардия, 2003. 480 с.

Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве // Исторические материалы : [сайт]. URL: <http://istmat.info/node/31624> (дата обращения: 01.05.2020).

Красная Москва, 1917–1920 гг. М. : Гос. образцовая тип. (бывш. т-ва И. Д. Сытина), 1920. 380 с.

Максудов С. Потери населения СССР. Benson, Vermont : Chalidze Publ., 1989. 298 с.

Мальшева С. «На миру красна» : Инструментализация смерти в Советской России. М. : Новый хронограф, 2019. 464 с.

Миранова Е. В. Архангельское кладбище Казани: опыт исторического исследования // Ист. этнология. Т. 3. 2018. № 1. С. 137–148. DOI 10.22378/he.2018-3-1.137-148.

Панин А. С. Городская повседневность после 1917 года по материалам Тульского некрополя // История. Историки. Источники. 2017. № 2. С. 48–65.

Сафонов А. Указ 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» в контексте формирования института свободы совести в законодательстве Российской империи // История и современность: белорусская государственность в восточноевропейском цивилизационном контексте : сб. науч. работ, посв. 90-летию со дня рожд. проф. И. А. Юхо. Минск : Бизнесофсет, 2012. С. 337–344.

Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 г. М. : Управление делами Совнаркома СССР, 1942. 1483 с.

Урланис Б. Динамика населения СССР за 50 лет // Население и народное благосостояние. М. : МЕСИ, 1968. С. 20–43.

ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 306; Оп. 12. Д. 682.

Эрлихман В. В. Потери народонаселения в XX веке : справочник. М. : Рус. панорама, 2004. 175 с.

Sokolova A. Soviet Funeral Services: From Moral Economy to Social Welfare and Back // Revolutionary Russia. Vol. 32. 2019. № 2. P. 251–271. DOI 10.1080/09546545.2019.1687188.

References

Bonch-Bruevich, V. (1968). Otdelenie tserkvi ot gosudarstva [Separation of Church and State]. In *Deyateli Oktyabrya o religii i tserkvi*. Moscow, Mysl', pp. 12–13.

Bulgakov, S (1913). *Nastol'naya kniga dlya svyashchenno-tserkovno-sluzhitelei* [A Handbook for Priests]. 3rd Ed., new and update. Kiev, Tipografiya Kievno-Pecherskoi Uspenskoii lavry. 1772 p.

Dekret o kladbishchakh i pokhoronakh ot 7 dekabrya [Decree on Cemeteries and Funerals. December 7]. (1918). In *Biblioteka normativno-pravovykh aktov SSSR* [website]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_414.htm (accessed: 01.05. 2020).

Erlichman, V. V. (2004). *Poteri narodonaseleniya v XX veke. Spravochnik* [Population Losses in the 20th Century. A Handbook]. Moscow, Russkaya panorama. 175 p.

GAIO [State Archive of Ivanovo Region]. Stock R31. List 1. Dos. 52, 193; Stock R139. List 1. Dos. 17, 40; Stock R1175. List 1. Dos. 52a.

Galkin, M. (1919). Akty sostoyanii (prodolzhenie). Novoe zakonodatel'stvo i soobshcheniya s mest [Acts of Statutes. (Continuation). New Legislation and Messages from the Field]. In *Revolutsiya i tserkov'*. No. 2, pp. 5–9.

GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock R4390. List 12. Dos. 40.

GAYAO [State Archive of Yaroslavl' Region]. Stock R122. List 1. Dos. 6, 7, 119, 133, 214; Stock R208. List. 1. Dos. 23, 56.

Grazhdanskaya voina i inostrannaya interventsia v SSSR [Civil War and Foreign Intervention in the USSR]. (1983). Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. 704 p.

Grigor'ev, M. A. (2005). *Peterburg 1910-kh godov. Progulki v proshloe* [Petersburg in the 1910s. Walks into the Past]. St Petersburg, Rossiiskii institut istorii iskusstv. 280 p.

Kodeks zakonov ob aktakh grazhdanskogo sostoyaniya, brachnom, semeinom i opekunskom prave [Code of Regulations Regarding Civil Statuses, Marital Law, Family Law, and Tutelage]. (N. d.). In *Istoricheskie materialy* [website]. URL: <http://istmat.info/node/31624> (accessed: 01.05.2020).

Krasnaya Moskva, 1917–1920 gg. [Red Moscow, 1917–1920]. (1920). Moscow, Gosudarstvennaya obraztsovaya tipografiya (byvshaya tovarishchestva I. D. Sytina). 380 p.

Maksudov, S. (1989). *Poteri naseleniya SSSR* [Population Losses in the USSR]. Benson, Vermont, Chalidze Publ. 298 p.

Malysheva, S. (2019). “*Na miru krasna*”. *Instrumentalizatsiya smerti v Sovetskoj Rossii* [Make Less Trouble. The Instrumentalisation of Death in Soviet Russia]. Moscow, Novyi khronograf. 464 p.

Mironova, E. V. (2018). Arkhangel'skoe kladbishche Kazani: opyt istoricheskogo issledovaniya [The Kazan Arkhangel'skoye Cemetery: An Essay on History]. In *Istoricheskaya etnologiya*. Vol. 3. No. 1, pp. 137–148. DOI 10.22378/he.2018-3-1.137-148.

Panin, A. (2017). Gorodskaya povsednevnost' posle 1917 goda po materialam Tul'skogo nekropolya [Post-1917 Everyday Town Life according to Materials from the Tula Town Necropolis]. In *Istoriya. Istoriki. Istochniki*. No. 2, pp. 48–65.

Safonov, A. (2012). Ukaz 17 aprelya 1905 g. “Ob ukreplenii nachal veroterpimosti” v kontekste formirovaniya instituta svobody sovesti v zakonodatel'stve Rossijskoj imperii [Edict from 17 April 1905 *On Strengthening the Foundations of Religious Tolerance* in the Context of Forming the Institution of Freedom of Conscience in the Legislation of the Russian Empire]. In *Istoriya i sovremennost': belorusskaya gosudarstvennost' v vostochnoevropskom tsivilizatsionnom kontekste. Sbornik nauchnykh rabot, posvyashchennykh 90-letiyu so dnya rozhdeniya professora I. A. Yukho*. Minsk, Biznesofset, pp. 337–344.

Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii pravitel'stva za 1917–1918 g. [Code of Regulations of the Government, 1917–1918] (1942). Moscow, Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR. 1483 p.

Sokolova, A. (2019). Soviet Funeral Services: From Moral Economy to Social Welfare and Back. In *Revolutionary Russia*. Vol. 32. No. 2, pp. 251–271. DOI 10.1080/09546545.2019.1687188.

TsGAMO [Central State Archive of the Moscow Region]. Stock 66. List 1. Dos. 306; List 12. Dos. 682.

Urlanis, B. (1968). Dinamika naseleniya SSSR za 50 let [USSR Population Dynamics over 50 years]. In *Naselenie i narodnoe blagosostoyanie*. Moscow, MESI, pp. 20–43.

Zasosov, D. A., Pyzin, V. I. (2003). *Povsednevnyaya zhizn' Peterburga na rubezhe XIX–XX vekov* [Everyday Life in Petersburg at the Turn of the 20th Century]. Moscow, Molodaya gvardiya. 480 p.

The article was submitted on 29.06.2020

«КЛАССОВЫЙ ПАЕК» И БРОНИРОВАННОЕ СНАБЖЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ*

Михаил Ходяков

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

THE “CLASS RATION” AND FOOD RESERVES DURING THE CIVIL WAR

Mikhail Khodyakov

St Petersburg State University,
St Petersburg, Russia

This article examines the evolution of the system of rationed food supplies in Russia. The author focuses on specific forms of food distribution during the Civil War, such as “class rations” and food reserves. At the same time, it is emphasised that a rationing system was already in effect in Russia during World War I, and the practice of fixing prices for bread and providing special food norms for certain categories of workers had begun taking shape long before the Bolsheviks came to power. Describing the introduction in 1918 of the “class ration” in Petrograd, the author proposes that the initiative was largely due to the authorities’ attempts to mitigate the growing crisis between the Bolsheviks and some industrial workers. Although the “class ration” dominated among the principles of food distribution, its economic importance should not be overestimated – even the deprivation of the “exploiters” of food could not significantly improve the nutrition of the working population. From this point of view, the introduction of “class rations” only had political significance. In most cases, the local food authorities failed to develop clear criteria to categorise the population. Using documents from the Russian State Archive of the Economy, the author demonstrates that the idea of “class rations” was developed after the establishment in November 1919 of a special commission for the supply of workers at the People’s Commissariat of Food Industry. The formation

* *Citation:* Khodyakov, M. (2021). The “Class Ration” and Food Reserves during the Civil War. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 1. P. 169–187. DOI 10.15826/qr.2021.1.572.

Цитирование: Khodyakov M. The “Class Ration” and Food Reserves during the Civil War // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 1. P. 169–187. DOI 10.15826/qr.2021.1.572 / Ходяков М. «Классовый паек» и бронированное снабжение продовольствием в годы Гражданской войны // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 1. С. 169–187. DOI 10.15826/qr.2021.1.572.

of the commission was a consequence of policies meant to centralise all aspects of life in Soviet society. Having received emergency powers from the government in supplying the population with food, the commission formed monthly lists of plants and factories and determined groups of enterprises in various sectors of the economy. As a matter of priority, the reservation of food supplies was made to provide workers. However, the norms of state supply were not always implemented and were significantly lower than the needs of the population. The idea of “class rations” was rejected only after the adoption of a decree on 30 April 1920, which declared the transition to a new form of incentives for workers, labour rations.

Keywords: “class rations”, reserved supplies, food problem, Civil War

Рассматривается эволюция системы нормированного снабжения продовольствием в России. Автор акцентирует внимание на таких специфических формах распределения продуктов, существовавших в годы Гражданской войны, как «классовый паек» и бронированное снабжение. Подчеркивается, что карточная система в России действовала уже в годы Первой мировой войны, а практики установления твердых цен на хлеб и обеспечения особыми нормами продовольствия отдельных категорий рабочих начали складываться задолго до прихода к власти большевиков. Характеризуя введение в 1918 г. «классового пайка» в Петрограде, автор полагает, что это начинание в значительной степени было обусловлено попытками власти смягчить нараставший кризис в отношениях большевиков с частью рабочих промышленных предприятий. Несмотря на то, что «классовый паек» доминировал среди принципов распределения продовольствия, его экономическое значение не следует переоценивать – даже лишение «эксплуаторов» продовольствия не могло значительно улучшить питание трудовой части населения. С этой точки зрения введение «классового пайка» имело лишь политическое значение. Продовольственные органы на местах в большинстве случаев оказались не в состоянии выработать понятные критерии, в соответствии с которыми население могло быть разделено на категории. Используя документы из фондов РГАЭ, автор показывает, что свое развитие идея «классового пайка» получила после создания в ноябре 1919 г. специальной Комиссии по снабжению рабочих при Наркомате продовольствия. Образование комиссии стало следствием курса политической власти на централизацию всех сторон жизни советского общества. Получив от правительства чрезвычайные полномочия в деле снабжения населения продовольствием, она ежемесячно формировала списки заводов и фабрик, определяла группы предприятий в различных отраслях экономики. Именно для них в первоочередном порядке происходило бронирование запасов продовольствия с целью обеспечения рабочих. Однако нормы государственного снабжения реализовывались не всегда и были значительно ниже потребностей населения. Отказ от идеи «классового пайка» произошел лишь после принятия декрета 30 апреля 1920 г., декларировавшего переход к новой форме стимулирования рабочих – трудовому пайку.

Ключевые слова: «классовый паек», бронированное снабжение, продовольственная проблема, Гражданская война

Посетивший Петроград в январе 1920 г. английский писатель Герберт Уэллс не мог не обратить внимание на глубину социально-экономического кризиса, охватившего когда-то блестящий город. Большевики, по его словам, оказались не в состоянии обеспечить выдачу продовольствия в количестве, достаточном для нормального существования населения. При этом они нашли единственный способ спасти горожан от тисков спекуляции и голодной смерти и «в отчаянной борьбе за остатки продовольствия ввели пайковую систему распределения продуктов... Всем выданы хлебные карточки, и люди выстаивают в очередях за хлебом, но во время нашего пребывания петроградские пекарни не работали три дня из-за отсутствия муки» [Уэллс, с. 319, 323]. Точно отразив увиденное, Г. Уэллс, конечно, не мог знать, что в России на рубеже 1920–1921 гг. пайковой системой в общей сложности было охвачено 34 млн чел., включая практически все городское население, а также 2 млн сельских кустарей [Четыре года, с. 61–62]. Данные, касавшиеся норм распределения продовольствия среди населения, собирались и публиковались различными структурами: Особым совещанием по продовольственному делу, Союзом городов, статистическими отделами городских управ, Министерством (с весны 1917 г.) и Наркоматом (с конца октября) продовольствия, городскими продовольственными комитетами, губернскими отделами статистики [Кабо; Второй год борьбы с голодом; Статистический сборник].

Начало нормированного распределения продуктов в России относится ко времени Первой мировой войны, когда были введены карточки на сахар. Широко используя опыт Германии, органы власти и управления в условиях роста цен и начавшихся перебоев с продовольствием обобщали и анализировали европейские практики распределения жизненно важных продуктов. К лету 1916 г. карточная система существовала в 34 губерниях России, еще в 11 губерниях велась подготовка к ее введению [Китанина, с. 206]. Карточная система перестала быть явлением исключительно городской жизни. Осенью 1916 г. карточки на продовольствие использовались в Вятской, Пермской, Пензенской, Оренбургской, Тверской, Ставропольской и других губерниях [Известия Особого совещания, 1916, № 29, с. 52].

Принципы функционирования карточной системы периода Гражданской войны, которые, на наш взгляд, охарактеризованы в историографии весьма поверхностно, в настоящей статье освещены лишь в той степени, которая необходима, чтобы оценить значение введенного с середины 1918 г. «классового пайка» как составной части в череде мероприятий советской власти, направленных на упорядочение принципов распределения и решение продовольственной проблемы. Отдельного исследования заслуживает система продовольственных привилегий «особо ответственных» и «совершенно незаменимых» работников центральных органов власти и управления. Этот вопрос затронут при рассмотрении главной задачи – определения места

и роли «классового пайка» в социально-экономической жизни России периода Гражданской войны.

Одним из первых к серьезному анализу вопросов, связанных с регулированием проблем потребления и распределения продовольствия, обратился Н. Д. Кондратьев. В своей работе «Рынок хлеба и его регулирование во время войны и революции», написанной в конце 1918 – 1919 г., он отметил разрушение институтов государственного снабжения хлебом и кризис продовольственных организаций [Кондратьев]. Охарактеризовав деятельность органов продовольствия, мероприятия по регулированию заготовок, перевозок и планов снабжения, Кондратьев сформулировал неутешительный вывод о том, что существующая в России «система регулирования распределения наименее совершенная» [Там же, с. 186].

Проблема нормированного снабжения продовольствием в годы революции и Гражданской войны в той или иной степени была отражена в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей [Крицман; Потехин; Китанина; Kapp; Figes; Gatrell]. Историки обращались к изучению широкого круга вопросов, характеризующих практики нелегального снабжения, «черного рынка» и привилегий, складывавшихся в первые годы советской власти в продовольственной сфере [Рупасов; Чистиков; Давыдов], к анализу причин проявления эгалитарных настроений в рабочей среде [Яров]. Одной из наиболее обстоятельных в этом отношении нам представляется коллективная монография сотрудников Санкт-Петербургского института истории РАН [Петроград на переломе эпох].

Снабжение населения продовольствием в 1917 г.: попытка нормирования

Распределение продовольствия приобрело особое значение к моменту свержения монархии. 5 марта 1917 г. на заседании Временного правительства министром земледелия А. И. Шингаревым было озвучено предложение продовольственной комиссии Совета рабочих и солдатских депутатов об образовании распорядительного продовольственного комитета, который должен был заменить Особое совещание по продовольствию, существовавшее с августа 1915 г. [Журналы заседаний, т. 1, с. 34]. Уже 9 марта правительством было принято постановление об учреждении Общегосударственного продовольственного комитета. Одновременно министру земледелия поручалось «войти в ближайшее сношение с военным министром относительно возможного сокращения нормы душевого потребления хлеба в армии» [Там же, с. 58].

Спешность принятия данного решения диктовалась тем, что в начале марта 1917 г. в столицах были введены карточки на хлеб. Среди материалов Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу отложился документ под названием «Главные основания карточной системы рас-

предела муки и хлеба в Петрограде и Москве» [РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 950. Л. 7–7 об.].

25 марта 1917 г. правительство утвердило временные положения о передаче хлеба урожая прежних лет и будущего 1917 г. в распоряжение государства и о местных продовольственных органах. Министру земледелия как председателю Общегосударственного продовольственного комитета поручалось объединить и координировать мероприятия по обеспечению продовольствием армии и населения. Губернские продовольственные комитеты, «учреждаемые немедленно», должны были стать местными органами «общегосударственной продовольственной организации» [Журналы заседаний, т. 1, с. 169]. Государство в этот момент времени начинало выступать монополистом не только в вопросах заготовок продовольствия, но и в деле его распределения.

С середины 1917 г. карточная система постепенно распространилась на все новые продукты. 6 июня министром продовольствия была утверждена примерная инструкция по организации карточной системы в городах и поселениях городского типа [Известия по продовольственному делу, 1917, № 2, с. 41–44]. Тогда же в Москве появились карточки на крупы, макароны; в июле – на мясо, в августе – на сливочное масло, в сентябре – на яйца, в октябре – на растительное масло, в ноябре – на кондитерские изделия, в декабре – на чай. К концу 1917 г. можно было говорить о том, что карточная система сформировалась в полной мере [Кабо, с. VIII].

Важно отметить, что прообраз «классового пайка» – особое снабжение продовольствием отдельных групп населения – появился уже в 1917 г. Так, постановление Московского губернского продовольственного комитета, управы и президиума от 12 апреля сокращало в два раза, то есть до 23 ф. в месяц, максимальную продовольственную норму для населения губернии. При этом было заявлено о необходимости снабжения рабочих (пильщиков и торфяников) пайком муки в 2 ф. на одного человека в день. Постановлением признавалась необходимость выделения усиленного пайка в количестве 35 ф. муки в месяц всем фабрично-заводским, сезонным и сельскохозяйственным рабочим, если их заработок не превышал 150 руб. в месяц [Известия по продовольственному делу, 1917, № 2, с. 41].

Приказом министра земледелия от 29 апреля 1917 г. лица, занятые тяжелым физическим трудом, должны были получать повышенные нормы хлеба. В инструкции министра продовольствия от 26 июня 1917 г., касавшейся нормирования потребления хлебных продуктов, говорилось о категориях лиц, имеющих право на получение усиленного хлебного довольствия. Правда, деление фабрично-заводских рабочих на группы вызывало справедливые нарекания. В общий список оказались включены слесарь, кочегар, «молотобоец вручную» и токарь высшей квалификации [Собрание узаконений, с. 1081].

Постановлением от 24 сентября 1917 г. Временное правительство устанавливало особый порядок снабжения продуктами железнодо-

рожных служащих, мастеровых и рабочих, а также членов их семей. Однако при этом продажа им продуктов должна была осуществляться по карточкам, выдававшимся по месту жительства местными продовольственными комитетами «в соответствии с общими, установленными в приказах министра продовольствия, нормами снабжения населения применительно к местожительству служащих, мастеровых и рабочих и членов их семейств» [Журналы заседаний, т. 4, с. 196].

Одновременно повсеместно происходило сокращение норм снабжения населения. Наряду с этим упало качество производившегося продовольствия [Твердюкова, с. 71–79]. Не мог изменить ситуацию и дополнительный паек. В Москве к маю 1918 г. его получали 36,7 % жителей города. С июля по декабрь 1917 г. население получало около 52 % от нормы потребления второго полугодия 1916 г., с января по июнь 1918 г. – 21,7 %. С июля 1917 по июнь 1918 г. норма потребления продовольствия составила 37 % от потребления всего 1916 г. [Кондратьев, с. 194].

Рождение идеи «классового пайка»

Порядок регулирования потребления, сложившийся после февральских событий 1917 г., сохранялся больше года. В мае 1918 г. в Петрограде в ходе различного рода собраний начала выкристаллизовываться идея «классового пайка». Так, 12 мая на чрезвычайном совещании, созванном по постановлению Петроградского совета и по инициативе комиссариата по продовольствию Северной области, прямо говорилось о необходимости выделения некоторым категориям рабочих, занятых на тяжелых работах, требующих «максимальной затраты энергии», усиленного хлебного пайка «в тройном размере» [Петроградская правда, 1918, 14 мая].

29 мая 1918 г. на экстренном собрании Петроградского совета, где, по словам Г. Е. Зиновьева, присутствовало свыше 1,5 тыс. чел., была подавляющим большинством голосов принята резолюция о введении новых принципов распределения хлеба. Лозунг «Прежде всего накормим рабочих, а потом уже дадим остальным» сопровождался многократным повторением известной всему населению Петрограда истины – «хлеба у нас мало». Однако с ходу воплотить в жизнь идею «классового пайка» не удалось, несмотря на то, что уже с 1 июня дополнительные продовольственные карточки выдавались некоторым категориям рабочих [Там же, 30 мая].

Представляется, что задержка с введением «классового пайка» была связана не только с начавшейся реорганизацией местных органов Наркомата продовольствия (Наркомпрода, НКП) и с проводившейся Всероссийской промышленной и профессиональной переписью, но и с нараставшей социальной напряженностью [Чистиков, с. 189–190]. Первая половина 1918 г. стала временем политического кризиса, который остро обозначился в Петрограде, где эсеры и меньшевики создали «Собрание уполномоченных фабрик

и заводов». В мае – июне они готовили проведение демонстраций и митингов, считая, что бывшее значение советов оказалось сведено до роли голосующей машины, механически, безо всякого обсуждения штампующей декреты. Падение влияния советов вынужден был признать и Г. Е. Зиновьев, заявлявший, что районные советы Петрограда превратились в «палаты лордов», а меньшевики и эсеры (в лице развернувшего свою деятельность Собрания уполномоченных) имеют основания обвинять их в отрыве от широких масс трудящихся [Рабинович, с. 128].

В июне 1918 г. проходили активная предвыборная борьба и выборная кампания в Петроградский совет. Газеты того времени пестрели призывами голосовать «За власть рабочих и крестьян», «за сторонников советской власти, принимающей самые решительные меры для борьбы с голодом!» [Красная газета]. Тогда же участились обыски на квартирах у наиболее активных участников Собрания уполномоченных, начались их аресты [Питерские рабочие, с. 105–140]. Вслед за приостановкой работ на Обуховском заводе, являвшемся оплотом Собрания уполномоченных, и увольнением 4,5 тыс. рабочих Петроградский совет 27 июня принял постановление, объявлявшее Собрание уполномоченных контрреволюционной организацией, которую необходимо немедленно распустить [Правда, 1918, 29 июня].

Декрет «О реорганизации распределения продуктов питания среди населения Петрограда», подписанный председателем Петроградской трудовой коммуны Г. Е. Зиновьевым и комиссаром продовольствия К. К. Стриевским, опубликованный 21 июня на страницах ряда петроградских газет [Северная коммуна; Красная газета], был, по нашему мнению, направлен на то, чтобы попытаться стабилизировать ситуацию не только в экономической, но и в политической сфере. Содержащееся в декрете деление взрослого населения на группы предусматривало отнесение к первой категории, обеспечивавшейся продовольствием по максимальным нормам, всех рабочих физического труда (включая водопроводчиков, пожарных, рыболовов, дворников, почтальонов, санитаров, сиделок «при заразных больницах» и т. д.). Во вторую категорию были включены служащие по найму и рабочие, занятые менее тяжелым физическим трудом (торгово-промышленные служащие, сторожа, курьеры, посыльные, учителя низших и средних учебных заведений, чистильщики сапог, банщики, парикмахеры и т. д.). Третью категорию составили «лица интеллигентных и свободных профессий» (инженеры, юристы, врачи, артисты, художники, музыканты, журналисты), а также прочие граждане, не отнесенные к категориям 1 и 2. Наконец, в четвертую категорию попали лица, живущие с доходов на капитал и пользующиеся наемным трудом. В отдельные группы по снабжению продовольствием были выделены женщины и дети с обеспечением их усиленным пищевым рационом [Красная газета, 21 июня].

Несмотря на то, что деление населения на категории в ряде случаев было условным и вызывало массу вопросов, центральная власть с энтузиазмом поддержала начинание северной столицы. Коллегия Наркомпрода 27 июля 1918 г. постановила использовать опыт Петрограда, предложив своим органам во всех населенных пунктах городского типа также «немедленно ввести «классовый паек»». Член коллегии НКП А. И. Свицерский был командирован в Петроград для того, чтобы «достать там все материалы, касающиеся классового пайка и физиологических норм питания» [Известия Народного комиссариата по продовольствию, 1918, № 18–19, с. 39]. Летом 1918 г. губернские продовольственные комитеты начали разработку особых правил распределения хлеба по нормам. Вслед за Петроградом на путь введения «классового пайка» 1 сентября 1918 г. вступила Москва. С введением «классовых» карточек отменялись все существовавшие ранее дополнительные карточки (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение по категориям едоков в Петрограде (июль 1918 г.)
[Ленинградская кооперация, с. 279]

Категории «классового пайка»	Численность	%
1-я категория	657 517	48,0
2-я категория	659 437	43,1
3-я категория	194 462	12,7
4-я категория	17 732	1,2
Всего	1 529 148	100

Практически сразу после введения «классового пайка» обозначилась тенденция, сопровождавшаяся многочисленными злоупотреблениями, которая была направлена на переход тех, кто были изначально причислены к низшим категориям, в высшие. В результате к октябрю 1918 г. в четвертой категории в Петрограде оказалось лишь 1,6 тыс. чел., что составляло 0,12 % от общего числа населения. Учет этой группы терял практический смысл. Одновременно с этим количество лиц, получавших карточки высшей категории, выросло за четыре месяца в Петрограде на 25 % и в Москве на 15 % [Вишневецкий, с. 36].

В итоге Петрокомпрод и коллегия Продовольственного отдела Московского совета выработали новый принцип деления населения на три категории. Список профессий был утвержден Наркомпродом и опубликован 10 ноября 1918 г. [Продовольствие Севера]. Реорганизованная система «классового пайка» стала применяться с декабря 1918 г. В Москве это произошло в январе 1919 г. [Вишневецкий, с. 50]. «Классовый паек», таким образом, стал господствующей формой распределения продовольствия.

Этой системы придерживались все губернии и все продовольственные органы. К концу 1918 г. «классовый паек» с разбивкой населения на три категории существовал в Петрозаводске, Новгороде, Вятке, Рязани, Курске, Туле, Казани, Брянске и ряде других городов, а с разбивкой на четыре категории – в Вологде, Великом Устюге, Иваново-Вознесенске, Смоленске, Тамбове, Пензе, Саратове и др. [Вишневецкий, с. 35].

Нормы выдачи продовольствия по «классовому пайку» менялись ежемесячно. Осенью в списке продуктов появлялись лук, капуста, картофель. Однако это не обеспечивало минимально необходимых норм физиологических потребностей человеческого организма (табл. 2). Частично продовольственную проблему смягчала система общественного питания.

Таблица 2

**Месячные нормы выдачи продовольствия в Петрограде
по «классовому пайку», сентябрь 1918 г.
[Ленинградская кооперация, с. 316]**

Продукты	1-я категория	2-я категория	3-я категория	4-я категория
Хлеб	4,25 ф.	2,00 ф.	0,75 ф.	–
Жиры	–	0,25 ф.	–	–
Мясо	0,50 ф.	–	–	–
Рыба	2,50 ф.	1,00 ф.	–	–
Картофель	2,00 ф.	1,50 ф.	0,50	–
Сельди	32 шт.	33 шт.	28 шт.	11 шт.

Вместе с этим в положениях о «классовом пайке», вырабатывавшихся на местах, господствовала невероятная путаница, а зачастую и прямо ничем не оправдываемые несоразности. Приводя примеры таких несоразностей, автор одной из брошюр ссылался на систему «классового пайка», введенную в Могилевской, Нижегородской и Тверской губерниях [Вышинский]. Приводя в качестве наиболее яркого примера принцип организации «классового пайка» в Тверской губернии, автор отмечал, что к первым двум категориям были отнесены рабочие и служащие, к третьей и четвертой – нетрудовые элементы. В третью категорию в 1918 г. в Твери вошли священники, дьяконы, дьячки, монахи и монахини и все «не имеющие определенных занятий лодыри, не работающие, а живущие на средства мамаш, папаш, тетюшек, дядюшек, домашние хозяйки, кои не имеют прислуг, и хозяйки малосемейные, средние торговцы, богатые домохозяева, все бывшее чиновничество, ничего не делающее...» Четвертую категорию составили «протоиереи, архиереи, епископы, владыки, матери-игуменьи, купцы, акционеры, биржевики, фабриканты, заводчики и их сынки и дочки, ничем не занимающиеся, а также их хозяйки,

имеющие мамку, няньку или прислугу...» Таким образом, в третьей категории оказались лодыри, «ничего не делающие», а в четвертой – лодыри, «ничем не занимающиеся...» [Вышинский, с. 7].

Все это свидетельствовало о том, что деление населения на категории длительное время оставалось делом «творчества» местных продорганов. Ситуацию усложняли «цеховые перегородки» и конфликты между рабочими различных групп – железнодорожниками, деревообработчиками, металлистами и т. д. Случалось, что одни рабочие оказывались в более привилегированном положении, нежели другие, что вызывало недовольство и трения.

В планах разработчиков системы «классового пайка» было обеспечение лучшим питанием тех категорий населения, которые выполняли тяжелую физическую работу на производстве. В результате представители пролетариата должны были оказаться в привилегированном положении. В действительности этого не произошло. В конце 1918 – первой половине 1919 г. центральные власти были буквально завалены отчаянными мольбами с мест о нехватке продовольствия. В телеграмме возглавлявшего Петрокомпрод А. Е. Бадаева, направленной 21 февраля 1919 г. в адрес руководителей Наркомпрода той поры Н. П. Брюханова и А. Г. Шлихтера, содержалась по сути жалоба на то, что продовольственные грузы с территории Украины направляются преимущественно в Москву. Телеграмма заканчивалась словами: «Просим принять меры для снабжения Северной области и красного Петрограда» [РГАЭ. Ф. 2012. Оп. 1. Д. 277. Л. 52].

Телеграмма Г. Е. Зиновьева и И. В. Сталина, адресованная 24 июня 1919 г. наркому продовольствия А. Д. Цюрупе и главе правительства В. И. Ленину, не оставляла сомнений относительно кризисного положения Петрограда:

С хлебом в Петрограде опять крайне плохо. Армия растет. Последние дни Петрокомпрод полностью вынужден кормить шестую и двенадцатую дивизии, истощая свои последние запасы. В течение последних 40 дней Петрокомпрод почти не получал хлеба. Необходимо во что бы то ни стало дать Петрограду хлеба [РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 7. Д. 42. Л. 3].

26 июня нарком А. Д. Цюрупа направил телефонограмму А. Е. Бадаеву и Г. Е. Зиновьеву, в которой отмечал:

Обсудив подробно вопрос о сокращении хлебного пайка в Петрограде, Наркомпрод по совещании с т. Лениным не возражает против этого сокращения, рассчитывая, что на месте достаточно учли все обстоятельства и твердо уверены, что после надлежащей подготовки вам удастся провести это сокращение без осложнений. Со своей стороны Наркомпрод считает эту меру целесообразной и дальновидной и вполне одобряет точку зрения Петрокомпрода, что лучше сократить паек, при улучшении вновь увеличить его, чем допускать перерыв в снабжении [Там же. Л. 39–39 об.].

Катастрофическое продовольственное положение стало одной из главных причин общего сокращения количества рабочих на предприятиях Петрограда. Если к началу 1918 г. на промышленных предприятиях города было занято 293 тыс. рабочих, то к июлю – только 124 тыс. Оставаясь сравнительно стабильной до весны 1919 г., численность рабочих затем вновь стала падать. К январю 1920 г. на заводах и фабриках Петрограда трудилось всего 88 тыс. рабочих [Статистический сборник, с. 42]. Главной причиной того, что промышленное производство останавливалось, был голод.

Курс на централизацию всех начинаний, связанных с распределением продуктов питания, был взят на Всероссийском продовольственном совещании, проходившем с 30 декабря 1918 г. по 6 января 1919 г. В принятой совещанием резолюции отмечалось, что органами распределения на местах являются губернские, уездные и городские продовольственные комитеты. Распределительные аппараты всех прочих организаций должны были быть ликвидированы «в кратчайший срок», но не позднее 1 апреля 1919 г. [Второй год борьбы с голодом, с. 16].

Для более четкого распределения продуктов и для снабжения ими в первую очередь рабочих Всероссийским продовольственным совещанием устанавливался «общий для всей республики классовый принцип распределения». С целью реализации этого принципа население делилось на три группы. Продукты между категориями должны были распределяться в пропорции 4 : 3 : 2. В случае, если местные продовольственные комитеты получали недостаточное количество продуктов, они имели право увеличить нормы выдачи продовольствия рабочим первой категории за счет населения, отнесенного к третьей и отчасти ко второй категории. Для правильного и быстрого распределения продуктов вводилась карточная система «в общегосударственном масштабе» [Там же, с. 17] (табл. 3).

Таблица 3

Процент выдачи продуктов по карточкам в среднем месячном питании
[Крицман, с. 118]

Период	В губернских городах	В уездных городах
Январь 1919 г.	19	27
Апрель 1919 г.	31	31
Июнь 1919 г.	22	20
Октябрь 1919 г.	21	19
Январь 1920 г.	20	24
Апрель 1920 г.	29	25

«Бронированные пайки» для рабочих и служащих

Выстраивание управленческой вертикали, являвшееся одной из характерных черт времен Гражданской войны, привело к тому, что в августе 1919 г. в соответствии с постановлением ВЦИК РСФСР в ведение Наркомпрода перешли все вопросы, касающиеся снабжения продуктами Красной армии. Начальником Главного управления по снабжению продовольствием РККА был назначен член коллегии НКП А. Б. Халатов [Известия Народного комиссариата по продовольствию, 1919, № 13–16, с. 9–10]. Таким образом, 1919 г. стал временем, когда организационная мощь государства в вопросах функционирования продовольственного аппарата обозначилось в полной мере. Обращение к доступным сегодня материалам РГАЭ (ф. 1943 – Наркомат продовольствия, ф. 1953 – Центральная комиссия по снабжению рабочих при Наркомпроде РСФСР, ф. 2012 – Главное управление по продуктообмену и продуктораспределению при НКП РСФСР) позволяет проследить за ходом принятия управленческих решений – установления порядка и принципов выдачи так называемых «бронированных пайков» специально образованной комиссией. Практика бронированного снабжения стала продолжением и развитием идеи «классового пайка».

Комиссия по снабжению рабочих при Наркомпроде создавалась в соответствии с постановлением СНК от 15 ноября 1919 г. [Декреты Советской власти, т. 6, с. 500–501]. Она была обязана принимать «все меры к регулярному, хотя бы и минимальному снабжению» продуктами питания в первую очередь рабочих и служащих фабрично-заводских предприятий, строительных сооружений, а также членов их семей. Председателем комиссии стал А. Б. Халатов, имевший опыт работы в продовольственных органах Москвы. Основанием для обеспечения рабочих продовольствием являлись сформировавшиеся списки заводов и фабрик. Ежемесячно комиссия определяла особую группу предприятий, для которых в первую очередь происходило бронирование запасов продовольствия для усиленного снабжения. В зависимости от степени важности «бронированные предприятия» подразделялись на две категории. Величина пайка находилась в прямой зависимости от принадлежности той или иной категории. По первой категории снабжались особо важные предприятия, не прекращавшие работу, практиковавшие удлинённый рабочий день и требующие «высокого напряжения труда». К таковым были отнесены заводы и фабрики, обслуживавшие нужды армии. Во вторую категорию попали предприятия, работавшие «полным ходом» на нужды армии или являвшиеся подсобными для предприятий первой категории. С изданием данного положения прекращалось назначение продовольственных норм рабочим в ином порядке [Там же, с. 501].

Вопросы бронированного снабжения рабочих затрагивались в начале ноября 1919 г. на проходившем в Москве Всероссийском совещании представителей распределительных органов. 1 ноября в ходе

вечернего заседания с докладом «Декрет об едином классовом пайке» выступил управляющий инструкторским отделом управления общего распределения Наркомпрода А. Я. Вышинский [Всероссийское совещание, с. 12–17], едва ли помышлявший в тот момент о карьере прокурора СССР и министра иностранных дел великой державы. Говоря об отсутствии четкого понимания принципов «классового пайка» даже в Петроградской губернии, докладчик указывал на наличие здесь не только «бронированного пайка», который оставался вне всяких категорий и выдавался исключительно лицам физического труда. Кроме него, существовали пайки по категориям. К первой категории (1/2 ф. хлеба) были отнесены призреваемые в больницах, госпиталях, лазаретах, детских больницах и богадельнях, дети от одного года до 15 лет включительно, а также дети, находящиеся в приютах и школах с общежитиями. Во вторую категорию (1/4 ф.) оказалось включено все городское и сельское население. Наконец, к третьей категории (1/8 ф.) были причислены лица, живущие на собственные средства и доходы с капитала, лица, пользующиеся наемным трудом и торговцы всякого рода. Отмечая, в частности, странности при объединении совершенно разных групп населения во второй категории, докладчик иронизировал по поводу сумбура, царящего в столь просвещенном центре, каким являются Петроград и Петроградская губерния [Там же, с. 15].

Отвечая на вопросы участников совещания в ходе работы специальной секции, обсуждавшей проблемы «классового пайка», А. Я. Вышинский, конечно же, лукавил, когда говорил, что рабочий, переходящий даже на ответственную, но не физическую работу, должен быть переведен из первой во вторую категорию снабжения, поскольку деление на категории носит классовый характер [Там же, с. 37]. В действительности еще 24 апреля 1919 г. Наркомпрод издал распоряжение «О порядке причисления ответственных советских работников к 1 категории классового пайка». Уже к 5 мая списки «всех ответственных работников» НКП были подготовлены [РГАЭ. Ф. 2012. Оп. 1. Д. 479. Л. 3].

Прошло совсем немного времени, и Комиссия по снабжению рабочих при Наркомпроде 15 января 1921 г. приняла секретное, не подлежащее публикации постановление, которым устанавливался особый продовольственный паек для ответственных политических и профессиональных работников, а также ответственных сотрудников местных, областных, губернских, уездных и районных советских учреждений. А начальник Управления распределения Наркомпрода А. Я. Вышинский стал одним из тех, кто подписал секретную циркулярную инструкцию относительно порядка выдачи спецпайков на местах [РГАЭ. Ф. 1953. Оп. 1. Д. 100. Л. 4, 7].

Количество рабочих, зачисленных на бронированное снабжение, росло стремительно. В декабре 1919 г. бронированию подлежали 642 тыс. чел. по девяти отраслям промышленности. В январе 1920 г. к ним были добавлены две новых группы – печатники и Наркомпоч-

тель (108 тыс. чел.). К октябрю 1920 г. эта цифра возросла до 1 250 тыс. чел., а к октябрю 1921 г. она достигла своей высшей точки, составив 3 763 тыс. чел. [Вышинский, с. 10].

В тех случаях, когда речь шла о снабжении продовольствием целых отраслей промышленности, комиссия старалась тщательно вникать в детали и рассматривать вопросы неформально. В частности, на заседании 28 октября 1920 г. было признано, что количество заявок от главков и центров, содержащих сведения о числе рабочих, занятых на ударных предприятиях и подлежащих постановке на бронированное снабжение (3,5 млн чел.), должно быть сокращено [РГАЭ. Ф. 1953. Оп. 1. Д. 2. Л. 124]. После детального рассмотрения списков предприятий и групп, включенных в списки на бронированное снабжение на декабрь, в протоколе заседания от 6 декабря 1920 г. была отмечена необходимость представленные списки утвердить. По линии производственных главков и Наркомпочтеля в списки были включены 2 346 025 рабочих и служащих, а от непромышленных структур (Наркомпроса, Главпрофобра, Наркомздрава и др.) – 241 661 чел. [РГАЭ. Ф. 1953. Оп. 1. Д. 12. Л. 16].

Комиссия принимала решения и по частным вопросам. Так, в ходе заседания 13 января 1920 г. члены комиссии постановили предоставить усиленное довольствие рабочим и служащим Невского оптического общества в Москве (149 чел.), Купавинской текстильной фабрики (1 919 чел.), Московского оружейного завода в Мытищах (1 267 чел.). Тогда же на усиленное довольствие на февраль 1920 г. были зачислены павловские кустари Нижегородской губернии (6 409 чел.) [РГАЭ. Ф. 1953. Оп. 1. Д. 2. Л. 38–39]. На заседании 2 марта 1920 г. комиссия расширила список профессий, принадлежность к которым давала право на получение дополнительной рабочей карточки. В список были внесены артисты, хористы и хористки, а также парикмахеры [Там же. Л. 44]. В ряде случаев члены комиссии проявляли принципиальность. Так, на заседании 14 сентября 1920 г. было отказано в предоставлении «особого пайка» сотрудникам Московского совета, признав его выделение «невозможным» [Там же. Л. 110].

Случалось, что председатель Комиссии по рабочему снабжению А. Б. Халатов направлял служебные записки руководителям продовольственных органов на местах, предписывая обеспечить трудящихся «бронированным пайком». Так, 2 марта 1920 г. он указывал А. Е. Бадаеву на необходимость обеспечить продуктами группу петроградских служащих в 25 чел., переведенных решением комиссии на усиленное довольствие (1 ф. хлеба и ½ ф. овощей в день). Служебной запиской от 10 мая 1920 г. А. Е. Бадаеву предписывалось снабдить месячной нормой продовольствия рабочих и служащих полиграфической промышленности Петрограда (1 ¼ ф. печеного хлеба и 1 ½ ф. овощей в день) [РГАЭ. Ф. 1953. Оп. 1. Д. 404. Л. 84, 98].

Централизация всех сторон экономической жизни страны привела к тому, что 5 марта 1920 г. постановлением Совета рабочей и крестьян-

ской обороны Комиссия по рабочему снабжению при НКП получила исключительное право разрешать вопросы, связанные с переводом рабочих всех ведомств на усиленное снабжение [Второй краткий отчет, с. 37]. 18 мая 1920 г. постановлением СНК в ведение комиссии также передавались все вопросы о порядке и нормах снабжения продовольствием рабочих и служащих. Комиссия получала право специального наблюдения «за фактическим проведением установленного плана рабочего снабжения всеми органами и учреждениями» [Там же, с. 36].

Бронированное снабжение рабочих по целому ряду отраслей промышленности выделяло их из других групп потребителей. Однако в реальности норма снабжения и здесь была значительно ниже номинальной. Очевидно, что бронированное снабжение не предоставляло собой тех реальных преимуществ, которыми должно было обладать государственное снабжение (табл. 4).

Таблица 4

Выдача продуктов по бронированному снабжению в 1920 г.
[Вышинский, с. 15]

Вид продовольствия	Назначено к выдаче	Выдано	Отношение выданного к назначенному, %
Мука	3 млн 309 тыс. пуд.	2 млн 079 тыс. пуд.	62,8
Рыба – мясо	435,8 тыс. пуд.	245,5 тыс. пуд.	50
Жиры	611,3 тыс. пуд.	17,3 тыс. пуд.	28,2
Сахар	611,3 тыс. пуд.	29,8 тыс. пуд.	48,6

30 апреля 1920 г. СНК РСФСР был издан декрет «О введении трудового продовольственного пайка». Снабжение по «классовому пайку», а также по всем видам дополнительных карточек для рабочих отменялось [Декреты Советской власти, т. 8, с. 132–137]. Однако и принципы трудового пайка реализовать не удалось. В тот момент времени осуществить на практике заложенную в декрете идею «дать каждому столько продовольствия, сколько соответствует действительно проработанному им времени», оказалось невозможно.

После свержения монархии на смену идее «общегражданственности», реализовывавшейся в России на протяжении восьми месяцев 1917 г. в сфере регулирования потребления и распределения, пришел принцип «классового начала». Временное правительство со свойственной ему нерешительностью и без больших успехов пыталось установить специальные нормы снабжения для рабочих, занятых тяжелым физическим трудом.

Политический кризис первой половины 1918 г. показал большевистским лидерам необходимость установления более тесных связей с рабочими массами. В тот момент петроградские руководители стре-

мились заручиться поддержкой максимального количества фабрично-заводского пролетариата. Легче всего это было сделать посредством выделения рабочих в привилегированную группу, имеющую право на особый паек. Однако специальные положения, введившие «классовый паек» в столицах и имевшие важное политическое значение, в условиях острой нехватки продовольствия привели лишь к перераспределению продуктов питания между различными категориями населения и дали кратковременный эффект. На местах наблюдались не только отсутствие четких критериев при делении городского населения на категории, но и элементарная беспомощность государственных органов в отношении распределения продовольствия как среди рабочих, так и в массе крестьянского населения. «Классовость» пайка в большей степени представляла собой декларацию о намерениях политического руководства. Подтверждал это и разразившийся в Петрограде в конце 1918 г. кризис. Для ликвидации его последствий, выразившихся в прекращении выдачи хлеба и замене его овсом, потребовалось несколько месяцев напряженной работы.

Идея социальной справедливости, отчетливо выраженная в декретах советской власти 1919–1920 гг., не могла изжить многочисленные нормы снабжения, в том числе введившиеся местными продовольственными органами. Количество таких норм к 1920 г. превышало три десятка. Государственная политика централизации, создание Комиссии по снабжению рабочих, бронированное снабжение вытекали из тех военно-экономических задач, которые стояли перед властью в чрезвычайных условиях.

Отказ от «классового пайка» произошел лишь после принятия декрета 30 апреля 1920 г. Тем самым завершалась организационная работа по выработке единообразия форм и методов распределения продовольствия, по более производительному расходованию фондов. Важным шагом в борьбе с многочисленностью и бессистемностью пайков стало решение Наркомпрода ввести с 1 января 1921 г. новую единообразную систему целевого снабжения, получившую название «ударного пайка».

Список литературы

Вишневский Н. М. Принципы и методы организованного распределения продуктов продовольствия и предметов первой необходимости. М. : 10-я гос. тип., 1920. 188 с.

Всероссийское совещание представителей распределительных органов. 1–4 ноября 1919 г. М. : Гос. тип. (бывш. Т-ва И. Д. Сытина), 1920. 64 с.

Второй год борьбы с голодом : Краткий отчет о деятельности Народного Комиссариата по Продовольствию за 1918–19 год. М. : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1919. 57 с.

Вышинский А. Я. Вопросы распределения и революция. М. : 3-я тип. МСНХ «Мосполиграф», 1922. 27 с.

Давыдов А. Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть : 1917–1921 гг. Мешочники. СПб. : Наука, 2002. 339 с.

Декреты Советской власти : в 18 т. М. : Политиздат, 1957–1997. Т. 6. 1 августа – 9 декабря 1919 г. 584 с. Т. 8. Апрель – май 1920 г. 444 с.

Журналы заседаний Временного правительства: март – октябрь 1917 года : в 4 т. / отв. ред. Б. Ф. Додонов. М. : РОССПЭН, 2001–2004. Т. 1. Март – апрель 1917 года. 448 с. Т. 4. Сентябрь – октябрь 1917 года. 512 с.

Известия Народного комиссариата по продовольствию. 1918. № 18–19; 1919. № 13–16.

Известия Особого Совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу. 1916. № 29.

Известия по продовольственному делу. V Официальный отдел. 1917. № 2 (33).

Кабо Р. Потребление городского населения России (по данным бюджетных и выборочных исследований) / под ред. Г. Шуба. М. : Моск. сов. (бывшая Гор. тип.), 1918. XVIII, 69 с.

Карр Э. История Советской России : в 14 кн. М. : Прогресс, 1990. Кн. 1. Т. 1–2. Большевицкая революция 1917–1923. 768 с.

Китанина Т. М. Война, хлеб и революция (продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г.). Л. : Наука, 1985. 386 с.

Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М. : Изд-во Наркомзема «Новая деревня», 1922. 350 с.

Красная газета. 1918. 20, 21 июня.

Крицман Л. Героический период Великой русской революции (опыт анализа т. н. «Военного коммунизма»). М. : Госиздат, 1924. 274 с.

Ленинградская кооперация за десять лет. Л. : ЛСПО, 1928. 530, XXVI с.

Петроград на переломе эпох : Город и его жители в годы революции и Гражданской войны / под ред. В. А. Шишкина. 2-е изд. М. : Центрполиграф, 2013. 291 с.

Петроградская правда. 1918. 14, 30 мая.

Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917 – 1929. Экономические конфликты и политический протест : сб. док. / отв. ред. В. Ю. Черняев. СПб. : Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 2000. 465 с.

Потехин М. Н. Петроградская трудовая коммуна (1918–1919 гг.). Л. : ЛГУ, 1980. 143 с. Правда. 1918. 29 июня.

Продовольствие Севера. 1918. 10 нояб.

Рабинович А. Большевики, низы и советская власть: Петроград, февраль 1917 – июль 1918 // *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть* / отв. ред. В. Ю. Черняев. СПб. : Глаголь, 1994. С. 118–125.

РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 7. Д. 42; Ф. 1953. Оп. 1. Д. 2, 12, 100, 404; Ф. 2012. Оп. 1. Д. 277, 479.

РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 950.

Рупасов А. И. К истории торговли и распределения в Петрограде (1917–1920) // *Некоторые вопросы отечественной истории : События и судьбы.* СПб. : Ин-т рос. истории, 1994. С. 57–77.

Северная коммуна. 1918. 21 июня.

Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате : [изд. офиц.]. СПб. : Тип. Правит. Сената, [1863–1917]. 1917. № 186.

Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. 1922 г. Пг. : 1-я тип. Глав. упр. Гос. изд-ва, 1922. 344 с.

Твердюкова Е. Д. «Колбаса – дело доверия»: фальсификация пищевых продуктов в России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // *Новейшая история России.* 2015. № 1 (12). С. 71–82.

Уэллс Г. Россия во мгле // *Уэллс Г. Собр. соч. : в 15 т.* М. : Правда, 1964. Т. 15. С. 313–376.

Четыре года продовольственной работы : ст. и отчет. материалы. М. : Госиздат, 1922. 288 с.

Чистиков А. Н. «Классовый паек» в революции 1917 г. // *Рабочие и российское общество: вторая половина XIX – начало XX века : сб. ст. и материалов, посв. памяти О. Н. Знаменского.* СПб. : Глаголь, 1994. С. 187–195.

Яров С. В. Пролетарий как политик : Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. 223 с.

Figes O. A People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924. L. : Jonathan Cape, 1996. 923 p.

Gatrell P. Russia's First World War: A Social and Economic History. Harlow : Longman, 2005. 318 p.

References

Carr, E. (1990). *Istoriya Sovetskoi Rossii v 14 kn.* [A History of Soviet Russia. 14 Books]. Moscow, Progress. Book 1–2. Bol'shevistskaya revolyutsiya 1917–1923. 768 p.

Chernyaev, V. Yu. (Ed.). (2000). *Piterskie rabochie i "diktatura proletariata". Oktyabr' 1917 – 1929. Ekonomicheskie konflikty i politicheskii protest. Sbornik dokumentov* [Petersburg Workers and the "Dictatorship of the Proletariat". October 1917 – 1929. Economic Conflicts and Political Protest. Collection of Documents]. St Petersburg, Russko-Baltiiskii informatsionnyi tsentr BLITs. 465 p.

Chetyre goda prodovol'stvennoi raboty. Stat'i i otchetnye materialy [Four Years of Food Work. Articles and Reports]. (1922). Moscow, Gosizdat. 288 p.

Chistikov, A. N. (1994). "Klassovyi pak" v revolyutsii 1917 g. [The "Class Ration" in the 1917 Revolution]. In *Rabochie i rossiiskoe obshchestvo: vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka. Sbornik statei i materialov, posvyashchennyi pamyati O. N. Znamenskogo.* St Petersburg, Glagol", pp. 187–195.

Davydov, A. Yu. (2002). *Nelegal'noe snabzhenie rossiiskogo naseleniya i vlast'. 1917–1921 gg.: Meshochniki* [Illegal Supplying the Russian Population and the Authorities. 1917–1921. Baggers]. St Petersburg, Nauka. 339 p.

Dekrety Sovetskoi vlasti v 18 t. [Decrees of the Soviet Government. 18 Vols.]. (1973). Moscow, Politizdat. Vol. 6. 1 avgusta – 9 dekabrya 1919 g. 584 p. Vol. 8. Aprel' – mai 1920 g. 444 p.

Dodonov, B. F. (Ed.). (2001–2004). *Zhurnaly zasedanii Vremennogo pravitel'stva: mart – oktyabr' 1917 goda v 4 t.* [Minute Books of the Provisional Government. 4 Vols.]. Moscow, ROSSPEN. Vol. 1. Mart – aprel' 1917 goda. 448 p. Vol. 4. Sentyabr' – oktyabr' 1917 goda. 512 p.

Figes, O. (1996). *A People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924.* L., Jonathan Cape. 923 p.

Gatrell, P. (2005). *Russia's First World War: A Social and Economic History.* Harlow, Longman. 318 p.

Izvestiya Narodnogo komissariata po prodovol'stviyu [Izvestiya Narodnogo Komissariata po Prodovol'stviyu]. (1918). No. 18–19; (1919). No. 13–16.

Izvestiya Osobogo Soveshchaniya dlya obsuzhdeniya i ob'edineniya meropriyatii po prodovol'stvennomu delu [Izvestiya Osobogo Soveshchaniya dlya Obsuzhdeniya i Ob'edineniya Meropriyatii po Prodovol'stvennomu Delu]. (1916). No. 29.

Izvestiya po prodovol'stvennomu delu. V Ofitsial'nyi otdel [Izvestiya po Prodovol'stvennomu Delu. V Ofitsial'nyi Otdel]. (1917). No. 2 (33).

Kabo, R. (1918). *Potreblenie gorodskogo naseleniya Rossii (po dannym byudzhethnykh i vyborochnykh issledovaniy)* [Consumption of the Urban Population of Russia (According to Budgetary and Selected Research Data)] / ed. by G. Shub. Moscow, Moskovskaya sovetkaya (byvshaya Gorodskaya tipografiya). XVIII, 69 p.

Kitanina, T. M. (1985). *Voina, khleb i revolyutsiya (prodovol'stvennyi vopros v Rossii. 1914 – oktyabr' 1917 g.)* [War, Bread, and Revolution (the Food Issue in Russia. 1914 – October 1917)]. Leningrad, Nauka. 386 p.

Kondrat'ev, N. D. (1922). *Rynok khlebov i ego regulirovanie vo vremena voiny i revolyutsii* [The Bread Market and Its Regulation during War and Revolution]. Moscow, Izdatel'stvo Narkomzema "Novaya derevnya". 350 p.

Krasnaya gazeta [Krasnaya Gazeta]. (1918). June 20, 21.

Kritsman, L. (1924). *Geroicheskiy period Velikoi russkoi revolyutsii (opyt analiza t. n. "Voennogo kommunizma")* [The Heroic Period of the Great Russian Revolution (an Attempt at Analysing So-Called "War Communism")]. Moscow, Gosizdat. 274 p.

Leningradskaya kooperatsiya za desyat' let [Leningrad Cooperation in Ten Years]. (1928). Leningrad, LSPO. 530, XXVI p.

Petrogradskaya pravda [*Petrogradskaya Pravda*]. (1918). May 14, 30.

Potekhin, M. N. (1980). *Petrogradskaya trudovaya kommuna (1918–1919 gg.)* [The Petrograd Labour Commune (1918–1919)]. Leningrad, Leningradskii gosudarstvennyi universitet. 143 p.

Pravda [*Pravda*]. (1918). June 29.

Prodovol'stvie Severa [*Prodovol'stvie Severa*]. (1918). November 10.

Rabinovich, A. (1994). Bol'sheviki, nizy i sovetskaya vlast': Petrograd, fevral' 1917 – iyul' 1918 [The Bolsheviks, the Lower Classes, and Soviet Power: Petrograd, February 1917 – July 1918]. In Chernyaev, V. Yu. (Ed.). *Anatomiya revolyutsii. 1917 god v Rossii: massy, partii, vlast'*. St Petersburg, Glagol", pp. 118–125.

RGAE [Russian State Archive of the Economy]. Stock 1943. List 7. Dos. 42; Stock 1953. List 1. Dos. 2, 12, 100, 404; Stock 2012. List 1. Dos. 277, 479.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 457. List 1. Dos. 950.

Rupasov, A. I. (1994). K istorii trgovli i raspredeleniya v Petrograde (1917–1920) [On the History of Trade and Distribution in Petrograd (1917–1920)]. In *Nekotorye voprosy otechestvennoi istorii. Sobytiya i sud'by*. St Petersburg, Institut rossiiskoi istorii, pp. 57–77.

Severnaya kommuna [*Severnaya Kommuna*]. (1918). June 21.

Shishkin, V. A. (Ed.). (2013). *Petrograd na perelome epokh. Gorod i ego zhiteli v gody revolyutsii i Grazhdanskoi voiny* [Petrograd at the Turn of Eras. The City and Its Inhabitants during the Revolution and the Civil War]. 2nd Ed. Moscow, Tsentrpoligraf. 291 p.

Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii pravitel'stva, izdavaemoe pri Pravitel'stvuyushchem Senate [izdanie ofitsial'noe] [Collection of Legalisations and Government Orders, Published under the Governing Senate. Official Edition]. (1917). St Petersburg, Tipografiya Pravitel'stvuyushchego Senata. No. 186.

Statisticheskii sbornik po Petrogradu i Petrogradskoi gubernii. 1922 g. [Statistical Collection of Petrograd and Petrograd Province. 1922]. (1922). Petrograd, 1-ya tipografiya Glavnogo upravleniya gosudarstvennogo izdatel'stva. 344 p.

Tverdyukova, E. D. (2015). "Kolbasa – delo doveriya": fal'sifikatsiya pishchevykh produktov v Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1918 gg.) ["Sausage is a matter of trust": The Counterfeiting of Foodstuffs in Russia during the Years of the First World War (1914–1918)]. In *Noveishaya istoriya Rossii*. No. 1 (12), pp. 71–82.

Vishnevskii, N. M. (1920). *Printsipy i metody organizovannogo raspredeleniya produktov prodovol'stviya i predmetov pervoi neobkhodimosti* [Principles and Methods for the Organised Distribution of Food and Primary Commodities]. Moscow, 10-ya gosudarstvennaya tipografiya. 188 p.

Vserossiiskoe soveshchanie predstavitelei raspredelitel'nykh organov. 1–4 noyabrya 1919 g. [All-Russian Meeting of the Representatives of Distribution Bodies]. (1920). Moscow, Gosudarstvennaya tipografiya (byvshaya tovarishchestva I. D. Sytina). 64 p.

Vtoroi god bor'by s golodom. Kratkii otchet o deyatel'nosti Narodnogo Komissariata po Prodovol'stviyu za 1918–19 god [The Second Year of the Fight against Hunger. Brief Report on the Activities of the People's Commissariat of Food Industries in 1918–19]. (1919). Moscow, Tovarihschestvo tipografii A. I. Mamontova. 57 p.

Vyshinskii, A. Ya. (1922). *Voprosy raspredeleniya i revolyutsiya* [Distribution Issues and Revolution.]. Moscow, 3-ya tipografiya MSNKh "Mospoligraf". 27 p.

Wells, H. (1964). Rossiya vo mgle [Russia in the Shadows]. In Wells, H. *Sobranie sochinenii v 15 t.* Moscow, Pravda. Vol. 15, pp. 313–376.

Yarov, S. V. (1999). *Proletarii kak politik. Politicheskaya psikhologiya rabochikh Petrograda v 1917–1923 gg.* [The Proletarian as a Politician. The Political Psychology of the Workers of Petrograd in 1917–1923]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 223 p.

THE RUSSIAN RED CROSS IN THE CIVIL WAR*

Jean-François Fayet

University of Fribourg,
Fribourg, Switzerland

Based on Russian and non-Russian materials, this article examines the history of the Russian Red Cross Society during the Civil War. The ascension of the Bolsheviks to power led to the breakup of the *Russian Red Cross Society* (RRCS) into a multitude of national and political associations, each claiming its material and symbolic heritage. When the Civil War began, these fragments of the RRCS no longer existed as effective sanitary organisations. But in autumn 1918, as epidemics threatened troops and civil populations alike, RC institutions had to be set up again urgently. In view of their experience and infrastructure, the Moscow, Omsk, and Kiev RC organisations quickly became decisive players in the Civil War with the Red Army and the White armies of Kolchak, Denikin, and Wrangel. In many fields, these RC organisations acted as a substitute for the state. They were responsible for nursing, nutrition, and evacuation. On the external front, the material assets of the former RRC had to be recovered, Russian soldiers arrested abroad assisted, and the exclusivity of the RC emblem defended. In conclusion, this article argues that the Russian Civil War was a dramatic theatre of modern humanitarian action for the entire international RC movement (the International Committee of the Red Cross and the League of Red Cross Societies) in terms of the practices and laws that had to be invented. Given its fragmentary nature, the mix of identity, social, and ideological conflicts, the civilian populations in the foreground, and the intermingling of national and international players, the Russian Civil War was a forerunner of the “new wars” of the late twentieth century.

Keywords: Civil War, Red Cross, humanitarian disaster, typhus, sanitary trains

На основе российских и зарубежных материалов рассматривается история Российского общества Красного Креста (РОКК) во время Гражданской войны. Приход большевиков к власти привел к распаду РОКК на множество национально-политических ассоциаций, претендовавших на его материальное и символическое наследие. С началом Гражданской войны эти фрагменты РОКК перестали существовать как эффективные здравоохранительные организации. Но осенью 1918 г., когда как войскам, так и мир-

* Citation: Fayet, J.-F. (2021). The Russian Red Cross in the Civil War. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 1. P. 188–202. DOI 10.15826/qr.2021.1.573.

Цитирование: Fayet J.-F. The Russian Red Cross in the Civil War // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 1. P. 188–202. DOI 10.15826/qr.2021.1.573.

ному населению угрожали эпидемии, пришлось срочно восстановить учреждения РОКК. Благодаря своему опыту и инфраструктуре московское, омское и киевское отделения Красного Креста стали решающими силами в Гражданской войне между Красной армией и белыми армиями Колчака, Деникина, а затем Врангеля. Во многих областях эти отделения Красного Креста заменяли государство. Они организовывали уход за больными и ранеными, питание и эвакуацию населения. На внешнем фронте их задачей стало возвращение активов бывшего РОКК – оставшихся за рубежом российских военнопленных, а также эксклюзивности эмблем и материального имущества. Автор приходит к выводу о том, что для всего международного движения Красного Креста (Международного комитета Красного Креста и Лиги обществ Красного Креста) Гражданская война в России стала театром современной гуманитарной деятельности, где реализовывались практика и законы, которые еще необходимо было разработать. Гражданская война в России, в которой на первый план выдвигалось гражданское население и где смешивались национальные и международные факторы, стала предвестницей «новых войн» конца XX в.

Ключевые слова: Гражданская война, Красный Крест, гуманитарная катастрофа, тиф, санитарные поезда

The Russian Civil War (RCW) was a dramatic theatre of modern humanitarian action for the entire Red Cross movement – the national sections, the Russian Red Cross Society (RRCS), the International Committee of the Red Cross (ICRC), and the League of Red Cross Societies founded in March 1919. This manifested itself in the practices that had to be urgently invented as the RCSs constantly moved to keep up with the changing position of the fronts. In terms of law, the aim of the ICRC was to standardise within international humanitarian law the extension of its field to intervention in civil wars. This had appeared on the agenda of the International Conference of the Red Cross held in Washington in May 1912, but was removed after the fierce hostility of the Russian representative [Bugnion, p. 286; Moreillon, p. 36–37]. This would haunt the RC movement for the entire Civil War and long afterwards.

Before entering the Civil War, the RRCS found itself caught up in the revolution. The RRCS was certainly not a driving force in these events. However, thanks to its network of medical and healthcare organisations across the country and on the north, west, and south fronts, it constituted a privileged observatory for the upheavals in 1917. It is particularly interesting to follow the passion for democracy in an institution that embodied a system of honorary positions and other privileges of the autocratic regime [Чистяков, с. 132]. Under the influence of revolutionary events, RC workers organised themselves into congresses or soviets, especially on the western front, where they elected a new committee and soviet in May [ГАРФ. Ф. 9572. Оп. 1. Д. 20. Л. 1 и посл.]. These new bodies adopted resolutions regarding the democratisation of the RRCS, the removal of certain

executives, and the integration of ordinary workers into the administration. In July 1917, the National Conference of Red Cross Workers refused to hold a discussion with the directorate general (DG) of the RRCS, which was supported by the Russian Provisional Government. Doctors organised counter-conferences, like that in Minsk in October 1917 [ГАРФ. Ф. 4094. Оп. 1. Д. 28. Л. 1].

We can thus follow in the archives a genuine class struggle, one which led to a division within the RC. This passion for democracy was accompanied by salary claims from basic workers: they demanded up to 350 roubles per month for healthcare workers and over 400 roubles for sisters of mercy [ГАРФ. Ф. 4094. Оп. 1. Д. 24. Л. 18]. The new RC bodies had to ask for additional loans from the government to meet these requirements [E. A. Frick "Report" (October 1917). ACICR. CR00 /50a-165]. At the same time, RC institutions had to introduce an eight-hour working day. In summer 1917, doctors stated that it was impossible to work because of difficulties with their staff. Desertion occurred in RC stations and infirmaries along the front [ГАРФ. Ф. 4094. Оп. 1. Д. 16. Л. 116]. The RC could certify that a soldier had been demobilised. There was also a stampede of leaders running off with the reserves to join pockets of resistance [ГАРФ. Ф. 4094. Оп. 1. Д. 23. Л. 18]. Finally, medical and nursing infrastructure collapsed following the Sovnarkom decree of December 1917 that ordered the immediate demobilisation of RRCS personnel (2,500 doctors and 30,000 nurses) [Беляева, с. 127]. The advance nursing detachments, transports, and mobile infirmaries had to be dissolved. When the Civil War began, the RRCS no longer existed.

Multiple rebirths: the Red Cross as an allegory of the territorial and political breakup of Russia

Nothing was more alien to Bolshevik culture than the bourgeois philanthropy embodied by the RC. Inspired by Christian values and dominated by the aristocracy, the RRCS represented, in the eyes of revolutionaries of all tendencies, a perfect example of an anachronism [Toman, p. 9]. During the preparation for the October uprising, the Military Revolutionary Committee of the Petrograd Soviet had thus set up an independent healthcare organisation, made up exclusively of factory workers who were to work together with the Red Guard: the Proletarian RC. After the revolution, the Bolsheviks tried to merge the Proletarian RC with the former RC [ГАРФ. Ф. 3341 Оп. 1. Д. 54. Л. 2–9]. However, the directors of the former RC (the DG of the RRCS presided over by Count P. N. Ignatieff and the Central Executive Committee of Red Cross Workers) were opposed to any interference from the authorities. Furthermore, the Sovnarkom declared the nationalisation of the RRCS's assets, the dissolution of its central administration, and the establishment of a reorganisation committee in a decree dated 6 January 1918 [ГАРФ. Ф. 9501. Оп. 1. Д. 1. Л. 7]. Those in power also ordered the arrest of several members of the central management (including N. N. Pokrovsky, former minister of foreign affairs and

chairman of the RC at the time) who had expressed their opposition to the new regime. The decree on the nationalisation of assets was to have serious consequences for the RRC.

The decision was initially mainly theoretical due to the country's political fragmentation: most of the 118 hospitals and the 2,255 medical and nursing centres on the front were beyond Bolshevik control. The governments of the new states carved out of the former Russian Empire (Finland, Poland, the Baltic states, Ukraine, Georgia, and Armenia) handed over RRC assets to their new national RCS: buildings, equipment, and hospital ships [ГАРФ. Ф. 9501. Оп. 6. Д. 8. Л. 94]. When military hostilities resumed in February 1918, the German, Austrian, and Turkish armies confiscated such supplies as booty on the pretext that they were no longer protected by the conventions. In Caucasia, all RC assets were looted by Turkish soldiers, along with the Armenians and Georgians [Беляева, с. 143]. Due to foreign intervention, the Soviets lost yet more hospitals and infirmaries. Added to these initial consequences was a loss of respect for the RC emblem and the legal protection of personnel by the conventions. The decree ultimately aroused the ICRC's indignation, which expressed in the April 1918 issue of its journal "its disapproval of the unspeakable conduct of the Russian revolutionaries with respect to the Russian Red Cross Society". Edouard Odier, the Swiss ambassador in Petrograd and the vice-chairman of the ICRC, took it upon himself to entrust Edouard Frick, a Swiss citizen in Russia who had joined the RRCS during the war, with a mandate to assist the RRCS.

During spring 1918, Frick and the Central College of the Administration of RC Affairs managed to persuade the Sovnarkom to publish two additional clauses in the decree of 6 January [ACICR. CR00/50a-165]. The first was signed by Lenin on 3 May (20 April) 1918, according to which "the Russian Red Cross, in its capacity as the national section of the International Association of the Red Cross, whose activity is based on the Geneva Conventions of 1868 and 1907, has not been banned" [CICR. p. 187-188]. A second was signed on 31 May confirming that "all the international conventions and agreements related to the Red Cross, to which Russia has adhered... have been recognised by the Russian Soviet Government" [ГАРФ. Ф. 9501. Оп. 1. Д. 1. Л. 8]. Finally, on 20 November, the RRC assembly ratified articles of association, emphasising the continuity of the RRCS in relation to the former society [ГАРФ. Ф. 9501. Оп. 6. Д. 6. Л. 20]. Generally speaking, the Bolsheviks continued to think that "the triumph of the world revolution and the transformation of the international community into a free federation of Soviet republics, by making the functions of the Red Cross superfluous and irrelevant, were condemning it to a gradual death" [ГАРФ. Ф. 9501. Оп. 6. Д. 8. Л.14]. However, this exception to the Soviet government's policy of disowning its predecessor's treaties should have enabled RRC stakeholders to gradually remove the harmful effects of the initial measures, particularly those related to the confiscation of assets [ГАРФ. Ф. 3342. Оп. 1. Д. 112. Л. 87]. Frick also persuaded the Soviets to send a representative of the Soviet RC to Geneva to defend their interests.

The mission was entrusted to Dr S. Y. Bagotsky, a relative of Lenin [Fayet, 2014, p. 57]. Dashing Soviet hopes, however, the ICRC decided to consider the “Moscow Red Cross” [ГАРФ. Ф. 9501. Оп. 6. Д. 6. Л. 8] a new society, for which admission to the movement required a new examination. For the international committee, recognition of this society was also hindered by the fact that the former RRCS had not ceased its activities.

The Civil War led to the formation of several bodies that were opposed to the Soviet government and that claimed the RRCS's heritage [ГАРФ. Ф. 9501. Оп. 6. Д. 17. Л. 61–65; Ипполитов, с. 34–53]. The first was the Provisional DG of the RRC (Временное Главное Управление РОКК: VGU ROKK), formed in Samara in late September 1918 under the chairmanship of A. N. Chalachnikov (and subsequently M. L. Kindiakov). In October, the VGU ROKK moved to Omsk. This directorate also had an office in Copenhagen (later Stockholm) run by N. A. Czamanski, one of those responsible for the former central administration. The VGU ROKK, which put itself at the service of the Provisional Government, was to play a very important role in the enrolment of former Russian prisoners of war returning from Germany and Austria-Hungary into Admiral Kolchak's army. As for the second organisation, the Provisional Directorate for the Affairs of the RC, this was set up in Kiev on 16 November 1918. Containing five members of the former DG under the chairmanship of the former senator B. E. Ivanitski, it had hospitals and medicine storage facilities on the southwestern front, where the army of volunteers commanded by Denikin was fighting. There were also RRC representatives in the Supreme Administration of the Northern Region [Беляева, с. 127] and in Estonia for N. N. Yudenich's troops. In June 1919, aware of the need to have common representation to endorse their authority abroad, the representatives of the Kiev and Omsk committees met in Paris at a general council for the affairs of the RRC abroad under the chairmanship of Count Paul Ignatiev [ACICR. CR00/50a-165]. Following the advice of the ICRC [ACICR. CR00/50b-173], they reactivated the Central Council of the RC, maintaining its composition from before the October Revolution. This society, hostile to all contact with the communists, was financed by ambassadors at the Conference of Paris, who were chaired by V. A. Maklakov and actively supported by the Entente governments. Each of these versions, political or national, of the former RRCS claimed the RC's heritage and its recognition by the International Committee. While the ICRC refused all recognition due to the “shifting” nature of the situation [ГАРФ. Ф. 9501. Оп. 6. Д. 6. Л. 10], it nonetheless intended to collaborate with all of them in order to deal with the humanitarian emergency.

On all fronts of the humanitarian disaster: the Civil War as a theatre of modern humanitarianism

The breakdown of RRCS infrastructure, personnel, and resources coincided with a humanitarian crisis. All reports confirm the immensity of the “suffering” populations to be cared for, aided, or protected. Around 2.2 mil-

lion former prisoners of war were present in Russian territory: Austrians, Hungarians, Germans, Turks, and Bulgarians [Davis]. In many places, the camps had been without rations for several months, obliging the prisoners to organise themselves and to take part in the civil war. But there were also injured and sick Russian soldiers, civilian populations, Jews subjected to pogroms [Будницкий], political prisoners, refugees, and the destitute. In addition to the physical and psychological violence related to the Civil War, the population was suffering from epidemics: louse-borne typhus spread with unprecedented rapidity in the desperate conditions during 1918–1922 (between 4.4 million and 5.2 million people died), while Spanish influenza («испанки») and cholera also raged unabated [Ferrière, p. 277; Patterson, p. 173]. The population also faced hunger [Adamets]: Russia experienced several years of malnutrition and scarcity, accompanied by deficiency-related diseases such as scurvy. It was mainly hunger that brought the Civil War to an end. We should also mention the evacuations due to the movement of the front: an entire people was on the move, bringing with them lice [Argenbright, p. 260].

RC personnel were themselves victims of the violence. The list of violations of the Geneva and the Hague conventions concerning nursing organisations and RC personnel was a long one: attacks against nursing staff; the torpedoing of hospital ships; the bombing and pillaging of nursing trains, quarantine stations, and ambulances; and the murder of nurses, sisters of mercy, and doctors while they were carrying out their work. In Irkutsk, Semienov had hanged members of the Swedish RC accused of spying. When Minsk was taken by Polish legionnaires (summer 1919), several members of the Soviet RC were executed and others arrested. When the Red Army took the Crimea, most RC workers, several doctors and nurses, were arrested or shot. Each of the RRCs made a list of the atrocities committed by the enemy [Données sur la terreur en Russie; Quelques documents concernant l'activité de l'ancienne organisation de la Croix-Rouge russe]. Above all, we should remember that the mortality rate among nursing staff in the epidemic centres was 100 %.

The winter of 1918–1919 was characterised by intense activity from the RC, which had to demonstrate its creativity. Everywhere, its staff had to take stock (by sending inventory teams) [ГАРФ. Ф. 4094. Оп. 1. Д. 269. Л. 2], rebuild or find new buildings and means of transport, remobilise and train personnel, find funds, organise storage facilities, and set up reserves. They were able to make the most of experience acquired during the Great War, particularly in the field of vaccination due to the epidemics that had threatened the armies [Беляева, с. 125]. They once again set up anti-epidemic detachments, control and disinfection stations, nutrition centres, and bacteriological laboratories [ГАРФ. Ф. 4094. Оп. 1. Д. 158. Л. 1]. As for the soldiers, most of the activities of humanitarian workers were concentrated around the railways. All RCs used sanitary trains: nursing trains, disinfection, nutrition, and surgery carriages, storage trains, and bath trains [Foust].

In addition to the tasks common to all RCs – medical and nursing assistance for civilian and military victims of the war, the fight against epidemics and hunger, the training of personnel, and the return of prisoners of war – we can highlight the specific features of each front in terms of the humanitarian organisations. In spring 1918, the sanitary situation inside the Russian Soviet Republic had deteriorated to the point of threatening the health of troops, hospital patients, and the surrounding civilian population [ГАРФ. Ф. 4094. Оп. 1. Д. 23. Л. 54]. However, the Soviet military and sanitary authorities were only in their early stages of development [Hutchinson, 1990; Weissman, p. 97–101]. The new personnel trained by the Proletarian RC remained insufficient. Thus, despite their reluctance, the communists had to rely on the experience of the RC personnel to set up the Red Army's medical service on the front [Беляева, с. 127]. The RC (Центрокрест), which had in June 1918 created an emergency mobilisation commission, became the main representative of the People's Commissariat for Health (Наркомздрав, НКЗ) and the health directorates (Главным санитарным управлением Главсанупра), with which it shared medical and nursing centres, medicines, and other healthcare services [ГАРФ. Ф. 9572. Оп. 1. Д. 27. Л. 1 и посл.].

From March 1919, the RC's structure was fully adapted to the requirements of the Red Army. Service in RC institutions was equivalent to that of soldiers, with additional administrative control. The plenipotentiary representative of the RRCS with the Soviet armies had extensive powers regarding the movement of doctors, nurses, and maintenance personnel and the supply of medical equipment and money to subordinate institutions [Беляева, с. 131–133]. However, this RC was no longer an independent NGO. The election in July 1919 of Dr Zenovi Soloviev, the chief of the military and nursing department of the NKZ, as head of the RC brought an end to the recent tensions between the RC and the government authorities. The tendency to subordinate the RC's nursing institutions to the army's nursing service and the Narkomzdrav continued throughout the Civil War and beyond [ГАРФ. Ф. 4094. Оп. 1. Д. 269. Л. 60]. During the reconquest of territories (Ukraine), the assets of the former RC were transferred to the military and nursing departments of the NKZ.

In Siberia, humanitarian stakeholders were faced with some specific problems: the vastness of the region concerned (in spring 1919, Kolchak controlled 300,000 km²), difficulties with food supplies (they had to send missions to Kharbin and Japan), the shifting nature of the front, and a ceaseless influx of new refugees. However, the Provisional DG of the RC in Omsk was politically and financially sustained by Kolchak (he provided 95 % of its budget) [Ипполитов, с. 58]. Its chairman, former senator A. N. Shelashnikov, and its directors were deeply involved in government work. They frequently met with the ministers of health, transport, foreign affairs, the interior, and trade. Thanks to the government's support, all the charitable organisations of the Unions of Towns and the zemstvos had been placed under the RC's authority. This merger became necessary during the mo-

bilisation against the typhus epidemic that broke out in December 1918 in Chelyabinsk and threatened the whole of Siberia. In August 1919, the entire territory was divided into three parts in connection with the need for nursing services and evacuation [Ипполитов, с. 64]. The army zone welcomed the wounded and the sick, the rear front zone was where former prisoners of war were held, and the state zone was where the influx of refugees was concentrated. The state zone itself was divided into two, one stretching as far as Lake Baikal (interior: И. А. Куракин) and the other in the Far East. On the front, the RC commissioner-in-chief (Главнoуполномоченный) was promoted to the rank of deputy commander to the chief of staff. He was responsible for nursing missions and the evacuations to Omsk, Irkutsk, Vladivostok (for the Siberian armies) and China (for General Belov's Southern Army). In many fields, the RC acted as a substitute for the state. This status explains the government's gradual attempt to subordinate the RC. Medical and nursing assistance in wartime could not be carried out on an exclusively "voluntary" and "independent" basis.

In terms of the relative efficiency of the system of medical, nursing, and nutritional institutions set up by the RC, it needs to be considered in view of the context: the constant influx of wounded, sick, and refugees and the reduction in the number of personnel made continual restructuring a necessity. Of course, the material and human losses were enormous during the evacuations because of typhus and water shortages. The lack of fuel for trains and attacks by looters slowed down the convoys. Trains were often confiscated by Czech and Polish troops. In January 1920, the Provisional Council of the Administration of the Siberian People attempted to confiscate RC assets. However, the personnel resisted, which led to the Siberian RC organisation being broken up into several centres abroad [Ипполитов, с. 106].

The activities of the RRC in Kiev¹, took place over a smaller area with plentiful and excellent hospital infrastructure: 496 establishments with 36,870 beds (double the numbers in Siberia). Although this RC had fewer problems with food supplies, it was faced with almost constant retreat. In January 1919, the provisional directorate for RC affairs in Kiev had to transfer its activities to Odessa, then to the Kuban (Ekaterinodar – Krasnodar), and finally to the Crimea. With each evacuation, the RC lost some of its assets. The final days in the Crimea were tragic, beset by the looting of storage facilities and hospitals and the arrest of personnel [Ипполитов, с. 113].

To briefly illustrate the specific features of the work of the RRC in Ukraine, we have to change our perspective to place ourselves within a specific institution: an RC hospital in Kiev run since 1915 by Dr G. Lodygensky, a tsarist officer assigned to the RC's 22nd nursing detachment [Лодыженский]. Located in the city centre, the Grand Duke Mikhail Hospital had 300 beds reserved for officers. In spring 1917, it was hastily renamed "the Kiev Hospital of the Russian Red Cross Society" and opened its doors

¹ This Russian Red Cross in Kiev should not be confused with the Ukrainian Red Cross Society founded on 15 April 1918 under the chairmanship of professor Petrowsky.

to all soldiers. After the Bolsheviks seized power in January 1918, the capital of Ukraine changed hands thirteen times. The building was in turn requisitioned by Ukrainian nationalists, the Red Army, German troops, the army of Hetman Skoropadsky, again by Petliura's nationalists, and, finally, by the Soviets. The hospital continued to operate under the different regimes despite numerous arrests.

The ICRC, the neutral RCSs, and the several national RCSs were very keen to participate in the humanitarian experience that was the Russian Civil War. This was a period during which humanitarianism was being re-made by the appearance of new players or competitors in the "humanitarian market": the League of RCSs, the League of Nations, the International Save the Children Union, and the American Relief Administration [Hutchinson, 1996, p. 279]. For the International Committee, it was a question of extending its activity to encompass civil war [Fayet, 2015, p. 62]. In addition to Frick's work in Petrograd and Moscow [ACICR. CR00/50a-165], the ICRC sent missions to Ukraine (1918) and Siberia (1919–1920) [Montandon; Piana] to repatriate prisoners of war from the Central Powers. The RCSs from neutral countries, such as Sweden and Denmark, were also deeply involved [Енсен]. This was the case in the Soviet arena, where a Moscow committee responsible for assisting prisoners of war and political prisoners was to operate until summer 1919, and in White territories such as Kiev, where the Danish and Swiss RCSs supported an ICRC to relieve victims of the Civil War [ГАРФ. Ф. 3341. Оп. 1. Д. 200. Л. 3]. The Scandinavian RCSs sent the first nursing expeditions to Omsk in 1918 and were responsible for establishing a cordon sanitaire against epidemics in Caucasia. The RCSs of the Entente countries were present alongside their troops in the north, Ukraine, and Siberia [Polk, 2004; Polk, 2012]. The American, Canadian, and British RCSs made a major contribution to combating typhus [Irwin, p. 91]. The arrival of American RC supplies allowed for the first storage facilities to be set up in Omsk and Perm. In the Crimea, Wrangel's RC received aid from its French counterpart. Support from the foreign RCSs continued during the White retreat, defeat, and exile to Turkey, Yugoslavia, Bulgaria, Czechoslovakia, France, and Belgium. It was also the foreign RCSs, assisted by the ICRC and especially by High Commissioner Nansen, that organised the return of prisoners of war in spring 1920. Most of these RCSs would return to Russia in 1921 as part of the campaign against famine.

The reconquest of Red Cross assets and Russian POWs abroad

Russian soldiers in prison abroad constituted a priority issue for the RCSs of both camps from the start of the Civil War. From Brest-Litovsk at the end of 1918, the Soviets had the advantage because their diplomatic representatives and RC delegates were legally welcomed by the Central Powers and neutral countries. The support provided by the ICRC in organising the first returns of POWs sparked criticism from the Entente governments and White émigrés, who did not wish to see the Red Army receive any reinforcement during the Civil War [Fayet, 2014, p. 80]. After the

Armistice in November 1918, the Allies imposed the Inter-Allied Commission upon Germany, which was responsible for controlling the repatriation of Russian POWs. With the exception of S. Y. Bagotsky, whose presence in Switzerland had been imposed by the ICRC, all delegates of the Moscow RCS were expelled and sometimes even executed, as in Poland [ГАРФ. Ф. 3341. Оп. 6. Д. 323. Л. 78]. During winter 1918–1919, almost one million Russian prisoners of war left Germany on their own account. Many died en route or returned to the camps. The Inter-Allied Commission therefore prohibited any repatriation between Germany and Soviet Russia until March 1920. However, it did authorise around 80,000 prisoners of war to return to zones controlled by the White Army. In Berlin, prisoners of war were complaining that “while the representative of the Russian military mission openly enrolls soldiers for the White Armies, the representative of the RRC, Baron Wrangel, offers no aid to those who have signed up to go to the front” [ГАРФ. Ф. 9501. Оп. 6. Д. 39. Л. 46, 65]. There was a similar situation in Vienna and Switzerland, where agents of the tsarist RC were working to enrol internees for Denikin’s army [ГАРФ. Ф. 9501. Оп. 6. Д. 11. Л. 7]. The question of the forced enrolment of prisoners of war also concerned the protagonists of the Civil War. Between 50,000 and 90,000 POWs from the Central Powers joined the Red Army.

Despite reminders from the ICRC about the need to establish an “absolute distinction between the missions acting in a military capacity and the missions of the Red Cross” [ГАРФ. Ф. 9501. Оп. 6. Д. 7. Л. 31], the confusion was set to continue. The methods for repatriating the last prisoners of war from the Eastern Front were defined at the Conference of Berlin (18–19 May 1920), bringing together, at the invitation of the ICRC, Dr Fridtjof Nansen, the high commissioner of the League of Nations, and the representatives of the German, Austrian, Hungarian, and Soviet governments. However, the Polish-Soviet War and the movement of the front to Ukraine prevented any land transport until the autumn. We highlight the fact that, unlike in the Second World War, there were no forced returns.

The second reconquest concerned symbolic assets: the exclusivity of the RC emblem. Since its reconstitution in 1918, the RRCS, like the other variations of the RRC, had continually requested recognition by the International Committee. Although the committee had been the first to favour sending and maintaining a Soviet RC representative in Switzerland [ГАРФ. Ф. 9501. Оп. 6. Д. 6. Л. 15], it nonetheless remained opposed to official recognition. The decision was difficult for the ICRC, whose links with the former RRCS had always been excellent [Fayet, 2015, p. 57]. The ICRC was mainly concerned about being the first international organisation to recognise the Soviet regime through its national RCS. However, recognition of the Moscow RC was a condition for allowing the ICRC to continue its presence on Soviet territory. The decision was formalised on 15 August 1921, the same day as the opening of a conference in Geneva on aid for victims of the Russian famine. But contrary to the principle of unity according to which “there can be only one RCS in any one Country”, this recognition

was not in any way expressed by the breakdown of the real relations that the ICRC maintained with the White RRC organisation, in view of “the humanitarian aid that it continued to provide outside the territory of the Soviet Republic to Russian refugees abroad” [Toman, p. 30]. However, it would allow the Soviets to rely on the eleventh resolution of the 10th International Conference of the Red Cross, inviting RCSs to agree to foreign RCSs that wished to send a representative abroad to work alongside their compatriots [ГАРФ. Ф. 9501. Оп. 6. Д. 36. Л. 65]. In a few months, the Soviets thus appointed RC delegates in more than fifteen countries, including the United Kingdom, Austria, Bulgaria, China, Denmark, the United States, Italy, Latvia, Lithuania, Poland, and Czechoslovakia, later joined by representatives in Germany, France, Greece, and Japan [Fayet, 2014, p. 218].

In the absence of Soviet consulates abroad, these Soviet RC delegates had to recover the material assets of the RRCS and, if possible, protect the interests of Soviet citizens. The real estate assets comprised numerous buildings, orphanages, hospitals, and sanatoriums acquired by the RRCS in several Mediterranean countries (France, Greece, Bulgaria, and Montenegro). But there were also some ships and trains. For example, the Soviet RC identified in 1926 180 merchant vessels, 54 ice-breakers, and 18 miscellaneous buildings brought over for French intervention during the Civil War [ГАРФ. Ф. 9501. Оп. 1. Д. 140. Л. 1–9]. As for financial assets, they consisted of money invested abroad, such as the Empress Fund. This mission continued for several years with only patchy success: most governments continued to support the representatives of the former RRCS organisation based in Paris. Two court judgements from Paris in January 1925 and January 1927 regarding a sum of 212,546 French francs deposited by the former RRC organisation in a French bank dismissed the Soviet claims. The judge argued that the former RRC organisation was a private association, so the French courts could not rule for expropriation in favour of the Soviet government [ГАРФ. Ф. 9501. Оп. 1. Д. 154. Л. 183–214]. The RC delegates had more success with the private assets of Soviet citizens: the pensions of war veterans, legacies, and insurance policies taken out by Russians in the United States, Latin America, and Canada. This enabled the RRCS to bring in almost two million dollars in 1928 and another eight million in 1929 [ГАРФ. Ф. 9501. Оп. 5. Д. 52. Л. 49].

* * *

The issue of humanitarian assistance in the context of civil wars was at the core of the discussion at the 10th International Red Cross Conference in Geneva from 30 March to 7 April 1921. Taking advantage of the absence of the Soviets [ГАРФ. Ф. 9501. Оп. 6. Д. 6. Л. 52], the White RRC delegation attempted to pass a resolution authorising RCSs to intervene directly in Russia by extending their obligatory activities to aiding the victims of civil wars. There was nothing theoretical about the matter. The Bolsheviks looked certain to win the Civil War, but difficulties with food supplies were

causing disturbances in Moscow and Petrograd. On 7 March 1921 (three days after the start of the Kronstadt Rebellion), the directorate of the White RRC in Paris declared its intention to send supplies to the insurgents [ГАРФ. Ф. 3341. Оп. 2. Д. 52а Л. 299–300].

The adoption of a resolution authorising the RCSs to intervene during civil wars would have given international legal legitimacy to these plans for interference. The first version of a resolution likening political prisoners to prisoners of war protected by the Hague Convention was adopted on 6 April at the commission. However, on the next day, delegates from Germany, Finland, Sweden, Switzerland, and Lithuania became concerned about the consequences of a resolution aimed directly against Soviet Russia, which could later be turned on countries fighting the revolution [Там же. Л. 290]. Resolution XIV was therefore stripped of its restrictive nature by making the intervention of RCSs subject to “the consent of the Government of the country where civil war was being waged” [Bugnion, p. 294; Moreillon, p. 62]. The USSR never implemented this. However, political prisoners, classified as “state criminals” by the Soviets, were not completely deprived of assistance. Throughout the Civil War, the Political RC (Российского общества Красного Креста для помощи политзаключенным or РКК) of Peshkova, Vera Figner, and Muraviev operated legally [Мухутдинов]. By providing material and legal aid to political prisoners and their families, the РКК became a point of contact between the justice commissariat of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (RSFSR) and the Cheka. This experience was relived in Spain during the Civil War: it was not until 1977 that it was standardised in international agreements. With its fragmentary nature, mix of identity, social, and ideological conflicts, civilian populations in the foreground, and intermingling of national and international players, the Russian Civil War was in many ways a forerunner of the new wars [Kaldor] of the late twentieth century.

Список литературы

Беляева М. В. Российское общество Красного Креста в истории России 1867–1921 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь : [Б. и.], 2002. 211 с.

Будницкий О. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М. : РОССПЭН, 2007. 547 с.

ГАРФ. Ф. 3341. Оп. 1. Д. 54, 200; Оп. 2. Д. 52а; Оп. 6. Д. 323; Ф. 3342. Оп. 1. Д. 112; Ф. 4094. Оп. 1. Д. 16, 23, 24, 28, 158, 269; Ф. 9501. Оп. 1. Д. 1, 140, 154; Оп. 5. Д. 52; Оп. 6. Д. 6, 7, 8, 11, 17, 36, 39; Ф. 9572. Оп. 1. Д. 20, 27.

Енсен Б. Гуманитарная помощь и политика: миссия датского Красного Креста в Советской России. 1918–1919 // Первая мировая война : Пролог XX века / отв. ред. В. Л. Мальков. М. : Наука, 1998. С. 515–536.

Ипполитов С. С. Российская благотворительная деятельность на территории действий белых армий и в эмиграции (1918–1924 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М. : [Б. и.], 2000. 195 с.

Лодыженский Ю. И. От Красного Креста к борьбе с коммунистическим Интернационалом. М. : Айрис Пресс, 2007. 576 с.

Мухутдинов А. А. Политический Красный Крест : История создания и деятельности; опыт изучения массовых источников : дис. ... канд. ист. наук. М. : [Б. и.], 1998. 157 с.

Чистяков О. В. Организационное устройство и деятельность Российского общества Красного Креста в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М. : [Б. и.], 2009. 154 с.

ACICR. CR 00/50a-b-c. B Mis 0. B MIS 54.

Adamets S. Guerre civile et famine en Russie. Le pouvoir bolchevique et la population face à la catastrophe démographique 1917–1923. Paris : Inst. d'Etudes slaves, 2003. 476 p.

Argenbright R. Lethal Mobilities. Bodies and Lice on Soviet Railroads, 1918–1922 // *J. of Transport History*. Vol. 29. 2008. № 2. P. 259–276. DOI 10.7227/TJTH.29.2.7.

Bugnion F. Le Comité international de la Croix-Rouge et la protection des victimes de la guerre. Genève : CICR, 2000. 1444 p.

CICR. Rapport général du CICR sur son activité de 1912 à 1920. Genève : CICR, 1921. 259 p.

Davis G. H. National Red Cross Societies and Prisoners of War in Russia, 1914–18 // *J. of Contemporary History*. Vol. 28. 1993. No. 1. P. 31–52.

Données sur la terreur en Russie présentées par le Comité central de l'ancienne organisation de la Croix Rouge Russe au Comité international de la Croix Rouge à Genève. Paris : Ed. de la Société russe de la Croix-Rouge, 1922. 29 p.

Fayet J.-F. VOKS : le laboratoire helvétique : Histoire de la diplomatie culturelle soviétique durant l'entre-deux-guerres. Genève : Georg, 2014. 598 p.

Fayet J.-F. Le CICR et la Russie : un peu plus que de l'humanitaire // *Connexes, les espaces postcommunistes en question(s)*. Bruxelles : Univ. de Geneve. 2015. P. 55–74.

Ferrière F. Situation épidémique de la Russie // *Rev. intern. de la Croix Rouge*. 1922. № 53. P. 273–283.

Foust C. M. Sanitary Trains and Epidemic Control: The American Red Cross in Siberia during the Russian Civil War // *Actas del XXXIII Congreso Internacional de Historia de la Medicina / eds. J. Carrillo, G. de Ros*. Seville : Sociedad Española de Historia de la Medicina, 1994. P. 1005–1010.

Hutchinson J. F. Politics and Public Health in Revolutionary Russia. Baltimore : Johns Hopkins Univ. Press, 1990. 253 p.

Hutchinson J. F. Champions of Charity : War and the Rise of the Red Cross. Colorado : Westview Press, 1996. 448 p.

Irwin J. F. The Great White Train: Typhus, Sanitation, and U. S. International Development during the Russian Civil War // *Endeavour*. 2012. No. 36. Vol. 3. P. 89–96. DOI 10.1016/j.endeavour.2012.03.001.

Kaldor M. New and Old Wars : Organized Violence in a Global Era. Cambridge : Polity Press, 2012. 268 p.

Montandon G. Deux ans chez Koltchak et chez les Bolchéviques pour la Croix-Rouge de Genève, 1919–1921. Paris : Alcan, 1923. 318 p.

Moreillon J. Le CICR et la protection des détenus politiques. Lausanne : L'Age d'Homme, 1973. 303 p.

Patterson K. D. Typhus and Its Control in Russia, 1870–1940 // *Medical History*. 1993. No. 37. P. 361–381.

Piana F. The Dangers of 'Going Native': George Montandon in Siberia and the International Committee of the Red Cross, 1919–1920 // *Contemporary Europ. History*. Vol. 25. 2016. № 2. P. 253–274. DOI 10.1017/S0960777316000060.

Polk J. A. The Canadian Red Cross and Relief in Siberia, 1918–1921 : MA Thesis. Ottawa : [S. n.], 2004. 243 p.

Polk J. A. Constructive Efforts: The American Red Cross and YMCA in Revolutionary and Civil War Russia, 1917–24 : PhD Thesis. Toronto : [S. n.], 2012. 507 p.

Quelques documents concernant l'activité de l'ancienne organisation de la Croix-Rouge russe. Genève : Ed. de la Société russe de la Croix-Rouge, 1923. 40 p.

Toman J. La Russie et la Croix-Rouge (1917–1945) : La Croix-Rouge dans un Etat révolutionnaire et l'action du CICR en Russie après la Révolution d'octobre 1917. Genève : Inst. Henry-Dunant, 1997. 89 p.

Weissman N. B. *Origins of Soviet Health Administration: Narkomzdrav, 1918–1928 // Health and Society in Revolutionary Russia* / ed. by S. Solomon, J. F. Hutchinson. Bloomington : Indiana Univ. Press, 1990. P. 97–101.

References

- ACICR. CR 00/50a-b-c. B Mis 0. B MIS 54.
- Adamets, S. (2003). *Guerre civile et famine en Russie. Le pouvoir bolchevique et la population face à la catastrophe démographique 1917–1923*. Paris, Inst. d'Etudes slaves. 476 p.
- Argenbright, R. (2008). Lethal Mobilities. Bodies and Lice on Soviet Railroads, 1918–1922. In *J. of Transport History*. Vol. 29. No. 2, pp. 259–276. DOI 10.7227/TJTH.29.2.7.
- Belyaeva, M. V. (2002). *Rossiiskoe Obshchestvo Krasnogo Kresta v istorii Rossii 1867–1921 gg.* [The Russian Red Cross Society in the History of Russia 1867–1921]. Dis. ... kand. ist. nauk. Stavropol', S. n. 211 p.
- Budnitskii, O. (2007). *Rossiiskie evrei mezhdru krasnymi i belymi (1917–1920)* [Russian Jews between Reds and Whites (1917–1920)]. Moscow, ROSSPEN. 547 p.
- Bugnion, F. (2000). *Le Comité international de la Croix-Rouge et la protection des victimes de la guerre*. Genève, CICR. 1444 p.
- Chistyakov, O. V. (2009). *Organizatsionnoe ustroistvo i deyatel'nost' Rossiiskogo obshchestva Krasnogo Kresta v gody Pervoi mirovoi voyny (1914–1918 gg.)* [Organisational Structure and Activities of the Russian Red Cross Society during the First World War (1914–1918)]. Dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, S. n. 154 p.
- CICR (1921). *Rapport général du CICR sur son activité de 1912 à 1920*. Genève, CICR. 259 p.
- Davis, G. H. (1993). National Red Cross Societies and Prisoners of War in Russia, 1914–18. In *J. of Contemporary History*. Vol. 28. No. 1. pp. 31–52.
- Données sur la terreur en Russie présentées par le Comité central de l'ancienne organisation de la Croix Rouge Russe au Comité international de la Croix Rouge à Genève.* (1922). Paris, Ed. de la Société russe de la Croix-Rouge. 29 p.
- Ensen, B. (1998). Gumanitarnaya pomoshch' i politika: missiya datskogo Krasnogo Kresta v Sovetskoi Rossii. 1918–1919 [Humanitarian Aid and Politics: The Mission of the Danish Red Cross in Soviet Russia. 1918–1919]. In Mal'kov, V. L. (Ed.). *Pervaya mirovaya voyna. Prolog XX veka*. Moscow, Nauka, pp. 515–536.
- Fayet, J.-F. (2014). *VOKS : le laboratoire helvétique. Histoire de la diplomatie culturelle soviétique durant l'entre-deux-guerres*. Genève, Georg. 598 p.
- Fayet, J.-F. (2015). Le CICR et la Russie : un peu plus que de l'humanitaire. In *Connexes, les espaces postcommunistes en question(s)*. Bruxelles, Univ. de Geneve, pp. 55–74.
- Ferrière, F. (1922). Situation épidémique de la Russie. In *Rev. intern. de la Croix Rouge*. No. 53, pp. 273–283.
- Foust, C. M. (1994). Sanitary Trains and Epidemic Control: The American Red Cross in Siberia during the Russian Civil War. In Carrillo, J., de Ros, G. (Eds.). *Actas del XXXIII Congreso Internacional de Historia de la Medicina*. Seville, Sociedad Española de Historia de la Medicina, pp. 1005–1010.
- GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock 3341. List 1. Dos. 54, 200; List 2. Dos. 52; List 6. Dos. 323; Stock 3342. List 1. Dos. 112; Stock 4094. List 1. Dos. 16, 23, 24, 28, 158, 269; Stock 9501. List 1. Dos. 1, 140, 154; List 5. Dos. 52; List 6. Dos. 6, 7, 8, 11, 17, 36, 39; Stock 9572. List 1. Dos. 20, 27.
- Hutchinson, J. F. (1990). *Politics and Public Health in Revolutionary Russia*. Baltimore, Johns Hopkins Univ. Press. 253 p.
- Hutchinson, J. F. (1996). *Champions of Charity. War and the Rise of the Red Cross*. Colorado, Westview Press. 448 p.
- Ippolitov, S. S. (2000). *Rossiiskaya blagotvoritel'naya deyatel'nost' na territorii deistvii belykh armii i v emigratsii (1918–1924 gg.)* [Russian Charitable Activity on the Territory of Operations of the White Armies and in Emigration (1918–1924)]. Dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, S. n. 195 p.

Irwin, J. F. (2012). The Great White Train: Typhus, Sanitation, and U. S. International Development during the Russian Civil War. In *Endeavour*. No. 36. Vol. 3, pp. 89–96. DOI 10.1016/j.endeavour.2012.03.001.

Kaldor, M. (2012). *New and Old Wars. Organized Violence in a Global Era*. Cambridge, Polity Press. 268 p.

Lodyzhenskii, Yu. I. (2007). *Ot Krasnogo Kresta k bor'be s kommunisticheskim Internatsionalom* [From the Red Cross to the Struggle against the Communist International]. Moscow, Airis Press. 576 p.

Montandon, G. (1923). *Deux ans chez Koltchak et chez les Bolchéviques pour la Croix-Rouge de Genève, 1919–1921*. Paris, Alcan. 318 p.

Moreillon, J. (1973). *Le CICR et la protection des détenus politiques*. Lausanne, L'Age d'Homme. 303 p.

Mukhutdinov, A. A. (1998). *Politicheskii Krasnyi Krest. Istoriya sozdaniya i deyatel'nosti; opyt izucheniya massovykh istochnikov* [Political Red Cross: History of Creation and Activity; Experience in Studying Mass Sources]. Dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, S. n. 157 p.

Patterson, K. D. (1993). Typhus and its Control in Russia, 1870–1940. In *Medical History*. No. 37, pp. 361–381.

Piana, F. (2016). The Dangers of 'Going Native': George Montandon in Siberia and the International Committee of the Red Cross, 1919–1920. In *Contemporary Europ. History*. Vol. 25. No. 2, pp. 253–274. DOI 10.1017/S0960777316000060.

Polk, J. A. (2004). *The Canadian Red Cross and Relief in Siberia, 1918–1921*. MA Thesis, Ottawa, S. n. 243 p.

Polk, J. A. (2012). *Constructive Efforts: The American Red Cross and YMCA in Revolutionary and Civil War Russia, 1917–24*. PhD Thesis. Toronto, S. n. 507 p.

Quelques documents concernant l'activité de l'ancienne organisation de la Croix-Rouge russe. (1923). Genève, Ed. de la Société russe de la Croix-Rouge. 40 p.

Toman, J. (1997). *La Russie et la Croix-Rouge (1917–1945). La Croix-Rouge dans un Etat révolutionnaire et l'action du CICR en Russie après la Révolution d'octobre 1917*. Genève, Inst. Henry-Dunant. 89 p.

Weissman, N. B. (1990). Origins of Soviet Health Administration: Narkomzdrav, 1918–1928. In Solomon, S., Hutchinson, J. F. (Eds.). *Health and Society in Revolutionary Russia*. Bloomington, Indiana Univ. Press, pp. 97–101.

The article was submitted on 11.06.2020

**ТОМСКИЙ СУДЬЯ АЛЕКСАНДР ЛЕВБЕРГ:
ГРАНИ ПОСОБНИЧЕСТВА БОЛЬШЕВИКАМ
В НАЧАЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ***

Евгений Крестьянников

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

**TOMSK JUDGE ALEXANDER LEVBERG:
THE FACETS OF COLLABORATION WITH BOLSHEVIKS
AT THE BEGINNING OF THE CIVIL WAR**

Evgeny Krestyannikov

Tyumen State University,
Tyumen, Russia

In 1917, the Soviet regime began to introduce new forms of state and legal relations. The former system of justice was being violently destroyed, which led to a split in the judicial community and caused significant changes in the legal culture of practitioners, who were thrown into unavoidable political and professional choices. In this article, the author refers to the story of judge A. E. Levberg and studies the professional paths of Siberian judicial figures who joined Soviet institutions, finding out the motives governing their actions and evaluating the repressive measures employed. The study makes it possible to add new information to data on the mechanisms of revolutionary transformations, helps explain the patterns of how state legal systems functioned, and increases knowledge about human behaviour during a deep social and political conflict. A central focus on everyday life, micro-historical analysis, and the use of various sources (print media, private sources, and archival documentation introduced into scholarly circulation for the first time) make it possible to comprehensively consider reports on the liquidation of pre-revolutionary courts and the transfer

* *Citation:* Krestyannikov, E. (2021). Tomsk Judge Alexander Levberg: The Facets of Collaboration with Bolsheviks at the Beginning of the Civil War. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 1. P. 203–217. DOI 10.15826/qr.2021.1.574.

Цитирование: Krestyannikov E. Tomsk Judge Alexander Levberg: The Facets of Collaboration with Bolsheviks at the Beginning of the Civil War // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 1. P. 203–217. DOI 10.15826/qr.2021.1.574 / Крестьянников Е. Томский судья Александр Левберг: грани пособничества большевикам в начале Гражданской войны // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 1. С. 203–217. DOI 10.15826/qr.2021.1.574.

of their employees to work for the Bolsheviks. Such decisions did not necessarily entail the intentional participation of judicial personnel in the construction of the new regime, as it could have been caused by material need; moreover, it allowed judges to continue their judicial practice and fulfill their professional duty to society. Many might have considered their work in the Soviet state apparatus as subversion against it. The judicial community itself considered cooperation with the Soviets a betrayal of the principles of corporate solidarity and ideals of justice. After the Bolsheviks had been overthrown, their collaborators from among the judiciary were prosecuted. Despite social and professional hostility towards them, these people avoided severe punishment: the legal framework did not classify their actions as a crime, and no provision existed for sanctioning moral or political choices.

Keywords: justice, Soviet regime, White movement, Civil War, judicial figures, A. E. Levberg, Tomsk, Siberia

В 1917 г. советская власть приступила к внедрению новых форм государственных и правовых отношений. Прежняя юстиция подлежала уничтожению, сопровождавшемуся применением насилия, приводившему к расколу в судебном сообществе и существенным изменениям в правовой культуре юристов-практиков, которые были поставлены в ситуацию неизбежного политического и профессионального выбора. В статье через призму жизненной истории одного судьи А. Е. Левберга выявлены служебные траектории сибирских судебных деятелей, поступивших на работу в советские учреждения, мотивы данных поступков и дана оценка применявшимся репрессивным мерам. Исследование позволяет дополнить представления о механизмах революционных трансформаций, внести вклад в объяснение закономерностей функционирования государственно-правовых систем и умножить знания о поведении человека в условиях глубокого социально-политического конфликта. Приоритетное внимание к повседневности и применение микроисторического анализа, а также использование различных по генезису источников, прежде всего периодической печати, материалов личного происхождения и впервые вводимой в научный оборот архивной документации, позволяют всесторонне рассмотреть акты ликвидации дореволюционных судов и случаи перехода их сотрудников на работу к большевикам. Такая служба могла являться не только сознательным участием судебного персонала в строительстве новой власти, но и решением, продиктованным материальной нуждой, позволяющим продолжить судебную практику и исполнить свой профессиональный долг перед обществом. Вероятно, было немало и тех, кто видел свою деятельность в советском госаппарате в качестве подрывной против него. Судейское же сообщество расценивало сотрудничество с Советами как предательство принципов корпоративной солидарности и измену идеалам правосудия. После свержения большевиков служащие судебных ведомств подвергались преследованию. Несмотря на враждебное к себе отношение со стороны общественности и коллег, им удалось избежать

наказания: классифицировать их деяния как преступные не позволяла правовая база, а репрессии за нравственный и политический выбор закон не предусматривал.

Ключевые слова: юстиция, советская власть, белое движение, Гражданская война, судебные деятели, Томск, Сибирь

Перемещение члена Томского окружного суда А. Е. Левберга на аналогичную должность в Тобольский окружной суд могло быть заурядной кадровой перестановкой [ГАРФ. Ф. Р-4369. Оп. 3. Д. 228. Л. 3–4], но в условиях эскалации Гражданской войны в сентябре 1918 г. такой служебный путь наполнялся разнообразными смыслами. Перевод чиновника состоялся как наказание за «нарушение товарищеской солидарности», выразившееся в том, что судья в кратковременный период господства советской власти вразрез с общими решениями служащих судебного ведомства Томска изъявил желание служить в советском народном суде [ГАОО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–2, 7 об.].

Микроисторический анализ позволяет маркировать подвиги, происходившие в правосознании и правовой культуре служителей Фемиды, делая возможным через политические ориентиры правоведов характеризовать разные типы государственности и политико-правовых отношений на фазах их становления и краха: ведь, по мысли П. Бурдые, юристы по меньшей мере выступают «за право как инструмент легитимации того, что есть» [Бурдые, с. 582]. Их выбор власти – это надежный индикатор кризисных явлений и предпочтений страны. В частности, по результатам проведенного в августе 1918 г. советом¹ присяжных поверенных округа Омской судебной палаты расследования, из всего 184 адвокатов 30 признавались причастными к созданию и деятельности органов советской власти, причем 19 из них представляли Томск [Красильников, Пыстина и др., с. 204]. А. Е. Левберг, по сведениям председателя Томского окружного суда П. А. Фролова, принадлежал к трем десяткам судейских работников Томского судебного округа, включая канцеляристов, согласившихся трудиться в советских учреждениях [ГАРФ. Ф. Р-4369. Оп. 5. Д. 74. Л. 30–33].

После чехословацкого восстания, по мере избавления Сибири от власти большевиков, по словам старшего председателя Омской судебной палаты П. В. Вологодского, «началась лихорадочная работа по восстановлению деятельности судебных установлений» [Вологодский, с. 58]. В рамках этого процесса важно было отделить «своих» от «чужих», с чем непосредственным образом связывались перспективы устойчивости нового порядка. В судейских кругах отношение к сотрудничавшим с совдепом отличалось нетерпимостью и характеризовалось решимостью как минимум дистанцироваться от них. Общее собрание чиновников судебного ведомства и адвокатуры Ново-

¹ Советы – органы корпоративного самоуправления адвокатуры.

николаевска в июне 1918 г. постановило «потребовать от Сибирского временного правительства увольнения всех чинов судебного ведомства, подавших прошения о предоставлении им должностей и вообще находившихся на службе в организованных советской властью судах». Указывалось также на необходимость исключения из сословия адвокатов тех лиц, кто «записался в правозаступники или поступил на службу в народные суды». Оговаривалось, однако, что «увольнение со службы, а равно исключение из сословия, производятся после расследования; до окончания его все эти лица отстраняются немедленно от несения своих обязанностей» [ГАРФ. Ф. Р-4369. Оп. 5. Д. 74. Л. 8–8 об.]. Омский совет присяжных поверенных на заседании 30 июня постановил возбудить дисциплинарное производство против членов адвокатской корпорации, подавших прошения в томский совдеп о принятии их в советские коллегию правозаступников или суды [Сибирская жизнь, 1918, 4 июля].

В глазах юристов-практиков, воспитанных на непререкаемом авторитете Судебных уставов 1864 г., лица, служившие Советам, посягнули на святое и являлись предателями, поскольку, по оценке П. В. Вологодского, большевики «объявили разрушительный поход против судов», сделав ставку на классовое революционное правосознание, учредили самосуд [ГАРФ. Ф. Р-193. Оп. 1. Д. 2. Л. 17, 21]. «Упразднить донныне существующие общие судебные установления», – первой фразой провозглашал «Декрет о суде» СНК 22 ноября 1917 г., тем самым прерывая полувековую историю развития независимого суда и автономии судейской корпорации [Декреты, с. 124]. Начинался, по характеристике П. Соломона, большевистский эксперимент над правосудием [Соломон, с. 17–25], возможность участия в котором со стороны судебных деятелей, кроме прочего, определялась юридической оценкой советского суда и Октябрьского переворота. Когда в декабре во исполнение указанного декрета комиссары советской власти приступили к закрытию судебных учреждений, оставаться безучастными становилось невозможно.

В Сибири атаке сначала подверглись омские судебная палата и окружной суд, куда 16 декабря 1917 г. ответственный за ликвидацию прежней юстиции А. И. Апин направил товарищей, предъявивших декрет о суде и предупредивших чиновников, что они должны оставаться на своих местах и продолжать работу до последующих указаний новой власти. В ответ последовал саботаж, выразившийся в отказе от сдачи дел, имущества и денежных средств, а также в призыве к персоналу покинуть рабочие места [ГАРФ. Ф. Р-4369. Оп. 5. Д. 74. Л. 16; Материалы, с. 20]. Но сопротивление было сломлено: на первом же заседании местного ревтрибунала 28 декабря приговоренным к лишению общественного доверия оказался председатель упраздненного Омского окружного суда М. А. Подгоричани-Петрович [Омский вестник, 1917, 30 дек.]. Другой наиболее значимый центр судебной власти края в Иркутске (здесь располагалась, на-

ряду с Омском, вторая сибирская судебная палата) прекратил существование 5 января 1918 г. Закрытием органов юстиции руководил переметнувшийся на сторону Советов присяжный поверенный С. Я. Наркевич. Старший председатель Иркутской судебной палаты Н. П. Ераков лишь осведомился у пришедших лиц о вероятности применения силы в том случае, если он не подчинится и не подпишет документы о завершении деятельности подведомственных учреждений. Когда ему ответили утвердительно, чиновник покорно подписал протокол [Наркевич, с. 37].

В городах с окружными судами судебная власть тоже не признавала советский режим добровольно. В Барнауле 22 декабря 1917 г. в суд пришли вооруженные красногвардейцы, объявили его подчиненным Советам, при этом служащим предложили оставаться на своих местах. Но те покинули здание и собрались на частной квартире, где «выразили пожелание» в адрес мировых судей и судебных следователей прекратить работу [ГАРФ. Ф. Р-4369. Оп. 5. Д. 74. Л. 43]. Через неделю в Красноярске чиновники юстиции в ответ на препятствия отправлять правосудие, чинимые совдепом, решили прекратить деятельность. Трудиться в новых властных структурах им думалось «безусловно недопустимым» [Свободная Сибирь, 1918, 11 янв.]. Во Владивостоке на майском 1918 г. собрании судей и прокурорских работников декреты советской власти расценивались как незаконные, поскольку исходили от «неуполномоченной власти, не получившей общего признания». Следовательно, о службе в учреждениях, образованных по этим декретам, не могло быть и речи [ГАРФ. Ф. Р-4369. Оп. 1. Д. 86. Л. 9–10].

При прямом участии А. Е. Левберга сценарий подобных событий в Томске являлся наиболее драматичным. На угрозы советской власти судебные деятели томского округа ответили решениями общего собрания 30 декабря 1917 г. Они выразили протест против насильственного закрытия Омской судебной палаты, Омского и Барнаульского окружных судов [Знамя революции, 1918, 5 янв.] и постановили продолжать деятельность до насильственного ее прекращения [ГАОО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 8. Л. 1 об.; Д. 12. Л. 1 об.]. На общем собрании 19 февраля 1918 г. почти единодушно (из присутствовавших 76 человек против не было ни одного голоса, один воздержался) признавалось недопустимым служить в советских судах и подтверждалось намерение продолжить работу впредь до применения насилия [Путь народа, 1918, 22 февр.]. В марте томский комиссар Е. И. Мараев предложил судебным чинам считать себя освобожденными с 25 числа от исполнения своих служебных обязанностей. Отказавшиеся сотрудничать с советской властью подлежали, согласно декрету, увольнению [Знамя революции, 1918, 23 марта]. 21 марта в окружном суде состоялось последнее судебное заседание с участием присяжных заседателей, завершившееся трогательной сценой прощания с членами суда представителей народа, выразивших надежду на скорую встречу

при более подходящих для отправления правосудия условиях [Путь народа, 1918, 24 марта].

Однако советская власть остро нуждалась в специалистах-правоведах. «Юристов у нас не было», – вспоминал первый председатель Омского ревтрибунала А. А. Звездов [Звездов, с. 42], юридическое и общее невежество которого являлось предметом насмешек местной оппозиционной прессы [Омский вестник, 1917, 29 дек.; Пролетарий, 1918, 12 янв.]. В органе Томского совета «Знамя революции» можно было прочитать призывы к сотрудничеству, адресованные к судебным чиновникам: «Мировым судьям, а равно всем вообще юристам, желающим баллотироваться в местные судьи г. Томска, предлагается о таком своем желании немедленно заявить Президиуму революционного трибунала» [Знамя революции, 1918, 28 янв.]. После мартовских действий местного совдепа в отношении Томского окружного суда избранная от последнего комиссия вошла в переговоры с большевиками, закончившиеся безрезультатно. Тогда несколько судебных деятелей, включая А. Е. Левберга, получили персональные приглашения служить в советском суде и выразили на это согласие. Но приступить к исполнению обязанностей успели не все – большевистская власть была вскоре низложена [ГАОО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 12. Л. 1 об. –2].

Тем не менее, в судебном ведомстве произошла поляризация, которой, к тому же, сопутствовал раскол в среде тех, от кого все больше зависела сама возможность функционирования юстиции – судейского вспомогательного персонала. В конце лета и начале весны 1917 г. от канцеляристов, обслуживавших судебные учреждения Новониколаевска, постоянно исходила угроза забастовки, которая в конце концов была реализована [Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 317. Л. 54 об., 61, 77]. Со времени введения Судебных уставов в 1897 г. сибирская юстиция испытывала хронический дефицит денежных средств, усугубленный хозяйственным кризисом из-за мировой войны [Крестьянников, 2018]. Материальное положение судей было плачевным, а канцелярских служащих – тем более. Для них лозунги послужить высоким идеалам правосудия, по-прежнему находившие отклик в магистратуре, прокуратуре и адвокатуре, становились еще менее привлекательными. Советская власть пользовалась ситуацией: в Красноярске ее представителям удалось добиться неподчинения работников канцелярии руководству суда, тем самым получив возможность диктовать учреждению условия [Свободная Сибирь, 1918, 11 янв.]. В Томске лишь меньшая часть канцеляристов осталась трудиться в новых судах – 18 против 51 [Путь народа, 1918, 29 марта], что в противостоянии местных совдепа и юстиции все равно укрепляло позиции первого.

Наиболее высокопоставленным вербовщиком служащих для народных судов в Томске являлся прокурор местного окружного суда С. В. Александровский, ранее известный адвокат, назначенный на прокурорскую должность 12 августа 1917 г. в результате «адвокатского призыва», развернутого с подачи министра юстиции Времен-

ного правительства А. Ф. Керенского [Приказы, с. 114–115]. В качестве кадрового резерва судебнo-прокурорских учреждений в центре и на местах тогда широко использовались присяжные поверенные, а их советы могли играть решающую роль при назначении того или иного руководителя в судебном ведомстве [Хаски, с. 27–28; Юристы и революция, с. 64–65]. Неудивительно, что именно омский совет, следуя курсу данной политики, в марте 1917 г. выдвигал кандидатуры, больше из адвокатов, на должности председателя и прокурора Омской судебной палаты [ЦГИА СПб. Ф. 2297. Оп. 1. Д. 12. Л. 6].

От прокуратуры требовалось стоять на страже государственности и законности. Один из наиболее выдающихся отечественных прокуроров и министр юстиции в 1894–1905 гг. Н. В. Муравьев считал, что она, ревностно исполняя роль защитницы государства, представляла собой «как бы враждебный суду орган, порождающий между ними недоверие и рознь» [Прокурорский надзор, с. 27–28]. Адвокатура в России полстолетия защищала общественные интересы как минимум наравне с государственными. Эти два судебных установления, спланивавшиеся в Российской империи вместе с судьями в общей судебной корпорации на основе юридического образования и высокой степени профессионального сознания [Levin-Stankevich], тем не менее, в своей деятельности подчинялись разным правилам и традициям, отличным от порядков магистратуры. Когда все перемешалось и к давно проторенному пути из судейского корпуса и прокуратуры в адвокатуру революционный год прибавил траекторию обратного движения, в корпорацию юристов-практиков вносилось размежевание, и порождались заметные аномалии в правовой культуре. По некоторым оценкам, назначение 8 апреля 1917 г. прокурором Иркутской судебной палаты присяжного поверенного С. С. Старынкевича [Указы и приказы, с. 21], ставшего затем министром юстиции Временного сибирского правительства, вызвало в Иркутске недовольство большинства магистратуры и самой адвокатуры [ЦГИА СПб. Ф. 2297. Оп. 1. Д. 9. Л. 3]. Совсем не удивительно, что адвокат на прокурорском посту С. В. Александровский, являвшийся раньше важным членом сообщества правоведов (например, вместе с судьями, представителями адвокатуры и профессорами-юристами местного университета он входил в судебную комиссию Томского юридического общества для разработки реформы местного суда [Реформа, с. 1]), предал власть, от которой принял назначение на должность и которую призывался охранять, оказавшись в лагере ее врагов и разрушителей правопорядка.

Когда началось расследование обстоятельств перехода судебных чиновников на службу большевиков, следственные материалы указывали на вредную для досоветской юстиции деятельность этого прокурора. В частности, бывший добавочный мировой судья А. И. Бейгель, пошедший в народные судьи, заявлял, что решил на такой шаг под «влиянием» С. В. Александровского [ГАОО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 8. Л. 1 об.].

Глава прокуратуры как «скомпрометировавший себя близостью к большевикам» был уволен [Голос народа, 1918, 8 июня] и даже арестован, но после пятидневного пребывания под стражей его освободили [Сибирская жизнь, 1918, 18 июня]. По окончании Гражданской войны он начал карьерный путь в советских учреждениях: занимал пост заведующего губернским отделом юстиции, а 7 июля 1920 г. Томский губревком назначил его председателем ревтрибунала [ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 80. Л. 28].

Обвинения в инкриминируемых А. Е. Левбергу деяниях были сформулированы на заседании Томского окружного суда 9 июня 1918 г. В вину ему вменялись «выход его из коллектива судебного ведомства», «подача им заявления о желании служить в реформируемом советской властью народном суде» и «проявленная им активная деятельность в смысле склонения ко вступлению в судебные установления советской власти других лиц». Ко всему прочему, член суда был замечен в связях с С. В. Александровским, что в тогдашних условиях являлось дополнительным доказательством его предательства [ГАОО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–1 об., 7 об.].

В тот момент стремление наказать прислужников советской власти закрывало глаза на другие стороны вопроса о пособничестве большевикам. Представлялось совершенно чудовищным и недопустимым служить режиму, практиковавшему насилие и несущему разрушение, репрессивные меры которого направлялись против наиболее уважаемых представителей судейского сообщества Сибири. К примеру, 20 января 1918 г. следственная комиссия Омского ревтрибунала произвела обыск в квартире П. В. Вологодского [ЦГИА СПб. Ф. 2297. Оп. 1. Д. 19. Л. 1], за полгода до этого возглавившего судебную палату благодаря авторитету в адвокатской корпорации [Крестьянников, 2017]. Наверняка чиновники, вернувшись в помещения судов после изгнания большевиков, пережили прилив ненависти к ним: они могли наблюдать разорение и следы вандализма. По словам председателя Барнаульского окружного суда А. П. Морозова, судебные делопроизводство и имущество после господства представителей совдепа находились «в хаотическом состоянии» [ГАРФ. Ф. Р-4369. Оп. 5. Д. 74. Л. 44 об.]. Н. П. Ераков, вознамерившись найти дореволюционную переписку Иркутской судебной палаты по проблеме введения суда присяжных в Восточной Сибири, ее не обнаружил. Председателю оставалось только предположить, что документы были уничтожены во время «вооруженной междоусобной борьбы» [ГАИО. Ф. 245. Оп. 4. Д. 44. Л. 4].

Атмосфера озлобленности препятствовала беспристрастному выяснению виновности перебежчиков на сторону совдепа. Сильнейшему испытанию общественным остракизмом подвергся член Томского окружного суда В. И. Злобинцев – один из немногих, успевших потрудиться в советской юстиции [ГАРФ. Ф. Р-4369. Оп. 5. Д. 74. Л. 33]. Профессор Томского университета Н. Я. Новомбергский, близкий судейскому сообществу, поскольку имел опыт службы сибирским

мировым судьей [Профессора Томского университета, с. 180], опубликовал открытое письмо, в котором всячески заклеил последнего в измене ценностям правосудия [Голос народа, 1918, 18 июля]. В профессиональной судебной среде союзники советской власти также делались изгоями. Общее собрание судебных чиновников Омского окружного суда 9 июня 1918 г. отказалось выслушивать объяснения двух служащих, работавших у большевиков, и те вынуждены были уйти [Вологодский, с. 58]. В Томске на собрания лиц судебного ведомства и адвокатуры приглашались лишь те, кто «не принимал участия в деятельности советских судов и не изъявлял согласия служить в этих судах, а также и адвокаты, не изъявлявшие желания вступить в коллегия правозаступников» [Сибирская жизнь, 1918, 4 июля].

А. Е. Левбергу предоставлялась возможность объяснить свой поступок. Перед собранием Томского окружного суда он выставил себя последовательным противником большевиков и свое поступление на службу объяснял желанием покончить с ними, совмещая решение этой задачи с выполнением перед народом судебного долга. Борьба с новым режимом изнутри, входя в новорожденные учреждения, ему представлялось более эффективным и перспективным, чем просто саботировать и отказываться от сотрудничества. Конечной целью своей деятельности судья видел «постепенное замещение сторонников советской власти лицами других взглядов, которые, получив перевес, вернут жизнь на нормальный путь». Работа же опытного юриста в любом суде – «отстаивание и проведение начал права и справедливости» – в тот момент являлась важной для обеспечения возврата россиян в лоно законности, чтобы ослабить государственную и экономическую разруху, «спасти народ от окончательной гибели». Уже поэтому чиновник не мог последовать заключениям судебных собраний, подчиненным политическим устремлениям отдельных судебных деятелей, не учитывавшим интересы всего судебного состава и потребностей населения в правосудии, а также принимавшимся при перевесе голосов политически ангажированных канцеляристов [ГАОО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 12. Л. 2–3].

Скорее всего, при участии А. Е. Левберга «Сибирской жизнью» было опубликовано открытое письмо от имени девяти лиц томского судебного ведомства, сотрудничавших с советской властью. «Согласие же быть членами суда дано нами не оттого, что мы были большевиками и тяготели к большевизму. К этому обязывало нас понимание своего судебного долга», – оправдывались юристы. Они комментировали:

Правовой порядок был разрушен. Уголовные преступники, выпущенные для защиты родины на фронте, занялись грабежом в тылу. Бросавшие фронт солдаты, возвращаясь домой, творили самосуды над правыми и виноватыми. В несознательных массах идея государственного суда была поколеблена, зарождались мысли, что все дозволено. Начиналась анархия. <...> Декретами о суде по чьему-то адскому замыслу во всей

стране упразднились судебные установления. Взамен их были открыты органы расправы – революционные трибуналы. Население при наступившем бесправии было обречено на бессудие.

Потому судьи, убежденные, «что большевизм не имеет корней в народе и гибнет», пошли «бороться с этим злом, внося в новые суды те начала права и справедливости, которые они исповедовали в старых» [Сибирская жизнь, 1918, 27 июля].

В таком же духе высказались в «Голосе народа» томские поверенные, поступившие в советскую коллегию правозащитников. Указывая на свою аполитичность («адвокат, как и врач, при отправлении своей профессии должен оставаться вне политики»), они писали: «Мы вступили в коллегию, чтобы бороться с несовершенством советского правосудия и чтобы защищать правовые интересы населения, которые без помощи адвокатов-юристов оказались бы в руках лиц узкопартийных и зачастую невежественных». Поверенные требовали прекратить ту шумиху, которую вокруг их выбора «старались создать некоторые лица судебного ведомства, то муссирование злостных слухов, в которых заведомая ложь зачастую заменяла собою замалчиваемую правду» [Голос народа, 1918, 20 июля].

На следствии А. Е. Левберг ничего не говорил о материальных мотивах своего поступка. До перевода в Томск с 1911 г. по апрель 1917 г. он занимал высокую должность прокурора Иркутского окружного суда [ГАРФ. Ф. Р-4369. Оп. 3. Д. 228. Л. 20 об. –21 об.], потому, вероятно, достигнутый уровень благосостояния не слишком отражался на принятом им решении. Того же нельзя сказать о других чиновниках. К примеру, молодой, семейный и находившийся в начале карьерного пути А. И. Бейгель (1885 г. р.) [ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 356. Л. 15 об. –16] прямо указывал, что служить в народном суде его заставила «материальная нужда» [Там же. Ф. 391. Оп. 1. Д. 8. Л. 1 об.]. Наверняка перспектива остаться без работы толкала идти навстречу советской власти, чтобы избежать обнищания. Переметнувшийся на сторону Советов столичный юрист Н. Майер по свежим впечатлениям рассказывал, как безработные коллеги «погибали от голода и нужды» [Майер, с. 86]. Чтобы избежать подобного положения, в дни отпуска Томского окружного суда представители магистратуры, прокуратуры и адвокатуры даже «образовали трудовой кооператив для поддержки безработных сотоварищей по профессии и изыскания для этого средств» [Путь народа, 1918, 24 марта].

Бескомпромиссность вопроса о выживании умеряла принципиальность; к тому же, служба в советских судах могла быть совершенно не вредоносной. Тому свидетельство – деятельность В. И. Злобинцева, в доносах из Томска в Министерство юстиции характеризовавшегося «ярким большевиком» [ГАРФ. Ф. Р-4369. Оп. 3. Д. 1. Л. 15 об.]. На практике его работа в народном суде ограничивалась выдачей справок [Сибирская жизнь, 1918, 27 июля], а сотрудничество в советской

газете «Знамя революции», какое всячески порицал Н. Я. Новомбергский [Голос народа, 1918, 18 июля], вполне может быть истолковано как старание просвещать народные массы в рамках дореволюционных представлений о правосудии. В первой из серии публикаций В. И. Злобинцев указывал:

В статьях своих я не имею намерения производить критическую оценку декретов, но исключительно [стремлюсь] выяснить, основываясь на положительных нормах и опыте, порядок деятельности судебных органов в новых народных судах в интересах *правого, скорого, милостивого, равного для всех* и близкого к народу судебного процесса во всех его разветвлениях [Злобинцев].

То есть в данном случае чиновник использовал известную каждому обывателю формулировку, напрямую адресовавшую к Судебным уставам 1864 г. и не позволявшую отнести использовавшего ее юриста к разряду поклонников правосудия по большевистским рецептам революционного правосознания.

Обстановка допускала поверить А. Е. Левбергу, объяснявшему свои действия стремлением подрывать советскую власть путем вступления в ее организации. Подобным образом поступали некоторые судебные чиновники. По информации военных властей, на крестьянском съезде 22 марта 1918 г. все пятеро мировых судей и судебный следователь Тарского уезда Тобольской губернии избрались народными судьями, но тотчас дружно развернули пропаганду против большевиков. Те решили их арестовать, но не успели, и после свержения большевистского режима указанные лица немедленно возобновили отправление правосудия на досоветских началах [ГАРФ. Ф. Р-4369. Оп. 5. Д. 74. Л. 11]. Однако знание дальнейшей биографии А. Е. Левберга не позволяет положиться на искренность его следственных показаний: по окончании Гражданской войны он служил народным судьей седьмого района Томска, пока не получил должность в Совнархозе [ГАТО. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 188. Л. 9].

Желание расправы над перебежчиками, овладевшее обществом и судебной корпорацией, вызывалось скорее эмоциями и не имело юридических оснований. Данные лица реализовали свой политический и нравственный выбор, оценка которого находилась вне правового поля и, к тому же, не могла посягнуть на один из основополагающих принципов Судебных уставов 1864 г. – несменяемость магистратуры. Выйти за границы правовых норм подразумевало воспользоваться методами советской власти, разрушавшей законность и проводившей в жизнь начала революционного правосознания, что было сравнимо с самосудом по нормам дореволюционной правовой системы. Репрессия за пособничество, таким образом, ограничивалась мерами внутрикорпоративного наказания. Например, 10 октября 1918 г. Тобольский окружной суд проводил разбирательство относи-

тельно работы в советских органах трех мировых судей. И хотя объяснения двоих – О. И. Штольца и Е. К. Маевского – «не заслужили уважения», карой для первого стал перевод с сохранением прежней должности из Тюменского в Ялуторовский уезд; для второго, ранее уже уволенного, ограничивались возможности возвращения на службу [ГАРФ. Ф. Р-4369. Оп. 5. Д. 74. Л. 211, 216].

Томское расследование имело, вероятно, не совсем обычный сценарий: лица, от которых требовали объяснений, обвиняли тех, кто взялся их осуждать. Получалось, что служившие совдепу сотрудники, вопреки решениям собраний Томского окружного суда, призывавшим к профессиональной пассивности, продолжили нести народу правосудие, пусть даже под другим знаменем и в других учреждениях. Они прекрасно понимали собственную неуязвимость, ведь суд, обвинявший их в предательстве, остановился в шаге от него, не сумев договориться с новой властью. В итоге собрание 9 июня 1918 г. постановило сделать А. Е. Левбергу только «напоминание» за нарушение товарищеской солидарности. Но несколько сотрудников Томского окружного суда во главе с председателем учреждения П. А. Фроловым сформулировали особое мнение:

Признать, что дальнейшее пребывание А. Е. Левберга в должности члена суда в гор. Томске представляется невозможным и что ему может быть представлено право и возможность занимать ту же должность в другой местности.

Через полтора месяца Омская судебная палата предложила опорожнему связями с большевиками судье «подать прошение о переводе на ту же должность в Тобольский окружной суд с предупреждением, что в противном случае о нем будет возбуждено дисциплинарное производство» [ГАОО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 12. Л. 7 об. –10].

Судебная власть приняла вызов большевиков безоружной, готовой под воздействием революционного натиска к разрушению собственной монолитности. Она являлась организацией утрачивавшего авторитет и контроль над страной правления. Имея в своем арсенале лишь орудие законности, малопригодное в условиях войн и революций, судебная власть продемонстрировала неспособность противостоять насилию и удерживать сотрудников. Подчиненная корпоративности юстиция, избретенная ненавистным для многих царским режимом, расколота Временным правительством и совдепом, увлеченная поиском внутренних врагов, она вряд ли являлась надежной опорой антибольшевистских сил, вместе с которыми в начале Гражданской войны вступила на путь к апокалипсису.

Список литературы

Бурдые П. О государстве : курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М. : Дело, 2017. 720 с.

Вологодский П. В. Во власти и в изгнании : Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.). Рязань : Изд. П. А. Трибунский, 2006. 619 с.

ГАИО. Ф. 245. Оп. 4. Д. 44.

ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 317, 356; Ф. 391. Оп. 1. Д. 8, 12.

ГАРФ. Ф. Р-193. Оп. 1. Д. 2; Ф. Р-4369. Оп. 1. Д. 86; Оп. 3. Д. 1, 228; Оп. 5. Д. 74.

ГАТО. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 188; Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 80.

Голос народа. 1918. 8 июня; 18, 20 июля.

Декреты Советской власти : в 18 т. М. : Госполитиздат, 1957. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. 626 с.

Звездов А. А. В период подготовки Октябрьской революции // В боях за власть Советов (воспоминания участников социалистической революции и Гражданской войны в Омске и Омской области). Омск : Омск. обл. книж. изд-во, 1957. С. 38–43.

Злобинцев В. И. Судостроительство и судопроизводство по декретам № 1 и 2 // Знамя революции. 1918. 17 апр.

Знамя революции. 1918. 5, 28 янв.; 23 марта.

Красильников С. А., Пыстина Л. И. и др. Интеллигенция Сибири в первой четверти XX века: статус и корпоративные ценности. Новосибирск : Сова, 2007. 310 с.

Крестьянников Е. А. П. В. Вологодский и присяжные поверенные в Сибири // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2017. № 419. С. 152–159. DOI 10.17223/15617793/419/20.

Крестьянников Е. А. Финансовые аспекты судебной реформы в Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Рос. история. 2018. № 2. С. 22–34.

Майер Н. Служба в Комиссариате юстиции и народном суде // Архив русской революции : [в 22 т.] / изд. И. В. Гессена. Берлин : Слово, 1921–1923. Т. 8. С. 56–109.

Материалы Народного комиссариата юстиции. Вып. 1. Первый Всероссийский съезд областных и губернских комиссаров юстиции. М. : Народ. комиссариат юстиции, 1918. 60 с.

Наркевич С. Я. Закрытие иркутских судебных установлений // Ежедневник советской юстиции. 1922. № 44–45. С. 35–37.

Омский вестник. 1917. 29, 30 дек.

Приказы по ведомству Министерства юстиции // Журн. М-ва юстиции. 1917. № 7–8. С. 81–123.

Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности : пособие для прокурор. службы / [соч.] Н. В. Муравьева, прокурора Моск. судеб. палаты. М. : Университет. тип., 1889. Т. 1. Прокуратура на Западе и в России. 554 с.

Пролетарий. 1918. 12 янв.

Профессора Томского университета : биограф. словарь / отв. ред. С. Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1996. Вып. 1. 1888–1917. 288 с.

Путь народа. 1918. 22 февр.; 24, 29 марта.

Реформа местного суда в Сибири // Тр. Юр. о-ва при Имп. Томск. ун-те. Вып. 2. Томск : Тип. Сиб. т-ва печат. дела, 1911. 30 с.

Свободная Сибирь. 1918. 11 янв.

Сибирская жизнь. 1918. 18 июня; 4, 27 июля.

Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М. : РОССПЭН : Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 464 с.

Указы и приказы Временного правительства // Журн. М-ва юстиции. 1917. № 4. С. 19–22.

Хаски Ю. Российские адвокаты и советское государство. Происхождение и развитие советской адвокатуры. 1917–1939. М. : Ин-т государства и права РАН, 1993. 184 с. ЦГИА СПб. Ф. 2297. Оп. 1. Д. 9, 12, 19.

Юристы и революция : Pro et Contra / авт. и сост. С. М. Шахрай, К. П. Краковский. М. : Кучково поле, 2017. 552 с.

Levin-Stankevich B. L. The Transfer of Legal Technology and Culture : Law Professionals in Tsarist Russia // Russia's Missing Middle Class: The Professions in Russian History / ed. by H. D. Balzer. Armonk, N. Y. : M. E. Sharpe, 1996. P. 223–249.

References

- Bourdieu, P. (2017). *O gosudarstve. Kurs lektsii v Kollezh de Frans (1989–1992)* [On the State. A Course of Lectures at the College de France (1989–1992)]. Moscow, Delo. 720 p.
- Dekrety Sovetskoï vlasti v 18 t.* [Decrees of the Soviet Authorities. 18 Vols.]. (1957). Moscow, Gospolitizdat. Vol. 1. 25 oktyabrya 1917 g. – 16 marta 1918 g. 626 p.
- Fominykh, S. F. (Ed.). (1996). *Professora Tomskogo universiteta. Biograficheskii slovar'* [Professors of Tomsk University. Biographical Dictionary]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. Iss. 1. 1888–1917. 288 p.
- GAIO [State Archive of Irkutsk Region]. Stock 245. List 4. Dos. 44.
- GAOO [State Archive of Omsk Region]. Stock 25. List 1. Dos. 317, 356; Stock 391. List 1. Dos. 4, 8, 12.
- GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock R-193. List 1. Dos. 2; Stock R-4369. List 1. Dos. 86; List 3. Dos. 1, 228; List 5. Dos. 74.
- GATO [State Archive of Tomsk Region]. Stock R-53. List 1. Dos. 188; Stock R-173. List 1. Dos. 80.
- Golos naroda* [*Golos Naroda*]. (1918). June 8; July 18, 20.
- Huskey, Eu. (1993). *Rossiiskie advokaty i sovetskoe gosudarstvo. Proiskhozhdenie i razvitie sovetskoi advokatury. 1917–1939* [Russian Lawyers and the Soviet State. The Origin and Development of the Soviet Bar. 1917–1939]. Moscow, Institut gosudarstva i prava RAN. 184 p.
- Krasil'nikov, S. A., Pystina, L. I., et al. (2007). *Intelligentsiya Sibiri v pervoi chetverti XX veka: status i korporativnye tsennosti* [The Siberian Intelligentsia in the First Quarter of the 20th Century: Status and Corporate Values]. Novosibirsk, Sova. 310 p.
- Krestiyannikov, E. A. (2018). Finansovye aspekty sudebnoi reformy v Sibiri (konets XIX – nachalo XX v.) [Judicial Reform in Siberia: Financial Aspects (Late 19th – Early 20th Centuries)]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 2, pp. 22–34.
- Krestiyannikov, E. A. (2017). P. V. Vologodskii i prisyazhnye poverennye v Sibiri [P. V. Vologodsky and Sworn Attorneys in Siberia]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 419, pp. 152–159. DOI 10.17223/15617793/419/20.
- Levin-Stankevich, B. L. (1996). The Transfer of Legal Technology and Culture: Law Professionals in Tsarist Russia. In Balzer, H. D. (Ed.). *Russia's Missing Middle Class: The Professions in Russian History*. Armonk, N. Y., M. E. Sharpe, pp. 223–249.
- Maier, N. (1921–1923). Sluzhba v Komissariate yustitsii i narodnom sude [Service in the Commissariat of Justice and the People's Court]. In *Arkhiv russkoi revolyutsii [v 22 t.]* / publ. by I. V. Gessen. Berlin, Slovo. Vol. 8, pp. 56–109.
- Materialy Narodnogo komissariata yustitsii. Iss. 1. Pervyi Vserossiiskii s'ezd oblastnykh i gubernskikh komissarov yustitsii* [Materials of the People's Commissariat of Justice. Iss. 1. First All-Russian Congress of Regional and Provincial Commissars of Justice]. (1918). Moscow, Narodnyi komissariat yustitsii. 60 p.
- Murav'ev, N. V. (1889). *Prokurorskii nadzor v ego ustroistve i deyatelnosti. Posobie dlya prokurorskoï sluzhby* [Prosecutorial Supervision in Its Creation and Activities. Benefits for the Prosecution Service]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. Vol. 1. Prokuratura na Zapade i v Rossii. 554 p.
- Narkevich, S. Ya. (1922). Zakrytie irkutskikh sudebnykh ustanovlenii [The Closure of Irkutsk Judicial Establishments]. In *Ezhenedel'nik sovetskoi yustitsii*. No. 44–45, pp. 35–37.
- Omskii vestnik* [*Omskii Vestnik*]. (1917). December 29, 30.
- Priказы po vedomstvu Ministerstva yustitsii [Orders by the Ministry of Justice]. (1917). In *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. No. 7–8, pp. 81–123.
- Proletarii* [*Proletarii*]. (1918). January 12.
- Put' naroda* [*Put' Naroda*]. (1918). February 22; March 24, 29.
- Reforma mestnogo suda v Sibiri [Reform of the Local Court in Siberia]. (1911). In *Trudy Yuridicheskogo obshchestva pri Imperatorskom Tomskom universitete*. Iss. 2. Tomsk, Tipografiya Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela. 30 p.

Shakhrai, S. M., Krakovskii, K. P. (2017). *Yuristy i revolyutsiya. Pro et Contra* [Lawyers and Revolution. Pro et Contra]. Moscow, Kuchkovo pole. 552 p.

Sibirskaya zhizn' [*Sibirskaya Zhizn'*]. (1918). June 18; July 4, 27.

Solomon, P. (2008). *Sovetskaya yustitsiya pri Staline* [Soviet Justice under Stalin]. Moscow, ROSSPEN, Fond Pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'tsina. 464 p.

Svobodnaya Sibir' [*Svobodnaya Sibir'*]. (1918). January 11.

TsGIA SPb [Central State Historical Archive of St Petersburg]. Stock 2297. List 1. Dos. 9, 12, 19.

Ukazy i prikazy Vremennogo pravitel'stva [Decrees and Orders of the Provisional Government]. (1917). In *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. No. 4, pp. 19–22.

Vologodskii, P. V. (2006). *Vo vlasti i v izgnanii. Dnevnik prem'er-ministra antibol'shevistskikh pravitel'stv i emigranta v Kitae (1918–1925 gg.)* [In Power and in Exile: The Diary of the Prime Minister of Anti-Bolshevik Governments and an Émigré in China (1918–1925)]. Ryazan', publ. by P. A. Tribunskii. 619 p.

Zlobintsev, V. I. (1918). Sudoustroistvo i sudoproizvodstvo po dekretam № 1 i 2 [The Judicial System and Legal Proceedings According to Decrees Nos. 1 and 2]. In *Znamya revolyutsii*. April 17.

Znamya revolyutsii [*Znamya Revolyutsii*]. (1918). January 5, 28; March 23.

Zvezdov, A. A. (1957). V period podgotovki Oktyabr'skoi revolyutsii [During the Preparation for the October Revolution]. In *V boyakh za vlast' Sovetov (vospominaniya uchastnikov sotsialisticheskoi revolyutsii i Grazhdanskoi voiny v Omske i Omskoi oblasti)*. Omsk, Omskoe oblastnoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 38–43.

The article was submitted on 18.06.2019

PETER THE GREAT: THE CREATION OF THE EMPIRE

DOI 10.15826/qr.2021.1.575

УДК 94(470)"15/17" + 355.001.7(09) + 930.85

THE ROLE OF THE CULTURAL CONTEXT IN THE RUSSIAN MILITARY REVOLUTION*

Elżbieta Olzacka

Jagiellonian University,
Krakow, Poland

This article examines military transformations in Russia between the sixteenth and eighteenth centuries within the framework of the Military Revolution concept. This concept, introduced by the British historian Michael Roberts in 1955, was originally used to link changes in the purely military sphere (the introduction of gunpowder and the increased number of troops) with changes in state structures in western European countries. However, the concept can also be used to describe modernisation processes in non-European countries. Some historians have pointed out that military reforms often led to a holistic transformation of the socio-economic system. Others, including those dealing with the Military Revolution in Russia, focus primarily on the role of economic, social, and educational backwardness, which resulted in the construction of a modern military system and state different from that found in the West. This article attempts to complement this historical perspective by highlighting the importance of the cultural context in Russia's military modernisation. It explores the traditional cultural narrative – rooted in Orthodoxy and a patrimonial socio-political system – which resulted in the emergence of specific beliefs about waging war and achieving victory, as well as practices which differed from those in the West. As a result, it is argued that the introduction of similar technological and organisational solutions in the state of the tsars was accompanied not only by different political and socio-economic conditions, but also by different values, which were reflected in the various ways of reforming the troops and their subsequent use on the battlefield.

Keywords: concept of “military revolution”, history of Russia, cultural context, cultural narrative

Рассматривается процесс военной трансформации в России в XVI–XVIII вв. в рамках концепции «военной революции». Эта концепция, введенная в научный оборот британским историком Майклом Робертсом

* *Citation:* Olzacka, E. (2021). The Role of the Cultural Context in the Russian Military Revolution. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 1. P. 218–235. DOI 10.15826/qr.2021.1.575.

Цитирование: Olzacka E. The Role of the Cultural Context in the Russian Military Revolution // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 1. P. 218–235. DOI 10.15826/qr.2021.1.575.

в 1955 г., первоначально использовалась для того, чтобы связать изменения в сугубо военной сфере, связанные с изобретением пороха и увеличением числа вооруженных сил, с изменениями в государственных структурах в странах Западной Европы. Однако эта концепция также может быть использована для описания процессов модернизации в неевропейских странах. Некоторые историки отмечают, что военные реформы часто приводят к целостному преобразованию социально-экономической системы в соответствии с европейской моделью. Другие исследователи, в том числе те, которые занимаются проблемой военной революции в России, сосредоточены прежде всего на роли экономической, социальной и образовательной отсталости, которая привела к созданию современной военной системы и современного государства, отличного от того, что было на Западе. Автор предпринимает попытку дополнить эту историческую перспективу, подчеркивая важность культурного контекста в анализе военной модернизации в России. Поэтому статья базируется главным образом на вторичных источниках с использованием культурной перспективы для анализа исторических процессов. В ней исследуется традиционный культурный нарратив, основанный на православии и патримониальной общественно-политической системе, который привел к появлению определенных убеждений о ведении войны, достижении победы, о военных методах, которые отличались от подобных практик на Западе. Автор допускает, что внедрение подобных технологических и организационных решений в ходе процесса «военной революции» в России сопровождалось не только разными политическими и социально-экономическими условиями, но и определенными ценностями, которые были отражены в различных способах реформирования войск и их последующего использования в сражениях.

Ключевые слова: концепция «военной революции», история России, культурный контекст, культурный нарратив

The concept of the Military Revolution was introduced by the British historian Michael Roberts [Roberts, 1956; Roberts, 1995] in a 1955 lecture at Queen's University in Belfast. His idea was to link changes in the purely military sphere (the introduction of gunpowder and the increased number of troops) with changes in state structures that occurred in Europe from the mid-sixteenth to the mid-seventeenth centuries, namely the development of the central state apparatus, administration, bureaucracy, and the fiscal system. In his concept, the transformation of military technology resulted in the birth of the modern state. Roberts' thesis has been widely discussed by historians. The main allegations concern the legitimacy of the term "revolution" [Parker, 1995], the chronological and geographical scope of the original model [Duffy, 1980; Maroń; McNeill; Parker, 1976; Parker, 1988], and Roberts' overestimation of the role of technology in the transformation [Adams; Black; DeVries]. Despite this criticism, the Military Revolution remains one of the most important and most frequently used historiographical concepts for comprehensively describing transformations in the

war system in the early modern period [cf. Jacob, Visoni-Alonzo; Rogers; Parker, 1995].

This concept has also been used by researchers to describe transformations outside western Europe, including in Russia. It was in Russia – “the earliest of the non-western countries to undergo that crisis of self-confidence” [Pipes, p. 112] – where military modernisation according to the European model began in the mid-sixteenth century [Paul; Poe, 1996]. This lasted throughout the seventeenth century and culminated in the reforms of Peter the Great (1672–1725) [Кутищев, с. 5]. The aim of this article is not to trace in detail the Russian military reforms between the sixteenth and eighteenth centuries – this topic has already been explored by both Russian and western researchers [e. g. Волков; Кутищев; Пенской, 2004; Пенской, 2008; Duffy, 1981; Hellie; Keep; Paul; Poe, 1996; Poe, 1998] – but to highlight the importance of the cultural context for military modernisation and warfare.

This article presents the ideas of western researchers such as Marshall Poe, Michael C. Paul, and William C. Fuller regarding the Military Revolution in Russia. These historians tend to focus primarily on the role of economic, social, and educational backwardness, which resulted in the construction of a modern military system and state very different from that found in western European countries. However, it is also important to study the Russian “mental matrix” (*ментальная матрица*) [Гребеньков, 2009b, с. 178] that shaped specific cultural narratives about waging war and achieving victory, as well as practices of war that differed from those in the West. This article attempts to compliment the historical perspective by highlighting the importance of the cultural context of military modernisation in Russia.

Military Revolution in the State of the Tsars

According to some researchers, the military changes taking place in western Europe between the sixteenth and eighteenth centuries were a lever for European progress. They not only led to the formation of a modern state and society, but also ensured that European powers dominated the rest of the world. This “rest of the world” was unable to reform their military systems by themselves and needed impetus from the West to begin the transformation [Parker, 1988; Guilmartin; cf.: Frost, 1996, p. 154]. David B. Ralston – a historian studying modernising military reforms in Russia, the Ottoman Empire, Egypt, China, and Japan – claims that the introduction of European-style military techniques and institutions into non-western countries between 1600 and 1914 was a significant first step in the Europeanisation of those societies [Ralston]. Military reformers from the non-European world realised that “western civilisation had discovered the secrets of power and wealth which one had to acquire if one wished successfully to compete with it” [Pipes, p. 112]. However, copying weapons collected from the battlefield was insufficient, as Geoffrey Parker notes [Parker, 2005]. It was necessary to reconstruct the entire socio-econom-

ic structure that lay at the heart of western innovation for the reform to be effective. Changes related to the creation of modern state institutions, a fiscal system, industry, and the training of officials able to manage the recruitment, supply, and equipment of rapidly growing armed forces through bureaucratic procedures were followed by cultural transformation, led by the introduction of secular education, liberal values, and rational measures of governance.

Nevertheless, it is difficult to imagine the possibility of transplanting western solutions anywhere else without adaptations. Ernest Gellner suggests that “imitative industrialisation” cannot be treated like “original industrialisation”, simply because “we can never repeat the original event, which was perpetrated by men who knew not what they did, an unawareness which was of the very essence of the event” [Gellner, p. 19]. Likewise, in the case of military modernisation, the original ideas could be interpreted in all kinds of diverse ways, depending on the beliefs and needs of various social groups. Borrowed technical solutions had to be incorporated into existing organisational structures, and new values and ideas adapted to traditional cultural narratives. Therefore, when analysing military transformation in Russia between the sixteenth and eighteenth centuries, one should be aware that the reforms introduced by subsequent Russian rulers were not merely passive imitations of European solutions [cf. Володина, Ланкин; Кутищев; Stone, p. X–XI], due to the different political, social, and economic conditions, as well as different beliefs and values.

Studies on military modernisation in Russia mainly focus on the reforms made by Peter the Great at the beginning of the eighteenth century, which constituted a peculiar “magical” border between the “non-European” and “European” phases of Russian history [cf. Frost, 2002, s. 295; Кутищев, с. 5]. However, Peter was not the first Russian ruler to undertake military reforms, such as an attempt to create a standing army and equip it with modern firearms and artillery. According to Michael C. Paul [Paul, p. 11; cf. Омаров, Магомедов], military transformation was initiated in Russia in the mid-sixteenth century, and in some respects it was “similar to the Military Revolution that Roberts and Parker argued occurred in the West”. In both cases, the changes were related to the introduction of gunpowder weapons, a shift to infantry-based armies, and the rebuilding the fortresses to incorporate artillery and withstand artillery attacks. Alongside these, Russia’s military and political organisation became increasingly centralised, with an increasingly specialised bureaucracy [Poe, 1996].

Western researchers emphasise that the modernising changes in the tsarist state ran along different lines than western Europe. These differences were associated with other geographical, geopolitical, and demographic conditions, as well as different socio-political systems [Frost, 1996; Poe, 1996; Paul; cf. Hellie; Keep; Fuller]. According to Michael C. Paul, who traced the factors that delayed “the Military Revolution in Russia and gave it a unique character when it finally did come”, among the most important was “the great poverty of Russia, both absolutely and relative to the nations

of Western Europe where the Military Revolution began” [Paul, p. 13]. The poor soil and growing conditions in the Russian heartland, as well as a relatively small population, made it difficult for the Muscovite government to procure the resources to pay, equip, and feed the mass infantry armies that developed during the Military Revolution [cf. Pipes]. William C. Fuller, in his book on “the impact of ‘backwardness’ – in its several senses – upon Russian military policies and strategy” noted that poverty, along with geography, helped to explain why Russia was under-governed and consequently found it difficult to mobilise the human and material resources necessary to wage war [Fuller, p. XVII–XVIII]. Marshall Poe, another historian who deals with military transformations in pre-Petrine Russia, claimed that Russian society was “profoundly primitive” compared to the nations of western Europe [Poe, 1996; Poe, 1998]. A relatively simple governmental structure and undeveloped infrastructure made it much more difficult to create a mechanism for collecting taxes in order to secure funds for financing military changes and an effective army management system. These difficulties were further exacerbated by the low level of education and training among Muscovy’s bureaucrats and troops.

Another issue that challenges the thesis of “innate Russian backwardness” [Paul, 2004, p. 36] is the nature of the state’s main military threats. As John Keep noted, “in many respects, the pre-Petrine armed forces were reasonably well-adapted to the relatively limited tasks they faced” [Keep, p. 14; cf. Poe, 1996]. According to Paul, “large masses of slow-moving infantry were not suited to fighting on the steppe frontier [Paul, p. 37]. Gunpowder weapons had not been perfected to the extent that they could be effectively fired from horseback. Cannons were totally useless against the fast-moving Tatar cavalry”. Even when Moscow’s forces encountered an enemy from the West, as in 1558, when Ivan IV launched his war against Livonia to seize the ports along the Baltic, the Russian state responded well to this new dual challenge [Parker, 1988, p. 354–355; cf. Fuller, p. 29, 94–98; Кутищев, c. 58]. Additionally, as Paul concludes, in spite of many hardships and obstacles, “Russia was never conquered or carved up by Western powers in the way Africa and Southeast Asia later were, but also... Russia was able to expand to take up one-sixth of the world’s land-mass” [Paul, p. 45].

The difficulties arising from both geopolitical challenges and an inefficient socio-economic system remained during the reforms of Peter and his successors. As in previous centuries, the greatest obstacles to the creation of effective mechanisms based on discipline and calculation were financial shortages, preventing the regular payment of officials, officers, and soldiers, and the terrible state of education, in part due to the population’s reluctance to obtain formal education [cf. Paul, p. 34; cf. Miakinkov, p. 43]. Problems with the financing of the armed forces and wars were a concern not only for economically backward Russia, but were a widespread nuisance for all contemporary powers. Nevertheless, as Fuller notes, in Russia, the “military economy was guaranteed to produce total logistical failures on a regular and ongoing basis” [Fuller, p. 64]. The author describes in detail both the

problems with supplying Russian troops with uniforms, shoes, and even muskets, as well as logistical and transport problems as the bane of Russian commanders to the twentieth century [cf. Pintner, p. 360]. Despite this, as in previous centuries, the military system created by Peter and his successors was effective enough to deal with external and internal challenges and led to the successful territorial development of Russia. According to Fuller [Fuller, p. 83; cf. Adamsky, p. 42], this was possible thanks to the advantages of the autocratic political system and the institution of serfdom, which were used to generate great military power.

However, the extraordinary human and material effort that characterised the Russian military campaigns was achievable not only thanks to political practices, but also the beliefs supporting them. For centuries, Russian rulers thought that regular remuneration for their officials and soldiers was not necessary, since they could be forced to serve. Despite enormous progress in educating Russian society and the elite's access to western European intellectual currents, the autocratic political system and an economy based on the exploitation of millions of serfs were rarely publicly criticised. Similarly, the authorities' belief that they could dispose of their subjects in any way they liked without considering their needs was not questioned. This was expressed, for example, in the eighteenth-century idea of forcibly housing soldiers returning from the front or the nineteenth-century project of military settlements [cf. Keep, ch. V].

The Russian soldier – previously a serf peasant – was not accustomed to opposing his superiors. He retained a fatalistic reconciliation with his fate and a passive expectation of a better future. “Illiterate, religious and with strong ties to the land, he was the perfect subject for the Russian army” [Miakinkov, p. 40; cf. Keep, p. 207]. At the same time, the recruitment system introduced by Peter the Great and improved in the following decades, combined with the unusually long period of service, resulted in the development of a specific “regimental identity”, based on common values and the similarity of life experiences. As noted by Russian historians Tatyana Volodina and Nikita Lankin, a recruit separated from his family could find a new, or even his only, family in the regiment [Володина, Ланкин, с. 74]. These “family” relationships, which were a transposition of a patriarchal relationship based on obedience to elders, were expressed in military language, where comrades were described as “brothers” and commanders as “fathers”. A cultural narrative based on the values promoted by Orthodoxy, including patience, humility, and piety, imposed unconditional obedience to elders and perpetuated an attitude of fatalistic, passive endurance and loyal service. The values of self-sacrifice and patient suffering were also promoted by the Orthodox Church, hence, as Valeri Grebenkov notes, “dedication to others in the name of fulfilling their own duties is a characteristic feature of Russian warriors” [Гребеньков, 2009b, с. 197; Кутищев, с. 28].

Additionally, the behaviour and mentality of Russian soldiers was shaped by deeply internalised collectivism. Collectivism was associated with the folk forms of community and institutions of social life transferred into the

Russian army. It is worth mentioning here the soldiers “artel” (*солдатские артели*), unique in the history of European armies: these were egalitarian and self-governing associations serving the organization and supply of soldiers. In conditions where the state did not provide the military with food, materials, or sufficient money to function, soldiers spontaneously established this institution to improve their quality of life [Володина, Подрезов, с. 102]. The artel managed both the regiment’s common property, which allowed for the purchase of necessary goods such as food or horses, and soldiers’ private money. Soldiers’ artels were an institution that increased group cohesion and allowed for the formation of a separate regimental identity and a unified corporate system [Володина, Ланкин, с. 77]. The artel helped the soldiers to function efficiently in circumstances of a malfunctioning central system of state supply and distinguished the soldiers from the peasants among whom they lived on a daily basis. It also prevented desertions, as in such a situation the soldier would lose his life savings [Володина, Подрезов, с. 102].

At the same time, as John Bushnell has noted, an artel could serve as “an emblematic example of the deep-seated tensions between modern and traditional elements in Russian society” [Bushnell, p. 391]. On the one hand, soldiers’ artels came from a premodern folk institution and were an expression of the durability of traditional Russian forms of community. On the other, in the eighteenth and nineteenth centuries the Russian state would not have been able to maintain a modern standing army without artels [Ibid.].

Due the durability of traditional social institutions, the key role of Orthodoxy as a state ideology, and cultural narratives emphasising the value of endurance, self-restraint, and moral and physical fortitude, the modernization of the Russian army followed a unique trajectory, and western institutions had to be adapted to native socio-cultural conditions. It also resulted in the emergence of the strategic belief that “battles are won by men, spiritual power, and psychological factors, and not by machines, technology, or any other material component” [Adamsky, p. 56]. The following generations of Russian commanders adhered to this belief in the correct way to achieve military victory. Thus, the introduction of similar technological and organisational solutions as part of the Military Revolution was accompanied not only by different political and socio-economic conditions, but also by different values, which was reflected in the various ways of reforming the troops and their subsequent use on the battlefield.

Technology and Spirit: Cultural War Narratives

The Military Revolution in western European countries covered not only changes in military, socio-economic, and political systems, but also profound transformations in the norms, ideas, and values accompanying wars [cf.: Olzacka, roz. 4]. The end of medieval culture marked the end of thinking about war as “God’s judgment”. New political and military ideals gained a more secular dimension. This was partially a result of the Enlightenment, which led to “the emergence of a new mentality, new values, new beliefs

favouring an active, rational, dynamic, methodical lifestyle” [Flis, s. 257; cf. Zafirovski, p. 144]. As Max Weber argued, the application of calculation and methodical reasoning lead to disenchantment (*die Entzauberung der Welt*), allowing the secularisation and rationalisation of all spheres of life, including those related to the use of violence [Weber]. According to René Moelker [Moelker, p. 388], the transformation of war in the West was inextricably linked to the technological paradigm of control, containing the following elements: “(1) the optimistic belief that the world can be created by humans; (2) the application of scientific models to all areas of life (rationalisation and secularisation); (3) belief in progress in technological, economic, and social areas; and (4) belief in the technological factor as the ‘prime mover’”. Technological development in this sense can also be associated with the concept of constant progress and desire for a better life. “Technology raises the expectation that the future will be sunny, and that technology will solve our present problems”, Moelker noted [Ibid., p. 386]. It was during the Military Revolution in western European countries that the conviction crystallised that wars were won using advanced technology, improved organisation, economic prosperity, and the application of the efficiency criterion, which had replaced tradition and moral and religious strictures.

Belief in the power of technology and continuous progress, which had accompanied Europeans since the Enlightenment, had not fallen on fertile ground in Russia. Although Russians had used western military solutions since the mid-sixteenth century, the borrowing process was accompanied by a large dose of ambivalence and uncertainty. “Unholy Europe” (*нечестивая Европа*) [Кутищев, с. 15] was both admired for its organisational efficiency and technological superiority and despised for its spiritual shortcomings. The dichotomy between the rationalist, atomised, formal, and soulless “logical and technical” civilisation of Europe and spiritual, true, integral, supra-individual, and Orthodox Russian civilisation appears in the writings of the Slavophiles in the nineteenth century [cf.: Walicki, ch. 6]. According to Slavophiles such as Ivan Kireyevsky (1806–1856) and Aleksey Khomyakov (1804–1860), Europe’s advantages in technology, the organisation of the state, and collective life, as well as the material well-being of individuals, was false and untrue given Russia’s spiritual supremacy. Alain Besançon [Besançon, s. 1208] sums up their opinion as follows: “The West has chosen an easier path for purely external development, and therefore it seems that it has outdone Russia in science and technology, while Russia has chosen a difficult path of internal development, that is, deep moral development, the highest in absolute perspective”.

This cultural opposition was revealed in patterns of thinking about war and how to achieve victories. Acceptance of the technical superiority of European troops was accompanied by an unwavering belief in the low quality of the ideas defended by western soldiers, as well as their lack of spiritual strength. Belief in the “superiority of moral factor over material” [Гребеньков, 2009b, с. 199] was reflected in the writings of eminent eighteenth-century Russian commanders, such as Aleksandr Suvorov

(1730–1800) and Pyotr Rumyantsev (1725–1796). Suvorov produced the most celebrated Russian military classic of the imperial period, the *Science of Victory* (*Наука побеждать*), and played a huge role in the “up-bringing” of his soldiers, instilling a fighting spirit in their souls and minds [Гребеньков, 2009а, с. 565]. His writings, permeated by the Christian spirit, clearly indicated the need for self-sacrifice on the altar of the Motherland: “Умирай за дом Богородицы, за Матушку, за Пресветлейший Дом!” (Die for the kingdom of the Virgin Mary, for the mother, for the Holy Kingdom of God!) [цит. по: Коротких, с. 11]. However, religion was a tool not only for legitimising conflicts, but also for raising the superstitious peasant recruits and strengthening their loyalty. For example, Suvorov prepared a prayer book and a special catechism for his soldiers, and also made sure that they found time for prayer.

The belief that wars were won not by advanced, soulless technology but by the spirit and moral strength of fighting men was also reflected in the training of new recruits. Line troops were subjected to intensive drills, but, unlike western European practices, much more attention was paid to fighting with melee weapons [Miakinkov, p. 89]. This belief was also expressed in Suvorov’s best-known catchphrase “Пуля дура, штык молодец!” (“The bullet is a fool, but the bayonet is a fine fellow”). As Miakinkov [Ibid.] notes, “with this crude phrase, Suvorov was able to drive a clear wedge between the human and technological elements in war. His obvious implication was that the human or moral element, represented by the bayonet and the hand that wields it, triumphs over its material, or technological counterpart, the bullet. Moreover, with his brilliant victories won at the tip of bayonet charges, Suvorov could prove the dominance of the human element on the battlefield”.

In the following century, the prescription “give us money and we will create a new army”, which was so popular in the West, was questioned by Russian thinkers because “in the spiritual sphere money [is] dead”, and it was the spirit that determined victories [Гребеньков, 2009b, с. 199]. The nineteenth-century general Mikhail Dragomirov (1830–1905) clearly emphasised that in a choice between two soldiers – one, poorly equipped but infused with the idea of self-sacrifice, and the other, armed with the best weapon but devoid of spirit – he would choose the first [Там же]. Dragomirov argued in a work published posthumously in 1906 that “the bullet and the bayonet do not exclude but supplement each other: the first paves the way for the second. This mutual relationship remains the same no matter how far the perfection of firearms is carried” [cited in: Pintner, p. 367]. In his opinion, modern weapons had to be handled by people hardened and full of ideas; otherwise they remained dead, soulless, and worthless.

This conviction proved to be very persistent, despite subsequent modernisation of military technologies and the organisation of the army. For example, at the turn of the nineteenth and twentieth centuries, the priority of the moral factor over the material was clearly expressed by the philos-

opher Evgeny Trubetskoy: “It is not the strength of armaments alone that decides fate of the battles, but the spiritual force that directs the weapon and without which it is dead” [цит. по: Гребеньков, 2009b, с. 161]. Dmitry Milyutin, the great reformer of the imperial army and the last field marshal of imperial Russia (1816–1912), also emphasised the importance of the spiritual factor in warfare [Pintner, p. 361–362].

Attaching importance to the spiritual strength of the troops would not have seemed strange, especially in the era of revolutionary wars. Also, the combination of Christian ideas and rituals with military activity was not unique, especially in the context of medieval Europe. Nevertheless, in western Europe, the modern Military Revolution marked the end of “medieval” war culture, and secularization and rationalization contributed significantly to changing the vision of war. This does not mean that referring to religious symbolism and legitimacy was no longer relevant. Rapidly developing secular political, scientific, and technical thought, however, meant that thinking about war was “disenchanted” and directed towards a practical quest for the most effective means of conducting it [Olzacka, s. 183].

In Russia, where the secularization of culture only began in the second half of the seventeenth century, the assimilation of the rational elements needed to build modern military institutions was fraught with challenges and tension. At the same time, Orthodoxy shaped a specific “religious patriotism” that was not discredited by cultural secularisation [Paszkievicz, s. 243; Miakinkov, p. 40]. The great sacrifices and martyrdoms made in the service of Mother Russia have always been a reason for great pride and glory. According to one researcher, the sacrificial love of Russians for their homeland can be equated with love for the Saviour: “The defence of the Russian land was for our ancestors a defence of faith, while suffering and sacrifice for the homeland – suffering and sacrifice in Christ” [Гребеньков, 2008, с. 270]. Orthodoxy was not only the official ideology of the Russian state, but also shaped the understanding of the world as an arena for the struggle between good and evil, divine and devilish principles. Hence, the military’s mission was defined by the religious perspective as defending the Orthodox faith and resisting evil in all its manifestations [Володина, Ланкин, с. 76].

As many Russian researchers emphasize, Orthodoxy played a large role in the creation of Russian war culture (*военная культура*) [Гребеньков, 2008; Гребеньков, 2009a; Ермоченко; Коротких; Белоусов]. According to Igor Belousov [Белоусов, с. 57–58], the national military school (*национальная военная школа*) – distinguished by religiosity, patriotism, loyalty, and fidelity – was developed in the eighteenth and nineteenth centuries on the basis of Orthodox values and traditions. In the works of western military researchers, the terms “the Russian way of war” and “the Russian art of war” are also most often understood as beliefs about the role of the spirit and moral strength of fighting men in achieving victory [Childs, p. 129; Pintner, p. 374; Fuller, p. 166; Miakinkov, p. 104–106; Adamsky, p. 44].

Although commanders in every army are aware of the role of morale in winning victories, in the Russian army it was more closely related to ideas and spirit than to external conditions. Therefore, Russian commanders paid less attention to technological and organizational development than in the West. Technical perfection did not seem to be as important to Russian commanders as to western European politicians and military personnel because of the different approach to the value of an individual's life. The fascination with technology – as Dima Adamsky emphasises – is often fuelled by a reluctance to sacrifice people, because high-tech weapons can be used as a substitute for vulnerable soldiers. In the Russian military tradition, which preferred the attack of strong individuals over the use of machines, such problems were rarely considered [Adamsky, p. 44]. Commanders easily sent large masses to fight, and did not count the losses [Childs, p. 129; cf. Fuller].

In the West, the “wars of the revolution”, followed by the “wars of the nations”, [Howard] started a process in which each citizen was obliged to conform to the principles of individual heroism and service in the name of the homeland. In Russia, more important was the collective pride in the strength and achievements of the state, which was associated with the willingness to sacrifice. As one Russian historian emphasises: “Characteristic for the Russian army and fleet is not heroism as something special, exceeding the rules, but heroism being the norm in combat circumstances, mass heroism, a concept hardly understood by Europeans” [Балаев, с. 15; Кутищев, с. 231].

As a result, the model of victory developed in the state of the tsars differed from western Europe. Despite the introduction of similar technological and organisational solutions, the beliefs of Russian rulers, officials, commanders, officers, and ordinary soldiers about the source of military success and how to pursue it differed significantly from those that existed in western societies and armies. As Eugene Miakinkov notes, “outwardly European-looking, the Russian army had retained much of the sociocultural character that set it apart from the French *sans-culottes*, the Prussian automatons, or the British redcoats” [Miakinkov, p. 42].

* * *

When tracing the changes that took place in Russian military developments between the sixteenth and eighteenth centuries, one must admit that Russia underwent a Military Revolution. As in the West, the transformations included not only technical and tactical innovations related to the increasingly massive use of gunpowder and firearms, but also the creation of an administrative apparatus capable of mobilising material and human resources for the needs of war. There were also social transformations aimed at balancing the traditional military class with new forces, who were absolutely subordinate to the state. As in the West, the main – victorious – subject of the Military Revolution was the state, which was made increasingly

stronger, increasingly centralised, and increasingly able to impose a monopoly on all layers of society through possession of the means of violence and the legal and moral possibility of using them.

However, the trajectory of the Russian Military Revolution differed significantly from the trajectories of western European countries. This was related – as researchers note – to economic, social or educational backwardness. However, one should not forget the different cultural context – the “mental matrix” – which influenced the activities not only of military reformers, but also of commanders, officers, and soldiers. Belief in the power of technology and continuous progress in this field, which accompanied Europeans from the Enlightenment, was less successful in Russia. Despite the efforts of a significant part of the elite, the rationalisation of the state, politics, and violence encountered significant challenges. A patrimonial mentality and traditional power relations made it difficult to introduce impersonal bureaucratic procedures and the cold calculation of profits and losses. The durability of traditional forms of community and collective ways of life was reflected in the ways in which the military operated and in the daily lives of soldiers. In Russia, an army that was disciplined, regularly supplied, trained, and equipped in a standardised way had problems functioning, despite the fact that it was an object of desire for subsequent Russian rulers. It is also important that the Russians had never attached much importance to technological and organisational finesse, which can be explained by the specificity of their war culture, in which value was primarily found in the strength of the spirit and not the despised cunning of the human mind. Additionally, the attitude towards individual lives, which was very different from that in western Europe, allowed Russian commanders to demand greater subordination and effort from their soldiers, and also permitted the social acceptance of much larger losses.

As a result, Russia’s “Europeanisation” – even in the military sphere – was very superficial. The western names of institutions and offices were accompanied by a traditional Russian mentality. According to the opinion of the French writer and traveller Astolphe de Custine, Peter the Great introduced western civilisation to Russia using eastern despotism, and he used the tactics of European armies to conduct Asian-style politics [Гребеньков, 2009b, c. 154]. Although this may be too harsh an opinion, this statement draws attention to the fact that rapid and radical modernisation can bring quick results in terms of organisation and institutions, but it stops at the level of the values, beliefs, and practices of everyday life. “Longue durée” structures such as these are less susceptible to manipulation and impossible to create without harmonised, spontaneous development. An analysis of Russia’s case shows that the spread of western institutions and ways of organising collective life was not necessarily accompanied by uncritical acceptance of western values. The axionormative and symbolic sphere accompanying wars was not radically transformed, unlike obsolete military equipment, which could be quickly replaced, or the organisation of the armed forces, which could be modified with a single edict from the

ruler. Similarly organised and armed troops do not necessarily behave in a similar way, a phenomenon which can be explained and understood by an analysis of military modernisation that takes into account the importance of the cultural context.

Список литературы

Балаев В. Х. Традиции военно-морского флота России // Военные традиции России: история, психология, культура : материалы междунар. науч. конф. 21–22 декабря 2000 г. СПб : Нестор, 2000. С. 11–14.

Белюсов И. И. Духовно-нравственные аспекты воспитания военных кадров российской армии и флота в XVIII веке // Вестн. Воен. ун-та. Т. 13. 2008. № 1. С. 56–64.

Волков В. А. Войны и войска Московского государства (конец XV – первая половина XVII в.). Москва : ЭКСМО, 2004. 572 с.

Володина Т. А., Ланкин Н. О. Из рекрута – в чудо-богатыря: инструменты формирования полковой идентичности в российской армии XVIII в. // Мир оружия: история, герои, коллекции : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. Тула : Тульский гос. музей оружия, 2020. С. 73–77.

Володина Т. А., Подрезов К. А. Деньги в солдатской жизни: реалии российской армии XVIII – начала XIX в. // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность : материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В. А. Веремко, В. Н. Шайдунов. СПб. : Лен. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2020. С. 100–105.

Гребеньков В. Н. Феноменологический подход к военной культуре общества и ее нравственные основания // Вестн. ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 268–273.

Гребеньков В. Н. Рациональность в контексте формирования диалога военной культуры и религии // Вестн. Башкир. ун-та. Т. 14. 2009а. № 2. С. 564–568.

Гребеньков В. Н. Военная культура российского общества. Ставрополь : Ставропол. гос. ун-т, 2009b. 311 с.

Ермоченко С. Н. Патриотизм как базовая ценность российской воинской культуры // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2008. № 314. С. 65–67.

Коротких И. С. Война и воинское служение в контексте православного мировоззрения // Война и мир в русской словесности, истории и культуре. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. С. 7–17.

Кутищев А. В. Армия Петра Великого: европейский аналог или отечественная самобытность. М. : Компания «Спутник+», 2006. 408 с.

Омаров А. И., Магомедов Р. М. Проблема «военной революции» и «эволюции огнестрельного оружия в России в XV–XVI столетиях» в отечественной историографии // Вестн. Дагестан. гос. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. Т. 34. 2019. № 1. С. 31–35. DOI 10.21779/2542-0313-2019-34-1-31-35.

Пенской В. В. Военная революция в Европе и вооруженные силы России второй половины XV – XVIII в.: от дружины к регулярной армии. М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2004. 283 с.

Пенской В. В. Военная революция XVI–XVII вв. и ее изучение в зарубежной и российской историографии второй половины XX – начала XXI в. // Науч. ведом. БелГУ. 2008. № 5 (45). С. 67–73.

Adams S. Tactics or Politics? “The Military Revolution” and the Habsburg Hegemony, 1525–1648 // The Military Revolution Debate : Readings on the Military Transformation of Early Modern Europe / ed. by C. J. Rogers. Boulder : Westview Press, 1995. P. 253–272.

Adamsky D. The Culture of Military Innovation : The Impact of Cultural Factors on the Revolution in Military Affairs in Russia, the US, and Israel. Stanford, CA : Stanford Univ. Press, 2010. 246 p.

Besaçon A. Edukacja religijna Rosji // Znak. Miesięcznik. 1981. № 9 (327). S. 1197–1219.

Black J. A Military Revolution? Military Change and European Society 1500–1800. L. : Macmillan, 1991. 124 p.

Bushnell J. The Russian Soldiers' Artel', 1700–1900 A History and Interpretation // In Land Commune and Peasant Community in Russia / ed. by R. Bartlett. L. : Palgrave Macmillan, 1990. P. 376–394.

Childs J. Armies and Warfare in Europe, 1648–1789. Manchester : Manchester Univ. Press, 1982. 216 p.

DeVries K. Gunpowder Weaponry and the Rise of Early Modern State // War in History. Vol. 5. 1998. № 2. P. 127–145.

Duffy M. Introduction: The Military Revolution and the State 1500–1800 // The Military Revolution and the State 1500–1800 / ed. by M. Duffy. Exeter : Univ. of Exeter Studies in History, 1980. P. 1–9.

Duffy Ch. Russia's Military Way to the West: Origins and Nature of Russian Military Power, 1700–1800. L. ; Boston : Routledge & Keegan Paul, 1981. 256 p.

Flis A. Chrześcijaństwo i Europa. Studia z dziejów cywilizacji Zachodu. Kraków : Zakład Wydawniczy Nomos, 2003. 542 s.

Frost R. Potop a teoria rewolucji militarnej // Rzeczpospolita w latach potopu / red. J. Muszyńska, J. Wijaczek. Kielce : Wyższa Szkoła Pedagogiczna im. Jana Kochanowskiego, 1996. S. 147–165.

Frost R. W sprawie zachodniej techniki wojskowej w okresie Wojen Północnych (1558–1721) // Między Zachodem a Wschodem. Studia z dziejów Rzeczypospolitej w epoce nowożytnej / red. J. Straszewski. Toruń : Adam Marszałek, 2002. S. 293–300.

Fuller W. C. Jr. Strategy and Power in Russia 1600–1914. N. Y. : Free Press, 1992. 576 p.

Gellner E. Nations and Nationalism. Ithaca : Cornell Univ. Press, 1983. 152 p.

Guilmartin J. F. The Military Revolution: Origins and First Tests Abroad // The Military Revolution Debate : Readings on the Military Transformation of Early Modern Europe / ed. by C. J. Rogers. Boulder : Westview Press, 1995. P. 299–333.

Hellie R. Enserfment and Military Change in Muscovy. Chicago : Univ. of Chicago Press, 1971. 442 p.

Howard M. War in European History. Oxford : Oxford Univ. Press, 2009. 171 p.

Jacob F., Visoni-Alonzo G. The Military Revolution in Early Modern Europe : A Revision. L. : Palgrave Macmillan, 2016. 101 p.

Keep J. Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462–1874. Oxford : Clarendon Press, 1985. 475 p.

Maroń J. Wokół teorii rewolucji militarnej : Wybrane problemy. Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2011. 360 s.

McNeill W. H. The Pursuit of Power, Technology, Armed Force, and Society since A. D. 1000. Chicago : Univ. of Chicago Press, 1982. 416 p.

Miakinkov E. A Russian Way of War? Westernization of Russian Military Thought, 1757–1800. Ontario : Univ. of Waterloo, 2009. 116 p.

Moelker R. Technology, Organization, and Power // Handbook of the Sociology of the Military / ed. by G. Caforio. Pisa : Springer, 2006. P. 385–404.

Olzacka E. Wojna a kultura. Nowożytna rewolucja militarna w Europie Zachodniej i Rosji. Kraków : Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2016. 242 s.

Parker G. The "Military Revolution", 1560–1660 – a Myth? // J. of Modern History. Vol. 48. 1976. № 2. P. 195–214.

Parker G. The Military Revolution. Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1988. 288 p.

Parker G. In Defense of the Military Revolutions // The Military Revolution Debate : Readings on the Military Transformation of Early Modern Europe / ed. by C. J. Rogers. Boulder : Westview Press, 1995. P. 337–366.

Parker G. Introduction: The Western Way of War // The Cambridge History of Warfare / ed. by G. Parker. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2005. P. 1–14.

Paszkievicz H. Powstanie narodu ruskiego. Kraków : Polska Akademia Umiejętności, 1998. 532 s.

- Paul M. C. The Military Revolution in Russia, 1550–1682 // *J. of Military History*. 2004. № 68. P. 9–46.
- Pintner W. Russian Military Thought: The Western Model and the Shadow of Suvorov // *Makers of Modern Strategy from Machiavelli to the Nuclear Age* / ed. by P. Paret. Princeton, New Jersey : Princeton Univ. Press, 1986. P. 354–375.
- Pipes R. Russia under the Old Regime. L. : Penguin Books, 1990. 361 p.
- Poe M. The Consequences of the Military Revolution in Muscovy in Comparative Perspective // *Comparative Studies in Society and History*. Vol. 38. 1996. № 4. P. 603–618.
- Poe M. The Military Revolution, Administrative Development, and Cultural Change in Early Modern Russia // *J. of Early Modern History*. Vol. 2. 1998. № 3. P. 247–273.
- Ralston D. B. Importing the European Army : The Introduction of European Military Techniques and Institutions into the Extra-European World, 1600–1914. Chicago ; L. : Univ. of Chicago Press, 1996. 202 p.
- Roberts M. The Military Revolution, 1560–1660 : An Inaugural Lecture Delivered Before the Queen's University of Belfast. Belfast : M. Boyd, 1956. 32 p.
- Roberts M. The Military Revolution, 1560–1660 // *The Military Revolution Debate : Readings on the Military Transformation of Early Modern Europe* / ed. by C. J. Rogers. Boulder : Westview Press, 1995. P. 13–35.
- Rogers C. J. The Military Revolution in History and Historiography // *The Military Revolution Debate : Readings on the Military Transformation of Early Modern Europe* / ed. by C. J. Rogers. Boulder : Westview Press, 1995. P. 1–12.
- Stone D. R. A Military History of Russia. From Ivan the Terrible to the War in Chechnya. Westport, Connecticut ; L. : Praeger Security Intern., 2006. 280 p.
- Walicki A. A History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism. Stanford : Stanford Univ. Press, 1979. 476 p.
- Weber M. The Sociology of Religion. Boston : Beacon Press, 1993. 384 p.
- Zafirovski M. The Enlightenment and Its Effects on Modern Society. N. Y. : Springer, 2011. 367 p.

References

- Adams, S. (1995). Tactics or Politics? “The Military Revolution” and the Habsburg Hegemony, 1525–1648. In Rogers, C. J. (Ed.). *The Military Revolution Debate: Readings on the Military Transformation of Early Modern Europe*. Boulder, Westview Press, pp. 253–272.
- Adamsky, D. (2010). *The Culture of Military Innovation. The Impact of Cultural Factors on the Revolution in Military Affairs in Russia, the US, and Israel*. Stanford, CA, Stanford Univ. Press. 246 p.
- Balaev, V. Kh. (2000). Traditsii voenno-morskogo flota Rossii [Traditions of the Russian Navy]. In *Voennye traditsii Rossii: istoriya, psikhologiya, kul'tura. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 21–22 dekabrya 2000 g.* St Petersburg, Nestor, pp. 11–14.
- Belousov I. I. (2008). Dukhovno-nravstvennye aspekty vospitaniya voennykh kadrov rossiiskoi armii i flota v XVIII veke [Spiritual and Moral Aspects of the Education of Military Personnel in the Russian Army and Navy in the 18th Century]. In *Vestnik Voennogo universiteta*. Vol. 13. No. 1, pp. 56–64.
- Besançon, A. (1981). Edukacija religijna Rosji. In *Znak. Miesięcznik*. No. 9 (327), pp. 1197–1219.
- Black, J. A. (1991). *Military Revolution? Military Change and European Society 1550–1800*. L., Macmillan. 124 p.
- Bushnell, J. (1990). The Russian Soldiers' Artel', 1700–1900 A History and Interpretation. In Bartlett, R. (Ed.). *Land Commune and Peasant Community in Russia*. L., Palgrave Macmillan, pp. 376–394.
- Childs, J. Ch. R. (1982). *Armies and Warfare in Europe, 1648–1789*. Manchester, Manchester Univ. Press. 216 p.
- DeVries, K. (1998). Gunpowder Weaponry and the Rise of Early Modern State. In *War in History*. Vol. 5. No. 2, pp. 127–145.

Duffy, Ch. (1981). *Russia's Military Way to the West: Origins and Nature of Russian Military Power, 1700–1800*. L., Boston, Routledge & Keegan Paul. 256 p.

Duffy, M. (1980). Introduction: The Military Revolution and the State 1500–1800. In Duffy, M. (Ed.). *The Military Revolution and the State 1500–1800*. Exeter, Univ. of Exeter Studies in History, pp. 1–9.

Ermochenko, S. N. (2008). Patriotizm kak bazovaya tsennost' rossiiskoi voinskoj kul'tury [Patriotism as the Basic Value of Russian Military Culture]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 314, pp. 65–67.

Flis, A. (2003). *Chrześcijaństwo i Europa. Studia z dziejów cywilizacji Zachodu*. Kraków, Zakład Wydawniczy Nomos. 542 p.

Frost, R. (1996). Potop a teoria rewolucji militarnej. In Muszyńska, J., Wijaczek, J. (Eds.). *Rzeczpospolita w latach potopu*. Kielce, Wyższa Szkoła Pedagogiczna im. Jana Kochanowskiego, pp. 147–165.

Frost, R. (2002). W sprawie zachodniej techniki wojskowej w okresie Wojen Północnych (1558–1721). In Straszewski, J. (Ed.). *Między Zachodem a Wschodem. Studia z dziejów Rzeczypospolitej w epoce nowożytnej*. Toruń, Adam Marszałek, pp. 293–300.

Fuller, W. C. Jr. (1992). *Strategy and Power in Russia 1600–1914*. N. Y., Free Press. 576 p.

Gellner, E. (1983). *Nations and Nationalism*. Ithaca, Cornell Univ. Press. 152 p.

Greben'kov, V. N. (2008). Fenomenologicheskii podkhod k voennoj kul'ture obshchestva i ee npravstvennye osnovaniya [A Phenomenological Approach to the War Culture of Society and Its Moral Foundations]. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. No. 3, pp. 268–273.

Greben'kov, V. N. (2009a). Ratsional'nost' v kontekste formirovaniya dialoga voennoj kul'tury i religii [Rationality in the Context of the Formation of a Dialogue of War Culture and Religion]. In *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. Vol. 14. No. 2, pp. 564–568.

Greben'kov, V. N. (2009b). *Voennaya kul'tura rossiiskogo obshchestva* [The War Culture of Russian Society]. Stavropol', Stavropol'skii gosudarstvennyi universitet. 311 p.

Guilmartin, J. F. (1995). The Military Revolution: Origins and First Tests Abroad. In Rogers, C. J. (Ed.). *The Military Revolution Debate: Readings on the Military Transformation of Early Modern Europe*. Boulder, Westview Press, pp. 299–333.

Hellie, R. (1971). *Enserfment and Military Change in Muscovy*. Chicago, Univ. of Chicago Press. 442 p.

Howard, M. (2009). *War in European History*. Oxford, Oxford Univ. Press. 171 p.

Jacob, F., Visoni-Alonzo, G. (2016). *The Military Revolution in Early Modern Europe. A Revision*. L., Palgrave Macmillan. 101 p.

Keep, J. (1985). *Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462–1874*. Oxford, Clarendon Press. 475 p.

Korotkikh, I. S. (2005). Voina i voinskoe sluzhenie v kontekste pravoslavnogo mirovozzreniya [War and Military Service in the Context of the Orthodox Worldview]. In *Voina i mir v russkoi slovesnosti, istorii i kul'ture*. Kaliningrad, Izdatel'stvo Rossiiskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I. Kanta, pp. 7–17.

Kutishchev, A. B. (2006). *Armiya Petra Velikogo: evropeiskii analog ili otechestvennaya samobytnost'* [The Army of Peter the Great: European Counterpart or Russian Identity]. Moscow, Kompaniya "Sputnik+". 408 p.

Maroń, J. (2011). *Wokół teorii rewolucji militarnej. Wybrane problemy*. Wrocław, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego. 360 p.

McNeill, W. H. (1982). *The Pursuit of Power, Technology, Armed Force, and Society since A. D. 1000*. Chicago, Univ. of Chicago Press. 416 p.

Miakinkov, E. (2009). *A Russian Way of War? Westernization of Russian Military Thought, 1757–1800*. Ontario, University of Waterloo. 116 p.

Moelker, R. (2006). Technology, Organization, and Power. In Caforio, G. (Ed.). *Handbook of the Sociology of the Military*. Pisa, Springer, pp. 385–404.

Olzacka, E. (2016). *Wojna a kultura. Nowożytna rewolucja militarna w Europie Zachodniej i Rosji*. Kraków, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego. 242 p.

Omarov, A. I., Magomedov, R. M. (2019). Problema "voennoi revolyutsii" i "evolyutsii ognestrel'nogo oruzhiya v Rossii v XV–XVI stoletiyakh" v otechestvennoi istoriografii [The Issue of the "Military Revolution" and "the Evolution of Firearms in Russia in the 15th–16th Centuries" in Russian Historiography]. In *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnyye nauki*. Vol. 34. No. 1, pp. 31–35. DOI 10.21779/2542-0313-2019-34-1-31-35.

Parker, G. (1976). The "Military Revolution", 1560–1660 – a Myth? In *J. of Modern History*. Vol. 48. No. 2, pp. 195–214.

Parker, G. (1988). *The Military Revolution. Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 288 p.

Parker, G. (1995). In Defense of the Military Revolutions. In Rogers, C. J. (Ed.). *The Military Revolution Debate: Readings on the Military Transformation of Early Modern Europe*. Boulder, Westview Press, pp. 337–366.

Parker, G. (2005). Introduction: The Western Way of War. In Parker, G. (Ed.). *The Cambridge History of Warfare*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, pp. 1–14.

Paskiewicz, H. (1998). *Powstanie narodu ruskiego*. Kraków, Polska Akademia Umiejętności. 532 p.

Paul, M. C. (2004). The Military Revolution in Russia, 1550–1682. In *J. of Military History*. No. 68, pp. 9–46.

Penskoi V. V. (2008). Voennaya revolyutsiya XVI–XVII vv. i ee izuchenie v zarubezhnoi i rossiiskoi istoriografii vtoroi poloviny XX – nachala XXI v. [The Military Revolution of the 16th and 17th Centuries and Its Studies in Non-Russian and Russian Historiography of the Second Half of the 20th and the Early 21st Centuries]. In *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 5 (45), pp. 67–73.

Penskoi, V. V. (2004). *Voennaya revolyutsiya v Evrope i voozruchennyye sily Rossii vtoroi poloviny XV – XVIII v.: ot druzhiny k regulyarnoi armii* [The Military Revolution in Europe and the Armed Forces of Russia in the Second Half of the 15th – 18th Centuries: From Druzhina to Regular Army]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. 283 p.

Pintner, W. (1986). Russian Military Thought: The Western Model and the Shadow of Suvorov. In Paret, P. (Ed.). *Makers of Modern Strategy from Machiavelli to the Nuclear Age*. Princeton, New Jersey, Princeton Univ. Press, pp. 354–375.

Pipes, R. (1990). *Russia under the Old Regime*. L., Penguin Books. 361 p.

Poe, M. (1996). The Consequences of the Military Revolution in Muscovy in Comparative Perspective. In *Comparative Studies in Society and History*. Vol. 38. No. 4, pp. 603–618.

Poe, M. (1998). The Military Revolution, Administrative Development, and Cultural Change in Early Modern Russia. In *J. of Early Modern History*. Vol. 2. No. 3, pp. 247–273.

Ralston, D. B. (1996). *Importing the European Army. The Introduction of European Military Techniques and Institutions into the Extra-European World, 1600–1914*. Chicago, L., Univ. of Chicago Press. 202 p.

Roberts, M. (1956). *The Military Revolution, 1560–1660: An Inaugural Lecture Delivered Before the Queen's University of Belfast*. Belfast, M. Boyd. 32 p.

Roberts, M. (1995). The Military Revolution, 1560–1660. In Rogers, C. J. (Ed.). *The Military Revolution Debate: Readings on the Military Transformation of Early Modern Europe*. Boulder, Westview Press, pp. 13–35.

Rogers, C. J. (1995). The Military Revolution in History and Historiography. In Rogers, C. J. (Ed.). *The Military Revolution Debate: Readings on the Military Transformation of Early Modern Europe*. Boulder, Westview Press, pp. 1–12.

Stone, D. R. (2006). *A Military History of Russia. From Ivan the Terrible to the War in Chechnya*. Westport, Connecticut, L., Praeger Security Intern. 280 p.

Volkov, V. A. (2004). *Voiny i voiska Moskovskogo gosudarstva (konets XV – pervaya polovina XVII v.)* [The Wars and Troops of the Muscovite State (from the Late 15th Century to the First Half of the 17th Century)]. Moscow, EKSMO. 572 p.

Volodina, T. A., Lankin, N. O. (2020). Iz rekruta – v chudo-bogatyrya: instrumenty formirovaniya polkovoi identichnosti v rossiiskoi armii XVIII v. [From Recruit to Bogatyr: Tools for the Formation of Regimental Identity in the Russian Army of the 18th Century]. In *Mir oruzhiya: istoriya, geroi, kolleksii. Sbornik materialov VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Tula, Tul'skii gosudarstvennyi muzei oruzhiya, pp. 73–77.

Volodina, T. A., Podrezov, K. A. (2020). Den'gi v soldatskoi zhizni: realii rossiiskoi armii XVIII – nachala XIX v. [Money in a Soldier's Life: The Realities of the Russian Army in the 18th – Early 19th Centuries]. In Veremenko, V. A., Shaidurov, V. S. (Eds.). *Reformy v povsednevnoi zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'*. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. St Petersburg, Leningradskii gosudarstvennyi universitet imeni A. S. Pushkina, pp. 100–105.

Walicki, A. (1979). *A History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism*. Stanford, Stanford Univ. Press. 476 p.

Weber, M. (1993). *The Sociology of Religion*. Boston, Beacon Press. 384 p.

Zafirovski, M. (2011). *The Enlightenment and Its Effects on Modern Society*. N. Y., Springer. 367 p.

The article was submitted on 03.05.2020

THE TRADITIONAL RANKS IN THE PETRINE EPOCH: BETWEEN AFTERLIFE AND INNOVATION* **

Andrei Zakharov

Chelyabinsk State University,
Chelyabinsk, Russia

The ranks and awards of Russian service elites and nobility have been a historiographical issue since the eighteenth century. G. F. Miller reflected on the psychology of the Tsar's subjects, who asked Peter the Great to keep some of the old ranks during the introduction of new ones and described two such cases. Soviet historians of the 1980s discovered several appointments to the old ranks made in the early eighteenth century and registered in archival documents. These curious cases were interpreted by researchers as isolated exceptions or the result of the inertia of old practices. The study of mass historical sources has since led to the discovery of more than 1100 cases of this kind and provided different contexts in which these awards were granted. It was previously thought that Tsar Peter ridiculed the old ranks, giving them only to his jesters. Modern research on Peter's innovations leads to a different view. For example, the introduction of the Hungarian dress and beard shaving was carried out in several steps, with backtracking. There has also been some oversimplification of the comparative pairs of epithets, such as "Muscovite-Imperial", "old-new", "and "boyars-nobility", which reflects nothing but the didactic attitudes of historians themselves. This article demonstrates that there was no dearth of official awards or withdrawal of the Duma ranks until the 1710s, at least. The introduction of *The Table of Ranks* did not abolish the ranks of "courtiers" (*tsaredvortsy*), as the earlier Muscovite ranks were called, which became the basis of the nobility. Peter I introduced several innovations to the traditional service hierarchy. Before the beginning of the Great Northern War, hundreds of the Tsarina's *stol'niki* and court servitors were transferred to the Muscovite ranks, following which the Zhiletsky List continued being replenished for some years afterwards. The drama of ranks was aggravated by the enhanced status of the regular army ranks, which were outside the Moskovsky Spisok (the hierarchy of traditional ranks). The course of events was accelerated by the Tsar's intention to implement European analogues

* This study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project 20-09-42073.

** *Citation*: Zakharov, A. (2021). The Traditional Ranks in the Petrine Epoch: Between Afterlife and Innovation. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 1. P. 236–253. DOI 10.15826/qr.2021.1.576.

Цитирование: Zakharov A. The Traditional Ranks in the Petrine Epoch: Between Afterlife and Innovation // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 1. P. 236–253. DOI 10.15826/qr.2021.1.576.

of court and civil titles. Nevertheless, the popularity of the traditional ranks outside the army remained high. According to many sources, the traditional ranks of Muscovy were kept in check and re-registered throughout Peter's reign. The Tsar's decrees raised the status of military service. He sometimes approved petitions for the Duma ranks by several of his subjects and had his unique way of indicating the prospects for advancement to other petitioners. The low-level Muscovite ranks within the traditional hierarchy proved to be more stable than previously assumed. Muscovite ranks were not included in *The Table of Ranks* because the only rank of mass appointments by the early 1720s was that of a d'iak.

Keywords: Russian history, nobility, Peter I, Moscow ranks, promotion in rank, Tsar's court, boyar lists

Чиновные отличия служилых людей и шляхетства интересуют историков с XVIII в., еще Г. Ф. Миллер размышлял о мотивах двух царских подданных, просивших старые чины у Петра I при появлении новых. Советские историки обнаружили в архивных документах еще несколько известий о пожалованиях начала XVIII в., которые трактовались как исключения или как проявление инерции старых практик. При обращении к массовым историческим источникам примеры таких пожалований умножаются, а контексты награждений оказываются различными. Петру I приписывается высмеивание старинных чинов – якобы он награждал ими только своих шутов. Современные исследования доказывают более сложную природу феномена нововведений. Красочные сравнения и определения «московское – императорское», «боярство – дворянство», «традиция – реформы» оказываются упрощенными и отражают дидактические установки историков и бытописателей. До 1726 г. производились награждения традиционными чинами. Царем принижался не статус думных чинов, а надежды знати на возобновление думных пожалований после награждения двух сановников 1709–1710 гг. Поэтому в качестве контрмеры царь пожаловал думным чином нескольких одиозных царедворцев и шутов, но одновременно удовлетворил и прошения о «популярных» чинах за заслуги. «Табель о рангах» не отменила чины «царедворцев» (московских чинов), впервые названных шляхетством в 1712 г. Петр I ввел несколько новаций в традиционную служилую иерархию. Перед самым началом Северной войны сотни стольников, цариц и дворовых служащих были переведены в московские чины, затем несколько лет пополнялся «жилицкий список». Коллизию обострил возросший статус чинов регулярной армии, которые «московский список» не учитывал. Тем не менее, статус традиционных чинов вне армии сохранялся. Как показывают массовые исторические источники, на протяжении всего царствования Петра I продолжались учет и рекрутирование традиционных чинов Московского государства. Московские чины, стоявшие в традиционной иерархии ниже думных, оказались более стабильны. Они не были включены в «Табель о рангах», потому что единственным чином массовых назначений к началу 1720-х гг. оказались только назначения в дьяки.

Ключевые слова: история России, дворянство, Петр I, московские чины, чиновничество, царский двор, боярские списки

Historical context and sources

In Muscovy, the top of the secular traditional ranks was occupied by those of the Duma: *boyars*, *okol'nichii*, *dumnye dvoriane* and *dumnye d'iaki*; the next level was occupied by *komnatniye stol'niki* (*spal'niki*). And even lower, there were the Muscovite ranks or *tsaredvortsy* (courtiers): *stol'niki*, *striapchie*, *dvoriane moskovskie*, *d'iaki* and *zhil'tsy*. In the early 18th century, the Duma and Muscovite ranks had about eleven thousand members. According to Solovyov, there were also many other "rank circles" (*chinovnye krugi*) in the 17th century [СОЛОВЬЕВ, с. 375–376]: *gorodovye ratnye*, army regiments, *strel'tsy*, Muscovite *prikazy*, etc. These amorphous "rank circles" did not require radical reforms and could change borders and adapt to innovations. The Muscovite system of ranks was dualistic since noble families had the right to claim a rank for their status and were also given an opportunity to secure one for their service to the crown.

Records relating to traditional ranks in 1695–1721 were created by the *Razriadnyi Prikaz* (Military Service Chancellery) and Senate. Each element of the rank innovations introduced by Peter I was approved by the Tsar's decrees, which were entered in the *Razriadnye Zapisnye Knigi* "vsiakim delam" (Court Deployment Books of Different Acts) for future rank-awarding practice. *Razriadnye Knigi* 1698–1710¹ and annual Boyar Lists 1714–1719 have since been lost. Due to this fact, the reconstruction of the latest Muscovite awards offers a significant challenge. After the introduction of *The Table of Ranks*, traditional ranks were mentioned only as active or labeled as "old" and "former", as in the 1721–1723 *skazky shlyahetstva* (the nobility autobiographies). These three documents' groups are called mass historical sources, which were created annually or multiple. The documents of each group had a common origin, purpose, and formular.

A lot of Peter's associates began their career holding these former Muscovite ranks. In 1708–1713, out of eight governors only A. D. Menshikov boasted a non-traditional rank. In 1725, six out of ten governors held the *komnatniy stol'nik* rank and four others held ranks such as *boyar*, *stol'nik*, *zhilets* in the past². Despite their appointment as governors, P. M. Apraksin and P. S. Saltykov were, at the same time, called *blizhniye boyare* (closest boyars) up until to their deaths. G. I. Golovkin held, for some time, both new ranks, such as chancellor and count, together with the old one of *postel'nichiy*. Those men who possessed old ranks and were familiar to the Tsar had much more opportunity to show themselves as suited to service, in contrast to unknown servitors. The Tsar's contemporaries noted that Peter was planning the ranks' reform in the early 18th century [Грунд, с. 133–137],

¹ The data of lost books from 1697–1710 has been partly completed with the help of 18th century copies of the documents.

² The governors of the Petrine era included: boyar I. Iu. Trubetskoi, komnatnii stol'nik F. M. Apraksin, Prince M. V. Dolgorukov, Prince N. I. Repnin, Iu. A. Rzhevskii, Prince I. F. Romodanovskii, A. F. Saltykov, stol'nik A. P. Volynskii, zhil'ets P. V. Izmailov.

seeking, at that time, the imitation of European titles. This initial plan was, however, prevented by the Northern War.

Bearing in mind this cultural and historical background, it is essential to understand how the picture of traditional ranks changed during the reign of Peter the Great. Was it about replacing some minor pieces of the puzzle, or even larger fragments? Or was it about laying new paint upon the old canvas? What were Peter's motives for the subsequent personal and mass appointments to traditional ranks? The answers to these questions are important for understanding the communication between a monarch and the Russian elite, and for discovering the destiny of existing institutions, which were prominent for the first hundred years of Muscovy.

Historiography

G. F. Miller was the first to pay attention to those among the Tsar's subjects who had asked Peter I to preserve the old ranks: "we should not be surprised sometimes at the immeasurable reverence for ancient rites, which is common to human nature. But when someone asks for some old ranks while holding new ones... such cases have drawn our attention and should not be hushed up" [Миллер, с. 205]. Miller knew of only two records of the Duma rank awarded in 1711 and 1725, which had been previously added to the Boyar Book of 1691/92.

This picture of the old ranks were supplemented by P. I. Ivanov and M. M. Bogoslovskii [Богословский, с. 243–258]. At the end of the twentieth century, an interest in the study of servitors' history was inspired by the work of R. Crummey [Crummey, 1974; Crummey, 1983]. A group of his followers has since set up a database, the "Duma Ranks Database", a fragment of which concerns the Duma ranks published by Marshall T. Poe [Poe, p. 346–380]. However, the formal statistics related to the Duma ranks, as suggested by Poe, ignores the peculiarities of the last boyar appointments. M. P. Lukichev noticed case within the duma appointments of 1712 and 1725, but he called them exceptional [Лукичев, с. 104–105; Медушевский, с. 160]. Later, six more appointments were discovered, which modern historians interpret differently. It appears that hundreds of people were appointed to the ranks of *stoľnik*, *dvorianin moskovskii*, and *zhilets* in the 1700s. Additionally, some of the Tsarinas' *stoľniks* were promoted to the Tsar's *stoľniks*.

Previous discussion of the Petrine reforms and the viability of the Muscovite institutions has relied more on new interpretations of long-known sources and secondary texts rather than on seeking out new historical documents.

Yu. M. Lotman and B. A. Uspensky have proposed a semiotic approach to interpreting the Petrine innovations [Лотман, Успенский]. This involves viewing ranks and institutions as elements of a process centered on encoding the myths born of real Petrine events in the later written tradition. They believe that the Tsar-reformer borrowed European and Latin names, replaced the Russian names of cultural institutions and toponymics, and introduced new facades but that, ultimately, he did not succeed in changing the essence of Muscovite institutions.

According to Anisimov's description, "the Duma ranks were not formally abolished, but the appointments to boyars, okolnichie, etc. were sharply reduced, which meant the natural death of the Duma"; most of the Duma officials were assigned to service in various fields, in which they spared no effort, while the Duma ranks themselves were ridiculed [АНИСИМОВ, с. 480]³.

Modern historians criticize the view that there was a complete negation of the Muscovite institutions by the Tsar. P. Bushkovich and O. G. Ageeva, historians of the Petrine era, studying both the political and social history of the period, recognize the role of ranks for the elites and the monarch's wider subjects [Бушкович; Агеева]. But the destiny of traditional ranks as social institutions has not yet been clarified. There are some ways to resolve the issue. Firstly, to reconstruct all the cases of traditional appointments in the context of social history and prosopography. Secondly, to understand the impact of these appointments on the ranks' owners themselves. Thirdly, to evaluate the social significance of these requests for the old ranks, the government's measures in response, as well as Tsar Peter's own reaction.

The first rank experiments of Peter I

In the 1680s, the number of men who served in the duma ranks totaled about 170 [Пое, p. 254–315]. The Coup of August 1689 immediately caused an increase of rank appointments. By 1694, 28 close associates of Peter the Great⁴ or those with connections to the Naryshkins were rewarded with duma ranks. The Naryshkin faction among the duma ranks had a numerical superiority of 7 appointments in 1695–1699. That list included three persons of the Prince's and the boyar's clans, two "*sluzhilye liudi*" (noblemen) and two d'iaks.

For the first time, by Peter's initiative, duma ranks were given to his active allies, and not just to the Tsar's relatives. *Posol'skii d'iak* (ambassador's d'iak) Vinius became the first to receive a Duma rank on 24 March, probably due to the fact that he had succeeded in carrying out royal assignments and had taught the Tsar to speak Dutch. It was the first decision by Peter taken on his own initiative. The son of Dutchman was one of many "rankless" among the Tsar's retinue during the first Arkhangelsk campaign of 1693 [ДВИНСКОЙ летописец, с. 194]. On obtaining his new rank, Vinius was present in the Duma from 1698–1701 [Захаров, 2009, с. 101–103].

The leaders of the Azov-Dnepr campaigns of 1695–1697 also drew the Tsar's attention and became owners of duma ranks⁵. The heroes of Azov

³ The historian cannot substantiate the sequence of actions (whether appointments were the first to be stopped, or the Duma Assemblies were put to an end), as well as the date of the Duma Assembly's termination.

⁴ After the insurrection of 1689, the Naryshkins were appointed to duma ranks six times. Their relatives-in-law Lopukhiny – twice. In summer and autumn 1691, V. F. Naryshkin was made okol'nichii and boyar.

⁵ Prince P. G. Lvov (okol'nichiy since 15 August 1696, and former stol'nik), Prince Ya. F. Dolgorukii (boyar since July 20 1697, and former spal'nik), S. I. Yazykov (okol'nichii since 25 March 1697, and former dumnyi dvorianin), V. B. Bukhvostov (okol'nichii since 28 August 1698, and former dumnyi dvorianin). *Okol'nichii* I. A. Musin-Pushkin was appointed to the boyar ranks on 9 September 1698 for his service in Astrakhan.

were, thus, duly rewarded. Within a year, Prince P. G. Lvov, S. I. Yazykov, and V. B. Bukhvostov had seats in the Duma [Захаров, 2009, с. 99–100, 161–162, 275–277]. During the Azov campaigns themselves, the Tsar was not ready to appoint orders and new ranks, but Russian elites were unwilling to accept any other forms of reward than those traditionally bestowed. The *duma* rank was prestigious and promised *pozhalovaniia* (money and land) for the recipient. But the actual number counselors of Duma in 1697–1701 did not exceed 42 % of those who had *duma* ranks [Там же, с. 395–398].

As is known, two new Muscovite awards were added to the traditional rank hierarchy after the end of the Great Embassy in 1697–1698. Peter the Great established the new rank of *dumnyi sovetnik* (Duma Councilor). This new honor was conferred on P. B. Voznitsyn on 15 July 1699⁶ for his service as Great Ambassador. Establishing the new rank, the Tsar followed in his predecessor's footsteps⁷. A few months later, Voznitsyn was granted the traditional a rank-position of *patriarshii boyarin* (the Patriarch's boyar) by decree on 10 December 1699⁸. The appointment appears particularly honorable since that status had previously been achieved by the *Okol'nichiy*, M. I. Glebov, who later lost the position of *patriarshii boyarin* and was sent by the Tsar to Azov to serve alongside his son, Leontiy. A year later, the Tsar allowed Glebov to return to the capital. In the meantime, Peter was searching for a candidate to head the *Monastyrskiy prikaz*. However, Voznitsyn fell ill in early 1700 and died on 4 February 1702⁹.

The new ranks and related terminology were incorporated into official documents surprisingly quickly. Take, for instance, *boyar* B. P. Sheremetev, who, while staying on the island of Malta in 1698, was granted the new honorary status of “*Kavaler Maltiyskii*” (“chevalier of Malta”) on 19 January 1699. This title stood in contrast with any other. After the Tsar's decree of 10 January 1699 [РГАДА. Ф. 199. Ед. хр. 130. Ч. 15. Д. 3. Л. 3 об.]. B. P. Sheremetev was mentioned as a “General and Military Chevalier of Malta” in all documents. Of course, not all the Tsar's experiments took root. The first and the only time *komnatnyi stol'nik* N. I. Repnin was acknowledged as a “*general rydenbant*” of St. Andrew was in 1711 [Захаров, 2003–2020; РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 58. Л. 2, 5, 9].

Thus, for the first time, a servitor's and aristocrat's personal service became the main reason for a rank appointment in 1695–1699. The *Duma* ranks entitled one to take part in the Boyar Duma, they did not necessarily move the Tsar to immediately include the honoree into their real circle of counsellors.

⁶ The Tsar's decree of 26 June 1701 specified the place of the new rank in the accepted hierarchy: “*el' v boiarskikh knigakh i spiskakh i vo vsiakikh pis'makh pisat' evo s vichem vyshe dumnykh d'iakov*” [РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 45. Л. 10].

⁷ For example, *Tsarevna* Sophia bestowed the specially invented rank of *dumnyi general* on colonel A. A. Shepelev in 1682/83.

⁸ “*Velikiy Gosudar' ukazal 'atriarshego Rozryadu na mesto Glebova vedat' dumnomu sovetniku Voznitsinu i imia pisat' dumnym sovetnikom I patriarshim boyarinom*” [РГАДА. Ф. 199. Ед. хр. 130. Ч. 15. Д. 3. Л. 28 об.].

⁹ Voznitsyn was invited to the Duma for the first time on 14 October 1699 [Захаров, 2009, с. 106].

The Renaissance of the Duma ranks and a pure parody

The traditions of rank appointments continued to be in accordance with *duma* rewards of the 18th century. Take, for example, Ivan Ivanovich Islen'ev's appointment, which occurred during his campaign to Voronezh, coinciding with his birthday on 30 May 1701. Islen'ev came from a noble family, but his parents and ancestors were not appointed higher than the rank of *stol'niki*. Having a rank of *stol'nik*, he was also a voivod in Murom, Alatar' and, possibly, in Shatsk. As a voivod of "little" towns, Ivan Islen'ev unexpectedly became Peter's *komnatniy stol'nik* in 1685/86. Only children of aristocrats, relatives and cousins-in-law were previously given this court rank. Islen'ev's sister-in-law (*svoyachenitsa*), Akulina Semenovna Chaplina, was married to Peter's second cousin (*trojurodnyi dyadya*), K. F. Naryshkin [Руммель, Голубцов, с. 647]. This is likely why the unknown Islen'ev managed to become Tsar's *komnatniy stol'nik*, and later rose to the rank of *dumnyi dvorianin* in 1701. In 1702, Islen'ev, travelling among a group of courtiers led by the Tsar, went to Arkhangelsk and the Solovetsky Monastery [Досифей, с. 100] and died in 1703 [РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 49. Л. 7].

A month after Islen'ev's elevation in rank, on St. Peter's day (the Tsar's name-day celebration), the *dumnyi dvorianin* rank was received by "*kni-az'-papa vseshuteishogo sobora*" N. M. Zotov, who used to teach the heir to the throne to read and write. Zotov was appointed as a judge of the *Pechatnyi prikaz* instead of *pechatnik* (keeper of the Seal) D. M. Bashmakov on 29 June 1701 [Там же. Д. 45. Л. 8]. The reasons for rank rewarding in 1701 are described in the Decree about Count title 1710 (draft): "[In honour of] his great loyalty, eagerness and cleverness he should be accepted to our privy council. His advice given to the Tsar during the Turkish war was very useful, that is why he was appointed *dumnyi dvorianin* and *pechatnik* ranks" [РГАДА. Ф. 154. Оп. 2. Д. 68. Л. 2 об.]. The rank of *dumnyi dvorianin* was given to Zotov four years later, after the end of his Azov service, which points to the fact that he asked for his *duma* rank personally.

At that time, the *Duma* itself was going through significant changes. After the spring of 1702, the boyar *prigovory* (orders), as well as the motives for assemblies of all the *Duma* ranks remaining in Moscow are unknown. In the capital, several boyars were beginning to work as Boyar Commissions (with 1706 – "*Consilii*"). There was no need to issue new ranks in order to expand the narrow circle of the advisors. Therefore, after Islen'ev and Zotov's promotion, nobody was added to the list of *duma* ranks for the next eight years leading up to the Poltava victory.

Appointment to the *duma* ranks as a reward was started again with Prince A. D. Menshikov's letter to the chief of *Razriadnyi prikaz* (The Military Service Chancellery) boyar, T. N. Streshnev. Vasilii Yershov, as Menshikov's subordinate, was given a *duma d'iak* rank in 1709 and for the first time

written in the Boyar List [РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 11. Л. 47]¹⁰: “*oktiabria v 15 den’ ukaz o tom za rukoiu boiarina Tikhona Nikiticha Streshneva*” (There is an order from 15 October under the signature of boyar Streshnev) [РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 56. Л. 8 об.]. Afterwards, there was a note: “*Po pismu ot svetleishago kniazia. Oborkamisar ot kovalerii*” (By the letter of his Highness. [Yershov] *Ober comissar ot cavalerii*).

The next notable grant of rank could not have taken place without the Tsar’s will. On 22 January 1710, Peter the Great promoted the Kazan Governor *okol’nichy* P. M. Apraksin into the *boyar* rank [Там же. Л. 2 об.]. Among the three senators who had previously been in the boyars, he was the only one called “*blizhnii boyarin, graf*” up to his death [РГАДА. Ф. 248. Оп. 12. Д. 641. Л. 38]¹¹. This designation emphasized respect for the old ranks. Such rank-awarding revived the expectation of the Duma ranks being accessible once more, however, the Tsar checked the subsequent wave of petitions in an unusual way.

New owners of the desired ranks were people of different social status, from active courtiers to jesters [РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 56. Л. 2 об., 4 об.; Д. 58, Л. 2, 6 об.]. One of the organizers of the “*vsep’ianeishii sobor*” (most desperate and all-pervasive assembly) was Prince Iu. F. Shakhovskoi (*Arkhid’iakon Gedeon*), who convened the courtiers (“*soboriane*”). He was suddenly declared a *boyar* from his former rank of *komnatnyi* during Bright Week on 12 April 1710. Almost all of the major associates of the crown, including the Tsar himself, were acknowledged among the “*soboriane*”. The motive for possessing such a rank seems to be obvious. His father, Prince Fedor Ivanovich, reached the same level in September 1682. Diplomat Prince B. I. Kurakin appreciated Shakhovskoi’s controversial talents as a man of “*uma nemalogo i chitatel’ knig, tokmo samoi zloi sosud i p’iano*” (a great mind and a book reader, and the most evil and drunk person) [Грунд, с. 129; Куракин, с. 256]. Attempts to draw a clear distinction between the jester and the servant in the context of the “*soboriane*” actions are futile – it was intentionally erased. On the same day as Prince Iu. F. Shakhovskoi, the *duma* ranks were awarded to ordinary jesters. K. Kh. Patrikeev (“*Otets Koz’ma*”) “*iz blizhnikh liudei*” was awarded the *okol’nichii* rank and *stol’nik* P. V. Buturlin (“*Korchaga*”) – the *dumnyi dvorianin*. In the 17th century, the Tsar could not give the *okol’nichii* rank to anyone except for his wife’s relatives. In Peter’s letters and diaries and campaign diaries only five people were named “*duraki*” (that is, jesters) [Письма и бумаги, 1992, с. 294; Походный журнал, с. 108]¹²: K. Kh. Patrikeev, P. V. Buturlin, P. A. Ushakov, Alexander Ushkov and S. Turgenev. The service of three “*new boyars*” was not limited

¹⁰ The information about V. Yershov given by Marshall Poe is t mistake. Yershov did not hold the rank of *duma d’iak* from the 1690; his name was included in Boyar Book for 1691/92 only in 1711 when he was given “*oklad*” 250 roubles [Poe, p. 406].

¹¹ P. S. Saltykov was also called “*blizhnii boyarin*” until his death.

¹² The documents mention “*tsarskii durak*” (tsar’ jester) Semen Turgenev, but this person is still not identified with *stol’nik* S. Ia. Turgenev.

to their ability to amuse the Court. Thus, Prince Nikita Zhirovoi-Zasekin had been a voivod of Kostroma province since 1719 [РГАДА. Ф. 199. Ед. хр. 130. Ч. 16. Д. 6. Л. 5; Ф. 350. Оп. 3. Д. 1. Л. 98]. Prince Iu. F. Shakhovskoi, P. V. Buturlin, and *okol'nichiy* Prince Iu. F. Shcherbatov, in accordance with the Tsar's order of 16 August 1710, described and measured lands and forests in the outskirts of the capital and across Russia. Prince Shakhovskoi put in great efforts to protect the Admiralty Island from fires in 1711–1713 [НИА СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3762].

The rank of A. A. Iushkov was not treated as a jester's reward. While rewarding A. A. Iushkov on 4 November 1711, Peter the Great personally wrote in an order the following: "За многіа і чрезвычайніа службы у служеніа і раденіа в врученных ему делех пожаловат' seu chestiiu" (The person is awarded a rank for his activities and state service) [Письма и бумаги, 1964, с. 236; РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 58. Л. 4 об.]. Alexander Iushkov, a person bearing the same family name, was Peter's jester. Historian M. M. Semevskii believes that Aleksey Iushkov secured his rank with the help of Tsarina Praskovia Fedorovna, who was trying to save his son – the Tsarina's *kravchei*, Vasilii – from her furious father [Семевский, с. 23–24]. Aleksey Iushkov took part in three campaigns in the 18th century, but he also missed three others by paying money to the crown instead [РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 50. Л. 49]. In 1705, he was sent to be a voivod in Belev for several years. In 1711, despite his age, he continued his service ("в Армии") as a chief of "emergency affairs" [Там же. Д. 52. Л. 24; Д. 58. Л. 22 об.]. In December 1712, he began to receive a salary of 350 rubles, one of the most important pieces of evidence, which proves he was given his rank as a reward for service [РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 11. Л. 39]. There were many people in service, like Iushkov, who deserved high ranks, but not everyone enjoyed the Tsarina's favour.

Odious "*soboriane*" – jesters were appointed according to the Tsar's efforts to discourage noblemen's desire for *duma* ranks after the appointment of Ershov, Apraksin and Iushkov. Those who aspired to high rank were taught a new lesson by Tsar. Prince Ivan Alekseevich Golitsin was made *boyarin*. On 14 October 1715, the Tsar sent a decree to Prince M. V. Dolgorukii. The decree was full of scathing sarcasm [РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 9. Л. 49–49 об.]. It is an instructive example of a husband receiving high rank in exchange for a wife's service [Захаров, 2013, с. 29]¹³. What is more, the Tsar's decree was read by jester Ekim Volkov, nicknamed "*Komar*" (Mosquito), not by a senator or *d'iak* as it was usually. As a result, Ivan Golitsin was ashamed. In 1722, he admitted that he had never been in military service [РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 7. Л. 24]. The prince always referred to himself as a *komnatniy stol'nik* (courtier), but the senators intentionally named him a *boyar*, in line with the Tsar's desire to remind everyone of Prince Golitsin's "worthy" achievements [РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 95. Л. 192–194].

¹³ Princess A. P. Golitsyna, nee Prozorovskaia as the "shutikha" (she-jester) of Tsarina Catherine I, participated in the amusements of the "*soboriane*" in the role of "*kniaz' – igumen'i*".

Similar comic nicknaming took place together with official titles several times. In 1716, the aged N. M. Zotov had to accept his new rank “*Tainyi sovetnik i Blizhnei kantseliarii general prezident, graf Magnus Naklevanii*” (Privy councillor and administrative office general President, Count Magnus of Naklevania. Naklevania – Russian spoken form “to have a cat-nap”) in the midst of “*soboriane’s*” meetings. This new title was mentioned again and again in official senate’s papers [РГАДА. Ф. 248. Оп. 12. Д. 641. Л. 39] since, at the time, it was not necessary to draw the line between official rank and humorous honorific.

The list of those who were elevated to high rank before and after the victory of Poltava consisted of people of different status. There were influential officials (V. S. Yershov, P. M. Apraksin), service men (A. A. Iushkov), and courtiers (Prince Iu. F. Shakhovskoi), for whom the rank was a way to increase personal status and that of one’s family. The Tsar’s jesters got their high ranks as an edification for dreamers of the boyar ranks. The rank was, thus, a kind of a honour even for jesters.

Following the request for the boyar ranks by the nobility, the Tsar began a transfer of several aristocrats from the old ranks to some new positions. So, T. N. Streshnev was transferred from the boyar rank to the rank and status of *taynyi sovetnik* (Privy Councillor) in response to his Senate appointment. The transfer being confirmed by a rare document on 22 March 1711. From that time on, Streshnev ceased to be called *boyar* [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4/1. Д. 4719/17. Л. 39]. Fifteen years later, a petition arrived from another dignitary. Boyar A. P. Saltykov, in which he begged Empress Catherine the First for the new rank of *deystviyel’nyi taynyi sovetnik* (Full Privy Councillor). He wrote: “And I, a slave of yours, have not been awarded for my service, unlike my brothers (“*protiv moej brat’i ne pozhalovan*”). I served your father, Great Sovereign, and Your Imperial Majesty for 63 years” [РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 4. Д. 82. Л. 419–421]. The attitude of the old boyars to the new rank system changed gradually, without resistance and even with a request to new rank “like my brothers” (“*protiv svoej brat’i*”).

And traditional ranks continued to be a way to bestow honour even after Peter’s reign. Catherine I elevated *stol’nik* S. P. Neledinskii-Meletsksii to the rank of boyar for his long service on 15 September 1725 [РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 11. Л. 31]. It is more likely that this appointment can be explained by his petition. However, the abolishment of the appointing practice in the Duma was in 1701–1702. Traditional ranks as awards continued for at least another 12 years.

The last Muscovite appointments and servitors’ fates

Since 1696, Peter the Great was the only person who had the right to appoint high ranks. After his co-regent, Ivan V’s, death, Peter incorporated Ivan’s courtiers to his own court. Tsar Peter refused to appoint *komnatniy stol’nik* (or *spal’nik* – a high rank of courtier), since all previous appointments of that kind were issued by the two Tsars together. The last to become a *komnatniy stolnik* (*spal’nik*) were V. M. Rtishchev (14 Octo-

ber 1695) [РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 36. Л. 369 об.] and the above-mentioned Prince Iu. F. Shakhovskoi (1696/97)¹⁴. Their subsequent fates were, however, very different.

Iu. F. Shakhovskoi successfully served as Court servitor. He, together with the *razriad* men, arranged the wedding of the jester Filat Shansky in 1702, and the visits of Peter's company to the *svyatki i slavleniia* (Yuletide for glorification) in 1710 [РГАДА. Ф. 210. Оп. 8. Д. 1098. Л. 77; Оп. 17. Д. 8]. Some historians consider him to be a jester, in accordance with Prince B. I. Kurakin's opinion, although his actual role was that of the buffoon organizer. V. M. Rtishchev was not as successful at Court or in military service. Rtishchev was granted the rank of major in 1708 but remained under suspicion from 1715, following his marriage to the daughter of Senator Prince G. I. Volkonsky, who had fallen out of favour. Therefore, until the Tsar's death, Rtishchev did not advance in his career. The Rtishchevs' relatives were the Tolstoys. Rtishchev's sister Praskovia was married to Ivan Tolstoy, Count P.A. Tolstoy's son, but that relationship could not save him from disgrace in the eyes of the Tsar.

In total, 80 men who were once appointed to the rank of *spal'niks* were still alive by 1721. Their social status after the termination of the rank-awarding practice is worth exploring. One can differentiate between two subgroups: those who had experience of service in the regular army, and those who remained outside of military service and its ranks. Entry into the "*poteshnye*" or Guards regiments was sufficient to continue into regular service ("*v regul'yarstve*"). By 1721, forty-two *spal'niks* (52,5 %) had been given a military rank or had served in the army. In other words, this old rank had not been included in *The Table of Ranks* nor had it been cancelled either. There are 32 detailed documents from 1720–1722 referencing *spal'niks*. In 82 % of these cases, the beginning of service was associated by the men themselves with their having obtained a Muscovite rank in the 17th century. Two or three decades later they perceived their *spal'nik* rank as having been granted in return for a high level of service in the past. By the Tsar's decrees of 1712–1714, 93 families from among the *spal'niks* were obliged to move to the new capital, to Kotlin Island, by the end of the Northern War. According to the 1716 Senate list, 69 *spal'niks* were to move from Moscow to Saint Petersburg, of which 33 already owned houses in the new capital [РГАДА. Ф. 248. Оп. 12. Д. 641. Л. 13–17]. Only five *spal'niks* served in the 18th century *prikazy*, which is similar to the situation of the previous century. In 1710–1722, twenty former *spal'niks* held the higher provincial positions. In 1725, six out of ten governors formerly served as *spal'niks*, and three became vice-governors.

Spal'niks held administrative, military, and diplomatic positions, extraordinary commissions that required education, connections and their horizons to have been suitably broadened. The Great Embassy of 1697–1698

¹⁴. His namesake, who was a captain and died no later than 1710, is a known *spal'nik* [РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 41. Л. 15 об., 76 об.]. And his namesake [Там же. Д. 41. Л. 76. Д. 43. Л. 69, 417. Д. 45. Л. 595, 747, 776 об. Д. 56. Л. 85].

affected the cultural and educational level of 61 participating *spal'niks*. A quarter of them continued their careers in the diplomatic service or in the Navy. This range of opportunities was acquired partly via European experience [Захаров, 2016].

Only a handful of *spal'niks* kept their positions in the court service in the first decade of the 18th century. They were the Apraksins, the Naryshkins, and the Saltykovs, as the Tsarevnas' relatives. The Tatischevs, Iushkov, and Izmailov were Tsarevna Praskovia Feodorovna's *stol'niks*. There was also Prince M. M. Obolensky, a servant of Tsarevna Maria. At the same time, Prince F. S. Khovansky and I. P. Matiushkin remained the only *spal'niks* in Moscow to participate in the "hod za ikonami" (for church ceremonies). Prince Khovanskii was the grandfather of Iakov and Sergei Vasilyevich, the Siberian Tsarevichs, while Matiushkin was the Tsar's cousin. Four people were disgraced. Only V. B. Sheremetev was punished for misconduct in the service. The sentences issued in the Tsarevich Alexei case were harsh: A. F. Lopukhin was executed, while S. G. Naryshkin and I. I. Naryshkin were sent into exile [Бушкович, с. 403, 429]. The recruitment of *spal'niks* into regular military service in the early 18th century, and their appointment as officers to the Guard regiments, were the main factors in the rank's erosion. The court status of *spal'niks*, more pronounced in the 17th century, was almost lost. Nevertheless, the holding of the *spal'nik* rank in the past would still offer a significant boost to one's military career in the regular army and in the provinces.

Appointing traditionally lower ranks (*stol'nik*, *stryapchii*, *dvorianin moskovskii*, *zhilets*) had its own features. In accordance with the boyar lists, in 1700 there were many "records" (promotion from *Dvortsovyi* ranks to Muscovite ones) and several individual Muscovite appointments. The Tsarinas' *stol'niks* as a *dvortsovyi* rank were not sent to regimental service according to Muscovite Court traditions. Therefore, shortly before the Northern War, 169 of the Tsarevna's *stol'niks* were promoted to the Tsar's *stol'niks*¹⁵. Among them were the famous V. N. Tatishchev, and the Siberian and Moscow governor, A. L. Pleshcheev.

There are 46 skazki, dating back to 1721–1722, by Tsar's *stol'niks*, who had been given ranks in 1700. Most of new Tsar's *stol'niks* – 40 men (87 % of the sample) turned out to be in the regular service as officers after their training in "soldatskomu stroiu" (soldiers' formation) during the first decade of the Northern War. So, 24 *stol'niks* were awarded officer ranks in 1700, and five more went to the Narva campaign in the "Bol'shoi Polk" (Big regiment) of the boyar, F. A. Golovin. During 1701–1706, 10 more people were enlisted as officers. Four men were not awarded the officer's rank and ended up in the Dragoons for failing to attend the *Smotr* (Insurrection). The transfer of the Tsarinas' *stol'niks* to the Tsar's *stol'niks* in 1700 provided obvious advantages for obtaining an officer's rank in the army.

¹⁵ On 19 August 1700, 169 people were "veleno napisat' v polkovuiu sluzhbu" (ordered to be written into regimental service) as *stol'niks*.

In the same year, one hundred and two court servitors¹⁶ (*Dvorovye striapchies, klyuchniks, and charochniks*, controlled by the *prikaz Bol'shogo Dvortsa*) were transferred to the *moskovskie dvoriane* (i. e. the penultimate Muscovite rank). Former *Dvorovye* turned out to be an old layer, and most of them soon died or were retired (44%)¹⁷. There were no less than seven men in military service, six men were marked as “v posylkakh po delam” from *prikazy*, and *voivodes* – two. However, 16 *moskovskie dvoriane* returned to Court rank between 1701–1703, and for other reasons, 8 men lost the benefits of Muscovite service¹⁸. The status of *moskovskie dvoriane* gave some servitors the opportunity to leave the Court service, to achieve the Voivodship or military rank.

Seven servitors and one foreigner were appointed to the *stol'niks* by special decrees, which was a proven practice of the 17th century. Thus, Prince Andrey Vasilievich Svirskii from the Polish-Lithuanian Commonwealth was included in the list of *stol'niks* on 30 November 1699. In 1700, some of the Tsarina's *stol'niks* were added to the Tsar's list on an individual basis. Among them, there were such people as Prince I. P. Meshcherskii (added on 22 January), I. M. Yeletskii (26 January), P. I. Lovchikov (28 January), M. S. Anichkov (3 February). The brothers *zhil'tsy*, Ivan Srednii (the Middle) and Ivan Bol'shoy (the Senior) Il'ich Dmitriev-Mamonov, were made *stol'niki* on 14 December 1699. The latter, the Senior Dmitriev-Mamonov, was known as a guard officer andmorganatic husband of Tsarevna Praskovia Ivanovna (1724). In 1702, *striapchii* S. M. Durov was made the latest *stol'nik*¹⁹. It is possible he was awarded for *voivodstvo* in Ol'shansk.

The next rank, the *dvorianin moskovskii*, was given to eight people: a Turk, V. I. Serdarov (“*iz turchan*”), four Russian *gorodovye dvoriane* and three *non-servitors* in 1700–1713²⁰. F. I. Iavorskii, a brother of the Metropolitan “*u riazanskogo mitropolita v domovykh liudiakh*”, was appointed to this rank on 1 December 1701 [РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 45. Л. 289]. *Nedorosl'* (greenhorn) Ivan Plokhoi was included in the Boyar List of 1707, because of his physical disability (“*za uvechem, chto gorbat*”) and, more importantly, his father was the *striapchii s kliuchom*, L. B. Plokhoi [РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 53. Л. 121]²¹. According to the letter of Prince Ia. F. Dol-

¹⁶ On 27 May 2700, 100 courtiers (“100 *dvorovykh liudei, kotorye ot dvora otstavleny i prislany dlia sluzhby v Razriad... a v Razriade napisany oni po moskovskomu spisku*”) were dismissed from court service and sent to work in *Razriad*... and in *Razriad* they were registered in the Boyar Lists (i. e. as *dvoriane moskovskie*).

¹⁷ 35 people died between 1700–1713. 19 people were dismissed, half of whom died before 1713.

¹⁸ Two people were demoted to the *gorodovoi* rank, two people were sent to the “*Dela Dvortsa*” (Court's business), two went to the monastery, two people were exiled into Azov.

¹⁹ But there were not any records of Durov's appointment day.

²⁰ In 1700 there were the following appointments: V. I. Serdarov (28 January, Prince I. V. Shakhovskoy, *vybornyi dvorianin*, Prince P. B. Shakhovskoy (2 March; G. I. Der-nov (10 March 1701); “*iaroslavets*” I. I. Tikhmenev (1709) [РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 43. Л. 658, 641 об.; Д. 45. Л. 293; Д. 56. Л. 182].

²¹ The appointing Decree included a note: “*pometa na smotrennykh tetradiakh u zapiski nedoroslei*” (a note on examined papers for minors' registration).

gorukov and Count I. A. Musin-Pushkin, the Tsar granted the rank of *dvoriane moskovskie* to 35 year old Nikon Ivanovich Volkov in July 1713 (“*Tsarskoe velichestvo ukazal po imennomu svoemu v. g. ukazu... napisat’ vo dvoriane*”) [РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 5. Л. 142]. He was an eminent merchant (“*kupchina*”) and had been serving *Tsarevna* Nataliia Alekseevna since 1704 [Там же. Д. 7. Л. 1163]. These two appointments would not have been possible without the Tsar’s intervention. It is reliably known that Peter the Great took part in the examination of “*tsaredvortsy*” (courtiers) and marked with pencil their appointments himself.

Peter I continued to introduce new titles and ranks in the 1700s. A higher position than *d’iak* was taken by “*general’nyi pisar’ i sekretar’*” (general clerk with secretary rank) in 1702. *D’iak* Liubim Sergeevich Sudeikin was the first person to receive such a *sekretar’* rank in Russia. Prince M. P. Gagarin became “*general’noi president, moskovskoi commeandant i sibirskikh provintsei sud’ia*” (1707) and A. A. Kurbatov gained the rank of “*ober inspektor Ratushskogo pravleniia*” (City Hall administrator), which later became a permanent position (1706) [РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 46. Л. 291; Д. 53. Л. 33 об.; Д. 55. Л. 227]. The senators were inscribed into the Boyar List with their new rank, excluding those men with traditional ranks from all ranking rubrics. In senators’ cases, a process of equation between traditional ranks and the new position of senator occurred. Later, *d’iaks* were renamed secretaries. Regular appointments to the rank of *prikaznyi d’iak* still took place as the Northern War began. During the period 1700–1712, 104 *prikaznye podd’iachie* were made *d’iaki* [Захаров, 2003–2020].

There were many appointments in the lowest Muscovite rank of *zhiltsa* in 1700. About 400 men were appointed “*v zhit’e*”, including 130 *dvortsovye podkliuchniki* [РГАДА. Ф. 210. Оп. 3. Д. 69. Л. 77–92 об.; Д. 58. Л. 208–212]²² placed in the *Zhilets List* by royal decree on 28 August 1700. 107 men were appointed to the rank of *zhilets* during 1701, 117 – in 1702, 80 servitors – in 1703, 4 – in 1704 [РГАДА. Ф. 210. Оп. 3. Д. 60. Л. 193–200 об.; Д. 70. Л. 277–290 об., 324–329 об.; Д. 69. Л. 108, 110]. The service of their fathers, who had been retired for old age or illness, was the primary argument for a *noviki’s* appointment (young and new servitors) – they became *zhilets*. Therefore, among the group of *noviki*, there are typical examples of those granted *oklady* (a new entitlement) or delays from service for a few years for young *zhiltsy*. Other men were recruited in training for the regimental service. In the early 18th century, Muscovite ranks from a Tsar *stol’nik* to *zhilets* offered such a reward and a way to transfer persons from Court service to military.

Muscovite ranks were not included in *The Table of Ranks*, because the only rank of mass appointments by the early 1720s was in the *d’iaks’* appointments. This rank was replaced in 1722 by the rank of secretaries [Серов, с. 70].

²² 414 people were inscribed in *Zhilets List* for 1704 in the rubric “*zhiltsy s 1700*” (men were appointed to the *zhilets* rank), including 63 men from *podkluchniki*.

* * *

Traditional ranks were a variant of the representation of the Muscovite elite's status. They are a reflection of "the old" and "the new" in the vocabulary of *prikaznye* documents, of the self-identification of men, of the aspirations of the nobility, and of the supreme power of the crown in the Petrine epoch. Simple interpretations of traditional ranks as the "remnants", "formalities" or "exceptions" from before the proclamation of the Russia Empire are wholly unsuitable and fail to appreciate the importance of the Muscovite heritage for Peter the Great.

Duma ranks continued to be an award for the most successful servitors in 1695–1701, and immediately provided seats in the Boyar Duma. The main reason for rank appointment became the honoree's personal service. After the completion of assemblies of all staff of the Duma in 1701–1702, a rank awarded for the Boyar Duma lost its meaning, but the potential for ranks as a reward for service was not exhausted.

In the first decade of the 18th century, the Tsar introduced six new rank-awards to the "Rank Moscow List" ("*moskovskii spisok*"). And five Tsar confidants and administrators were rewarded for their service with entry to the duma ranks before the establishment of the Senate. About 1112 people were appointed to the Muscovite ranks in 1700–1713. It is clear that the Tsar did not rush to make a choice in favor of European ranks at this time. The necessity of honoring the service of his closest associates was obvious to the elites and the "Tsar the reformer" alike. Maintaining traditional ranks was influenced by the need to maintain the stability of the *Razriadnyi prikaz* (later *Razriadnyi stol* of the Senate), which continued to organize nobility service. Some administrators who possessed traditional ranks or enlisted the support managed to gain Duma ranks before and after the victory at Poltava. Therefore, the Tsar immediately awarded to "*soboriane-jesters*" by duma ranks than were supposed to prevent noblemen's desire for boyar rank. But the Tsar did not see any reason to ridicule Duma ranks in the first decade of the 18th century.

By the early 1720s, the government adapted the existing Muscovite ranks to facilitate the recruitment of court servitors to the army and other (non-serving people) for civil affairs. Military ranks were used in the 17th century, but new civil titles and positions were introduced within the Muscovite ranks and Administrative Paper in the first decades of the new century. Contemporary historians, familiar with *The Table of Ranks*, may have considered Peter's early rank reforms as unimportant. However, in the early 18th century, these changes seemed to be significant. Innovations continued to accumulate, and their increase was transformed into a symbiosis of the old and new rank systems a decade later. The traditional ranks legitimately existed during Peter's reign, and after his death, the ranks continued to be used in Administrative Papers and in private documents.

Список литературы

- Агеева О. Г.* Императорский двор России. 1700–1796 годы. М. : Наука, 2008. 380 с.
- Анисимов Е. В.* Верхи русского общества начала Петровской эпохи // Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в. / отв. ред. А. П. Павлов. СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. С. 470–497.
- Богословский М. М.* Петр I : Материалы для биографии : в 5 т. М. : ОГИЗ, 1948. Т. 4. 514 с.
- Бушкович П.* Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725) / пер. Н. Л. Лужецкой. СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. 604 с.
- Грунд Г.* Доклад о России в 1705–1710 гг. / пер. Ю. Н. Беспярых. М. ; СПб. : Ин-т рос. истории, 1992. 138 с.
- Двинской летописец* / под ред. Б. А. Рыбакова, Я. С. Лурье, К. Н. Сербиной // ПСРЛ. Т. 33. Л. : Наука, 1977. С. 148–221.
- Досифей.* Летописец Соловецкий на четыре столетия, от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени, то есть с 1429 по 1833 год. М. : Университет. тип., 1833. 177 с.
- Захаров А. В.* Информационно-поисковая полнотекстовая система «Боярские списки XVIII века». Челябинск, 2003–2020. URL: <http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl> (дата обращения: 01.05.2020).
- Захаров А. В.* Государев двор Петра I : публикация и исследование источников разрядного делопроизводства. Челябинск : Изд-во Челябин. гос. ун-та, 2009. 447 с.
- Захаров А. В.* Комнатные стольники Петра I : Реконструкция состава и просопографическое исследование // Вестн. Перм. ун-та. Сер.: История. 2016. № 4. С. 85–99.
- Куракин Б. И.* Гистория о Петре I и ближних к нему людях // Рус. старина. Кн. 68. 1890. № 10. С. 229–260.
- Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Миф – имя – культура // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и топологии культуры : в 3 т. Таллин : Александра, 1992–1993. Т. 1. С. 58–75.
- Лукичев М. П.* Боярские книги XVII века: труды по истории и источниковедению. М. : Древлехранилище, 2004. 538 с.
- Медушевский А. Н.* Боярские списки первой четверти XVIII века // Археографический ежегодник за 1981 г. М. : Наука, 1982. С. 158–163.
- Миллер Г. Ф.* Известие о дворянх Российских // Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России : Избранное. М. : Наука, 1996. 448 с.
- НИА СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3762.
- Письма и бумаги императора Петра Великого : [в 13 т.]. СПб. : Гос. тип. ; М. : Наука, 1887–2003. Т. 11. Вып. 2. 743 с. Т. 13. Вып. 1. 480 с.
- Походный журнал 1714 года. СПб. : [Б. и.], 1913. 160 с.
- РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 9; Отд. 2. Оп. 4. Д. 82; Ф. 154. Оп. 2. Д. 68; Ф. 199. Ед. хр. 130. Ч. 15. Д. 3; Ч. 16. Д. 6; Ф. 210. Оп. 1. Д. 11. Оп. 2. Д. 36, 41, 43, 45, 46, 49, 50, 52, 53, 55, 56, 58; Оп. 3. Д. 58, 60, 69, 70; Оп. 8. Д. 1098; Оп. 17. Д. 8; Ф. 248. Оп. 3. Кн. 95; Оп. 12. Д. 641; Ф. 286. Оп. 1. Д. 5, 7; Ф. 350. Оп. 3. Д. 1; Ф. 1209. Оп. 4/1. Д. 4719/17.
- Руммель В. В., Голубцов В. В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий : в 2 т. СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1887. Т. 2. 647 с.
- Семевский М. И.* Царица Прасковья. М. : Книга. 1989. 223 с.
- Серов Д. О.* Последние дырки: из истории реформирования системы гражданских чинов России в первой четверти XVIII в. // Урал. ист. вестн. 2011. № 3. С. 64–72.
- Соловьев С. М.* Исторические письма // Соловьев С. М. Соч. : в 18 кн. М. : Мысль, 1995. Кн. 16. С. 353–404.
- Crummey R. O.* Peter and the Boyar Aristocracy, 1689–1700 // Canad.-Am. Slavic Studies. 1974. Vol. 8. No. 2. P. 274–287.
- Crummey R. O.* Aristocrats and Servitors. The Boyar Elite in Russia, 1613–1689. Princeton : Princeton Univ. Press, 1983. 338 p.

Poe M. T. *The Russian Elite in the Seventeenth Century* : 2 Vols. Helsinki : Acad. Scientiarum Fennica, 2004. Vol. 1. The Consular and Ceremonial Ranks of the Russian "Sovereign's Court", 1613–1713. 469 p.

References

- Ageeva, O. G. (2008). *Imperatorskii dvor Rossii. 1700–1796 gody* [Imperial Court of Russia. 1700–1796]. Moscow, Nauka. 380 p.
- Anisimov, E. V. (2006). Verkhii russkogo obshchestva nachala Petrovskoi epokhi [Russian Elites of the Beginning of the Petrine Epoch]. In Pavlov, A. P. (Ed.). *Pravyashchaya elita Russkogo gosudarstva IX – nachala XVIII v.* St Petersburg, Dmitrii Bulanin, pp. 470–497.
- Bogoslovskii, M. M. (1948). *Petr I. Materialy dlya biografii* [Peter the Great. Materials for Biography]. Moscow, OGIz. Vol. 4. 514 p.
- Bushkovitch, P. (2008). *Petr Velikii. Bor'ba za vlast' (1671–1725)* [Peter the Great. Struggle for Power (1671–1725)] / transl. by N. L. Luzhetskaya. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 604 p.
- Crummey, R. O. (1974). Peter and the Boyar Aristocracy, 1689–1700. In *Canad.-Am. Slavic Studies*. Vol. 8. No. 2, pp. 274–287.
- Crummey, R. O. (1983). *Aristocrats and Servitors. The Boyar Elite in Russia, 1613–1689*. Princeton, Princeton Univ. Press. 338 p.
- Dosifei (1833). *Letopisets Solovetskii na chetyre stoletiya, ot osnovaniya Solovetskogo monastyrya do nastoyashchego vremeni, to est' s 1429 po 1833 god.* [The Chronicle of the Solovetsky Islands for Four Centuries, from the Foundation of Solovetsky Monastery to the Present, from 1429 to 1833]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. 177 p.
- Grund, G. (1992). *Doklad o Rossii v 1705–1710 gg.* [Report on Russia in 1705–1710] / transl. by Yu. N. Bespyatykh. Moscow, St Petersburg, Institut rossiiskoi istorii. 138 p.
- Kurakin, B. I. (1890). Gistoriya o Petre I i blizhnikh k nemu lyudyakh [History of Peter I and People Close to Him]. In *Russkaya starina*. Book 68. No. 10, pp. 229–260.
- Lotman, Yu. M., Uspensky, B. A. (1992). Mif – imya – kul'tura [Myth – Name – Culture]. In Lotman, Yu. M. *Stat'i po semiotike i topologii kul'tury v 3 t.* Tallin, Aleksandra. Vol. 1, pp. 58–75.
- Lukichev, M. P. (2004) *Boyarskie knigi XVII veka: trudy po istorii i istochnikovedeniyu* [Boyar Books of the 17th Century: Studies in History and Source Studies]. Moscow, Drevlekhranilishche. 538 p.
- Medushevskii, A. N. (1982). Boyarskie spiski pervoi chetverti XVIII veka [Boyar Lists of the First Quarter of the 18th Century]. In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1981 g.* Moscow, Nauka, pp. 158–163.
- Miller, G. F. (1996). Izvestie o dvoryanekh Rossiiskikh [The Message of the Russian Nobility]. In Miller, G. F. *Sochineniya po istorii Rossii. Izbrannoe*. Moscow, Nauka. 448 p.
- NIA SPbII RAN* [Scientific and Historical Archive of St Petersburg Institute of the Russian Academy of Sciences]. Stock 83. List 1. Dos. 3762.
- Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo* [Letters and Papers of Emperor Peter the Great]. (1887–2003). Vol. 11. Iss. 2. St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. 743 p. Vol. 13. Iss. 1. Moscow, Nauka. 480 p.
- Poe, M. T. (2004). *The Russian Elite in the Seventeenth Century*. 2 Vols. Helsinki, Acad. Scientiarum Fennica. Vol. 1. The Consular and Ceremonial Ranks of the Russian "Sovereign's Court", 1613–1713. 469 p.
- Pokhodnyi zhurnal 1714 goda* [Campaign Diary 1714]. (1913). St Petersburg, S. n. 160 p.
- RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 9. List 1. Dos. 9; Dpt. 2. List 4. Dos. 82; Stock 154. List 2. Dos. 68; Stock 199. Unified Repository. 130. Part 15. Dos. 3; Part 16. Dos. 6; Stock 210. List 1. Dos. 11. List 2. Dos. 36, 41, 43, 45, 46, 49, 50, 52, 53, 55, 56, 58; List 3. Dos. 58, 60, 69, 70; List 8. Dos. 1098; List 17. Dos. 8; Stock 248. List 3. Book 95; List 12. Dos. 641; Stock 286. List 1. Dos. 5, 7; Stock 350. List 3. Dos. 1; Stock 1209. List 4/1. Dos. 4719/17.

Rummel', V. V., Golubtsov, V. V. (1887). *Rodoslovnyi sbornik russkikh dvoryanskikh familii v 2 t.* [The Genealogical Collection of Russian Noble Families. 2 Vols.]. St Petersburg, Publ. by A. S. Suvorina. Vol. 2. 647 p.

Rybakov, B. A., Lurie, Ya. S., Serbina, K. N. (Eds.). (1977). *Dvinskoi letopisets.* In *PSRL.* Leningrad, Nauka. Vol. 33, pp. 148–221.

Semevskii, M. I. (1989). *Tsaritsa Praskov'ia* [Tsarina Praskov'ia]. Moscow, Kniga. 223 p.

Serov, D. O. (2011). *Poslednie d'yaki: iz istorii reformirovaniya sistemy grazhdanskikh chinov Rossii v pervoi chetverti XVIII v.* [The Last of the *D'yaks*: From the History of Reforms of the Civil Servants' System in Russia in the First Quarter of the 18th Century]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik.* No. 3, pp. 64–72.

Solovyov, S. M. (1995). *Istoricheskie pis'ma* [Historical Letters]. In Solov'ev, S. M. *Sochineniya v 18 kn.* Moscow, Mysl'. Book 16, pp. 353–404.

Zakharov, A. V. (2003–2020). *Informatsionno-poiskovaya polnotekstovaya sistema "Boyarškiye spiski XVIII veka"* [The "Boyar Lists of the 18th Century" Database]. Chelyabinsk. URL: <http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl> (accessed: 01.05.2020).

Zakharov, A. V. (2009). *Gosudarev dvor Petra I. Publikatsiya i issledovanie istochnikov razryadnogo deloproizvodstva* [Tsar's Court of Peter the Great. Publication and Research of the Razriadnyi Prikaz's Sources]. Chelyabinsk, Izdatel'stvo Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 447 p.

Zakharov, A. V. (2016). *Komnatnye stol'niki Petra Velikogo: rekonstruktsiya sostava i prosopograficheskoe issledovanie* [*Komnatnye Stol'niki* of Peter the Great: Reconstruction of the Group and Prosopography]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya.* No. 4, pp. 85–99.

The article was submitted on 20.05.2020

**ЛАНДРАТСКИЕ КНИГИ:
ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКА
И ЕГО ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ***

Денис Ляпин

Елецкий государственный университет,
Елец, Россия

**LANDRAT BOOKS: CHARACTERISING
A SOURCE AND ITS POTENTIAL****

Denis Lyapin

Yelets State University,
Yelets, Russia

This article considers Landrat books compiled between 1715 and 1720, which contain the results of the last census of homesteads carried out by the Russian state. Even though a comprehensive study of the Landrat books has not been conducted, scepticism prevails when it comes to the reliability of their results. The author argues that there are no grounds for such scholarly scepticism. The materials of the Landrat census have great potential. The reason for distrust of the Landrat data is that they are often compared with the 1710 census, which was badly conducted. Historians also often point out that the transition to the poll tax was caused by the authorities' lack of confidence in the work of the Landrats. However, this was not the case. This transition was due to the fact that the 1715–1720 census made it clear to the government that it had to change the principle and methods of tax collection (to increase taxes). The article focuses on the potential of the Landrat books as a valuable historical source. Particular attention is paid to social and economic information. The author refers to the Landrat book of Tula. As a result, the article concludes that, regardless of the extent to which

* При написании статьи использованы результаты исследования, выполняемого при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–09–42073 «Реформы Петра I по рекрутированию шляхетства: социальная идентичность и служба "чинов" (по массовым историческим источникам 1715–1724 гг.)».

** Citation: Lyapin, D. (2021). Landrat Books: Characterising a Source and Its Potential. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 1. P. 254–264. DOI 10.15826/qr.2021.1.577.

Цитирование: Lyapin D. Landrat Books: Characterising a Source and Its Potential // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 1. P. 254–264. DOI 10.15826/qr.2021.1.577 / Ляпин Д. Ландратские книги: характеристика источника и его информационный потенциал // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 1. С. 254–264. DOI 10.15826/qr.2021.1.577.

the Landrat books may be considered complete and accurate, they reflect real socio-economic processes taking place in Russia under Peter the Great. The practical purpose of the Landrat books is very significant; although these documents were not dedicated specifically to the service population, they inevitably tell the story of this large social group; also, they contain a lot of data on the history of the Russian nobility. As a result, the Landrat censuses, together with “fairytales,” register extracts, and other documents of this kind, can help recreate the overall picture of important changes in the lives of the provincial service elite in the time of Peter the Great.

Keywords: Landrat books, census of homesteads, Peter the Great, Landrats, capitation census, fairytales, gentry

Статья посвящена изучению ландратских книг, которые были составлены в 1715–1720 гг. и представляют собой результаты последней подворной переписи Российского государства. Несмотря на то, что массового комплексного изучения ландратских книг до сих пор проведено не было, в историографии превалирует скептическое отношение к достоверности их результатов. Автор показывает, что материалы ландратской переписи недооценены, а их информативность шире, чем набор фискальных и социально-экономических сведений. Причины недоверия к данным ландратских книг связаны с тем, что их часто отождествляют с материалами переписи 1710 г., которая действительно была плохо организована. Кроме того, историки указывают на то, что переход к подушному сбору был якобы вызван недоверием властей к работе ландратов. Однако отказ от подворного обложения был связан с тем, что перепись 1715–1720 гг. ясно показала правительству необходимость изменения способа сбора налога с целью усиления податного бремени, для чего нужно было изменить сам принцип ее организации. В этой связи в центре внимания автора находятся информативные возможности материалов переписей как ценного исторического источника. Особенное внимание уделяется информации социального характера, а в качестве конкретного примера подробно рассматривается ландратская книга Тулы 1715 г. Делаются выводы о том, что вне зависимости от полноты и точности представленной в ландратских книгах информации, они отражают реальные социально-экономические процессы, происходившие в России в период правления Петра I. Практическое назначение ландратских книг обусловлено тем, что они хотя и не посвящались специально служилому населению, но неизбежно освещают историю этой большой социальной группы, в том числе и русского дворянства. В итоге ландратские переписи вместе со «сказками», перечневными выписками и другими документами подобного рода могут помочь воссоздать общую картину важных изменений в судьбах провинциальной служилой элиты петровского времени.

Ключевые слова: ландратские книги, подворная перепись, Петр I, ландраты, подушная перепись, сказки, шляхетство, массовые источники

«Ландратскими» в историографии называют переписные книги, составленные по результатам последней в истории России подворной переписи, проведенной в 1715–1720 гг. Это название документы получили из-за того, что проведение переписи было поручено ландратам (помощникам губернатора на местах). В XVIII в. эти документы называли переписными книгами.

Несмотря на то, что материалы переписи 1715–1720 гг. представляют собой объемную фискальную документацию и имеют большие информативные возможности, использование этого вида источников в работах ученых представляет собой большую редкость. Итоги переписи, порученной ландратам, почти не привлекали внимание исследователей, лишь упоминавших о ней при изучении системы налогообложения или деятельности самого института ландратуры [Кранихфельд, с. 148; Богословский, с. 324–326; Ключевский, с. 386]. В XIX в. вопрос о полноценности и научной значимости ландратских книг как исторического источника даже не мог быть поставлен. Только в начале XX в. П. Н. Милюков выразил сомнения в их достоверности, предположив, что неудовлетворенность Петра I их составлением якобы и заставила его отказаться от подворных налогов в пользу подушного обложения [Милюков, с. 471–472]. Высказанное мнение вскоре закрепилось в науке.

Однако такие историки, как М. В. Клочков и Б. Б. Кафенгауз, полагали, что достоверность ландратских книг достаточно высока. М. В. Клочков считал, что данные ландратской переписи показали Петру I организационную неэффективность подворного обложения. По его мнению, в 1718 г. правительству стало ясно, что итоговое число дворов не превысит данные 1678 г., а значит, не позволит покрыть возросшие потребности государства. Именно этим и была обусловлена новая налоговая реформа, а не тем, что перепись, проводившаяся ландратами, была неудачно организована [Клочков, с. 420–421]. Б. Б. Кафенгауз полагал, что эта перепись со всей очевидностью показала властям сокращение числа дворов в России, причинами чего были реальная убыль населения и бегство низших податных слоев [Очерки истории СССР, с. 388–389]. В итоге практическая необходимость в новой системе взимания прямых налогов (то есть фактическое усиление податного бремени) заставила правительство отказаться от дальнейшего составления подворных переписей [Там же, с. 389].

Несмотря на мнения М. В. Клочкова и Б. Б. Кафенгауза, каких-либо масштабных исследований результатов ландратской переписи в науке осуществлено не было, что заставило ученых отказываться от использования их данных как непроверенных, а, значит, недостаточно надежных. Это характерно, в частности, для обсто-

ательной работы Я. Е. Водарского, прямо написавшего, что он не решился работать с ландратской переписью, поскольку она еще полноценно не изучена наукой [Водарский, с. 12]. Е. В. Анисимов также отказался от использования данных ландратской переписи как слабоизученной, хотя и согласился с мнением М. В. Ключкова о том, что оснований для признания ее недостоверной нет [Анисимов, с. 38]. Для современных историков характерно косвенное обращение к ландратским книгам, связанное с региональными исследованиями [Редин, 2005; Редин, 2012; Фурсов].

Давно назрела необходимость источниковедческого и конкретно-исторического изучения ландратских книг как массового исторического источника, не уступающих в своей полноценности предыдущим подворным переписям XVII в. (1646 и 1678 гг.).

Факт того, что ландратские книги редко привлекали внимание исследователей, отчасти можно объяснить историческими условиями их появления. В 1710 г., впервые после 1678 г., в России была проведена масштабная подворная перепись, но правительство, ознакомившись с ее результатами, отказалось принять их как достоверные. Было официально объявлено о небрежном отношении местных властей к переписи и о недобросовестной работе переписчиков [Доклады и приговоры, с. 302; Милюков, с. 471–472]. Затем в 1715 г. было принято решение о проведении новой переписи, которая поручалась ландратам – должностным лицам, появившимся в 1713 г. [ПСЗ-1, т. 5, № 2964, с. 185]. Как мы уже отмечали, в историографии неудачную перепись 1710 г. довольно часто путают с ландратской переписью. Более того, исследователи приводят в пример нелестные отзывы современников и официальных властей о переписи 1710 г., якобы относящиеся к переписи, проводившейся ландратами в 1715–1720 гг. [Лященко, с. 206; Струмилин, с. 322, 328]. Не дожидаясь окончания переписи в 1718 г., Петр I принял решение о переходе к новой системе сбора прямых налогов – подушной [ПСЗ-1, т. 5, № 3287, с. 618–620]. Несмотря на это, начатая ландратами работа была доведена до конца в 1720 г., после чего должности ландратов были упразднены.

Процесс хронологического составления ландратских книг можно представить в следующей диаграмме, которая отражает работу ландратских комиссий по времени с 1715 по 1720 г. Приведенные данные указывают на то, что основной массив ландратских книг был создан в 1716–1718 гг., то есть до того момента, когда Петр I объявил о переходе к подушному обложению, а значит, основная работа ландратов была окончена и перепись не была резко прервана. Судя по сохранившимся данным, к концу 1718 г. было составлено уже 86 % всех описаний (рис. 1).

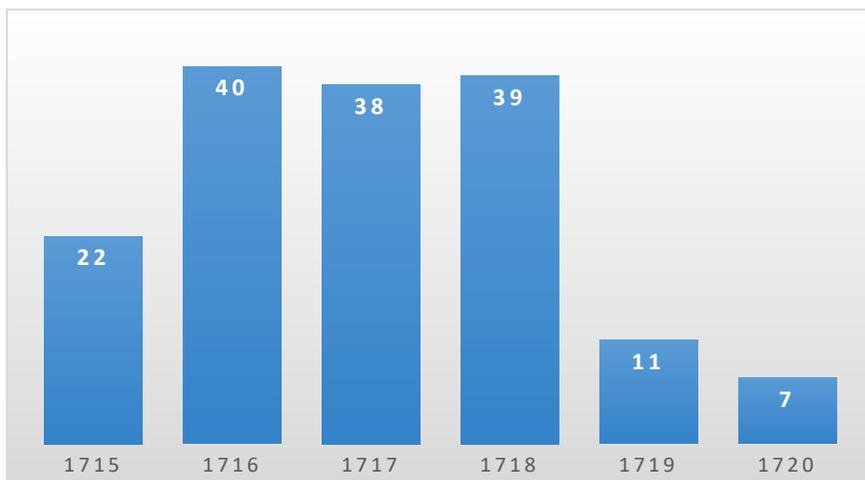

Рис. 1. Систематизация ландратских книг по времени составления

Комплекс ландратских книг достаточно обширен, а их данные охватывают значительную часть городов России¹. Все это указывает на перспективную возможность целостного изучения этого вида источника, которое могло бы дать историку подробную картину социально-экономического развития страны в 1715–1720 гг.

Ландратские книги неоднородны по своему составу и имеют сложную структуру, что обусловлено их большой информативной содержательностью, различными подходами составителей. Относительно условного формуляра их можно разделить на несколько групп: 1) составленные по типичному формуляру XVII в. (без колонок и таблиц); 2) четко разделенные на колонки-столбцы по тексту; 3) состоящие главным образом из сводных таблиц; 4) имеющие комбинированный формуляр. Использование того или иного принципа составления ландратской книги было связано исключительно с деятельностью ландрата, который исходил в этом вопросе из собственных соображений и видения итогов своей работы. Книги, от-

¹ РГАДА. Ф. 350 (Ландратские книги) – 144 единицы хранения; не выделены в отдельный комплекс документов и находятся вместе с переписными книгами 1710 г., различными частными переписями 1707, 1712–1714 гг., а также «сказками» и перечневыми книгами. В них представлена значительная часть городов Центральной России. В ряде случаев одна ландратская книга составлялась одновременно по нескольким городам и занимает в архиве одну единицу хранения (перепись Воронежа содержит данные по небольшим городам-крепостям Демшинску и Усмани; наряду с описанием Нижнего Новгорода, в ландратскую книгу были включены данные по Балахне, Юрьеву Польскому, Василию и Ядрину, а перепись Серпухова содержит сведения по Тарусе). Но иногда в описи отсутствуют указания на дополнительные сведения о других городах (например, ландратская книга Царёвококшайска (Казанская губерния) была составлена вместе с описанием расположенных рядом городов Яранска и Уржума) [РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 136], что необходимо учитывать в исследовательской практике.

носящиеся к первой группе, – дань ушедшей эпохе, они почти ничем не отличаются от переписных книг 1678 г. Книги второй и третьей групп представляют собой совершенно новый формуляр и, кажется, лучше отвечали практическим задачам. Четкое разделение на столбцы и унификация информации отражают тот «регулярный» характер управления и делопроизводства, к которому так стремился в своей деятельности сам Петр I².

Содержательная сторона ландратских книг неравнозначна. Некоторые из них весьма подробны, содержат материал для отдельного исследования, другие слишком обобщенны и охватывают не так много конкретной информации. Однако в любом случае все ландратские книги – ценный источник по социальной истории Российского государства. В каждой из них состав городского и уездного общества представлен достаточно четко. Здесь встречаются упоминания и о традиционных группах населения, и о новых социальных единицах. В ландратской переписи нашли свое отражение признаки формирования новой общественной градации: калейдоскоп чинов Московского государства в контексте налоговых преобразований постепенно заменяют крупные обобщенные понятия. Например, крестьяне, бобыли и деловые люди уже объединены в одну общую категорию. В этом обобщении нетрудно заметить прообраз будущего сословного разделения подданных российской короны.

В качестве примера содержательной информативности рассмотрим ландратскую книгу по Туле 1715 г. [РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 427]. Она состоит из 900 листов и составлялась ландратом Гаврилой Журавлевым. Эта объемная перепись содержит подробную и весьма интересную информацию о причинах убыли населения (переведены, вымерли, бежали, взяты в солдаты) с указанием численности по каждому случаю. Такие данные могли бы стать предметом отдельного изучения, поскольку отражают социально-экономическую и демографическую ситуацию своего времени.

Перепись зафиксировала следующие категории населения Тулы: церковнослужители, дворовые люди, «дворяне», рейтары, солдаты, пушкари и воротники, подьячие, представители гостиной сотни, посадские люди, кирпичники, гончары, ямщики, нищие [Там же. Л. 844]. Такой состав жителей был обусловлен тем, что Тула являлась крупным торговым и ремесленным центром. Здесь проживали представители многих традиционных социальных групп: члены гостиной сотни (13 чел.), воротники и пушкари (15 чел.), рейтары и солдаты (150 чел.), церковнослужители различных рангов (623 чел.). Наличие крупного военного контингента указывает на то, что город был важным стратегическим пунктом. Посадские люди составляли основную часть жи-

² Практика разбивки текста на столбцы и введения таблиц была заложена с первых лет XVIII в. и просуществовала до середины XIX в. Позднее она отразилась в документах подушной переписи.

телей города, их число, согласно переписи, составило 1350 чел. Наличествует такая группа лиц, как «дворяне»: скорее всего, под этим термином следует видеть представителей различных московских чинов. Население Тульского уезда было представлено помещиками и вотчинниками (1697 чел.), и крестьянами и бобылями (4675 чел.). В среднем на каждого землевладельца в уезде приходилось примерно по три крестьянина. Следует учитывать, что крестьянские дворы распределялись на поместных землях неравномерно. Такое соотношение сложилось здесь исторически, поскольку в XVI–XVII вв. на южных территориях Тульского края крестьян было недостаточно, а еще южнее их количество было и вовсе минимальным [Ляпин, 2015].

Социальный состав населения, отразившийся в ландратских книгах, во многом зависел от специфики региона. Изучение всех книг в совокупности могло бы дать интересные сведения по социальному, военному и национальному составу Российского государства как важным факторам, формировавшим исторические условия, в которых приходилось действовать создателям «регулярного государства» – Петру I и его соратникам [Нефедов].

Ландратская перепись фиксирует не только податное население: она упоминает помещиков и вотчинников, которые в отдельных книгах записаны по фамилиям, с указанием общей численности. Это делалось для того, чтобы распределить записанных за ними крестьян и дворовых людей. Задачи учитывать помещиков как таковых у ландратов не было. В ландратских книгах отразилось образование нового слоя уездной провинциальной элиты, зафиксированного под обобщенным термином «помещиков и вотчинников». Сам по себе этот термин отсылает нас к предыдущему столетию, в котором владение землей являлось привилегией «служилых по отечеству» [Захаров, 2013]. В это же время в синхронных документах появляется и применимое к помещикам и вотчинникам обозначение «шляхетство», которое в изученных нами ландратских книгах не встречается [Захаров, 2015; Полонский; Черников, с. 2]. По всей вероятности, это связано с тем, что ландратские книги были более инерционны относительно терминологии, в отличие от служебно-учетных и законодательных документов. Процесс изменений правящей дворянской элиты во многом зависел от региональной специфики, и ландратские книги предоставляют уникальную возможность отследить его на конкретном массовом материале. Привлечение других источников, например, данных «сказок», разнообразных служебных списков, наряду с данными ландратских книг, позволит наглядно увидеть судьбу сложной картины трансформации служилых групп петровского времени [Захаров, 2015].

В целом же перепись жителей центральных и северо-восточных регионов Европейской России показывает преобладание крестьянского и посадского населения, а для южных и юго-западных окраин было характерно значительное численное превосходство служилого

населения. Несмотря на то, что граница государства отодвинулась далеко на юг, традиционной социальной группой для орловских, воронежских, отчасти тульских мест были однодворцы – потомки служилого населения эпохи заселения территории за Окой, начавшегося еще во второй половине XVI в. [Ляпин, 2010]. Термин «однодворцы» в книге встречается нечасто, даже относительно Азовской губернии, на территории которой помещики без крестьян в XVII в. составляли главный элемент уездного общества. Зато однодворцы присутствуют в некоторых книгах Киевской губернии, в частности, в сводных данных по Мирополью [РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 240. Л. 140].

Сложный состав населения наблюдался в Поволжье и на Украине. Описывая земли в районе Устюга Великого, переписчики собрали ценные данные о населении земель кн. А. Д. Меншикова и Строгановых [Там же. Д. 436].

В описании Кадома и Казани содержатся дополнительные сведения о местных мурзах и татарах, сведенные в единую книгу [Там же. Д. 131, 143]. В переписи Каширы и Краснослободска имеются данные о мордовском населении [Там же. Д. 177, 211]. Обстоятельная ландратская книга по Нижегородскому уезду [Там же. Д. 266] и менее объемная по Мирополью включают описание украинского населения («черкасы»), которые среди прочих населяли многие уезды Азовской губернии [Там же. Д. 240]. Описание Пензы само по себе очень подробно и содержит ценные сведения о местных чувашах, а ландратская книга города Цивильска включает отдельные сведения о так называемых «ясачных чувашах» [Там же. Д. 307, 446]. При переписи Темникова и Нижнего Ломова была составлена дополнительная книга с описанием проживавших здесь татар [Там же. Д. 270, 416]. Таким образом, материалы переписей содержат сведения об этнонациональном составе населения России.

Ландратские книги часто включают в себя дополнительные сведения самого различного характера. Например, перечневые выписки (Нижний Ломов, Скопин) [Там же. Д. 270, 370], перечни запустевших земель, деревень и погостов (Дорогобуж, Козельск, Саранск, Углич, Шуя) [Там же. Д. 111, 186, 357, 430, 470], перечень рода занятий посадских людей (Казань, Кашин, Курск, Тверь, Углич) [Там же. Д. 153, 174, 217, 413, 430], перечень мельниц, рыбных ловель, бортных ухажьев (Болхов, Севск) [Там же. Д. 35; 361], оброчные книги (Курск) [Там же. Д. 215], списки крестьян в черкасских слободах (Нижегородский уезд) [Там же. Д. 266], перепись монастырей (Коротояк, Нижний Ломов) [Там же. Д. 200. Л. 1–29; Д. 268], ведомости о сборе провианта с однодворцев (Мирополье), описание артиллерии (Костенск) [Там же. Д. 201. Л. 1–71], «сказки» приказчиков винокуренных заводов о состоянии заводов и «работных в них людях» (Вольный, Кашира) [Там же. Д. 93. Л. 196–511; Д. 176. Л. 195–200], список переселенцев и места их переселения (Калуга) [Там же. Д. 918–933], реестр работных людей (Дорогобуж) [Там же. Д. 111. Л. 286–323], данные об окладных сборах (Белев, Болхов) [Там же. Д. 25. Л. 1224–1232; Д. 35. Л. 799–1238],

а в ландратской книге по Елатье отдельно описаны дворы людей, принадлежавших купцам Строгановым [РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 112].

Ландраты записывали в свои книги в качестве дополнительных приложений сведения, связанные с фискальными задачами. Изучение этих данных в совокупности с материалами самой переписи позволяет представить довольно подробную картину социально-экономического развития конкретного региона. По нашим подсчетам, дополнительные сведения содержат 46 ландратских книг, что составляет 31 % от их общего числа. Отдельно следует обратить внимание на обстоятельные описания Севска, Новгорода, Москвы, Казани, Смоленска и Ярославля [Там же. Д. 361, 248–263, 283–293, 136–141, 372–373, 479–504], содержащие данные о демографии и национальном составе жителей, а в казанской книге показаны даже важнейшие дороги, проходящие в губернии.

Таким образом, информативные возможности ландратских книг представляются нам довольно значительными. Они содержат не только фискальные данные, но вне зависимости от полноты и точности представленной в них информации отражают реальные социально-экономические процессы, происходившие в стране в 1715–1720 гг., а также могут быть использованы для работ в русле биографики и просопографии. В этом отношении ландратские книги превосходят полнотой и разнообразием данных переписи 1646 и 1678 гг. Важно отметить, что более 90 % ландратских книг показывают информацию в сравнении с данными 1678 г., что особенно ценно. Интересным могло бы быть сравнение реальных данных переписи 1678 г. и тех, что представлены под этим же годом в ландратских книгах. Многие ландраты включали в свои рукописи не только сравнительные данные двух переписей, но и причины, повлиявшие на динамику подведомственного им населения. Часть ландратских книг была составлена в соотношении с итогами переписи 1710 г. Хотя эти данные нуждаются в проверке, все же это отражает историю конкретных фамилий и родов, показывая нам их судьбы за сорокалетний период (с 1678 г.).

Список литературы

Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I : Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. Л. : Наука, 1982. 296 с.

Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27 гг. М. : Университет. тип., 1904. XVI, 521, [1], 44, [1] с.

Водарский Я. Е. Население России в конце XVII – начале XVIII в.: численность, сословно-классовый состав, размещение. М. : Наука, 1977. 263 с.

Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительственном Сенате в царствование Петра Великого / под ред. Н. Ф. Дубровина. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1901. Т. 6. Кн. 1. 464 с.

Захаров А. В. «Государев двор» и царедворцы Петра I: проблемы терминологии и реконструкции службы // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750) / отв. сост. Н. Н. Петрухинцев, Л. Эррен. М. : РОССПЭН, 2013. С. 10–44.

Захаров А. В. Проект информационной системы «Сказки генерального смотра шляхетства 1721–1722 гг.» в контексте изучения массовых источников и регестов // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2015. № 16 (371). История. Вып. 65. С. 130–139.

Клочков М. В. Население России при Петре Великом по переписям того времени. СПб. : Сенат. тип., 1911. VI, 435 с.

Ключевский В. О. История сословий в России // Ключевский В. О. Собр. соч. : в 9 т. М. : Мысль, 1989. Т. 6. С. 225–388.

Кранихфельд А. Взгляд на финансовую систему и финансовые учреждения Петра Великого. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1845. 53 с.

Ляпин Д. А. Из помещиков в крестьяне: о происхождении сословия государственных крестьян-однодворцев // История в подробностях. 2010. № 6. С. 11–16.

Ляпин Д. А. Расслоение провинциального дворянства в России и социально-политическая борьба во второй половине XVII в. // Рос. история. 2015. № 5. С. 42–53.

Ляценок П. И. История русского народного хозяйства. 2-е изд. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1930. 566 с.

Милуков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 2-е изд. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1905. XIV, [2], 678, [1] с.

Нефедов С. А. Происхождение «регулярного государства» Петра Великого // Вопр. истории. 2013. № 12. С. 53–65.

Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I / под ред. Б. Б. Кафенгауза, Н. И. Павленко. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1954. 815 с.

ПСЗ. Собр. 1. Т. 5.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 25, 35, 93, 111–112, 131, 136–141, 143, 153, 174, 176–177, 186, 200–201, 211, 215, 217, 240, 248–263, 266, 268, 270, 283–293, 307, 357, 361, 370, 372–373, 413, 416, 427, 430, 436, 446, 470, 479–504, 918–933.

Редин Д. А. Сибирские ландраты. 1714–1720 гг. : (Материалы к исследованию) // Петровское время в лицах – 2005. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. С. 181–194.

Редин Д. А. Сибирская ландратура: место вятских ландратов в структуре губернского управления периода первой областной реформы Петра Великого // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2012. № 3 (105). С. 31–47.

Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России. М. : Соцэкгиз, 1960. 548 с.

Фурсов С. В. Город Добрый и уезд по материалам ландратской переписи 1716 г. // История: факты и символы. 2018. № 4 (17). С. 86–94. DOI 10.24888/2410-4205-2018-16-3-86-94.

Черников С. В. Правящая элита России 1725–1762 гг.: массовые источники биографического характера и методика их анализа // Гуманитар. вестн. 2016. № 12 (50). С. 2–18. DOI 10.18698/2306-8477-2016-12-405.

References

Anisimov, E. V. (1982). *Podatnaya reforma Petra I. Vvedenie podushnoi podati v Rossii 1719–1728* gg. [The Tax Reform of Peter I. The Introduction of the Capitation Tax in Russia 1719–1728]. Leningrad, Nauka. 296 p.

Bogoslovskii, M. M. (1904). *Oblastnaya reforma Petra Velikogo. Provintsiya 1719–27* gg. [The Regional Reform of Peter the Great. Province 1719–27]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. XVI, 521, [1], 44, [1] p.

Chernikov, S. V. (2016). Pravyashchaya elita Rossii 1725–1762 gg.: massovye istochniki biograficheskogo kharaktera i metodika ikh analiza [The Ruling Elite of Russia 1725–1762: Mass Sources of a Biographical Nature and Methods of Their Analysis]. In *Gumanitarnyi vestnik*. No. 12 (50), pp. 2–18. DOI 10.18698/2306-8477-2016-12-405.

Dubrovin, N. F. (Ed.). (1901). *Doklady i prigovory, sostoyavshiesya v pravitel'stvennom Senate v tsarstvovanie Petra Velikogo* [Reports and Sentences in the Governing Senate during the Reign of Peter the Great]. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. Vol. 6. Book 1. 464 p.

Fursov, S. V. (2018). Gorod Dobryi i uезд po materialam landratskoi perepisi 1716 g. [The Town and Uyezd of Dobry with Reference to the Landrat Census of 1716]. In *Istoriya: fakty i simvol'y*. No. 4 (17), pp. 86–94. DOI 10.24888/2410-4205-2018-16-3-86-94.

Kafenhaus, B. B., Pavlenko, N. I. (Eds.). (1954). *Ocherki po istorii SSSR. Period feodalizma. Rossiya v pervoi chetverti XVIII v. Preobrazovaniya Petra I* [Essays on the History of the USSR. Feudal Period. Russia in the First Quarter of the 18th Century. Reforms of Peter I]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 815 p.

Klochkov, M. V. (1911). *Naselenie Rossii pri Petre Velikom po perepisyam togo vremeni* [The Population of Russia under Peter the Great According to Censuses of That Time]. St Petersburg, Senatskaya tipografiya. VI, 435 p.

Klyuchevskii, V. O. (1989). *Istoriya soslovii v Rossii* [A History of Estates in Russia]. In Klyuchevskii, V. O. *Sobranie sochinenii v 9 t.* Moscow, Mysl'. Vol. 6, pp. 225–388.

Kranichfeld, A. (1845). *Vzglyad na finansovuyu sistemu i finansovye uchrezhdeniya Petra Velikogo* [A Look at the Financial System and Financial Institutions of Peter the Great]. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 53 p.

Lyapin, D. A. (2010). *Iz pomeshchikov v krest'yane: o proiskhozhdenii sosloviya gosudarstvennykh krest'yan-odnodvortsev* [From Landowners to Peasants: On the Origin of the Estate of State Single Householders]. In *Istoriya v podrobnostyakh*. No. 6, pp. 11–16.

Lyapin, D. A. (2015). *Rassloenie provintsial'nogo dvoryanstva v Rossii i sotsial'no-politicheskaya bor'ba vo vtoroi polovine XVII v.* [The Stratification of the Provincial Nobility in Russia and Socio-Political Struggle in the Second Half of the 17th Century]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 5, pp. 42–53.

Lyashchenko, P. I. (1930). *Istoriya russkogo narodnogo khozyaistva* [A History of the Russian National Economy]. 2nd Ed. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 566 p.

Milyukov, P. N. (1905). *Gosudarstvennoe khozyaistvo Rossii v pervoi chetverti XVIII stoletiya i reforma Petra Velikogo* [The State Economy of Russia in the First Quarter of the 18th Century and the Reforms of Peter the Great]. 2nd Ed. St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha. XIV, [2], 678, [1] p.

Nefedov, S. A. (2013). *Proiskhozhdenie "regulyarnogo gosudarstva" Petra Velikogo* [The Origin of the "Regulation State" of Peter the Great]. In *Voprosy istorii*. No. 12, pp. 53–65.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. 5.

Redin, D. A. (2005). *Sibirskie landraty. 1714–1720 gg. (Materialy k issledovaniyu)* [Siberian Landrats. 1714–1720 (Materials for Research)]. In *Petrovskoe vremya v litsakh – 2005*. St Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, pp. 181–194.

Redin, D. A. (2012). *Sibirskaya landratura: mesto vyatskikh landratov v strukture gubernskogo upravleniya perioda pervoi oblastnoi reformy Petra Velikogo* [Siberian Landratura: The Place of Vyatka Landrats in the Structure of the Provincial Administration during the First Regional Reform of Peter the Great]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. No. 3 (105), pp. 31–47.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 350. List 1. Dos. 25, 35, 93, 111–112, 131, 136–141, 143, 153, 174, 176–177, 186, 200–201, 211, 215, 217, 240, 248–263, 266, 268, 270, 283–293, 307, 357, 361, 370, 372–373, 413, 416, 427, 430, 436, 446, 470, 479–504, 918–933.

Strumilin, S. G. (1960). *Ocherki ekonomicheskoi istorii Rossii* [Essays on the Economic History of Russia]. Moscow, Sotsekgiz. 548 p.

Vodarskii, Ya. E. (1977). *Naselenie Rossii v kontse XVII – nachale XVIII v.: chislennost', soslovno-klassovyi sostav, razmeshchenie* [The Population of Russia at the End of the 17th – Early 18th Centuries: Size, Estate-Class Composition, Location]. Moscow, Nauka. 263 p.

Zakharov, A. V. (2013). "Gosudarev dvor" i tsaredvortsy Petra I: problemy terminologii i rekonstruktsii sluzhby [The "Sovereign Court" and Courtiers of Peter I: Problems of Terminology and the Reconstruction of the Service]. In Petrukhintsev, N. N., Erren, L. (Eds.). *Pravyashchie elity i dvoryanstvo Rossii vo vremya i posle petrovskikh reform (1682–1750)*. Moscow, ROSSPEN, pp. 10–44.

Zakharov, A. V. (2015). *Proekt informatsionnoi sistemy "Skazki general'nogo smotra shlyakhetstva 1721–1722 gg." v kontekste izucheniya massovykh istochnikov i regestov* [The Plan of the Information System "Tales of the General Review of the Gentry of 1721–1722" in the Context of Studying Mass Sources and Registers]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 16 (371). Iss. 65, pp. 130–139.

ПЕТР I И РОСТ ИНТЕРЕСА РОССИИ К ОСВОЕНИЮ ТИХОГО ОКЕАНА, 1711–1722*

Александр Петров

Институт всеобщей истории РАН,
Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия

Алексей Ермолаев

Кемеровский государственный университет,
Кемерово, Россия

Мария Коскина

Ярославский государственный университет,
Ярославль, Россия

PETER THE GREAT AND RUSSIA'S GROWING INTEREST IN THE EXPLORATION OF THE PACIFIC OCEAN, 1711–1722**

Alexander Petrov

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow State Linguistics University,
Moscow, Russia

Alexey Yermolaev

Kemerovo State University,
Kemerovo, Russia

Maria Koskina

Yaroslavl State University,
Yaroslavl, Russia

This article discusses the reasons for the Russian government's interest in the exploration of the Pacific frontiers in the early eighteenth century. The authors pay special attention to the expeditions organised before the First Kamchatka expedition. Those expeditions were organised by I. M. Evreinov, F. F. Luzhin,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20–09–42044.

** Citation: Petrov, A., Yermolaev, A., Koskina, A. (2021). Peter the Great and Russia's Growing Interest in the Exploration of the Pacific Ocean, 1711–1722. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 1. P. 265–280. DOI 10.15826/qr.2021.1.578.

Цитирование: Petrov A., Yermolaev A., Koskina A. Peter the Great and Russia's Growing Interest in the Exploration of the Pacific Ocean, 1711–1722 // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 1. P. 265–280. DOI 10.15826/qr.2021.1.578 / Петров М., Ермолаев А., Коскина М. Петр I и рост интереса России к освоению Тихого океана, 1711–1722 // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 1. С. 265–280. DOI 10.15826/qr.2021.1.578.

I. Kozyrevsky, Ya. A. Yelchin, and others. The authors clarify which expeditions were organised at the personal order of Peter the Great and study them in the context of the international situation. Special attention is paid to the debatable aspects of the orders of Peter the Great regarding the expeditions of Evreinov and Luzhin. The article is relevant because of the growing attention of researchers to the history of the Far East and the Pacific Ocean. Referring to new materials, the authors revise the opinion existing in the literature on the spontaneity of Peter the Great's decision to explore the Pacific Ocean. The article provides information on different categories of the Russian population and the diversity of the Russian regions that took part in the exploration of the Pacific. The article demonstrates how the expeditions of 1711 and 1722 contributed to strengthening Russia's position in the Far East. The authors employ an interdisciplinary approach, using the latest achievements in historical studies, traditional methods (comparative, genetic, the history of state and law) and new approaches (microhistory, historical psychology, the history of everyday life, historical anthropology, and ethnohistory). The study's main results are the analysis of the projects and direct activities of Russian expeditions to America in the early eighteenth century. The authors also reveal the reasons for government interest in the eastern borders of Russia, which consisted of the country's imperial status and its international position.

Keywords: Peter the Great, eighteenth century, Pacific Ocean, America, expeditions, Russian Empire

Рассматриваются причины формирования интереса российского правительства к исследованию тихоокеанских рубежей России в начале XVIII в. В центре внимания находится анализ экспедиций под руководством И. М. Евреинова, Ф. Ф. Лузина, И. П. Козыревского, Я. А. Ельчина и др., связанных с изучением севера Тихого океана, организованных до Первой Камчатской экспедиции. Отмечается, какие плавания были организованы по личному указу Петра I. Экспедиции рассматриваются в контексте международной обстановки того времени. Особое внимание уделяется дискуссионным аспектам в оценке распоряжений Петра I в отношении плаваний Евреинова – Лузина. Актуальность темы определяется растущим вниманием исследователей к истории Дальнего Востока и Тихого океана. На основании новых материалов авторы пересматривают имеющееся в литературе мнение о спонтанности принятия Петром I решения по изучению Тихого океана. Отмечается, из каких регионов России и какие категории населения принимали участие в морских экспедициях. Показано, как исследования 1711–1722 гг. способствовали укреплению России на Дальнем Востоке. Статья написана на основе междисциплинарного подхода. Методология, применявшаяся при написании статьи, опирается на современные достижения исторической науки. Были применены как традиционные методы (сравнительный, генетический, история государства и права), так и новые – элементы микроистории, исторической психологии и истории повседневности, исторической антропологии и этноистории. Основные результаты исследования связаны с анализом проектов и непосредствен-

ной деятельности российских экспедиций первой половины XVIII в., направленных на освоение Америки. Выявлены причины формирования интереса правительства к восточным окраинам России, которые заключались в имперском статусе страны и ее международном положении.

Ключевые слова: Петр Первый, XVIII в., Тихий океан, Америка, экспедиции, Российская империя

Петру Первому были свойственны имперские амбиции. Он стремился не только обеспечить выход России к Балтике, но и решить вопрос с восточными окраинами Российского государства. При рассмотрении хронологии достижений Петровской эпохи можно обратить внимание, что успешный выход в Западную Европу через Балтийское море позволял обратить взор на восток, заняться изучением Сибири, Дальнего Востока и Тихого океана. Между тем, именно восточное направление достаточно долго обдумывалось Петром I до принятия исторического решения послать в 1725 г. экспедицию под командованием молодого датчанина на русской службе Витуса Беринга. Развитие экономики и торговли, успехи в науке и технике, усовершенствование судостроения и подготовка квалифицированных кадров стали предпосылками для организации исследовательских экспедиций.

Территория на северо-западе Америки издавна привлекала внимание многих держав. С одной стороны, у европейских государств наблюдалась заинтересованность в расширении научных знаний о мире, с другой – они вели напряженную борьбу за природные ресурсы, развитие промыслов и торговли. Конкуренция стран за расширение сфер влияния являлась одной из важнейших причин дальнейшего поиска и освоения новых земель.

Отечественные и зарубежные исследователи неоднократно обращались к изучению вопросов, связанных с историей севера Тихого Океана. Среди многообразия работ нам хотелось бы выделить те из них, которые оказали на нас наибольшее влияние при подготовке данной публикации. П. А. Тихменев [Тихменев], Ф. Голдер [Golder], А. В. Ефимов [Ефимов, 1971], Н. Н. Болховитинов, Б. П. Полевой, В. Вилар [Vilar] в своих трудах рассмотрели географические исследования в Сибири, на Дальнем Востоке, которые способствовали плаваниям русских в Тихом океане [История Русской Америки, т. 1].

В 1639 г. томский казак Иван Москвитин вышел к берегам Охотского моря, после чего дальнейшее продвижение русских на север Тихоокеанского региона стало вопросом времени. На географических картах второй половины XVII в. уже были отражены результаты плаваний С. И. Дежнева (1648) и И. М. Рубца (1662) из Ледовитого океана в Тихий. Отмечалось, что сибирский восточный берег омывается морем. Позднее на других русских картах (А. Винюса, Н. Спафария и пр.) стали показывать простирающиеся далеко в море «носы» [Петров].

В сочинении Н. Г. Спафария, который посетил Китай в середине 70-х гг. XVII в., утверждалось, что на востоке Сибири может быть горный хребет, который «идет до самого западного Индия, до Нового Света» [Спафарий, с. 123]. Так в России впервые возник вопрос, соединяется ли Азия с Америкой перешейком. Этот вопрос интересовал и голландского географа Николааса Витсена. На основе всех собранных данных Н. Витсен подготовил «Карту Северной и Восточной Тартарии, 1687». При изображении северо-восточной оконечности Азии Витсен показал два полуострова, не имевших конца. При этом автор написал, что точно не знает, соединяется ли Азия с Америкой в этом районе.

Тобольский воевода С. И. Салтыков уверенно говорил, что между Америкой и Азией имеется пролив. Более того, Салтыков сообщал, что по этому проливу несколько раз суда огибали Ледяной мыс (Чукотку). Петр I пообещал прислать Витсену из России разные документы, подтверждающие возможность плавания по проливу. Это обещание было выполнено. В самом начале XVIII века голландский географ получил документы из Москвы [История Русской Америки, т. 1, с. 44–45].

Контакты Витсена и Петра I доказывают не только то, что российские власти в конце XVII в. знали о наличии пролива между Азией и Америкой, но и то, что у них в период правления Петра в нашем отечестве проявился интерес к заокеанским землям, находящимся восточнее Камчатки. Между тем, к началу XVIII в. территории на северо-западе Тихого океана оставались еще не освоенными. В процессе освоения русскими промышленниками ближайших к Камчатке островов возникло убеждение в существовании богатого пушиной региона к югу от них. Географические открытия, помимо расширения научных знаний, напрямую могли способствовать образованию «заморских» колониальных владений. Это, в свою очередь, способствовало бы усилению международного положения страны и закреплению за ней имперского статуса.

Годы с 1711-го по 1722-й весьма любопытны с точки зрения формирования политики государства по отношению к своим восточным окраинам и возможности дальнейшего «движения за океан». По имеющимся в нашем распоряжении архивным документам и опубликованным источникам можно определить этот период как «экспедиционно-исследовательский». Царский двор еще не решался послать официальную полномасштабную морскую экспедицию, но и сведениям, полученным в середине XVII в., доверял не полностью. Поэтому для выяснения нужных географических данных были направлены состоящие на морской службе опытные люди; вместе с представителями казачества, которое проживало в Сибири, создавались необходимые инструкции, осуществлялась всесторонняя подготовка к плаванию, были задействованы представители власти на местах, что отличало этот исследовательский период от предыдущего. Каждое из состоявшихся тогда плаваний является исключи-

тельно важным, так как позволяет понять последующую политику государства в регионе на пути образования заморской колониальной империи. В данной статье мы отмечаем лишь наиболее важные экспедиции, которые были направлены, как правило, по личному указанию Петра I. Нам еще предстоит выяснить региональные путешествия, сведениями которых пользовались «государевы люди».

На формирование интереса российского правительства к исследованию тихоокеанских рубежей в начале XVIII в. оказали влияние стремление к расширению территории государства, научные исследования, экономические выгоды, развитие торговых отношений, усиление позиций в Тихоокеанском регионе, личность Петра I и др. В странах Европы также наблюдался рост интереса к восточным берегам Российской империи. В 1716 г. Парижская академия наук обратилась к Петру I с просьбой о пропуске своих ученых в Сибирь для изучения взаиморасположения Азии и Северной Америки. Он отказал им в просьбе, пообещав при этом, что Россия сама осуществит это исследование, а французским ученым затем сообщат интересующие их данные [Ваксель, с. 23].

Еще в 1711 г. в Западную Европу для изучения корабельного ремесла и покупки судов был направлен доверенный царю человек Федор Степанович Салтыков, сын тобольского воеводы С. И. Салтыкова. Важнейшая задача, которую ему следовало решить, касалась приобретения кораблей для русского флота и изучения технологии их постройки. Думается, что к этому времени Петр I пришел к мнению, что Россия вряд ли может конкурировать с Нидерландами и Англией в вопросе строительства судов, предназначенных для дальних океанских походов.

24 апреля 1713 г. Ф. С. Салтыков обратился с посланием к Петру I с предложением построить суда и по сибирским рекам добраться до Тихого океана. Он предполагал, что можно построить в устье Енисея корабли, на которых вполне возможно обогнуть северо-восточную оконечность Азии и выйти из Ледовитого океана в Тихий. Далее корабли могли добраться до самого Китая. По мнению Салтыкова, это могло способствовать развитию морской торговли с Поднебесной, что было весьма выгодно для России. Предполагалась и возможность отправления судов в Европу для торговли лесом [Пропозиции Федора Салтыкова, с. 28–29].

Вскоре Салтыков подготовил подробный проект, который был представлен царю в 1714 г. Салтыков предложил план по поиску и использованию морского пути от Архангельска в Тихий океан. По его мнению, для этого было необходимо построить морские суда в Архангельске и сибирских городах и изучить выходы к морям через реки Амур и Енисей. Он полагал, что в этом случае можно было составить конкуренцию западным торговым компаниям в Китае и других восточных странах [Из записки Ф. С. Салтыкова]. Обращает на себя внимание, что Ф. С. Салтыков был убежден в том, что пролив между Азией и Америкой существует и является вполне судоходным.

С этого времени власти предпринимают реальные шаги по изучению морских путей на Дальнем Востоке России. Благодаря походам Атласова стал хорошо известен сухопутный путь с Чукотки на Камчатку, но морского пути русские в то время еще не знали. Чтобы выяснить его, царь в 1713 г. дал указ якутскому воеводе полковнику Якову Агеевичу Ельчину об организации морской экспедиции. На основе этого указа в июле 1714 г. воевода составил наказную память служилому человеку Козьме Соколову, мореходу Якову Невейцыну и пятидесятнику Михаилу Кривоносову об организации похода на Камчатку. Им следовало идти по рекам из Якутска до Охотского острога, а затем через Ламское (Охотское) море на Камчатский нос, где надлежало получить сведения от государевых людей, а затем вернуться тем же путем. Одновременно указывалось собирать информацию о новых островах, которые могли встретиться им во время плавания [Наказная память якутского воеводы полковника Я. А. Ельчина].

Подготовка плаваний проходила в условиях становления российского колониального права. Для начала XVIII в. стали характерными отсутствие свода законов, которые бы регулировали приобретение и освоение новых территорий (основную роль здесь играли право первооткрытия и перевозаселения), их включение в экономический оборот, порядок организации и функционирования торговых (купеческих) компаний и предоставление льгот отдельным купцам. Преобладала частнопредпринимательская составляющая. Это было вызвано тем, что территория северной части Тихого океана находилась далеко от органов центральной власти, которые имели возможность лишь косвенно влиять на участников экспедиций и следить за соблюдением законодательства [Петров, Савельев, Климент, с. 101–112].

Выполняя царский указ, К. Соколов вместе с командой отправился в тот же месяц из Якутска в Охотск. Добравшись до Охотска, на реке Кухтуй он заложил судно типа североморской ладьи. В мае 1716 г. ладью спустили на воду, дав ей название «Восток». Это было первое русское морское судно, построенное на Дальнем Востоке. В июне того же года экспедиция в составе 27 чел. под руководством К. Соколова и Н. Трески отправилась в плавание. Судно успешно преодолело Охотское море и подошло к западному берегу Камчатки в районе реки Тигиль. Однако высадиться на побережье не удалось из-за сильного шторма. Сильным ветром ладью снесло к охотскому побережью. Тем не менее, Козьма Соколов совершил вторую попытку. На этот раз она оказалась успешной. «Восток» причалил к полуострову. На Камчатке команда перезимовала и отправилась в обратный путь в мае 1717 г. Попав в ледовую ловушку, ладья пять недель дрейфовала по Охотскому морю, но все же в июне благополучно добралась до Охотска. В августе того же года Соколов прибыл в Якутск с рапортом о плавании. Главным результатом похода «Востока» стало открытие морского пути из Охотска на Камчатку [Алексеев, с. 28–32].

Одновременно с поисками морского пути из Охотска на Камчатку проводились изыскания вдоль западного побережья самого полуострова и южной его оконечности. Инициатива исследований в данном случае исходила от самих казаков, служивших на Камчатке. Так, известен поход казака Ивана Петровича Козыревского летом 1713 г. из Верхнекамчатского острога вдоль восточного побережья полуострова с выходом к северным Курильским островам. Этот поход был совершен после того, как казаки спасли нескольких японцев, выброшенных на побережье Камчатки несколькими годами ранее во время тайфуна, и после экспедиции Данилы Яковлевича Анциферова и Козыревского 1711 г., которая положила начало изучению Курильских островов [Дивин, с. 26–27]. Японцев обучили русскому языку и узнали от них о месторасположении их родины. Чтобы проверить морской путь с Камчатки к берегам Японии, был совершен поход Козыревского [Полевой, 1982, с. 20–21].

О результатах похода Козыревского анадырский приказчик Татаринов сообщил якутскому воеводе Я. А. Ельчину в октябре 1714 г. В своей «отписке» он говорил, что по приказу великого государя «с Камчатки, с Большой реки, для проведывания Апонского государства за перелевы от Камчацкого Носу на острова» был направлен Иван Козыревский со служилыми людьми численностью 55 чел. Ему удалось обнаружить три острова и вернуться на Камчатку. Им был составлен чертеж островов до Матманского острова [Из отписки капитана П. Татаринова].

В 1715 г. Ельчин составил подробное донесение, адресованное в Кабинет Петра I, с изложением обстоятельств похода И. Козыревского. Якутский воевода сообщил, что расстояние от Камчатки до островов невелико. На одном из островов они встретили множество местных жителей. От них они узнали, что японцы «из Матманского города» часто приезжают с товарами, привозят одежду, медные и чугунные изделия, сабли и другое оружие и выменивают свои товары на шкуры лисиц и бобров. По сведениям иноземцев, островов очень много, до 70 и более [РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 43. Л. 375–376].

Параллельно с исследованиями северных Курильских островов русские казаки занимались изучением южных берегов Охотского моря. Имея царский указ о разведывании новых земель, приказчик Удского острога сын боярский Василий Игнатьев приказал отправиться в морской поход группе казаков под командованием Ивана Быкова. В 1712 г. в Удском остроге были построены две лодки, которые отправились в плавание вниз по реке. Отряд казаков численностью 10 чел. проследовал вдоль берега до устья реки Тугур, где к ним присоединился еще один отряд, высланный из Удского острога, под командованием Семена Анабары. Близ устья реки Тугур казаки вынуждены были зазимовать. В мае 1713 г. С. Анабара и И. Быков с несколькими казаками совершили плавание на Шантарские острова. На одном из островов они нашли «иноземную женку», которая,

прожив у них около четырех недель, бежала. Целый год, с июня 1713 по июнь 1714 г., группа казаков жила на островах, занимаясь промыслом зверя, после чего они вернулись сначала в Удский острог, а потом были посланы в Якутск для объяснения своих действий. В октябре 1714 г. казаки были допрошены в приказной избе воеводой Я. Ельчиным, который и составил подробный рапорт об их путешествии [Из показаний казаков И. Быкова, А. Крестьянинова и С. Анабары].

Таким образом, благодаря плаваниям отрядов служилых людей и казаков под командованием Козьмы Соколова, Ивана Козыревского и Ивана Быкова, совершенным в 1713–1717 гг., русским землепроходцам удалось разведать морской путь из Охотска на Камчатку, изучить южную часть Охотского моря с Шантарскими островами и Северные Курилы. Однако прочных знаний о дальневосточных рубежах России было явно недостаточно. Именно поэтому сибирский губернатор князь Матвей Петрович Гагарин решил организовать более масштабные исследования тихоокеанского побережья России, которые позднее получили название «Большой камчатский наряд». Соответствующий указ был подписан 12 июля 1716 г. Гагарин приказал якутскому воеводе Я. Ельчину отправиться на Камчатку, организовать там тщательное исследование близлежащих островов. Главной задачей экспедиции определялся поиск полезных ископаемых. В случае обнаружения японцев предписывалось послать в Японию «смышленного человека» для открытия торговли. Особо было отмечено, что сам Ельчин или кто-нибудь из его команды должен был достичь «Анадырского носа», переправиться по морю на «великий остров и на том острове и на Анадырском мысу всеконечно велеть остроги и людей в них посадить по немалому числу». Все местное население рекомендовалось призывать в российское подданство «ласкою и разговорами», собирать с него ясак и посылать его в Охотск [Указ сибирского губернатора князя М. П. Гагарина Я. А. Ельчину]. Экспедиции предписывалось найти земли восточнее азиатских берегов России. Заметим, что сибирский губернатор не ассоциировал этот остров с американским материком, но уже планировал построить там русские селения и призвать местных жителей в российское подданство.

В другом указе сибирского губернатора князя М. П. Гагарина, подписанном в тот же день и данном на имя иркутского коменданта стольника Е. П. Любавского, был четко прописан состав «Большого Камчатского наряда». Ельчину предписывалось отобрать до 100 чел. служилых людей, в том числе двоих дворян, 15 детей боярских, пеших и конных казаков. Из Якутска они должны были отправляться «на морские острова... для призыву немирных иноземцов под самодержавную великого государя высокую руку в ясашной платеж» [Указ сибирского губернатора князя М. П. Гагарина иркутскому коменданту стольнику Е. П. Любавскому].

Выполняя распоряжение сибирского губернатора, Ельчин провел большую работу по подбору участников экспедиции, ее материаль-

ному обеспечению и постройке необходимых судов [Ведение начальника Большого Камчатского наряда Я. А. Ельчина якутскому воеводе И. В. Ракитину; Сгибнев, 1868, с. 131–133]. Летом 1718 г. большая часть участников отправилась из Якутска в Охотск по новому пути, который проходил сначала по реке Лене, потом по рекам Алдан, Мая и Юдома. Далее был волок к реке Урак и далее вниз по течению до Охотска.

Неожиданно в июле 1718 г. руководитель экспедиции Ельчин был вызван в Tobольск к князю Гагарину. Оказалось, что на него был составлен донос, и сибирский губернатор вызвал его для личных объяснений. Позднее Ельчина отдали под суд в Петербурге. О его дальнейшей судьбе мы имеем скудные сведения. Вместо себя Ельчин оставил капитана П. Абыштова. Последнему удалось собрать всю экспедицию в Охотске, откуда он отправил несколько разведывательных экспедиций по Охотскому морю. Неожиданно в июне 1719 г. Петр Абыштов умер. Все поисковые партии вернулись ни с чем, везде ими были встречены большие скопления льда. Только одна партия, состоящая из 17 казаков под командованием сына боярского Филькеева и кормщика Татаринова, посланная еще в 1718 г. на Шантарские острова, успешно перезимовала там и вернулась в Охотск [Сгибнев, 1868, с. 133–139].

Несмотря на постоянные проблемы, преследовавшие экспедицию, «Большой Камчатский наряд» нельзя считать неудачным. Во-первых, были им заготовлены значительные припасы, которые в дальнейшем использовались другими экспедициями. Во-вторых, был изучен новый маршрут по рекам между Якутском и Охотском, который был более удобным и коротким, чем существовавший до него путь через Верхоянск. В-третьих, были составлены карты местности, в том числе главная из них – «Карта Якуцкая и Камчатскому мысу и прежнему пути на Камчатский мыс, також и новой» [Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке]. Позднее эта карта послужила нескольким экспедициям, отправившимся из Якутска в Охотск.

В то время, пока еще «Большой Камчатский наряд» только набирал свой ход, в Санкт-Петербурге продолжали строить планы по дальнейшему изучению Сибири и Тихого океана. К проектам были подключены Адмиралтейств-коллегия и Морская академия. В 1718 г. для отправки в Сибирь были подготовлены два геодезиста – Федор Федорович Лужин и Иван Михайлович Евреинов [РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 162. Л. 225].

В январе 1719 г. Петр I дал геодезистам собственную инструкцию. Поскольку она демонстрирует позицию царя по важнейшему для нас вопросу о формировании интереса России к Тихому океану, приведем ее текст полностью:

Ехать вам до Tobольска и от Tobольска, взяв провожатых, ехать до Камчатки и далее, куда вам указано, и описать тамошние места: сошлася Америка с Азией, что надлежит зело тщательно сделать не только зюйд и норд, но и ост и вест, и все на карте исправно поставить. А об от-

правлении вашем от Тобольска и даче подвод и провозатых и протчаго, в чем вам будет нужда, Сибирской губернии к ландратам и прочим управителям указ послан [Инструкция Ивану Евреинову и Федору Лужину, с. 607].

Инструкция Петра I Лужину и Евреинову вызвала в историографии длительную дискуссию. Ее начал еще Г.-Ф. Миллер в середине XVIII в. Он полагал, что целью путешествия Евреинова и Лужина было вовсе не изучение вопроса о том, сошлась ли Америка с Азией, а разведка драгоценных металлов на Курильских островах и поиски морского пути в Японию с целью установления торговых отношений с этой страной [Ефимов, 1971, с. 148]. Такую же точку зрения высказал морской офицер А. С. Сгибнев. По его мнению, официальная инструкция была дана только для того, чтобы скрыть настоящую цель экспедиции, которая держалась в строжайшем секрете [Сгибнев, 1869, с. 41].

Противоположную точку зрения высказал в XIX в. российский историк С. М. Соловьев. Он полагал, что никаких скрытых целей у экспедиции не было. Царь длительное время изучал российские и зарубежные карты, в которых содержалась противоречивая информация о дальневосточных рубежах Российской империи. Поэтому он послал геодезистов, чтобы они окончательно разрешили проблему [Соловьев, кн. 4, т. 16, с. 243].

В советской историографии обе точки зрения нашли своих последователей. О том, что целью экспедиции Евреинова и Лужина являлось решение вопроса, «сошлась ли Азия с Америкой», писали такие исследователи, как В. И. Греков и Б. П. Полевой [Греков, с. 12–13; Полевой, 1975, с. 26]. Причем последний объяснял поиски геодезистами берегов Америки вблизи Курильских островов тем, что Петр I, хорошо знавший карты, был убежден, что Япония и Америка находятся недалеко друга от друга. Действительно, на многих картах того времени американские берега изображены недалеко от японских. При этом Полевой не отрицал сам факт исследования геодезистами Курильских островов, считая эту цель второстепенной [Полевой, 1982, с. 30–31].

Однако большая часть советских историков и географов все же склонялись к мнению, что исследование Курильских островов являлось главной целью экспедиции, или, по крайней мере, не отрицали эту точку зрения. Об этом писали Л. С. Берг [Берг], О. А. Евсеев [Евсеев], С. И. Баскин [Баскин], А. В. Ефимов [Ефимов, 1971], Д. М. Лебедев и В. А. Есаков [Лебедев, Есаков].

Представляется, что, кроме указанной инструкции, имелся еще документ. Об этом прямо сказано в самой инструкции: «ехать до Камчатки и далее, куда вам указано (курсив наш. – А. П., А. Е., М. К.)». Из этой фразы видно, что, помимо данной инструкции, была еще одна, в которой были определены задачи исследования после того, как геодезисты прибудут на Камчатку. Возможно, эта негласная инструкция была дана лично Петром I Лужину и Евреинову в устной форме, или они полу-

чили ее, будучи уже на Камчатке, а возможно, она была ими прочитана и уничтожена, что было характерно для того времени.

Добавим, что с утверждением о том, что имелась еще одна секретная инструкция, согласны практически все исследователи. Исходя из этого факта, с большой долей уверенности можно утверждать, что поиски пролива между Америкой и Азией были не главной задачей экспедиции, а, как минимум, второстепенной или вообще отвлекающей. Иначе невозможно объяснить наличие этой самой секретной инструкции. Поэтому решить проблему, что же все-таки было предписано царем Евреинову и Лужину, можно только из анализа их собственной деятельности.

Однако подробных сведений об этой экспедиции нам пока не удалось выявить. В опубликованной «сказке» Ф. Ф. Лужина кратко описан лишь сухопутный маршрут экспедиции от Якутска до Камчатки и обратно до Якутска и Тары. Весь морской маршрут этой экспедиции описан буквально двумя фразами: «из Большерецкого острогу пошли в море на острова прошлого 721 году маяя 22 числа. Назад возвратились в Большерецкий острог июня в последних числах» [РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 87. Л. 52]. Лужин не указал даже названия островов, на которые они вместе с Евреиновым совершили плавание! Такая скудность в описании экспедиции подтверждает тот факт, что у геодезистов имелась еще одна инструкция, которую они выполняли. Из сказки Лужина ясно только то, что они плавали на острова в мае – июне 1721 г. Все остальные сведения об этой экспедиции можно подчеркнуть только из труда Миллера, который лично беседовал с одним из моряков, участвовавших в плавании. Матрос Генрих Буш сообщил Миллеру, что Евреинов и Лужин ходили на Курильские острова, дошли до пятого острова, который может быть и шестым, так как Буш сказал, что мог ошибаться. Потом геодезисты решили пристать к острову, но из-за каменистого дна потеряли все четыре якоря и вынуждены были вернуться на Камчатку. Тем же летом 1721 г. они вернулись в Охотск. В сентябре того же года они оба были в Якутске, причем о проделанных ими исследованиях никому ничего не объяснили. Евреинов оставил своего товарища в Сибири, а сам поспешил в Россию с личным докладом Петру I. Петр I принял доклад геодезиста и остался им очень доволен [Миллер]. Он также получил от Евреинова карту Курильских островов, на которой впервые была изображена северная часть гряды, составленная с помощью геодезических инструментов².

Таким образом, экспедиции геодезистов Ивана Козыревского, Федора Лужина и Ивана Евреинова были направлены на изучение Курильских островов, поиски возможных полезных ископаемых и проведение пути в Японию. С конца XVII в. Петр I более склонялся к мысли о существовании морского пролива, разделяющего Америку

² Впервые эта карта была опубликована А. В. Ефимовым. См.: [Ефимов, 1950].

и Азию, но, несмотря на сведения, полученные им в результате плаваний второй половины XVII в. – 1722 г., не был абсолютно убежден, что этот вопрос окончательно решен.

1711–1722 гг. можно считать генеральной репетицией перед решающим броском на восток. В этот период появилось несколько интересных проектов, связанных с освоением далекой Америки и демонстрирующих имперский интерес России. Правда, часть из них не была реализована, так как страна была еще не готова к таким масштабным мероприятиям, к тому же ориентированным на Южную и Центральную Америку. Зато на тихоокеанских рубежах страны были проведены конкретные действия, направленные на изучение этих территорий, закрепление их за государством и подготовку дальнейших масштабных исследований. Петр I лично формулировал задачи, которые потом выполняли сибирские власти, казаки и служилые люди. За этот период были найдены более рациональные сухопутные маршруты, связывающие Якутск и Охотск, исследован морской путь от Охотска до Камчатки; изучены северные Курильские острова; обследована южная часть Охотского моря и Шантарские острова; подготовлена материальная база для дальнейшего продвижения к североамериканским берегам.

Список литературы

Алексеев А. И. Охотск – колыбель русского Тихоокеанского флота. Хабаровск : Кн. изд-во, 1958. 158 с.

Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке : XVII–XVIII вв. / под ред. А. В. Ефимова. М. : Наука, 1964. XV, 134 с.

Баскин С. И. Путешествие Евреинова и Лужина в Курильский архипелаг (1719–1722) // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. 1952. № 4. С. 363–379.

Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиция Беринга. 3-е изд. М. ; Л. : Изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1946. 379 с.

Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Л. ; М. : Изд-во Главсевморпути, 1940. 176 с.

Ведение начальника Большого Камчатского наряда Я. А. Ельчина якутскому воеводе И. В. Ракитину об обеспечении экспедиции всем необходимым, 6 сентября 1717 г. // Русские экспедиции по изучению Северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. : сб. док. М. : Наука, 1984. С. 29–30.

Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725–1765 гг. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 425 с.

Дивин В. А. Русские мореплаватели на Тихом океане в XVIII веке. М. : Мысль, 1971. 374 с.

Евсеев О. А. Первые русские геодезисты на Тихом океане. М. : Гос. изд-во геогр. лит., 1950. 106 с.

Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах : XVII – первая половина XVIII в. М. : Гос. изд-во геогр. лит., 1950. 317 с.

Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий. М. : Наука, 1971. 300 с.

Из записки Ф. С. Салтыкова «Изъявления прибыточныя государству» Петру I о поисках морского пути от Архангельска в Тихий океан. 1714 г. // Русские экспедиции по изучению Северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. : сб. док. М. : Наука, 1984. С. 22–24.

Из отписки капитана П. Татаринова Я. А. Ельчину о назначении первого приказчиком Анадырского острога, прибытии в Олюторский острог приказчиков с Камчатки и плавании казака И. П. Козыревского на Курильские острова в 1713 г. 13 октября 1714 г. // Памятники Сибирской истории XVIII в. : в 2 кн. СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1885. Кн. 2. С. 43–47.

Из показаний казаков И. Быкова, А. Крестьянинова и С. Анабары о посещении Шантарских островов в 1713 г. 20 октября 1714 г. // Памятники Сибирской истории XVIII в. : в 2 кн. СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1885. Кн. 2. С. 47–50.

Инструкция Ивану Евреину и Федору Лужину, отправленным для описания мест около Камчатки и для разрешения вопроса: соединяется ли северо-восточная Азия с Америкой, 2 января 1719 г. // ПСЗ. Собр. 1. Т. 5. № 3266. С. 607.

История Русской Америки (1732–1867) : в 3 т. / отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М. : Междунар. отношения, 1997. Т. 1. Основание Русской Америки (1732–1799). 478 с.
Лебедев Д. М., Есаков В. А. Русские географические открытия и исследования. М. : Мысль, 1971. 516 с.

Миллер Г. Ф. Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю, с российской стороны учиненных // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1758. Т. 7. Янв. С. 3–27.

Наказная память якутского воеводы полковника Я. А. Ельчина служилому человеку К. Соколову, кормщику Я. В. Невейцыну, пятидесятнику М. Кривоносову о поиске морского пути на Камчатку и описании открытых земель. 3 июля 1714 г. // Памятники Сибирской истории XVIII в. : в 2 кн. СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1885. Кн. 2. С. 37–40.

Петров А. Ю., Савельев И. В., Климент, митр. Становление колониального права // Рос. история. 2015. № 4. С. 101–112.

Петров А. Ю. Витус Беринг: у истоков историко-культурного наследия Русской Америки // Вопр. истории. 2018. № 7. С. 12–29.

Полевой Б. П. Петр Первый, Николай Витсен и проблема «сошлася ли Америка с Азией» // Страны и народы Востока. 1975. Вып. 17. Кн. 3. С. 19–33.

Полевой Б. П. Первооткрыватели Курильских островов. Южно-Сахалинск : Дальневост. кн. изд-во, 1982. 207 с.

Пропозиции Федора Салтыкова : Рукопись из собрания П. Н. Тиханова. СПб. : О-во любителей древности, 1891. XXVII, [3], 36 с.

РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 87; Ф. 233. Оп. 1. Д. 162.

РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 43.

Сгибнев А. С. Большой Камчатский наряд (экспедиция Ельчина) // Морской сборник. 1868. № 12. С. 131–139.

Сгибнев А. С. Попытки русских к заведению торговых сношений с Японией в XVIII и начале XIX столетий // Морской сборник. 1869. № 1. С. 37–72.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен : [в 6 кн.]. Изд. 2-е. СПб. : Тов-во «Обществ. польза», 1877. Кн. 4. Т. 16–20. 840 с.

Спафарий Н. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году : Дорожный дневник Спафария. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1882. 214 с.

Тихменев П. А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени : в 2 ч. СПб. : Тип. Э. Веймара. Ч. 1. 1861. 464 с. Ч. 2. 1863. 784 с.

Указ сибирского губернатора князя М. П. Гагарина иркутскому коменданту стольнику Е. П. Любавскому об оказании содействия Я. А. Ельчину в формировании команды для Большого Камчатского наряда. 12 июля 1716 г. // Памятники Сибирской истории XVIII в. : в 2 кн. СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1885. Кн. 2. С. 109–110.

Указ сибирского губернатора князя М. П. Гагарина Я. А. Ельчину о задачах и составе Большого Камчатского наряда (регест), 12 июля 1716 г. // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. : сб. док. М. : Наука, 1984. С. 28–29.

Golder F. A. *Russian Expansion on the Pacific. 1641–1850*. Cleveland : Arthur H. Clark Co., 1914. 382 p.

Vilar E. V. *Los Rusos en America*. Sevilla : Escuela de Estudios Hispano-Americanos, 1966. 104 p.

References

Alekseev, A. I. (1958). *Okhotsk – kolybel' russkogo Tikhookeanskogo flota* [Okhotsk is the Cradle of the Russian Pacific Fleet]. Khabarovsk, Knizhnoe izdatel'stvo. 158 p.

Baskin, S. I. (1952). *Puteshestvie Evreinova i Luzhina v Kuril'skii arhipelag (1719–1722)* [The Journey of Evreinov and Luzhin to the Kuril Archipelago (1719–1722)]. In *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva*. No. 4, pp. 363 – 379.

Berg, L. S. (1946). *Otkrytie Kamchatki i ekspeditsiya Beringa* [The Discovery of Kamchatka and Bering's Kamchatka Expeditions]. 3rd Ed. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo i pervaya tipografiya Izdatel'stva Akademii nauk SSSR. 379 p.

Bolkhovitinov, N. N. (Ed.). (1997). *Istoriya Russkoi Ameriki (1732–1867) v 3 t.* [The History of Russian America (1732–1867). 3 Vols.]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. Vol. 1. Osnovanie Russkoi Ameriki (1732–1799). 478 p.

Divin, V. A. (1971). *Russkie moreplavaniya na Tikhom okeane v XVIII veke* [Russian Navigations in the Pacific Ocean in the 18th Century]. Moscow, Mysl'. 374 p.

Efimov, A. V. (1950). *Iz istorii velikikh russkikh geograficheskikh otkrytii v Severnom Ledovitom i Tikhom okeanakh. XVII – pervaya polovina XVIII v.* [From the History of the Great Russian Geographical Discoveries in the Arctic and Pacific Oceans in the 17th – First Half of 18th Centuries]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury. 317 p.

Efimov, A. V. (Ed.). (1964). *Atlas geograficheskikh otkrytii v Sibiri i v Severo-Zapadnoi Amerike. XVII–XVIII vv.* [An Atlas of Geographical Discoveries in Siberia and Northwest America in the 17th–18th Centuries]. Moscow, Nauka. XV, 134 p.

Efimov, A. V. (1971). *Iz istorii velikikh russkikh geograficheskikh otkrytii* [From the History of Great Russian Geographical Discoveries]. Moscow, Nauka. 300 p.

Evseev, O. A. (1950). *Pervye russkie geodezisty na Tikhom okeane* [The First Russian Surveyors in the Pacific Ocean]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury. 106 p.

Golder, F. A. (1914). *Russian Expansion on the Pacific. 1641–1850*. Cleveland, Arthur H. Clark Co. 382 p.

Grekov, V. I. (1960). *Ocherki iz istorii russkikh geograficheskikh issledovaniy v 1725–1765 gg.* [Essays from the History of Russian Geographical Explorations in 1725–1765]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 425 p.

Instruktsiya Ivanu Evreinovu i Fedoru Luzhinu, otpravlennym dlya opisaniya mest okolo Kamchatki i dlya razresheniya voprosa: soedinyatsya li severo-vostochnaya Aziya s Amerikoi, 2 yanvarya 1719 g. [Instructions to Ivan Evreinov and Fedor Luzhin, Sent to Describe Places near Kamchatka and to Resolve the Question of Whether Northeastern Asia is Connected to America, 2 January 1719]. In *PSZ*. Collection 1. Vol. 5. No. 3266, p. 607.

Iz otpiski kapitana P. Tatarinova Ya. A. El'chinu o naznachenii pervogo prikazchikom Anadyrskogo ostroga, pribytii v Olyutorskii ostrog prikazchikov s Kamchatki i plavanii kazaka I. P. Kozyrevskogo na Kuril'skie ostrova v 1713 g. 13 oktyabrya 1714 g. [From the Note of Captain P. Tatyurinov to Ya. A. Yelchin on His Appointment as First Clerk of the Anadyr Prison, the Arrival of Clerks from Kamchatka to the Olyutorsk Prison and the Voyage of Cossack I. P. Kozyrevsky to the Kuril Islands in 1713. October 1714]. (1885). In *Pamyatniki Sibirskoi istorii XVIII v. v 2 kn.* St Petersburg, Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del. Book 2, pp. 43–47.

Iz pokazanii kazakov I. Bykova, A. Krest'yaninova i S. Anabary o poseshchenii Shantarskikh ostrovov v 1713 g. 20 oktyabrya 1714 g. [From the Testimony of the Cossacks I. Bykov, A. Krestyaninov, and S. Anabara about Visiting the Shantar Islands in 1713. 20 October 1714] (1885). In *Pamyatniki Sibirskoi istorii XVIII v. v 2 kn.* St Petersburg, Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del. Book 2, pp. 47–50.

Iz zapiski F. S. Saltykova “Iz” yavleniya pribytochnyya gosudarstvu” Petru I o poiskakh morskogo puti ot Arkhangel’ska v Tikhii okean. 1714 g. [From the Note of F. S. Saltykov *Statements to the Profitable State to Peter I on the Search for a Sea Route from Arkhangel’sk to the Pacific Ocean. 1714*]. (1984). In *Russkie ekspeditsii po izucheniyu Severnoi chasti Tikhogo okeana v pervoi polovine XVIII v. Sbornik dokumentov*. Moscow, Nauka, pp. 22–24.

Lebedev, D. M., Esakov, V. A. (1971). *Russkie geograficheskie otkrytiya i issledovaniya* [Russian Geographical Discoveries and Exploration]. Moscow, Mysl’. 516 p.

Miller, G. F. (1758). Opisaniye morskikh puteshestvii po Ledovitomu i Vostochnomu moryu, s rossiiskoi storony uchinennykh [Description of Sea Voyages in the Ice Sea and East Sea, Prepared by the Russian Side]. In *Sochineniya i perevody, k pol’ze i uveseleniyu sluzhashchie*. Vol. 7. January, pp. 3–27.

Nakaznaya pamyat’ yakutskogo voevody polkovnika Ya. A. El’china sluzhilomu cheloveku K. Sokolovu, kormshchiku Ya. V. Neveysynu, pyatidesyatniku M. Krivonosovu o poiske morskogo puti na Kamchatku i opisaniy otkrytykh zemel’. 3 iyulya 1714 g. [The Instruction Note of Yakutsk Governor Colonel Y. A. Yelchin to Serviceman K. Sokolov, Helmsman Y. V. Neveysyn, and Pentecostal Movement Member M. Krivonosov about the Search for the Sea Route to Kamchatka and the Description of Discovered Lands. July 3, 1714]. (1885). In *Pamyatniki Sibirskoi istorii XVIII v. v 2 kn.* St Petersburg, Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del. Book 2, pp. 37–40.

Petrov, A. Yu. (2018). Vitus Bering: u istokov istoriko-kul’turnogo naslediya Russkoi Ameriki [Vitus Bering: At the Origins of the Historical and Cultural Heritage of Russian America]. In *Voprosy istorii*. No. 7, pp. 12–29.

Petrov, A. Yu., Savel’ev, I. V., Kliment, mitropolit (2015). Stanovlenie kolonial’nogo prava [The Development of Colonial Law]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 4, pp. 101–112.

Polevoi, B. P. (1975). Petr Pervyi, Nikolai Vitsen i problema “soshlasya li Amerika s Aziei” [Peter I, Nicolaes Witsen and the Problem of “Whether America Converges with Asia”]. In *Strany i narody vostoka*. Iss. 17. Book 3, pp. 19–33.

Polevoi, B. P. (1982). *Pervootkryvateli Kuril’skikh ostrovov* [Pioneers of the Kuril Islands]. Yuzhno-Sakhalinsk, Dal’nevostochnoe knizhnoe izdatel’stvo. 207 p.

Propozitsii Fedora Saltykova. Rukopis’ iz sobraniya P. N. Tikhanova [Fedor Saltykov’s Propositions. Manuscript from the Collection of P. N. Tikhanov]. (1891). St Petersburg, Obshchestvo lyubitelei drevnosti. XXVII, [3], 36 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 9. Department 2. Dos. 43.

RGAVMF [Russian State Naval Archive]. Stock 216. List 1. Dos.87; Stock 233. List 1. Dos. 162.

Sgibnev, A. S. (1868). Bol’shoi Kamchatskii naryad (ekspeditsiya El’china) [The Great Kamchatka Expedition (Elchin Expedition)]. In *Morskoi sbornik*. No. 12, pp. 131–139.

Sgibnev, A. S. (1869). Popytki russkikh k zavedeniyu torgovykh snoshenii s Yaponiei v XVIII i nachale XIX stoletii [Russian Attempts to Establish Trade Relations with Japan in the 18th and Early 19th Centuries]. In *Morskoi sbornik*. No. 1, pp. 37–72.

Solovyov, S. M. (1877). *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen v 6 kn.* [The History of Russia since Ancient Times. 6 Books]. 2nd Ed. St Petersburg, Tovarishchestvo “Obshchestvennaya pol’za”. Book 4. Vol. 16–20. 840 p.

Spafariy, N. (1882). *Puteshestvie cherez Sibir’ ot Tobol’ska do Nerchinska i granits Kitaya russkogo poslannika Nikolaya Spafariya v 1675 godu. Dorozhnyi dnevnik Spafariya* [A Journey through Siberia from Tobolsk to Nerchinsk and the Borders of China by Russian Envoy Nicholas Spafariy in 1675. Spafariy’s Travel Diary]. St Petersburg, Tipografiya. V. Kirshbauma. 214 p.

Tikhmenev, P. A. (1861). *Istoricheskoe obozrenie obrazovaniya Rossiisko-Amerikanskoj kompanii i deistvii ee do nastoyashchego vremeni v 2 ch.* [Historical Overview of the Formation of the Russian-American Company and Its Activities to Date. 2 Parts]. St Petersburg, Tipografiya E. Veimara. Part 1. 1861. 464 p. Part 2. 1863. 784 p.

Ukaz sibirskogo gubernatora knyazyza M. P. Gagarina irkutskomu komendantu stol’niku E. P. Lyubavskomu ob okazanii sodeistviya Ya. A. El’chinu v formirovaniy komandy dlya Bol’shogo Kamchatskogo naryada. 12 iyulya 1716 g. [Decree of the Siberian Governor

Prince M. P. Gagarin to the Irkutsk Commandant-Stolnik E. P. Lyubavsky on Assisting Y. A. Yelchin in the Formation of a Team for the Great Kamchatka Expedition. 12 July 1716]. (1885). In *Pamyatniki Sibirskoi istorii XVIII v. v 2 kn.* St Petersburg, Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del. Book 2, pp. 109–110.

Ukaz sibirskogo gubernatora knyazya M. P. Gagarina Ya. A. El'chinu o zadachakh i sostave Bol'shogo Kamchatskogo naryada (regist), 12 iyulya 1716 g. [Decree of the Siberian Governor Prince M. P. Gagarin to Ya. A. Yelchin on the Tasks and Staff of the Great Kamchatka Expedition (Register), 12 July 1716]. (1984). In *Russkie ekspeditsii po izucheniyu Severnoi chasti Tikhogo okeana v pervoi polovine XVIII v. Sbornik dokumentov.* Moscow, Nauka, pp. 28–29.

Vedenie nachal'nika Bol'shogo Kamchatskogo naryada Ya. A. El'china yakutskomu voevode I. V. Rakitinu ob obespechenii ekspeditsii vsem neobkhodimym, 6 sentyabrya 1717 g. [The Conduct of the Head of the Great Kamchatka Expedition Ya. A. Yelchin to Yakutsk Governor I. V. Rakitin about Providing the Expedition with Everything Necessary, 6 September 1717]. (1984). In *Russkie ekspeditsii po izucheniyu Severnoi chasti Tikhogo okeana v pervoi polovine XVIII v. Sbornik dokumentov.* Moscow, Nauka, pp. 29–30.

Vilar, E. V. (1966). *Los Rusos en America.* Sevilla, Escuela de Estudios Hispano-Americanos. 104 p.

Waxel, S. (1940). *Vtoraya Kamchatskaya ekspeditsiya Vitusa Beringa* [The Second Kamchatka Expedition of Vitus Bering]. Leningrad, Moscow, Izdatel'stvo Glavsevmorputi. 176 p.

The article was submitted on 17.03.2020

**PETER THE GREAT AS ANTICHRIST:
THE SECULAR SOURCES OF AN OLD BELIEVER
COMPILATION FROM HOLY SCRIPTURE***

Maureen Perrie

University of Birmingham,
Birmingham, UK

This article is devoted to an Old Believer work about Peter the Great, known as *A Compilation from Holy Scripture about the Antichrist*, which was first published in 1861. Some scholars have suggested that the work dates back to Peter's reign, when many traditionally minded Orthodox Christians regarded the tsar as the Antichrist. The author of this article argues, however, that the work dates from the early nineteenth century, and that the case it makes for Peter's identity as Antichrist is based primarily on tales about the tsar which were published in the late eighteenth century. On the basis of anecdotes about Peter's conception, for example, the author of the *Compilation* drew a comparison with the Annunciation, the Epiphany, and the Feast of the Circumcision, to demonstrate a sacrilegious parallel between Peter's biography and that of Christ, which "proved" that Peter was the Antichrist. The *Compilation* also cites works which seem to blasphemously suggest that Peter was God incarnate, in order to argue that the tsar was the embodiment not of God, but of Satan. Finally, when one work praised Catherine the Great for representing "the spirit of Peter the Great", the compiler concluded that the spirit of all subsequent Russian rulers was also the spirit of Peter, that is, the spirit of the Antichrist. This is an idiosyncratic version of the argument made in the late eighteenth century by Evfimii, the founder of the Old Believer sect of the *beguny*, that Peter had founded a dynasty of Antichrists, and that all "true Christians" should flee from his realm. The distinguished Russian scholars Viktor Zhivov and Boris Uspenskii have argued that the metaphorical sacralisation of the monarch, in secular eighteenth-century panegyrics, was interpreted literally by some Old Believers and contributed to their identification of Peter as the Antichrist. The author of this article suggests that a similar role was played by more popular works such as the collections of anecdotes which presented the tsar as a God-like figure.

Keywords: Peter the Great, Antichrist, Old Believers, Evfimii, *beguny*, V. I. Kel'siev, sacralisation of the monarch

* *Citation:* Perrie, M. (2021). Peter the Great as Antichrist: The Secular Sources of an Old Believer *Compilation from Holy Scripture*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 1. P. 281–294. DOI 10.15826/qr.2021.1.579.

Цитирование: Perrie M. Peter the Great as Antichrist: The Secular Sources of an Old Believer *Compilation from Holy Scripture* // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 1. P. 281–294. DOI 10.15826/qr.2021.1.579.

Статья посвящена староверческому сочинению о Петре Великом, известному под названием «Собрание от Святого Писания о Антихристе», впервые опубликованному в 1861 г. Ряд ученых предполагали, что это сочинение относится к царствованию Петра, когда многие традиционные православные христиане смотрели на царя как на Антихриста. Автор статьи, однако, считает, что это сочинение относится скорее к началу XIX в. и что доводы составителя «Собрания» о тождестве Петра с Антихристом основаны главным образом на сказаниях о царе, опубликованных к концу XVIII в. На основе анекдотов о зачатии Петра, например, составитель проводил сравнение с Благовещением, Богоявлением и Обрезанием Господним, проводя кощунственную параллель между биографией Петра и жизнью Христа, для того чтобы «доказать» тождество Петра с Антихристом. Составитель также цитирует сочинения, якобы свидетельствующие о том, что Петр является воплощением Бога; по его мнению, такие богохульные сочинения скорее доказывают обратное – что царь воплощает не Бога, а Сатану. Наконец, когда один автор называет Екатерину II воплощением духа Петра Великого, составитель делает вывод, что дух всех преемников Петра – это также дух Петра, то есть дух Антихриста. Это является своеобразным вариантом учения Евфимия, основателя староверческой секты бегунов, который к концу XVIII в. отстаивал точку зрения, что Петр основал династию Антихристов и что все истинные христиане должны убежать из проклятого царства его. Известные российские ученые В. Живов и Б. Успенский предполагали, что метафорическая сакрализация монарха в светских панегирических сочинениях XVIII в., интерпретированная буквально некоторыми староверами, содействовала их отождествлению Петра с Антихристом. Автор данной статьи заключает, что подобную роль играли более популярные сочинения конца XVIII в. вроде собраний анекдотов, изображающих царя как богоподобную личность.

Ключевые слова: Петр Великий, Антихрист, староверы, Евфимий, бегуны, В. И. Кельсиев, сакрализация монарха

In their influential essay, *Tsar and God*, first published in 1987, Viktor Zhivov and Boris Uspenskii argued that the metaphorical sacralisation of the monarch in eighteenth-century Russian baroque works – where the tsar was compared to God or Christ – was interpreted literally by bearers of traditional Russian culture such as the Old Believers, and seen by them as a direct identification of the tsar with God [Живов, Успенский, с. 131]. In particular, they note that the description of Peter the Great as “thy God, O Russia”, in Lomonosov’s famous Ode on the nameday of Peter Fedorovich in 1743, was regarded by Old Believers as blasphemous and as an indication that Peter was the Antichrist. As evidence of this, the authors cite a quotation from the Ode in the work known as *A Compilation from Holy Scripture about the Antichrist*, first published in London by V. I. Kel’siev in 1861 [Там же, с. 178].

Zhivov and Uspenskii do not offer a dating for this work, describing it only as an Old Believer tract or composition [ЖИВОВ, УСПЕНСКИЙ, с. 131, 139], but their awareness that it includes a quotation from Lomonosov's Ode of 1743 suggests that they assume it was composed after that date. Some scholars, however, have viewed it as a work written in the reign of Peter the Great himself, while others date it as late as the first quarter of the nineteenth century. In this article I propose to examine the dating of the work by considering the ways in which its anonymous author makes use of a number of secular sources published in the late eighteenth century in order to develop his case for the identification of Peter as the Antichrist.

Peter the Great as Antichrist: before and after 1725

The notion that Peter the Great was the Antichrist was widely held not just by Old Believers but also by many traditionally minded Orthodox Russians throughout much of the tsar's reign. This notion arose against the background of eschatological ideas that had expected the world to end in 1666, and suspicions that the authors of the Church reforms which were approved in that year – Patriarch Nikon and Tsar Aleksei Mikhailovich – were either the Antichrist or his precursors. When the Apocalypse did not occur in 1666, it was recalculated to 1691, and thereafter to various later dates which were consistent with the idea that Peter (whose sole rule began in 1696) was the Antichrist. Peter's Westernising reforms provided further evidence of this: the tsar's espousal of beard-shaving and imposition of "German" dress codes, for example, were seen as a new triumph for the Latinism of the Roman Catholic Church over Eastern Orthodoxy, and hence as a sign of the third and final apostasy from the true faith that would herald the end of the world [Перри].

Peter's death in 1725, unaccompanied by the Apocalypse, might have been expected to put an end to ideas of the Antichrist on the Russian throne. And, indeed, although memories of Peter as Antichrist persisted in some circles, apocalyptic thought became more muted for the next half-century, and the Antichrist was seen more as a spiritual than as a physical entity [Шмурло, с. 18–19]. Yet, at the end of the century, the idea of Peter as Antichrist underwent a remarkable revival in the teaching of Evfimii, a former military deserter who had previously been a member of the Old Believer sect of the *Filippovtsy*.

In 1782–1783, the government of Catherine II made an important concession to the Old Believers, abolishing the double tax which had been imposed on them in 1716 by Peter the Great, and removing the requirement for them to register as schismatics (*raskol'niki*) in the census. Many members of even the most radical sects, including the *Filippovtsy*, welcomed this concession: Evfimii, however, regarded any involvement with the tsarist state as subservience to the Antichrist, and he criticised the readiness of his former associates to register for the general population census [Мальцев, гл. IV]. The census implemented by Peter in 1718 (the "first revision") had, he argued, imposed strict social and political controls over the people,

restricting their former freedoms [Евфимий, 1862а, с. 248]. Because of all such evils that Peter had introduced into Russia, Evfimii advised his followers to flee from the power of the tsarist state [Евфимий, 1862б, с. 269–270].

Apart from his condemnation of the census, Evfimii's greatest innovation to Old Believer apocalyptic teaching was his claim that Peter was not only the Antichrist incarnate himself, but that he had created a dynasty of Antichrists, by issuing the decree of 5 February 1722 on the succession to the throne, which enabled him to appoint his own heir [Евфимий, 1862а, с. 262]. With this claim, Evfimii established the concept that some Russian historians have described as that of the “dismembered” (*raschlenennyi*) Antichrist; that is, of the Antichrist embodied in the series of Russian rulers beginning with Peter the Great [e. g. Гурьянова, с. 38–52]. This idea was retained after Evfimii's death in 1792 by his followers, who came to be known as the *beguny* (“Runaways”) or *stranniki* (“Wanderers”), and who invoked Peter's image as Antichrist in order to justify their refusal to interact with the demands of the current ruler, such as registration for the latest census and the payment of taxes.

Russian officialdom knew very little about the *beguny* before the 1850s, when the government dispatched a series of investigative expeditions to the provinces where Old Belief was known to be particularly prevalent. In the course of these investigations they learned more about the teachings of the *beguny* and were shocked to learn of their subversive ideas [Marsden, p. 83–117]. Some of the vast amount of material collected by the government expeditions was leaked to Alexander Herzen's “Fund of the Free Russian Press” in London. Herzen's band of radical socialist émigrés shared the government's view that Old Believer sects such as the *beguny* were potentially revolutionary, and they were eager to publicise evidence of this. Four volumes of material were published by Herzen's collaborator V. I. Kel'siev in 1860–1862, including a considerable amount of information about the *beguny*. Kel'siev's second volume contained the *Compilation*, a long and detailed treatise devoted specifically to demonstrating that Peter was the Antichrist [Собрание от Святого писания о Антихристе].

The dating of the Compilation

Kel'siev states that as well as *A Compilation from Holy Scripture about the Antichrist*, the anonymous treatise was entitled *A Miscellany* (*Tsvetnik*) and *A Schismatic's Confession* (*Raskol'nich'e ispovedanie*), but he did not provide a date or provenance for the text. In his *Foreword* to the volume, he claimed that the work dated back to the times of Peter the Great, but that the copy he had used was evidently distorted, and its numerous repetitions and general incoherence suggested that it combined various versions of the text [Кельсиев, с. XVII]. Kel'siev noted that some extracts from the work had already been published by A. P. Shchapov in his book on the schism, but that Shchapov's text differed somewhat from his [Там же]. Shchapov's “extracts” in fact resemble summaries of passages in the Kel'siev text: he described his source, in a footnote, as “a schismatic manuscript, headed, *A petition or his-*

tory of Peter the Great. A Copy from the Solovetskii Monastery [Щапов, 1859, c. 109]¹. Shchapov did not provide a date for the manuscript, but he cited it as evidence of the attitudes of Old Believers towards Peter in the first half of the eighteenth century, in spite of the fact that one of the passages he quoted included a reference to *Kabinet Petra Velikogo* (“The Cabinet of Peter the Great”), a work by O. P. Belyaev first published in 1793 [Там же, с. 109, 478].

In an essay on the *beguny*, however, which he published in 1862, Shchapov quoted much of the same material, citing its source as a pamphlet entitled, *A Petition about the Antichrist who is Peter the Great*, that circulated widely in towns and villages in the second half of the eighteenth century [Щапов, 1906, c. 567]. Shchapov described the petition as a general protest by the *raskol* [Там же], but he suggested that it was probably a *begun* composition, in view of its advocacy of flight (*begstvo*) as the path to salvation [Там же, c. 569]. Shchapov believed that the document expressed the main teaching of the *beguny*, as reflected in sources of authentic *begun* provenance; and he frequently cited it as a source for his account of the sect’s ideology, in which criticism of Peter and his policies was very prominent [Там же, с. 567–575]².

Where Shchapov had dated the *Compilation* to the second half of the eighteenth century, it was suggested elsewhere that it had been composed in the first quarter of the nineteenth century. In 1863, a version of the work was published in the prestigious journal of the Society for Russian History and Antiquities, under the title, *A Copy of a Printed History about Peter the Great*. In a footnote to the title, the anonymous editor noted, “There is no such printed history. This is an invention designed for concealment”, and added that the work had been obtained from *raskol’niki* in Perm’ province [Выписана История печатная о Петре Великом, с. 52]³. In a footnote to a later page which contained the date “1819”, the editor asked: “Is this the year in which this fake history was written?” [Там же, с. 69]⁴.

In 1864, however, Fedor Eleonskii, a student at the St Petersburg Theological Academy, published his master’s dissertation on *The Condition of the Russian Schism under Peter I*. Here, in a chapter on *The Attitudes of the Fanatical Raskol’niki to Peter I*, the author examined the *Compilation*, which he described as the “well-known *raskol’nik* composition about the Antichrist who is Peter I” [Елеонский, с. 102]. Eleonskii admitted that in attributing this work to Peter’s reign he was in disagreement with the accepted view that it dated from the late eighteenth or early nineteenth centuries. He recognised that the published versions of the text included what he described as various “supplements and insertions” from a later period,

¹ For the extracts from the “petition”, see: [Щапов, 1859, с. 106–109, 468, 478, 482–483, 490].

² For his quotations from the document, see: [Щапов, 1906, с. 567–569, 570, 571, 573].

³ The implication is that the Old Believers had given the manuscript this title in order to suggest that it had originated in a published work that had been approved by the censor.

⁴ The *Compilation* mentions the year 1819 in the context of a complaint about Peter’s calendar reform, arguing that 1819 should really be 1829. The Old Believer calendar was usually eight (rather than ten) years ahead of the official calendar.

but he argued that the work had originated in a shorter form in Peter's own day, when many of the apocalyptic ideas it expressed were current among the ordinary people [Елеонский, с. 102–103]. In his masterly study of the development of Peter's image throughout the eighteenth century, however, E. F. Shmurlo found Eleonskii's arguments unconvincing. Eleonskii had, for example, interpreted a passage in which the author expressed his refusal to obey "your emperor" as referring to Peter [Там же, с. 102], but Shmurlo pointed out that the wording in this and similar passages did not apply specifically to Peter as an individual, but rather to the Antichrist and whoever embodied him at the present time, whether that ruler be Peter or Alexander I [Шмурло, прим., с. 26–27]. Shmurlo concluded that the style and syntax of the *Compilation* indicated that it was not composed before the end of the eighteenth century [Там же].

One distinguished Western scholar, however, continued to follow Eleonskii in offering an earlier dating for the *Compilation*. The American historian Michael Cherniavsky cited it as evidence of Old Believer apocalyptic thought at the beginning of the eighteenth century, claiming that Eleonskii "shows convincingly that the work was originally composed immediately after 1725, although most of the available manuscripts are of a later date" [Cherniavsky, p. 29, fn. 124]. Similarly, in her discussion of Old Belief under Peter, the British scholar Lindsey Hughes quoted an extensive passage from the document, describing it as "a contemporary tract" [Hughes, p. 356]. Neither Cherniavsky nor Hughes offered any explanation for the work's references to books published in the late eighteenth century, or its mention of the date 1819.

Russian historians in the Soviet period paid little attention to the Old Believers in general, and to the *Compilation* in particular. N. S. Gur'yanova based her work on Old Believer views of Peter as Antichrist on unpublished *begun* manuscripts dating from the late eighteenth and early nineteenth centuries. She did not directly utilise the *Compilation*, although her Appendices list a manuscript collection from the first quarter of the nineteenth century which contains an item entitled *A Compilation from Holy Scripture about the Antichrist and the End Time* which she describes as "part of" the work published by Kel'siev in 1861 [Гурьянова, с. 153, 179 № 111].

In his specialist study of the *beguny*, published in the post-Soviet period, A. I. Mal'tsev also did not directly use the *Compilation*; but he noted that some manuscript collections compiled in the second half of the nineteenth century include the work published by Kel'siev. In these collections, Mal'tsev tells us, the text of the *Compilation*, which – he says – was composed no later than the first third of the nineteenth century, is divided into two parts, and appears as two separate works, each of which is described as a "Christian manuscript from the time of the first revision". Mal'tsev observes, however, that the texts are sprinkled with references to books published in the 1780s and 1790s – indicating a later origin for the works. The backdating of such manuscripts, he suggests, represented a deliberately misleading attempt to demonstrate the antiquity (and hence the authority) of the texts [Мальцев, гл. V].

Peter as Antichrist: the evidence from secular sources

Although the *Compilation* contains many references to traditional sources of Old Believer apocalyptic thought, including the prophetic books of the Bible, the writings of the early Church fathers, and seventeenth-century Muscovite publications of Ukrainian origin, such as the Book of St Cyril of Jerusalem and the Book of Faith, it also contains – as we have already noted – a number of quotations from secular works published in the late eighteenth century⁵. These sources provide a significant amount of “evidence” for the author’s identification of Peter the Great and his successors as the Antichrist.

Annunciation, Circumcision, Epiphany

Much of the Compiler’s “evidence” that Peter was the Antichrist comprises anecdotes about the tsar’s biography, which draw parallels between Peter’s life and that of Christ.

Peter, the author tells us, was conceived on his father’s wedding night, 28/9 August 1671 – an event which was marked by the appearance of a comet, observed by the “magi (*volkhvy*)” Simeon Polotskii and Dmitrii Rostovskii⁶. These two men came to the palace on the morning of 29 August, “like the magi to Christ”, and congratulated Tsar Aleksei on the conception of a son, who would be called Augustus (Avgust), after the month of his conception, and because he would rule like the Roman emperor Augustus Caesar; he would also be called Pakhomii (meaning “great”) and Peter (meaning “rock” (cf. Matt.16 : 18)), and he would rule the “Scythian peoples” (249)⁷.

The author provides only a somewhat vague reference in support of this tale, to *Anekdoty*, t. 10 (“Anecdotes, vol. 10”). I have not been able to identify this source precisely, but the best-known of the various collections of “anecdotes” about Peter, which were a very popular genre in the late eighteenth century, is that compiled by Jacob von Stählin, who provides a version of the story reproduced in the *Compilation*⁸. According to Stählin [Штелин, с. 110–119 (анекдот № 118)], Simeon and Dmitrii gave the tsarevich the

⁵ In addition to the works discussed below, the text includes two references [Собрание, с. 254, 263] to I. I. Golikov’s *Dopolnenie k Deyaniyam Petra Velikogo* (*Supplement to the Deeds of Peter the Great*), published in Moscow in 18 vol. between 1790 and 1797.

⁶ In fact, Aleksei married Natalia Kirillovna Naryshkina in January 1671, and Peter was born in May 1672 (which is consistent with his conception having taken place in August 1671). Simeon Polotskii (1629–1680) and Dmitrii Rostovskii (1651–1709) were both eminent Orthodox churchmen. Simeon lived in Moscow from 1664, but Dmitrii did not come to the Russian capital until 1701.

⁷ Here and hereafter page references to the *Compilation* will be provided in round brackets. In the interests of stylistic variety, I shall sometimes refer to its anonymous author as “the Compiler”.

⁸ See: [Шмурло, с. 98; прим., с. 99–102] on the genre of *anekdoty* and bibliographical details of the many collections of anecdotes about Peter published in the late eighteenth century. Shmurlo defines *anekdoty* as tales about the facts of the ruler’s personal life, many of which were legendary and expressed naïve enthusiasm for the tsar [Там же, с. 98; прим., с. 101].

name “Peter” and expressed the hope that he would civilise the “barbarous Scythians”⁹. Stählin does not mention the name “Pakhomii”, but in another version of the story, Peter is given the name “Pakhom” or “Pakhomii” – glossed as large, broad-shouldered and strong – by a mysterious holy man who also predicts that he will wield an imperial sceptre [Крекшин, 1787, с. 15–17]. Neither of these sources mentions the name Augustus, although *avgusteishii* (“most august”) is a conventional Russian epithet for “emperor”.

For the Compiler, of course, the tale of the magi who prophetically endowed Aleksei’s son with a set of symbolic names was not just a harmless anecdote. According to traditional wisdom about the Antichrist, he was the mirror-image of Christ, and “proofs” that Peter was the Antichrist often included parallels between his biography and that of Christ [Елеонский, с. 102, 104–105; Cherniavsky, p. 30]. In this story about Peter’s conception, we find a confused comparison not only with the Annunciation (when the Angel Gabriel visited the Virgin Mary to tell her that she would conceive a son whose name would be Jesus (Luke 1 : 26–31)) but also with the Epiphany (when the magi, following a star, came to pay their respects to the Christ-child (Matt. 2 : 1–12)).

This tale about Peter’s naming at the time of his conception is followed up later in the *Compilation* when the author denounces the tsar for changing the date of New Year from 1 September to 1 January. The September New Year, he recalls, had been introduced at the first ecumenical Church council, held at Nicaea under the Emperor Constantine in 325. All the holy Church fathers had bound their successors to observe it for ever more, so that Peter’s breaking of this sacred vow made him accursed (250, 258, 263, 266). But even worse was the change to 1 January, which the Compiler frequently describes as the “Janus New Year” (248, 250, 251, 263, 265, 266, 267): a reference to Janus, the Roman god with two faces, one looking backward and the other forward, after whom the month was named. The Compiler’s main objection to the January New Year is that Janus was a pagan deity, an ancient Roman idol to whom Peter allegedly established a temple and performed diabolical wonders (i. e. firework displays), at which all were encouraged to shout a triple “*vivat!*” in honour of the New Year (250, also 251).

Not only was it blasphemous for Peter to worship a Roman deity, in the Compiler’s view, but the sacrilege was compounded by the fact that this pagan festival was held on a Christian holy day: 1 January was the Feast of the Circumcision, when the name of “Jesus”, bestowed on the infant Christ by the angel Gabriel before his conception, was confirmed (Luke 2 : 21). This choice of date also involved a sinister parallel. “Jesus”, we are told, means “saviour and lord of the world”; and on that very same day (i. e. 1 January) Peter was congratulated as “most august emperor”, which means “*ruler (obladatel’) over all*” (250–251 – italics in the original; see also:

⁹ Stählin’s collection of anecdotes was first published in German in Leipzig in 1785; the first Russian translation appeared in St Petersburg in 1786: on the various editions, see [Шмурло, прим., с. 99–100].

253, 255), thus, confirming the words of Hippolytus of Rome, that the Antichrist wanted to imitate the Son of God in every way (251).

At first sight this is all very confusing, since Peter changed the date of New Year in 1700, as our author knows (248), but did not adopt the title of emperor until 1721, as he also knows (253). It seems that he is deliberately conflating two events: the ceremony that marked the first January New Year in 1700 with a “diabolical” firework display; and the ceremony to celebrate the Treaty of Nystadt in October 1721, when the firework displays included a replica of the Temple of Janus in Ancient Rome, whose doors were closed as a sign of peace¹⁰.

It was at the Nystadt victory celebration that Peter was awarded the imperial title, so that by identifying the Nystadt triumph of 1721 with the introduction of the January New Year in 1700, the author is able to claim that, on the Feast of the Circumcision in 1700, Peter’s designation as “the most august emperor” confirmed his naming as Augustus by Simeon Polotskii and Dmitrii Rostovskii on the day of his conception, just as the Angel Gabriel’s naming of the Christ-child as Jesus at the Annunciation was confirmed at his circumcision on 1 January.

Satan incarnate

Later in his account, the author claims that Peter called himself “*the divinity of Russia (bozhestvo Rossii: italics in the original)*”: as evidence, he quotes the lines:

Он бог твой, бог твой, о Россия!
Он члены взял в тебе плотские,
Сошед к тебе от горних мест (256)¹¹.

These words are taken from Lomonosov’s Ode, but the Compiler references them to *Kabinet Petra*, a work which describes the contents of Peter’s *kunstkamera* (Cabinet of Curiosities) in St Petersburg, where its author, Osip Belyaev, was the Superintendent. Belyaev, when describing the greatcoat Peter had worn at the Battle of Poltava, had wondered, “кто бы не ощутил достождного к Монарху сему благоговения, и не сказал бы в сердце своем: *Он Бог, Он Бог твой был, Россия!*..”¹² [Беляев, с. 94]. As Zhivov and Uspenskii noted, Lomonosov put these lines into the mouth of the god Mars, addressing the goddess Minerva; by equating Peter with a pagan rather than a Christian divinity, they suggested, the poet sought to avoid an ac-

¹⁰ On the ceremony in St Petersburg, see, for example [Берхгольц, с. 201].

¹¹ “He is thy god, thy god, O Russia! / In thee he assumed fleshly limbs, / Having descended to thee from the heights”. Translation here and hereafter by M. P.

¹² “Who would not feel fitting reverence towards this Monarch and say in his heart: ‘He was God, he was thy God, O Russia!’” Unlike the Compiler, Belyaev, who cites Lomonosov in a footnote, quotes the first line correctly. Belyaev had earlier used the term *bozhestvo Rossii* when he described an elderly visitor who referred to the wax figure of Peter in the *kunstkamera* as an image of the “divinity of Russia” [Беляев, с. 84].

cusation of blasphemy [ЖИВОВ, УСПЕНСКИЙ, с. 178]. In Belyaev's quotation, however, the line "Mighty Mars declares to Minerva" is omitted, so that the Compiler may be forgiven for assuming that Lomonosov was identifying Peter with the God of the Bible (256). Thus, the Compiler clearly interpreted the subsequent reference to the god's assumption of human flesh as a blasphemous reference to the incarnation of Christ, and, hence, as evidence that the tsar was none other than Satan – who, after he had been thrown out of the heavenly angelic ranks for his pride, "assumed fleshly limbs", as predicted by the Church fathers, and was incarnated in Peter (256–257).

Later, the author quotes (somewhat loosely, as Kel'siev observes in a footnote; and without providing a reference to either Lomonosov or Belyaev) an extract from another of Lomonosov's Odes (his ode on the anniversary of Elizabeth's accession to the throne in 1747), which was used as the epigraph to Belyaev's book: "зиждатель мира искони положил своими судьбами прославить в ваши дни, он послал в Россию человека, какой несльшим был от века..." (260)¹³. This quotation occurs in the context of another tirade by the author against Peter's pride, which he illustrates by reproducing (259–260) (again, without providing a reference) an extensive passage from P. N. Krekshin's *Short Description of the Glorious and Memorable Deeds of the Emperor Peter the Great* [КРЕКШИН, 1788, с. 63–65]¹⁴. This is a curious work in which Krekshin (1684–1763) imagined conversations in the afterlife (the "kingdom of the dead") between Peter, on the one hand, and Ivan the Terrible, Charles XII of Sweden, King Solomon and Alexander the Great, on the other¹⁵. The passage quoted in the *Compilation* is taken from a speech which Krekshin put into Peter's mouth as a boast to Ivan the Terrible about his achievements, which the Compiler cites as an example of Peter's arrogance and his claim to God-like status (259). It is perhaps surprising that the Compiler should have allocated so much space to this enthusiastic apologia for Peter; his intention, it seems, was to present the tsar's achievements as the work of the Devil and to condemn him for boasting about them.

The Compiler appends to his version of Peter's speech some words which actually appear rather later in Krekshin's book, in an episode in which King Solomon provides his judgment of the relative merits of Peter and Charles XII [КРЕКШИН, 1788, с. 95]: "...в величестве и в великославных делах Петру Великому от начала мира никто подобен не был"¹⁶ (260). The Compiler notes the similarity of this phrase to two apocalyptic Biblical passages, the first of which he paraphrases as: "зверь той горд

¹³ "In the beginning the creator of the world determined by predestination to glorify himself in your days. He sent to Russia a person who was unheard of from the beginning."

¹⁴ The author has previously cited this work – as *The Kingdom of the Dead* (Царство мертвых) – as evidence for Peter's adoption of the title "Father of the fatherland" (отец отечества) in 1721 (248).

¹⁵ On this work, see: [Шмурло, прим., с. 62]. According to Shmurlo, such conversations among the dead were quite a common method of presenting historical events in the eighteenth century.

¹⁶ "In greatness and in glorious deeds no-one from the beginning of the world has been comparable to Peter the Great."

и страшен, ни единому неподобный” (italics in the original)¹⁷ – a reference to the fourth Beast in the Book of Daniel (cf. Dan. 7 : 7); the second – “кто подобен зверю и кто может ратоваться с ним?”¹⁸ – refers to the Beast from the Sea in the Book of Revelation (cf. Rev. 13 : 4) (260). Since these apocalyptic Beasts are generally seen by Biblical scholars as analogous to Satan, the Compiler is here presenting Peter’s alleged claim to be incomparable as further proof of his identity as the Antichrist.

The spirit of Peter the Great

The Compiler also cites Belyaev’s *Kabinet Petra* when he makes the case that all Peter’s successors on the throne are Antichrists. Belyaev had described how his visitor, standing in front of Peter’s statue, exclaimed that Peter would always help the Russian army, because his spirit was alive in every Russian warrior, and “дух Великой Екатерины II есть дух Великого Петра, есть дух Самого Бога”¹⁹ [Беляев, с. 85–86]. For the Compiler, of course, Peter’s spirit was not that of God, but of Satan. “Зрите, человецы,” he exclaims,

и вонмите, и рассмотрите по Святому Писанию, в киих летех жительствуем и кто ныне обладает вами! ибо дух Петров царствует во всех до скончания века, яко свидетельствует книжка К а б и н е т П е т р а; ибо дух государей российских есть дух Петра великого. Зрим, како дух его богоборной во всех властодержцах действует и действовать будет до скончания века...²⁰ (254–255).

Later, the author declares that, “российские императоры от Петра и до окончания века – вси преемницы престола его и исполнители законов оного...”²¹ (264).

On the basis of this idiosyncratic version of the argument that the current Russian ruler (presumably Alexander I) is the Antichrist, the author calls on all “true Christians” to reject any contact with the state: to refuse to register for the census, not to pay taxes, not to obey the laws, and not to accept the official calendar (251–267 *passim*). In these passionate appeals, the Compiler shows that he is a true disciple of Evfimii, and that he occupies a position close to that of the *beguny*, as Shchapov had pointed out in his essay on that sect (see above).

¹⁷ “That beast was proud and terrible, and not comparable to anyone.”

¹⁸ “Who is comparable to the beast, and who can fight against it?”

¹⁹ “The spirit of the Great Catherine II is the spirit of the Great Peter, is the spirit of God himself.”

²⁰ “Look, O people, and hearken, and see in Holy Scripture, in what years we are living, and who now rules you! For the spirit of Peter reigns in them all until the end of time, as the little book *Kabinet Petra* bears witness; for the spirit of the Russian sovereigns is the spirit of Peter the Great. We see how his Godless spirit acts in all rulers, and will act until the end of time.”

²¹ “Russian emperors from Peter till the end of time are all the successors to his throne and executors of his laws.”

* * *

The evidence we have considered in this study suggests that the material in the *Compilation* that is derived from late eighteenth-century secular sources amounts to rather more than simply “supplements and insertions” to an earlier work, as Eleonskii described it (see above): rather, it provides an original and distinctive set of “proofs” of Peter’s identity as the Antichrist; and strongly suggests that the work as a whole was written after the end of the eighteenth century, probably in 1819, the year which the author mentions in relation to his critique of Peter’s calendar reforms²². It suggests, too, that while Zhivov and Uspenskii were undoubtedly correct to observe that the metaphorical sacralisation of the ruler in secular works, such as the courtly panegyric odes of the mid-eighteenth century, contributed to Old Believer perceptions of the tsar as Antichrist, an important role was also played by more popular publications, such as the collections of anecdotes about Peter, which promoted a kind of “cult” of the tsar²³. These latter works provided the general reader with an image of Peter as a God-like figure, which the Compiler was able to subvert in order to make the case for the tsar’s Satanic identity.

Список литературы

Беляев О. П. Кабинет Петра Великого : в 3 ч. СПб. : Имп. акад. наук, 1793. Ч. 1. [6], 170 с.

Берхгольц Ф. В. фон. Дневник камер-юнкера Берхгольца : [в 4 ч.]. М. : Тип. Каткова и Ко, 1858. Ч. 1. 1721-й год. 275 с.

Выписана История печатная о Петре Великом. Собрание от Святого Писания о Антихристе // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1863. Кн. 1. С. 52–71.

Гурьянова Н. С. Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхагологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск : Наука, 1988. 188 с.

Евфимий. Учение Евфимия (основателя Страннической секты в Ярославской губернии) // Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В. Кельсиевым. Вып. 4. Лондон : Trübner & Co, 1862a. С. 248–258.

Евфимий. Выписка из Цветника Евфимия // Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В. Кельсиевым. Вып. 4. Лондон : Trübner & Co, 1862b. С. 259–273.

Елеонский Ф. Г. О состоянии русского раскола при Петре I. СПб. : Тип. департамента уделов, 1864. 158 с.

Живов В. М., Успенский Б. А. Царь и Бог : Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Успенский Б. А. Избр. тр. : в 3 т. М. : Гнозис, 1994. Т. 1. С. 110–218.

²² The 7th revision (the first census to be conducted after the Napoleonic Wars), which was implemented between 1815 and 1825, is probably the census to which the author so frequently refers.

²³ N. S. Gur'yanova tells us that some *begun* authors of the late 18th – early 19th centuries made use of secular 18th-century publications in their writings about Peter as Antichrist [Гурьянова, с. 43–44].

Кельсиев В. И. Предисловие В. Кельсиева // Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В. Кельсиевым. Вып. 2. Лондон : Trübner & Co, 1861. С. III–XVIII.

Крекишин П. Н. Сказание о рождении, о воспитании и наречении на всероссийский царский престол его царского пресветлого величества государя Петра Первого. М. : Тип. Пономарева, 1787. [6], 58 с.

Крекишин П. Н. Краткое описание славных и достопамятных дел императора Петра Великого... Представленное разговорами в царстве мертвых... СПб. : Имп. тип., 1788. [4], 104 с.

Мальцев А. И. Староверы-странники в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск : Сиб. хронограф, 1996. 268 с.

Перри М. Русская народная эсхатология и легенда о Петре I – Антихристе // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Сер.: История. 2016. Вып. 4. С. 77–86. DOI 10.21638/11701/srbu02.2016.407.

Собрание от Святого Писания о Антихристе // Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В. Кельсиевым. Вып. 2. Лондон : Trübner & Co, 1861. С. 245–267.

Шмурло Е. Ф. Петр Великий в оценке современников и потомства. Вып. 1 (XVIII век). СПб. : Сенат. тип., 1912. II, 108, 161 с.

Штелин Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом : Собранные Яковом Штелиным : в 2 ч. 3-е изд. М. : Тип. Решетникова, 1830. Ч. 2. IV, 179 с.

Щапов А. П. Русский раскол старообрядства. Казань : Изд. книгопродавца Ивана Дубровина, 1859. [4], 547, [2] с.

Щапов А. П. Земство и раскол II. Бегуны // Щапов А. П. Соч. : в 3 т. СПб. : Изд. М. В. Пирожкова, 1906. Т. 1. С. 505–579.

Cherniavsky M. The Old Believers and the New Religion // *Slavic Rev.* Vol. 25. 1966. № 1. P. 1–39.

Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. New Haven ; L. : Yale Univ. Press, 1998. 602 p.

Marsden T. The Crisis of Religious Toleration in Imperial Russia: Bibikov's System for the Old Believers. Oxford : Oxford Univ. Press, 2015. 304 p.

References

Belyaev, O. P. (1793). *Kabinet Petra Velikogo v 3 ch.* [The Cabinet of Peter the Great. 3 Parts]. St Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk. Part 1. [6], 170 p.

Bergholz, F. W. von (1858). *Dnevnik kamer-yunkera Berkhgol'tsa v 4 t.* [The Diary of Kamer-Junker Bergholz. 4 Vols.]. Moscow, Tipografiya Katkova i Co. Part 1. 1721-i god. 275 p.

Cherniavsky, M. (1966). The Old Believers and the New Religion. In *Slavic Rev.* Vol. 25. No. 1, pp. 1–39.

Eleonskii, F. G. (1864). *O sostoyanii russkogo raskola pri Petre I* [On the Condition of the Russian Schism under Peter I]. St Petersburg, Tipografiya departamenta udelov. 158 p.

Evfimii (1862a). Uchenie Evfimiya (osnovatelya Strannicheskoi sekty v Yaroslavskoi gubernii) [The Teachings of Evfimii (the Founder of the Wanderer Sect in Yaroslavl Province)]. In *Sbornik pravitel'stvennykh svedenii o raskol'nikakh, sostavlennyy V. Kel'sievym.* Iss. 4. L., Trübner & Co., pp. 248–258.

Evfimii (1862b). Vypiska iz Tsvetnika Evfimiya [An Extract from Evfimii's *Miscellany*]. In *Sbornik pravitel'stvennykh svedenii o raskol'nikakh, sostavlennyy V. Kel'sievym.* Iss. 4. L., Trübner & Co., pp. 259–273.

Gur'yanova, N. S. (1988). *Krest'yanskii antimonarkhicheskii protest v staroobryadcheskoi eskhatologicheskoi literature perioda pozdnego feodalizma* [Peasant Anti-Monarchist Protest in Old Ritualist Eschatological Literature of the Late Feudal Period]. Novosibirsk, Nauka. 188 p.

Hughes, L. (1998). *Russia in the Age of Peter the Great*. New Haven, L., Yale Univ. Press. 602 p.

Kel'siev, V. I. (1861). Predislovie V. Kel'sieva [Foreword by V. Kel'siev]. In *Sbornik pravitel'stvennykh svedenii o raskol'nikakh, sostavlennyy V. Kel'sievym*. Iss. 2. L., Trübner & Co., pp. III–XVIII.

Krekshin, P. N. (1787). *Skazanie o rozhdanii, o vospitanii i narechenii na vserossiiskii tsarskii prestol ego tsarskogo presvetlogo velichestva gosudarya Petra Pervogo* [An Account of the Birth, Upbringing and Designation to the All-Russian Tsarist Throne of His Radiant Tsarist Majesty the Sovereign Peter I]. Moscow, Tipografiya Ponomareva. [6], 58 p.

Krekshin, P. N. (1788). *Kratkoe opisanie slavykh i dostopamyatnykh del imperatora Petra Velikogo... Predstavlennoe razgovorami v tsarstve mertvykh...* [A Short Description of the Glorious and Memorable Deeds of the Emperor Peter the Great... Represented in Conversations in the Kingdom of the Dead...]. St Petersburg, Imperatorskaya tipografiya. [4], 104 p.

Mal'tsev, A. I. (1996). *Starovery-stranniki v XVIII – pervoi polovine XIX v.* [The Old Believer “Wanderers” in the Eighteenth and First Half of the Nineteenth Centuries]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf. 268 p.

Marsden, T. (2015). *The Crisis of Religious Toleration in Imperial Russia: Bibikov's System for the Old Believers*. Oxford, Oxford Univ. Press. 304 p.

Perrie, M. (2016). Russkaya narodnaya eskhatologiya i legenda o Petre I – Antikhriste [Russian Popular Eschatology and the Legend about Peter I as Antichrist]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya: Istoriya*. Iss. 4, pp. 77–86. DOI 10.21638/11701/spbu02.2016.407.

Shchapov, A. P. (1859). *Russkii raskol staroobryadstva* [The Russian Schism of the Old Ritualists]. Kazan, Izdanie knigoprodavtsa Ivana Dubrovina. [4], 547, [2] p.

Shchapov, A. P. (1906). Zemstvo i raskol II. Beguny [Society and the Schism II. The Runaways]. In Shchapov, A. P. *Sochineniya v 3 t.* St Petersburg, Izdanie M. V. Pirozhkova. Vol. 1, pp. 505–579.

Shmurlo, E. F. (1912). *Petr Velikii v otsenke sovremennikov i potomstva* [Peter the Great in the Judgment of Contemporaries and of Posterity]. Iss. 1 (XVIII vek). St Petersburg, Senatskaya tipografiya. II, 108, 161 p.

Sobranie ot Svyatogo Pisaniya o Antikhriste [A Compilation from Holy Scripture about the Antichrist]. (1861). In *Sbornik pravitel'stvennykh svedenii o raskol'nikakh, sostavlennyy V. Kel'sievym*. Iss. 2. L., Trübner & Co., pp. 245–267.

Stählin, J. von (1830). *Podlinnye anekdoty o Petre Velikom. Sobrannyye Yakovom Shteliny v 2 ch.* [Authentic Anecdotes about Peter the Great. Collected by Jacob von Stählin. 2 Parts]. 3rd Ed. Moscow, Tipografiya Reshetnikova. Part 2. IV, 179 p.

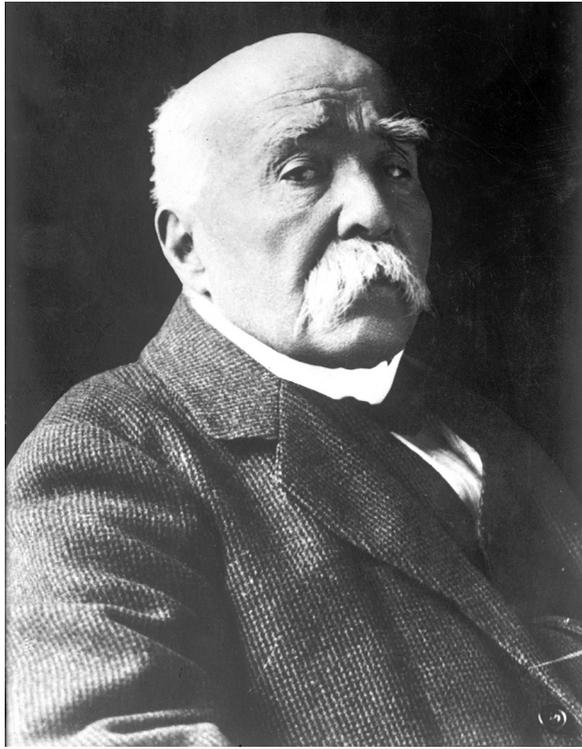
Vypisana Istoriya pechatnaya o Petre Velikom. Sobranie ot Svyatogo Pisaniya o Antikhriste [A Copy of a Printed History about Peter the Great. A Compilation from Holy Scripture about the Antichrist]. (1863). In *Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete*. Book 1, pp. 52–71.

Zhivov, V. M., Uspenskii, B. A. (1994). Tsar' i Bog. Semioticheskie aspekty sakralizatsii monarkha v Rossii [Tsar and God. Semiotic Aspects of the Sacralisation of the Monarchy in Russia]. In Uspenskii, B. A. *Izbrannyye trudy v 3 t.* Moscow, Gnozis. Vol. 1, pp. 110–218.

The article was submitted on 13.12.2020

Origines

Премьер-министр Франции Ж. Клемансо. Фото. 1900-е гг.
G. Clemenceau, Prime Minister of France. Photograph. 1900s

Origines

**ПИСЬМО САМАРСКОГО «КОНСУЛА» ПРЕМЬЕР-
МИНИСТРУ ФРАНЦИИ О СОБЫТИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЫ: ДОЛГ ГРАЖДАНИНА И ЛИЧНЫЙ ИНТЕРЕС***

Юлия Галкина

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**A LETTER FROM THE SAMARA “CONSUL” TO THE PRIME
MINISTER OF FRANCE ABOUT THE EVENTS OF THE
CIVIL WAR: A CITIZEN’S DUTY AND SELF-INTEREST**

Yulia Galkina

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The letter by French “consul” Jeannot proposed to the reader highlights the participation of French military and diplomatic representatives in the Civil War in the Volga Region in 1918. Soviet historiography considers Jeannot one of the key figures who caused the situation in the Czechoslovak Corps in the spring of 1918 to destabilise; however, information about him is scarce. This letter highlights the role of Jeannot in events related to the mutiny of the Czechoslovak legion and demonstrates his motivation and understanding of events in Russia between 1914 and 1918. The letter dates from September 1919 and is addressed to Georges Clemenceau, president of the Council of Ministers of France. According to the document, Jeannot wanted compensation for the financial costs that he had incurred during his mission in Russia and aspired to demonstrate his usefulness and competence in the “Russian question” to the officials of the Third Republic. The document touches upon the financial side of French anti-Soviet actions in the Volga Region and French speculation in the Russian domestic market in 1918.

* *Citation:* Galkina, Yu. (2021). A Letter from the Samara “Consul” to the Prime Minister of France about the Events of the Civil War: A Citizen’s Duty and Self-Interest. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 1. P. 297–308. DOI 10.15826/qr.2021.1.580.

Цитирование: Galkina Yu. A Letter from the Samara “Consul” to the Prime Minister of France about the Events of the Civil War: A Citizen’s Duty and Self-Interest // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 1. P. 297–308. DOI 10.15826/qr.2021.1.580 / Галкина Ю. Письмо самарского «консула» премьер-министру Франции о событиях Гражданской войны: долг гражданина и личный интерес // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 1. С. 297–308. DOI 10.15826/qr.2021.1.580.

Jeannot's letter is kept in the fund of the Second Bureau of the General Staff of France of the Historical Service of the French Ministry of Defense (Service Historique de la Défense).

Keywords: Czechoslovak Legion, allied intervention in Russia, Jeannot, First World War, French-Russian relations

Письмо французского «консула» Жанно освещает проблему участия военных и дипломатических представителей Франции в событиях Гражданской войны в русском Поволжье в 1918 г. Хотя фигура Жанно рассматривается исследователями в качестве одной из ключевых, оказавших влияние на дестабилизацию обстановки в Чехословацком корпусе весной 1918 г., его личность остается малоизученной. Письмо, датированное сентябрем 1919 г., раскрывает роль «консула» Жанно в событиях, связанных с выступлением Чехословацкого корпуса, и демонстрирует его личную мотивацию и понимание происходившего в России. Адресатом послания является премьер-министр Франции Жорж Клемансо: по всей видимости, Л. Жанно стремился как компенсировать финансовые издержки, которые он понес в ходе миссии в России, так и продемонстрировать одному из первых лиц Третьей Республики свою полезность, возможность «вернуться в строй». В документе затронуты сюжеты, связанные с финансированием французских антисоветских акций в Поволжье, спекуляции французов на русском внутреннем рынке в 1918 г. Публикуемый впервые документ содержится в фонде 2 Бюро Генштаба Франции (7N) Исторической службы Министерства обороны Франции (Service historique de la Défense).

Ключевые слова: Чехословацкий армейский корпус, межсоюзническая интервенция в России, Люсьен Жанно, Первая мировая война, франко-русские отношения

История Чехословацкого армейского корпуса, в особенности сюжет, связанный с эскалацией его вооруженного противостояния с большевиками в мае 1918 г., широко освещены в историографии. Дискуссионным остается вопрос подготовки выступления чехословаков. Советская историография возлагала ответственность за создание напряженной обстановки в корпусе на французов, англичан, американцев, считавшихся агентами Антанты. Вопросы вызывал как сам факт участия представителей бывших союзных держав в подготовке «мятежа», так и поиск «подстрекателей» национальных частей к выступлению. Одним из агентов, дестабилизировавших обстановку в Поволжье, стал самарский «консул» Жанно. В работах советских исследователей сложился слабо детализированный образ «французского консула». Отмечались его сотрудничество с Комучем, координация деятельности левых и правых эсеров, кадетов. К контрреволюционерам он обращался

от лица французского правительства с подачи посла Ж. Нуланса [Ликвидация левоэсеровского мятежа, с. 102; Соловьев, с. 230–232; Медведев, с. 83, 97].

О биографии Люсьена Жанно известно немного. К моменту революции он проживал в России около 20 лет (Москва, ул. Садовая-Спасская, 19), работал учителем французского языка в 4-й мужской гимназии [Вся Москва, с. 177]. В Трубниковском переулке проживал его брат Фелисьен Жанно, впоследствии ставший сотрудником французской военной миссии в России. С началом войны Л. Жанно вел активную деятельность в сфере антигерманской пропаганды, был вхож во французские дипломатические круги, а через брата имел возможность контактировать с французской миссией. Ключевыми вопросами его биографии являются обстоятельства и дата командирования в Самару. Вероятно, французский «консул» появился в Поволжье не позднее середины мая 1918 г. [Соловейчик, с. 8], по воспоминаниям штаб-офицера при военном министре Комуча И. Ильина, он был лишен одной ноги, ходил в военной форме и «производил внушительное впечатление», но, по мнению местных политических деятелей, был «большой жулик» [Скитания русского офицера, с. 288]. Беседы Жанно и Ильина характеризуют первого как человека, стремившегося решать политические вопросы, связанные с деятельностью самарских властей, местных партийных организаций. Генерал Н. Галкин, управляющий военным ведомством Комуча, называл Жанно в числе координаторов действий антибольшевистского подполья (главным образом чехов и эсеров), действовавшего якобы с ведома и согласия главы французской военной миссии в России генерала Лаверня [Воспоминания о Комуче, с. 46–47]. Предположение Галкина, что Жанно возглавлял французскую контрразведку, лишено, на наш взгляд, всяких оснований. При этом автор воспоминаний высказывал сомнение относительно подлинности телеграмм Лаверня, сообщающих о широких полномочиях «консула» в Самаре [Там же, с. 54–55].

В одном из писем сотрудник французской военной миссии Пьер Паскаль вспоминал о своей поездке в расположение Чехословацкого корпуса, совершенной вместе с майором А. Гине по указанию начальника французской миссии. П. Паскаль, несмотря на симпатии к большевикам, был уверен, что глава миссии непричастен к выступлению, напротив – Лавернь стремился выполнять «миротворческую» функцию, для чего и направил двух офицеров к чехословакам. Ответственность за конфликт в его понимании несли русские контрреволюционеры, стущавшие тучи над корпусом, спекулируя на немецкой угрозе, и представители Чешского национального совета, стремившиеся сделать корпус инструментом для свержения большевиков [Pascal, p. 169–170]. В свою очередь, один из деятелей сибирских кадетов А. Соловейчик полагал, что именно

французский «консул» Л. Жанно выступал с идеей свержения советской власти силами Чехословацкого армейского корпуса и конспиративно обращался к местной политической элите с призывом быть готовой к такому повороту событий [Соловейчик, с. 8–10]. Также П. Паскаль, стремясь (умышленно или неумышленно) отвести подозрения от генерала Лаверня, отмечал, что этими действиями контрреволюционеры в первую очередь стремились угодить послу Нулансу. Это подводит к вопросу, кто был инициатором миссии Л. Жанно.

Сюжет, связанный с деятельностью Л. Жанно, отражен в воспоминаниях премьер-министра Франции Поля Рейно (1940), который в 1919 г. находился в России при военной миссии генерала М. Жанена¹. Л. Жанно вызывал недовольство главы миссии, и Рейно было поручено «разобраться в его деле». Так, он сообщал, что «консул» был направлен в Самару генералом Лавернем. По приезду в город он убедил местных французских подданных в том, что они нуждаются в консуле, и в итоге избрался таковым. В ходе решения возникавших вопросов продовольственного снабжения Жанно прибегал к помощи сотрудников французской военной миссии в России, например, майора Гине. П. Рейно обращал внимание на роскошь, которая окружала самопровозглашенного консула, на его финансовые спекуляции, недовольство русского населения его обогащением на местных ресурсах, а также на борьбу с настоящим консулом Франции Люсьеном Комо, приехавшим в Самару в начале июня 1918 г. [Reynaud, p. 120–122]. О подлинном назначении Комо свидетельствуют как списочный состав консульского аппарата на территории России [АМАЕ. Ser. Z. Carton 607. Dos. 4. P. 42], так и телеграмма Ж. Нуланса с обсуждением его назначения [АМАЕ. Ser. Z. Carton 607. Dos. 2. P. 4].

Л. Комо¹, в свою очередь, жаловался Ж. Нулансу на активность Л. Жанно, который фактически узурпировал консульские полномочия, не давая возможности работать реальному представителю французского МИД: «Результатом является то, что мои превосходные отношения с генеральным штабом (дутовско-эсеровским) со времени возвращения господина Жанно потерпели ущерб: так, во имя своих военных надобностей он лишил меня автомобиля, предоставленного в мое распоряжение, и заявил, что консул должен заниматься только консульскими делами». С другой стороны, Комо отмечал его предприимчивость в скупке природных богатств России, в финансовых спекуляциях и трате средств на оплату вербовщиков пленных [Северная коммуна, с. 2]. Основным лейтмотивом письма стало стремление лишить «самопровозглашенного консула» его полномочий.

¹ Автор выражает благодарность кандидату исторических наук А. А. Вершинину за возможность ознакомиться с оригинальным изданием воспоминаний Поля Рейно.

По свидетельству П. Рейно, Л. Комо не удалось переиграть более удачливого соперника Л. Жанно, вследствие чего Комо вскоре отбыл в Уфу [Reynaud, p. 122]. Напрашивается вывод, что Л. Жанно, по всей видимости, был креатурой генерала Лаверня, о чем свидетельствуют источники. Вряд ли французский посол Нуланс имел намерение стравливать в Самаре двух посланников.

Денежные средства Жанно получал от Генерального консульства Франции в Москве, о чем свидетельствуют выписки о выданных сотрудникам суммах. Так, 22 июля 1918 г. консульство осуществило перевод для Жанно (с формулировкой «на покупку еды») на сумму 40 тыс. руб. [SHD/T. 8 N 17. P. 8]. Вместе с тем, некорректно было бы утверждать, что подобное свидетельство однозначно «привязывает» Жанно к МИДу, хотя аппарат МИД Франции на территории России был осведомлен о его пребывании и стоявших перед ним задачах. При этом документы (отчет главы Ведомства иностранных дел Комуча, члена ЦК ПСР М. А. Веденяпина о финансовой деятельности Комуча от 29 апреля 1919 г., дневниковые записи члена Конституционно-демократической партии А. Г. Елшина о ситуации и настроениях летом 1918 г. в Самарской партийной организации) указывают на то, что средства для содержания чехословацкой армии и формирования славянских батальонов Жанно получал от Комуча [Под знаменем Комуча, с. 264, 452]. Закономерным итогом стал арест Л. Жанно французской военной миссией. Инициатива ареста принадлежала начальнику военной миссии в Сибири генералу М. Жанену, который полагал, что «консул» серьезно портит имидж Франции в регионе.

Обращаясь к последним фундаментальным изданиям сборников документов, посвященных деятельности Чехословацкого армейского корпуса [см., например: Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус], и к событиям 1918 г. в Самаре [Под знаменем Комуча], можно констатировать недостаточную освещенность взаимодействия антибольшевистских сил с французами, наиболее активными участниками интервенции. Публикуемый документ проливает свет на проблему участия французских военных и дипломатических представителей в событиях Гражданской войны в Поволжье, проясняет сложившуюся в 1918 г. в Самаре политико-экономическую обстановку. В тексте раскрываются стереотипы мышления французов относительно революционного процесса в России.

Представленный документ содержится в фонде 2 Бюро Генштаба Франции (7N) Исторической службы Министерства обороны Франции (Service historique de la Défense) и представляет собой машинописный текст без рукописных помет. Публикация источника сопровождается комментарием и переводом, выполненными автором.

L. JEANNOT, Hotel Terminus
Ch. 355 Rue St-Lazare
à Monsieur le Président du
Conseil des Ministres

Paris, le 6 Septembre 1919

Monsieur le Président,

Le 13 Juin 1918 j'arrêtais les Tchéco-Slovaques à Samara, retenant ainsi 1.500.000 prisonniers Austro-allemands, internés dans les camps de concentration des Gouvernements d'Ouralsk, d'Orenbourg, de Samara et de Sibérie, prisonniers qui devaient être dirigés à "TRAINS FORCES" et par les voies les plus rapides sur l'Allemagne par les soins de Von Mirbach et avec la complicité des Leninn^{II} et des Trotsky, rendant, je le crois du moins, un signalé service non seulement à la France, mais encore à tous les Alliés. Or, Monsieur le Président du Conseil des Ministres, pour des raisons qui me sont inconnues encore, j'ai été retenu à Omsk par la Mission Militaire française huit mois en prévention de Conseil de guerre. L'affaire s'est terminée par un "non lieu" rendu en ma faveur comme me l'a fait savoir la cédule qui m'a été communiqué en temps et lieu par le Greffe du Conseil...

Depuis le début de la guerre je n'ai cessé de m'occuper de propagande et au mois de mai 1915 je faisais le voyage Moscou-Paris, à mes frais, – et venais demander au Ministère des Affaires Etrangères de vouloir bien m'aider dans l'oeuvre que j'avais entreprise, – à mes frais aussi, – oeuvre dans laquelle j'ai été aide par Monsieur Engelhardt alors Consul Général à Moscou. A l'office de propagande de la rue Edouard VII où j'avais été envoyé, il me fut répondu "De la propagande dans un pays allié, mais vous n'y pensez pas!" Désolé, mais non désespéré, je revenais à Moscou conter "mon insuccès" à Monsieur le Consul Général et mes amis et moi avons continué livrés à nos seules ressources. Nous avons continué avec d'autant plus d'énergie que nous savions fort bien à quoi nous en tenir sur les menées allemandes en Russie: Nous savions fort bien que la Russie ne tiendrait pas jusqu'au bout car nous savions fort bien que l'Allemagne consacrait des sommes considérables pour provoquer la Révolution, nous savions fort bien que la Révolution de 1905 n'avait été qu'un essai de mobilisation des forces boches en Russie. Nous avons lutté avec d'autant plus d'acharnement contre l'emprise allemande que chacun de nous avait au front qui un fils, qui un père, qui un frère, qui un parent, qui un ami. Pour ma part j'avais cinq frères au front. L'un a été tué sur sa pièce, l'autre est mort des suites de ses blessures, le troisième a été amputé de la jambe droite et cité à l'ordre du jour, voici la citation. <...>

Mon cousin germain, le Sous-Lieutenant Henri Durel était tué le 18 Mai 1917 au Chemin des Dames à l'Epine de Chevrier. Dans l'Aisne mon autre Cousin Germain Josef Durel, Sous-Lieutenant était nommé Capitaine et décoré de la Légion d'Honneur, il est aujourd'hui au Ministère des Inventions. Enfin, Monsieur le Président du Conseil, mon frère Edouard a été blessé et mon autre frère, Félicien Jeannot qui faisait partie de la Mission Lavergne, est actuellement en prison à Moscou plus mal traité que les autres parce qu'il est mon frère et que ma tête est mise à prix par les Bolcheviks 500.000 Roubles. Ma femme et ma petite fille sont je ne sais où en Russie; j'en suis sans nouvelles depuis dix-huit mois. Et, Monsieur le Président du Conseil, en votre âme et conscience^{III}, je vous demande, si en arrêtant les Tchèques à Samara, j'ai pris en considération mes intérêts personnels? Etait-il de mon intérêt personnel de risquer et ma situation que j'ai

perdue et ma vie et celle de mes parents? <...> Je n'ai aucun mérite à avoir fait ce que j'ai fait, et, si j'avais à le faire je le ferais encore sans hésitation aucune. L'officier rapporteur m'a reproché toutes sortes de choses auxquelles je ne comprends absolument rien. Entre autres il m'a reproché une opération sur les grains ayant pour but de faire baisser le prix de la farine. J'y suis parvenu, et du jour au lendemain, je faisais tomber à Samara les prix du poud de farine de 85.00 et 75 roubles à 25,23 et 22 roubles. La majeure partie des bénéficiaires a été employée à faire de la propagande dans les camps de prisonniers pour le recrutement des Tchèques, des Roumains, etc... J'étais isolé de tout et de tous, et il me fallait bien trouver des ressources pour soutenir le mouvement. Je les ai trouvées sans qu'il en coûte en sou à la France. Au reste j'ai fait cette opération avec l'assentiment des Autorités Militaires Françaises elles-mêmes et je crois la remarque de Monsieur l'Officier Rapporteur assez peu fondée puisque la Mission Militaire elle-même ayant besoin de roubles mettait par voie d'annonces 100.000 Francs aux enchères dans les Journaux d'Omsk. Et qui songerait à l'en blâmer? – A situation extraordinaire, mesures extraordinaires. Il fut un moment où il a été très difficile de se procurer de l'argent en Russie. Ceci est tellement vrai que le Capitaine Bordes étant envoyé en mission par le Général Lavergne et ayant réussi au péril de sa vie à traverser les lignes bolcheviques arrivait à Samara sinon léger d'espoir mais tout au moins léger d'argent et me demandait 100.000 roubles pour les besoins de la Mission de Kasann. J'avancai les 100.000 roubles: ils furent remis au Sergent Gourdin qui m'en donna reçu, et qui les remit au Capitaine Bordes au mois d'Août 1918. Au reste Monsieur le Sous-Intendant Militaire Fave attaché à la Mission Militaire en Sibérie étant alors à Omsk me pria dans sa lettre du 26 Mars 1919 de passer à son bureau le 29 du même mois à 10 heures du matin pour y recevoir une communication au sujet d'une créance me concernant et m'avisa qu'en épurant les comptes du Capitaine Bordes ce dernier reconnaissant avoir reçu les 100.000 Roubles en question, et, Monsieur le Sous-Intendant FAVE ajoutait que, pour rentrer en possession de la somme par moi avancée, j'eusse à faire une demande au Département. Or, Monsieur le Président du Conseil, cette demande n'a pas encore été faite. Je vous prierais donc de bien vouloir donner les ordres nécessaires pour que ma créance me soit remboursée par le Ministère de la Guerre au cours du mois d'Août 1918, c'est-à-dire, au cours de un franc dix. Le reçu du Sergent Gourdin est en possession de la Mission Militaire Française ou il doit du moins y être, car, dans cette affaire qui est la mienne tout s'est fait illégalement: malgré mes protestations répétées dans le wagon que j'habitais, procès-verbal des pièces saisies n'a pas été dressé par plus que l'inventaire d'objets m'appartenant. De plus j'ai été jeté à la porte du wagon en question avec des réfugiés de Samara par 30 degrés Reaumur au dessous de zéro et nous aurions péri de froid^{IV} et de faim, un gîte étant presque impossible à trouver à Omsk vu l'affluence des réfugiés, si des paysans russes qui ont eu pitié de nous ne nous avaient recueillis. Pour ma part, j'ai eu la jambe qui me reste gelée. Mais, Monsieur le Président du Conseil, je le répète, je ne me plains pas. D'autres ont été beaucoup plus éprouvés que moi. Je me croirais amplement récompensé si, vous vouliez bien m'entendre car, ayant habité la Russie pendant vingt-deux ans et m'étant donné la peine d'étudier la mentalité russe et les transformations de cette mentalité sous l'influence allemande, il y a apparence que je sois au courant de ce que nous préparent les Soviets. Je reviens d'Omsk très documenté, ayant beaucoup vu et beaucoup entendu, pendant les huit mois que j'y suis resté – à quelque chose malheur est bon, – j'ai été en relations avec nombre de personnes

connues: Avcentiew, Lébédiew, Alecéiew, Broussilow, Doutow, Volsky, Tchernow, et...
bien d'autres.

Sollicité par les journaux dont je suis correspondant de leur envoyer des articles, sollicité par certains groupes de faire une série de conférences, j'hésite à le faire, étant de retour depuis peu et, par conséquent, ignorant de l'esprit qui règne en France. Estimant de plus que l'union sacrée qui fit notre force est à l'ordre du jour plus que jamais, étant des convaincus qui croient que par la Russie la guerre continue avec l'Allemagne et peut prendre plus tôt qu'on pense d'autres proportions que la lutte qui vient à peine de finir, pour ces motifs, avant que d'entreprendre quoi que ce soit, j'ai l'honneur de vous prier de vouloir bien m'accorder quelques instants d'entretien. En vous demandant une telle faveur je ne crois pas vous faire perdre un temps précieux pour la France.

Je vous prie, Monsieur le Président du Conseil, de vouloir bien agréer l'expression de mon admiration, les saluts respectueux d'un homme qui, s'il sert moins bien son pays que vous, l'aime avec autant de passion que vous.

Signé: Jeannot

[Service historique de la Défense (Terre). 7 N 762. P. 1-5].

Машинопись. Копия.

Перевод

Л. Жанно, отель Терминюс
Комната 355, Улица Сен-Лазар
Г-ну Председателю Совета министров

Париж, 6 сентября 1919

Господин Председатель!

13 июня 1918 года я остановил чехословаков в Самаре, задержав тем самым 1.500.000 австро-германских пленных, интернированных в концлагеря властями Уральска, Оренбурга, Самары и Сибири, пленных, которые должны были отправиться кратчайшими путями в скорых поездах в Германию заботами фон Мирбаха с согласия Ленина и Троцкого, я оказал большую услугу, по крайней мере, я так считаю, не только Франции, но всем союзникам. Однако, господин председатель Совета министров, по причинам, которые мне пока не известны, я был задержан в Омске французской военной миссией [и провел] восемь месяцев в предварительном заключении [по решению] военного трибунала. Дело закончилось в мою пользу «за отсутствием состава преступления», что мне и было сообщено постановлением, врученным впоследствии канцелярией Совета.

С начала войны я непрерывно занимался пропагандой, а в мае 1915 года за свой счет совершил поездку Москва – Париж и обратно в Министерство иностранных дел за поддержкой в моей работе, которую я предпринял тоже за свой счет, – работе, в которой меня поддерживал г-н Энгельгардт, тогда генеральный консул в Москве^V... В бюро пропаганды на ул. Эдуарда VII^{VI}, куда я был направлен, мне сказали: «Пропаганда в союзной стране? И не думайте

об этом!» Огорченный, но не отчаявшийся, я вернулся в Москву рассказать о своей неудаче г-ну генеральному консулу, моим друзьям, и мне пришлось и впредь рассчитывать только на собственные ресурсы. Мы продолжили с тем большей энергией, поскольку вполне отчетливо понимали, что делать с немецкой пропагандой в России: мы очень хорошо понимали, что Россия не продержится до конца, ибо прекрасно знали, что Германия выделила значительные суммы, чтобы спровоцировать революцию, мы хорошо знали, что революция 1905 года была не более, чем попыткой мобилизации сил бошей в России. Мы с большим ожесточением боролись против немецкого влияния, поскольку у каждого из нас на фронте был или сын, или отец, или брат, или родственник, или друг. У меня на фронте было пять братьев. Один был убит при своем оружии, другой умер от ран, третьему ампутировали правую ногу и отметили в приказе, вот выдержка. <...>

Мой двоюродный брат су-лейтенант Анри Дюрель был убит 18 мая 1917 года на Шмен-де-Дам у высоты Epine de Chevigny^{VII}. На Эне другой мой двоюродный брат Жозеф Дюрель, су-лейтенант, был произведен в капитаны и возведен в степень кавалера Ордена Почетного легиона, сегодня он в Министерстве науки. Наконец, господин председатель, мой брат Эдуард был ранен, а другой брат Фелисьен Жанно, состоявший в миссии Лаверня^{VIII}, сидит в настоящее время в московской тюрьме, и с ним обращаются хуже, чем с другими, поскольку он мой брат^{IX}, а моя голова оценена большевиками в 500 000 рублей. Моя жена вместе с маленькой дочерью находятся неизвестно где в России^X, у меня нет от них известий уже 18 месяцев. Однако, господин председатель, скажите мне откровенно, принимал ли я во внимание свои личные интересы, останавливая чехов в Самаре? В моих ли личных интересах было рисковать собственным положением, которое я утратил, своей жизнью и жизнью своих родных?.. Я ничего не заслужил, сделав то, что я сделал, но, если бы пришлось делать это снова, я сделал бы без малейшего колебания. Офицер, проводивший дознание, упрекал меня в самых разных вещах, в которых я не понимаю абсолютно ничего. Среди прочего он вменил мне в вину операцию с зерном, целью которой было понижение цены на муку. Я в этом преуспел и мгновенно добился падения в Самаре цены за пуд муки с 85,80 и 75 рублей до 25,23 и 22 рублей. Большая часть прибыли была использована для ведения пропаганды в лагерях военнопленных с целью рекрутирования чехов, румын и др... Я был изолирован от всего и вся, и мне очень надо было добыть ресурсы для поддержания действий. Таким образом, я их добыл, и это ни гроша не стоило Франции. Впрочем, я провел эту операцию с одобрения тех же французских военных властей и считаю обвинение г-на офицера довольно слабо обоснованным, поскольку сама военная миссия, имея потребность в рублях, выставила на торги 100 000 франков путем объявлений в омских газетах. И кто подумал бы ее за это осуждать? В чрезвычайной ситуации – чрезвычайные меры. Был момент, когда было очень трудно добыть деньги в России. Это исключительно верно, например, капитан Борд^{XI}, отправленный на задание генералом Лавернем и сумевший с риском для жизни пересечь большевистские фронты, прибыл в Самару если не утратив надежду, то, по крайней мере, истратив деньги, и просил у меня 100 000 рублей на нужды миссии в Казани. Я выделил 100 000 рублей, они были переданы сержанту

Гурдену^{XII}, который дал мне в том расписку и передал их капитану Борду в августе 1918 года. Впрочем, г-н су-интендант Фав, прикомандированный к военной миссии в Сибири, будучи тогда в Омске, просил меня в письме от 26 марта 1919 года прибыть в его бюро 29 числа того же месяца в 10 утра для получения извещения по поводу касающегося меня долгового обязательства и сообщил мне, что при закрытии счетов капитана Борда последний признал, что получил упомянутые 100 000 рублей, кроме того, Фав добавил: чтобы снова завладеть выделенной мною суммой, мне надо сделать запрос в департамент. Однако, господин председатель, этот запрос до сих пор не сделан. Я же просил бы вас благоволить сделать необходимые распоряжения, чтобы моя ссуда была мне возмещена Военным министерством по курсу августа 1918 года, иначе говоря – по курсу франка 1 : 10. Долговая расписка сержанта Гурдена находится, по крайней мере должна находиться, во французской военной миссии, ибо в таком деле как мое все делалось незаконно: несмотря на многочисленные протесты, мне не разрешалось присутствовать при обысках, производившихся в вагоне, где я проживал, протокол изъятых вещей не составлялся, равно как и опись принадлежащих мне вещей. Более того, я был выброшен за дверь упомянутого вагона вместе с беженцами из Самары при 30 градусах ниже нуля по Реомюру, нам пришлось претерпевать холод и голод, поскольку в Омске было почти невозможно найти жилье из-за наплыва беженцев, если бы русские крестьяне не пожалели и не приютили бы нас. У меня была обморожена нога. Но, господин председатель, повторяю, я не жалуясь. Другие претерпели больше меня. Я хотел бы простой компенсации, если вы благоволите меня выслушать, так как, прожив в России 22 года и дав себе труд изучить русский менталитет и трансформации этого менталитета под немецким влиянием, я, очевидно, в курсе того, что готовят нам Советы. Я вернулся из Омска, вооруженный документами, многое повидал и многое слышал в течение восьми месяцев, которые я там провел, – несчастье является своего рода благом – я встречался с множеством известных персон: Авксентьевым, Лебедевым, Алексеевым, Брусиловым, Дутовым, Вольским, Черновым и... многими другими.

Настойчиво склоняемый газетами, корреспондентом которых я являюсь, написать для них статьи, побуждаемый некоторыми сообществами сделать серию докладов, я колеблюсь, так как вернулся недавно и, как следствие, не знаю настроений, которые царят во Франции. К тому же, полагая, что священный союз, создавший нашу силу, более, чем когда-либо, актуален, придерживаясь убеждений, что через Россию продолжается война с Германией, и она может принять иные, чем многие думают, масштабы, нежели битва, которая закончилась совсем недавно, по этим мотивам, прежде чем предпринимать что бы то ни было, я имею честь просить вас соблагволить уделить мне несколько мгновений встречи. Испрашивая вас об этой милости, я не считаю, что заставляю вас терять драгоценное для Франции время.

Прошу вас, господин председатель, принять поклоны с выражением искреннего восхищения от человека, который, если и служит своей стране менее усердно, чем вы, во всяком случае, любит ее так же горячо, как и вы.

Подписано: Жанно

Примечания

^I Люсьен Гастон Селестен Комо (Lucien Gaston Célestin Caumeau, род. 7 июня 1888 г.) – французский дипломат. До назначения в Россию работал в посольствах Франции в Болгарии, Румынии, Турции. В марте 1917 г. – в Генеральном консульстве Франции в Москве. С июня по ноябрь 1918 г. пребывал в Самаре в качестве консула. После заключения Компьенского перемирия переведен в Уфу. Оставался в Сибири до 16 декабря 1919 г.

^{II} Так в тексте.

^{III} Так в тексте.

^{IV} Так в тексте.

^V Имеется в виду генеральный консул Франции в Москве Густав Энгельгардт, работавший в России с 1913 г. до вступления в должность генконсула Фернана Гренара 31 декабря 1917 г.

^{VI} На улице Эдуарда VII, д. 2 располагалась служба пропаганды МИД Франции, которая образовалась в 1915 г. усилиями министра иностранных дел Т. Делькассе.

^{VII} В тексте источника указано «l'Erine de Chevrièr», что является неточностью. Erine de Chevrièr – высота, расположенная к северу от коммуны Брей-ан-Ланнуа, битва за нее являлась одним из ключевых моментов сражения на Шмен-де-Дам.

^{VIII} Жан-Франсуа Анри Мари Гийом Лавернь (Jean-François-Henri-Marie-Guillaume Lavergne) – начальник французской военной миссии в России с марта 1918 г. (сменил на посту главу миссии генерала Анри Нисселя, покинувшего страну после заключения Брестского мира).

^{IX} Фелисьен Жанно (Félicien Jeannot) – сотрудник французской военной миссии в России (Москва) в звании аджудана. Был арестован большевиками 24 октября 1918 г. По свидетельству руководителя французской военной миссии в Москве майора Шапуйи, Ф. Жанно был подвергнут аресту потому, что его «энергичная позиция и твердые убеждения были замечены большевиками». 11 ноября 1918 г. Жанно был выпущен на свободу, однако 24 ноября снова арестован при подготовке к бегству (вместе с лейтенантом Иллиаке) и заключен в тюрьму «за ведение антибольшевистской пропаганды среди рядового состава миссии». Освобожден в феврале 1919 г. [SHD/T, 6 N 220].

^X Имеется в виду Анна-Эмма Жанно. Супруга Л. Жанно была вывезена сотрудником генерала Лаверня капитаном Бордом из Самары в Москву весной 1918 г. [Bradley, p. 145].

^{XI} Этьен Борд (Etienne Bordes) – бывший сотрудник французской военной миссии в Румынии (начальник – генерал Анри Бертело). По указанию генерала Бертело был направлен в качестве курьера в Новочеркасск для передачи денежных средств белогвардейцам. По свидетельству сотрудника французской военной миссии Пьера Паскаля, «приехал с юга, где организовывал эвакуацию некоторых материалов с Запада на Восток и осуществлял уничтожение произведений искусства. В Москве он продолжает работу по уничтожению, но уже не против немцев, а против большевиков. Действует независимо от миссии и службы разведки. Рекрутирует среди контрреволюционных элементов. В его банде человек 20, в том числе брат. Ему можно приписать поджог Рязанского вокзала и других вокзалов» [Паскаль, с. 514].

^{XII} Гурден (Gourdin) – бывший сотрудник французской военной миссии в Румынии, по свидетельству Пьера Паскаля, «этот Гурден хвалится, что подготовил три покушения на Ленина... <...> В миссии существовал склад гранат и револьверов. Гурден брал время от времени вечером эти гранаты и объявлял, что идет делать хорошую работу» [Паскаль, с. 514–515].

Список литературы

Воспоминания о Кочуче и Народной армии Н. А. Галкина // Боевой восемнадцатый год : сб. док. и воспоминаний / под ред. Я. В. Леонтьева. М. : Рус. книга, 2018. С. 44–100.

Вся Москва : адресная и справочная книга на 1917-й год. М. : Т-во А. С. Суворина «Новое время», 1917. 746 с.

Ликвидация левозсеровского мятежа в Москве в 1918 г. // Красный архив. 1940. Т. 101. С. 101–121.

Медведев Е. И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918–1919 гг.). Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1974. 352 с.

Паскаль П. Русский дневник (1916–1918). Екатеринбург : Гонзо, 2014. 592 с.

Под знаменем Комуча : (Самарский край, июнь – октябрь 1918 г.) : сб. док. и материалов. Самара : Книж. изд-во, 2018. 584 с.

Северная коммуна. 1918. № 89.

Скитания русского офицера: дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М. : Рус. путь, 2016. 480 с.

Соловейчик А. С. Борьба за возрождение России на Востоке : Поволжье, Урал и Сибирь в 1918 г. Ростов н/Д : [Б. и], 1919. 61 с.

Соловьев О. Ф. Великий Октябрь и его противники. М. : Мысль, 1968. 327 с.

Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920 : Документы и материалы : в 2 т. 1918–1920 гг. М. : Кучково поле, 2018. Т. 2. Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1024 с.

АМАЕ. Ser. Z. Carton 607. Dos. 2, 4.

Bradley J. F. N. The Czechoslovak Revolt against the Bolsheviks // *Soviet Studies*. Vol. 15. 1963. № 2. P. 124–151.

Pascal P. En communisme. Mon journal de Russie 1918–1921. Lausanne : L'Âge d'Homme, 1977. 226 p.

Reynaud P. Mémoires. Venu de ma montagne. Paris : Flammarion, 1960. 506 p.

SHD/T. 6 N 220. 7 N 762. 8 N 17.

References

АМАЕ. Ser. Z, Carton 607. Dos. 2, 4.

Bradley, J. F. N. (1963). The Czechoslovak Revolt against the Bolsheviks. In *Soviet Studies*. Vol. 15. No. 2, pp. 124–151.

Cheshsko-Slovatskii (Chekhoslovatskii) korpus. 1914–1920. Dokumenty i materialy v 2 t. [The Czechoslovak Army Corps. 1914–1920. Documents and Materials. 2 Vols.]. (2018). Moscow, Kuchkovo pole. Vol. 2. Chekhoslovatskie legiony i Grazhdanskaya voyna v Rossii. 1024 p.

Likvidatsiya levoeserovskogo myatezha v Moskve v 1918 g. [The Liquidation of the Left Social Revolutionary Rebellion in Moscow in 1918]. (1940). In *Krasnyi arkhiv*. Vol. 101, pp. 101–121.

Medvedev, E. I. (1974). *Grazhdanskaya voyna v Srednem Povolzh'e (1918–1919 gg.)*. [The Civil War in the Middle Volga Region (1918–1919)]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. 352 p.

Pascal, P. (1977). *En communisme. Mon journal de Russie 1918–1921*. Lausanne, L'Âge d'Homme. 226 p.

Pascal, P. (2014). *Russkii dnevnik (1916–1918)* [Mon journal de Russie (1916–1918)]. Yekaterinburg, Gonzo. 592 p.

Pod znamenem Komucha (Samarskii krai, iyun' – oktyabr' 1918 g.). *Sbornik dokumentov i materialov* [Under the Banner of Komuch (Samara Region, June – October 1918). Collection of Documents and Materials]. (2018). Samara, Knizhnoe izdatel'stvo. 584 p.

Reynaud, P. (1960). *Mémoires. Venu de ma montagne*. Paris, Flammarion. 506 p.

Severnaya kommuna [Severnaya Kommuna]. (1918). No. 89.

SHD/T. 6 N 220. 7 N 762. 8 N 17.

Skitaniya russkogo ofitsera: dnevnik Iosifa Il'ina. 1914–1920 [The Wanderings of a Russian Officer: Iosif Ilyin's Diary. 1914–1920]. (2016). Moscow, Russkii put'. 480 p.

Soloveichik, A. S. (1919). *Bor'ba za vrozhdzenie Rossii na Vostoke. Povolzh'e, Ural i Sibir' v 1918 g.* [The Struggle for the Revival of Russia in the East. The Volga Region, the Urals and Siberia in 1918]. Rostov-on-Don, S. n. 61 p.

Solov'ev, O. F. (1968). *Velikii Oktyabr' i ego protivniki* [Great October and Its Adversaries]. Moscow, Mysl'. 327 p.

Vospominaniya o Komuche i Narodnoi armii N. A. Galkina [N. A. Galkin's Memoires about Komuch and the People's Army]. (2018). In Leont'ev, Ya. V. (Ed.). *Boevoi vosemnadsatyi god. Sbornik dokumentov i vospominanii*. Moscow, Russkaya kniga, pp. 44–100.

Vsya Moskva. Adresnaya i spravoch'naya kniga na 1917-i god [All-Moscow. Address and Reference Book for 1917]. (1917). Moscow, Tovarishchestvo A. S. Suvorina "Novoe vremya". 746 p.

The article was submitted on 09.03.2020

Disputatio

И. П. Фридриц. Портрет С. Д. Нечаева. 1827. Бумага, литография
I. P. Friedritz. Portrait of S. D. Nechayev. 1827. Paper, lithography

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ЖИЗНИ СТЕПАНА НЕЧАЕВА: ЛИТЕРАТОР И ДЕКАБРИСТ*

Владимир Шкерин

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН,
Екатеринбург, Россия

THE FIRST HALF OF STEPAN NECHAYEV'S LIFE: WRITER AND DECEMBRIST

Vladimir Shkerin

Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

The events that took place between 1825 and 1826 (Nicholas I's accession to the throne, the Decembrist revolt, and a large-scale investigation) led to a new historical era in Russia. These events divided the life of the Russian nobility, or at least the lives of many of its representatives, into "before" and "after". Stepan Dmitrievich Nechayev (1792–1860) did not put forward revolutionary ideas, nor was he a member of later Decembrist societies. He was not under investigation. However, his life was split in two. Before 1826, Nechayev was known as the author of numerous poems, aphorisms, travelogues, and translations. His *Love of the Public Good* encouraged him to serve the people's enlightenment selflessly, erect a monument to the heroes of the Battle of Kulikovo, and participate in literary, academic, and charitable societies. Nechayev was also a member of the Union of Prosperity. Usually, investigators were not interested in persons who had left Decembrist societies before 1821. But Nechayev signed a false statement according to which he had never been a member of such societies. For such acts of perjury, other members of the Union of Prosperity were sentenced to a month's imprisonment in the Peter and Paul Fortress. Nechayev also had artistic and friendly relationships with Decembrist writers A. A. Bestuzhev, K. F. Ryleev, and V. K. Küchelbecker, who played key or prominent roles in the preparation and realisation of the armed revolt on

* *Citation*: Shkerin, V. (2021). The First Half of Stepan Nechayev's Life: Writer and Decembrist. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 1. P. 311–324. DOI 10.15826/qr.2021.1.581.

Цитирование: Shkerin V. The First Half of Stepan Nechayev's Life: Writer and Decembrist // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 1. P. 311–324. DOI 10.15826/qr.2021.1.581 / Шкерин В. Первая половина жизни Степана Нечаева: литератор и декабрист // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 1. С. 311–324. DOI 10.15826/qr.2021.1.581.

14 December 1825 in St Petersburg. What saved Nechayev was his three-month official trip to Perm province, during which he successfully collected information about Old Believers and sectarians. Thus began the second half of his life, in which Nechayev held high positions, such as chief procurator of the Synod and senator, made no dangerous acquaintances, and abandoned the dream of literary fame.

Keywords: Decembrist movement, Russian literature, Stepan D. Nechayev, Nicholas I, Urals, Perm province, first half of the nineteenth century

События 1825–1826 гг. (вступление на престол Николая I, восстание декабристов и его масштабное расследование) знаменовали начало новой исторической эпохи в России. Эти события поделили надвое жизнь если не всего русского дворянства, то очень многих его представителей. Степан Дмитриевич Нечаев (1792–1860) не высказывал революционных идей, не входил в поздние декабристские общества и не находился под следствием. Однако и его биография оказалась расколота на две половины. До 1826 г. он был известен как автор многочисленных публикаций стихотворений, афоризмов, травелогов и переводов. «Любовь к общественному благу» побуждала его к бескорыстному служению народному просвещению, к хлопотам о воздвижении памятника героям Куликовской битвы, к участию в работе литературных, научных и благотворительных организаций. Одновременно Нечаев был членом Союза благоденствия. Как правило, следователи не интересовались лицами, покинувшими декабристские организации до 1821 г. Но Нечаев дал ложную подписку в том, что никогда не состоял в тайных обществах. За аналогичное клятвопреступление иные члены Союза благоденствия были наказаны месячным заключением в Петропавловской крепости. К тому же Нечаева связывали творческие и дружеские отношения с декабристами-литераторами А. А. Бестужевым, К. Ф. Рылеевым, В. К. Кюхельбекером, сыгравшими ключевые или заметные роли в подготовке и проведении вооруженного выступления 14 декабря 1825 г. в Петербурге. Спасением для Нечаева стала трехмесячная командировка в Пермскую губернию, в ходе которой он сам с успехом исполнял роль следователя – собирал сведения о старообрядцах и сектантах. Так началась вторая половина жизни Нечаева, в которой он занимал высокие посты обер-прокурора Синода и сенатора, не водил опасных знакомств и отказался от мечты о литературной славе.

Ключевые слова: движение декабристов, русская литература, С. Д. Нечаев, Николай I, Урал, Пермская губерния, первая половина XIX в.

«Декабристы – первые русские революционеры, выступившие с оружием в руках против самодержавия и крепостного права в декабре 1825 г.», – таким определением открывается главная книга советского декабристоведения – двухтомник академика М. В. Нечкиной [Нечкина, с. 5]. Формулировка, восходящая к публицистическим работам А. И. Герцена и В. И. Ленина, насквозь идеологична и лишь отчасти верна. «Алфавит», составленный правителем дел следственной

комиссии 1825–1826 гг. А. Д. Боровковым, показывает, что половина привлеченных не понесла наказания и еще многие отделились перекладами в иные полки или места службы [Декабристы, 1988, с. 403]. Власть сочла революционерами далеко не всех участников движения.

Постсоветская историография также не считает революционность сущностной характеристикой декабризма и, по меньшей мере, декларирует освобождение от былой заидеологизированности темы [Бокова, 2001, с. 526; Ильин, с. 8–9]. Члены тайных обществ, не исповедовавшие радикальных взглядов и методов, обрели полноценное право именоваться декабристами, а вместе с ним и внимание исследователей, которым были обделены прежде. Современные авторы исходят из того, что термин «декабризм» покрывает «широчайший спектр... политических доктрин и практических позиций» [Гордин, кн. 1, с. 163], и что «в общества входили слишком разнородные по убеждениям, целям и интересам люди» [Бокова, 2003, с. 97], поэтому «облик такого сложного общественного явления, как конспиративные объединения декабристов... зависит от представлений о каждом из его участников» [Ильин, с. 8].

Степан Дмитриевич Нечаев уже становился героем нашей монографии, изданной в 2005 г. [Шкерин]. За прошедшие с той поры полтора десятилетия удалось разыскать ряд архивных документов (писем, дипломов и пр.), существенно дополнивших представления о жизни и мировоззрении «безвестного декабриста». В этот же период к жизнеописаниям героя, созданным С. Л. Мухиной, О. Е. Глаголевой и В. О. Осиповым [Глаголева; Мухина, 1975; Мухина, 1983; Осипов], добавилась небольшая книга И. В. Грачевой, составленная из биографического очерка и подборки литературных произведений Нечаева [Грачева]. Указанные обстоятельства побудили нас вернуться к рассмотрению наиболее насыщенного событиями отрезка биографии С. Д. Нечаева – вплоть до 1825–1827 гг., когда он был вынужден кардинально поменять свою жизненную стратегию. Впрочем, в эти годы менять стратегию пришлось если не всему российскому дворянству, то очень многим его представителям.

* * *

7 октября 1826 г. из Москвы в Пермскую губернию спешно и без бумаг выехал чиновник особых поручений надворный советник С. Д. Нечаев. Вослед себе он затребовал всю касающуюся поездки документацию: от писем генерал-губернатора князя Д. В. Голицына до предписания о выдаче прогонных денег. Канцелярия успела собрать пакет лишь через две недели – к 21 октября. В тот день Нечаев уже покидал Пермь, чтобы продолжить вояж в Екатеринбург, Кыштым и далее.

Причина для спешки у него имелась веская. Подавив восстания декабристов, Николай I потребовал собрать со всех чиновников и дво-

рян подписки «в том, что они ни к каким тайным обществам... принадлежать не будут». Принадлежавшие ранее обязаны были об этом сообщить. Нечаев письменно заверил, что в обществах не состоял. Однако в Туле, где он служил прежде, старший учитель Д. И. Альбицкий сознался, что был принят Нечаевым в Союз благоденствия, а почтмейстер И. С. Бабаев – что такое предложение от него получал [Отголки, с. 336]. Главноуправляющий III отделения Собственной его императорского величества канцелярии генерал-адъютант А. Х. Бенкендорф приказал начальнику 2-го (Московского) жандармского округа генерал-майору А. А. Волкову собрать о Нечаеве «полные сведения». Инициатором сыска мог выступить и сам император [Ильин, с. 395–396].

Тогда-то Нечаев и отбыл на Урал. Очевидно, помог ему в этом московский наместник князь Голицын, недовольный, как и многие иные сановники, внезапным и чрезмерным возвышением III отделения [Чукарев, с. 143–144].

Оказавшийся в центре этих событий С. Д. Нечаев родился 18 июля 1792 г. в семье богатого рязанского помещика. В сентябре 1810 г. члены правления Московского университета во главе с ректором И. А. Гельмом выдали «дворянину Степану Нечаеву» аттестат, оценив его знания по всем предметам как хорошие, основательные и изрядные [РГАДА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 3129. Л. 2]. В службу Нечаев вступил 16 января 1811 г. актуариусом Коллегии иностранных дел. В период войны 1812 г. участвовал в формировании ополчения во Владимире и Арзамасе. Для самого Нечаева военная стезя была закрыта из-за врожденной или приобретенной в детстве хромоты. Но роль «архивного юноши» его тоже не прельщала. Начальник Московского архива Министерства иностранных дел А. Ф. Малиновский 28 июня 1814 г. рекомендовал Нечаева «в директоры Рязанской гимназии» [ОР РНБ. Ф. 391. Д. 506. Л. 1]. Рекомендация сработала не вполне: в октябре Нечаев вернулся на Рязанщину почетным смотрителем Скопинского уездного училища.

Как литератор Нечаев дебютировал в 1816 г. публикациями стихов в «Русском вестнике» и «Вестнике Европы» (далее – «ВЕ»). Стихотворение «На слово “люблю”» из № 9 «ВЕ» за 1816 г., разойдясь по альбомам, утратило имя автора и позднее приписывалось то Ю. П. Лермонтову (отцу поэта), то А. Г. Чавчавадзе (переведшему его на грузинский язык) [Вацуро, 2004, с. 312–314].

Публикацию стихотворения Нечаева «Один еще денек» в № 12 «ВЕ» за 1817 г. сопровождала помета: «Музыка, сочиненная г-м Рачинским, находится при конце сей книжки». Скрипач Г. А. Рачинский не остался единственным композитором, превратившим эти стихи в романс. Свой вариант музыки предложил А. А. Алябьев, не знакомый с Нечаевым и указавший на нотах: «Слова К. Кантакузина». Ошибся Алябьев и в датировке: «Романс сочинен в 1815 году, когда я был в гусарском полку». Между тем, с 1814 г. композитор служил

в конно-егерском полку, а ментик вновь надел в 1817-м (когда и было опубликовано стихотворение) [Штейнпресс, с. 59].

Удачным оказался 1817 г. и в карьерном отношении: 18 сентября Нечаев стал директором училищ Тульской губернии. На этом посту он открывал ланкастерские школы, городские училища и пансионы, приумножал библиотеки, перестраивал гимназические корпуса и пр. При этом отказался от штатного жалования и призывал губернское дворянство жертвовать на пользу народного просвещения [Глаголева].

С 1819 по 1826 г. «ВЕ» публиковал нечаевские «Мысли, сравнения и замечания» («Мысли», «Мысли и замечания»). По мнению В. Э. Вацуро, в этих афоризмах «особое место занимают проблемы морали и этики, приобретающей с течением времени все более явный религиозный оттенок», а «в критической своей части его размышления сближаются с программой Союза благоденствия» [Вацуро, 1994, с. 216]. «Изба степного крестьянина во многом походит на двор монарха, – писал Нечаев в 1819 г. – Как здесь, так и там беспрестанно попадают в глаза несносные тараканы, докучливые сверчки, ядовитые пауки, жадные цыплята и пр. Одних кротких голубей не увидишь во дворцах» [Нечаев, 1819, с. 152]. С годами надежды на благие перемены таяли:

Зачем люди стремятся приобретать политическую свободу, не довольно ли для них нравственной? И умеют ли они пользоваться ею к своему благополучию?

Мы не видим в природе ни совершенно правильных тел математических, ни совершенно ровных плоскостей, ни совершенно прямых линий, но имеем способность представлять себе такие протяжения. Не то же ли самое можно сказать и о правосудии, бескорыстии и так далее? [Нечаев, 1824, с. 144, 145].

30 октября 1820 г. Нечаев вступил в Общество любителей российской словесности при Московском университете и в ноябре прочел на его собрании речь «Мысли о выборе предметов в изящных искусствах вообще», изложив в ней свое литературное кредо:

Не подлежит никакому сомнению влияние искусств на образованность гражданских обществ. <...> Но не всегда и не везде способствовали они к утверждению нравственности, которая должна быть истинною целью и вождленным плодом образования народного.

Все изящное, по Нечаеву, несет в себе «высокое или прелестное». Первое волнует «благороднейшую натуру человека – дух его бессмертный». «Прелестное, напротив, оказывает власть свою над низшею натурою, над нашею чувственностью...» Для воспитания не «тирана», но «ангела-утешителя и защитника человечества» Нечаев призывал брать сюжеты произведений «из преданий отечественных, из собы-

тий, непосредственно до нас касающихся», приводя в пример литераторов И. И. Дмитриева, В. А. Озерова, В. А. Жуковского, скульпторов Э. М. Фальконе и И. П. Мартоса [РГИА. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 96. Л. 1–36.].

Обращение к отечественной истории и упоминание Мартоса были не случайны. В том же году «ВЕ» опубликовал нечаевское «Письмо из Тулы», извещавшее, что «известный художник» работает над проектом памятника «Димитрию Донскому на самом месте знаменитой победы над Мамаем на славном поле Куликове» [С. Н., с. 149]. Мартос предлагал возвести монумент величиной «с Геркулеса Фарнезского» [Проект]. Нечаев предоставлял для этого свои родовые земли по берегам реки Непрядвы – там, где стояло сельцо Куликово (Куликовка). Доказывая правильность выбора, он поместил в «ВЕ» за 1821 г. (№ 8, 14 и 24) серию статей о месте Мамаева побоища с рисунками найденных артефактов, которые хранил в имении Полибино (Сторожевая Слобода) Данковского уезда и в своей московской квартире [Свинын, с. 53; Наумова, с. 15–17].

Поэт Нечаев активно осваивал новые для себя журналы: «Соревнователь просвещения и благотворительности», «Благонамеренный», «Сын отечества», «Дамский журнал», альманах «Новые Аониды на 1823 год». В феврале 1823 г. он познакомился с петербургским издателем, литератором и критиком А. А. Бестужевым. К тому времени Бестужев в литературном обзоре «Полярной звезды на 1823 год» уже отнес Нечаева к авторам, о которых «можно с похвалой упомянуть» [Бестужев, 1975а, с. 393]. В течение года Нечаев собирал «у московских стихотворцев статьи» для альманаха, который Бестужев издавал совместно с К. Ф. Рылеевым. В «Полярной звезде на 1824 год» увидело свет нечаевское стихотворение «Сирота».

Между тем, 18 мая 1823 г. Нечаев получил «пошпорт» об увольнении «для излечения к Кавказским Минеральным водам» [РГИА. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 4. Л. 1]. По сути, это была отставка, ибо 15 октября по возвращению из поездки Нечаев оставил службу в Туле.

В 1823-м году был я на водах кавказских не с одним намерением поправить свое здоровье, но гораздо более для того, чтоб удовлетворить справедливое любопытство, чтоб осмотреть весь полуденный Восток России [Нечаев, 1972, с. 111].

Первым литературным плодом этой поездки стало стихотворение «Ручей Улькуш», написанное в Кисловодске в августе. Нечаев опубликовал его в 1824 г. дважды: в № 7 «ВЕ» и в альманахе «Мнемозина» князя В. Ф. Одоевского и В. К. Кюхельбекера.

В том же году Нечаев, уже перешедший на службу к московскому градоначальнику, вновь встречался с наезжавшим из столицы Бестужевым. Отношения их стали дружескими, но сведений о том, что Бестужев поведал москвичу о своем и Рылеева вступлении в Северное общество, нет. В числе иных московских трофеев Бестужев увез

в Петербург большое стихотворение Нечаева «Воспоминания», посвященное поездке в «полуденную Россию» и опубликованное в «Полярной звезде на 1825 год». В помещенном там же обзоре Бестужев упомянул «несколько приятных безделок в журналах, разбросанных Н. Языковым, И. И. Козловым, Писаревым, Нечаевым...» [Бестужев, 1975b, с. 408]. Более высоко оценил нечаевское творчество А. И. Тургенев в письме князю П. А. Вяземскому от 28 мая 1825 г.:

...Стихи Козлова и Нечаева – украсили бы и европейский журнал...
Я очень доволен стихами Нечаева: они полны мыслей и чувства. Язык чистый и благозвучный... [Тургенев, с. 200].

Не состоя в Северном обществе, Нечаев оказался опасно близок с его членами. В № 14 «ВЕ» за 1824 г. он поместил эпитафию одному из них – умершему от чахотки П. Д. Черевину:

Минувшая весна его полезной жизни
Вся протекла в трудах и жертвах добрых дел;
Он жил для счастья земной своей отчизны, –
И рано в лучшую отчизну отлетел.

«Покойный Черевин был человек истинно достойный: у нас были общие знакомые и приятели (Нечаев, Пущин и другие)», – вспоминал литератор и декабрист В. Кюхельбекер [Кюхельбекер, с. 229]. Стихи Нечаева высечены на надгробии Черевина на кладбище Донского монастыря в Москве [Декабристы, 2009, с. 77–79].

В 1824 г. Нечаев поместил в «Мнемозине» «Застольную песнь греков» – свое самое декабристское по духу и содержанию произведение:

Исчезнут мрачны препинанья,
Замолкнет грустный звук цепей,
И совершатся ожиданья
Отчизны истинных друзей.
Свободы песнь благословенна
Промчится по родным полям,
С землей забытой примиренна,
Астрея возвратится к нам.
Тогда мы братский круг составим
И, разогнав тиранства тень,
Отчизны светлый день прославим,
Как славим ныне дружбы день!
[Декабристы, 1951, с. 269].

Греки упомянуты лишь в заглавии «песни», и ни разу – в самом тексте. Биографы Нечаева единодушны во мнении, что поэт адресовал эти строки соотечественникам [Мухина, 1983, с. 184; Осипов, с. 41].

«Где ты, милый? Что с тобою?..» – вопрошал Нечаев Бестужева в письме от 25 мая 1825 г. (всего через месяц после очередного визита Бестужева в Москву) и добавлял: «Поклонись от меня другу Грибодову и Кондратью Федоровичу», то есть Рылееву [К литературной и общественной истории, с. 592–593]. Летом того же года Бестужев вновь «жил гостем» у Нечаева [Письма, с. 325].

Николай Полевой затеял в 1825 г. издание «Московского телеграфа», и Нечаев поместил в новом журнале стихи «Умиравший певец» (№ 1) и «К Я-у» (№ 10), а также хронику «Отечественные известия» (№ 4). Историк О. В. Орлик отмечала, что последняя публикация, наряду с работами декабристов Ф. Н. Глинки, Н. М. Муравьева, М. Ф. Орлова и И. Г. Бурцова, способствовала укреплению «высокого морального духа, патриотических настроений в армии» [Орлик, с. 250]. «К Я-у» посвящено сосланному на Кавказ А. И. Якубовичу, с которым Нечаев встречался на водах. Нечаев писал Бестужеву 9 ноября 1825 г.:

Ты взял с собою мое послание к Лиодору. Больше и лучше на сей раз ничего нету. <...> С нетерпением жду твоих повестей. Давыдов догадывается, что «Кровь за кровь» родом из Кавказа. Якубович был твоею музою. Пожми за меня его богатырскую руку. Привези его с собою. Обнимаю почтенного Рылеева... [К литературной и общественной истории, с. 319–320].

«Послание к Лиодору» – это, конечно, переданные для публикации «Два послания к Леониду». Автор каламбурил, намекая на незавершенную повесть Н. М. Карамзина «Лиодор». Давыдов – возможно, поэт-гусар Д. В. Давыдов [Попов, с. 24]. Наиболее же интригует догадка о том, что повесть Бестужева «Кровь за кровь» («Замок Эйзен») «родом из Кавказа». Действие в ней происходит в Ливонии XVI в. С Якубовичем эту историю роднит один тираноборческий сюжет: барона Бруно фон Эйсена убивает обиженный им племянник Регинальд. Так же и Якубович, прибыв в столицу для лечения, сказал Рылееву и Бестужеву, что не простил царю ссылки и намерен его убить: «Тогда пользуйтесь случаем: делайте, что хотите! Созывайте ваш великий собор и дурачьтеесь досыта!» [Восстание декабристов, т. 1, с. 181]. Не означает ли это, что Нечаев был в курсе интриги?

Далее последовали внезапная кончина Александра I, междоусобица, мятежи декабристов, аресты Рылеева, Бестужева, Кюхельбекера и Якубовича (последний в крепости вспоминал Нечаева [Зубков, с. 258]). Нечаев пока не чувствовал опасности и спал лишь отдаленные злосчастным издателям стихи. Еще в марте 1825 г. Рылеев и Бестужев, поглощенные делами Северного общества, решили прекратить издание альманаха. Прощальный номер, названный «Звездочкой», был уже в типографии, но к 14 декабря отпечатали только 80 страниц. «Кровь за кровь» прошла через печатный станок, стихи Нечаева – нет.

Впрочем, и оттиски, и рукописи были одинаково собраны в тюки и заперты в кладовых Главного штаба. «Два послания к Леониду» Нечаев передал в альманах «Урания», а стихотворение «К сестре» – в «Московский телеграф» (№ 2 за 1826 г.).

В «Телеграфе» вышли и нечаевские «Отрывки из путевых записок о Юго-Восточной России». Предваряя публикацию, Н. А. Полевой просил «сочинителя продолжить помещение путевых своих записок», поскольку сам видел в рукописи «описание Моздока, чеченцов, гребенских казаков, Кизляра и проч.» [Нечаев, 1826, с. 26]. Этого не случилось: травелог ограничен описанием Горячеводска (будущего Пятигорска) с окрестностями. Читавший «Отрывки» А. С. Пушкин взял из них сюжет для стихотворения «Обвал» [Комарович, с. 211].

Затем ситуация обострилась: Рылеева повесили, Бестужева и Кюхельбекера держали в крепостях, Якубовича увезли в кандалах в Сибирь, Альбицкий сознался. Нечаев как нельзя более вовремя был командирован на Урал в помощь флигель-адъютанту барону А. Г. Строганову. Барон расследовал убийство мастеровых по приказу управителя Кыштымских заводов Г. Ф. Зотова [Новокрещенных, с. 66]. Ревизор и не подозревал, с каким противодействием столкнется. Зотов, приказчики и владелицы Кыштымских заводов были старообрядцами. «Лихвенными взятками» от них кормились все горные чины Екатеринбургa и многие влиятельные лица губернской Перми [ГАСО. Ф. 43. Оп. 3. Д. 136. Л. 1–10]. С лихоимством барон надеялся разобраться сам, но оказалось, что никто во власти не представлял, как вообще устроен мир уральского раскола. Его-то и предстояло изучить Нечаеву.

За три месяца – до января 1827 г. Нечаев преодолел 3,5 тыс. верст, объехав почти всю обширную Пермскую губернию [РГИА. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 111. Л. 7–8 об.]. Итогом вояжа стали аналитическая «Записка о сектах, существующих в Пермской губернии», датированная 5 февраля 1827 г. [Там же. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 3. Л. 283–350], и дорожный дневник, который Нечаев вел согласно данной ему инструкции [Дневник]. Ни первая, ни вторая для публикации не предназначались.

Поездка на Урал спасла Нечаева. В апреле 1827 г. Волков доложил Бенкендорфу:

...Сколько ни старался разведать о г. Нечаеве, но ничего более узнать не смог, как только, что г. Нечаев в какой-то отдаленной губернии находится с флигель-адъютантом бароном Строгановым на следствии при особых полномочиях; по окончании чего был здесь в Москве только проездом и, отправясь в С.-Петербург, имеет там и донныне пребывание, – где, как сказывают, ищет определиться по какому-нибудь министерству или даже в собственной Его Величества канцелярии... [Мухина, 1975, с. 243].

Благостную характеристику Нечаева глава III отделения получил и от агента-литератора Ф. В. Булгарина:

Он человек смиренный и, как слышно, добрый. Он пишет плохие стихи и плохую прозу и, желая поместить в «Полярной звезде» свои труды, весьма ласкал Алек. Бестужева и Рылеева во время их проездов чрез Москву. <...> Никто не слышал из его приближенных, чтоб он дурно относился о правительстве [Видок Фиглярин, с. 383].

Впереди у Нечаева оставалась половина жизни, в которой ждали высокие посты обер-прокурора Синода и сенатора, занятия благотворительностью, ранняя смерть жены и славное потомство (одним из его сыновей был известный меценат Ю. С. Нечаев-Мальцов). В 1849–1850 гг. на Куликовом поле, на месте, выбранном Нечаевым, по проекту уже не Мартоса, но А. П. Брюллова был воздвигнут монумент. Ни стихов, ни «мыслей» Нечаев более не публиковал. Дружил и переписывался с Ф. Н. Глинкой, но обсуждали они большей частью вопросы благотворительности и астрологии [РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Д. 342. Л. 1–6].

В 1858 г. после десяти лет перерыва возродилось Общество любителей российской словесности при Московском университете [Гиляров-Платонов]. Нечаева как давнего члена общества настойчиво звали на заседания, но он отказывался «по болезненному состоянию». Наконец, 9 февраля 1859 г. просил председателя А. С. Хомякова «о благосклонном увольнении... от всех по званию Действительно Члена обязанностей», на прощание пожелав обществу «прочного преуспеяния» [ОПИ ГИМ. Ф. 280. Оп. 1. Д. 4. Л. 19–19 об.]. Умер Нечаев 5 сентября 1860 г. в Полибино в возрасте 68 лет.

Нет причин называть С. Д. Нечаева революционером, как нельзя считать революционной организацией и Союз благоденствия, в котором он состоял (хотя в этом обществе, конечно, имелись и революционеры). С другой стороны, членство Нечаева в союзе не было случайным, поскольку организация объединила в своих рядах «носителей определенных духовных ценностей, входящих в состав гражданско-патриотической модели» [Бокова, 2003, с. 104]. Мы не знаем, кто принял самого Нечаева в тайное общество, кто наделил его полномочиями на прием новых членов. Однако деятельность его на поприщах народного просвещения и изящной словесности вполне соответствовала указанной модели. При последующей радикализации тайного общества Нечаеву в нем места не осталось (как и очень многим членам Союза благоденствия). Но и тут надо признать, что рубежные 1825–1827 гг. ему удалось пройти достойнее многих – без раскаянья и отречения от замешанных в заговоре и мятеже друзей. А вот от дальнейших литературных занятий как от возможности способствовать «утверждению нравственности» и «образованию народному» Нечаев навсегда отказался: журнальные публикации 1826 г. стали последними в его жизни.

Список литературы

Бестужев А. А. Взгляд на старую и новую словесность в России // Декабристы : антология : в 2 т. Л. : Худож. лит., 1975а. Т. 2. Проза. Литературная критика. С. 380–398.

Бестужев А. А. Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов // Декабристы : антология : в 2 т. Л. : Худож. лит., 1975б. Т. 2. Проза. Литературная критика. С. 401–411.

Бокова В. М. «Больной скорее жив, чем мертв» : (Заметки об отечественном декабристоведении 1990-х годов) // 14 декабря 1825 года : Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 4. СПб. ; Кишинев : Nestor-Historia, 2001. С. 497–561.

Бокова В. М. Беспокойный дух времени : Общественная мысль первой трети XIX в. // Очерки русской культуры XIX века : в 6 т. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2003. Т. 4. С. 17–152.

Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры: «элегическая школа». СПб. : Наука, 1994. 240 с.

Вацуро В. Э. Александр Чавчавадзе и русская романсная лирика : (Разыскания) // Пушкин : Исследования и материалы. Т. 16/17. СПб. : Наука, 2004. С. 304–314.

Видок Фиглярин : Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / публ., сост., предисл. и коммент. А. И. Рейтблата. М. : Новое лит. обозрение, 1998. 704 с. Восстание декабристов : [в 22 т.]. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1925. Т. 1. 540 с. ГАСО. Ф. 43. Оп. 3. Д. 136.

Гиляров-Платонов Н. П. Возрождение Общества любителей российской словесности в 1858 году // Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 год. М. : Тип. И. Н. Кушнерев и комп., 1891. С. 139–152.

Глаголева О. Е. Основатель народных училищ Степан Дмитриевич Нечаев // Гордость земли Тульской : (Замечательные люди нашего края) : в 2 т. Тула : Приок. книж. изд-во, 1991. Т. 2. С. 337–342.

Гордин Я. А. Мятёж реформаторов : в 2 кн. СПб. : Изд-во Пушк. фонда, 2006. Кн. 1. 288 с.

Грачева И. В. «Путь трудной чести и добра...» : Жизнь и творчество С. Д. Нечаева. Рязань : Узорочье, 2009. 56 с.

Декабристы : биограф. справ. М. : Наука, 1988. 448 с.

Декабристы : Некрополь Москвы и Московской области / сост. В. Поляков. М. : Третий печат. дом, 2009. 220 с.

Декабристы : Поэзия. Драматургия. Проза. Публицистика. Литературная критика. М. ; Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1951. 688 с.

Дневник С. Д. Нечаева // Братское слово. 1893. Т. 2. С. 572–589, 662–672, 742–752, 827–838; 1894. Т. 1. С. 61–80, 143–153.

Зубков В. П. Из «Рассказа о моем заключении в Санкт-Петербургской крепости» // Петербург декабристов. СПб. : Контрфорс, 2000. С. 254–263.

Ильин П. В. Новое о декабристах : Прощенные, оправданные и необнаруженные участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб. : Нестор-История, 2004. 664 с.

К литературной и общественной истории 1820–1830 гг. / сообщил В. Е. Якушкин // Рус. старина. 1888. Т. 60. С. 149–168, 311–332, 583–600.

Комарович В. Л. Вторая кавказская поэма Пушкина // Пушкин : Временник Пушкинской комиссии. Вып. 6. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1941. С. 211–234.

Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л. : Наука, 1979. 790 с.

Мухина С. Л. Безвестные декабристы (П. Д. Черевин, С. Д. Нечаев) // Ист. зап. Т. 96. М. : Наука, 1975. С. 231–251.

Мухина С. Л. Современник декабристов С. Д. Нечаев // Вопр. истории. 1983. № 10. С. 183–187.

- Наумова Т.* «Уважая оружия сии...» // Родина. 2010. № 8. С. 15–20.
- Нечаев.* Мысли, сравнения и замечания // Вестн. Европы. 1819. № 6. С. 148–154.
- Нечаев.* Мысли и замечания // Вестн. Европы. 1824. № 6. С. 142–151.
- Нечаев.* Отрывки из путевых записок о Юго-Восточной России // Моск. телеграф. 1826. № 1. С. 26–41.
- Нечаев С. Д.* Воспоминания // Поэты 1820–1830-х годов : [в 2 т.]. Л. : Сов. писатель, 1972. Т. 1. С. 105–113.
- Нечкина М. В.* Движение декабристов : в 2 т. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. Т. 1. 483 с.
- Новокрещенных Н. Н.* Из истории Кыштымских горных заводов // Тр. Перм. учен. архив. комиссии. Вып. 2. Пермь : Тип. насл. П. Ф. Каменского, 1893. С. 61–83.
- Орлик О. В.* Декабристы и внешняя политика России. М. : Наука, 1984. 287 с. ОПИ ГИМ. Ф. 280. Оп. 1. Д. 4.
- ОР РНБ. Ф. 391. Д. 506.
- Осинов В. О.* Перстень с поля Куликова. М. : Молодая гвардия, 1987. 383 с.
- Отголоски 14-го декабря в Московском университете / сообщ. М. Гершензон // Рус. старина. 1910. № 2. С. 333–349.
- Письма Александра Александровича Бестужева к Н. А. и К. А. Полевым, писанные в 1831–1833 годах // Рус. вестн. 1861. Март. С. 285–335.
- Попов А. В.* Декабристы-литераторы на Кавказе. Ставрополь : Ставроп. кн. изд-во, 1963. 168 с.
- Проект памятника на Куликовом поле : Из бумаг С. Д. Нечаева // Старина и новизна. 1905. Кн. 9. С. 1–6.
- РГАДА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 3129.
- РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Д. 342.
- РГИА. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 4, 96, 111; Ф. 1473. Оп. 1. Д. 3.
- С. Н. [Нечаев С. Д.]* Письмо из Тулы // Вестн. Европы. 1820. № 22. С. 149.
- Свиньин.* Обзорение путешествия издателя Отечественных записок по России в 1825 году, относительно археологии : читано им 16 октября 1825 года в Обществе истории и древностей Российских, учрежденном при Императорском Московском Университете // Отеч. зап. 1826. Генварь. С. 37–63.
- Тургенев А. И.* Политическая проза. М. : Сов. Россия, 1989. 368 с.
- Чукарев А. Г.* Тайная полиция России: 1825–1855 гг. М. ; Жуковский : Кучково поле, 2005. 704 с.
- Шкерин В. А.* От тайного общества до Святейшего Синода : Декабрист С. Д. Нечаев. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. 421 с.
- Штейнпресс Б. С.* Страницы из жизни А. А. Алябьева. М. : Музгиз, 1956. 403 с.

References

- Bestuzhev, A. A. (1975a). Vzgl'yad na staruyu i novuyu slovesnost' v Rossii [A Look at Old and New Literature in Russia]. In *Dekabristy: Antologiya v 2 t.* Leningrad, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 2. Proza. Literaturnaya kritika, pp. 380–398.
- Bestuzhev, A. A. (1975b). Vzgl'yad na russkuyu slovesnost' v techenie 1824 i nachale 1825 godov [A Look at Russian Literature during 1824 and Early 1825]. In *Dekabristy: Antologiya v 2 t.* Leningrad, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 2. Proza. Literaturnaya kritika, pp. 401–411.
- Bokova, V. M. (2001). “Bol'noi skoree zhiv, chem mertv”. (Zametki ob otechestvennom dekabristovedenii 1990-kh godov). In *14 dekabrya 1825 goda: Istochniki, issledovaniya, istoriografiya, bibliografiya* [“The patient is more alive than dead”. (Notes on National Decembrist Studies of the 1990s)]. Iss. 4. St Petersburg, Kishinev, Nestor-Historia, pp. 497–561.
- Bokova, V. M. (2003). Bespokoinyi dukh vremeni. Obshchestvennaya mysl' pervoi treti XIX v. [The Restless Spirit of the Time. The Social Thought of the First Third of the 19th Century]. In *Ocherki russkoj kul'tury XIX veka v 6 t.* Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. Vol. 4, pp. 17–152.

Chukarev, A. G. (2005). *Tainaya politsiya Rossii: 1825–1855 gg.* [The Secret Police of Russia: 1825–1855]. Moscow, Zhukovskii, Kuchkovo pole. 704 p.

Dekabristy. Biograficheskii spravochnik [The Decembrists. A Biographical Guide]. (1988). Moscow, Nauka. 448 p.

Dekabristy. Poeziya. Dramaturgiya. Proza. Publitsistika. Literaturnaya kritika [The Decembrists. Poetry. Dramaturgy. Prose. Journalistic Works. Literary Criticism]. (1951). Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. 688 p.

Dnevnik S. D. Nechayeva [Diary of S. D. Nechayev]. (1893). In *Bratskoe slovo*. Vol. 2, pp. 572–589, 662–672, 742–752, 827–838; (1894). Vol. 1, pp. 61–80, 143–153.

GASO [State Archive of Sverdlovsk Region]. Stock 43. List 3. Dos. 136.

Gershenzon, M. (1910). Otgoloski 14-go dekabrya v Moskovskom universitete [Echoes of 14 December at Moscow University]. In *Russkaya starina*. No. 2, pp. 333–349.

Gilyarov-Platonov, N. P. (1891). Vozrozhdenie Obshchestva lyubitelei rossiiskoi slovesnosti v 1858 godu [Revival of the Society of Lovers of Russian Literature in 1858]. In *Sbornik Obshchestva lyubitelei rossiiskoi slovesnosti na 1891 god*. Moscow, Tipografiya I. N. Kushnerev i Co., pp. 139–152.

Glagoleva, O. E. (1991). Osnovatel' narodnykh uchilishch Stepan Dmitrievich Nechayev [The Founder of Public Schools Stepan Dmitrievich Nechayev]. In *Gordost' zemli Tul'skoi (Zamechatel'nye lyudi nashego kraya) v 2 t.* Tula, Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo. Vol. 2, pp. 337–342.

Gordin, Ya. A. (2006). *Myatezh reformatorov* [Revolt of the Reformers]. St Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo fonda. Book 1. 288 p.

Gracheva, I. V. (2009). "Put' trudnoi chesti i dobra...". *Zhizn' i tvorchestvo S. D. Nechayeva* ["The Path of Hard Honour and Good...". The Life and Work of S. D. Nechayev]. Ryazan, Uzoroch'e. 56 p.

Il'in, P. V. (2004). *Novoe o dekabristakh. Proshchennyye, opravdannyye i neobnaruzhennyye uchastniki tainnykh obshchestv i voennykh vystuplenii 1825–1826 gg.* [New Materials about the Decembrists: The Forgiven, Justified, and Undiscovered Participants in Secret Societies and Military Actions of 1825–1826]. St Petersburg, Nestor-Istoriya. 664 p.

Komarovich, V. L. (1941). Vtoraya kavkazskaya poema Pushkina [Pushkin's Second Caucasian Poem]. In *Pushkin. Vremennik Pushkinskoi komissii*. Iss. 6. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 211–234.

Küchelbecker, V. K. (1979). *Puteshestvie. Dnevnik. Stat'i* [Journey. Diary. Articles]. Leningrad, Nauka. 790 p.

Mukhina, S. L. (1975). Bezvestnyye dekabristy (P. D. Cherevin, S. D. Nechayev) [Unknown Decembrists (P. D. Cherevin, S. D. Nechayev)]. In *Istoricheskie zapiski*. Vol. 96. Moscow, Nauka, pp. 231–251.

Mukhina, S. L. (1983). Sovremennik dekabristov S. D. Nechayev [S. D. Nechayev, a Contemporary of the Decembrists]. In *Voprosy istorii*. No. 10, pp. 183–187.

Naumova, T. (2010). "Uvazhaya oruzhii sii..." ["Respecting These Weapons..."]. In *Rodina*. No. 8, pp. 15–20.

Nechayev (1819). Mysli, sravneniya i zamechaniya [Thoughts, Comparisons, and Remarks]. In *Vestnik Evropy*. No. 6, pp. 148–154.

Nechayev (1824). Mysli i zamechaniya [Thoughts and Remarks]. In *Vestnik Evropy*. No. 6, pp. 142–151.

Nechayev (1826). Otryvki iz putevykh zapisok o Yugo-Vostochnoi Rossii [Excerpts from Travel Notes about South-Eastern Russia]. In *Moskovskii telegraf*. No. 1, pp. 26–41.

Nechayev, S. D. (1972). Vospominaniya [Memoirs]. In *Poety 1820–1830-kh godov v 2 t.* Leningrad, Sovetskii pisatel'. Vol. 1, pp. 105–113.

Nechkina, M. V. (1955). *Dvizhenie dekabristov v 2 t.* [The Decembrist Movement. 2 Vols.]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 1. 483 p.

Novokreshchennykh, N. N. (1893). Iz istorii Kyshtymskikh gornyykh zavodov [From the History of the Kyshtym Mining Plants]. In *Trudy Permskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Iss. 2. Perm, Tipografiya naslednikov P. F. Kamenskogo, pp. 61–83.

OPI GIM [Department of Written Sources of the State Historical Museum]. Stock 280. List 1. Dos. 4.

OR RNB [Department of Manuscripts of the National Library of Russia]. Stock 391. Dos. 506.

Orlik, O. V. (1984). *Dekabristy i vneshnyaya politika Rossii* [The Decembrists and Russian Foreign Policy]. Moscow, Nauka. 287 p.

Osipov, V. O. (1987). *Persten's polya Kulikova* [A Ring from Kulikovo Field]. Moscow, Molodaya gvardiya. 383 p.

Pis'ma Aleksandra Aleksandrovicha Bestuzheva k N. A. i K. A. Polevym, pisannye v 1831–1833 godakh [Letters from Alexander Alexandrovich Bestuzhev to N. A. and K. A. Polevoy, Written in 1831–1833]. (1861). In *Russkii vestnik*. March, pp. 285–335.

Polyakov, V. (Ed.). (2009). *Dekabristy. Nekropol' Moskvy i Moskovskoi oblasti* [The Decembrists. The Necropolis of Moscow and Moscow Region]. Moscow, Tretii pechatnyi dom. 220 p.

Popov, A. V. (1963). *Dekabristy-literatory na Kavkaze* [Decembrist Writers in the Caucasus]. Stavropol, Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 168 p.

Proekt pamyatnika na Kulikovom pole. Iz bumag S. D. Nechayeva [Plan for a Monument on Kulikovo Field: From the Papers of S. D. Nechayev]. (1905). In *Starina i novizna*. Book 9, pp. 1–6.

Reitblat, A. I. (Ed.). (1998). *Vidok Figlyarin. Pis'ma i agenturnye zapiski F. V. Bulgarina v III otdelenie* [Vidok Figlyarin: Letters and Agent Notes of F. V. Bulgarin in the 3rd Department]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 704 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 1468. List 2. Dos. 3129.

RGALI [Russian State Archive of Literature and Arts]. Stock. 141. List. 1. Dos. 342.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 1005. List 1. Dos. 4, 96, 111; Stock 1473. List 1. Dos. 3.

S. N. [Nechayev, S. D.] (1820). Pis'mo iz Tuly [A Letter from Tula]. In *Vestnik Evropy*. No. 22, p. 149.

Shkerin, V. A. (2005). *Ot tainogo obshchestva do Svyateishego Sinoda: Dekabrist S. D. Nechayev* [From the Secret Society to the Holy Synod. Decembrist S. D. Nechayev]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 421 p.

Shteinpress, B. S. (1956). *Stranitsy iz zhizni A. A. Alyab'eva* [Pages from the Life of A. A. Alyabyev]. Moscow, Muzgiz. 403 p.

Svin'in (1826). Obozrenie puteshestviya izdatelya Otechestvennykh zapisok po Rossii v 1825 godu, otnositel'no arkheologii, chitano im 16 oktyabrya 1825 goda v Obshchestve istorii i drevnostei Rossiiskikh, uchrezhdennom pri Imperatorskom Moskovskom Universitete [Review of the Travels of the Publisher of *Otechestvennyye Zapiski* in Russia in 1825, Concerning Archaeology, Read by Him on 16 October 1825 in the Society of Russian History and Antiquities, Established at Imperial Moscow University]. In *Otechestvennyye zapiski*. January, p. 37–63.

Turgenev, A. I. (1989). *Politicheskaya proza* [Political Prose]. Moscow, Sovetskaya Rossiya. 368 p.

Vatsuro, V. E. (1994). *Lirika pushkinskoi pory. "Elegicheskaya shkola"* [Lyrics of Pushkin's Time. *Elegiac School*]. St Petersburg, Nauka. 240 p.

Vatsuro, V. E. (2004). Aleksandr Chavchavadze i russkaya romansnaya lirika. (Razyskaniya) [Alexander Chavchavadze and Russian Romance Lyrical Poetry. (Research)]. In *Pushkin: Issledovaniya i materialy*. Vol. 16/17. St Petersburg, Nauka, pp. 304–314.

Vosstanie dekabristov v 22 t. [The Decembrist Revolt. 22 Vols.]. (1925). Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. Vol. 1. 540 p.

Yakushkin, V. E. (1888). K literaturnoi i obshchestvennoi istorii 1820–1830 gg. [On the Literary and Social History of 1820–1830]. In *Russkaya starina*. Vol. 60, pp. 149–168, 311–332, 583–600.

Zubkov, V. P. (2000). Iz "Rasskaza o moem zaklyuchenii v Sankt-Peterburgskoi kreposti" [From *The Story of My Imprisonment in the St Petersburg Fortress*]. In *Peterburg dekabristov*. St Petersburg, Kontrfors, pp. 254–263.

**ПОЛИТИКА В НЕПОЛИТИЧЕСКОМ:
ИДЕОЛОГИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ РЕФОРМ
В ПРОГРАММАТИКЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СЪЕЗДОВ
НАЧАЛА XX ВЕКА***

Анастасия Туманова

Александр Сафонов

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

**POLITICS IN THE NON-POLITICAL: THE IDEOLOGY
OF CONSTITUTIONAL REFORMS IN PROFESSIONAL
CONGRESSES IN THE EARLY 20th CENTURY****

Anastasia Tumanova

Alexander Safonov

HSE University,
Moscow, Russia

This article considers congresses organised by representatives of various professions (technicians, doctors, teachers) on the eve of the First Russian Revolution. Based on documents from the four most important and populous public meetings, the authors conclude that they turned into a meeting place for non-zemstvo intellectuals with public figures from the zemstvo movement, which led to the emergence of a political class. The purpose of this article is to describe the evolution that the congresses underwent based on the analysis of congress documents (meeting records, reports, resolutions, etc.), periodicals, and

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г.

** *Citation:* Tumanova, A., Safonov, A. (2021). Politics in the Non-Political: The Ideology of Constitutional Reforms in Professional Congresses in the Early 20th Century. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 1. P. 325–340. DOI 10.15826/qr.2021.1.582.

Цитирование: Tumanova A., Safonov A. Politics in the Non-Political: The Ideology of Constitutional Reforms in Professional Congresses in the Early 20th Century // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 1. P. 325–340. DOI 10.15826/qr.2021.1.582 / Туманова А., Сафонов А. Политика в неполитическом: идеология конституционных реформ в программатике профессиональных съездов начала XX в // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 1. С. 325–340. DOI 10.15826/qr.2021.1.582.

political investigations covering their work. It is demonstrated that congresses ceased to be reviews of achievements of certain branches of the national economy (science and technology, medicine, and public education), which were meant to confirm the recognition of their significance by the state. Instead, they turned into demonstrations of the independent position of professional figures on issues of professional and socio-political agenda, into channels for mobilising public opinion in the direction of constitutional reform of the autocratic system and ideological preparation for the First Russian Revolution. The congresses promoted the involvement of the community outside the zemstvo in transforming the bureaucratic system into a legal state and class-based Russian society into civil society. On the eve of 1905, public congresses were an important milestone in the development of the liberation movement in Russia and symbolised its transition to so-called “new liberalism”. It was characterised by overcoming the monopoly position of zemstvo activists in the liberal movement and involving various professional groups in Russian society, mobilising public opinion to discuss public participation in political decision-making. According to the authors, professional forums were historically significant as they had an impact on the ruling elite: they let it know about public ideas concerning urgent socio-political transformations and ensured public participation in the development of strategies for their implementation. Professional congresses lie at the intersection of several areas of modern historical knowledge: political and social history, the history of ideas, and the history of professions. However, they have not been studied comprehensively so far, and the authors fill this historiographical gap.

Keywords: political history, social history, history of professions, history of ideas

Сюжетом настоящей статьи стали съезды, организовывавшиеся представителями различных профессий (техниками, врачами, учителями) в преддверии Первой русской революции. На основании изучения документов четырех наиболее статусных и многолюдных публичных собраний авторы приходят к выводу, что они стали местом встречи неземской интеллигенции с деятелями земского движения, приведшей к рождению политического класса. Цель статьи состоит в том, чтобы на основании анализа документов общественных съездов (дневников, отчетов, резолюций и пр.), материалов периодической печати и политического сыска, освещавших их работу, показать эволюцию, которую они претерпевали. Показано, что из смотров достижений отдельных отраслей народного хозяйства (науки и техники, медицины и народного образования), подтверждавших признание государством их значения, съезды превращались в акты демонстрации самостоятельной позиции профессиональных деятелей по значимым вопросам профессиональной и общественно-политической повестки дня, в каналы мобилизации общественного мнения в направлении конституционного реформирования самодержавного строя и идейной подготовки Первой русской революции. Съезды содействовали вовлечению неземской общественности в работу по преобразованию бюрократического строя в правовое государство, а сословного российского общества – в гражданское. Общественные съезды кануна 1905 г. явились важной вехой в раз-

витии в России освободительного движения и символизировали его переход на стадию так называемого «нового либерализма». Для него были характерны преодоление монопольного положения земцев в либеральном движении и вовлечение в него различных профессиональных групп российской общественности, привлечение общественного мнения к вопросам участия общества в принятии политических решений. Историческое значение профессиональных форумов, по мнению авторов, состояло также в том, что они оказали воздействие на правящую элиту: донесли до нее общественные представления о насущных социально-политических преобразованиях и обеспечили участие общества в выработке стратегии их проведения. Проблематика профессиональных съездов начала XX в. находится на стыке целого ряда направлений современного исторического знания: политической и социальной истории, истории идей, истории профессий. Между тем она не стала до сих пор предметом комплексного изучения специалистов, ввиду чего авторами восполняется историографическая лакуна.

Ключевые слова: политическая история, социальная история, история профессий, история идей

Время съездов: постановка проблемы и историография

Последние десятилетия существования российской монархии были временем общественных съездов. Общеимперские и региональные, они проходили в условиях широкой публичности и касались различных отраслей народного хозяйства: науки и техники, медицины и образования и пр. Их организаторами выступали представители профессий: врачи, учителя, технические специалисты. Однако сугубо деловой повесткой делегаты профессиональных форумов не ограничивались. Они выходили на злободневные проблемы российской общественной и политической жизни, а выработанные ими идейные позиции становились формой социального протеста против правящего режима. «Соберите какой угодно съезд, ну хотя бы ветеринарный или фармацевтический, – писал осенью 1904 г. заграничный журнал “Освобождение”, – и вы увидите, что по поводу скотских падежей или аптекарской таксы ветеринары и фармацевты начнут говорить о необходимости политических реформ» [Исторический урок, с. 116].

Политическая платформа профессиональных съездов формировалась под влиянием идеологии российского либерализма, которая, в свою очередь, отражалась на страницах подцензурной газеты «Освобождение», в резолюциях земских съездов, а также в программных требованиях кружка «Беседа» (1899–1905) и «Союза освобождения» (1903–1905). За последними объединениями в литературе закрепилось наименование протопартий. Эти организации были предшественниками либеральных партий кадетов и октябристов, они спо-

собствовали не только установлению устойчивых личных связей их участников, но и созданию алгоритмов поведения и стратегий реформ, определявших политическую повестку в 1905 г. [Соловьев, с. 53–59; Канищев, с. 15].

Профессиональные съезды, о которых пойдет речь в настоящей статье, стали местом знакомства специалистов-профессионалов с земскими служащими. Единение земцев и профессионалов расширяло социальную базу классического российского либерализма, вооружало тех и других опытом обсуждения злободневных общественных вопросов, способствовало зарождению в России политического класса.

Съезды начала прошлого века символизировали развитие в канун 1905 г. публичной сферы и общественного мнения, а также радикализацию освободительного движения. Профессиональные деятели заявили на них политические требования и сформулировали актуальную повестку конституционных преобразований, осуществлявшуюся в годы Первой русской революции. Помимо определения стратегии реформ, здесь выработывалась тактика давления на правительство. Подобный подход был характерен для земского либерализма начала 1900-х гг., деятели которого трактовали реформы как результат соглашения между властью и обществом и стремились побудить власть к их проведению через мобилизацию общественного мнения [Соловьев, с. 53–59].

Профессиональные съезды начала XX в. закономерно находились в тени своих более политизированных собратьев – земских съездов и съездов уполномоченных губернских дворянских обществ, ввиду чего их историография весьма скромна. Авторитетный историк российского либерализма К. Ф. Шаццлло лишь вскользь упоминает их в своей монографии, посвященной либеральному движению кануна революции 1905–1907 гг. Между тем историк отмечает, что начиная с 1901 г. съезды использовались земскими деятелями для обсуждения актуальных вопросов политической повестки дня, а также способствовали вовлечению в либеральное движение неземской интеллигенции [Шаццлло, с. 72–73, 79].

Идеология либеральной общественности рубежа XIX–XX вв. была рассмотрена А. Д. Степанским. Историк связывает развитие русского либерализма в ту пору с кризисом реформаторско-культурнической идеологии, верившей в прогресс на почве самодержавия, со все более очевидным для профессиональных деятелей убеждением в невозможности улучшения отдельных отраслей народного хозяйства без конституционной эволюции монархии. Указывая, что либеральная интеллигенция стояла на более левых позициях, чем земцы, лидерство в либеральном движении Степанский признает за земцами, конституционные требования которых определяли его содержание [Степанский, с. 65–66].

Идейные параметры либерального проекта рубежа XIX–XX вв. рассмотрел В. В. Шелухаев. Он трактовал стремительно набиравший силу либерализм нового типа как заимствовавший у классического

либерализма социальный капитал (земские кадры) и убежденность в предпочтительности эволюционного пути разрешения политических и социальных конфликтов. В основание выработанного новым либерализмом варианта модернизации страны легли, по словам историка либерализма, идеи конституции и парламентаризма, а также привлечения демократических сил к их воплощению в жизнь [Шелохаев, с. 9–10].

А. Н. Медушевский дополняет характеристику либеральной идеологии начала XX в. отождествлением ее с конституционализмом – общественным движением, представленным главным образом интеллигенцией и нацеленным на достижение гражданского общества и правового государства. Вопрос о социальной базе российского конституционализма, то есть силах, способных проводить демократические преобразования, видится этому специалисту наиважнейшим [Медушевский, с. 5–8].

Феномен общественных съездов был затронут в американской русистике. Так, в посвященной различным профессиям (инженеров, врачей, учителей, специалистов в области права) монографии под редакцией Х. Д. Балзера съезды трактуются как средства, с помощью которых специалисты отстаивали свои интересы и боролись за автономию от государства в политическом процессе [Russia's Missing Middle Class, p. 11]. Дж. Брэдли сфокусировал внимание на научных съездах 1904 г. – Пироговском и техническом, признав их наиболее ярким этапом развития публичной сферы и общественного мнения в канун 1905 г. Вслед за дореволюционными российскими публицистами историк именует съезды «парламентами общественного мнения», игравшими существенную роль тогда, когда альтернативных каналов воздействия общества на власть (представительных учреждений и пр.) не существовало [Брэдли, с. 423–424]. В то же время о съездах 1902–1903 гг., изучение которых позволяет проследить эволюцию профессионального освободительного движения, историк речи не ведет.

Обзор основополагающих подходов к проблеме позволяет заключить, что специалисты указывали на значение съездов профессионалов, однако комплексно их не рассматривали. Ретроспективный анализ программ и риторики предреволюционных профессиональных съездов позволяет судить об их мобилизационных возможностях в формировании политического класса и подготовке 1905 г.

Изложение истории профессиональных съездов начала прошлого века будет строиться в контексте трех ключевых исторических этапов, на которых выстраивалась их повестка дня и оформлялись различные типы (модели) публичных собраний. Речь пойдет о четырех съездах, три из которых произошли с разницей в один год. Идеология съезда начала 1902 г. была нацелена на консолидацию общественных сил вокруг конструктивных общественно-полезных идей, тогда как два съезда рубежа 1903–1904 гг. приобрели характер протестных собраний, высказавшихся за конституционный образ правления.

VIII съезд русских врачей-пироговцев как проба общественных сил

С 3 по 10 января 1902 г. в Москве проходил VIII съезд русских врачей-пироговцев. Он не походил на торжество под патронатом государства, служившее науке и далекое от политики, которое представляли его предшественники – съезды естествоиспытателей и врачей пореформенного периода, а также пироговские съезды второй половины 1880–1890-х гг. Риторика выступлений его участников и многие резолюции приобрели критическое по отношению к власти содержание.

На торжестве по поводу его открытия делегаты высказали признательность не императору, что было характерно для съездов более раннего периода, а московскому самоуправлению, выделившему помещения и финансы на его проведение. Председатель Московской губернской земской управы Д. Н. Шипов заявил в ответ, что видит миссию съезда в создании «определенного типа земского врача-специалиста и общественного деятеля», и признал ее значимой ввиду отсутствия в России общеземских съездов с консолидировавшей общественников программой [Рус. ведом., 1902, № 4].

Многие выработанные пироговцами предложения имели общественно-политическое звучание. Так, было подготовлено ходатайство к Министерству просвещения о допущении женщин на медицинские факультеты университетов и других высших учебных заведений [Николай Иванович Пирогов и его наследие, с. 192]. Данный вопрос был поднят земским врачом Д. Н. Жбанковым. Запросы женщин в высшем образовании как в качественном, так и в количественном отношении не могли быть удовлетворены, по его мнению, существующими курсами и институтами. Жбанков инициировал также обсуждение вопроса отмены телесных наказаний для крестьян по приговорам волостных судов. Ссылаясь на статистику по различным местностям империи, он заявил, что телесное наказание в России в последние годы усиливается [Рус. ведом., 1902, № 6]. Пироговцы подали правительству ходатайство об отмене телесных наказаний, а 24 августа 1904 г. был издан соответствующий указ.

Однако наиболее существенным для Пироговского съезда был признан вопрос о санитарно-гигиеническом направлении деятельности земств. Доклад по этому поводу почетного председателя съезда профессора М. Я. Капустина стал подлинным гимном земскому самоуправлению. Организацию санитарно-гигиенической деятельности в деревнях Капустин признал достижением земских учреждений, как и просветительскую деятельность земских врачей, которая приблизила, по его словам, медицину к населению и повысила уровень его доверия к медицинскому персоналу. Завершился съезд пожеланием к врачам консолидироваться «в одну семью деятелей на общественную пользу... объединенную гуманными стремлениями, любовью

к своему народу...». Политическое кредо Пироговского съезда 1902 г. было выдержано в реформистском духе: «В массовой жизни, – заметил Капустин, – нужна эволюция, а не катастрофа, не переворот» [Рус. ведом., 1902, № 11].

Высказанное съездом представление о земстве как о лучшем органе для проведения социальных и культурных мероприятий и сопряженная с ним идея о необходимости расширения компетенции земских учреждений в скором времени прозвучат в заключениях местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902 г. Между тем, Пироговский съезд высказал ее раньше: комитеты завершили свою работу в начале 1903 г., а собранные ими материалы стали достоянием общественности в 1904 г. Занимавшееся с января 1902 г. по март 1905 г. созданием объективной картины состояния сельского хозяйства в России совещание вышло за рамки своей задачи и способствовало подъему освободительного движения на новый уровень. Участвовавшие в нем дворяне-землевладельцы, чиновники, земцы и др. констатировали, что Отечество находится в опасности, и его спасение придет из земств, полномочия которых власти следовало расширить вплоть до разрешения созыва общеземских съездов и введения мелкой всеобщей земской единицы. Велась речь также о назревшей потребности улучшить положение крестьян, ликвидировать их социальное и правовое неравенство и пр. [Миронов, с. 17–18]. Идеи настрои участников совещания воздействовал на идеологию съездов в 1903–1904 гг.

Паритет профессиональных и общегражданских требований в резолюциях Учительского съезда конца 1902 – начала 1903 г.

Спустя немногим менее года после Пироговского съезда Москва встречала делегатов Первого всероссийского съезда представителей обществ вспомоществования лицам учительского звания. Учительский съезд, как и Пироговский, проходил на Святках, с 28 декабря 1902 по 7 января 1903 г.

Его планировалось созвать еще зимой 1901–1902 гг. Инициатива исходила от Московского общества попечения об улучшении быта учащихся в городских начальных училищах и его лидера князя Павла Д. Долгорукова. Ему удалось убедить министра народного просвещения П. С. Ванновского в полезности публичного обсуждения вопросов, волнующих учительское сообщество. Идея Долгорукова улучшить учительский быт совместными усилиями правительства и благотворительных обществ показала Ванновскому благотворной. Она шла в фарватере проводимых им мероприятий по отмене наиболее одиозных мер его предшественника Н. П. Боголепова [Иванов, с. 142–143]. Однако в расчете, что учительские общества взаимопомощи ограничатся обсуждением вопросов материального положения народных учителей, определенных для них Нормальным уставом 1894 г.,

Ванновский просчитался. Разрешение на созыв съезда было дано Министерством просвещения только в ноябре 1901 г., и его решено было отсрочить на год [РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1904. Д. 370. Л. 4].

Среди устроителей учительского съезда в Москве были такие представители земского либерализма, как ярославский земец князь Д. И. Шаховской, орловский предводитель дворянства М. А. Стахович, председатель Суджанской уездной земской управы Курской губернии князь Петр Д. Долгоруков. Все они принимали участие в работе кружка «Беседа» и в издании журнала «Освобождение», являлись инициаторами «Союза освобождения». В работе съезда участвовали также деятели народного просвещения Н. В. Чехов, В. П. Вахтеров, Э. О. Вахтерова. Председателем был избран Павел Долгоруков. Съезд посетили делегаты от 74 учительских обществ, то есть практически всех обществ империи. Помимо учителей начальной школы, здесь собрались преподаватели средней школы, земские деятели, юристы, врачи, профессора и писатели [Рус. ведом., 1902, № 357].

Школьный вопрос активно обсуждался на собраниях кружка «Беседа» той поры. «Собеседники» признали его одним из ключевых во взаимоотношениях земств и администрации и высказались за расширение в школе общественного присутствия [Соловьев, с. 119]. Эта идея стала основополагающей на учительском съезде. Делегаты сосредоточились на анализе экономической и правовой сторон учительского быта, а также затронули такую насущную нужду учительского сословия, как объединение на почве профессиональных интересов.

Тема объединения народных учителей проходила красной нитью через значительную часть выступлений. Начало было положено князем Петром Долгоруковым, сделавшим доклад о необходимости общения учителей. Количественные параметры объединения назывались разные: по мнению одних докладчиков, учителя могли составить корпорацию в 25 тыс. чел., по словам других, в 80–100 тыс. Наиболее желательной формой объединения учительских организаций был признан Всероссийский учительский союз, связывающий все действующие в империи учительские общества [РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1904. Д. 370. Л. 14 об. –16 об.]. Проектированный съездом Всероссийский союз учителей и деятелей по народному образованию был создан весной 1905 г. и превратился в одну из влиятельных профессионально-политических организаций.

Выработанный съездом доклад о правовом положении учителей основывался на идее их освобождения от опеки государства, а также участия в выборных органах: земских собраниях, городских думах, сельских и волостных сходах. Это была своего рода «декларация прав народного учителя», в которую вошли право на пенсионное обеспечение в размере учительского жалованья, на предоставление отпуска с сохранением содержания, на возможность увольнения учителя по суду, а не на основании данных о его политической неблагонадежности. Доклад был прочитан на секционном заседании и снят с об-

суждения под нажимом наблюдателей от правительства инициатором идеи профессионально-технического образования инженером К. К. Мазингом. В ответ на это более ста делегатов покинули заседание, направив письменный протест распорядительному комитету. «Крамольный» доклад не был допущен к прочтению, но обсуждался на закрытом заседании секции и был опубликован [Рус. ведом., 1903, № 6; РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1904. Д. 370. Л. 17 об. –20].

Заслугой учительского съезда явился новаторский взгляд на учительскую корпорацию как на независимую, свободно взаимодействующую внутри и вовне, объединенную миссией служения народу [РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1904. Д. 370. Л. 22]. Заявлявшиеся учителями профессиональные требования соседствовали с общегражданскими лозунгами. Предоставление учителям гражданских прав связывалось с либеральным проектом введения мелкой земской единицы и превращения учителя в ее полноправного участника. Высказывалось желание об уравнивании крестьян в правах с другими сословиями [Рус. ведом., 1903, № 1, 3, 4, 5]. Эти идеи, как мы видели, были высказаны также участниками Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности.

Общая тональность заседаний учительского съезда рубежа 1902–1903 гг. была возбужденной. Аудитория реагировала на многие предложения аплодисментами и криками «Браво!». Увещевания председателей секций и съезда о необходимости избегать резкостей в прениях не работали [РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1904. Д. 370. Л. 13]. Особое неприятие властей вызвало желание учителей объединиться в общеимперском масштабе [Там же. Л. 25 об.]. Министр внутренних дел В. К. Плеве постановил впредь не разрешать съездов учительских обществ, эксплуатировавших тему объединения и поднимавших политические вопросы [Зубков, с. 676].

Учительский съезд рубежа 1902–1903 гг. явился переходным этапом от профессионального к гражданскому. Он способствовал как сплочению и самоорганизации учителей, так и вовлечению их в освободительное движение.

Съезд как акция протеста

На рубеже 1903–1904 гг. в России заседали III съезд деятелей по техническому и профессиональному образованию и IX Пироговский съезд врачей. Несмотря на узкоспециальные задачи того и другого, они, по выражению современника, символизировали «чрезвычайно высокий подъем общественной температуры» [Итоги III съезда, с. 310].

III съезд деятелей по техническому и профессиональному образованию проходил в Петербурге с 26 декабря 1903 г. по 4 января 1904 г. Он был созван Русским техническим обществом, чтобы способствовать развитию техники и профессиональной деятельности. Однако его делегаты расширили повестку, задавшись целью рассмотреть во-

просы профессионального образования в контексте общих условий развития образования в империи.

На съезд прибыло свыше 3 тыс. делегатов – преподавателей учебных заведений, преимущественно технических и коммерческих, народных учителей, писателей, деятелей городских и земских учреждений [Рус. ведом., 1904, № 11; Два съезда, с. 22]. В качестве почетных гостей на церемонии открытия присутствовали крупные чиновники: министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов, товарищ министра просвещения С. М. Лукьянов, попечитель Московского учебного округа П. А. Некрасов [Дневник III-го съезда русских деятелей по техническому и профессиональному образованию, с. 2], что символизировало заинтересованность государства в трудах съезда.

Заседания технического съезда были объявлены публичными, а его резолюции отразили требования, высказываемые в подцензурном журнале «Освобождение», и немного позднее наиболее рельефно – на ноябрьском общеземском съезде 1904 г. [Либеральное движение, с. 92–93]. В постановлениях 10-й секции, посвященной образованию рабочих, шла речь о всеобщем начальном образовании, свободе слова, печати, собраний и союзов, восьмичасовом рабочем дне и обязательном государственном страховании рабочих на случай увечья, болезни, старости и инвалидности. В 1-й секции, обсуждавшей высшее образование, прошли резолюции об уничтожении черты еврейской оседлости, вероисповедных и национальных ограничений. В ходе неформальных встреч требование свободы личности, являвшееся сердцевиной конституционной программы, трансформировалось в призыв к свержению самодержавно-бюрократического строя. Подобное обращение, адресованное к интеллигенции и народу, прозвучало на товарищеском обеде 400 техников [Итоги III съезда, с. 310].

Делегаты съезда пришли к заключению, что введение всеобщего начального обучения и иные меры, призванные повысить образовательный уровень населения, должны быть делом общественных учреждений. Был провозглашен блок требований по расширению полномочий земских органов: передаче им министерских и церковно-приходских школ, предоставлению новых сфер обложения, введению мелкой земской единицы и расширению представительства населения [Рус. ведом., 1904, № 11].

5 января 1904 г. постановлением петербургского градоначальника В. Э. Фриша заседания технического съезда были закрыты. Согласно формулировке полицейского отчета, поводом послужило то, что прения вышли из-под контроля, сводясь «преимущественно к резкой критике распоряжений Министерства народного просвещения и высказыванию пожеланий о предоставлении свобод», между тем как «собранные по специальным вопросам съезды должны разрабатывать исключительно свой материал и не касаться вопросов, разрешение которых им не предоставлено» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1904. Д. 370. Л. 57 об. –58].

Председатели и секретари секций были вызваны на допрос в Петербургское охранное отделение. Ряд делегатов был арестован, а трудившийся в 10-й секции по подготовке рабочих к техническому и профессиональному образованию Г. А. Фальборк был сослан на пять лет в Якутскую область за организацию антиправительственной работы. В ответ на полицейские репрессии группа делегатов съезда собралась на частное совещание и высказалась «против существующего режима, который возвел в принцип систематическое уничтожение общественной самодеятельности и общественного мнения в России». В общественном мнении технический съезд был признан «подлинным I съездом русских конституционалистов» [Итоги III съезда, с. 310–311] и отождествлялся с парламентом, принявшим конституционные решения [ГАРФ. Ф. 102.00. 1904. Д. 200. Л. 30].

IX съезд русских врачей в память Н. И. Пирогова открылся в заключительный день работы технического съезда. Он проходил с 4 по 11 января 1904 г. Вопреки пропускному режиму, его заседания посещала значительная часть аудитории распущенного технического съезда, принеся с собой высокий градус критических настроений [Там же. Л. 25–25 об., 28]. Как и его собрат, Пироговский съезд отказался от формата ходатайств во властные инстанции и перешел к «принципиальным постановлениям» [Скибневский, с. 3; Рус. ведом., 1904, № 12].

IX Пироговский съезд врачей был самым многочисленным из всех ранее организованных врачебных съездов. Число его участников превысило 2130 чел. [Рус. ведом., 1904, № 12], число посетителей на церемонии открытия достигло 6 тыс. [Брэдли, с. 410]. 85 % собравшихся представляли 34 земские губернии, 39,4 % делегатов – Петербург, и 60,6 % – провинцию, немногим более половины «нестоличных» участников приехали из университетских городов: Москвы, Киева, Харькова, Одессы и Казани. Помимо представителей Центральной России и Поволжья, в работе съезда участвовали врачи остзейских и привислинских губерний, Кавказа и Войска Донского, Сибири и Средней Азии. По гендерному составу 86 % делегатов были мужчинами. По профессиональной принадлежности преобладали земские и вольнопрактикующие врачи [Скибневский, с. 2]. Преобладание земских врачей – наиболее организованных и идейных представителей врачебной профессии – усилило оппозиционный настрой участников.

Визитной карточкой врачебного съезда была плохая организация. Заседания целого ряда секций и подсекций происходили одновременно, что не позволяло всем заинтересованным их посещать, постоянно менялось их расписание. Так, имевшая наибольший общественный резонанс секция общественной медицины и гигиены была разделена на 11 подсекций (земской медицины, городской медицины, фабричной и горнозаводской медицины и др.), собиравшихся в одно и то же время. Разобщение делегатов было спланированной акцией со стороны председателя организационного комитета съезда товарища министра народного просвещения С. М. Лукьянова и избранного председателя профессора

хирургии Казанского университета В. И. Разумовского, опасавшихся, что деятельность съезда выйдет за границы заявленных вопросов [Скибневский, с. 11; С IX Пироговского съезда, с. 333].

Однако, несмотря на желание организаторов сконцентрироваться на профессиональной повестке, врачебный съезд пошел по пути, проторенному техническим. Пироговцы видели способ решения той или иной медицинской проблемы в проведении политических реформ. Они постановили, что борьба с алкоголизмом, туберкулезом и детской смертностью, представляющими собой социальное бедствие огромной важности, возможна только на почве широких социальных реформ и при полном обеспечении свободы мнений, слова, печати и собраний. Гражданские свободы признавались врачами неотъемлемым условием для распространения сведений об истинных причинах народных бедствий. Объявив основанием народного просвещения и здравоохранения развитие в народе медико-гигиенических знаний, делегаты связали их с отменой ограничений печатного и устного слова, а также с ликвидацией вмешательства администрации в жизнь обществ и союзов. Признав организацию акушерской и гинекологической помощи населению в земских губерниях более успешной, нежели в неземских, делегаты высказались за распространение земств на всю империю и расширение представительства в них населения [Николай Иванович Пирогов и его наследие, с. 193–194; Скибневский, с. 3].

Камертоном многих речей и постановлений делегатов врачебного съезда было недоверие к власти. Так, врачи-общественники Д. Н. Жбанков, Н. И. Долгополов и А. И. Шингарев выступили против принудительного помещения в больницы алкоголиков из опасения, что туда станут направлять неугодных. Болезненность российского населения врачи объясняли его безысходной нуждой, производной от «ненормального экономического и политического строя» [ГАРФ. Ф. 102.00. 1904. Д. 200. Л. 23, 25 об. –26].

В соединенном заседании секций общественной медицины, гигиены и детских болезней 9 января 1904 г., где председательствовал курский земский деятель и член «Союза освобождения» В. И. Долженков, осуждались факты гонений на врачей из-за их вероисповедания [Рус. ведом., 1904, № 12] и было предложено положить конец дискриминации евреев, а также представителей иных притесняемых народов. Ответственность за организацию еврейских погромов пироговцы возлагали на правительство [ГАРФ. Ф. 102.00. 1904. Д. 200. Л. 25 об.].

Делегаты секции фабричной и горнозаводской медицины приняли постановления, определившие на ближайшую перспективу повестку дня профессионального рабочего движения. Предлагалось отменить телесные наказания, применяемые фабричной администрацией. Формой обеспечения в случае болезни, старости и инвалидности было признано обязательное государственное страхование рабочих. Оно понималось как результат коллективных усилий общественных учреждений, рабочих, предпринимателей и врачей. Перемены к луч-

шему в обеспечении рабочих медицинской помощью связывались с передачей фабричной и горнозаводской медицины органам самоуправления [С IX Пироговского съезда, с. 332; Рус. ведом., 1904, № 8; ГАРФ. Ф. 102.00. 1904. Д. 200. Л. 26 об.].

Общая тональность речей показала правительству настолько оппозиционной, что было решено запретить медикам публичное прочтение итоговых резолюций. Церемония закрытия съезда ограничилась выступлением председателя Разумовского, признавшего съезд удавшимся, после чего официальные лица покинули зал заседаний [Рус. ведом., 1904, № 12, № 13; С IX Пироговского съезда, с. 333]. Однако выступления делегатов и прочтение резолюций съезда с требованиями свобод и призывом к борьбе с правительством продолжались. Игра военного оркестра их заглушала. Съезд завершился пением революционных песен «Отречемся от старого мира!» и «Марсельеза». Среди публики распространялись номера журнала «Освобождение», а наиболее активные делегаты были арестованы [ГАРФ. Ф. 102.00. 1904. Д. 200. Л. 27–28].

«Освобождение» определило главный политический итог IX съезда врачей лаконичной фразой: «люди перестали бояться говорить», усмотрев в этом «большое приобретение последнего времени» [С IX Пироговского съезда, с. 333]. Завсегдатай врачебных съездов Жбанков признал форум 1904 г. «одним из главных инициаторов освободительного движения» в России [Жбанков, с. 22].

Проявившееся на IX Пироговском съезде оппозиционное настроение усилилось на мартовском чрезвычайном Пироговском съезде по борьбе с холерой 1905 г. Его резолюции осуждали правительство за политику «безграничного административного произвола, бесконтрольного хозяйничанья в финансах, завоевательных авантур», а врачи призывались к «энергичной борьбе рука об руку с трудящимися массами против бюрократического строя для полного его устранения». Венцом конституционных требований явился лозунг созыва Учредительного собрания [Право, 1905, № 14, стб. 1103–1104]. Московский вице-губернатор В. Ф. Джунковский признал главным итогом съезда почти поголовное вовлечение земского медицинского персонала в движение за установление конституционного образа правления [ГАРФ. Ф.102.00. 1904. Д. 200. Л. 62–63].

Январские съезды 1904 г. явились важной вехой в развитии оппозиционных настроений участвовавших в них профессиональных специалистов. Обретение съездовским движением политико-гражданского характера было признаком серьезной обеспокоенности русского интеллигентного общества проблемами развития страны, а также убежденности в неспособности правительства к их решению. Сходные идеи высказывались на особых совещаниях о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902–1905 гг., а также на ноябрьском земском съезде 1904 г. Профессиональные съезды начала 1904 г. стали преамбулой к общеземским съездам, устраивавшимся с ноября 1904 г. по ноябрь

1905 г. и составившим законченный цикл публичных собраний, родственных по идеологии и составу участников. С. А. Муромцев признал их переходной стадией от общественной деятельности в доконституционных рамках к парламентской работе [Кокошкин, с. 209].

* * *

История общественных съездов 1902–1904 гг. служит пособием для изучения основных стадий, пройденных общественным движением в канун Первой русской революции. Съезды стали красноречивой демонстрацией того, как требования представителей мирных профессий трансформировались в идеологию конституционных реформ и в манифестации недоверия самодержавию.

Конституционные требования в съездовском движении явились следствием долго сдерживавшейся неудовлетворенной потребности образованных людей к участию в политической жизни страны. Углубившись в критический анализ российской действительности, профессиональные специалисты пришли к выводу о невозможности прогресса науки и техники, медицины и образования в условиях архаичного государственного строя и поставили задачу его реформирования. Они стали местом диалога профессиональных специалистов с земскими деятелями, способствовали осознанию ими общности интересов. Их делегаты связывали улучшения в своих областях с расширением участия общественности в государственном управлении и развитием местного самоуправления, дарованием подданным гражданских и политических прав. Идеи и принципы, получившие развитие на форумах начала века, сыграли определяющую роль в формировании профессиональных нужд и самосознания.

Наряду с иными высказывавшимися конституционные идеи институтами, профессиональные съезды начала прошлого века явились важным событием в идейной подготовке Первой русской революции. Делая политические заявления и выработывая резолюции конституционного содержания, делегаты съездов способствовали мобилизации общественного мнения, а также развитию организованной общественной деятельности в публичной сфере в условиях отсутствия законодательно закрепленных политических свобод и представительных учреждений.

Список литературы

Брэдли Дж. Общественные организации в царской России. М. : Новый хронограф, 2012. 447 с.

ГАРФ. Ф. 102.00. 1904. Д. 200.

Два съезда // Мир Божий : ежемес. лит. и науч.-поп. журн. для самообразования. 1904. № 2. С. 22–24.

Дневник III-го съезда русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в С.-Петербурге (26 декабря 1903 – 6 января 1904 года), издаваемый распорядительной комиссией съезда / под ред. К. И. Диксона. № 1–11. Пг. : [Б. и.], [1903–1904].

Жбанков Д. Н. Статистические данные о врачебных съездах // Журн. Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова. 1905. № 1. С. 3–24.

Зубков И. В. Педагогические организации // Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. / отв. ред. А. С. Туманова. М. : РОССПЭН, 2011. С. 647–690.

Иванов А. Е. Высшая школа Российской империи XVIII – начала XX века : избр. ст. М. : Принципиум, 2019. 702 с.

Исторический урок // Освобождение. 1904. № 57. 2 (15) окт. С. 116–117.

Итоги III съезда деятелей по техническому образованию // Освобождение. 1904. № 17 (41). 5 (18) февр. С. 310–311.

Канищев В. Ю. Роль журнала «Освобождение» в формировании конституционно-демократической партии : дис. ... канд. ист. наук. М. : [Б. и.], 2006. 301 с.

Кокوشкин Ф. Ф. С. А. Муромцев и земские съезды // Сергей Андреевич Муромцев : сб. ст. М. : Изд. М. и С. Сабашниковых, 1911. С. 205–250.

Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. / сост. Д. Б. Павлов. М. : РОССПЭН, 2001. 646 с.

Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М. : РОССПЭН, 1998. 650 с.

Миرونюк Б. Н. Политика versus истина : Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902–1905 гг. // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. 2008. Вып. 1. С. 8–30.

Николай Иванович Пирогов и его наследие : Пироговские съезды. 1810–1910 / под ред. М. М. Гран, З. Г. Френкеля и А. И. Шингарева. СПб. : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1911. [7], 257, XXXV с.

Право. 1905. № 14.

РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1904. Д. 370.

Рус. ведом. 1902. № 4, 6, 7, 11, 357; 1903. № 1, 3, 4, 5, 6; 1904. 6, 7, 8, 11, 12, 13.

С IX Пироговского съезда // Освобождение. 1904. № 19 (48). 7 (20) марта. С. 332–333.

Скибневский А. И. Девятый съезд русских врачей в память Н. И. Пирогова : Краткий общий обзор деятельности съезда. [М. : Б. и., 1904]. 12 с.

Соловьев К. А. Круг «Беседа». В поисках новой политической реальности : 1899–1905. М. : РОССПЭН, 2009. 288 с.

Степанский А. Д. Либеральная интеллигенция в общественном движении России на рубеже XIX–XX вв. // Ист. зап. Т. 109. М. : Наука, 1983. С. 64–94.

Шаццло К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. : Организация, программы, тактика. М. : Наука, 1985. 347 с.

Шелухаев В. В. Либерализм в России в начале XX века. М. : РОССПЭН, 2019. 504 с.

Russia's Missing Middle Class. The Professions in Russian History / ed. by H. D. Balzer. Armonk, N. Y. : M. E. Sharpe, 1996. 330 p.

References

Balzer, H. D. (Ed.). (1996). *Russia's Missing Middle Class. The Professions in Russian History*. Armonk, N. Y., M. E. Sharpe. 330 p.

Bradley, J. (2012). *Obshchestvennye organizatsii v tsarskoi Rossii* [Voluntary Associations in Tsarist Russia]. Moscow, Novyi khronograf. 447 p.

Dikson, K. I. (Ed.). (1903–1904). *Dnevnik III-go s"ezda russkikh deyatelei po tekhnicheskomu i professional'nomu obrazovaniyu v S.-Peterburge (26 dekabrya 1903 – 6 yanvarya 1904 goda), izdavaemyi rasporyaditel'noi komissiei s"ezda* [Record of the 3rd Congress of Russian Technical and Professional Education Leaders in St Petersburg (26 December 1903 – 6 January 1904), Published by the Administrative Commission of the Congress]. No. 1–11. St Petersburg, S. n.

Dva s"ezda [Two Congresses]. (1904). In *Mir Bozhii. Ezhemesyachnyi literaturnyi i nauchno-populyarnyi zhurnal dlya samoobrazovaniya*. No. 2, pp. 22–24.

GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock 102.00. 1904 Year. Dos. 200.

Gran, M. M., Frenkel', Z. G., Shingarev, A. I. (Eds.). (1911). *Nikolai Ivanovich Pirogov i ego nasledie. Pirogovskie s"ezdy* [Nikolai Ivanovich Pirogov and His Legacy. Pirogov Congresses]. St Petersburg, Tovarishchestvo R. Golike i A. Vil'borg. [7], 257, XXXV p.

Istoricheskii urok [Historical Lesson]. (1904). In *Osvobozhdenie*. No. 57. October 2 (15), pp. 116–117.

Itogi III s"ezda deyatelei po tekhnicheskomu obrazovaniyu [Results of the 3rd Congress of Technical Education Leaders]. (1904). In *Osvobozhdenie*. No. 17 (41). February 5 (18), pp. 310–311.

Ivanov, A. E. (2019). *Vysshaya shkola Rossiiskoi imperii XVIII – nachala XX veka. Izbrannye stat'i* [Higher Schools of the Russian Empire of the 18th – Early 20th Century. Selected Articles]. Moscow, Printsipium. 702 p.

Kanishchev, V. Yu. (2006). *Rol' zhurnala "Osvobozhdenie" v formirovanii ko-stitutsionno-demokraticheskoi partii* [The Role of the *Osvobozhdenie* Magazine in the Formation of the Constitutional Democratic Party]. Dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, S. n. 301 p.

Kokoshkin, F. F. (1911). S. A. Muromtsev i zemskie s"ezdy [S. A. Muromtsev and Zemstvo Congresses]. In *Sergei Andreevich Muromtsev. Sbornik statei*. Moscow, Izdatel'stvo M. i S. Sabashnikovykh, pp. 205–250.

Medushevskii, A. N. (1998). *Demokratiya i avtoritarizm: rossiiskii konstitutsionalizm v sravnitel'noi perspektive* [Democracy and Authoritarianism: Russian Constitutionalism in Comparative Perspective]. Moscow, ROSSPEN. 650 p.

Mironov, B. N. (2008). Politika versus istina. Osoboe soveshchanie o nuzhdakh sel'skokhozyaistvennoi promyshlennosti 1902–1905 gg. [Politics versus Truth: A Special Meeting on the Needs of the Agricultural Industry 1902–1905]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2*. Iss. 1, pp. 8–30.

Pavlov, D. B. (Ed.). (2001). *Liberal'noe dvizhenie v Rossii. 1902–1905 gg.* [The Liberal Movement in Russia. 1902–1905]. Moscow, ROSSPEN. 646 p.

Pravo [Pravo]. (1905). No. 14.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 1284. List 187. 1904 Year. Dos. 370.

Russkie vedomosti [Russkie vedomosti]. (1902). No. 4, 6, 7, 11, 357; (1903). No. 1, 3, 4, 5, 6; (1904). No. 6, 7, 8, 11, 12, 13.

S IX Pirogovskogo s"ezda [From the 9th Pirogov Congress]. (1904). In *Osvobozhdenie*. No. 19 (48). March 7 (20), pp. 332–333.

Shatsillo, K. F. (1985). *Russkii liberalizm nakanune revolyutsii 1905–1907 gg. Organizatsiya, programmy, taktika* [Russian Liberalism on the Eve of the Revolution of 1905–1907. Organisation, Programs, Tactics]. Moscow, Nauka. 347 p.

Shelokhaev, V. V. (2018). *Liberalizm v Rossii v nachale XX veka* [Liberalism in Russia at the Beginning of the 20th Century]. Moscow, ROSSPEN. 504 p.

Skibnevskii, A. I. (1904). *Devyaty s"ezd russkikh vrachei v pamyat' N. I. Pirogova. Kratkii obshchii obzor deyatelnosti s"ezda* [9th Congress of Russian Doctors in Memory of N. I. Pirogov. A Brief Overview of the Congress Activities]. Moscow, S. n. 12 p.

Solov'ev, K. A. (2009). *Kruzhok "Beseda". V poiskakh novoi politicheskoi real'nosti. 1899–1905* [The "Beseda" Circle. In Search for a New Political Reality. 1899–1905]. Moscow, ROSSPEN. 288 p.

Stepanskii, A. D. (1983). Liberal'naya intelligentsiya v obshchestvennom dvizhenii Rossii na rubezhe XIX–XX vv. [The Liberal Intelligentsia in the Social Movement of Russia at the Turn of the 20th Century]. In *Istoricheskie zapiski*. Vol. 109. Moscow, Nauka, pp. 64–94.

Zhbankov, D. N. (1905). Statisticheskie dannye o vrachebnykh s"ezdakh [Statistical Data on Medical Congresses]. In *Zhurnal Obshchestva russkikh vrachei v pamyat' N. I. Pirogova*. No. 1, pp. 3–24.

Zubkov, I. V. (2011). Pedagogicheskie organizatsii [Educational Institutions]. In Tumanova, A. S. (Ed.). *Samoorganizatsiya rossiiskoi obshchestvennosti v poslednei treti XVIII – nachale XX v.* Moscow, ROSSPEN, pp. 647–690.

**ЗАЛОЖИТЬ НЕПРЕМЕННО СОБСТВЕННО КИРГИЗСКИЙ
ЦЕНТР: НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ
РАЗМЕЖЕВАНИЕ И СТОЛИЦЫ КАЗАХСТАНА***

Дина Аманжолова

Институт российской истории РАН,
Москва, Россия

**TO ESTABLISH A PROPER KYRGYZ CENTRE:
NATIONAL AND TERRITORIAL DELIMITATION
AND THE CAPITALS OF KAZAKHSTAN**

Dina Amanzholova

Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

This article considers the interconnection between national and territorial delimitation in the Central Asian region in the 1920s and the relocation of the Kazakh ASSR's capital from Orenburg to Kzyl-Orda and then to Alma-Ata. Referring to documents, the author demonstrates how the Kazakh ethnopolitical elite used the new opportunities that emerged in this regard to ensure the national character of the Soviet autonomous region in the way that seemed the most appropriate to them. Orenburg, which became its capital upon the establishment of the Kazakh ASSR in 1920, did not look suitable; besides, the autonomous authorities had to take into account the presence of the independent authorities and management of Orenburg Province, whose representatives also experienced discomfort due to the city's dual status. When interacting with the centre, represented by the Politburo and the Central Committee of the CPSU(b), the national leaders of Kazakhstan put forward various options for internal reorganisation and the accumulation of all possible resources in

* Citation: Amanzholova, D. (2021). *To Establish a Proper Kyrgyz Centre: National and Territorial Delimitation and the Capitals of Kazakhstan*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 1. P. 341–360. DOI 10.15826/qr.2021.1.583.

Цитирование: Amanzholova D. *To Establish a Proper Kyrgyz Centre: National and Territorial Delimitation and the Capitals of Kazakhstan* // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 1. P. 341–360. DOI 10.15826/qr.2021.1.583 / Аманжолова Д. *Заложить непременно собственно киргизский центр: национально-территориальное размежевание и столицы Казахстана* // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 1. С. 341–360. DOI 10.15826/qr.2021.1.583.

their hands. The so-called “Europeans”, i. e. Moscow envoys who led the autonomous region’s party organisation, were not only to mediate between the centre and the local elite but also establish a balance between the competing factions within it. The author also focuses on the rivalry between Kazakh politicians and the authorities of the Turkestan ASSR and the struggle for the inclusion of Tashkent and nearby Turkestan territories inhabited by Kazakhs into the Kazakh ASSR. This exposed intra-elite contradictions caused by the regional and ethno-social factors of nation-building and competition for financial, economic, administrative, and organisational resources. The article demonstrates that complex natural and climatic conditions, the nomadic nature of Kazakh society and its negligible degree of urbanisation, and a lack of proper infrastructure played a special role in the geography of Kazakhstan’s capital in the 1920s. In the context of accelerated modernisation, the government sought to combine the policy of national self-determination with ensuring the manageability and stability of a culturally complex region and strengthening interregional economic connections. The “migrations” of the Kazakh capital were also connected with the need to create an example of successful interaction between Moscow and national elites, as well as form an ethno-cultural centre that met symbolic requirements.

Keywords: USSR, Kazakh ASSR, delimitation, capital, ethnic policy, ethnic elites

Рассматривается взаимосвязь национально-территориального размежевания в Центральном-Азиатском регионе в 1920-е гг. с перемещением столицы Казахской АССР из Оренбурга в Кызыл-Орду и затем в Алма-Ату. На основании документов показано, каким образом казахская этнополитическая элита использовала открывшиеся в связи с этим возможности для подлинного, как ей представлялось, обеспечения национального характера советской автономии. Оренбург, ставший столицей с образованием Казахской АССР в 1920 г., выглядел для этой цели малоприспособленным, к тому же руководству автономии приходилось считаться с наличием самостоятельных органов власти и управления Оренбургской губернии, представители которых также испытывали дискомфорт в связи с двойным статусом города. В процессе взаимодействия с центром в лице Политбюро и ЦК ВКП(б) национальные лидеры Казахстана выдвигали разные варианты внутреспубликанского переустройства и аккумуляции всех возможных ресурсов в своих руках. Так называемые «европейцы» – посланцы Москвы, руководившие партийной организацией автономии, должны были не только стать посредниками между центром и местной элитой, но и устанавливать баланс между конкурирующими группировками внутри нее. Обращается внимание на соперничество казахских деятелей с руководством Туркестанской АССР и на борьбу за включение Ташкента, а также близлежащих территорий Туркестана, населенных казахами, в состав Казахской АССР. Это обнажило внутривластные противоречия, обусловленные региональными и этносоциальными факторами нациестроительства, конкуренцией за обладание финансовыми, хозяйственными, административными и организационными ресурсами. Показано, что особую роль в столичной гео-

графии Казахстана в 1920-е гг. играли сложные природно-климатические условия, кочевой характер казахского общества при ничтожной степени его урбанизации, отсутствие должной инфраструктуры. В условиях ускоренной модернизации власть стремилась совместить политику национального самоопределения с обеспечением управляемости и устойчивости культурно сложного региона, укреплением межрегиональных экономических связей. Выбор и «перекочевки» столицы Казахской АССР были также связаны с необходимостью создать пример успешного взаимодействия Москвы и национальных элит, а также удовлетворяющий символическим требованиям этнокультурный центр.

Ключевые слова: СССР, Казахская АССР, размежевание, столица, этническая политика, этнические элиты

«Перекочевки» центра Казахской АССР в 1920-е гг. не просто отразили специфику республики с самым многочисленным кочевым народом, особыми природно-климатическими, хозяйственными условиями и экономическими связями. Сам характер организации общества с его перманентной мобильностью как будто «оправдывал» перемещения столицы вплоть до окончательного и экстремального, трагического для народа перехода к оседанию вследствие коллективизации. Основную роль в этом процессе играли фактическое отсутствие обеспеченных должной инфраструктурой национальных городов, региональные социально-экономические и этнокультурные различия, соперничество внутри казахского политического кластера и расхождения по поводу необходимой «глубины» этнической приватизации власти путем географической локализации столицы как символа самоопределения. В той или иной степени эти факторы и обстоятельства истории столиц Казахстана получили отражение в современной историографии [Аканов, с. 160–165; Аманжолова; Любичанковский, Аканов], однако конкретно-исторические сюжеты в их целостном представлении с учетом новых источников дают возможность для определенных уточнений и выводов в контексте проблем советского нациестроительства.

Перемещения столицы давали импульс разностороннему развитию региона, где она «останавливалась», а также некоторой перестановке в составе элиты. В связи с национальным размежеванием возникли разные варианты переструктурирования КАСР и местоположения ее столицы. Особую чувствительность при перераспределении центров распоряжения административными, финансовыми, организационно-управленческими ресурсами, которые были к тому же ограничены и почти перманентно трансформировались, приобрели внутриэлитные альянсы и противоречия.

В полной мере выявились свойства этнополитической элиты как важнейшего фактора нациестроительства. В апреле 1924 г. Г. В. Чичерин писал И. В. Сталину:

...Настроение киргиз, которые вовсе не хотят прекращения теперешнего положения в Ср. Азии и, в частности, вовсе не хотят уступить узбекам весьма лакомые куски и, с другой стороны, не хотят слиться с Оренбургом и подчинить киргизскую часть Ср. Азии Оренбургу... <...> Спор о границах новых национальных объединений ведется с большой страстью. Киргизы решительно против передачи Аму-Дарьинской области и киргизо-каракалпакской части Хорезмской республики Узбекистану.

Они соглашались на выделение казахской части Голодной Степи, но предлагали «вопрос о присоединении к той или иной республике оставить открытым... Самое рациональное разрешение было бы, конечно, образование из Ташкента центра для среднеазиатской советской федерации. Но этот план целиком зависит от разрешения вопроса о самой федерации». На месте же «существуют два диаметрально противоположных течения: узбеки самым категорическим образом высказываются против образования среднеазиатской федерации, киргизы – за необходимость образования таковой». При этом если узбеки и туркмены, предварительно стоворившись, выступали единодушно, казахские руководители не имели «такой сплоченности и единодушия» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 24. Л. 13–14, 24–27].

Велись активные дискуссии и по поводу других вариантов. Еще в 1922 г. Киробком партии и КЦИК приняли решение о немедленном переводе центра в Сыр-Дарьинскую губернию, «выпросив у Турк-республики для этой цели 2 уезда» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 365. Л. 105]. В мае 1924 г. 19 делегатов партконференции республики, в том числе глава СНК С. Сейфуллин, четыре наркома и один заместитель наркома, обратились с «совершенно секретной, личной» докладной запиской к члену ЦК РКП(б) Я. Э. Рудзутаку и затем к ответсекретарям и членам Политбюро. Они считали необходимым «разрешить немедленно» перенести центр в Ташкент и присоединить к КАССР две туркестанские области с казахским населением:

Оренбург не является ни культурным, ни тем более хозяйственным центром в Кирреспублике. В Оренбургской парторганизации не имеется почти ни одного киргиза, а потому она [как] по методу своей работы, так и по запросам партийной жизни стоит на особом положении среди Кир-парторганизации [Там же].

Как писал в ЦК партии 31 мая 1924 г. и. о. ответсекретаря Киробкома Г. Дунаев, представители запада республики в руководстве во главе с С. Мендешевым значительно лучше осознали значение единства территории и центра автономии, несмотря на присутствие у них групповых и родовых мотивов, ожидая решения Москвы по поводу судьбы Ташкента и Омска. При этом «все группировки сходятся на требования присоединения к Киргизии и на перенесении в Ташкент Всекиргизского центра». Сейфуллин и его сторонники предлагали «проект

деления Киргизии на три области, Южную с центром в Ташкенте, Западную с центром в Оренбурге и Восточную с центром в Омске», но это «будет равносильно созданию трех автономных Киргизских республик». Ташкент как административный и хозяйственный центр подходит меньше, чем Оренбург: «как если и не национальный центр, то все же восточный город будет притягивать к себе стремления большинства киргизских работников, и вопрос о перенесении в него центра явится предметом постоянных требований, недовольства и склок». Поначалу посланцы центра резко возражали против самой идеи отдельных этнотерриториальных образований [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 31. Д. 24. Л. 1–5; ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 94. Д. 582. Л. 244–246].

По данным зампреда Средазбюро ЦК РКП(б) О. Я. Карклина, секретарь Казкрайкома партии С. Ходжанов горячо отстаивал передачу Ташкента КАССР, так как он «исторически представляется не чем иным, как узбекско-сартовской колонией на территории киргиз-кочевников» и «имеет исключительно решающее значение для киргизского населения Туркестана в качестве его единственно-культурного центра», поэтому формальный отрыв города от Казахстана будет противоречить принципам советской власти в национальном вопросе. Несмотря на решение Политбюро, Киробком в августе решил снова возбудить вопрос «о разрешении, хотя бы в квартирном отношении, перенести центр Киргизии в Ташкент». Таковую же позицию «со всей решительностью» отстаивало представительство КАССР при ТурЦИК, называя Ташкент «киргизским Самаркандом», культурным центром казахов и их рынком. Ходжанов, Асфендиаров и другие казахские деятели ТАССР предлагали создание среднеазиатской федерации с включением в нее Казахстана. «Ходжанов, – писал Карклин, – полагает, что если киргизы нынешней Туркеспублики отойдут к Кирреспублике, то они (киргизы) будут проклинать тех, кто придумал такой проект», а образование республик рассечет единый живой организм, жизнеспособной будет лишь Узбекская Республика с зависимостью от нее остальных, и обострится национализм.

Заместитель Наркомнаца Г. И. Бройдо тогда же, говоря о максимальной концентрации «национальной войны» вокруг города, тоже видел выход в создании среднеазиатской федерации с «вольным» Ташкентом как общедоделативной принадлежностью. Он предлагал включить казахские земли в состав такой федерации, поскольку иначе осложнится конструирование единого экономического района, резко обострится «националистическая борьба». Бройдо рассчитывал и на будущее присоединение к «среднеазиатскому союзу» Кашгарии и Кульджи. В пользу Ташкента он указывал, что партийное руководство в Семиречье вырабатывается на основе «средневековых феодальных родовых отношений, а не оренбургских», и Ташкент «обучил значительно лучше и глубже ташкентских железнодорожников нашей национальной политике», тогда как оренбуржцы «в смысле понимания нашей национальной политики отстали». Он предлагал

«поставить вопрос о мифическом единстве Кирреспублики», так как «его нет», многие районы почти не знают советской власти и руководства Оренбурга, вследствие чего нужно соединить Букеевскую орду с Калмыцкой областью в отдельную автономию, Адаевский район передать в Хорезм, а северо-восточные районы исключить из КАССР и «обслуживать» как нацменьшинства Сибири плюс «вымежевать» Оренбург с уездом и частью Уральской области [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 566. Л. 23–25, 27, 31–39; Оп. 31. Д. 24. Л. 4 об. –5, 9; ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос, кн. 1, с. 213, 215, 219].

4 июня Оргбюро ЦК обсуждало проблемы размежевания с участием всех заинтересованных сторон [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 395. Л. 33] и вопрос о положении в парторганизации КАССР. Ходжанов тогда же отстаивал идеи среднеазиатской федерации и превращения Сыр-Дарьинской области в опорную для КАССР, без чего она останется «разобщенной и безжизненной республикой» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 566. Л. 40–43, 49]. В письме в Средазбюро он заявил, что по их вине «практическая работа по нацразмежеванию Средней Азии объективно превращается в межнациональную перепалку внутри партии и среди беспартийных масс», и обвинил их в противодействии объединению казахов. На экстренном заседании 3 сентября Средазбюро признало форму письма Ходжанова недопустимой, а его претензии – не соответствующими действительности [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 739. Л. 62–64]. Зеленский 29 августа заявил: «Несколько осложняется дело с подысканием столицы для Киргизской Республики. <...> Таким центром будет или Чимкент, или Аулие-Ата, но ни в коем случае не Оренбург». Он не может быть местом «запаса культурных ценностей нации», так как «находится в центре европейского населения» и на самой окраине КАССР [Вехи консолидации, с. 79–80].

С началом размежевания Киробком и его пленум 8 июля, 14 и 28 сентября 1924 г. вновь приняли решение о переносе столицы в Чимкент. Член Оргбюро ЦК РКП(б) Л. М. Каганович считал, что оренбургская парторганизация «является все же в Кирреспублике наиболее пролетарским центром и имеет определенный вес в краевой организации». В проекте Средазбюро ЦК о размежевании был пункт: «Ввиду наличия претензий в вопросе о г. Ташкенте со стороны киргизских работников считать, что г. Ташкент должен быть отнесен к Узбекской Республике». Оргбюро 4 июня 1924 г. приняло его за основу, 11 октября Политбюро оставило в силе передачу Ташкента Узбекистану. В постановлении был п. 4:

Не возражать в принципе против вхождения Кирреспублики на договорных началах в СССР¹, считать необходимым отложить практическое проведение этого решения впредь до выяснения опыта работы Кирреспублики на новых началах и в новых границах и предложить

¹ Имелось в виду преобразование КАССР в союзную республику.

Киробкому провести через советские органы Кирреспублики соответствующее постановление. Предложить Киробкому воспрепятствовать дальнейшему обсуждению вопроса как в партийных органах, так и в беспартийных массах.

Признавалось возможным в случае необходимости пребывания в Ташкенте административного центра управления (не крупнее уездного) близлежащих районов КАССР. Абсолютно недопустимо было переносить вопрос на обсуждение и резолюции по советской линии без предварительного решения ЦК партии. ЦКК поручалось расследовать, как делу был дан ход по этой самой советской линии (по существу, единственно правомочной решать такие вопросы), и наказать виновных за нарушение партдисциплины. Оргбюро ЦК надлежало подготовить комиссию для срочной разработки форм управления Кирреспублики и определения ее будущего центра.

В связи с противоречиями при распределении хозяйственных ресурсов Политбюро решило создать подчиненный СТО СССР и его уполномоченный орган по управлению хозяйством Средней Азии, причем в вопросах местного значения органы управления водным хозяйством работали под наблюдением власти республики, на территории которой находились в том числе переданные КАССР области Туркестана. Распределение капиталов и сырьевых фондов велось «по принципу количества скота в новых государственных образованиях», вопреки постановлению Средазбюро, стремившегося сохранить контроль над ними. Ташкентский конезавод остался «достоянием Средне-Азиатской Республики», но должен был обслуживать все республики и области, включая Казахстан, при его участии в управлении заводом. В постановление по предложению М. И. Калинина был включен пункт о необходимости и неуклонном проведении в жизнь всемерного обеспечения «как экономических, так и бытовых интересов национальных меньшинств (русских, киргиз и пр.), образуя из них по мере возможности автономные административные единицы в составе национальных республик» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 455. Л. 7, 10–11, 12].

17 октября совещание ответработников КАССР в Москве приняло решение о переводе столицы в Чимкент, направив протокол в Оргбюро ЦК РКП(б). Председатель ЦСНХ КАССР М. Саматов в докладе о центре автономии обратил внимание на экономические и организационные факторы размещения центра, предложив таковым Актюбинск. Ходжанов был за немедленный переезд в Чимкент, поскольку было очевидно, что республика будет жить не промышленностью, а сельским хозяйством, для вывоза продукции которого нужны торговые пути, а «инициатива по организации местного хозяйства должна принадлежать местам лишь под директивным руководством центра». На вопрос Авдеева о наличии помещений в Чимкенте Ходжанов не ответил, что вызвало его критику:

Ходжанов никаких сведений о Чимкенте не хочет давать. Практически в Чимкенте могут въехать не более 750 человек. Принципиально против Чимкента нельзя возражать. Киргиз в Чимкенте всего 8 %. Практически надо... вопрос о переезде решать в зависимости от материальных возможностей.

Досов заметил, что пока нет ни одного города, который мог бы сразу стать административным центром, но по экономическим соображениям поддержал выбор Чимкента, как и Кулумбетов, который считал, что именно юг способен сделать республику национальной. Осторожный Мендешев высказался за Перовск:

Ходжанов говорит, что национальный вопрос – тактический вопрос. А, с другой стороны, он клонит к национальному обособлению киргиз. Концы с концами как-то не сходятся... Если центр будет в Чимкенте, то в течение ближайших 10–20 лет мы будем обслуживать лишь южные районы. От остальных киргизских районов мы оторвемся.

Его поддержал Киселев:

Никто цифр не привел, поэтому трудно решить вопрос. По Ходжанову выходит – обособляйся от русских, выселяй часть русских. Так не годится. На первый взгляд, Перовск больше подходит, туда и надо переезжать, но постепенно.

Ходжанов обвинил оппонентов в намерении оттянуть время выезда из Оренбурга, на что Мендешев предложил «в качестве центра наметить город Перовск для того, чтобы иметь возможность скорее туда переехать». В итоге голосованием был избран Чимкент, поддержано было и предложение о выделении трех регионов автономии. В сопроводительном письме в ЦК указывалось: «Доныне Кирреспублика не была Киргизской национальной республикой и не располагала внутри благоприятными для этого условиями». Размежевание должно было завершиться ее организационным оформлением. К тому же, «вопросы о центре КССР и о форме управления с самого начала существования КССР ставились как вопросы жизни и смерти Кирреспублики как национальной республики». В ходе совещания его участники предлагали в качестве столицы также Актюбинск и Перовск (Ак-Мечеть). Как возможные центры рассматривались еще Аулие-Ата, Казалинск, Алма-Ата. Мотивы сводились к следующему:

В Киргизии ныне застойная атмосфера, и перелома без перенесения центра не создать. Туркестан и Восточную Киргизию никогда невозможно подчинить Оренбургу. Группировки кирработников обусловлены партийной общественной бесконтрольностью, межнациональной враждой, чуждостью Оренбурга для Киргизии и отдаленностью киргизских масс. Без перенесения центра этого не ликвидировать.

Националы опять предлагали, помимо Кара-Калпакской автономной области, обеспечить единство автономии «во всех отношениях и условия путей сообщения», насильственно не централизовать, а «развивать инициативу и жизнь на местах, направляя дальнейшее развитие к объединению и к созданию единой во всех отношениях Киргизской национальной республики» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 683. Л. 65, 57, 63–64].

Одновременно лидеры Казахстана, «потеряв надежды» на Ташкент, пытались все же явочным порядком с согласия центра закрепить там, для чего просили предоставить «квартиры для центральных учреждений своей республики» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 430. Л. 23; Д. 455. Л. 8. Д. 430. Л. 23; Д. 739. Л. 174; ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос, кн. 1, с. 221, 238]. 23 октября Политбюро рассмотрело вопрос о районировании КАССР и постановило подготовить специальное письмо парторганизации республики «о характере ее дальнейшей работы». Вопрос о местонахождении центра был передан на предварительное обсуждение Киробкома. Ходжанов 5 ноября 1924 г. обратился к Сталину:

Вопрос о центре Киргизии отпал почти окончательно. Разногласие в Москве превратилось в безгласие в Оренбурге. Необходимо внушить сверху в более определенных выражениях необходимость создания Киргизского центр[ального] города [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 457. Л. 25–26; Оп. 84. Д. 721. Л. 1].

В декабре бюро Киробкома решило оставить столицу в Оренбурге, включив Тургайскую область в состав Оренбургской [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 466. Л. 47, 50; Д. 474. Л. 61]². Мендешев обратился в ЦК: так «обкиргизить» Оренбург и губернскую организацию не удастся, а оставление центра в русском городе не поможет распространить влияние на казахские массы в целом и управлять весьма отдаленными районами бывшего Туркестана, включенными в КАССР. С переносом же столицы из Оренбурга, убеждал он, «тяжесть работы по управлению и строительству КССР почти целиком перейдет киргизской части нашей партии», несмотря на ее относительную слабость в сравнении с пролетарскими русскими организациями. Он признавал необходимость значительных средств для технического оборудования и застройки другого города как нового центра, предлагая действовать в этом смысле постепенно. Семипалатинск как столицу Мендешев считал негодным «ни с какой точки зрения», а вот Ак-Мечеть занимает «сравнительно центральное положение» на линии Ташкентской

² 4 декабря 1924 г. Политбюро по предложению И. В. Сталина поддержало просьбу Киробкома и секретаря Средазбюро ЦК РКП(б) И. А. Зеленского о выделении 600 тыс. руб. вместо 980 «для образования центра туркестанских областей в Чимкенте». Средства выделялись «из предполагаемого на нужды остальных национальностей 5-миллионного фонда» на дополнительную помощь в сферах народного образования, здравоохранения, агрономических мероприятий, укрепления низового советского аппарата [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 474. Л. 61].

железной дороги, связан с разными регионами, в том числе караванными путями, имеет моноэтническое население, лучшее обустройство, возможности для культурного земледелия, горнорудной и рыбной промышленности, обеспечения топливом (саксаул) [ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос, кн. 1, с. 252–255].

26 января 1925 г. на пленуме Всекиргизской КК РКП(б) основной вклад в решение вопроса внес Н. И. Ежов. Он заявил: «...мы переедем по линии Т. Ж. Д.³, скажу прямо, в Перовск, здесь и должна будет группироваться будущая Киргизская Республика», – но считал переезд преждевременным. Комиссия категорически выступила против перевода центра в Перовск или Чимкент. Это, считал Ежов,

...может привести к фактическому упадку политического и экономического развития КССР, поскольку правительство и все высшие советские и партийные органы будут находиться в чуждом идеологически (буржуазном и байском) окружении, без какого-либо влияния экономической и пролетарской базы.

Столица КАССР все же была перенесена в г. Ак-Мечеть (до 1922 г. Перовск). Официальное объяснение состояло в том, что вопрос о центре республики неизменно сохранялся с 1920 г. Оренбург не отвечал этой миссии «как центр лишь северо-западной, главным образом русской части КССР». После размежевания роль и назначение центра он уже совсем не мог исполнять, так как требовалось приближение к «широким массам коренного населения» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 82. Л. 215; 5 лет Казакстана, с. 21; К IV съезду РКП(б), с. 24].

Ежов заявил также, что вопрос о районировании никого в практическом смысле не интересует, а политический смысл его связан с переносом центра борьбы «с национальной вражды на борьбу классовую». В ходе размежевания столкновения перестанут быть внешними и станут внутренними, и теперь «о присоединении КССР к среднеазиатским владениям никто не говорит». Однако экономические связи южных и восточных областей отменить нельзя, нужны некие промежуточные формы.

Надо, товарищи, говорить правду, а именно – Киргизия – не национальность, как национальность она еще не сформировалась и стоит пока на переходном пути к национальности... Но если мы поставим вопрос в разрезе не национальном, а классовом, то тогда перенесение центра в южные губернии ни в коем случае не целесообразно. Держать ставку на кочующих киргиз нельзя. Надо искать других путей.

Ежов считал, что «попытка стянуть Киргизию к кочевому району неверна» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 82. Л. 214–215].

³ Ташкентская железная дорога.

Оренбургский губком попросил ЦК РКП(б) выделить Оренбургскую губернию непосредственно в состав РСФСР еще до предстоящего переноса столицы Казахстана, так как «в самом начале организации краевой власти в Оренбурге... возникли уже недоразумения и трения (лучшие здания, работники, перевод губернских учреждений в краевые). В общем, последняя фактически создавалась за счет Оренбургской губернии». Оренбургское начальство лишалось также контроля над предприятиями («50 % общего числа краевых предприятий – оренбургские»), но «краевые органы... сознательно ослабляли ее экономико-хозяйственную мощь», значительная доля губернского бюджета и все излишки по единому сельхозналогу поступали в автономию [цит. по: Косач, с. 130]. Сторонник сохранения за городом статуса столицы секретарь Киробкома В. Нанейшвили считал, что «товарищи оренбуржцы» проявили себя не меньшими националистами, чем казахские лидеры. Он писал:

Товарищи оренбуржцы хотят стать большой губернией, но они не учитывают своих сил и качеств своего аппарата, советского и партийного, актив оренбургской организации настолько слаб и политически не выдержан, что руководить губернией он не может.

При поддержке Госплана СССР, Наркомздрава РСФСР и некоторых членов ЦК партии они пытались оставить в своем распоряжении три конезавода [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 31. Д. 24. Л. 25].

Каганович же советовал «ближе подойти к Оренбургской парторганизации... несмотря на некоторые уклоны в области национальной политики... последняя является все же в Кирреспублике наиболее пролетарским центром и имеет определенный вес в краевой организации». Одновременно он просил Нанейшвили «в ближайшее время сообщить свое мнение о перенесении центра Кирреспублики в другой район: в каком положении находится вопрос, и какие мнения существуют по этому вопросу» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 683. Л. 57].

9 марта 1925 г. Оргбюро ЦК РКП(б) рассмотрело вопрос о выделении Оренбургской губернии из состава КАССР. Киробком не возражал в принципе, но предлагал учитывать, что Оренбург является столицей и резиденцией правительства, размещения всех краевых культурно-просветительных учреждений, «средоточием руководства экономической жизни» автономии. На обустройство краевых учреждений затрачены крупные средства, Ак-Мечеть же «не оборудована». Киробком признал решение оренбуржцев «преждевременным, исходящим из неполного учета общих интересов КССР», а их самоустранение от реорганизации КАССР – «бьющим по культуре и экономике края». 13 марта секретариат ЦК РКП(б) принял предложение Киробкома «предрешить вопрос о выделении Оренбургской губернии из состава КССР в состав РСФСР после выезда Кирцентра в Перовск». 17 марта Ходжанов сообщил главе Орграспреотдела ЦК Н. К. Антипову:

Положение осложняется. Необходимо принципиальное решение [о] выделении Оренбургской губернии ускорить. Вопросы [о] границах вне Оренбургской губернии недопустимы. Старая граница Европы [и] Азии – река Урал.

21 марта нарком внутренних дел РСФСР А. Г. Белобородов в секретном обращении в ЦК и Сталину сообщил о крайней желательности провести вопрос на Всеказахском съезде Советов «по инициативе киргизских работников, т. к. постановка этого вопроса со стороны центральных органов РСФСР политически нецелесообразна» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 645. Л. 219, 221; Д. 651. Л. 163, 164].

2 апреля 1925 г. Политбюро поручило Президиуму ВЦИК создать комиссию по размежеванию Оренбургской губернии и КАССР, 6 апреля Оренбургская губерния была выделена из состава Казахстана, что отвечало объективным социально-экономическим и политическим условиям. После «выезда киргизских органов» Оренбургская губерния передавалась под непосредственное руководство ЦК РКП(б). 2 апреля было решено восстановить кредит «на переезд в г. Чимкент» в 600 тыс. руб., из которого оплачивались другие расходы; передать КАССР рыбную промышленность Аральского моря, Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи как уголья краевого значения и выделить особый долгосрочный кредит для ее восстановления на Арале [ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос, кн. 1, с. 255; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 484. Л. 52]. 5 июня Секретариат ЦК рассмотрел резолюцию Киробкома «По докладу т. Мендешева о национальном размежевании Средней Азии». Он считал, что если задача создания новых республик с однородным национальным составом легко выполнима в отношении узбеков и туркмен, то для казахов и киргизов она оказалась «чрезвычайно сложной». Обширность КАССР, разбросанность и пестрота национального состава, отсутствие городов с коренным населением были главными препятствиями. Вопрос о Казахстане «как о национальной республике» не мог и не может быть решен без пересмотра границ, чтобы установить основное территориальное ядро автономии и центр экономического тяготения национальных масс. В Средней Азии размежевание служит поворотным пунктом в жизни отсталых народов, а для Казахстана – «фундаментом консолидации киргизской государственности и окончательного парализования остатков влияния царско-колониального режима». Подчеркивалось «огромное значение» южной части Сыр-Дарьинской области как одной из основных культурных и экономических баз для казахов, «сугубое внимание» обращалось на решение спорных территориальных вопросов в Ташкентском и Мирзачульском уездах. Киробком считал, что КАССР в новых границах по территории и численности населения, экономическому и политическому значению (граница с Китаем) не уступает среднеазиатским республикам и должна наравне с ними «войти в состав СССР как независимая республика, на договорен-

ных началах». Совершенно невозможным считалось пребывание центра в Оренбурге, и выражалась просьба к ЦК передать Ташкент «под центр» республики. Тут же признавались «справедливыми требования узбеков относительно старого города Ташкента», но тогда – «с передачей нового города КССР». Киробком предлагал выделить бухарских казахов в автономную область в составе УзССР, образовать Каракалпакскую автономную область, пересмотреть вопрос о других спорных районах и экономических вопросах [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 668. Л. 87–88]. Требования о повышении статуса автономии, как показало развитие событий, центр счел чрезмерными.

Эти же вопросы подняли в «докладной записке о национальном размежевании Средней Азии» 12 представителей КАССР и казахских областей Туркестана. Они обвиняли Средзабюро в полном игнорировании интересов казахского населения региона, в том числе в Бухарской Республике. Оно «умудрилось доказать принадлежность г. Ташкента узбекам», забронировать за ними «самые культурные, самые ценные» волости рядом с городом, населенные казахами и принципиально связанные с Сыр-Дарьинской областью. Это рассценивалось как прямое насилие и явное игнорирование интересов «киргизской нации и киргизской государственности». Настоятельное ходатайство заключалось в пересмотре решения о Ташкенте и районах с казахским населением вокруг него и в Бухарской Республике, передаче Каракалпакии Шураханского уезда с г. Турткулем. Предлагалось обновить Средзабюро, «изгладив преобладание одной национальности, и допустить киргизского представителя в состав бюро». В ходе размежевания в КАССР вошли часть Сырдарьинской и Джетысуйской (Семиреченской) области, шесть волостей Джизакского уезда Самаркандской области. В границах КАССР была образована Каракалпакская автономная область [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 952. Л. 97–102; Разгон].

16 июня бюро Казкрайкома подтвердило намерение отстаивать свои позиции перед центром. Крайком полагал требовать передачи из Оренбурга одного из четырех кинотеатров с оборудованием для Кызыл-Орды, центральной библиотеки, пропорционального распределения племсостава конезаводов, в зависимости от потребности – гидротехнического имущества. В КАССР должны были войти Тургайская область в ее границах до 1917 г., территория Кустанайской и Актюбинской губерний, районы Оренбургской по границе с рекой Урал, за исключением казахских станиц левобережья. В свою очередь, ответсекретарь Оренбургского губкома партии П. М. Чельшев 26 июня писал В. М. Молотову, что негативная реакция оренбуржцев спровоцирована стремлением казахского руководства «все забирать и увозить, не считаясь с интересами Оренбурга», считать «царско-колониаторским» предложение присоединить к губернии некоторые районы с доминирующим русским населением. Серьезным вопросом Чельшев считал стремление казахстанцев, несмотря на отъезд,

остаться «гегемонами», сохранив за собой мельницы, соляные, золотодобывающие и другие предприятия. По его просьбе в город был направлен ответинструктор ЦК [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 674. Л. 148–149; Д. 684. Л. 184–186].

Из новой столицы руководители КАССР еще пытались сохранить за собой ресурсы Оренбурга. Как писал ответинструктор ЦК Э. М. Меднэ, Илецкий соляной рудник был оставлен за губернией, но его правление получило из Кызыл-Орды приказ заменить 300 русских рабочих казаками, а число русских на руднике довести до 50. Выезжая из Оренбурга, КирЦИК постановил вернуть значительную часть национализированных домов прежним владельцам, половину коих составляли крупные здания, что затруднило работу местных организаций. Проверяющий делал вывод:

Этот жест местные товарищи называют амнистией буржуазии. Будучи в Оренбурге, как партийный, так и советский центр Киргизии действовали помимо губернских органов, не руководили ими, а командовали.

8 сентября 1925 г. на совещании комиссии по советскому строительству в национальных областях и республиках при Оргбюро ЦК РКП(б) бывший ответсекретарь ЦК КПТ И. М. Варейкис заметил:

Сейчас... у них родовая автономия. Они считают необходимым создать нечто вроде родового административного деления областей. Это для Туркестана, может быть, и реально, для Киргизии это вопрос спорный. <...>. ...Доходит до самоопределения по родовому признаку... значит, из этого ничего не выйдет [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 85. Л. 16–17; Оп. 112. Д. 700. Л. 59–60, 74; Оп. 68. Д. 188. Л. 26].

9 апреля Политбюро опросом приняло предложения о кредите для строительства центра КАССР, поручив СНК РСФСР в трехдневный срок выделить кредит «на созыв Киргизского съезда Советов», в недельный – «на переброску учреждений из Оренбурга в Ак-Мечеть и на ремонт необходимых зданий» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 82. Л. 215; Оп. 163. Д. 484. Л. 52; Д. 483. Л. 41]. 21 мая Политбюро утвердило меры по строительству Ак-Мечети с участием средств союзного бюджета на сооружение зданий правительственных, партийных и прочих учреждений и жилья «для абсолютно необходимого минимального количества служащих». 2 апреля решено было восстановить кредит «на переезд в г. Чимкент» в 600 тыс. руб., из которого оплачивались другие расходы; передать рыбную промышленность Аральского моря, Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи в КАССР как угожья краевого значения и выделить особый долгосрочный кредит для ее восстановления на Арале [ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос, кн. 1, с. 255; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 484. Л. 52]. Как считал Ходжанов, «смысл переноса центра в Ак-Мечеть заключается не в квартирном удобстве

в нем, а в желании заложить непременно собственно киргизский центр» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 6. Л. 146].

Условия труда и быт номенклатуры ухудшились. Семья Ходжанова после ограбления осталась без зимних вещей и утвари [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 714. Л. 224–225]. Любопытными наблюдениями о новой столице поделился в письме А. М. Горькому в октябре 1925 г. Вс. Иванов:

Совнарком их из Оренбурга переехал в Алаш-Орду, городок такой был Перовск. Раньше в нем населения было 5 тысяч, а теперь с Совнаркомом 25, и на человека полагается 1½ кв. аршина площади жилья. Днем работают, а ночью в комиссариатах спят. Самый большой дом в столице этой был сумасшедший дом. Двухэтажный и кирпичный. Там теперь Совнарком, а в комнате секретаря Совнаркома (была раньше для буйно помешанных) со стен еще не сняли войлок. Так и секретарь принимает [Иванов, с. 322]⁴.

Предельный лимит ставки 1-го разряда для управленцев был установлен в 12 руб., и «он выдерживался до переезда в Кзыл-Орду всеми политруководителями краевых органов». После переноса столицы «климат, неналаженность культурных сторон жизни и пр.» заставили обходить прежние установки с повышением ставки 1-го разряда до 15–18 руб. для служащих госбанка, промбанка, хлебопродукта, внешторга, госстраха и др., которые заключили генеральные коллективные договоры в Москве. Для краевых органов Наркомтруд КАССР директив из центра не имел. Как писал в ЦК Ф. И. Голощекин, «условия жизни в Кзыл-Орде пока значительно хуже во всех отношениях по сравнению с Оренбургом, и имеется тенденция у отдельных сотрудников лучшей квалификации уехать под тем или иным предлогом». Он просил повысить лимит, так как крайком уже принял решение повысить зарплату до 15 руб., в губерниях она оставалась 12 руб., в Каракалпакии Голощекин просил подтвердить фактический лимит в 21 руб., утвержденный ранее [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 82. Л. 35–36].

В ранее уездном городке «пришлось приспособлять под учреждения и квартиры сотрудников разваливающиеся сараи, кухни, бани», выселять часть жителей. В городе не было электричества, кроме кинотеатра. 17 июля 1925 г. правительственный поезд прибыл в Кзыл-Орду, в сентябре началось сооружение 50 зданий, в том числе 15 жилых домов по специальным типовым проектам. Древесина, цемент и стекло поступали с перебоями, кирпич доставляли на верблюдах местные артели. Приходилось сокращать расходы за счет объединения для соседних домов туалетов, колодцев и хозпостроек, снятия фундаментов в подсобных сооружениях. В августе были закуплены

⁴ Он называет Кзыл-Орду Алаш-Ордой, отражая связанный с движением Алаш и ставший почти нарицательным политический штамп.

22 уличных керосиновых фонаря и 400 домовых ламп, учреждена должность квартального старосты для наблюдения за чистотой улиц. Владельцы домов и торговых палаток обязывались мостить улицы. Единственная водокачка не могла обеспечить город, в арыки сливали нечистоты и мусор, из них же поили скот, брали воду для строительства. Вдобавок к осени возник банный кризис (билеты продавались за два дня до помывки), начались перебои с мукой и хлебом из-за отсутствия мукомольни и задержки поставок из Оренбурга. К 1926 г. в Кызыл-Орде построили 29 зданий [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 6. Л. 146; Жалмагамбетов].

В столице предстояло разместить 83 учреждения и 1081 сотрудника, для семей из трех человек при норме в 2 кв. сажени⁵ на члена семьи и 550 имевших право на дополнительную жилплощадь требовалось 10288 кв. саженей. В итоге «пришлось бы на одного человека 0,80 кв. саж.», поэтому под жилье приспособлялись амбары, кладовые и торговые помещения. Госучреждения заняли восемь школ, из четырех интернатов осталось два, и те перевели за город в непригодные здания, школы не работали вовсе. «Быстрый рост населения города значительно превышал темп строительства». В 1926 г. центр сократил производственную программу до 1 млн руб., и строительство здания правительства так и не было начато. Ирригационная сеть была проведена неграмотно: из-за отсутствия сбросов создавался очаг малярийной инфекции. «Лошадиный транспорт... большая роскошь в Кызыл-Орде», – свидетельствовал один из руководителей [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 6. Л. 146; Чиликова, 1995].

12 и 22 октября 1925 г. Оргбюро и Политбюро ЦК ВКП(б) решили «для приведения Кызыл-Орды в культурный благоустроенный административный центр Казахстана» выделить необходимые ассигнования; командировать специалистов для «организации госаппарата»; «учитывая особые климатические условия и дороговизну жизни, допустить оплату специалистов по повышенным окладам» по сравнению с остальными местностями КАССР; передать в бюджет автономии в порядке исключения прибыли торгово-заготовительных организаций центральных органов, работавших там [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 700. Л. 3–4; Оп. 163. Д. 511. Л. 44–45].

Но в марте 1927 г. в связи с трудными экономическими и естественно-историческими условиями, а также строительством Турксиба было принято решение о переносе столицы в Алма-Ату. Чуть позже Казкрайком констатировал поспешность переезда в Кызыл-Орду без учета объективных трудностей, главными виновниками срыва были названы председатель технической комиссии СНК КАССР по переносу столицы А. Кенжин и глава СНК Н. Нурмаков [Чиликова, 1995]. В марте 1928 г. Политбюро констатировало «явно недостаточное руководство со стороны партийных организаций, в частнос-

⁵ 1 сажень равна примерно 2 м.

ти, крайкома, советской и хозяйственной работой», вследствие чего ассигнованные центром кредиты на сельское хозяйство и строительство Кызыл-Орды «нередко использовались нерационально, а иногда в полном противоречии с указаниями центра». Особо подчеркивалось, что Турксиб обязательно должен «пройти через Алма-Ату» [КПСС и Советское правительство о Казахстане, с. 90–94; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 679. Л. 10, 13]. Власти учли неудачный опыт: американцы «готовятся к строительству год, а строят в течение двух месяцев. Мы готовимся к строительству два месяца, строим год, а потом всю жизнь выстроенное перестраиваем, если оно совсем не разваливается». Переезд не раз переносился, в 1927 г. строительный сезон пропустили [Как Алма-Ата стала столицей].

2 августа СНК РСФСР постановил к февралю 1929 г. организовать переезд в Алма-Ату, чтобы быстрее укомплектовать аппарат квалифицированными силами, особенно для форсирования хозяйственного строительства и Турксиба. Голощекин призывал, чтобы «в Казахстане жили ответственные лица, чтобы он не являлся проходным двором, чтобы можно было учить детей, иметь культурные учреждения» [КПСС и Советское правительство о Казахстане, с. 99; Известия Казахстан, 2004, 21 авг.]. Но в условиях форсированной индустриализации социальные проблемы отодвигались. Первый секретарь ЦК Компартии Л. И. Мирзоян писал Кагановичу:

Ужас, что из себя представляет Алма-Ата! Это паршивенькая деревенька и, конечно, в несколько раз хуже любой северокавказской станции... народу жить негде, работники разбегаются. Света нет... ни одной новой больницы не построено, нет квалифицированных медиков... Резко бросается в глаза огромная оборванность большинства населения [цит. по: Комсомольская правда Казахстан, 2006, 21 авг.].

Мирзоян поселился в особняке бывшего владельца сапожных мастерских, на время ему предоставили имущество на 19 тыс. руб. Партработники рангом ниже получали госимущество на 3–7 тыс. руб. Первый секретарь горкома П. В. Брикульс и глава горсовета М. Н. Сарумов жили в двухэтажном каркасно-камышитовом доме с коридорной системой, печным отоплением и безо всяких удобств [Чиликова, 2005, с. 82].

Столичный статус стимулировал рост населения и обострил жилищный кризис. В КАССР в 1933 г. было 57 городов и рабочих поселков. В 1928–1929 гг. в автономии на одного человека приходилось 4,1 м² жилья, к 1933 г. – 2,7 м², в Алма-Ате – 1,7 м². Суточная норма воды на человека в 1934 г. была мизерная – 3,3 л. ВЦИК в 1931 г. предложил обязательно установить прямую связь с Москвой по телеграфу и по телефону. К 1931 г. предстояло провести реконструкцию и форсированное развитие городского хозяйства, во всех районах открыть почтовые предприятия основного вида, ввести телеграфную связь на казахском языке [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1290. Л. 166;

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 25. Л. 78; Известия Казахстан, 2004, 21 авг.]. По инициативе Мирзояна были приняты решения о строительстве жилья с центральным отоплением, зданий для вузов, звукового кино, театров, гостиниц с общежитиями [Чиликова, 2013]. К 1933 г. появились радиостанция, водопровод и канализация, 12 школ, два кинотеатра, четыре бани, три гостиницы, четыре парка. Трамваи, троллейбусы, автобусы и железная дорога соединили части столицы и прилегающих районов. За 1926–1939 гг. население Алма-Аты выросло с 45 395 до 230 503 жителей [Комсомольская правда Казахстан, 2014, 29 мая – 5 июня].

Для Москвы локализация административного центра Казахстана выступала неотъемлемой частью общегосударственных мер политики национального самоопределения, обеспечения управляемости и работоспособности аппарата власти, баланса хозяйственной специализации и укрепления экономических связей регионов, предотвращения рисков межэтнических конфликтов (особенно в связи с борьбой за Ташкент). Она служила и демонстрации укрепляющегося доверия между Москвой и автономией в лице ее лидеров, а также репрезентации национальной столицы как средоточия традиционных этнокультурных ценностей в их социалистической «упаковке». Импровизационный компонент в истории столиц Казахстана, интересы реализации общегосударственного советского проекта пересекались с сильным давлением этносоциальных факторов и конъюнктуры внутриэлитного соперничества казахских руководителей.

Список литературы

Аканов К. Г. История столиц Казахстана в XX веке: опыт создания, передислокации и вопросы нацстроительства : дис. ... докт. философии (PhD). Нур-Султан : [Б. и.], 2019. 178 с.

Аманжолова Д. А. Советский проект в Казахстане: власть и этничность. 1920–1930-е гг. М. ; СПб. : Ин-т рос. истории РАН : Центр гуманитар. инициатив, 2019. 480 с.

Вехи консолидации. Из опыта партийных организаций Казахстана в решении национального вопроса в 1917–1927 гг. : (К 70-летию Компартии Казахстана) : сб. док. Алма-Ата : Казахстан, 1990. 232 с.

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 94. Д. 582; Оп. 125. Д. 25.

Жалмагамбетов Е. А. Из истории строительства столицы Казахстана города Кызылорды: первый опыт и ход строительства // Вестн. КазНПУ. 2013. № 2 (37). С. 173–180.

Иванов Вс. Тайное тайных. М. : Наука, 2012. 566 с.

Известия Казахстан. Алматы. 2004. 21 авг.

Как Алма-Ата стала столицей // Очерки истории Алматы : [сайт]. URL: <http://verpoue-almaty.kz/others/stol.shtml> (дата обращения: 12.11.2019).

Комсомольская правда Казахстан. 2004. 29 мая – 5 июня; 21 авг.

Косач Г. Г. «Государственный» город и национальные автономии : Оренбург в первые советские годы // Вестн. Евразии. 2002. № 2. С. 100–135.

КПСС и Советское правительство о Казахстане. 1917–1977 гг. : сб. док. и материалов. Алма-Ата : Казахстан, 1978. 394 с.

К IV съезду РКП(б). 1. От XIII к XIV съезду (к организационному отчету). 2. Отчеты отделов ЦК РКП(б). М. ; Л. : Гос. изд-во, 1925. 227 с.

Любичанковский С. В., Аканов К. Г. Оренбург в истории интеграции Казахской степи в состав Российской империи : XVIII – начало XX в. // Былые годы : Рос. ист. журн. 2018. № 48 (2). С. 484–495. DOI 10.13187/bg.2018.2.484.

5 лет Казахстана (1920–1925) : юбилейный сб. Кызыл-Орда : ЦИК Казахской АССР, 1925. 72 с.

Разгон Н. И. К вопросу о размежевании Алтайской губернии и Казахстана // Центральная Азия и Сибирь : первые науч. чтения памяти Е. М. Залкинда. 14 мая 2003 г. / отв. ред. В. А. Моисеев. Барнаул : Азбука, 2003. С. 210–218.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 679; Оп. 21. Д. 1290; Оп. 25. Д. 6; Оп. 31. Д. 24; Оп. 67. Д. 82, 85; Оп. 68. Д. 188; Оп. 84. Д. 683, 721, 739, 952; Оп. 86. Д. 24; Оп. 112. Д. 566, 645, 651, 668, 674, 684, 700, 714; Оп. 163. Д. 395, 430, 455, 457, 466, 474, 483, 484, 511, 739; Оп. 171. Д. 365.

ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос : в 2 кн. / сост. Л. С. Гагагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М. : РОССПЭН, 2005. Кн. 1. 1918–1933 гг. 785 с.

Чиликова Е. Стирая архивную пыль : Оренбург – Кызыл-Орда – Алматы // Мысль. 1995. № 10. С. 85–91.

Чиликова Е. В. Особенности быта партийных руководителей Казахстана в 20–30-е гг. XX столетия // Политическая история Казахстана: первая половина XX века. Алматы : Архив Президента РК, 2005. С. 80–90.

Чиликова Е. В. Образ южной столицы Казахстана в воспоминаниях ее жителей // Роль архива в современном обществе : материалы междунар. науч.-практ. конф. Алматы : [Б. и.], 2013. С. 215–223.

References

5 let Kazakhstana (1920–1925). Yubileinyi sbornik [5 Years of Kazakhstan (1920–1925). Jubilee Collection]. (1925). Kzyl-Orda, Tsentral'nyi ispolnitel'nyi komitet Kazakskoi ASSR. 72 p.

Akanov, K. G. (2019). *Istoriya stolits Kazakhstana v XX veke: opyt sozdaniya, peredislokatsii i voprosy natsiostroitel'stva* [The History of the Capitals of Kazakhstan in the 20th Century: Experience of Creation, Relocation, and Issues of Nation-Building]. Dis. ... dokt. filosofii (PhD). Nur-Sultan, S. n. 178 p.

Amanzholova, D. A. (2019). *Sovetskii proekt v Kazakhstane: vlast' i etnichnost'. 1920–1930-e gg.* [The Soviet Project in Kazakhstan: Power and Ethnicity, 1920s–1930s]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 480 p.

Chilikova, E. A. (1995). *Stiraya arkhivnuyu pyl'*. Orenburg – Kzyl-Orda – Almaty [Erasing Archival Dust. Orenburg – Kzyl-Orda – Almaty]. In *Mysl'*. No. 10, pp. 85–91.

Chilikova, E. V. (2005). *Osobennosti byta partiinykh rukovoditelei Kazakhstana v 20–30-e gg. XX stoletiya* [Features of the Life of Kazakhstan Party Leaders in the 1920s–1930s]. In *Politicheskaya istoriya Kazakhstana: pervaya polovina XX veka*. Almaty, Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan, pp. 80–90.

Chilikova, E. V. (2013). *Obraz yuzhnoi stolitsy Kazakhstana v vospominaniyakh ee zhitelei* [The Image of the Southern Capital of Kazakhstan in the Memories of Its Residents]. In *Rol' arkhiva v sovremennom obshchestve. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Almaty, S. n., pp. 215–223.

GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock 1235. List 94. Dos. 582; List 125. Dos. 25.

Gatagova, L. S., Kosheleva, L. P., Rogovaya, L. A. (Eds.). (2005). *TsK RKP(b) – VKP(b) i natsional'nyi vopros v 2 kn.* [The Central Committee of the RCP(b) – the CPSU(b) and the National Question. 2 Books]. Moscow, ROSSPEN. Book 1. 1918–1933 gg. 785 p.

Ivanov, Vs. (2012). *Tainoe tainykh* [The Secret of Secrets]. Moscow, Nauka. 566 p.

Izvestiya-Kazakhstan [Izvestiya-Kazakhstan]. (2004). Almaty. August 21.

K IV s"ezdu RKP(b). 1. Ot XIII k XIV s"ezdu (k organizatsionnomu otchetu). 2. Otchetny otdelov TsK RKP(b) [For the 4th Congress of the RCP(b). 1. From the 13th to the 14th Congress (for the Organisational Report). 2. Reports of Departments of the Central Committee of the RCP(b)]. (1925). Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 227 p.

Kak Alma-Ata stala stolitsei [How Alma-Ata Became the Capital]. (N. d.). In *Ocherki istorii Almaty*. URL: <http://vernoye-almaty.kz/others/stol.shtml> (accessed: 12.11.2019).

Komsomol'skaya pravda Kazakhstan [*Komsomolskaya Pravda Kazakhstan*]. (2004). May 29 – June 5, August 21.

Kosach, G. G. (2002). “Gosudarstvennyi” gorod i natsional’nye avtonomii. Orenburg v pervye sovetskie gody [A “State” City and National Autonomies. Orenburg in the First Soviet Years]. In *Vestnik Evrazii*. No. 2, pp. 100–135.

KPSS i Sovetskoe pravitel'stvo o Kazakhstane. 1917–1977 gg. Sbornik dokumentov i materialov [The CPSU and the Soviet Government about Kazakhstan. 1917–1977. Collection of Documents and Materials]. (1978). Alma-Ata, Kazakhstan. 394 p.

Lyubichankovskiy, S. V., Akanov, K. G. (2018). Orenburg v istorii integratsii Kazakhskoi stepi v sostav Rossiiskoi imperii. XVIII – nachalo XX v. [Orenburg in the History of the Integration of Kazakh Steppe in the Russian Empire]. In *Bylye Gody. Rossiiskii istoricheskii zhurnal*. No. 48 (2), pp. 484–495. DOI 10.13187/bg.2018.2.484.

Razgon, N. I. (2003). K voprosu o razmezhevanii Altaiskoi gubernii i Kazakhstana [On the Issue of Dividing the Altai Province and Kazakhstan]. In Moiseev, V. A. (Ed.). *Tsentral'naya Aziya i Sibir'. Pervye nauchnye chteniya pamyati E. M. Zalkinda. 14 mya 2003 g.* Barnaul, Azbuka, pp. 210–218.

RGASPI [Russian State Archive of Socio-Political History]. Stock 17. List 3. Dos. 679; List 21. Dos. 1290; List 25. Dos. 6; List 31. Dos. 24; List 67. Dos. 82, 85; List 68. Dos. 188; List 84. Dos. 683, 721, 739, 952; List 86. Dos. 24; List 112. Dos. 566, 645, 651, 668, 674, 684, 700, 714; List 163. Dos. 395, 430, 455, 457, 466, 474, 483, 484, 511, 739; List 171. Dos. 365.

Vekhi konsolidatsii. Iz opyta partiinykh organizatsii Kazakhstana v reshenii natsional'nogo voprosa v 1917–1927 gg. (K 70-letiyu Kompartii Kazakhstana). Sbornik dokumentov [Milestones of Consolidation. From the Experience of Party Organisations in Kazakhstan in Solving the National Question in 1917–1927. (For the 70th Anniversary of the Communist Party of Kazakhstan). Collection of Documents]. Alma-Ata, Kazakhstan. 232 p.

Zhalmagambetov, E. A. (2013). Iz istorii stroitel'stva stolitsy Kazakhstana goroda Kyzylordy: pervyi opyt i khod stroitel'stva [From the History of the Construction of the Capital of Kazakhstan, the City of Kyzylorda: The First Experience and Progress in Construction]. In *Vestnik Kazakhskogo natsional'nogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 2 (37), pp. 173–180.

The article was submitted on 17.05.2020

БОЛЬШЕВИЗМ И РЕЛИГИЯ В ИТАЛЬЯНСКИХ ТРАВЕЛОГАХ О СОВЕТСКОЙ РОССИИ 1920–1930-х ГОДОВ*

Анастасия Голубцова

Институт мировой литературы РАН,
Москва, Россия

BOLSHEVISM AND RELIGION IN ITALIAN TRAVELOGUES ABOUT SOVIET RUSSIA FROM THE 1920S AND 1930S**

Anastasia Golubtsova

Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

This article analyses religious themes and motifs in travelogues by Italian authors who visited the USSR between the 1920s and 1930s. Their writings deal with religion from two different points of view: first, the authors use religious images and allusions to the Bible and other Christian texts as a common cultural code, which helps them comprehend various phenomena of Soviet reality; second, they explore different ways in which religion is present in Soviet society, which was (as the Italian authors saw it) simultaneously strictly atheistic and permeated with religious spirit. The analysis of these two aspects allows the author to point out some important features of the Italian reception of the Soviet Union and to study the influence of fascist propaganda and the European “Russian myth” on the image of the USSR in Italy. This can help us understand the mechanisms underlying the formation of the image of the “other” in intercultural contacts between Russia and the West. The research is based on studying the travelogues by the Italian writers Curzio Malaparte, Vincenzo Cardarelli, and Corrado Alvaro, who visited

* Статья написана при поддержке гранта Российского научного фонда 20–78–00042 «Советский Союз и «русский миф» в travelogues итальянских писателей» в ИМЛИ РАН.

** *Citation*: Golubtsova, A. (2021). Bolshevism and Religion in Italian Travelogues about Soviet Russia from the 1920s and 1930s. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 1. P. 361–378. DOI 10.15826/qr.2021.1.584.

Цитирование: Golubtsova A. Bolshevism and Religion in Italian Travelogues about Soviet Russia from the 1920s and 1930s // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 1. P. 361–378. DOI 10.15826/qr.2021.1.584 / Голубцова А. Большевизм и религия в итальянских travelogues о Советской России 1920–1930-х годов // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 1. С. 361–378. DOI 10.15826/qr.2021.1.584.

the Soviet Union between the 1920s and 1930s when political, economic, and cultural contacts between the USSR and other countries were expanding rapidly after the Civil War. Among other testimonies of the Italian “guests” in the Soviet Union, travelogues created by prose writers and poets are of particular interest as an example of how reality is transformed by literary imagination. These sources are mostly unknown in Russia and have not attracted the attention of researchers. However, they have been studied abroad from the 1980s in several articles and monographs dealing with the image of the USSR in Western culture; recent years have witnessed the publication of several works especially dedicated to Italian writers travelling to the Soviet Union. However, non-Russian researchers mostly regard these texts as historical sources without considering their literary structure: a “philological” approach is crucial for an adequate understanding of such a complex of both fictional and documentary sources. In the long run, the results of this research may contribute to the development of new efficient strategies for intercultural communication in the modern world.

Keywords: Bolshevism and religion, travelogue, Curzio Malaparte, Vincenzo Cardarelli, Corrado Alvaro, USSR of the 1920s –1930s

Представлен анализ религиозных тем и мотивов в травелогах итальянских писателей, посещавших СССР в 1920–1930-х гг. Религиозная тематика в данных текстах предстает в двух основных формах: во-первых, обращение авторов к религиозной образности (аллюзиям на Библию и другие тексты христианской традиции) как общему культурному коду, используемому при осмыслении незнакомых советских реалий; во-вторых, исследование форм присутствия религии в советском обществе, внешне сугубо атеистическом, внутренне же (в восприятии итальянских авторов) проникнутом религиозным духом. Изучение этих аспектов позволяет выделить ряд важных особенностей рецепции Советского Союза в итальянском обществе, в том числе рассмотреть влияние фашистской пропаганды и европейского «мифа о России» на формирование образа СССР в Италии, и внести вклад в осмысление механизмов формирования образа «другого» в межкультурном взаимодействии России и Запада. Материалом исследования послужили травелоги итальянских литераторов Курцио Малапарте, Винченцо Кардарелли и Коррадо Альваро, посетивших СССР в 1920–1930-е гг., в период расширения экономических и культурных контактов между Россией и зарубежными странами после завершения Гражданской войны. В ряду свидетельств, оставленных итальянскими гостями СССР, травелоги, созданные прозаиками и поэтами, представляют особый интерес как пример того, каким образом материал действительности преломляется в авторском воображении. В России эти тексты малоизвестны и практически не привлекают внимания исследователей. За рубежом же они активно изучаются начиная с 1980-х гг. в статьях и монографиях, посвященных образу СССР в западном сознании, в последние годы выходит ряд специальных работ о путешествиях итальянских авторов в Советский Союз. Однако зарубежные исследователи рассматривают данные тексты исключительно как исторические источники и практически не затраги-

вают проблему структуры травелога как художественного целого. Между тем, «филологический» подход необходим для адекватного понимания такого сложного художественно-документального образования, как травелог. Результаты данного исследования в конечном счете могут иметь практическое значение для более эффективного выстраивания межкультурных коммуникаций в современном мире.

Ключевые слова: большевизм и религия, травелог, К. Малапарте, В. Кардarella, К. Альваро, СССР в 1920-1930-е гг.

Опыт революции 1917 г. и послереволюционного переустройства общества привлек пристальное внимание правящих кругов и общественности в европейских странах, в том числе и в Италии, где этот интерес был обусловлен еще и общностью исторической судьбы – установлением тоталитарного режима в 1920-х гг. В фашистской Италии внимание к процессам, происходившим в СССР в 1920-1930-е гг., обуславливалось «схожим по типу насильственным способом захвата власти, шедшими в общем русле реформами в социальной сфере, стремлением лидеров вывести свои страны из категории государств второго эшелона и занять лидирующие позиции на мировой арене» [Дубровина, с. 4].

Восприятие Советской России в итальянском обществе определялось, с одной стороны, стремлением поддерживать торгово-экономические, политические и культурные контакты между двумя странами, с другой – создаваемым пропагандой образом коммунизма и большевизма как идеологического противника фашизма. Антикоммунистическая позиция фашистов отчасти объяснялась выходом России из Первой мировой войны: публикация секретных договоров (в том числе Лондонского пакта между Италией и Антантой) и переговоры о сепаратном мире с Германией вызвали возмущение националистической общественности и прессы, которая воспринимала большевиков как немецких агентов и непосредственных виновников военных неудач Италии. Вплоть до конца войны Ленин и его соратники подвергались критике за пораженчество, подарившее серьезное военное преимущество центральным державам [Bresciani, p. 221]. Антикоммунистическая риторика активно использовалась как инструмент политической борьбы для нападков на главных политических оппонентов фашизма – итальянских социалистов, с самого начала выступавших против войны. Однако следует отметить, что Муссолини в своих выступлениях проводил четкое различие между социализмом и большевизмом, характеризуя последний как результат «онемечивания социализма» и утверждая, что «ленинизм есть полное отрицание социализма» [Ibid., p. 223]. В выступлениях конца 1910-х – начала 1920-х гг. подчеркивался антинациональный и деспотический характер большевизма, который изображался как «типично русский феномен», чуждый западной цивилизации, как воплощение

азиатского деспотизма и коллективизма, не имеющее ничего общего с западной цивилизацией и потому неприменимое в Италии – «самой индивидуалистической стране в мире» [Bresciani, p. 230]¹.

Представление о большевизме как о типично русском феномене неизбежно вело к тесному переплетению антифашистских настроений с антиславянскими: националистически ориентированные силы воспринимали славянское население, сконцентрированное на северо-восточных границах Италии, не только как угрозу национальным интересам, но и как возможный канал распространения большевизма с его азиатским варварством. Практика террора, широко использовавшаяся большевиками в СССР, служила оправданием для жестких мер по отношению к социалистам, которых Муссолини характеризовал как «русское войско, расквартированное в Италии» [Ibid., p. 236]. В период «марша на Рим» и фашистского переворота насилие против политических оппонентов фашизма объяснялось необходимостью «антибольшевистской» (то есть антисоциалистической) борьбы и опасностью гражданской войны в Италии. По сравнению с большевистским террором в России, действия фашистов объявлялись более умеренными, разумными и оправданными: таким образом, противопоставление фашизма и большевизма служило легитимации режима Муссолини. В то же время НЭП и связанный с ним процесс реинтеграции Советской России в мировую экономическую систему определили необходимость восстановления торговых связей между Италией и СССР. После того как поражение советских войск под Варшавой в 1920 г. положило конец распространению большевизма, Муссолини приветствовал поворот Советского Союза к Западу: парадоксальным образом в области экономики коммунизм начал восприниматься как шаг к капитализму, как сила, способная вестернизировать и модернизировать «азиатскую», «византийскую» Россию.

После прихода Муссолини к власти отношение фашистского руководства к СССР не было постоянным и менялось в зависимости от конкретного исторического момента и политической конъюнктуры. Публицистика и официальная пропаганда создавали сложный и противоречивый образ СССР: подобный подход «предполагал сопоставление режимов на теоретическом конструктивном уровне и не был исключительно результатом утрированной антибольшевистской полемики» [Дубровина, с. 93], что открывало новые возможности для диалога между двумя странами. Во второй половине 1920-х гг. одной из излюбленных тем официальной фашистской про-

¹ Здесь отчетливо прослеживается влияние мифа о России и «загадочной русской душе», включающего в себя представления о коллективизме, пассивности и фатализме русского народа. «Миф о России», складывающийся в Европе на протяжении XIX в. и вплоть до настоящего времени влияющий на западную рецепцию России и русской культуры, окончательно оформляется в знаменитой книге Э.-М. де Вогюэ «Русский роман» («Le roman russe», 1886), которая фактически открывает русскую литературу не только для французского, но и в целом для западного читателя [Vogüé; см. также, например: Фокин, с. 32].

паганды стал упадок буржуазной Европы, и по мере того, как Италия все сильнее противопоставляла себя остальным странам Запада, коммунистический режим начинал восприниматься как «незаконнорожденный брат» фашизма [Traini, p. 16].

1920-е и первая половина 1930-х гг. стали для Италии и СССР временем политического и культурного сближения и экономического сотрудничества, которое в 1933 г. было официально закреплено заключением итало-советского пакта о дружбе, ненападении и нейтралитете. В этот период многие фашистские интеллектуалы – Дж. Боттаи, Д. Кантимори, К. Малапарте и др. – с интересом анализировали советский опыт, стремясь выявить как различия, так и точки соприкосновения, важнейшими из которых являлись основополагающая роль государства в обществе и антибуржуазный характер обеих революций, фашистской и большевистской. Изучались и конкретные формы социально-экономического устройства СССР: организация труда, культурная политика, опыт первых пятилеток. Вплоть до середины 1930-х гг. фашистские идеологи считали своим главным противником не Советский Союз, а США, точнее, американский стиль жизни и образ мысли [Дубровина, с. 88]. Только во второй половине 1930-х гг., в период Итало-эфиопской войны 1935–1936 гг. и гражданской войны в Испании, отношения между двумя странами обострились, и официальная позиция фашистской Италии по отношению к СССР приобрела отчетливую антикоммунистическую окраску.

В 1920-х – первой половине 1930-х гг. в Советском Союзе наряду с торговыми и дипломатическими представителями работали многочисленные сотрудники периодических изданий: Сальваторе Апонте («Гадзетта дель Пополо», «Коррьере делла Сера»), Роберто Сустер («Секоло д'Италия»), Пьетро Сесса («Трибуна»), Джулио Де Бенедетти («Гадзетта дель Пополо») и др. Однако их журналистская работа серьезно осложнялась незнанием русского языка, надзором со стороны властей, советской и фашистской цензурой [Petracchi, p. 35–36]. С другой стороны, известные писатели и авторитетные интеллектуалы (как правило, также посещавшие Советский Союз в качестве корреспондентов), в отличие от обычных журналистов, пользовались определенной «духовной свободой» и, даже сотрудничая с прессой, в меньшей степени зависели от издательской политики и цензурных ограничений [Ibid., p. 36–37].

Поскольку «советская» тема вызывала интерес как у официальных властей, так и у публики, после газетной/журнальной публикации очерки и статьи о поездках в СССР нередко издавались отдельными сборниками-травелогами. Травелоги, созданные литераторами, представляют особый интерес как пример того, каким образом материал действительности преломляется в авторском воображении. Среди итальянцев, посещавших СССР в 1920–1930-е гг., можно выделить несколько авторов, известных в первую очередь своими художествен-

ными произведениями: Винченцо Кардарелли, Коррадо Альваро, Курцио Малапарте. В их травелогах, написанных после посещения СССР, характерная для путевых заметок ориентация на правдивое отражение действительности соединяется с тенденцией к поэтическому осмыслению собранного материала. Неоднозначная позиция фашистского режима по отношению к Советскому Союзу определяет противоречивость образа СССР в текстах итальянских писателей, которые, будучи так или иначе встроенными в систему пропаганды, неизбежно оказываются одновременно ее творцами и жертвами². Ярким примером противоречивости и даже парадоксальности итальянского восприятия СССР становятся религиозные мотивы, широко используемые итальянцами при анализе декларативно антирелигиозной советской действительности.

Соотношение марксистской/коммунистической идеологии и религии составляло один из ключевых вопросов русского марксизма с самых его истоков – достаточно вспомнить «легальных марксистов» (П. Струве, Н. Бердяева, С. Булгакова) или «богостроителей» 1900–1910-х гг. (А. Луначарского, В. Базарова, А. Богданова). Эта проблематика была обобщена и подробно проанализирована в знаменитой работе Н. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937). В ней нашли свое выражение многие постулаты, на которые опирались в своих рассуждениях зарубежные, в том числе и итальянские авторы, пытавшиеся осмыслить советскую действительность 1920–1930-х гг. Отмечая специфичность русского варианта коммунизма, Бердяев связывает ее с особенностями исторической судьбы России и противоречивого национального характера, сформированного столкновением восточных и западных влияний, первобытно-стихийного начала и византийского аскетического мистицизма, безграничностью и бесформенностью необъятного пространства русской земли, «религиозно-догматическим» складом души и способностью к страданиям и жертвам [Бердяев, 1955, с. 7–8]. Таким образом, автор фактически перечисляет основные элементы «русского мифа», в значительной степени предопределявшие западную рецепцию России (и Советского Союза). На примере работы Бердяева хорошо видно, что религиозные представления составляют важную часть европейского «мифа о России».

² К. Малапарте на момент поездки являлся ярким сторонником фашизма, о чем ясно свидетельствует и текст его травелога. Пропагандистские штампы присутствуют и в текстах В. Кардарелли, отправленного «наблюдать советскую реальность глазами фашизма» (*osservare la realtà sovietica con gli occhi del fascismo*; здесь и далее пер. с итал. мой. – А. Г.) в качестве корреспондента официальной газеты «Иль Тевере» [Traini, p. 29]. К. Альваро с его сдержанным отношением к режиму (так, в 1925 г. он был в числе подписавших Манифест антифашистских интеллектуалов, подготовленный Б. Кроче) старается сохранять беспристрастие, однако и он как сотрудник центральной газеты «Ла Стампа» не может избежать воздействия пропаганды и, например, упоминает фашистский корпоративизм как пример гармоничных и экономически рациональных взаимоотношений между государством и народом [Alvaro, p. 199].

С другой стороны, итальянские авторы, погруженные в контекст христианской традиции, неизбежно обращаются к соответствующим культурным кодам для осмысления чуждой советской действительности. Эти два фактора определяют две основные формы реализации религиозной проблематики в итальянских травелогах, посвященных СССР: во-первых, обращение к конкретным текстам христианской традиции как источнику образности при осмыслении советских реалий (прежде всего к Священному Писанию, в меньшей степени – к художественной литературе), во-вторых, рассмотрение различных форм присутствия в советском обществе религии как духовного и социального феномена, внешне противостоящего большевизму, внутренне же органически связанного с ним.

Советская реальность и христианская образность

Восприятие Советского Союза через призму религиозной образности получает свое наиболее последовательное воплощение в травелоге Коррадо Альваро (1895–1956) «I maestri del diluvio. Viaggio nella Russia Sovietica» («Творцы потопа. Путешествие в Советскую Россию»). Альваро, писатель, поэт и журналист, приехал в СССР летом 1934 г., незадолго до убийства Кирова и нового витка сталинских репрессий. В отличие от многих других итальянских путешественников, Альваро был знаком с русским языком и достаточно глубоко знал русскую культуру, поскольку участвовал в переводе и издании русских авторов (в частности, еще в 1920 г. он выпустил антологию «Русские рассказы», в 1921 г. в его переводе были изданы «Вечный муж» Ф. Достоевского и «Мелкий бес» Ф. Сологуба, в 1942 г., уже после поездки в СССР – рассказы и воспоминания Л. Толстого, хотя вопрос об уровне его владения русским языком остается открытым³). Он отправился в Советский Союз как специальный корреспондент газеты «Ла Stampa», а в 1935 г. его статьи с незначительными изменениями были опубликованы в сборнике «Творцы потопа. Путешествие в Советскую Россию», который впоследствии неоднократно переиздавался: в 1943 г. под названием «Путешествие в Россию» («Viaggio in Russia»), затем – с оригинальным заглавием. Его путешествие по Советскому Союзу длилось около 40 дней, и за это время писатель успел посетить Москву, Ленинград, Нижний Новгород, Сталинград, Баку, спуститься на пароходе по Волге и проехать на поезде по степи. Порядок следования очерков в целом отражает маршрут путешествия, однако книга не имеет четкой структуры и состоит из глав, посвященных самым разнообразным темам: разрозненным путевым впечатлениям и встречам, экономическим вопросам, историческим экскурсам, отдельным феноменам советской жизни.

³ По некоторым свидетельствам, переводы Альваро выполнены не с русского, а с французского языка [Tuscano, p. 564].

При всей разнородности сборника Альваро целостность его восприятия обеспечивается наличием общей концепции, отраженной в названии книги. Заглавие, содержащее аллюзию на библейский потоп (*diluvio*), задает определенный модус восприятия текста: автор изображает Октябрьскую революцию как глобальную катастрофу, уничтожившую старую Россию. Дома и улицы, хранящие память о страшных событиях прошлого, напоминают «un panorama veduto dopo il cataclisma»⁴ (р. 75), «umanità nuova dopo il diluvio»⁵ инстинктивно пытается возродить прежний уклад жизни (р. 76). Даже товары в витрине магазина похожи на вещи, разложенные на просушку после кораблекрушения (р. 78), случайно встреченный священник кажется беженцем, спасшимся от катастрофы (р. 149), а люди, возделывающие участки земли в районе Ростова, сравниваются с могильщиками на кладбище (р. 178). На представление о революции как глобальной катастрофе накладывается мифологизированное представление о России как о стране бескрайних степных просторов, по которым движутся огромные людские массы (по словам Альваро, «l'eterno fluttuare umano della Russia, l'eterno nomadismo per l'immenso continente»⁶, р. 15). Степной ландшафт в сознании автора естественным образом соотносится с морем: «un gruppo di gente... buttati dall'immensità come da un oceano qui»⁷ (р. 156–157), «convoglio di zingari, come se fosse incagliato in un mare in bassa marea»⁸ (р. 181) и т. д. Но метафора Всемирного потопа поддерживается не только «морскими» метафорами, но и прямыми библейскими аллюзиями: например, старый пароход на Волге, набитый людьми, поклажей, лошадьми и коровами, напоминает ковчег («arco», р. 151), в описании толпы на палубе другого парохода выделяется мощный старик, подобный Ною на фреске («Noè in un affresco», р. 156). В том же описании парохода мы встречаем «un pezzo di pane... i pesci secchi che diventano quasi simboli»⁹ (р. 156).

Можно предположить, что здесь на ассоциативном уровне присутствует библейский подтекст, тем более что в следующем предложении тот же кусок хлеба характеризуется архаичным книжным термином «viatico» (от латинского *viaticum*), которым обозначаются и провизия в дорогу, и последнее церковное причастие перед смертью: таким образом, странствия людей по бескрайним русским просторам приобретают мифологическое и даже метафизическое измерение

⁴ «Панораму после катаклизма». Здесь и далее цитаты приводятся в моем переводе с указанием страниц в круглых скобках по изданию: [Alvaro].

⁵ «новое человечество после потопа».

⁶ «вечное русское колыхание людского потока, вечное странничество по огромному континенту».

⁷ «группа людей (жертвы голода. – А. Г.)... выброшенных сюда бескрайним простором, как океаном».

⁸ «цыганский караван, словно севший на мель в отлив».

⁹ «кусочек хлеба... и сушеные рыбы, которые становятся почти символами».

как странствия по некоему иному, потустороннему пространству. Не случайно это мифологическое представление особенно актуализируется во второй половине книги, когда Альваро, покинув Москву и Петербург, отправляется в поволжские степи и затем в Кавказские горы. Если степь описывается как однообразное безрадостное пространство, то по мере приближения к Кавказу пейзаж становится более живописным, веселым, изобильным, напоминающим автору итальянские Апеннины. Это впечатление поддерживается описанием Кавказа, вновь отсылающим к библейскому сказанию о Всемирном потопе: «il tetto del mondo, il luogo emerso dal diluvio»¹⁰ (р. 184).

Восприятие Октябрьской революции как Всемирного потопа встречается и у других авторов – например, в травелоге поэта и писателя Винченцо Кардарелли (1887–1959), одного из первых итальянских интеллектуалов, посетивших Советский Союз. Кардарелли посетил Россию по поручению фашистской газеты «Иль Тевере», созданной в 1924 г. при личном участии Муссолини. Заметки под названием «Viaggio di un poeta in Russia» («Путешествие поэта в Россию») были написаны на материале его поездки в СССР в период с осени 1928 по весну 1929 г., однако после газетной публикации вышли отдельной книгой только в 1954 г. В отличие от Альваро, Кардарелли посетил только Москву и Ленинград, поскольку, по его мнению, именно в этих городах в тот период была представлена квинтэссенция русской жизни [Cardarelli, p. 766–767]. Кардарелли тоже обращается к развернутым религиозным метафорам, хотя они и не приобретают столь всеобъемлющего структурообразующего значения, как у Альваро¹¹. Неоднократные упоминания потопа – имена меценатов, сохранившиеся после «всемирного потопа» («diluvio universale») только в названиях музеев¹² (р. 772), сравнение пионеров с голубем из библейской легенды о потопе¹³ (р. 803) – выглядят как прямая аллюзия на травелог Альваро. Хотя очерки Кардарелли относятся к более ранней эпохе, его книга «Путешествие поэта в Россию» была издана значительно позже «Творцов потопа», и при подготовке публикации Кардарелли имел возможность ознакомиться с текстом Альваро¹⁴.

Этого нельзя сказать об очерках Курцио Малапарте (1898–1957) «Осмысление Ленина» («Intelligenza di Lenin»), написанных в ходе по-

¹⁰ «крыша мира, место, показавшееся из вод потопа».

¹¹ В «Творцах потопа» Альваро библейская образность используется даже для объяснения вполне приземленных социальных реалий. Например, в религиозных терминах описывается положение крестьян по отношению к рабочим («Крестьяне и рабочие находятся в тех же отношениях, что Авель и Каин», р. 179), а добыча нефти в районе Баку напоминает о пожаре Содомы и Гоморры, р. 187).

¹² Здесь и далее цитаты приводятся с указанием страниц по изданию: [Cardarelli].

¹³ Имеется в виду, что пионеры проводят социальную работу среди рабочих и крестьян, выступая как своего рода посланцы советской власти.

¹⁴ Возможно, именно путешествие Альваро он имеет в виду, критически отзываясь о писателях, стремящихся увидеть всю Россию за несколько месяцев (р. 766; см.: Traini, p. 69).

ездки в СССР в 1929 г. Малапарте отправился в Советский Союз в качестве корреспондента газеты «Ла Stampa», материалы после газетной публикации были изданы под одной обложкой в 1930 г., задолго до публикации травелога Альваро. Однако и в них при отсутствии непосредственных аллюзий на библейское предание, вероятно, подсудно присутствуют ассоциации со Всемирным потопом. Так, молодое поколение советских граждан, выросшее на руинах старого мира, в восприятии Малапарте отличает «la spregiudicata impazienza degli scampati a un naufragio»¹⁵ (р. 147), а революционные события, трактуемые как падение Рима с последующим погружением в варварство, описываются фразой из труда Монтеस्कье «О духе законов», явно отсылающей к библейскому Потопу: «Ainsi, dans le temps des fables, après les inondations et les déluges, il sortit de la terre des hommes armés qui s'exterminèrent»¹⁶ (р. 8).

У Малапарте определяющее значение приобретает не метафорическое преломление темы Всемирного потопа, а мотивы, связанные с образом Христа. Как следует из названия, главной темой, интересующей Малапарте, является личность Ленина, который изображается как нечеловечески бесстрастный, рациональный и безжалостный политик. В глазах Малапарте Ленин приобретает сверхчеловеческие и, как ни парадоксально, христологические черты, в его описании автор травелога открыто обращается к библейской риторике: логика Ленина – «assolve tutti i peccati e tutti i furori del popolo»¹⁷ (р. 34), Ленин характеризуется как «lupus Dei qui tollit peccata mundi»¹⁸ (р. 45); после покушения Фанни Каплан раненый Ленин встает «senza un lamento, senza una parola d'odio»¹⁹ (р. 47). Однако тщательно выстраиваемая религиозная риторика немедленно переворачивается и развенчивается²⁰: в отличие от Христа, Лениным движет не любовь, а равнодушие, холодная логика насилия. Тело Ленина в мавзолее лишь внешне напоминает мощи святых, которые первые христиане некогда тайно вывозили с Востока: «ни один корабль не вывезет останки Ленина, не затонув. Мертвецы – тяжелый груз» (р. 49).

Восприятие фигуры Ленина в книге Малапарте претерпевает резкую метаморфозу – от почти благоговейной интонации первых страниц до презрительной характеристики в финале: «жалкая мумия»

¹⁵ «бесцеремонное нетерпение выживших после кораблекрушения». Здесь и далее цитаты приводятся с указанием страниц по изданию: [Malaparte].

¹⁶ «Так в баснословные времена после наводнений и потопов из земли вышли вооруженные люди, истребившие друг друга» (пер. А. Г. Горнфельда и М. М. Ковалевского).

¹⁷ «отпускает все грехи народа и оправдывает всю его ярость».

¹⁸ «волк Божий, взявший на себя грехи мира»: аллюзия на относящиеся к Христу слова Евангелия от Иоанна «вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира» (Ин 1:29).

¹⁹ «без жалобы, без единого слова ненависти».

²⁰ Обилие библейской образности, вероятно, связано с тем, что Малапарте, ссылаясь на Кейнса, отмечает религиозный характер большевизма (р. 131).

Ленина покоится в стеклянном саркофаге, поскольку его адепты боятся, что «добрая русская земля» отвергнет его прах (р. 174). Даже такая бытовая деталь, как пристрастие Ленина к рыбалке (р. 31–32), в контексте произведения приобретает пародийные коннотации, представляя как ироническое «переворачивание» библейского образа «ловца человеков». Именно центральный образ Ленина обеспечивает целостность разнородного, лишённого четкой структуры текста Малапарте, и трансформация этого образа из Христа в своего рода Антихриста составляет скрытый сюжет травелога.

Такому же развенчанию у Малапарте подвергаются и другие религиозные метафоры, например, образ краеугольного камня, отсылающий к словам Христа «ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою» (Мф. 16 : 18). Описывая инертную толпу как основу власти («...il despotismo moscovita è stato costruito sulla folla; *super hanc petram*»²¹), автор одновременно подчеркивает шаткость этого основания («Ed è questa la pietra che l'ultimo Zar ha lasciato in eredità a Kerenski. <...> Super hanc petram il Governo Provvisorio ha fondato il suo breve regno»²², р. 119), большевизм же, по мысли Малапарте, рассматривает толпу как враждебную силу, опираясь на сознательное рабочее меньшинство. Посредством «переворачивания» библейских метафор Малапарте в образной форме описывает социальные процессы, происходящие в СССР, и выносит суровый моральный вердикт Ленину, его соратникам и всему советскому режиму.

В ряде случаев религиозная метафорика в итальянских травелогах отсылает не напрямую к Библии, а к другим литературным источникам, прежде всего к «Божественной комедии» Данте – парадигматическому тексту, задающему идеальную модель путешествия в иной, потусторонний мир. Именно так – как потустороннее, мистическое пространство – воспринимает Россию Кардарелли: уже в Польше он чувствует, что попал в мир, не имеющий ничего общего с европейской цивилизацией, мир, где угольные шахты напоминают врата Ада, а земля имеет багровый («perso») оттенок, «che ricorre tanto volentieri nella fantasia di Dante»²³ (р. 750). Альваро же, описывая толпы голодающих в степи (вероятно, речь идет о последствиях голода 1932–1933 гг.), вспоминает картины «Чистилища» («pareva che si fossero spalancate le porte della sofferenza umana; posso dire di aver visitato il Purgatorio»²⁴, р. 194).

Малапарте, демонстрируя свое отношение к событиям революции, обращается к зловещим образам дантовского Ада: колыхание красных флагов в преддверии октябрьского переворота ассоцииру-

²¹ «московский деспотизм был построен на толпе; на сём камне».

²² «Этот камень последний царь оставил в наследство Керенскому. <...> На сём камне Временное правительство основало свое краткое царствование».

²³ «который так часто возникает в фантазии Данте».

²⁴ «казалось, что распахнулись двери человеческого страдания; могу сказать, что я побывал в Чистилище».

ется со словами «*Vexilla regis prodeunt inferni*» («Близятся знамена царя Ада», р. 122), которыми Вергилий предупреждает Данте о приближении к обиталищу Люцифера. Помимо Данте, встречаются отсылки к житиям святых (Альваро сравнивает кавказские каменные дома и кладбища с заброшенными жилищами отшельников из Золотой Легенды, р. 188) и к другим хрестоматийным текстам, отсылающим к религиозной традиции. Так, у Кардарелли Кремль ассоциируется с крепостью из «Освобожденного Иерусалима» Торквато Тассо (р. 763), а экзотическая «восточная» Россия в целом – со Святой землей (р. 762). Вероятно, итальянский автор под воздействием фашистской пропаганды сознательно или неосознанно воспринимает свое путешествие как крестовый поход, а себя – как представителя прогрессивной западной цивилизации в землях варваров. Об этом говорит и снисходительная, порой даже презрительная интонация, пронизывающая весь текст книги Кардарелли.

Таким образом, христианские аллюзии в итальянских травелогах 1920–1930-х гг. составляют постоянный фон и для описания событий, и для попыток социального анализа. Библейский интертекст функционирует как общий культурный код, который итальянские авторы используют при освоении чуждой реальности, пытаясь осмыслить неизвестное через известное. Благодаря библейской образности за материальным планом начинает просвечивать иная метафизическая реальность, которая наделяет исторические события и реалии советской жизни высшим, практически сакральным смыслом и превращает творцов Октябрьской революции (прежде всего Ленина – «*impresario di diluvi*»²⁵, говоря словами Альваро, р. 195) то в мифических титанов, способных вызвать глобальную катастрофу, то в великих грешников, призвавших на себя и на свою землю Божью кару в виде Всемирного потопа.

Религия и большевизм: духовные и социальные аспекты

Особый пласт христианских мотивов в рассматриваемых травелогах составляют отсылки к религии как к социальному и духовному феномену, который внешне противостоит большевизму, внутренне же, как ни парадоксально, тесно связан с ним и даже родственен ему. Внутренняя близость христианства и большевизма и в значительной степени религиозный характер большевистской идеологии неоднократно становились предметом исследования в гуманитарных науках²⁶, и свидетельства итальянских писателей, лично посещавших СССР в 1920–1930-х гг., дополняют эту картину новыми значимыми штрихами.

²⁵ «импресарио потопов».

²⁶ См., например: [MacIntyre; Milbank; Collier; Riegel; Khazanov; van Ree; Бердяев, 1931; Бердяев, 1955; Рыклин; Антипов; Чони] (особенно гл. 2 «Горький. Пролетарская культура и богостроительство» и гл. 3 «Марксизм и религия: Ленин и “богостроители”»).

Как ни парадоксально, несмотря на резко антирелигиозный характер советской власти, в итальянских травелогах мы не встречаем резкого противопоставления большевизма и христианства: напротив, авторы в изобилии обнаруживают в советском обществе следы неизжитой христианской духовности. По их свидетельствам, многие институты советского общества – школа, театр, пропаганда, в том числе и атеистическая, и даже сам большевизм как таковой – проникнуты религиозностью, глубоко укорененной в национальном характере русского народа. В отсутствие противопоставления большевизма и религии на первый план выходит другая антитеза – православие и католичество. Она органично встраивается как в мифологизированное представление о России как восточной экзотической варварской стране, так и в насаждаемое фашистской пропагандой восприятие большевизма как явления, чуждого ценностям христианской западной цивилизации.

К. Малапарте в «Осмыслении Ленина», подчеркивая специфику русской культуры, рожденной из слияния киевско-новгородского «варварства» и просвещенной Византии²⁷, противопоставляет римскому Христу Христа православного: «più nomade che contadino, sottomesso ma anarchico, paziente ma inquieto, docile, sognatore e servile, ma violento qualche volta, crudele sempre»²⁸ (12). Особая русская религиозность служит для Малапарте одновременно объяснением и иллюстрацией специфики «русской души», разрываемой самыми невероятными противоречиями. По его словам, русские воспринимают землю как «un grande presepio, dove bisogna... camminare in punta di piedi per non svegliare Gesù Bambino»²⁹ (р. 51). Этот образ резко контрастирует с безнадежным отношением к жизни, омраченным сознанием вины и греха: одна из множества противоположностей, которые, по мнению Малапарте, сосуществуют в русском национальном характере. Рассматривая Октябрьскую революцию как событие, естественным образом проистекающее из самой природы и психологии русского народа, итальянский писатель со ссылкой на Дж. Кейнса говорит о «религиозных элементах («elementi religiosi») русской революции» (р. 129) и даже напрямую о «религиозном духе» («spirito religioso») и «религиозном характере» («carattere religioso») большевизма и ленинизма (р. 131).

К. Альваро, как и Малапарте, ищет корни русского религиозного чувства в русском национальном характере, который, в свою очередь, сформировался под влиянием ландшафта – обширных лесов и бес-

²⁷ Альваро также пишет о «варварстве», проникнутом религиозным византизмом (р. 90), но, в отличие от Малапарте, рассматривает его как примету завершившегося феодального этапа истории России.

²⁸ «скорее кочевник, чем крестьянин, покорный, но анархический, терпеливый, но беспокойный, кроткий, мечтательный и раболепный, но порой гневный, всегда жестокий».

²⁹ «большой рождественский вертеп, в котором нужно... ходить на цыпочках, чтобы не разбудить младенца Христа».

крайних равнин, среди которых человек «sentì il bisogno del divino»³⁰ (р. 115). Однако, в отличие от Малапарты, он не ограничивается широкими историческими и философскими обобщениями, а сосредоточивается в первую очередь на отдельных чертах новой социальной реальности. Автор говорит о «слепой вере» («fede cieca») в технику, «техническом фетишизме» («feticismo della tecnica»), буквально о «культе» («culto»), сменившем старую христианскую религию (р. 85–86), о религиозном почитании графиков и статистики (р. 203). Исправившийся беспризорник рассказывает о себе как исцеленный Божественным чудом («miracolato») (р. 117). Постройка с башенкой на плоту, плывущем по Волге, напоминает церковную колокольню (р. 151).

Выводы Альваро о внутренней религиозности советских социальных институтов и всей советской реальности подтверждают и свидетельства Кардарелли: после посещения пионерского кружка он пишет о «большевистских школах» («scuole bolsceviche»), в которых «tutti sono eguali davanti al Vangelo di Carlo Marx»³¹ (р. 802), образовательные плакаты на стенах учреждений и сама вера в эффективность подобных наглядных пособий напоминают ему характерное «византийское» («bizantino») поклонение иконам (805–806), новая мораль большевизма подменяет собой религию, становясь «духовной пищей» («pane spirituale») для народа (р. 813–814), русский театр описывается как «священный институт» («un'istituzione sacra»), а представление – как своего рода литургия, нечто среднее между православным обрядом и греческой мистерией, где зрители ведут себя молчаливо и сдержанно, как верующие во время молитвы, а в конце взрываются «оргиастическим» восторгом (р. 837–838).

В отличие от Альваро, который почти не уделяет внимания сохранившимся в СССР элементам религиозной жизни – церквям, церковным обрядам, положению духовенства и верующих (лишь кратко упоминает очереди, выстраивающиеся к немногочисленным открытым для богослужения церквям на Пасху, р. 206), Кардарелли пишет о венчаниях и о попáх, просящих милостыню «без всякой веры» («senza nessuna fede», р. 775–777), о службах в Иверской часовне у ворот Кремля (р. 813). Причем если Альваро воспринимает немногочисленные приметы церковной жизни как предвестие будущего духовного возрождения, то Кардарелли описывает их как нелепые пережитки прошлого и в целом презрительно высказывается о «примитивном» («primitivo») и «сектантском» («settario») характере русской церкви, в отличие от церкви латинской (р. 813).

Различия в свидетельствах двух авторов, описывающих СССР конца 1920-х и середины 1930-х гг., можно объяснить как их личными предпочтениями и взглядами, так и реальным изменением отношения официальных властей к церкви. Кардарелли опровергает слухи

³⁰ «почувствовал нужду в Божественном».

³¹ «все равны перед Евангелием Карла Маркса».

о целенаправленном преследовании религии: многие церкви открыты для богослужения (р. 812), власти борются с религией лишь посредством просвещения и атеистической пропаганды, ожидая, когда она «угаснет сама собой» («*si spenga da sé*», р. 813). Как ни парадоксально, Кардарелли видит причины упадка церкви в том, что ранее она полностью подчинила себе русского человека, превратив его жизнь в набор неизменных ритуалов, а мысли – в догмы: «*tutto parve religioso in Russia e non ci fu più religione*»³² (р. 823). Варварская и примитивная, несмотря на всю свою пышность, «сухая ветвь» («*ramo arido*») великого древа римского католичества, православная религия «*si era... distrutta da sé, identificandosi con la vita*»³³ (р. 823).

Альваро, в отличие от Кардарелли, почти с ужасом описывает впечатляющий масштаб и эмоциональный накал антирелигиозной борьбы, которая парадоксальным образом принимает религиозные формы и порождает «догматизм нового рода» («*dogmatismo di nuovo genere*»). Труды «отцов коммунизма» («*padri del comunismo*», по аналогии с отцами церкви) изучаются, толкуются и комментируются (р. 91), а постоянное именование Бога (даже в знак отречения от него), выпуск соответствующих газет и иные формы атеистической пропаганды напоминают Альваро то сомнение в Его присутствии, которое испытывают великие мистики и святые, прежде чем окончательно слиться с Ним (р. 115). Статуи Бруно, Кампанеллы и Галилея в бывших церквях, превращенных в антирелигиозные музеи, напоминают изображения святых, голоса экскурсоводов поднимаются к куполу, как молитвы, а богоборчество превращается в новую религию («*tale da suscitare pensieri religiosi anche in chi si ne senta lontano*»³⁴, р. 204–206).

Ориентация на непосредственные наблюдения, а не на теоретические абстракции, и меньшая подверженность антирусским пред-рассудкам позволяет Альваро (в отличие от Малапарте и Кардарелли) заключить, что черты «православного менталитета» («*mentalità ortodossa*», р. 92), проступающие в советском обществе при всем его декларируемом материализме, свидетельствуют не о разрыве между Россией и Западом, а, напротив, о культурной преемственности. В представлении Альваро Россия повторяет путь развития западной цивилизации, создавая «томизм нового типа» («*tomismo di nuovo genere*») и на новой почве постепенно возрождая идеалы Французской революции и ценности демократии (р. 92). Общность христианских ценностей (свобода воли, достоинство и ответственность индивида), объединяющих католичество и православие, составляет, по мысли Альваро, основу культурной близости России

³² «в России все казалось религиозным, и больше не было религии».

³³ «разрушила сама себя, отождествившись с жизнью».

³⁴ «способную пробудить духовные мысли даже в тех, кто считает себя далеким от этого».

и Запада (правда, итальянский автор не ставит под сомнение превосходство Запада и мессианскую функцию Европы по отношению к России – функцию «regolatrice, legislatrice, salvatrice»³⁵, p. 211). Более того, проникая глубже любых политических и социальных различий и сходств, автор утверждает внутреннее родство всех людей, ссылаясь на наиболее архетипические религиозные образы – «la madre, il bambino, e tutto quello che dalla religione è venuto a rafforzare i più profondi istinti umani»³⁶ (p. 206).

В рассуждениях итальянских путешественников о роли религии в русском обществе проступают контуры «русского мифа», сложившегося на Западе в течение XVIII–XIX вв. Он формирует в сознании европейцев образ архаической легендарной России, проникнутой особой «византийской» православной духовностью – духовностью, которая коренится в самой природе русского народа, в его национальном характере. Именно поэтому, по мысли авторов травелогов, религия во внешне атеистическом советском обществе не исчезает, а лишь приобретает новые формы и по-прежнему пронизывает всю социальную жизнь Советского Союза. Парадоксальным образом даже большевистское богоборчество служит не отрицанию, а утверждению Божественного присутствия, и сам большевизм приобретает форму религии. Не случайно при осмыслении незнакомых советских реалий итальянские авторы в поисках ориентиров обращаются к христианским культурным кодам, к библейским образам и сюжетам. В итальянских травелогах, посвященных России 1920–1930-х гг., очевидное противопоставление большевизма и религии заменяется антитезой «варварского» восточного православия и «просвещенного» западного католичества. Эта антитеза, органично встраиваясь и в европейский «миф о России», и в догмы фашистской пропаганды, поддерживает расхожие представления о специфичности русского национального характера и культурном разрыве, пролегающем между Россией и Западом. Подобные представления дают итальянским авторам основания для утверждения превосходства западной цивилизации, а также объясняют (а зачастую и оправдывают) и кровавые события революции, и жестокую политику советского режима. С другой стороны, общая христианская почва создает условия для сближения, побуждает к взаимопониманию, человечности и сочувствию. Показательно, что этот гуманистический пафос ярче всего проявляется именно в книге Коррадо Альваро, который из всех упомянутых авторов, пожалуй, наиболее критично относится к режиму Муссолини и в наименьшей степени чувствителен к фашистской пропаганде.

³⁵ «регулирующую, законодательную, спасительную».

³⁶ «мать, младенец и все то, пришедшее из религии, что укрепляет самые глубокие человеческие инстинкты».

Список литературы

- Антипов Г. А.* Карл Маркс и марксизм в религиозном «измерении» // Идеи и идеалы. 2018. № 4. Ч. 2. С. 23–41. DOI 10.17212/2075-0862-2018-4.2-23-41.
- Бердяев Н. А.* Русская религиозная психология и коммунистический атеизм. Париж : YMCA-Press, 1931. 48 с.
- Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. Париж : YMCA-Press, 1955. 160 с.
- Дубровина О. В.* Формирование представлений о Советской России / СССР в фашистской Италии : 1922–1943 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М. : [Б. и.], 2017. 305 с.
- Рыклин М. К.* Коммунизм как религия : Интеллектуалы и Октябрьская революция. М. : Новое лит. обозрение, 2009. 128 с.
- Фокин С. Л.* Фигуры Достоевского во французской литературе XX века. СПб. : РХГА, 2013. 396 с.
- Чони П.* Горький-политик / пер. с ит. под общ. ред. М. Ариас-Вихиль. СПб. : Алетейя, 2019. 271 с.
- Alvaro C.* I maestri del diluvio. Viaggio nella Russia Sovietica. Reggio Calabria : Falzea, 2004. 442 p.
- Bresciani M.* Tra “guerra civile europea” e “crisi eurasiatica”: Benito Mussolini, la rivoluzione russa e il bolscevismo // Annali della Fondazione Ugo La Malfa. Storia e politica. 2017. № 31. P. 217–241.
- Cardarelli V.* Opere. Milano : Mondadori, 1981. 1262 p.
- Collier A.* Christianity and Marxism : A Philosophical Contribution to Their Reconciliation. L. : Routledge, 2001. 149 p.
- Khazanov A. M.* Marxism-Leninism as a Secular Religion // The Sacred in Twentieth-Century Politics / ed. by R. Griffin, R. Mallett, J. Tortorice. L. : Palgrave Macmillan, 2008. P. 119–142.
- MacIntyre A.* Marxism and Christianity. N. Y. : Schocken Books, 1968. 143 p.
- Malaparte C.* Intelligenza di Lenin. Milano : Treves, 1930. 176 p.
- Milbank J.* Theology and Social Theory: Beyond Secular Reason. Oxford : Basil Blackwell, 1990. 443 p.
- Petracchi G.* Viaggiatori fascisti e/o fascisti a modo loro nella Russia e sulla Russia degli anni Venti e Trenta // Rivista di Studi Politici Internazionali. Nuova serie. Vol. 81. 2014. № 1 (321). P. 35–57.
- Riegel K.* Marxism-Leninism as a Political Religion // Totalitarian Movements and Political Religions. Vol. 6. 2005. Iss. 1. P. 197–126. DOI 10.1080/14690760500099788.
- Traini Ch.* Narrare la Russia: gli scrittori viaggiatori italiani : tesi di dottorato in culture umanistiche. Urbino : [S. n.], 2016. 116 p.
- Tuscano F.* Alvaro tra Calabria e Russia : Tradizione e traduzione // Corrado Alvaro e la letteratura tra le due guerre: atti del convegno, Cosenza-Reggio-San Luca 27–29 settembre 2001 / ed. by A. Giannanti, A. M. Morace. Cosenza : Pellegrini, 2006. P. 563–588.
- Van Ree E.* Stalinist Ritual and Belief System: Reflections on ‘Political Religion’ // Totalitarian Movements and Political Religions. Vol. 17. 2016. Iss. 2–3. P. 143–161. DOI 10.1080/21567689.2016.1187600.
- Vogüé E.-V.* de. Le roman russe. Paris : Librairie Plon, 1886. 351 p.

References

- Alvaro, C. (2004). *I maestri del diluvio. Viaggio nella Russia Sovietica*. Reggio Calabria, Falzea. 442 p.
- Antipov, G. A. (2018). Karl Marks i marksizm v religioznom “izmerenii” [Karl Marx and Marxism in the Religious “Dimension”]. In *Idey i idealy*. No. 4. Part 2, pp. 23–41. DOI 10.17212/2075-0862-2018-4.2-23-41.
- Berdyayev, N. A. (1931). *Russkaya religioznaya psikhologiya i kommunisticheskii ateizm* [Russian Religious Psychology and Communist Atheism]. Paris, YMCA-Press. 48 p.

- Berdyayev, N. A. (1955). *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The Origin of Russian Communism]. Paris, YMCA-Press. 160 p.
- Bresciani, M. (2017). Tra “guerra civile europea” e “crisi eurasiatica”: Benito Mussolini, la rivoluzione russa e il bolscevismo. In *Annali della Fondazione Ugo La Malfa. Storia e politica*. No. 31, pp. 217–241.
- Cardarelli, V. (1981). *Opere*. Milano, Mondadori. 1262 p.
- Cioni, P. (2019). *Gor'kii-politik* [Gorky the Politician] / transl. ed. by M. Arias-Vikhil. St Petersburg, Aleteiya. 271 p.
- Collier A. (2001). *Christianity and Marxism: A Philosophical Contribution to Their Reconciliation*. L., Routledge. 149 p.
- Dubrovina, O. V. (2017). *Formirovanie predstavlenii o Sovetskoj Rossii / SSSR v fashistskoj Italii. 1922–1943 gg.* [Forming the Image of Soviet Russia / the USSR in Fascist Italy of 1922–1943]. Dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, [S. n.]. 305 p.
- Fokin, S. L. (2013). *Figury Dostoevskogo vo frantsuzskoj literature XX veka* [The Figures of Dostoevsky in French Literature of the 20th Century]. St Petersburg, Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya. 396 p.
- Khazanov, A. M. (2008). Marxism-Leninism as a Secular Religion. In Griffin, R., Mallett, R., Tortorice, J. (Eds). *The Sacred in Twentieth-Century Politics*. L., Palgrave Macmillan, pp. 119–142.
- MacIntyre, A. (1968). *Marxism and Christianity*. N. Y., Schocken Books. 143 p.
- Malaparte, C. (1930). *Intelligenza di Lenin*. Milano, Treves. 176 p.
- Milbank, J. (1990). *Theology and Social Theory: Beyond Secular Reason*. Oxford, Basil Blackwell. 443 p.
- Petracchi, G. (2014). Viaggiatori fascisti e/o fascisti a modo loro nella Russia e sulla Russia degli anni Venti e Trenta. In *Rivista di Studi Politici Internazionali. Nuova serie*. Vol. 81. No. 1 (321), pp. 35–57.
- Riegel, K. (2005). Marxism-Leninism as a Political Religion. In *Totalitarian Movements and Political Religions*. Vol. 6. Iss. 1, pp. 197–126. DOI 10.1080/14690760500099788.
- Ryklin, M. K. (2009). *Kommunizm kak religiya. Intellektualy i Oktyabr'skaya revolyutsiya* [Communism as Religion. Intellectuals and the October Revolution]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 128 p.
- Traini, Ch. (2016). *Narrare la Russia: gli scrittori viaggiatori italiani*. Tesi di dottorato in culture umanistiche. Urbino, S. n. 116 p.
- Tuscano, F. (2006). Alvaro tra Calabria e Russia. Tradizione e traduzione. In Giannanti, A., Morace, A. M. (Eds.). *Corrado Alvaro e la letteratura tra le due guerre: atti del convegno, Cosenza-Reggio-San Luca 27–29 settembre 2001*. Cosenza, Pellegrini, pp. 563–588.
- Van Ree, E. (2016). Stalinist Ritual and Belief System: Reflections on “Political Religion”. In *Totalitarian Movements and Political Religions*. Vol. 17, Iss. 2–3, pp. 143–161. DOI: 10.1080/21567689.2016.1187600.
- Vogüé, E.-V. de (1886). *Le roman russe*. Paris, Librairie Plon. 351 p.

The article was submitted on 28.03.2020

Controversiae
et recensiones

Philipp Ammon
Georgien zwischen
Eigenstaatlichkeit und
russischer Okkupation

RoteReihe
Klostermann

Controversiae
et recensiones

**ГРУЗИНСКОЕ ОБЩЕСТВО В XIX ВЕКЕ:
ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИИ В ПРОСТРАНСТВО
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ***

Рец. на: *Ammon Ph. Georgien zwischen Eigenstaatlichkeit und russischer Okkupation: Die Wurzeln des russisch-georgischen Konflikts vom 18. Jahrhundert bis zum Ende der ersten georgischen Republik (1921). Frankfurt a/M : Klostermann : Vittorio, 2020. 238 S.*

Амиран Урушадзе

Вячеслав Щербakov

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

**GEORGIAN SOCIETY IN THE NINETEENTH CENTURY:
FEATURES OF INTEGRATION INTO THE SPACE
OF THE RUSSIAN EMPIRE**

Rev. of: *Ammon, Ph. (2020). Georgien zwischen Eigenstaatlichkeit und russischer Okkupation: Die Wurzeln des russisch-georgischen Konflikts vom 18. Jahrhundert bis zum Ende der ersten georgischen Republik (1921). Frankfurt a/M, Klostermann, Vittorio. 238 S.*

Amiran Urushadze

Vyacheslav Shcherbakov

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

This review examines a monograph by Philipp Ammon that considers the history of the entry and integration of the territories of historical Georgia into the space of the Russian Empire. In his book, the German historian focuses on finding the roots and forerunners of modern Russian – Georgian political conflicts. The author consistently describes the events of the eighteenth and nineteenth centuries.

* *Citation*: Urushadze, A., Shcherbakov, V. (2021). Georgian Society in the Nineteenth Century: Features of Integration into the Space of the Russian Empire. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 1. P. 381–389. DOI 10.15826/qr.2021.1.585.

Цитирование: Urushadze A., Shcherbakov V. Georgian Society in the Nineteenth Century: Features of Integration into the Space of the Russian Empire // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 1. P. 381–389. DOI 10.15826/qr.2021.1.585 / Урушадзе А., Щербakov В. Грузинское общество в XIX веке: особенности интеграции в пространство Российской империи // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 1. С. 381–389. DOI 10.15826/qr.2021.1.585.

Ammon shows the circumstances of the conclusion of the Treaty of Georgievsk in 1783 and the proclamation of the manifesto on the accession of East Georgia on 12 September 1801. At the same time, he refers to the entry of Eastern Georgia into the administrative and political space of the Russian Empire as an occupation and considers the Russian authorities' subsequent policies to be Russification. These provisions are substantiated by well-known scholarly literature, but, according to the reviewers, the author does not use archival and published documentary evidence systematically. According to Ammon, the repressive policy of the Russian state is proved by armed protests and political conspiracies that took place on the southern periphery of the empire in the first half of the nineteenth century. The historian briefly notes the other side of imperial policy, such as the establishment of an educational system, cultural initiatives, and social transformations. However, according to Ammon, all these are also integral elements of Russification. The review criticises some of the book's provisions.

Keywords: Philipp Ammon, Russian Empire, Georgia, Caucasus, historiography

Представлена рецензия на монографию Ф. Аммона, в центре которой – история вхождения и интеграции территорий исторической Грузии в пространство Российской империи. В своей книге немецкий историк сосредоточился на поиске корней и предтеч современных российско-грузинских политических конфликтов. Автор последовательно описывает события XVIII–XIX вв. Ф. Аммон показывает обстоятельства заключения Георгиевского трактата 1783 г., провозглашения Манифеста о присоединении Грузии 12 сентября 1801 г. При этом автор называет вхождение Восточной Грузии в административно-политическое пространство Российской империи оккупацией, а последующую политику российских властей рассматривает как русификацию. Аргументация этих положений основана на известной научной литературе, архивные и опубликованные документальные свидетельства Ф. Аммоном, по замечанию авторов рецензии, систематически не использовались. Подтверждением репрессивной политики Российского государства, по мнению Ф. Аммона, являются вооруженные протесты и политические заговоры, которые происходили на южной окраине империи в первой половине XIX в. Историк кратко отмечает и другую сторону имперской политики: создание образовательной системы, культуртрегерские инициативы власти, социальные трансформации. Однако все это, по мнению Ф. Аммона, также является составным элементом русификаторской политики. В рецензии приведена критика некоторых положений книги.

Ключевые слова: Ф. Аммон, Российская империя, Грузия, Кавказ, историография

В последние годы популярность Грузии заметно выросла. Это проявляется не только в росте числа туристов, посетивших эту южнокавказскую страну, но и в регулярном выходе новых научных и научно-популярных исследований о грузинском прошлом. Резонансными

стали переводы на русский язык книг Д. Рейфилда [Рейфилд], Э. Скотта [Скотт] и Э. Ли [Ли]. Заметным событием в отечественной историографии явилась публикация фундаментальной работы В. М. Муханова об истории Первой Грузинской республики [Муханов].

В 2015 г. вышло в свет первое издание рецензируемой книги берлинского историка и слависта Филиппа Аммона «Грузия между собственной государственностью и русской оккупацией: корни российско-грузинского конфликта от XVIII в. до конца Первой Грузинской Республики (1921)», центральной темой которой стали русско-грузинские отношения в XVIII в., а также особенности интеграции территорий исторической Грузии в политико-правовое и культурное пространство Российского государства [Ammon]. Работа Ф. Аммона выполнена на стыке двух жанров: академического монографического исследования и научно-популярных очерков. Как справедливо заметил один из немецких рецензентов, «те, кто глубоко погружен в проблему, не узнают для себя ничего нового» [Buchenaу, p. 307]. Это объясняется тем, что книга построена в основном на опубликованной исторической литературе, в том числе на хорошо известных профессиональному читателю работах Р. Суни [Sunу] и Д. Лэнга [Lang]. В то же время автору удалось представить опыт оригинального исторического обобщения, где различные факты из истории взаимоотношений грузин и Российской империи были объединены поиском истоков российско-грузинских противоречий и конфликтов в постсоветскую эпоху. Автор пытался избежать односторонности в интерпретациях, но удавалось ему это не всегда.

По мнению Ф. Аммона, сначала Восточная Грузия в 1801 г., а затем и западногрузинские царства и княжества стали жертвами российской оккупации (*Okkupation*) и имперской русификации (*Russifizierung*). Сразу отметим, что использование этих понятий для анализа истории противоречивого вхождения грузинских территорий в состав империи Романовых, как минимум, спорно.

Манифестом к грузинскому народу от 12 сентября 1801 г. император Александр I объявлял установление в Восточной Грузии российской власти «не для приращения сил, не для корысти, не для распространения пределов и так уже обширнейшей в свете империи» [ПСЗ-1, т. 26, с. 785]. Россия присоединила Восточную Грузию в соответствии с многочисленными призывами о военно-политическом покровительстве со стороны грузинской аристократической элиты и царского дома Багратионов, которые постоянно звучали начиная с конца XVI в. Вхождение Восточной Грузии в Российскую империю предшествовало посольство князей Гарсевана Чавчавадзе, Георгия Авалишвили и Элизара Палавандишвили в Санкт-Петербург осенью 1800 г. Итогом дипломатической миссии стало подтверждение императором Павлом I грузинских «просительных пунктов». Ф. Аммон упоминает об этом в тексте книги (с. 58)¹, но концентрирует внима-

¹ Здесь и далее ссылки на рецензируемое издание даются с указанием страниц в круглых скобках.

ние на втором пункте представленного послами документа, по которому царь Восточной Грузии Георгий XII просил российского самодержца сохранить царский дом Багратионов.

В первом же пункте царь Георгий XII совместно с грузинской аристократией, духовенством и всем населением Картли-Кахетии желали «единожды и навсегда принять подданство Российской империи, обязуясь свято исполнять все то, что исполняемо российскими подданными, не отрекаясь ни от каких законов и повелений» [Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, т. 1, с. 179]. Вряд ли в таком контексте уместно употреблять термин «оккупация», обозначающий насильственный военный захват территории.

Ф. Аммон, подчеркивая нечестную игру, которую якобы вела с Восточной Грузией Российская империя, несколько раз указывает на то, что Александр I ликвидировал Картли-Кахетинскую монархию вопреки Георгиевскому трактату (1783), «просительным пунктам» (1800) и политическим устремлениям Багратионов. Действительно, весть об упразднении престола Багратионов ошеломила Восточную Грузию. Грузинская знать занялась сочинением многочисленных прошений и протестов, которые адресовались как императору Александру I, так и местной российской администрации. Царевич Александр Ираклиевич не стал ограничиваться письменным выражением своего недовольства, а бежал в Персию, начав тридцатилетнюю борьбу за восстановление грузинской монархии. Все это довольно подробно изложено в рассматриваемой книге, но почти ничего не сказано о мотивах российского правительства. Уже в последние годы царствования Георгия XII Восточная Грузия находилась на пороге большой междоусобицы. Из-за различных трактовок права на престолонаследие на трон Картли-Кахетии претендовали несколько кандидатов, поддерживавшихся различными политическими группировками. Основное противостояние развернулось между сыном Георгия XII царевичем Давидом и его дядями, сыновьями легендарного Ираклия II. Обе стороны готовились к масштабной войне, об этом свидетельствует переписка царевича Давида с дядями, в первую очередь с Юлоном Ираклиевичем, а также письма Давида к брату Теймуразу, которого он назначил правителем Картли. Вот фрагмент одного из этих посланий от 20 декабря 1800 г.: «Ты будь в крепости, – приказывал Давид брату Теймуразу, – хлеба много заготовь. Если дяди твои захотят придти в Гори, не допускай. Заготовь свинцу и пороху. Я тебя назначил карталинским правителем. Собери войска и приготовь, да также проводывай, что у твоих дядей делается» [Дубровин, с. 159]. Давид и Теймураз прямо угрожали сыновьям Ираклия II и верным им грузинским аристократам расправой, в которой главная роль отводилась российским войскам [Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, т. 1, с. 293].

В этих условиях российское правительство решило не утверждать преемника умершего 28 декабря 1800 г. Георгия XII. В противном случае российские войска, находившиеся в Восточной Грузии, могли

быть втянуты в большую кровавую междоусобицу Багратионов. Беспорядки и столкновения 1801–1802 гг., о которых пишет Ф. Аммон, следует считать слабым эхом предотвращенной гражданской войны. Российское правительство показало равную удаленность от соперничавших группировок, сумев не допустить глубокого социально-политического раскола во вновь присоединенном регионе.

Второе важное понятие, которое использует Ф. Аммон в книге, русификация (*Russifizierung*). Под русификацией историк, судя по контексту книги, понимает дискриминацию грузинского языка и этнической культуры. По мнению автора, русификаторскую политику исповедовали все российские начальники края, включая первого кавказского наместника М. С. Воронцова (с. 83). Автор рецензируемой книги кратко указывает на многочисленные культуртрегерские реформы наместника: создание первой публичной библиотеки в Тифлисе, открытие театра, развитие школьной сети, учреждение Кавказского учебного округа. Ф. Аммон совершенно справедливо отмечает, что в учебных заведениях Кавказского учебного округа грузинские и другие языки региона преподавались всем учащимся, в том числе и русским ученикам. К этому можно добавить, что на торжественном открытии Кавказского учебного округа 5 апреля 1849 г. М. С. Воронцов прямо сформулировал цель школьного дела на южной окраине империи: «чтоб каждый туземец знал хорошо по-русски, а *каждый бы русский знал непременно не менее двух языков здешних* (курсив наш. – А. У., В. Щ.)» [Кавказ, 1849, № 18, 30 апр., с. 71]. В наместничество М. С. Воронцова были поставлены и регулярно представлялись публике пьесы на грузинском языке, в том числе знаменитая комедия князя Георгия Эристова «Раздел». Отметим, что на грузинские пьесы ходили сам наместник и вся его русскоязычная администрация. Весьма затруднительно такую политику считать политикой русификации.

Наместник оказывал покровительство не только грузинским культурным инициативам. В 1849 г. М. С. Воронцов способствовал началу издания в Тифлисе армянской литературной газеты «Арагат», для чего ему пришлось преодолеть сопротивление Кавказского комитета. На последнем моменте следует остановиться подробнее. Ф. Аммон описывает имперскую политику в отношении Грузии как нечто монолитное и единое, но исторические источники свидетельствуют о другом. Тифлис и Петербург по-разному представляли механизмы эффективной интеграции южной окраины в имперское пространство. Главноуправляющие и наместники сталкивались в служебно-иерархических войнах с царскими министрами. Особенно ожесточенным это противостояние было в 1844–1881 гг. [Урушадзе]. На теоретическом уровне разнообразие имперских ситуаций проанализировано в классической работе А. И. Миллера [Миллер], которой, как и многих других современных русскоязычных исследований, в библиографическом списке рецензируемой книги нет.

Ф. Аммон считает решающим этапом в политике русификации наместничество великого князя Михаила Николаевича (1862–1881). В подтверждение этого тезиса историк отмечает: «Переломным моментом стало ужесточение языковой политики в Грузии. Уже при великом князе Михаиле в 1871 г. преподавание грузинского языка в государственных гимназиях было заменено латинским и греческим в качестве обязательных дисциплин. Грузинский язык был понижен до статуса факультативного предмета» (с. 93). У читателя книги может сложиться впечатление, что российская администрация на Кавказе с 1871 г. приняла меры по тотальной дискриминации грузинского языка. В 1871 г. действительно произошло важное событие – в Российской империи был принят новый устав гимназий и прогимназий. Новые правила, разумеется, распространялись и на Тифлисскую и Кутаисскую губернии. К тому времени российские учебные заведения на Кавказе имели исключительное положение и в значительной степени находились за рамками общеимперских правил. Особый статус «кавказских» гимназий заключался в привилегиях их учеников, которым создавались максимально комфортные условия для продолжения обучения в российских университетах. И это не случайно: Российской империи нужны были квалифицированные чиновники, владеющие местными языками и разбирающиеся в особенностях традиционной культуры. Задаче подготовки полезных чиновников было подчинено все школьное дело на Кавказе, начиная с преобразований М. С. Воронцова.

Какие же перемены последовали с введением устава 1871 г.? Во-первых, необходимо отметить, что Ф. Аммон опрометчиво упрекает великого князя Михаила Николаевича в попытках как-то ограничить преподавание кавказских языков. Брат Александра II как раз был последовательным сторонником сохранения особого статуса гимназий Кавказского края, о чем свидетельствует его переписка с министром народного просвещения Д. А. Толстым. Именно великий князь Михаил Николаевич затянул гимназическую унификацию на несколько лет. Во-вторых, преподавание грузинского языка не заменялось греческим и латинским, классические языки являлись обязательной частью общей учебной программы российских гимназий, но в «кавказских» гимназиях обычно преподавался либо только один из них, либо оба, но в меньшем объеме, в сравнении с требованиями общеимперского гимназического устава. Выпускники гимназий южной окраины продолжали обучаться по особым программам и в университетах, где они освобождались от изучения некоторых иностранных языков. Если это и называть дискриминацией, то только позитивной. В 1871–1872 гг. министерство народного просвещения в лице влиятельного чиновника А. И. Георгиевского требовало от кавказской администрации лишь соблюдения общеимперских образовательных стандартов.

Однако кавказскому наместнику все же удалось отстоять исключительность учебных программ гимназий и прогимназий Кавказа,

выражением чего стали Правила о применении к учебным заведениям Кавказского учебного округа общих училищных уставов, утвержденные императором Александром II 22 ноября 1873 г. Преподавание местных языков, в том числе грузинского, сохранялось: в гимназиях – в течение первых четырех классов (из восьми), а в прогимназиях – на протяжении всего обучения. Преподавать кавказские языки могли как учителя гимназий за отдельную оплату, так и сторонние лица [ПСЗ-2, т. 48, ч. 2, с. 525].

Описывая имперскую политику русификации, Ф. Аммон указывает, что в 1880-х гг. на Кавказе было запрещено использовать (печатать) слово «Грузия». К сожалению, исследователь не приводит ссылки на запретительный документ, однако если открыть любой номер официальной газеты «Кавказ» за эти и последующие годы, то в каждом содержатся сведения о «расписании срочных почтовых экипажей по Военно-Грузинскому тракту», а, к примеру, в номере от 17 января 1888 г. в рубрике «Тифлисская жизнь» подробно описано празднование дня «равноапостольной Нины, просветительницы Грузии», в котором активное участие принял главноначальствующий гражданской частью на Кавказе С. А. Шереметев.

Репрессивная русификация, по мнению Ф. Аммона, вероятно, должна была привести к широкому распространению русского языка среди грузинского населения империи. Но на русском говорили в основном грузины Тифлиса, в остальных же регионах исторической Грузии (за исключением крупных городских центров) население почти не знало государственного языка. Это красочно описано в воспоминаниях Н. Н. Жордания – грузинского революционера и главы правительства Грузинской демократической республики в 1918–1921 гг. [Жордания, с. 1].

Все это показывает, что термины «оккупация» и «русификация», используемые в книге Ф. Аммона, не проясняют, а, напротив, запутывают изложение истории Грузии в составе Российской империи. Имперская политика на Кавказе, как и на других окраинах государства Романовых, была значительно сложнее и формировалась из различных центров власти, одним из которых был Тифлис. Многочисленное грузинское дворянство было одной из главных опор империи в регионе, а местные аристократические кланы зачастую пользовались высоким покровительством царских наместников. Россия выступила в качестве «собираательницы грузинских земель»: именно усилиями российских властей территория исторической Грузии вновь обрела целостность (Ф. Аммон упоминает это в книге). Поэтому при анализе истории грузинской интеграции в пространство Российской империи можно и нужно анализировать значение внутренней (региональной) интеграции Грузии.

Книгу Ф. Аммона трудно назвать объективным историческим исследованием, автор слишком увлекся поиском русско-грузинских противоречий, исторических предтеч и корней современных полити-

ческих конфликтов. Это негативно сказалось на ряде интерпретаций, представленных в его работе. Безусловно, положение грузинского общества в Российской империи не было идиллическим, но численность населения исторической Грузии неуклонно возрастала, грузины получали образование в российских университетах, генералы-грузины командовали частями императорской армии, а Тифлис приобрел основные черты современного Тбилиси.

В заключение отметим, что русские переводы картвелологических исследований английских, американских, немецких историков важны, они обогащают информационное пространство российского исторического кавказоведения, но едва ли не большее научное значение имеет перевод на западноевропейские языки работ российских авторов.

Список литературы

- Акты, собранные Кавказской археографической комиссией : в 12 т. Тифлис : Тип. Гл. упр-я наместника кавказского, 1866. Т. 1. XII, 816 с.
- Дубровин Н. Ф.* Георгий XII, последний царь Грузии и присоединение ее к России. 2-е изд. СПб. : Тип. Д. В. Чичинадзе, 1897. VIII, 254 с.
- Жордания Н.* Моя жизнь. Stanford : The Hoover Inst. Foreign Language Publ., 1968. XIV, 130 с.
- Кавказ. 1849. № 18. 30 апр.
- Ли Э.* Грузинский эксперимент: забытая революция 1918–1921 гг. М. ; СПб. : Нестор-История, 2019. 252 с.
- Миллер А. И.* Империя Романовых и национализм : Эссе по методологии исторического исследования. М. : Новое лит. обозрение, 2006. 240 с.
- Муханов В. М.* «Социализм виноградарей», или История Первой Грузинской республики: 1917–1921. М. : Кучково поле, 2019. 928 с.
- ПСЗ. Собр. 1. Т. 26.
- ПСЗ. Собр. 2. Т. 48. Ч. 2.
- Рейфилд Д.* Грузия. Перекресток империй : История длиной в три тысячи лет. М. : КоЛибри, 2019. 608 с.
- Скотт Э.* Свои чужаки : Грузинская диаспора и эволюция Советской империи. М. : Новое лит. обозрение, 2019. 384 с.
- Урушадзе А. Т.* Другая Кавказская война : Кавказский наместник vs царские министры (1844–1853 гг.) // Урал. ист. вестн. 2019. № 3 (64). С. 31–39. DOI 10.30759/1728-9718-2019-3(64)-31-39.
- Ammon Ph.* Georgien zwischen Eigenstaatlichkeit und russischer Okkupation: Die Wurzeln des russisch-georgischen Konflikts vom 18. Jahrhundert bis zum Ende der ersten georgischen Republik (1921). Frankfurt a/M : Klostermann : Vittorio, 2020. 238 S.
- Buchenau K.* Rev. of: Philipp Ammon, Georgien zwischen Eigenstaatlichkeit und russischer Okkupation. Die Wurzeln des russisch-georgischen Konflikts vom 18. Jahrhundert bis zum Ende der ersten georgischen Republik (1921). Klagenfurt ; Wien : Kitab-Verlag, 2015 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Vol. 67. 2019. № 2. P. 306–309.
- Lang D.* The Last Years of the Georgian Monarchy, 1658–1832. N. Y. : Columbia Univ. Press, 1957. 333 p.
- Suny R.* The Making of the Georgian Nation. Bloomington, Indianapolis : Indiana Univ. Press, 1994. 419 p.

References

Akty, sobrannyye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei v 12 t. [Acts Collected by the Caucasian Archaeological Commission. 12 Vols.]. (1866). Tiflis, Tipografiya Glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo. Vol. 1. XII, 816 p.

Ammon, Ph. (2020). *Georgien zwischen Eigenstaatlichkeit und russischer Okkupation: Die Wurzeln des russisch-georgischen Konflikts vom 18. Jahrhundert bis zum Ende der ersten georgischen Republik (1921)*. Frankfurt a/M, Klostermann, Vittorio. 238 S.

Buchenau, K. (2019). Rev. of: Philipp Ammon, *Georgien zwischen Eigenstaatlichkeit und russischer Okkupation. Die Wurzeln des russisch-georgischen Konflikts vom 18. Jahrhundert bis zum Ende der ersten georgischen Republik (1921)*. Klagenfurt, Wien, Kitab-Verlag, 2015. In *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Vol. 67. No. 2, pp. 306–309.

Dubrovin, N. F. (1897). *Georgii XII, poslednii tsar' Gruzii i prisoedinenie ee k Rossii* [George XII, the Last King of Georgia and Georgia's Accession to Russia]. St Petersburg, Tipografiya D. V. Chichinadze. VII, 254 p.

Kavkaz [Kavkaz]. (1849). No. 18. April 30.

Lang, D. (1957). *The Last Years of the Georgian Monarchy, 1658–1832*. N. Y., Columbia Univ. Press. 333 p.

Li, E. (2019). *Gruzinskii eksperiment: zabytaya revolyutsiya 1918–1921 gg.* [The Georgian Experiment: The Forgotten Revolution of 1918–1921]. Moscow, St Petersburg, Nestor-Istoriya. 252 p.

Miller, A. I. (2006). *Imperiya Romanovykh i natsionalizm. Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and Nationalism. An Essay on the Methodology of Historical Research]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 248 p.

Mukhanov, V. M. (2019). “*Sotsializm vinogradarei*”, ili *Istoriya Pervoi Gruzinskoi respubliki. 1917–1921* [“Socialism of Winegrowers”, or the History of the First Georgian Republic. 1917–1921]. Moscow, Kuchkovo pole. 928 p.

PSZ [Full Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. 26.

PSZ [Full Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 2. Vol. 48. Part 2.

Rayfield, D. (2019). *Gruzija. Perekrestok imperii. Istoriya dlinoi v tri tisyachi let* [Georgia. Crossroads of Empires. A Three-Thousand-Year History]. Moscow, KoLibri. 608 p.

Skott, E. (2019). *Svoi chuzhaki. Gruzinskaya diaspora i evolyutsiya Sovetskoi imperii* [Their Outsiders. The Georgian Diaspora and the Evolution of the Soviet Empire]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 384 p.

Suny, R. (1994). *The Making of the Georgian Nation*. Bloomington, Indianapolis, Indiana Univ. Press. 419 p.

Urushadze, A. T. (2019). *Drugaya Kavkazskaya voina: Kavkazskii namestnik vs tsarskie ministri (1844–1853 gg.)* [The Other Caucasian War: The Caucasian Viceroy vs the Ministers (1844–1853)]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 3 (64), pp. 31–39. DOI 10.30759/1728-9718-2019-3(64)-31-39.

Zhordaniya, N. (1968). *Moya zhizn'* [My Life]. Stanford, The Hoover Inst. Foreign Language Publ. XIV, 130 p.

The article was submitted on 13.02.2020

ОБ АВТОРАХ ON THE AUTHORS

Аманжолова Дина Ахметжановна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН.
117036, Россия, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.
ORCID 0000-0002-1684-2785
amanzholova19@mail.ru

Антошин Алексей Валерьевич, доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-6093-2219
alex_antoshin@mail.ru

Галкина Юлия Михайловна, кандидат исторических наук, ассистент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-4863-5027
iulia.galkina@urfu.ru

Голубцова Анастасия Викторовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН.
121069, Россия, Москва, ул. Поварская, 25а.
ORCID 0000-0002-1286-7707
ana1294@yandex.ru

Ермолаев Алексей Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Кемеровский государственный университет.
650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, 6.
ORCID 0000-0001-6903-5883
al-ermolaev@yandex.ru

Захаров Андрей Викторович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Лаборатория цифровых гуманитарных исследований, Челябинский государственный университет.
454001, Россия, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129.
ORCID 0000-0002-7827-8585
elural@yandex.ru

Кинг Френсис Уильям, PhD, преподаватель современной европейской истории, Университет Восточной Англии.
NR4 7TJ, Великобритания, Норидж.
ORCID 0000-0002-2233-7320
f.king@uea.ac.uk

Коскина Мария Михайловна, магистрант, Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова.
150003, Россия, Ярославль, ул. Советская, 14.
ORCID 0000-0002-6877-7647
maria14678@yandex.ru

Крестьянников Евгений Адольфович, доктор исторических наук, заведующий лабораторией исторической и экологической антропологии, Тюменский государственный университет.

625003, Россия, Тюмень, ул. Ленина, 23.

ORCID 0000-0002-5164-4741

krest_e_a@mail.ru

Ляпин Денис Александрович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и историко-культурного наследия, Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина.

399770, Россия, Елец, ул. Коммунаров, 28.

ORCID 0000-0002-2078-2404

lyapin-denis@yandex.ru

Нерар Франсуа-Ксавье, доктор исторических наук, старший преподаватель современной истории, Университет Париж 1 Пантеон-Сорбонна.

75005, Франция, Париж, ул. Сорбонны, 17.

ORCID 0000-0003-1397-1554

francois-xavier.nerard@univ-paris1.fr

Ользацка Эльжбета, PhD, доцент, Ягеллонский университет.

31-007, Польша, Краков, ул. Gołębia, 24.

ORCID 0000-0002-8025-9199

elzbieta.olzacka@uj.edu.pl

Онобль Эрик, PhD, старший преподаватель, Женевский университет.

1211, Швейцария, Женева, ул. Генерала Дюфура, 24.

ORCID 0000-0002-9859-0648

eric.aunoble@unige.ch

Папушина Анастасия, аспирант, Центрально-Европейский университет.

1100, Австрия, Вена, Quellenstraße, 51.

1051, Венгрия, Будапешт, ул. Nagor, 9.

ORCID 0000-0003-1427-3475

papushina_anastasia@phd.ceu.edu

Перри Морин, вице-президент Британской ассоциации славянских и восточноевропейских исследований (BASEES), почетный профессор, Бирмингемский университет.

B15 2TT, Великобритания, Бирмингем.

ORCID 0000-0003-2325-3564

m.p.perrie@bham.ac.uk

Петров Александр Юрьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; профессор, Московский государственный лингвистический университет.

119334, Россия, Москва, Ленинский пр., 32а.

119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1.

ORCID 0000-0002-1688-4096

alaska13@yandex.ru

Редин Дмитрий Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заместитель главного редактора журнала *Quaestio Rossica*, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-3431-1662

landrat14@mail.ru

Сафонов Александр Александрович, доктор юридических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.

ORCID 0000-0003-3577-5490

asafon1970@mail.ru

Свак Дюла, доктор исторических наук, профессор, Будапештский университет имени Лоранда Этвёша.

1053, Венгрия, Будапешт, Egyetem tér, 1–3.

szvakgyula@gmail.com

Туманова Анастасия Сергеевна, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.

ORCID 0000-0003-3469-7144

anastasiya13@mail.ru

Урушадзе Амиран Тариелович, кандидат исторических наук, доцент, Южный федеральный университет.

344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42.

ORCID 0000-0003-4624-007X

aturushadze@sfedu.ru

Файе Жан-Франсуа, PhD, профессор, Фрибурский университет.

1700, Швейцария, Фрибур, пр. Европы, 20.

ORCID 0000-0001-6554-8702

jean-francois.fayet@unifr.ch

Ходяков Михаил Викторович, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.

199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9.

ORCID 0000-0001-8469-2590

m.khodyakov@spbu.ru

Чемакин Антон Александрович, кандидат исторических наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9.

ORCID 0000-0001-6078-4044

a.chemakin@spbu.ru

Шкерин Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН.

620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

ORCID 0000-0003-3925-2873

shkerin_uit@mail.ru

Шубин Александр Владленович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; профессор, Российский государственный гуманитарный университет.

119334, Россия, Москва, Ленинский пр., 32а.

125993, Россия, Москва, Миусская площадь, 6.

historian905@gmail.com

Щербakov Вячеслав Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент, Южный федеральный университет.
344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42.
ORCID 0000-0002-8936-1907
vysherbakov@sfedu.ru

Amanzholova Dina, Dr. Hab. (History), Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.
19, Dmitry Ulyanov Str., 117036, Moscow, Russia.
ORCID 0000-0002-1684-2785
amanzholova19@mail.ru

Antoshin Alexey, Dr. Hab. (History), Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-6093-2219
alex_antoshin@mail.ru

Aunoble Éric, PhD, Senior Lecturer, University of Geneva.
24, rue du Général-Dufour, 1211, Geneva, Switzerland.
ORCID 0000-0002-9859-0648
eric.aunoble@unige.ch

Chemakin Anton, PhD (History), Senior Lecturer, St Petersburg State University.
7/9, Universitetskaya Embankment, 199034, St Petersburg, Russia.
ORCID 0000-0001-6078-4044
a.chemakin@spbu.ru

Fayet Jean-François, PhD, Professor, University of Fribourg.
20, Avenue de l'Europe, 1700, Fribourg, Switzerland.
ORCID 0000-0001-6554-8702
jean-francois.fayet@unifr.ch

Galkina Yulia, PhD (History), Assistant Lecturer, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-4863-5027
iulia.galkina@urfu.ru

Golubtsova Anastasia, PhD (Philology), Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.
25a, Povarskaya Str., 121069, Moscow, Russia.
ORCID 0000-0002-1286-7707
anal294@yandex.ru

Khodyakov Mikhail, Dr. Hab. (History), Professor, St Petersburg State University.
7/9, Universitetskaya Embankment, 199034, St Petersburg, Russia.
ORCID 0000-0001-8469-2590
m.khodyakov@spbu.ru

King Francis William, PhD, Lecturer in Modern European History, University of East Anglia.

NR4 7TJ, Norwich, United Kingdom.
ORCID 0000-0002-2233-7320
f.king@uea.ac.uk

Koskina Maria, Graduate Student, P. G. Demidov Yaroslavl State University.

14, Sovetskaya Str., 150003, Yaroslavl, Russia.
ORCID 0000-0002-6877-7647
maria14678@yandex.ru

Krestyannikov Evgeny, Dr. Hab. (History), Head of Laboratory of Historical and Ecological Anthropology, Tyumen State University.

23, Lenin Str., 625003, Tyumen, Russia.
ORCID 0000-0002-5164-4741
krest_e_a@mail.ru

Lyapin Denis, Dr. Hab. (History), Head of the Department of History and Historical and Cultural Heritage, Yelets State University named after I. A. Bunin.

28, Kommunarov Str., 399770, Yelets, Russia.
ORCID 0000-0002-2078-2404
lyapin-denis@yandex.ru

Nérard François-Xavier, Dr., Maitre de conférences en histoire contemporaine, Université Paris 1 Panthéon-Sorbonne.

17, rue de la Sorbonne, 75005, Paris, France.
ORCID 0000-0003-1397-1554
francois-xavier.nerard@univ-paris1.fr

Olzacka Elżbieta, PhD, Associate Professor, Jagiellonian University.

24, Gołębia Str., 31-007, Kraków, Poland.
ORCID 0000-0002-8025-9199
elzbieta.olzacka@uj.edu.pl

Papushina Anastasia, PhD Candidate, Central European University.

51, Quellenstraße, 1100, Vienna, Austria.
9, Nador Str., 1051, Budapest, Hungary.
ORCID 0000-0003-1427-3475
papushina_anastasia@phd.ceu.edu

Perrie Maureen, Vice President of the British Association for Slavonic and East European Studies (BASEES), Emeritus Professor, University of Birmingham.

B15 2TT, Birmingham, United Kingdom.
ORCID 0000-0003-2325-3564
m.p.perrie@bham.ac.uk

Petrov Alexander, Dr. Hab (History), Chief Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; Professor, Moscow State Linguistics University.

32a, Leninsky Ave., 119334, Moscow, Russia.
Bldg. 1, 38, Ostozhenka Str., 119034, Moscow, Russia.
ORCID 0000-0002-1688-4096
alaska13@yandex.ru

Redin Dmitry, Dr. Hab. (History), Professor, Deputy Chief Editor of *Quaestio Rossica* Journal, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-3431-1662
landrat14@mail.ru

Safonov Alexander, Dr. Hab. (Law), Professor, HSE University.
20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russia.
ORCID 0000-0003-3577-5490
asafon1970@mail.ru

Shcherbakov Vyacheslav, PhD (History), Associate Professor, Southern Federal University.
105/42, Bolshaya Sadovaya Str., 344006, Rostov-on-Don, Russia.
ORCID 0000-0002-8936-1907
vysherbakov@sfedu.ru

Shkerin Vladimir, Dr. Hab. (History), Leading Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
16, S. Kovalevskaya Str., 620990, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0003-3925-2873
shkerin_uit@mail.ru

Shubin Alexander, Dr. Hab. (History), Chief Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; Professor, Russian State University for the Humanities.
32a, Leninsky Ave., 119334, Moscow, Russia.
6, Miusskaya Sq., 125993, Moscow, Russia.
historian905@gmail.com

Szvák Gyula, Dr. Hab. (History), Professor, Eötvös Loránd University.
1-3, Egyetem tér, 1053, Budapest, Hungary.
szvakgyula@gmail.com

Tumanova Anastasia, Dr. Hab. (Law), Dr. Hab. (History), Professor, HSE University.
20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russia.
ORCID 0000-0003-3469-7144
anastasiya13@mail.ru

Urushadze Amiran, PhD (History), Associate Professor, Southern Federal University.
105/42, Bolshaya Sadovaya Str., 344006, Rostov-on-Don, Russia.
ORCID 0000-0003-4624-007X
aturushadze@sfedu.ru

Yermolaev Alexey, Dr. Hab. (History), Professor, Kemerovo State University.
6, Krasnaya Str., 650000, Kemerovo, Russia.
ORCID 0000-0001-6903-5883
al-ermolaev@yandex.ru

Zakharov Andrey, PhD (History), Associate Professor, Senior Researcher, Digital Humanities Laboratory, Chelyabinsk State University.
129, Brat'yev Kashirinykh Str., 454001, Chelyabinsk, Russia.
ORCID 0000-0002-7827-8585
elural@yandex.ru

СОКРАЩЕНИЯ ABBREVIATIONS

ГАИО – Государственный архив Ивановской области
GAIO – Gosudarstvennyi arkhiv Ivanovskoi oblasti

ГАИО – Государственный архив Иркутской области
GAIO – Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti

ГАКО (ДАКО) – Государственный архив Киевской области (Державний архів Київської області)
GAKO (DAKO) – Gosudarstvennyi arkhiv Kievskoi oblasti (Derzhavnii arkhiv Kiïvs'koï oblasti)

ГАОО – Государственный архив Омской области
GAOO – Gosudarstvennyi arkhiv Omskoi oblasti

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii

ГАСО – Государственный архив Свердловской области
GASO – Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti

ГАТО – Государственный архив Томской области
GATO – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti

ГАЯО – Государственный архив Ярославской области
GAYaO – Gosudarstvennyi arkhiv Yaroslavskoi oblasti

НАГ – Национальный архив Грузии
NAG – Natsional'nyi arkhiv Gruzii

НИА СПбИИ РАН – Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН
NIA SPbII RAN – Nauchno-istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея
OPI GIM – Otdel pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
OR RNB – Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
PSZ – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
PSRL – Polnoe sobranie russkikh letopisei

РГАВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота
RGAVMF – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv Voенno-morskogo flota

РГАДА – Российский государственный архив древних актов
RGADA – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
RGALI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
RGASPI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii

РГАЭ – Российский государственный архив экономики
RGAE – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki

РГИА – Российский государственный исторический архив
RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv

ЦГАВО (ЦДАВО) – Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (Центральный державний архів вищих органів влади та управління України)
TsGAVO (TsDAVO) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv vysshikh organov vlasti i upravleniya Ukrainy (Tsentral'nii derzhavnii arkhiv vishchikh organiv vladi ta upravlinnya Ukraїni)

ЦГАМО – Центральный государственный архив Московской области
TsGAMO – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskovskoi oblasti

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
TsGIA SPb – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga

ЦДООСО – Центр документации общественных организаций Свердловской области
TsDOOSO – Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsii Sverdlovskoi oblasti

ACICR – Archives du Comité international de la Croix-Rouge

АМАЕ – Ministère des Affaires Étrangères. Centre des Archives diplomatiques de La Courneuve

ВArch-MA – Bundesarchiv – Militärarchiv

НИА – Hoover Institution Archives

SHD/T – Service historique de la Défense, Terre

Научное издание

Quaestio Rossica

Vol. 9, 2021, № 1

Редакторы *Е. Березина*
А. Попович
Верстка *А. Матвеев*

Editors *Ekaterina Berezina*
Alexey Popovich
Imposition *Alexey Matveev*

Распространяется бесплатно

Дата выхода в свет 15.03.2021. Формат 70x100/16.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 34,9. Усл. печ. л. 37,5.
Тираж 500 экз. Заказ № 93.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru